ISSN 1561-7793

ВЕСТНИК
Томского государственного университета

2017. № 424. Ноябрь

- ФИЛОЛОГИЯ
- ИСТОРИЯ
- ПЕДАГОГИКА
- ПРАВО

- PHILOLOGY
- HISTORY
- PEDAGOGICS
- LAW

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL

2017. № 424. November

Свидетельство о регистрации СМИ № 018694
выдано Госкомпечати РФ 14 апреля 1999 г.

Подписной индекс в объединённом каталоге «Пресса России» 46740

Учредитель – Томский государственный университет

Founder – Tomsk State University

НАУЧНО-РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Э.В. Галажинский, д-р психол. наук, проф. (председатель); **И.В. Ивонин**, д-р физ.-мат. наук, проф. (зам. председателя); **В.В. Демин**, канд. физ.-мат. наук, доц. (зам. председателя); **Д.А. Катунин**, канд. филол. наук, доц. (отв. секретарь); **В.Н. Берцун**, канд. физ.-мат. наук, доц.; **Е.В. Борисов**, д-р филос. наук, проф.; **Д.С. Воробьев**, канд. биол. наук, доц.; **С.Н. Воробьев**, канд. биол. наук, ст. науч. сотр.; **А.А. Глазунов**, д-р техн. наук, проф.; **А.М. Горцев**, д-р техн. наук, проф.; **Л.С. Гринкевич**, д-р экон. наук, проф.; **С.К. Гураль**, д-р пед. наук, проф.; **Т.А. Демешкина**, д-р филол. наук, проф.; **Ю.М. Ершов**, д-р филол. наук; **В.П. Зиновьев**, д-р ист. наук, проф.; **В.И. Канов**, д-р экон. наук, проф.; **А.Г. Коротаев**, канд. физ.-мат. наук, ст. науч. сотр.; **И.Ю. Малкова**, д-р пед. наук, проф.; **В.П. Парначев**, д-р геол.-минерал. наук, проф.; **О.В. Петрин**, директор Издательского Дома Томского государственного университета; **Т.С. Портнова**, канд. физ.-мат. наук, доц., директор Издательства НТЛ; **А.И. Потекаев**, д-р физ.-мат. наук, проф.; **Л.М. Прозументов**, д-р юрид. наук, проф.; **З.Е. Сахарова**, канд. экон. наук, доц.; **Ю.Г. Слижов**, канд. хим. наук., доц.; **В.С. Сумарокова**, директор Издательства ТГУ; **С.П. Сущенко**, д-р техн. наук, проф.; **П.Ф. Тарасенко**, канд. физ.-мат. наук, доц.; **Г.М. Татьянин**, канд. геол.-минерал. наук, доц.; **В.А. Уткин**, д-р юрид. наук, проф.; **О.Н. Чайковская**, д-р физ.-мат. наук, проф.; **Э.И. Черняк**, д-р ист. наук, проф.; **В.Г. Шилько**, д-р пед. наук, проф.; **Э.Р. Шрагер**, д-р техн. наук, проф.

EDITORIAL COUNCIL OF TOMSK STATE UNIVERSITY

E. Galazhinsky, Dr. of Psychology, Professor (Chairman); **I. Ivonin**, Dr. of Physics and Mathematics, Professor (Vice Chairman); **V. Demin**, PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor (Vice Chairman); **D. Katunin**, PhD in Philology, Associate Professor (Executive Editor); **V. Bertsun**, PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor; **Ye. Borisov**, Dr. of Philosophy, Professor; **D. Vorobyov**, PhD in Biology, Associate Professor; **S. Vorobyov**, PhD in Biology, Senior Researcher; **A. Glazunov**, Dr. of Engineering, Professor; **A. Gortsev**, Dr. of Engineering, Professor; **L. Grinkevitch**, Dr. of Economics, Professor; **S. Gural**, Dr. of Education, Professor; **T. Demeshkina**, Dr. of Philology, Professor; **Yu. Yershov**, Dr. of Philology; **V. Zinoviev**, Dr. of History, Professor; **V. Kanov**, Dr.of Economics, Professor; **A. Korotaev**, PhD in Physics and Mathematics, Senior Researcher; **I. Malkova**, Dr. of Pedagogy, Professor; **V. Parnachev**, Dr. of Geology and Mineralogy, Professor; **O. Petrin**, Head of Tomsk State University Publishing House; **T. Portnova**, PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor, Director of Scientific and Technical Literature Publishing House; **A. Potekaev**, Dr. of Physics and Mathematics, Professor; **L. Prozumentov**, Dr. of Law, Professor; **Z. Sakharova**, PhD in Economics, Associate Professor; **Yu. Slizhov**, PhD in Chemistry, Associate Professor; **V. Sumarokova**, Director of TSU Publishing House; **S. Sushchenko**, Dr. of Engineering, Professor; **P. Tarasenko**, PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor; **G. Tatianin**, PhD in Geology and Mineralogy, Associate Professor; **V. Utkin**, Dr. of Law, Professor; **O. Chaikovskaya**, Dr. of Physics and Mathematics, Professor, **E. Chernyak**, Dr. of History, Professor; **V. Shilko**, Dr. of Education, Professor; **E. Shrager**, Dr. of Engineering, Professor

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор –
В.П. Зиновьев,
д-р ист. наук, профессор

Заместители главного редактора:
Е.В. Борисов,
д-р филос. наук, профессор
Т.А. Демешкина,
д-р филол. наук, профессор
В.А. Уткин,
д-р юрид. наук, профессор

Ответственный секретарь –
Д.А. Катунин,
канд. филол. наук, доцент

И.А. Айзикова,
д-р филол. наук, профессор
Р.Л. Ахмедшин,
д-р юрид. наук, профессор
Л.М. Прозументов,
д-р юрид. наук, профессор
П.П. Румянцев,
канд. ист. наук, доцент
А.Ю. Рыкун,
д-р социол. наук, профессор
В.А. Суровцев,
д-р филос. наук, профессор
В.Г. Шилько,
д-р пед. наук, профессор

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief
Vasiliy P. Zinoviev,
Doctor of History, Professor

Deputy Editors-in-Chief
Evgeny V. Borisov,
Doctor of Philosophy, Professor
Tatiana A. Demeshkina,
Doctor of Philology, Professor
Vladimir A. Utkin,
Doctor of Law, Professor

Executive Editor
Dmitry A. Katunin,
PhD in Philology, Associate Professor

Irina A. Aizikova,
Doctor of Philology, Professor
Ramil L. Akhmedshin,
Doctor of Law, Professor
Lev M. Prozumentov,
Doctor of Law, Professor
Petr P. Rumyantsev,
PhD in History, Associate Professor
Artem Yu. Rykun,
Doctor of Sociology, Professor
Valery A. Surovtsev,
Doctor of Philosophy, Professor
Victor G. Shilko,
Dr. of Education, Professor

Журнал индексируется в базе данных Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index.
Журнал индексируется в базе данных Russian Science Citation Index on Web of Science.

The Journal is indexed in the Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index.
The Journal is indexed in the Russian Science Citation Index on Web of Science.

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, входящих в международные реферативные базы данных и системы цитирования, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук», Высшей аттестационной комиссии.

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

**ВЕСТНИК
ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА**

Мультидисциплинарный научный журнал

№ 424 Ноябрь 2017

MINISTRY OF EDUCATION AND SCIENCE
OF THE RUSSIAN FEDERATION

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL

Multidisciplinary scientific journal

№ 424 November 2017

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОЛОГИЯ

Гатауллина К.Н. Реализация Европейской хартии региональных языков или языков меньшинств в Соединенном Королевстве: состояние и перспективы 5
Грудева Е.В., Соловьева С.А. Синтаксический повтор как средство монтажного принципа организации текста 12
Константинова А.А. Паремии в дискурсе англоязычной популярной песни 16
Миклашевский А.А. О высоком и низком: пространственная семантика абстрактных и конкретных существительных 26
Никитина Н.А., Тулякова Н.А. Locus iste locorum: облики сада в «Перламутровом ларце» А. Франса 35
Сумцова О.В. Русские переводы романа «установленного факта» «It Is Never Too Late to Mend» Чарльза Рида: к проблеме множественности художественного перевода 44

ИСТОРИЯ

Антонов А.Е. Гражданское движение за Кёльн 54
Белоглазова С.Б. Реформа ведомственных школ на Китайско-Восточной железной дороге во второй половине 1920-х гг. 58
Грибовский М.В. «Не дело студентов назначать себе преподавателей»: конфликты между профессорами и студентами российских университетов на рубеже XIX–XX вв. 67
Комлева Е.В. «Место злоупотреблений и беззаконий»: Туруханск в конце XVIII – начале XIX в. 74
Кулемзин В.М., Холюшкин Ю.П. Системная библиографическая классификация этнографической историографии 80
Малиновский В.В. Роль партийного идеологического контроля в процессе развития высшей школы Алтайского края в 40–80-х гг. XX в. 89
Мациевский Г.О. Государство и казачество: поиск путей возрождения 97
Морев В.А. История омской телефонной сети (1904–1919 гг.) 105
Никиташина С.О. Горный институт императрицы Екатерины II как главный центр подготовки специалистов горного дела (1896–1917 гг.) 111
Новичков В.С. Основные направления национальной политики в СУАР КНР после 2000 г. 116
Серазетдинов Б.У. История деятельности геологических учреждений Западной Сибири по созданию минерально-сырьевой базы в годы Великой Отечественной войны 123
Соколов Н.Н., Шебалкина И.Е. Анализ парадоксов политики Pax Americana в исторической ретроспективе (дискуссии в «мозговых центрах» США) 133
Тишкин А.А., Горбунов В.В., Серегин Н.Н. Тюркские оградки археологического памятника Баян булаг-II в Монгольском Алтае: результаты исследований и комплексного анализа 136
Федоров А.Н. «Дело челябинского комсомола» 1949 г.: о работе региональных комитетов ВЛКСМ в послевоенный период 145
Федяева В.О. Исторический кинематограф сквозь призму лакановского психоанализа: подход Николаса Хейдока 154
Фоминых С.Ф., Степнов А.О. Русская революция 1917 г. и Томский университет в воспоминаниях Л.В. Арнольдова 158
Харусь О.А. Юридическая интеллектуальная элита Томска в начале XX века: contra революция (из теоретического наследия И.А. Малиновского и И.В. Михайловского) 168

CONTENTS

PHILOLOGY

Gataullina K.N. Application of the European Charter for Regional or Minority Languages in the United Kingdom: modern state and prospects 5
Grudeva E.V., Solovyova S.A. Syntactic repetition as a means of text montage structure 12
Konstantinova A.A. Paremias in the discourse of English-language popular songs 16
Miklashevsky A.A. About the high and the low: spatial semantics of abstract and concrete nouns 26
Nikitina N.A., Tuliakova N.A. *Locus iste locorum*: images of the garden in A. France's *L'Étui de nacre* 35
Sumtsova O.V. Russian translations of the matter-of-fact-romance *It Is Never Too Late to Mend* by Ch. Reade: on literary translation multiplicity 44

HISTORY

Antonov A.E. The Pro Cologne Citizen's Movement 54
Beloglazova S.B. The reform of departmental schools at the Chinese Eastern Railway in the second half of the 1920s 58
Gribovskiy M.V. "It is none of students' business to appoint teachers themselves": conflicts between professors and students of Russian universities at the turn of the 20th century 67
Komleva E.V. "The place of abuses and illegalities": Turukhansk in the late 18th – early 19th centuries 74
Kulemzin V.M., Kholyushkin Yu.P. The system bibliographical classification of ethnographic historiography 80
Malinovsky V.V. The role of the party's ideological control in the higher education development in the Altai region in the 1940s–1980s 89
Matsievsky G.O. The state and the Cossacks: searching for ways of revival 97
Morev V.A. History of the Omsk telephone network (1904–1919) 105
Nikitashina S.O. The Mining Institute of Empress Catherine II as the main center of training specialists in mining (1896–1917) 111
Novichkov V.S. Priorities of ethnic policy in the Xinjiang Uyghur Autonomous Region, China, since 2000 116
Serazetdinov B.U. The history of West Siberian geological institutions on the creation of the mineral resource base in the years of the Great Patriotic War 123
Sokolov N.N., Shebalkina I.Ye. Analysis of paradoxes of the Pax Americana policy in a historical retrospective (discussions in the US think tanks) 133
Tishkin A.A., Gorbunov V.V., Seregin N.N. Turkic enclosures of the Bayan Bulag-II archaeological site in the Mongolian Altai: results of research and complex analysis 136
Fedorov A.N. The "Chelyabinsk Komsomol Case", 1949: on the work of regional committees of the All-Union Leninist Young Communist League in the post-war period 145
Fedyaeva V.O. Historical cinematography through the lens of Lacan's psychoanalysis: the approach of Nicholas Haydock 154
Fominykh S.F., Stepnov A.O. The Russian revolution of 1917 and Tomsk University in the memoirs of L.V. Arnoldov 158
Kharus O.A. The legal elite of Tomsk in the early twentieth century: *contra* the revolution (based on theoretical writings by I.A. Malinovskiy and I.V. Mikhailovskiy) 168

Щетинина А.С. Обзор фондов и документов Государственного архива Томской области о беженцах Первой мировой войны 175

ПЕДАГОГИКА

Дмитриев С.В., Загревская А.И. Историко-психологический анализ онтодидактики как философской основы современного образования 179
Радаева С.В., Неупокоев С.Н., Бредихина Ю.П., Медведева Е.В. Показатели электрической активности мышц верхних конечностей, туловища и вегетативного обеспечения начинающих боксеров при выполнении ударных движений различного типа мышечного напряжения 187

ПРАВО

Андреева О.И., Зайцев О.А. Допустимые пределы ограничения действия принципов уголовного судопроизводства (на примере принципа презумпции невиновности) 193
Ахмедшина Н.В., Ахмедшин Р.Л. О генезисе понятия «серийный преступник» 199
Баранов А.М. Перманентное изменение уголовно-процессуального закона как свойство современной законности 204
Галковская Н.Г. О некоторых спорных моментах правовой регламентации новой категории административных дел о защите интересов несовершеннолетнего или лица, признанного в установленном порядке недееспособным, в случае отказа законного представителя от медицинского вмешательства, необходимого для спасения жизни (глава 31.1 КАС РФ) 208
Григорьев В.Н. Шансы больного выжить при экстрадиции (лакуны в законодательстве как условие злоупотребления правом) 216
Зацепина О.Е. Соотношение правовых презумпций и иных средств юридической техники 226
Кванина В.В. Понятие и виды правовых режимов предпринимательской деятельности 234
Рабец А.М. Соотношение гражданско-правого положения несовершеннолетних и их законных представителей в договорных и деликтных обязательствах (проблемы теории и практики) 241

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ 247

Shchetinina A.S. Overview of the funds and documents of the State Archive of Tomsk Oblast about the First World War refugees 175

PEDAGOGICS

Dmitriev S.V., Zagrevskaya A.I. The historical-psychological analysis of ontodidactics as the philosophical foundation of modern education 179
Radaeva S.V., Neupokoev S.N., Bredikhina Yu.P., Medvedeva E.V. Indicators of the electrical activity of muscles of the upper extremities, torso and vegetative provision of beginning boxers when performing punch movements of various types of muscular tension 187

LAW

Andreeva O.I., Zaytsev O.A. Allowable limits for restricting the action of criminal proceedings principles (based on the presumption of innocence principle) 193
Akhmedshina N.V., Akhmedshin R.L. On the genesis of the concept “serial criminal” 199
Baranov A.M. Permanent changes in the criminal procedure law as a property of modern law 204
Galkovskaya N.G. On some controversial aspects of the legal regulation of a new category of administrative cases on the protection of the interests of a minor or a person recognized as legally incapable in the event of the refusal of the legal representative from medical intervention necessary for saving lives (Chapter 31.1 of the RF Administrative Procedure Code) 208
Grigoryev V.N. The patient’s chances of surviving extradition (lacunae in legislation as a condition of abuse of law) 216
Zatsepina O.E. The ratio of legal presumptions and other tools of the legal method 226
Kvanina V.V. Concept and types of legal regimes of entrepreneurship 234
Rabets A.M. The correlation of the civil status of minors and of their legal representatives in contractual and tort obligations (problems of theory and practice) 241

BRIEF INFORMATION ABOUT THE AUTHORS 247

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 81'272

К.Н. Гатауллина

РЕАЛИЗАЦИЯ ЕВРОПЕЙСКОЙ ХАРТИИ РЕГИОНАЛЬНЫХ ЯЗЫКОВ ИЛИ ЯЗЫКОВ МЕНЬШИНСТВ В СОЕДИНЕННОМ КОРОЛЕВСТВЕ: СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Изучены социолингвистические аспекты развития региональных языков, что является актуальной проблемой современного мира, в котором огромную роль играют глобализационные тенденции. В данных условиях региональные и миноритарные языки становятся особенно уязвимыми. Рассмотрен опыт Соединенного Королевства в реализации языковой политики с момента ратификации Европейской хартии региональных языков или языков меньшинств. Четыре цикла отчетности позволяют изучить современное состояние языковой политики и выявить проблемные моменты при реализации целей и задач Хартии. Представлены рекомендации Совета экспертов по дальнейшей работе правительства.

Ключевые слова: языковая политика; Европейская хартия региональных языков или языков меньшинств; валлийский язык; гаэльский язык; ирландский язык.

Глобальный мир предъявляет новые требования большинству процессов человеческого взаимодействия. Коммуникация в данном контексте становится одним из концептуальных сегментов глобализационных трендов. Стандартизация механизмов взаимодействия, свойственная глобальному миру, особенно активно отражается на языках. Региональные языки на современном этапе попадают в ситуацию замедления процессов функционального развития. Эта проблема рассматривается в русле социолингвистической науки и на сегодня является одной из наиболее актуальных в современном языкознании. Функциональная сторона языка, его положение в обществе, государственное регулирование языковой политики находят отражение в научных работах зарубежных и отечественных социолингвистов (Д. Фишман, Ч. Фергюсон, Г. Клосс, В.М. Алпатов, А.Д. Швейцер, В.Д. Никольский, Л.К. Байрамова, Э.Ф. Володарская и др. [1–8]). Вопросам изучения международного опыта языковой политики посвящены научные изыскания таких ученых, как Д.Н. Мустафина, Е.Б. Гришаева, Л.Р. Славина [9–11].

Европейская хартия региональных языков или языков меньшинств (далее – Хартия) является уникальным документом, цель которого – сохранение и возрождение региональных языков. Возможность беспрепятственно общаться на своем родном языке соответствует основополагающим идеям Конвенции Европейского Совета о защите прав человека и основных свобод. Помимо этого, региональные языки, согласно Хартии, нуждаются в сохранении, поскольку благодаря им мы можем проследить и возродить культурную самобытность народа. Культурное и языковое многообразие способствует построению поликультурной и демократичной Европы, в которой учтены интересы каждого.

Хартия была подписана 5 ноября 1992 г. в Страсбурге. Структурно Хартия состоит из преамбулы и пяти частей и составлена на двух языках: английском и французском. В части I (ст. 1–6) обозначены основные положения: даются определение понятию «региональный язык» и другая терминология, говорится о соответствии Хартии основным положениям Устава ООН и Европейской Конвенции о защите прав человека. Часть II (ст. 7) подробно раскрывает цели данного документа: признание региональных языков и языков меньшинств, их поддержка и развитие, устранение всех ограничений, наложенных на использование регионального языка. Часть III Хартии (ст. 8–14) – меры по содействию использования региональных языков в большинстве общественных сфер: образование, судопроизводство, административные органы и государственные службы, средства массовой коммуникации, культурная сфера, экономическая и социальная жизнь, трансграничные контакты и межгосударственные обмены. Часть IV (ст. 15–17) устанавливает порядок предоставления периодических отчетов об этапах реализации Хартии и его оценки экспертной комиссией. Заключительная пятая часть Хартии (ст. 18–23) регламентирует процедуру подписания и ратификации документа и сроков начала реализации [12. С. 18].

Великобритания подписала Хартию 3 марта 2000 г. На момент ее подписания языковая ситуация Великобритании является многокомпонентной несбалансированной экзоглоссной языковой ситуацией, так как на территории страны используются различные региональные языки. Несмотря на отсутствие закона, признающего английский официальным языком, он выполняет роль языка-макропосредника, а региональные языки, в свою очередь, находятся на грани исчезновения [13. С. 71]. Соответственно, Правительство Великобритании предпринимает меры по сохранению языкового разнообразия на своей территории.

Великобритания ратифицировала Хартию 27 марта 2001 г. и на данный момент прошла четыре цикла отчетности (четвертый отчет был предоставлен в марте 2013 г.) Пятый отчет ожидается в 2017 г. Фактически за реализацию Хартии в Великобритании отвечают три региональных правительства: Правительство Уэльса (валлийский язык), Правительство Шотландии (шотландский и гаэльский языки) и Ассамблея Северной Ирландии (ирландский и ольстерско-шотландский языки). Помимо перечисленных языков, на территории Великобритании существуют еще два региональных языка, попадающих под действие Хартии: корнский в графстве Корнуолл и мэнский на острове Мэн. Ко всем перечисленным языкам применяется часть II (ст. 7)

Хартии, а в соответствии с частью III (ст. 8–14) правительство предпринимает меры относительно валлийского, ирландского и гаэльского языков [14].

Для объективной картины функционального состояния региональных языков Великобритании количественные параметры объединены в таблице.

Соотношение населения и числа говорящих на региональном языке за 2001–2011 гг.

Показатель	Уэльс / валлийский язык		Шотландия / гаэльский язык		Северная Ирландия / ирландский язык	
Перепись, год	2001	2011	2001	2011	2001	2011
Население, чел.	2 910 000	3 060 000	5 062 000	5 295 403	1 685 400	1 811 863
Число говорящих (%)	582 000 (20%)	562 000 (18%)	59 000 (1,2%)	58 000 (1,1%)	167 489 (10%)	199 210 (11%)

Ратификации Хартии предшествовало принятие следующих законодательных актов:

1981 г. – Британский национальный закон: согласно данному закону владение гэльским, английским или валлийским соответствует одному из условий получения гражданства Британии.

Валлийский язык:

– законы о валлийском языке 1967 и 1993 гг. Первый гласил об использовании валлийского языка в судах и создании копий государственных документов на валлийском языке. Основным положением второго закона является организация Совета по валлийскому языку и установление равноправия между английским и валлийским языком;

– параграф 32 Закона правительства Уэльса 1998 г. позволяет Национальной Ассамблее прибегать к любым мерам, способствующим распространению и укреплению позиций валлийского языка.

Гаэльский язык:

– закон об образовании в Шотландии (1980 г.): обучение гэльскому в школах и вузах;

– закон о стандартах в шотландских школах (2000 г.);

– законы о телевещании 1990 и 1996 гг.;

– закон о малых лендлордах в Шотландии (1911 г.). Согласно данному закону один из представителей в Шотландском земском суде должен говорить на гэльском языке;

– закон о местном правительстве (1997 г.), позволяющий местным властям принять гэльское название;

– закон о правилах движения (1984 г.): согласно параграфу 12(4) шотландское правительство разрешает двуязычные дорожные знаки (на гэльском и английском языках).

Ирландский и ольстерско-шотландский:

– закон об образовании в Северной Ирландии (1989 г.): обучение ирландскому языку является неотъемлемой частью учебного плана;

– Белфастское соглашение от 10 апреля 1998 г.: правительство Соединённого королевства и Северной Ирландии обязуются поддерживать и языковое многообразие;

– закон об образовании в Северной Ирландии (1998 г.): поддержка образования на ирландском языке;

– закон о местном правительстве Северной Ирландии (1995), позволяющий билингвальное название улиц: английском и ирландском или английском и ольстерско-шотландском [15. С. 5].

Первый цикл отчетности. Во время первого цикла отчетности комиссия экспертов отмечает, что региональные языки Великобритании находятся в сложном положении из-за глобального влияния английского языка, однако одобряется механизм внедрения Хартии: валлийский, гаэльский, ирландский языки имеют отдельный подход. Помимо этого, Соединенное Королевство активно занимается развитием корнского и мэнского языков. Политика разделения власти в отношении региональных языков или языков меньшинств приветствуется комиссией экспертов, так как каждый язык рассматривается индивидуально и учитывается действительное состояние языка.

Валлийский язык. На Совет экспертов произвели позитивное впечатление меры, предпринятые в Уэльсе, и степень защищенности валлийского языка. Однако некоторые моменты на период первого отчета вызывали озабоченность: недостаточный объем преподавания на валлийском в высших и профессиональных учебных заведениях; ограниченное использование языка в системе здравоохранения (правительство Уэльса само признает необходимость работы в данном секторе).

Гаэльский язык. В отношении гаэльского языка правительством Шотландии был создан новый Совет гаэльского языка, но отсутствовали чёткие указания правительства по исполнению обязанностей согласно Хартии; гаэльский язык был недостаточно представлен в теле- и радиовещании, наблюдалось недостаточное использование языка в судопроизводстве и административных делах.

Ирландский язык. Совет экспертов одобряет основательную работу Северной Ирландии по выполнению обязательств относительно ирландского языка. Однако существуют моменты, требующие исправления. Согласно отчету ирландский язык мало представлен в сфере теле- и радиовещания.

Ольстерско-шотландский язык. В отношении данного языка были установлены цели по защите и продвижению, данный факт признан позитивным для языковой политики Северной Ирландии.

Корнский язык. Совет экспертов отмечает, что правительство Корнуолла принимает активные меры по защите и возрождению языка [16. С. 58].

В соответствии с представленной информацией Совет экспертов выдвинул следующие рекомендации:

– увеличение доступности начального и среднего образования на гэльском;

– создание органа контроля за валлийским и гэльским языками в системе образования;

– предоставление информации и указаний, относительно выбранных мероприятий, лицам, ответственным за работу с гэльским языком в образовании и административной сфере;

– создание (гаэльский) и улучшение (ирландский) радио- и телевещания;

– укрепление позиций валлийского языка в системе здравоохранения и общественной жизни;

– создание условий для использования шотландского и ольстерско-шотландского в общественной жизни посредством взаимодействия с носителями языка и языковой политики.

Второй цикл отчетности. По результатам отчета второго цикла, который был сдан 23 августа 2005 г., Совет экспертов выявил, что до сих пор нет четкой согласованности между центральным и региональными правительствами: это осложняет процесс оценки предпринятых мероприятий.

Валлийский язык. Уэльс продолжает усиленно способствовать распространению и укреплению позиций валлийского языка. Обучение на валлийском языке представлено в целом хорошо, за исключением среднего, технического и профессионального образования, где наблюдается слабовыраженное использование валлийского языка. Инструмент контроля образования до сих пор отсутствует. Намечен прогресс в сфере экономики, здравоохранения, общественной жизни: созданы программы по внедрению валлийского, но на практике существенных изменений не произошло (оба замечания имели место в рекомендациях Совета экспертов первого цикла).

Гаэльский язык. Относительно гаэльского в системе образования Совет экспертов отмечает значительные успехи: созданы качественные учебные материалы, учреждена первая автономная средняя общеобразовательная школа гаэльского языка. Однако существует необходимость создания четкой образовательной политики в отношении гаэльского языка. Культурная сторона языка продолжает развиваться: создается телевидение на гэльском языке, но недостаточно представлена пресса [17. С. 62].

Ирландский язык. В случае с Северной Ирландией Совет экспертов указывает на отсутствие ясной языковой политики: правительство усиленно старается увеличить число говорящих на ирландском языке, но не учитываются в полной мере последствия, например, для системы образования. Обучение на ирландском языке выглядит перспективным, но отсутствует достаточное количество учебного материала, не продумано обучение преподавателей. Обучение на ирландском языке ведется только в начальной школе. Получена лицензия на создание частного радио на ирландском языке.

Ольстерско-шотландский язык. Совет экспертов высказывает мнение о том, что развитие национальной политики по поддержке ольстерско-шотландского языка прекратилось. Отсутствие единого стандарта отражается в уменьшении использования языка в повседневной жизни. Стоит отметить, что существуют некоторые изменения в отношении ольстерско-шотландского языка: приняты программы об использовании языка при обращении к правительству, создана академия ольстеско-шотландского языка, разработан курс обучения ольстерско-шотландскому языку.

Корнский язык. Стратегия развития корнского языка может лечь в основу как руководство к реализации языковой политике, но внедрение мер относительно корнского языка осложняется существованием различных орфографий: соответственно, необходимо свести их к единому образцу. В системе образования необходимы учебные материалы и подготовка преподавателей.

Мэнский язык. Согласно отчету мэнский язык широко используется среди молодого поколения. Правительство способствует использованию мэнского языка в общественной сфере и в образовании как языка обучения. Серьезной проблемой является нехватка обученных преподавателей.

Экспертами отмечается, что необходимо привить англоязычному большинству Англии идею уважения, понимания и терпимости к региональным языкам, существующим в Великобритании.

Рекомендации Совета экспертов после анализа отчета второго цикла:

– разработать и внедрить ясную образовательную политику для гаэльского языка;

– разработать ясную образовательную политику для ирландского языка, учитывая все требования;

– создать условия для дальнейшего обучения на валлийском языке в средней школе и инструмент контроля прогресса обучения на валлийском языке;

– увеличить поддержку печатных изданий на гэльском языке;

– предпринимать дальнейшие шаги в обеспечении услуг здравоохранения и общественной сферы на валлийском языке;

– усилить попытки улучшить положение шотландского и ольстерско-шотландского языков [17. С. 63].

Третий период отчетности. В третьем периоде отчетности Совет экспертов отмечает наличие значительных улучшений по сравнению с прошлыми циклами.

Валлийский язык. Правительство Ассамблеи Уэльса продолжает комплексную политику в отношении валлийского языка. Созданы инструменты контроля и отчетности по результатам обучения на валлийском языке. В мае 2009 г. правительством издан проект стратегии образования на валлийском языке. На административном уровне продолжаются попытки внедрения проектов по валлийскому языку. Однако употребление валлийского языка в сфере здравоохранения выражено в недостаточной мере.

Гаэльский язык. В Шотландии начали действовать Совет гаэльского языка и пять правительственных учреждений, включая Парламент Шотландии, был принят план по развитию гаэльского языка. Гаэльский язык находится на грани вымирания, и основной задачей правительства Шотландии является увеличение числа говорящих. Стратегия обучения гэльскому принята и находится на начальном этапе реализации. Основная проблема – нехватка преподавателей и обучающих материалов. Наметился заметный прогресс в использовании гаэльского языка в административной сфере. Значительным улучшением считается создание

гаэльского канала BBCAlba, но ухудшилась ситуация с печатными изданиями.

Ирландский язык. Советом экспертов отмечено ухудшение ситуации относительно ирландского языка за исключением сферы образования. Однако обучение на ирландском языке в недостаточной мере представлено на всех уровнях. Несмотря на тот факт, что местные органы власти приняли план по развитию ирландского языка и ввели в штат чиновников, говорящих на ирландском, ситуация в целом остаётся неудовлетворительной. Будущее фонда ирландского телевидения (IrishBroadcastingFund) остаётся под вопросом, так как нет определенного источника финансирования; ирландская ежедневная газета La прекратила своё существование. Согласно закону Северной Ирландии необходимо принять стратегию улучшения и защиты ирландского языка. Однако в отличие от других регионов, в Ирландии отсутствует законодательная база для защиты ирландского языка [18. С. 58].

Шотландский язык. Шотландская исполнительная власть провела аудит шотландского языка и поставила задачи определить дальнейшие возможности его развития и продвижения. Финансирование программы развития поступает со стороны правительства. Среди населения отмечена высокая степень признания и уважения к языку. В перепись населения 2011 г. были включены вопросы на шотландском.

Ольстерско-шотландский язык. Данный язык до сих пор отсутствует в общественной жизни. Проект академии ольстерско-шотландского языка не был реализован. Отсутствуют изменения и развитие в сфере образования. Положения закона Северной Ирландии (2006) требуют принятия стратегии улучшения и развития ольстерско-шотландского языка.

Корнский язык. Организовано товарищество корнского языка, в которое входят представители власти и носители языка. Согласован единый орфографический стандарт корнского языка. Принимаются шаги по популяризации языка в обществе.

Мэнский язык. Правительство острова Мэн усиленно продолжает поддерживать язык. Внедрению мэнского языка препятствует недостаточное количество преподавателей. Среди населения мэнский язык остаётся популярным [18. С. 60].

Совет экспертов повторно заявляет о необходимости воспитывать толерантность и уважение к региональным языкам среди англоязычного большинства Соединённого Королевства.

Рекомендации Совета экспертов правительству Соединённого Королевства по результатам анализа отчета третьего цикла:

– продолжать решительную политику по защите и продвижению гаэльского языка, особенно необходимо усилить действия в сфере образования (обучение преподавателей и разработка учебных материалов);

– принять и внедрить чёткую языковую политику в отношении ирландского языка;

– создать условия для предоставления услуг здравоохранения на валлийском языке;

– принять стратегию по развитию ольстерско-шотландского языка в кооперации с носителями языка.

Четвертый цикл отчетности. В ходе анализа четвёртого и на данный момент заключительного отчета Совет экспертов отмечает, что правительство Соединённого Королевства в полной мере предоставило информацию согласно требованиям Совета экспертов.

Валлийский язык. Совет валлийского языка распущен и заменён на Комиссию валлийского языка. Основные функции Совета валлийского языка выполняются Правительством Уэльса. По результатам переписи населения 2011 г., число говорящих на валлийском языке значительно уменьшилось. Помимо стабильно хороших результатов обучения на валлийском языке в начальной школе, отмечены позитивные результаты использования валлийского языка в сфере профессионального образования благодаря финансированию и программам Национального колледжа валлийского языка (ColegCymraegCenedlaethol). Финансирование валлийского канала S4C сократилось на 24%, но создано новое субсидирование с привлечением BBC. В сфере здравоохранения были учтены прошлые рекомендации Совета экспертов, однако требуется дальнейшая работа в данной сфере [19. С. 36].

Гаэльский язык. Гаэльский язык продолжает находиться под угрозой вымирания. Несмотря на предпринятые шаги и поддержку власти, положение гаэльского языка нестабильно в основном из-за отсутствия педагогов, учебных материалов. В сфере администрации приняты дальнейшие меры по поддержке языка. Гаэльский канал BBCAlba стал популярным среди населения.

Ирландский язык. Проблемы, выявленные в ходе анализа предыдущего отчёта, продолжают существовать. Работа Совета экспертов затрудняется из-за недостатка информации, предоставляемой правительством Северной Ирландии. На всех уровнях наблюдается отсутствие прогресса. Субсидирование фонда ирландского телевидения нестабильно, однако сотрудничество с TG4 (ирландское телевидение) поспособствовало значительному улучшению доступности ирландского телевидения. Проблемы с доступностью ирландского радио не устранены.

Шотландский язык. Относительно данного языка отмечены значительные улучшения. Изучение шотландского языка включено в учебный план Шотландским правительством.

Ольстерско-шотландский язык. В общественной жизни до сих пор не употребляется. Отсутствуют квалифицированные педагоги для возрождения ольстерско-шотландского языка. В 2010 г. был создан новый фонд ольстерско-шотландского телевидения (Ulster-ScotsBroadcastingFund).

Корнский язык. Товарищество корнского языка является основным органом продвижения и возрождения корнского языка. Положение корнского языка усилилось благодаря созданию Совета Корнуолла. Однако возможное сокращение субсидирования со стороны центрального правительства в попытках сократить общественные расходы может негативно повлиять на попытки возродить язык. Корнский язык используется в дошкольном образовании, и существует растущая потребность использования корнского в начальной школе. Отмечена стабильность в обучении взрослых.

Мэнский язык. Поддержка со стороны правительства острова Мэн остаётся сильной. Общественные действия способствуют продвижению мэнского языка в обществе, включая Интернет и социальные сети.

Совет экспертов повторно заявляет о необходимости воспитания толерантности и уважения к региональным языкам среди англоговорящего населения.

Совет экспертов повторяет свои рекомендации относительно гаэльского, ирландского и шотландского языков. Дополнительные рекомендации по четвёртому циклу:

– усилить поддержку работы Агенства ольстерско-шотландского языка;

– организовать поддержку корнского языка со стороны центрального правительства;

– гарантировать, что сокращение общественных расходов не повлияет на защиту и продвижение региональных языков [19. С. 37].

По результатам четырех циклов отчетности можно отметить, что наиболее успешно проходит введение регионального языка в систему образования, особенно в начальной школе.

Трудности возникают из-за недостатка учебного материала и квалифицированных преподавателей. Можно предположить, что создание инструмента контроля в образовании и обучение на региональном языке – сложный и трудоемки процесс, поскольку Совет экспертов неоднократно выносит данные пункты в рекомендации к циклам. В административной сфере, здравоохранении и СМИ региональные языки представлены в недостаточной степени, причиной этому могло послужить отсутствие чёткой и распланированной языковой политики регионального правительства.

Относительно регионов успешная политика по сохранению и возрождению регионального языка представлена в Уэльсе, позитивные тенденции намечены в графстве Корнуолл и на острове Мэн. Политика Шотландии и Северной Ирландии не в полной мере реализует поставленные цели, однако, согласно четвертому отчету, правительство Шотландии возобновило работу по возрождению региональных языков [20–25].

ЛИТЕРАТУРА

1. Fishman J. Language loyalty in the United States. The Hague : Mouton, 1966. 392 p.
2. Ferguson Ch. Sociolinguistic perspectives: Papers on language in society, 1959–1994 / ed. by T. Huebner. N.Y., 1996. 348 p.
3. Kloss H. Types of multilingual communities: discussion of teh variables «Explorations in sociolinguistics» // International Journal of Amerikan Linguistics. 1967. Vol. 33, № 4.
4. Алпатов В.М. Языковая политика в РСФСР 1918–1991 // Res linguistica. М., 2000. С. 219–226.
5. Швейцер А.Д. Современная социолингвистика: теория, проблемы, методы. М. : Наука, 1977. 176 с.
6. Никольский Л.Б. Языковая политика как форма сознательного воздействия общества на языковое развитие // Язык и общество. М., 1968. С. 83–110.
7. Байрамова Л.К. Социолингвистическая парадигма языковой ситуации в Татарстане на фоне языковой ситуации в дальнем и ближнем зарубежье // Языковая политика в Республике Татарстан. Документы и материалы (80–90-е годы). Казань, 1999. С. 285–293.
8. Володарская Э.Ф. Модели языковой политики стран мира: сравнительно-типологический анализ // Материалы научной конференции «Язык. Культура. Общество». М. : Изд-во МИИЯ, 2009. С. 2–72.
9. Мустафина Д.Н. Функциональное развитие татарского языка и других региональных языков РФ и Европе в свете социолингвистической парадигмы. Набережные Челны : Изд-во Кам. гос. инж.-экон. акад., 2012. 258 с.
10. Гришаева Е.Б. Языковая политика в полиэтническом и мультикультурном пространстве. Теоретический и функциональный аспекты. Изд-во Lambert, 2011. 452 с.
11. Славина Л.Р. Региональные языки России и стран Североамериканского региона: перспективы сопоставительного анализа // Современные исследования социальных проблем. 2016. № 1 (25). С. 160–172.
12. Мустафина Д.Н. Европейская Хартия региональных языков или языков меньшинств: результаты ратификации в Европе и перспективы / авт.-сост. : Дж.Н. Мустафина, Г.Ф. Калганова. Казань : Татар. книж. изд-во, 2012. 318 с.
13. Андреева Т.Л., Таловская Б.М. Языковая ситуация в Соединенном Королевстве Великобритании и Северной Ирландии в 2000–2010-х гг. // Вестник Томского государственного университета. История. 2015. № 6 (38). С. 67–73.
14. States Parties to the European Charter for Regional or Minority Languages and their regional or minority languages (listed by language on p. 6). URL: https://rm.coe.int/CoERMPublicCommonSearchServices/DisplayDCTMContent?documentId=09000016806dc1e8 (дата обращения: 7.03.2017).
15. Initial Periodical Report presented to the Secretary General of the Council of Europe in accordance with Article 15 of the Charter. URL: http://www.coe.int/t/dg4/education/minlang/Report/PeriodicalReports/UKPR1_en.pdf (дата обращения: 20.09.2016).
16. Report of Committee of Experts on the Charter. URL: http://www.coe.int/t/dg4/education/minlang/Report/EvaluationReports/UKECRML1_en.pdf (дата обращения: 10.10.2016).
17. Report of Committee of Experts on the Charter 2nd monitoring cycle. URL: http://www.coe.int/t/dg4/education/minlang/Report/EvaluationReports/UKECRML2_en.pdf (дата обращения: 12.10.2016).
18. Report of Committee of Experts on the Charter 3rd monitoring cycle. URL: http://www.coe.int/t/dg4/education/minlang/Report/EvaluationReports/UKECRML3_en.pdf (дата обращения: 09.10.2016).
19. Report of Committee of Experts on the Charter 4th monitoring cycle. URL: http://www.coe.int/t/dg4/education/minlang/Report/EvaluationReports/UKECRML4_en.pdf (дата обращения: 10.10.2016).
20. European Charter for Regional or Minority Languages. URL: http://www.coe.int/t/dg4/education/minlang/default_en.asp (дата обращения: 8.09.2016).
21. 2011 Census – Key Statistics for Northern Ireland – Report. URL: http://www.nisra.gov.uk/Census/key_report_2011.pdf (дата обращения: 21.11.2016).
22. Statistical Bulletin 2011 Census: First Results on the Welsh Language. URL: http://gov.wales/docs/statistics/2012/121211sb1182012en.pdf (дата обращения: 21.11.2016).
23. Statistical Bulletin 2011 Census: Key Statistics for Wales, March 2011. URL: http://www.ons.gov.uk/ons/dcp171778_290982.pdf (дата обращения: 21.11.2016).
24. National Records of Scotland: Statistical Bulletin. URL: http://www.scotlandscensus.gov.uk/documents/censusresults/release2a/StatsBulletin2A.pdf (дата обращения: 21.11.2016).

25. Key Statisticsto Output. URL: http://www.nisra.gov.uk/Census/2001%20Census%20Results/Key%20Statistics/KeyStatisticstoOutputAreaLevel.html (дата обращения: 12.12.2016).

Статья представлена научной редакцией «Филология» 14 сентября 2017 г.

APPLICATION OF THE EUROPEAN CHARTER FOR REGIONAL OR MINORITY LANGUAGES IN THE UNITED KINGDOM: MODERN STATE AND PROSPECTS

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 424, 5–11.
DOI: 10.17223/15617793/424/1

Kamila N. Gataullina, Naberezhnye Chelny Institute of Kazan Federal University (Naberezhnye Chelny, Russian Federation). E-mail: camilagataullina@gmail.com

Keywords: language policy; European Charter for Regional or Minority Languages; Welsh; Gaelic; Irish.

The research relevance can be justified by the humankind's intention to preserve national identity in the modern processes of globalization, which is possible only when preserving and reviving a national language. The issue of preserving regional and minority languages is a key point when planning a state's language policy. The opportunity to communicate uninhibitedly in a native language conforms to the underlying ideas of the European Convention on Human Rights. Moreover, cultural and linguistic diversity supports to develop the multicultural and democratic Europe that considers the interest of all. The current paper is aimed at studying the United Kingdom experience in preserving the regional languages that exist within its boundaries. The language policy of the United Kingdom is based on the European Charter for Regional or Minority Languages (hereinafter the Charter). Great Britain signed the Charter on 3 March 2000 and has submitted 4 reports on its implementation (the forth report was submitted in March, 2013). The fifth report is due in 2017. Actually, in Great Britain there are three regional governments in charge of the Charter implementation: the Welsh Assembly (Welsh), the Scottish Parliament (Scottish Gaelic and Scots) and the Northern Ireland Assembly (Irish and Ulster-Scots). Apart from the languages mentioned, there are two more regional languages that are protected by the Charter as well: Cornish in Cornwall and Manx in the Isle of Man. The work undertaken for the Charter application is checked and evaluated by the Committee of Experts so as to conform to every article of it. The results of on-spot checks are reflected in the Committee reports as recommendations for further government work and eliminating the uncovered inconsistencies. The four Committee reports allow us to track reviving and promoting of the regional languages. Furthermore, the reports reflect the difficulties that might occur when implementing the regional languages in the various social institutions. According to the reports and their analysis by the Committee, each of the languages covered has various positions in society, the stable position is taken by Welsh that is noticeable almost in every social institution. Such an analysis of states' experience in planning for years their language policy aimed at preserving regional and minor languages allows us to adapt the best practice and avoid glitches that might occur while applying the Charter in other countries, for instance, in the Russian Federation.

REFERENCES

1. Fishman, J. (1966) *Language loyalty in the United States*. The Hague: Mouton.
2. Ferguson, Ch. (1996) *Sociolinguistic perspectives: Papers on language in society, 1959–1994*. New York: Oxford University Press.
3. Kloss, H. (1967) Types of multilingual communities: discussion of the variables "Explorations in sociolinguistics". *International Journal of American Linguistics*. 33:4.
4. Alpatov, V.M. (2000) Yazykovaya politika v RSFSR 1918–1991 [Language policy in the RSFSR, 1918–1991]. In: Alekseev, V.E. et al. (eds*) Res linguistica*. Moscow: Academia.
5. Shveytser, A.D. (1977) *Sovremennaya sotsiolingvistika: teoriya, problemy, metody* [Modern sociolinguistics: theory, problems, methods]. Moscow: Nauka.
6. Nikol'skiy, L.B. (1968) Yazykovaya politika kak forma soznatel'nogo vozdeystviya obshchestva na yazykovoe razvitie [Language policy as a form of conscious influence of society on language development]. In: Filin, F.P. (ed.) *Yazyk i obshchestvo* [Language and society].Moscow: Nauka.
7. Bayramova, L.K. (1999) Sotsiolingvisticheskaya paradigma yazykovoy situatsii v Tatarstane na fone yazykovoy situatsii v dal'nem i blizhnem zarubezh'e [Sociolinguistic paradigm of the language situation in Tatarstan against the background of the language situation in the far and near abroad]. In: Minnullin, K.M. & Sharifullina, L.G. (eds) *Yazykovaya politika v Respublike Tatarstan. Dokumenty i materialy (80–90-e gody)* [Language policy in the Republic of Tatarstan. Documents and materials ('80s–'90s)]. Kazan: Magarif.
8. Volodarskaya, E.F. (2009) Modeli yazykovoy politiki stran mira: sravnitel'no-tipologicheskiy analiz [Models of the language policy of the countries of the world: comparative-typological analysis]. *Voprosy filologii.* 1. pp. 24–44.
9. Mustafina, D.N. (2012) *Funktsional'noe razvitie tatarskogo yazyka i drugikh regional'nykh yazykov RF i Evrope v svete sotsiolingvisticheskoy paradigm* [Functional development of the Tatar language and other regional languages of the Russian Federation and Europe in the light of the sociolinguistic paradigm]. Naberezhnye Chelny: Kama State Academy of Engineering and Economics.
10. Grishaeva, E.B. (2011) *Yazykovaya politika v polietnicheskom i mul'tikul'turnom prostranstve. Teoreticheskiy i funktsional'nyy aspekty* [Language policy in a multi-ethnic and multicultural space. Theoretical and functional aspects]. Lambert Academic Publishing.
11. Slavina, L.R. (2016) Regional languages of Russia and the North American region: prospects for comparative analysis. *Sovremennye issledovaniya sotsial'nykh problem*. 1 (25). pp. 160–172. DOI: https://doi.org/10.12731/2077-1770-2016-1-160-172
12. Mustafina, D.N. & Kalganova, G.F. (2012) *Evropeyskaya Khartiya regional'nykh yazykov ili yazykov men'shinstv: rezul'taty ratifikatsii v Evrope i perspektivy* [European Charter for Regional or Minority Languages: results of ratification in Europe and prospects]. Kazan: Tatar. knizh. izd-vo.
13. Andreeva, T.L., & Talovskaya, B.M. (2015) Manipulative potential of the epideictic speech. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 6 (38). pp. 67–73. (In Russian). DOI: 10.17223/19988613/38/11
14. Council of Europe. (2016) *States Parties to the European Charter for Regional or Minority Languages and their regional or minority languages* (listed by language on p. 6) [Online] Available from: https://rm.coe.int/CoERMPublicCommonSearchServices/DisplayDCTMContent? documentId=09000016806dc1e8. (Accessed: 7.03.2017).
15. Council of Europe. (2002) *Initial Periodical Report presented to the Secretary General of the Council of Europe in accordance with Article 15 of the Charter*. [Online] Available from: http://www.coe.int/t/dg4/education/minlang/Report/PeriodicalReports/UKPR1_en.pdf. (Accessed: 20.09.2016).
16. Council of Europe. (2004) *Report of Committee of Experts on the Charter*. [Online] Available from: http://www.coe.int/t/dg4/education/minlang/Report/EvaluationReports/UKECRML1_en.pdf. (Accessed: 10.10.2016).
17. Council of Europe. (2007) *Report of Committee of Experts on the Charter 2nd monitoring cycle*. [Online] Available from: http://www.coe.int/t/dg4/education/minlang/Report/EvaluationReports/UKECRML2_en.pdf. (Accessed: 12.10.2016).

18. Council of Europe. (2010) *Report of Committee of Experts on the Charter 3rd monitoring cycle*. [Online] Available from: http://www.coe.int/t/dg4/education/minlang/Report/EvaluationRe-ports/UKECRML3_en.pdf. (Accessed 09.10.2016).
19. Council of Europe. (2002) *Report of Committee of Experts on the Charter 4th monitoring cycle*. [Online] Available from: http://www.coe.int/t/dg4/education/minlang/Re-port/EvaluationReports/UKECRML4_en.pdf. (Accessed: 10.10.2016).
20. Council of Europe. (2014) *European Charter for Regional or Minority Languages*. [Online] Available from: http://www.coe.int/t/dg4/education/minlang/default_en.asp. (Accessed: 8.09.2016).
21. NISRA. (2011) *2011 Census – Key Statistics for Northern Ireland – Report*. [Online] Available from: http://www.nisra.gov.uk/ Census/key_report_2011.pdf. (Accessed: 21.11.2016).
22. Statistics for Wales. (2011) *Statistical Bulletin 2011 Census: First Results on the Welsh Language*. [Online] Available from: http://gov.wales/docs/statistics/2012/121211sb1182012en.pdf. (Accessed: 21.11.2016).
23. Office for National Statistics. (2011) *Statistical Bulletin 2011 Census: Key Statistics for Wales, March 2011*. [Online] Available from: http://www.ons.gov.uk/ons/dcp171778_290982.pdf. (Accessed: 21.11.2016).
24. National Records of Scotland. (2013) *Statistical Bulletin*. [Online] Available from: http://www.scotlandscensus.gov.uk/documents/ censusresults/rele-ase2a/StatsBulletin2A.pdf. (Accessed: 21.11.2016).
25. NISRA. (2001) *Key Statisticsto Output.* [Online] Available from: http://www.nisra.gov.uk/Census/2001%20Census%20Results/Key%20Statistics/KeyStatisticstoOutputAreaLe-vel.html. (Accessed: 12.12.2016).

Received:14 September 2017

Вестник Томского государственного университета. 2017. № 424. С. 12–15. DOI: 10.17223/15617793/424/2

УДК 80

Е.В. Грудева, С.А. Соловьева

СИНТАКСИЧЕСКИЙ ПОВТОР КАК СРЕДСТВО МОНТАЖНОГО ПРИНЦИПА ОРГАНИЗАЦИИ ТЕКСТА

Рассматриваются синтаксические повторы, выступающие в качестве одного из средств реализации монтажного принципа организации прозаических текстов Б. Пастернака. Речь идет о монтажности отдельных фрагментов текста, которые способны стабилизировать целостную структуру текста, включая межтекстовые и гипертекстовые связи. В качестве единицы монтажа выделяется фрагмент текста, представленный как полипропозициональный комплекс, представляющий субординатный способ категоризации ментальных репрезентаций.

Ключевые слова: монтаж; фрагмент текста; полипропозициональный комплекс; ментальные репрезентации; трансформация; субординатные отношения.

Введение. Монтаж – особый способ организации нарратива. Общая и главная черта монтажной эстетики в литературе и драматургии – разделение текста не на главы, акты или явления, а на фрагменты, эпизоды или, как говорили русские формалисты, «куски» (у Шкловского), каждый из которых не соответствует течению единого события, но изображает его часть. Событие «кадрируется», как изображение в кино. Соединение «кусков» не обусловлено логически или, во всяком случае, может не быть обусловлено, но такая возможность всегда сохраняется [1. С. 6].

В терминологии семиотики монтаж рассматривается как преимущественно синтаксическая установка на отношения между знаками внутри текста (произведения). Этим монтажный принцип объединяется с аксиоматическим подходом [2. С. 142]. Однако, по мнению исследователей, чисто синтаксический подход недостаточен; центр тяжести одновременно переносится и на семантику, и на прагматику [3. С. 83].

Единицей монтажа является фрагмент текста, представленный как полипропозициональный комплекс. Это продукт концептуализации и категоризации мира и языка в его интерпретационном, субъективном варианте, представляющий субординатный способ категоризации ментальных репрезентаций.

В принципах монтажного типа организации нарратива можно выделить несколько важнейших характеристик: дробление текста на фрагменты (объем которых может быть различным); смена точек зрения, связанная с изменением позиции наблюдателя или включением в повествование других текстов (дневники, стихи); немотивированный разрыв причинно-следственных связей, темпорального или локального пространства; смена модусов за счет контрастов, масштабов, активизации пространств. Монтажный принцип, устанавливая систему субординатных отношений между фрагментами текста, обусловливает свободу текстовых связей на других уровнях.

Система средств реализации монтажного принципа многообразна. Она включает весь спектр разноуровневых языковых средств, способных упорядочить смену дифференциальных текстовых фрагментов на основе их смысловой соотносительности.

Объектом данной статьи стали синтаксические повторы, выступающие в качестве одного из средств реализации монтажного принципа организации прозаических текстов Б. Пастернака. Речь идет о монтажности отдельных фрагментов текста, которые способны стабилизировать целостную структуру текста, включая межтекстовые и гипертекстовые связи. Отметим, что роль повтора в структуре целостного текста представляет не меньший исследовательский интерес [4. С. 78–81].

Важно, что исходная повторяющаяся синтаксическая конструкция трансформируется на протяжении всего фрагмента. Способы трансформации, с нашей точки зрения, являются прагматически охарактеризованными. Её синтаксическая позиция в составе сверхфразового единства также может меняться.

Одну из основных образующих художественной модели Пастернака, сближающей её с поэтикой кино в понимании С. Эйзенштейна, по мнению Ю.М. Лотмана, составляет «монтаж» зрительных образов [5. С. 207].

При зрительном восприятии формируемый человеком образ воспроизводит внешнее пространство, что подтверждает свойство иконичности языкового знака. В процессе осмысления информации основные соотношения сформировавшейся структуры переносятся не только в семантическое представление высказывания, но и в синтаксическое. Синтаксическая структура уже поддается в определенной степени наблюдению. Следовательно, семантическая структура основывается на представлениях над структурой синтаксической [3. С. 83]. Иконичность же в свою очередь связана с принципом фокусирования или профилирования, выдвижения / задвигания фигуры / фона [6. С. 7].

Текстообразующие функции синтаксического повтора достаточно глубоко описаны в лингвистической литературе (Т.Г. Винокур, И.И. Ковтунова, Н.С. Поспелов, Р. Якобсон). Синтаксический повтор реализует принципы симметрии и асимметрии, вертикальных текстовых связей, сильных позиций, текстового единства, текстообразования.

С нашей точки зрения, синтаксический повтор и процесс его трансформации являются показателем интерпретационных и метаинтерпретационных процессов, в результате чего определяется его информационный статус. Выдвижение одного из компонентов повтора происходит в условиях сосредоточения внимания на нескольких одновременно осмысляемых событиях как интегрированном фрагменте действительности и является показателем его (повтора) концептуальной значимости.

«Так рано и так необычайно начался день заседанья в ратуше для Зеебальда. Но сам по себе этот непомерно

долгий день начался еще раньше. ***Ни души не было на призрачных, непрозревших улицах городка,*** и только кишмя кишели в нем черепитчатые крыши, как бесплотные привидения, бесшумно умывавшиеся холодною мутью слабо означающегося рассвета, – ***ни души не было на улицах, на которые пала роса,*** смочив холодным потом лобные выпуклости мостовых, – мостовых и зданий, проступавших за слюдяною пеленой тумана, как след от округло раскрытого рта по выпотелому оконному стеклу; ***ни души не было на них, говорю я,*** когда среди всех прочих бестелесных зданий родилось новое, в этот миг только на свет божий появившееся и более всех прочих бестелесное здание: это было здание из звуков, оно простонало, заволакиваемое неодолимой отдаленностью, и отстонало затем. Отстонало не потому, чтобы оно ушло в землю, как где-то воздвиглось оно, выйдя из земли. Ибо уловить его можно было только в его появлении и только как нечеловеческую попытку заживо похороненных – сдвинуть с места тишину. И только одно мгновение фантом этой осторожной стройности отличался от призрачного воздуха, призрачных крыш и призрачной росы. По истечении этого мгновения – он перестал от росы отличаться и его негде уже было искать.

Ни души не было на площади Св. Елизаветы, когда козою низко загнусавили два утеса. Вся каменная мякоть их отяжелела внезапно, до основания пропитавшись гнусавым и дребезгливым, невозмутимо протяжным сопением.

Ни души. Проходи здесь кто мимо, он остановился бы, поняв, что там заиграли на органе; и прежде всего – он услышал бы лавинные раскаты хроматической гаммы, быстро сыгранной полностью от самых низов до последних дискантов и обратно, по самое *а* субконтроктавы, через всю мануаль; <…> он узнал бы в лицо тот прием, при помощи которого, пробуя новый инструмент, профессионалы убеждаются в полной исправности всех его труб.

Но на улице не было ни души.

Первыми появились на ней два человека, вышедшие из церкви через низенькую боковую дверь, ведущую в церковный сад. Они разошлись потом в разные стороны, обмолвившись на прощанье немногими словами, малопонятными» [7. С. 475].

Впервые в представленном фрагменте безличногенитивная бытийная конструкция [8. С. 140] появляется в составе сложного предложения, трижды повторяясь в ней. Причем актуализируется только первая её часть в составе синтаксических структур с сочинительной связью, подчинительной связью и один раз – с бессоюзной (говорю я).

Далее структура меняется, и конструкция повторяется уже в составе сложноподчиненного предложения с придаточным времени. Состав конструкции частично меняется за счет сужения семантики локативного сирконстанта (топоним), в результате чего меняются степень конкретизации пространственной координаты и его локализация.

Затем структура повтора значительно трансформируется за счет усечения предиката и сирконстанта. Актуализируется лишь субъектный генитив *Ни души* в составе зевгматической конструкции. С учетом контекста происходит обусловленная трансформация.

Общеотрицательное предложение с именным актантом, выраженным родительным падежом, связано с семантической категорией существования, эта связь соотносится с семантикой партитивности и количественной неопределенности предметно-референтной проекции имени [8. С. 140]. На первый взгляд, бытийность в таких предложениях сильнее и отчасти нейтрализует объектность, однако повторяемость и выдвижение субъектного актанта в зевгме приводят к частичной нейтрализации бытийной семантики.

Далее, в контексте условной модальности, формируемой грамматическими формами конъюнктива (*проходил бы, услышал бы*), конструкция повторяется вновь, но в трансформированном виде ***(Но на улице не было ни души)***: с инверсивным порядком слов и противительным союзом в актуальной позиции. В результате происходит выдвижение фоновой информации. Субстантивный компонент попадает в постпозицию по отношению к сказуемому, и его неопределенность способствует усилению семантики безличности, однако сильная коммуникативная позиция родительного падежа субъекта (эпифора) в анализируемом фрагменте усиливает неопределенность носителя предикативного признака и мобилизует грамматические возможности родительного падежа, формируя коммуникативную ретроспективу фрагмента.

По сути, частотность использования определенных синтаксических конструкций с фоновой семантикой (нетематических) в актуальной позиции приводит к выдвижению фона, актуализации фонового знания. Если в качестве структуры выступает безличная конструкция, то субъект (фигура) всеохватен, т.е. это и автор, и герой, и читатель. Семантика состояния становится преобладающей и позиция наблюдателя – основной, она формирует и позицию читателя. Явление оказывается выделенным из окружающей среды и берется сознанием так, что не нужно искать дискретизируемого вовне по отношению к нему субъекта, его источника [Там же. С. 19].

Анализируемая конструкция ***Ни души не было на,*** трансформируясь в тексте, снимает синтаксическую нагроможденность связываемых структур, организует более сложные куски текста, которые, пользуясь терминологией С.Г. Ильенко, могут быть охарактеризованы как предикативно-релятивные конструкции, а сама единица определена как текстема [9. С. 463].

В результате образуется полипропозитивный комплекс, объединенный общей концептуальной семантикой и представляющий собой субординатный способ категоризации ментальных репрезентаций.

Объединение нескольких планов в едином фрагменте осуществляется на уровне концептуальной интеграции [10. С. 99]. Она происходит по определенной **схеме**: из исходных пространств выдвигаются общие характеристики (синтаксические повторы). Они стабилизируют общее смешанное пространство текста. Выдвижение акцентирует внимание на нескольких событиях как интегрированном фрагменте и предполагает их одновременное осмысление.

Трансформированный синтаксический повтор актуализирует попеременно различные модусы: зрительный и слуховой, в результате чего фрагмент раз-

вертывается перед читателем в некоторой ритмической последовательности, в определенном времени и пространстве. Приобретая функции ритмообразующего элемента, повтор служит одновременно и содержательным элементом симметрии. Особенности его функционирования и трансформации выявляют структурные особенности монтажного принципа продуцирования текста [11. С. 7].

Анализ прозаических произведений Б. Пастернака показывает, что трансформация синтаксического повтора, связанная с заменой актанта, часто сопровождается появлением «соблазнительно непривычных образов», которые возникают в результате остранения [12. С. 230]. Использование этого приема делает текст более дискретным, контрастивным, монтажным.

Дробление, предполагаемое монтажным принципом организации, происходит за счет выдвижения отдельных элементов фрагмента текста, деталей общей картины. В результате возникают образы, появление которых часто лишено причинно-следственных связей.

«Миновало лето, во все продолженье которого под самыми настурциями, кидавшимися за каменный парапет бельведера, работала на отмелях Рухловского переката речная землечерпалка.

Миновал вечер, в который на грязнушке до времени зажгли огни, и, отпыхтев в последний раз, она свернулась и ушла, залившись прощальной руладой частых, учащавшихся и потом редких и все редевших гудков.

По ее уходе вздохнули облегченно берега, и Ока всклянь, до ободков, налилась тишиной, сочной, как лозняк, грузной, как отжиманье кос, чуткой, как пьющая лошадь.

Миновал миг, в который луна, едва заглянув в затон, обернулась на призрак отдаленной полковой музыки, который внезапно всплыл вслед за ней неизвестно где.

Некоторое время необъяснимость явленья еще отдавала чудесным. Вскоре же она была так велика, что уже не пугала и не настраивала. Она раздражала.

Беспричинное возбужденье овладело женщинами. Они толпились на каменной площадке в блузках, воспалявшихся, как от прохлады, посылали мужчин за шалями и, слушая это диво, глядели на плесы, по которым там и сям, как поплавки, уже заигрывали звезды.

А марш Преображенского полка, – ибо это был он и все его уже признали, – плыл и плыл неизвестно где, плыл и замирал, плыл и был как никогда печален…

Миновал час, смутный, как располагающийся лагерь, прерывистый, как пески в тумане, дичливый и ясный, как ключ, в теченье которого посылали три раза лодку за офицерами, и каждый раз, что возвращались назад, ручной фонарь, раньше всех добежав по воде до берега, шевелил усами, обшаривал кусты и охапками швырял из-под них на берег плохо экипированных раков, которых на лету подхватывала огромная вековая ольха, беззубо склабившаяся над купальней.

Тогда раздавался разговор разной длительности и силы.

Миновала ночь, потрясавшая парк все новыми и новыми голосами. Офицеры заночевали у владельца, предводителя дворянства Фрестельна. Здесь не осталось никого, кто бы не спросил их о том же, о чем их спрашивали по пути решительно все встреченные за день села и поместья, часовни, пустоши и люди. Но официальный указ о мобилизации еще не вышел. Этот долг неотменимого молчанья был первым из целого моря новых чувств, открывшихся им другие сутки. Оно ставило их среди всех в положенье мужчин между женщинами, взрослых между детьми. Объявлялся порядок вещей, в котором по суровому чину им надлежало иерархически следовать непосредственно за Господом Богом, а военному полю воздавались почести, подобающие небу на Ильин день.

Миновала ночь. На ее исходе горка пепла на блюдце ждала только удобной минуты, чтобы провалиться со всеми окурками в желтый, до слез протабаченный чай. Того же ждала горка исхудалых облаков на востоке. Горка всклокоченных волос хохлилась на мутной голове, сопевшей и натягивавшей одеяло.

Вдруг один зевнул, другой заговорил» [7. С. 515].

Функционал синтаксического повтора понятен: выдвижение фоновой информации; формирование общего темпорального плана; ритмичность; концентрация обрывочных воспоминаний, ассоциаций, лишенных причинно-следственных отношений. Результат – остранение.

Повтор задает внутренний параллелизм фрагмента и некоторых ССЦ, входящих в его состав. Трансформация происходит за счет замены субъектного актанта в главной части СПП (ССЦ 1, 2, 3), простой осложненной конструкции (ССЦ 4), элементарной конструкции (ССЦ 5). Одновременно происходит упрощение синтаксических структур.

Кроме того, возникает некоторое противоречие между элементарной структурой повтора и нагроможденностью придаточной части, которая создает эффект множественности, затрудненности и непонятности. Формальное упрощение структуры происходит лишь в 4-м ССЦ. Конкретизируются детали (Фрестельн, указ, порядок вещей), и актуализация повтора в качестве простого нераспространенного предложения 5-го ССЦ стабилизирует фрагмент, делая его подвластным интерпретации.

Результатом трансформации повтора становится эффект сгущения времени – оппозиция, в которой обнаруживается несовпадение физического и психологического времени, проявляющегося в том потоке сознания, который определяет характер сентенционного типа повествования и семантику анализируемого фрагмента как состояние.

Таким образом, синтаксический повтор и его трансформации являются показателем интерпретационных и метаинтерпретационных процессов и имеют стабилизационную значимость не только для фрагмента, но и для целостного текста. Образующийся в результате полипропозитивный комплекс, объединенный общей концептуальной семантикой и типом повествования, представляет собой субординатный способ категоризации ментальных репрезентаций. Особенность его заключается в том, что в результате использования синтаксических повторов и их трансформаций акцентируется внимание на нескольких событиях как интегрированном фрагменте, что отражает одну из структурных особенностей монтажного принципа организации текста.

ЛИТЕРАТУРА

1. Куклин И.В. Машины зашумевшего времени: как советский монтаж стал методом неофициальной культуры. М., 2015.
2. Иванов Вяч.Вс. Избранные труды по семиотике и истории культуры. Т. 4: Знаковые системы. М., 2007.
3. Касевич Б.В. Семантика. Синтаксис. Морфология. М., 1985.
4. Иванова Е.М., Соловьева С.А. Специфика пространственной организации художественной прозы Б. Пастернака // Вестник ЧГУ. 2016. № 5 (74). С. 78–87.
5. Лотман М.Ю. Стихотворения раннего Пастернака и некоторые вопросы структурного изучения текста. Труды по знаковым системам. Тарту, 1969. (Учен. зап. Тарт. гос. ун-та. Вып. 326). С. 206–238.
6. Виноградова С.Г. Коммуникативное членение английского сложного предложения в когнитивном аспекте // Вопросы когнитивной лингвистики. 2013. № 4 (037). С. 5–13.
7. Пастернак Б. Люди и положения. М., 2007. 634 с.
8. Павлов В.М. Противоречия семантической структуры безличных предложений в русском языке. СПб., 1998.
9. Ильенко С.Г. Русистика. СПб., 2003.
10. Ковальчук Л.П. Теория концептуальной интеграции Ж. Фольконе и М. Тернера // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2011. № 1 (8). С. 97–101.
11. Корбут А.Ю. Текстосимметрика как общий раздел теории текста : автореф. … д-ра филол. наук. Барнаул, 2005.
12. Шкловский В.Б. Тетива: О несходстве сходного. М. : Сов. писатель, 1970.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 29 июля 2017 г.

SYNTACTIC REPETITION AS A MEANS OF TEXT MONTAGE STRUCTURE

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 424, 12–15.
DOI: 10.17223/15617793/424/2

Elena V. Grudeva, Cherepovets State University (Cherepovets, Russian Federation). E-mail: egrudeva@gmail.com
Svetlana A. Solovyova, Cherepovets State University (Cherepovets, Russian Federation). E-mail: ssa_doc@mail.ru

Keywords: montage; text fragment; polypropositional complex; menial representations; transformation; subordinate relations.

The montage principle of the text structuring establishes a system of subordinate relations between text fragments and leads to the freedom of text connections on other levels. In semiotics, montage is considered as a syntactic orientation for the relationship between the signs of the text. The system of means for montage includes a whole range of different levels of language. The article aims to analyze the functioning of syntactic repetition as a means of implementation of the montage principle of the organization of prose texts by Boris Pasternak. The montage nature of separate fragments of the text which are able to stabilize the coherent structure of the text is discussed. A montage unit is a text fragment which is a polypropositional complex which is organized by syntactic repetition, and represents a subordinate way to categorize mental representations. The analysis of the functioning of syntactic repetition and its transformations in B. Pasternak's prose confirms the main characteristics of the montage principle of the organization of the prose: breaking of the text into fragments; change of the points of view; unmotivated break of the cause-and-effect relations, etc. The research showed that syntactic repetitions and ways of their transformation are pragmatically characterized and are an indicator of interpretative and meta-interpretative processes, which influences their information status. Promotion of one of the components of a repetition occurs in the conditions of focusing on several simultaneously comprehended events as an integrated fragment of reality, and is an indicator of the conceptual importance of a repetition. The transformed syntactic repetition alternately staticizes various modes: visual and acoustic. Therefore, the fragment is developed before the reader in a rhythmic sequence, in certain time and space, and becomes a substantial element of symmetry. Functioning of syntactic repetition promotes combination of several plans in a uniform fragment of the text. It occurs according to a certain scheme: initial spaces promote general characteristics actualized by a repetition, they in turn stabilize the general mixed text space. Promotion focuses attention on several events as an integrated fragment and assumes their simultaneous judgment. Analysis of the prose works by B. Pasternak shows that the transformation of syntactic repetition connected with the replacement of an actant is often followed by the device of distancing or by the effect of time concentration, which makes the text more discrete. Thus, syntactic repetition and its transformations in the text are an indicator of interpretative and meta-interpretative processes and have the stabilization importance not only for a fragment, but also for the complete text organized on the basis of the montage principle.

REFERENCES

1. Kuklin, I.V. (2015) *Mashiny zashumevshego vremeni: kak sovetskiy montazh stal metodom neofitsial'noy kul'tury* [Machines of noisy time: how Soviet editing has become a method of unofficial culture]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
2. Ivanov, V.V. (2007) *Izbrannye trudy po semiotike i istorii kul'tury* [Selected works on semiotics and the history of culture]. Vol. 4. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur.
3. Kasevich, B.V. (1988) *Semantika. Sintaksis. Morfologiya* [Semantics. Syntax. Morphology]. Moscow: Nauka.
4. Ivanova, E.M. & Solov'eva, S.A. (2016) Spetsifika prostranstvennoy organizatsii khudozhestvennoy prozy B. Pasternaka [Specification of the spatial organization of B. Pasternak's artistic prose]. *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta.* 5 (74). pp. 78–87.
5. Lotman, M.Yu. (1969) Stikhotvoreniya rannego Pasternaka i nekotorye voprosy strukturnogo izucheniya teksta [Poems of early Pasternak and some questions of the structural study of the text]. *Uchen. zap. Tart. gos. un-ta.* 326. pp. 206–238.
6. Vinogradova, S.G. (2013) Communicative division of the English composite sentence in cognitive perspective. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki.* 4 (037). pp. 5–13.
7. Pasternak, B. (2007) *Lyudi i polozheniya* [People and positions]. Moscow: Eksmo.
8. Pavlov, V.M. (1998) *Protivorechiya semanticheskoy struktury bezlichnykh predlozheniy v russkom yazyke* [Contradictions of the semantic structure of impersonal sentences in the Russian language]. St. Petersburg: Nauka.
9. Il'enko, S.G. (2003) *Rusistika* [Russian studies]. St. Petersburg: Herzen Russian State Pedagogical University.
10. Koval'chuk, L.P. (2011) Teoriya kontseptual'noy integratsii Zh. Fol'kone i M. Ternera [The theory of conceptual integration of G. *Fauconnier* and M. Turner]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki – Philological Sciences. Issues of Theory and Practice.* 1 (8). pp. 97–101.
11. Korbut, A.Yu. (2005) *Tekstosimmetrika kak obshchiy razdel teorii teksta* [Text symmetry as a general branch of the theory of text]. Abstract of Philology Dr. Diss. Barnaul.
12. Shklovskiy, V.B. (1970) *Tetiva: O neskhodstve skhodnogo* [Bowstring: On the dissimilarity of the similar]. Moscow: Sov. pisatel'.

Received:29 July 2017

УДК 81'1

А.А. Константинова

ПАРЕМИИ В ДИСКУРСЕ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ПОПУЛЯРНОЙ ПЕСНИ

Рассматриваются особенности применения англо-американских паремий в дискурсе англоязычных популярных песен. Приводится краткая характеристика данного типа дискурса, предлагается обзор работ по обозначенной проблематике, освещаются вопросы модификации паремий, создания новых паремических единиц и множественного использования пословиц в дискурсе поп-музыки. Изучается роль паремий в структурной организации дискурса популярной песни. Раскрывается специфика их функционирования в песенных дуэтах.

Ключевые слова: англо-американские паремии; дискурс популярной песни; поп-музыка; функция структурной организации; паремиотворчество; множественное использование паремий; дуэт.

Краткая характеристика дискурса популярной англоязычной песни

Значительную часть пространства западной (в том числе англоязычной) массовой культуры сегодня занимает популярная музыка, под которой в своей работе мы понимаем разные направления, стили и жанры развлекательной эстрадной музыки, сложившиеся к 60-м гг. XX в. и продолжающие появляться по сей день. Поскольку основным продуктом популярного / эстрадного музицирования является песня, то мы будем употреблять термины «дискурс поп-музыки» и «дискурс популярной песни» как взаимозаменяемые. Исследование поп-музыки («popular music studies») как самостоятельное научное направление имеет междисциплинарный характер и опирается на данные таких сфер научного знания, как социология, культурология, музыковедение, исследование массовой коммуникации, семиотика и лингвистика. Анализ музыкального дискурса, таким образом, не будет полным без учета социальных, психологических, технических, исторических, экономических, лингвистических и других аспектов. Назовем основные черты поп-музыки как сегмента массовой культуры и ныне неотъемлемого компонента «индустрии развлечений», релевантные в связи с нашим исследованием:

– массовость: адресована массовой аудитории, часто неоднородной в социокультурном плане;

– общедоступность: запись, специфический медиум поп-музыки позволяют хранить и распространять звучащий продукт песенного дискурса (иногда сопровождаемый видеорядом) на различных носителях или делать его общедоступным через средства массовой коммуникации;

– гедонистичность: основной функцией поп-музыки является функция развлекательная, а популярность связана с возможностью получения удовольствия;

– эмоциональность: как представляется, одной их главных целей песенного дискурса является воздействие на эмоциональную сферу личности;

– аксиологичность: являясь очень «подвижной» музыкальной формой, популярная песня незамедлительно откликается на новые социальные веяния, изменения, происходящие в обществе и, таким образом, отражает современные ценности, эстетические запросы и потребности аудитории.

Значимой специфической чертой дискурса поп-музыки является комплексная природа (синтетизм) песни. Будучи словесно-музыкальным жанром, песня, с одной стороны, сочетает в себе мелодический и вербальный компоненты, которые, не являясь равнозначными (мелодический компонент превалирует над вербальным), все же находятся между собой в тесной связи (особенно структурной), дополняют и углубляют друг друга. В стилистическом плане тексты песенного дискурса можно описать как одновременно тяготеющие к поэтическому и бытовому дискурсу. Несмотря на критику за банальность, схематичность и стандартность, они могут быть наделены элементами художественной речи (применение риторических фигур, тропов, интертекстуальных ссылок). С другой стороны, из-за массовости и коммерческой направленности поп-музыки тексты песен часто близки к разговорному стилю, что выражается в использовании просторечной лексики, жаргонизмов, сленга, упрощенного синтаксиса и др. С этим частично связана и еще одна специфическая черта песенного дискурса – диалогичность. В тематическом плане можно выделить две обширные зоны: любовная тематика (лирическая песня) и социальная тематика. Некоторые исследователи изучают популярные песни как форму пропаганды [1. P. 215].

История вопроса

Одной из самых ранних работ, затрагивающих проблему связи пословиц и текстов песенных произведений, является статья Х.Л. Коэн «Баллада» (1915 г.). Рассматривая тексты французских баллад XV–XVII вв., автор объясняет частое использование паремических единиц их удобной ритмической формой и тенденцией стилистического украшения поэтической речи в описываемую эпоху. Х.Л. Коэн поднимает также очень интересный и, к сожалению, остающийся до сих пор без должного внимания лингвистов вопрос о пословичных коллажах[1], получивших широкое распространение в поэтических творениях Ф. Вийона и ряда последователей [2].

Начатое известным американским паремиологом Б. Дж. Уайтингом изучение вопроса использования пословиц в английских и шотландских народных балладах, собранных Фрэнсисом Джеймсом Чайлдом (конец XIX в.), было продолжено в работе Ричарда Шветерлитша. В статье Б.Дж. Уайтинга 1934 г. представлены результаты квантитативного анализа фразеологизмов (автор называет их «proverbial comparisons») и пословиц в текстах народных баллад, который выявил факт скудного количества используемых в них пословиц [3]. В более позднем изыскании

Р. Шветерлитша (1985 г.) были дополнены и несколько переосмыслены выводы предшественника. К важному результату обсуждаемой статьи, в которой предлагаются размышления автора относительно функциональных аспектов пословиц в балладах, стоит отнести заключение о том, что хотя использование паремий не являлось характерной чертой народных английских баллад и зависело от исполнительской манеры певца, их появление в тексте было всегда значимым дополнением [4].

Стоит упомянуть еще одну раннюю работу, носящую, однако, скорее обзорный, нежели интерпретативный характер, – статью М. Брайант, американского паремиографа и в течение долгого времени председателя «Комитета по пословицам и поговоркам» («Committee on proverbial sayings»), «Proverbial Lore in American Life and Speech» (1951 г.). Оценивая масштабы распространения пословичных единиц в текстах американских песен, ученый подчеркивает роль этих текстов в пополнении языка, отмечая тот факт, что множество названий популярных музыкальных произведений вошли в обиход как самостоятельные единицы и воспринимаются носителями языка и культуры как пословицы [5. P. 142].

Что касается сферы популярной англоязычной песни, то, по заявлению ведущего американского паремиолога В. Мидера, его работа «Proverbs in Popular Songs» (часть сборника эссе «American Proverbs: A Study of Texts and Contexts») [6] стала первым шагом на пути исследования этого богатейшего материала. Изыскания ученого выявили, что пословицы намного чаще применяются в текстах песен XX в., чем в более ранних произведениях фольклорного искусства (XIX в.), в которых они фигурируют, как правило, в узуальной форме, что связано с дидактическими целями их использования [Ibid. P. 195]. Автор отметил и роль пословиц в раскрытии любовной и социальной тематики в американской поп-музыке второй половины XX в. В этом же научном эссе проф. В. Мидер призвал паремиологов к изучению процесса использования пословиц и поговорок в разных жанрах песенного дискурса.

Стоит сказать о ряде работ Р. Фолсома, посвященных рассмотрению в рамках американского песенного дискурса использования паремий в таком популярном в США музыкальном жанре, как кантри-музыка, зародившейся из народной музыки деревенского юга. Ценной паремиографической работой стал словарь пословиц в кантри хитах (1986–1996 гг.) – композициях, попавших в чарт журнала «Билборд». Изучив роль и функции пословиц в избранных песнях-хитах, исследователь показал, как паремии помогают исполнителям / авторам передать их взгляды, их «послание аудитории». Р. Фолсом отмечает активное использование пословиц в текстах песен в стиле кантри и объясняет данный факт компактностью и емкостью этих языковых единиц, распространенностью и, как результат, легкой узнаваемостью массовой аудиторией слушателей, а также даже делает вывод о значимой роли пословиц в существующей популярности жанра кантри-музыки [7].

Заметим также, что рассмотрению подвергались особенности применения пословичного языка в творчестве отдельных музыкантов-исполнителей, к примеру, Б. Дилана / Bob Dylan, Дж. Кэша / Johnny Cash [8, 9].

Паремиотворчество[2] в дискурсе англоязычной популярной песни

Модификация паремий в англоязычной поп-музыке. В предпринятом исследовании нами были рассмотрены 1 650 текстов популярных песен (1980–2016 гг., за исключением нескольких дуэтов, популярных в 1960-х гг.), в которых фигурируют англо-американские паремии. Анализ собранного материала показал возможность применения как неизмененных (стандартных), так и видоизмененных (трансформированных) паремий с большим, однако, перевесом в сторону творческого использования (80%). Модификация устойчивых единиц языка в речи отнюдь не новый и довольно распространенный феномен. Мы, в свою очередь, считаем чрезвычайно важным и информативным в когнитивно-прагматическом плане детальное изучение окказиональной трансформации паремий в дискурсе в связи с ее комплексной природой. Это одновременно лингвистический феномен (происходит переделка имеющегося «канонического» языкового материала с применением широкого арсенала языковых приемов) и когнитивно-дискурсивное явление, часто вызванное потребностью отражения доминирующих или меняющихся взглядов и представлений в обществе, которые активно фиксируются в песенных текстах и, что закономерно, требуют адаптации паремий к каждой конкретной дискурсивной ситуации. Следовательно, использование окказиональных единиц в дискурсе имеет когнитивную обусловленность, так как связано с необходимостью назвать еще не названное, передать новое или обновленное содержание. Подобно СМИ (и, особенно, Интернет), испытавшим стремительное развитие в конце XX в. и сыгравшим значительную роль в активизации процесса творческого применения языковых единиц (паремий в частности), англоязычные песни в силу своей популярности обладают мощным потенциалом для передачи нового когнитивного содержания массовому адресату. Множество приемов модификации паремий в разных типах дискурса подробно было рассмотрено в других наших работах [10–12]. Здесь отметим, что трансформация англо-американских паремий в текстах популярных песен может осуществляться на двух уровнях – семантическом и структурно-семантическом, результатом чего являются такие группы трансформов, как:

– паремии-гапаксы (трансформы «для данного случая»):

1) Count your blessings to find what you look for / Ср. Count your blessings [Адель / Adele «Rolling in the Deep»];

2) I sit and talk to God, and he just laughs at my plans / Ср. If you want to make God laugh, tell him about your plans [Р. Уильямс / Robbie Williams «Feel»];

– авторские выражения на основе узуальных паремий:

1) It's like finding out the best things in life are free after you already paid / Ср. The best things in life are free [группа «*Мхрх*» песня «Don't look back»];

2) Everybody wants a flame, but they don't want to get burnt / Ср. If you play with fire, you'll get burnt [Дж. Блант / James Blunt «Bonfire Heart»];

– псевдопословицы:

1) Sky fits heaven so fly it; Hand fits giving so do it / Ср. If the cap fits, wear it (1600 г.) [Мадонна / Madonna «Sky Fits Heaven»];

2) Everything that drowns me makes me wanna fly / Ср. What doesn't kill you makes you stronger [группа «OneRepublic» песня «Counting Stars»];

– антипословицы:

1) Boys will be boys, when girls will let them / Ср. Boys will be boys [Д. Керш / David Kersh «Boys will be boys»];

2) Everything that kills me makes me feel alive / Ср. What doesn't kill you makes you stronger [группа «OneRepublic» песня «Counting Stars»].

Современные паремии в дискурсе поп-музыки. Одним из актуальных вопросов англо-американской паремиологии и паремиографии сегодня является проблема завершенности сборников и словарей пословиц, а также связанная с этим проблема отслеживания, установления паремического статуса новых единиц и их фиксации. Еще в 1939 г. выдающийся американский ученый А. Тейлор указывал на значительное количество пословиц, используемых носителями языка в повседневной коммуникации, но не зафиксированных в печатных изданиях и в результате не включаемых в паремиографические коллекции [13]. По признанию В. Мидера, Ф. Шапиро, Ч.К. Дойла, авторов «Словаря современных пословиц» [14], именно паремии XX и начала XXI в. наименее репрезентативно представлены в словарях[3] [15. P. x–xi]. Для выявления современных пословиц паремиографами использовались различные методы: помимо анализа уже изданных сборников пословиц и фразеологизмов и различных современных электронных баз данных, исследователи обратились к материалу современных дискурсов, в том числе музыкального [16. P. 260]. Таким образом, среди 1 400 новых единиц коллекции почти 5% занимают пословицы, вошедшие в узус из текстов популярных песен. В качестве примеров можно привести такие ныне распространенные паремии, как:

Diamonds are a girl's best friends (одноименная песня Л. Робина / Leo Robin).

It takes two to tango (одноименная песня А. Хоффмана и Д. Мэннинга / Al Hoffman and Dick Manning).

A kiss is just a kiss (песня «As Times Goes By» из мюзикла «Everybody's Welcome»).

All you need is love (одноименная песня группы «The Beatles»).

Одну из причин незаинтересованности некоторых специалистов в анализе источников современных пословиц проф. В. Мидер видит в ошибочном скептическом восприятии этого фольклорного жанра, который, по свидетельству нескольких социологов, изжил себя. Данное утверждение ученый, естественным образом, оспаривает, приводя внушительный список работ, рассматривающих современное использование традиционных паремий в разных типах дискурса (с одной важной оговоркой, что в них мало внимания уделяется анализу современных единиц) [16. P. 240, 244–256]. Более того, проф. В. Мидер отмечает противоположную тенденцию: 90-е гг. XX в. он характеризует как расцвет паремиотворчества [17. P. 598]. Наши наблюдения за особенностями функционирования паремий в дискурсе популярной песни на английском языке выявили активное использование как старых, так и современных паремических единиц. Приведем некоторые примеры последних:

It ain't over till the fat lady sings / till it's over (группа «Infectious Grooves» песня «Violent and Funky» и др.).

One man's floor is another man's ceiling (П. Саймон / Paul Simon «One Man's Ceiling Is Another Man's Floor»).

Been there, done that (Dr Dre «Been There, Done That» и др.).

What you see is what you get (Б. Спирз / Britney Spears «What You See Is What You Get» и др.).

Fool me once, shame upon you; fool me twice, shame upon me (Би Би Кинг / B.B. King «Fool Me Once» и др.).

Any publicity is good publicity (Лил Роб / Lil Rob «Forever Live My Name»).

Money makes the world go round (Л. Миннелли / Liza Minnelli «Money, money» и др.).

Some things are better left unsaid (Дж. Тим-берлейк / Justin Timberlake «Cry Me a River» и др.).

A picture is worth a thousand words (группа «Bread» песня «If» и др.).

It's a man's world (Дж. Браун / James Brown «It's a Man's World» и др.).

The bigger they come, the harder they fall (Шер / Sher «The Bigger They Come, the Harder They Fall» и др.).

If you can't beat them, join them (группа «Queen» песня «If You Can't Beat Them»).

If you can't take the heat, get out of the kitchen (группа «Mötley Crüe» песня «Can't Have Your Cake»).

Say what you mean, and mean what you say (Мадонна / Madonna «Love Song»).

It's not the game, it's how you play it (Мадонна / Madonna «Over and Over»).

Life is a bitch, and then you die (группа «Rising Neptune» песня «Revenge Is Sweet»).

Smoking kills; Sex sells (Р. Уильямс / Robbie Williams «Make Me Pure»).

Множественное использование паремий в дискурсе популярной песни. Одним из любопытных аспектов творческого использования англо-американских паремий в дискурсе популярной песни является их множественное применение. В англо-американской паремиологии существует ряд работ, в которых упоминается данный феномен. В значимом труде «Proverbs. A Handbook» проф. В. Мидер указывает на группу «пословичных» поэтических произведений, среди которых называется известная поэма К. Сэндберга «Доброе утро, Америка» и перечисляются такие поэты, как Артур Гитерман, П. Малдун и др. [18. P. 225]. В 2005 г. вышла в свет «Антология английской пословичной поэзии» [19], в состав которой были включены тексты стихотворений и песен (XV–XXI вв.), написанных прославленными авторами, как, к примеру, Р. Фрост, Э. Дикинсон, А. Бирс, Б. Дилан, П. Маккартни и др. Вместе с тем В. Мидер отмечает, что традиция подобного множественного использования паремий или со-

здания текстов, полностью состоящих из пословичных единиц (явление, которое в своих исследованиях мы называем текстами-коллажами [10, 20, 21]), уходит корнями в Средние века в Европе. В научных статьях А.Л. Макфи и Ф. Макфи говорится о подобной тенденции аккумулировать пословичные единицы в турецких поэтических произведениях в период Османской империи (XIII–XX вв.) [22, 23]. Две группы «пословичных стихотворений» (proverb poems) рассматриваются и в главе, подготовленной Ч. Дойлем для книги «Introduction to Paremiology: A Comprehensive Guide to Proverb Studies» [24. P. 264–265]. Выделяются стихотворения, построенные из множества паремий, в которых обычно сюжет или тема оказываются на втором плане. Более многочисленную группу, по наблюдению автора, составляют серьезные поэтические произведения, написанные с использованием нескольких ключевых для раскрытия их темы паремий.

Считаем необходимым указать также и на тот факт, что «коллажирование» паремий и идиом в европейской культуре было характерно не только для поэзии, но и для изобразительного искусства. Наиболее значимым примером, несомненно, является известная картина голландского художника Питера Брейгеля Старшего «Нидерландские пословицы» (1559 г.), иллюстрирующая более чем сотню фольклорных единиц. Стоит заметить, что упомянутая картина – одно из многих, хотя и менее известных, полотен[4], на которых запечатлены множественные паремические сюжеты, часто представляющие распространенный в западноевропейском искусстве мотив «перевернутого мира» – сатирического изображения человеческой глупости и абсурдности, пародирования и высмеивания поведенческих норм. О неразрывной связи иконографии и паремиологии свидетельствует внушительный список трудов (более 350), посвященных изучению пословичных сюжетов в изобразительном искусстве, включенных в международную библиографию «Proverb Iconography: An International Bibliography» (1999 г.) [25].

Итак, подводя итог сказанному, отметим, что факт множественного использования паремий в дискурсе упоминается в научной литературе, хотя для его обозначения не предлагается специального термина, да и сам феномен лишь фиксируется, но не подвергается изучению. Между тем, как показывают наши наблюдения, подобные случаи творческого применения пословиц и поговорок представляют интереснейший материал как для филологического, так и дискурсивного анализа.

В рассмотренном фактическом материале все случаи множественного применения паремий можно разделить на два типа. Для **первого**, обозначаемого нами как **кластерное использование**, характерно вклинивание двух и более паремий (как узуальных, так и окказионально модифицированных) в «непаремический» контекст. Таким образом, происходит смешение пословичного и непословичного текстов, как, к примеру, в двух куплетах песни «Take What You Take» британской исполнительницы Л. Аллен / Lily Allen:

A picture paints a thousand words,
As one door closes, another one opens,
And two wrongs don't make a right
Now good things come to those who wait,
Take the highs with the lows dear,
You'll get what your given and everything's gonna be alright
<…>
Say what you say,
Do what you do
Feel what you feel,
As long as it's real.
<…>
Now by a horse I once was told
That all that glitters is not gold
And **all that is to fear is fear itself**
This horsey also told me
I **should keep my friends close**
But my enemies closer
So as to protect myself <…>

(Ср. A picture is worth a thousand words; When one door closes, another one opens; Two wrongs do not make a right; Good things come to those who wait; All that glitters is not gold; The only thing we have to fear is fear itself; Keep your friends close and (but) your enemies closer).

Второй тип множественного использования паремий был обозначен нами как **коллажирование**. В этом случае весь текст / или структурный элемент текста создается при помощи паремий (иногда с использованием других прецедентных феноменов) как в узуальной, так и окказиональной форме. Таким образом, дискурс выступает полотном, на которое накладываются паремические единицы как готовые элементы (тексты «ready-made»). Паремии, тем самым, организуют, выстраивают дискурсивное пространство. Мы предлагаем рассматривать коллажирование как дискурсивную стратегию, так как оно выступает одним из методов построения дискурса: планирования и осуществления дискурсивной деятельности. В качестве примера приведем текст песни популярного американского исполнителя Брюса Спрингстина / Bruce Springsteen «My Best Was Never Good Enough»:

Every cloud has a silver lining, **every dog has his day**
She said, 'Now **don't say nothin'**
if you don't have something nice to say.'
The tough, now they get going, when the going gets tough
But for you *my best was never good enough*
'Now don't try for *a home run*, baby
If you can get the *job done with a hit*'
Remember, **'A quitter never wins and a winner never quits'**
'The sun don't shine on a sleepin' dog's ass'
And all the rest of that stuff
But for you *my best was never good enough*
'If God gives you nothin' but lemons, then you make some lemonade'
'The early bird catches the fuckin' worm,
Rome wasn't built in a day'
'Now **life's like a box of chocolates,**
You never know what you're going to get'
'Stupid is as stupid does and all the rest of that shit'
Come'on pretty baby, call my bluff
'Cause for you *my best was never good enough.*

В рассматриваемом примере рассказана история несложившихся романтических отношений между нарратором и его возлюбленной, которая не смогла оценить стараний поклонника. Отсюда – название музыкальной композиции «My best was never good enough». Данная фраза, хотя и не являющаяся паремией, содержит элементы «good» и «best», противопоставленные в традиционной распространенной пословице The good is the enemy of the best (Хорошее – враг лучшего)[5]. Текст песни составлен из традиционных паремических единиц (Every cloud has a silver lining; Every dog has his day; A quitter never wins, a winner never quits; The early bird catches the worm; Rome wasn't built in a day; If you can't say something nice, don't say anything) и современных пословиц (The tough get going when the going gets tough; The sun doesn't shine on a sleeping dog's ass; If life gives you lemons, make lemonade; Life is like a box of chocolates; Stupid is as stupid does[6]). Фразы «home run» и далее «job done with a hit», продолжающие пословичный ряд, отсылают нас к спорту, точнее игре в бейсбол. Выражение «home run», уже приобретшее статус фразеологической единицы, по аналогии с называемой так же ситуацией в бейсболе, означает «полный успех». Вместе с тем в этих двух фразах можно усмотреть элементы традиционной пословицы A hit is as good as a run, как это делает С. Уиник в своем диссертационном исследовании [27]. Таким образом, пословичную цепочку в рассматриваемой песне можно было бы дополнить еще одной единицей.

Роль паремий на уровне структурной организации дискурса популярной англоязычной песни

Проведенное нами исследование особенностей функционирования англо-американских паремий в разных типах дискурса на английском языке показало, что пословично-поговорочные единицы не только выступают средством внутренней экспликации дискурса, но и в некоторых случаях являются его организующими элементами. Нами было введено понятие когнитивно-дискурсивной функции паремий, под которой подразумевается их роль как единиц дискурса в организации и представлении информации в дискурсивном пространстве [10]. Функция организации дискурса оказалась одной из важнейших когнитивно-дискурсивных функций пословиц, так как они способны не только организовывать дискурсивное пространство речевого произведения, но и раскрывать его функциональную перспективу и коммуникативное развитие [28–30].

По нашим наблюдениям, в рамках собранного фактического материала паремии используются в основных элементах структуры песенного дискурса – названиях, куплетах, припевах и бриджах («bridge») (подробно примеры будут рассмотрены далее), а также таких необязательных элементах, как предкуплет («pre-verse»), предприпев («pre-chorus») и импровизационной части (так называемой ad lib).

Подробнее остановимся на рассмотрении особенностей функционирования паремий в заголовках песенных текстов – их сильной позиции. Наш анализ подтвердил, что использование паремий (как в узуальной, так и окказиональной форме) способствует эффективной реализации функций возбуждения любопытства, передачи смысла (элемент значения), резюме. Выделяемая исследователями заголовков литературных произведений функция идентификации (приводится по: [31. P. 22–23]) не всегда обязательна для песенных названий. Нередко слушатель, не знающий названия той или иной композиции, может обозначать ее с помощью наиболее запоминающихся стихотворных строк – чаще всего из припева или другой повторяющейся части текста песни. Возможно, поэтому некоторые песни имеют двойные заглавия: авторское и дублирующее его «популярное», как, к примеру, песня в исполнении Б. Стрейзанд и Д. Саммер / Barbra Streisand and Donna Summer «No More Tears / **Enough Is Enough**».

В изученном в рамках предпринимаемого исследования материале было выявлено применение в названиях песен традиционных и модифицированных пословиц и поговорок. Стоит, однако, отметить, что в очень небольшом количестве песен (всего 36) паремии фигурируют в узуальной форме, что вполне объяснимо. Традиционно названия популярных песен появляются в других композиционных частях, поэтому авторам текстов приходится прибегать к различным трансформациям стандартных единиц в некоторых случаях для передачи необходимого содержания, в других – для сохранения ритмической структуры стиха.

В качестве примера приведем музыкальную композицию английской соул-исполнительницы и автора Дж. Стоун / Joss Stone, в которой узуальная паремия из названия дублируется в основных структурных частях – куплете и припеве. В песне «Less is More» героиня взывает к своему поклоннику, упорно пытающемуся добиться ее расположения, прибегая при этом к активному использованию пословичного языка. В предприпеве появляются сразу две пословицы: узуальная паремия Absence makes the heart grow fonder (ср.: Реже видишь – больше любишь) и модифицированная, но сохраняющая смысл пословица Change doesn't happen overnight (ср.: Не вдруг все делается):

Haven't you heard **absence makes the heart grow fonder**
Haven't you heard **nothing good comes overnight**
I'm telling you straight baby, just in case you wonder
It's turning me off, crowding me out, it's not right.

Заметим, что в популярной песне назначением предприпева, как правило, состоящего из 2–4 строк, является подготовка слушателя с помощью мелодии и слов к восприятию заключенной в припеве информации, что справедливо и по отношению к анализируемому музыкальному произведению. Припев, содержащий призыв героини к своему поклоннику, включает следующие строки:

Less is more
Back it up slow it down let it breathe
Cause you **too much of a good thing can be**
Bad
See we don't wanna go out like that
Less is more <…>

В припеве находим две схожие по смыслу пословицы: паремию Less is more (ср.: меньше – лучше),

дублирующую название песни, и паремию Too much of a good thing is good for nothing (ср.: Хорошего понемногу).

Таким образом, весь текст песни представляет собой обращение героини к навязчивому поклоннику. Из куплетов слушатель узнает о сложившейся любовной ситуации, в предприпеве девушка выражает свое негативное восприятие этих жизненных обстоятельств, прибегая к народным наблюдениям, заключенным в паремиях, а в припеве призывает мужчину изменить тактику и предостерегает о возможном расставании, вновь объясняя свое отношение к происходящему с помощью синонимичных и, следовательно, усиливающих значимость ее позиции, паремий. В анализируемом музыкальном произведении, тем самым, создается фразеологически насыщенный контекст. Важно при этом отметить, что поддерживающие, в общем, одну идею паремии попарно используются в повторяющихся элементах песни, а одна из них, лаконично формулирующая основной посыл композиции, выносится в название. Можно заключить, что такая концентрация пословичных единиц (интенсифицирующаяся при повторении припева и пред-припева) позволяет придать особую эмоциональность и экспрессивность речи лирической героини, выразить ее отношение к сложившейся ситуации.

Интерес для анализа представляет также композиция известного американского пианиста, исполнителя и композитора Б. Джоэла / Billy Joel «When in Rome», название которой содержит усеченную пословицу When in Rome do as the Romans do (ср.: В чужой монастырь со своим уставом не ходят), учащую вежливому поведению согласно правилам, установленным в принимающем гостя или окружающем человека обществе. В структурном плане песня организована тремя куплетами, словесным бриджем и завершающей песню импровизационной частью («ad lib»), предлагающую, как правило, новую трактовку исполнителем основной темы музыкального произведения и свежий взгляд на проблему. Отсутствие в песне Б. Джоэла припевов компенсируется повторением в каждом куплете последней строки, представляющей собой полную узуальную пословицу When in Rome, do as the Romans do («But when in Rome, do as the Romans do»). В каждой строке импровизационной части автор создает короткие образы-зарисовки повседневного круговорота жизни («Push those buttons and answer that phone», «Coffee in the morning and martinis at night», «Everybody's working up a big appetite»). Импровизация исполняется самим Б. Джоэлом, в то время как каждая спетая им строка сопровождается строкой «When in Rome, do as the Romans do» в исполнении женского хора, что позволяет представить пословицу как настоятельную рекомендацию, совет, которому необходимо следовать.

Можно заключить, что в рассмотренной музыкальной композиции паремия When in Rome, do as the Romans do служит для семантического выделения значимой информации. С ее помощью во всех структурных элементах песни выражается мысль о необходимости играть по правилам, диктуемым окружающим человека обществом. Одновременно с этим, по нашему мнению, пословица выполняет и эвфемистическую функцию, так как позволяет в тексте песни «завуалировать» с помощью образного выражения и тем самым корректно передать идею о лицемерии, царящем в социуме, с которым, впрочем, автор композиции соглашается.

Особый интерес для анализа представляют песни, в которых узуальная пословица используется только в заголовке и не повторяется в других ее частях. По нашим наблюдениям, значимость пословично-поговорочных единиц в таких композициях возрастает. В качестве примера можно привести песню культовой американской рок-группы «Нирвана» / «Nirvana» с двойным названием «Misery loves company» / «Spectre». Данное музыкальное произведение, посвященное, с нашей точки зрения, проблеме духовного роста человека, поиска себя, состоит всего из двух куплетов. В нем автор выступает как опытный советчик, по-видимому, прошедший сложный путь самопознания. Одно из двух названий («Spectre») используется как характеристика или «имя» героя песни, который живет как фантом, призрак с ощущением несчастья, испытывая страдания из-за того, что происходящее в его жизни воспринимается им как неправильное. Альтернативное пословичное заглавие, как представляется, играет главную роль в толковании текста песни. Ее последнюю строку «Finally he appeared unexpectedly / Looking for company» можно рассматривать как аллюзию на вынесенную в заголовок паремию Misery loves company (ср.: С миром и беда не убыток), которая, однако, становится очевидной при учете пословичного названия. Данная узуальная паремия, в нашем понимании, также способствует выделению значимой информации: содержащаяся в ней мысль о том, что несчастный, не принимающий жизнь человек, не может быть один и поэтому тяготеет к некой компании ничем не отличающихся от него, страдающих людей, оказывается ключевой для толкования произведения.

В целом ряде популярных песен из собранного фактического материала паремии в заглавиях модифицируются: пословицы не употребляются полностью, а применяются лишь некоторые их элементы. Так, частыми приемами модификации становятся усечение (использование либо начальной, либо конечной части узуальной единицы), как, к примеру, Э. Пресли / Elvis Presley «Fools Rush In» (ср.: Fools rush in where angels fear to tread), Алия / Aaliyah «Try Again» (ср.: If at first you don't succeed, try again) или использование вычлененных из традиционной единицы элементов образа, как в названии композиции известной британской рок-группы «Duran Duran» «The Drowning Man» (ср.: The drowning man grabs/will catch at a straw), «Metallica» «Eye of the Beholder» (Ср.: Beauty is in the eye of the beholder), «Xtc» «Too Many Cooks in the Kitchen» (ср.: Too many cooks spoil the broth).

Особенности применения паремий в дуэтах

Любопытный материал для исследования представляют также тексты песен в исполнении дуэтов музыкантов. Дуэт – музыкальное произведение для двух различных голосов с инструментальным сопровождением – позволяет реализовывать одну из основ-

ных характеристик песенного дискурса – диалогичность. Наши наблюдения показывают, что обычно (но не всегда) в песнях-дуэтах имитируется естественная беседа, что сближает песенный и бытовой дискурсы. Зачастую создается иллюзия, что слушатель становится свидетелем разговора героев музыкальной композиции или оказывается «посвященным» в детали их личной жизни, знакомится с сокровенными мыслями, проникает в их внутренний мир. Использование диалога делает возможным в некоторых случаях представить две разные точки зрения (форма в этом случае служит для подчеркивания антагонизма), в других – способствует выделению единодушного мнения и, тем самым, усилению одной, общей для нарраторов, позиции.

Проследим, как паремии функционируют в рассмотренных нами текстах популярных дуэтов[7]. Были проанализированы дуэты с мужским и женским голосами, двумя мужскими и двумя женскими голосами, которые, как выяснилось, имеют свои дискурсивные особенности (содержательные, композиционные, исполнительские).

Пользовавшаяся большой популярностью в 90-е гг. песня «The Best Things in Life Are Free» исполняется разнополым дуэтом Дж. Джексон и Л. Вандросса / Janet Jackson and Luther Vandross. Текст обсуждаемой композиции, посвященной теме любви, построен как диалог двух влюбленных. В самом начале песни женский голос обращает пословичный вопрос к своему партнеру:

Boy, when you look at me, boy

Do you judge me by my cover?

Перевод утвердительного предложения в вопросительное как прием окказиональной модификации пословицы You can't / Don't judge a book by its cover (ср.: Принимают по одежке, провожают по уму), применяемый в анализируемом контексте, позволяет компактно, но вместе с тем емко обрисовать видение девушки отношения к ней ее возлюбленного.

В обсуждаемой композиции женщина выступает инициатором «беседы» (женская партия открывает песню) и выразителем общего для партнеров (что становится очевидным в припеве) восприятия любви и взаимоотношений влюбленных:

Sorry you can't buy my kisses

Open your heart and see

True love comes for free.

В предприпеве, который готовит слушателя к восприятию важной информации, содержащейся в припеве, героиня еще раз пытается убедить любимого в том, что ее чувство неподдельно («you won't pay nothin' for this good lovin' / It's for free»). Фразы «True love comes for free» (припев / женская партия) и «It's for free» (предприпев / женская партия) можно рассматривать в данном контексте как аллюзии на распространенную пословицу The best things in life are free (За все лучшее в жизни не надо платить), которая в узуальной форме появляется в припеве и используется как его обрамление:

The best things in life are free

Now that I've discovered what you mean to me

The best things in life are free

Now that we've got each other

The best things in life are free.

Символично, на наш взгляд, что припев исполняется и мужским и женским голосом одновременно, что позволяет продемонстрировать уже ставшее общим убеждение, выраженное в паремии, отношение к сложившемуся союзу двух влюбленных людей. Обращение героини песни, таким образом, оказывается действенным и находит отклик в душе партнера. Пословица, вынесенная в название и используемая в припеве, а также аллюзии на нее в других структурных частях музыкального произведения позволяют сфокусировать внимание слушателя на значимой информации.

Рассмотрим пример женского дуэта. Музыкальная композиция в исполнении Барбары Стрейзанд и Донны Саммер / Barbra Streisand and Donna Summer имеет двойное название, одно из которых – пословица «No More Tears / **Enough is Enough**». Героини данного произведения выступают в качестве подруг, оказавшихся в сходной жизненной ситуации предательства со стороны любимого, поэтому в песенном «разговоре», повествуя о своих переживаниях и душевных терзаниях, обращают друг к другу слова поддержки в пред-припеве и затем в припеве выказывают готовность прекратить причиняющие боль отношения:

Just look him in the eye and simply shout:

Enough is enough

I can't go on, I can't go on no more no

Enough is enough

I want him out, I want him out that door now

Enough is enough

Enough is enough

That's enough.

Так, лаконичная по форме паремия Enough is enough (ср.: Чаша терпения переполнилась) применяется в песне для эмоционального выделения, так как передает психологическое состояние, внутреннее напряжение и эмоциональное отношение героинь к сложившимся жизненным обстоятельствам.

Для примера мужского дуэта обратимся к известной композиции «Ebony and Ivory» («Черное дерево и слоновая кость») в исполнении мэтров музыкальной сцены П. Маккартни и С. Уандера / Paul McCartney and Stevie Wonder. В нашем фактическом материале это единственный дуэт, посвященный социальной тематике. В данной композиции припев является открывающим структурным элементом и, таким образом, куплет (а не припев) выполняет «разъясняющую» функцию и наделяется большей информационной нагрузкой в дискурсе. Стоит также отметить, что в композиционном плане анализируемый дуэт не является диалогом, но последовательным и совместным повествованием двух нарраторов. В припеве представляется взгляд на внешние людские различия как на естественные различия природных материалов, прекрасно уживающихся вместе в одном инструменте («Ebony and Ivory / Live together in perfect harmony / Side by side on my piano keyboard»). Нарраторы обращаются с мольбой к Богу о возможности такого же гармоничного сосуществования на земле представителей разных рас («Oh Lord, why don't we?»). Несмот-

ря на отсутствие диалога как такового, именно дуэтное исполнение оказывается наиболее эффектным и эффективным, что, по нашему мнению, напрямую связано с личностями великих музыкантов – чернокожего С. Уандера и представителя белой расы П. Маккартни. Так, помимо аудиоряда (текста песни), визуальный образ (видеоклип, фоновое знание / представление слушателей о певцах) имеет значение. На текстуальном уровне, тем не менее, именно паремия (совместно с образом гармоничного союза слоновой кости и черного дерева) играет особую роль в вербальном оформлении и передаче главного послания музыкального произведения в куплете (повторяется два раза):

We all know that people are the same
wherever you go
There's good and bad in everyone.

Согласно содержащемуся в паремии There's good and bad in everyone наблюдению в каждом из нас есть положительные и отрицательные стороны – это и объединяет всех людей. Основываясь на мысли о единстве человеческой природы, нарраторы пытаются показать, что гармоничные взаимоотношения внешне не похожих людей возможны. Пословица, таким образом, также позволяет выделить важную мысль.

Заключение

Обзор существующих исследований функционирования паремий в текстах англоязычных песен показал недостаточную степень разработанности вопроса.

Осуществленный анализ специфики функционирования англо-американских паремий в дискурсе англоязычной популярной песни позволяет заключить, что данные языковые единицы помогают реализовывать основные его характеристики и раскрывают тематику музыкальных произведений (любовная и социальная). Активное применение пословиц связано с основной функцией (развлекательностью) и целью этого типа дискурса (воздействия на эмоциональную сферу слушателя); отсюда – частое и эффективное применение паремий для фокусирования внимания слушателей на значимой в когнитивном и эмоциональном плане информации. Окказиональное использование паремий характерно для дискурса англоязычной популярной музыки. Творческая модификация, обусловленная факторами прагматического и когнитивного порядка, позволяет адаптировать пословицы к любой дискурсивной ситуации и осуществляется в дискурсе поп-музыки на семантическом и структурно-семантическом уровнях.

Проведенный анализ показал, что дискурс англоязычной поп-песни является одним из основных источников современных паремических единиц и платформой для их активного использования.

В качестве отличительной черты дискурса популярной песни, родственного поэтическому дискурсу, выделено множественное применение паремий, подразделяемое в работе на два вида: паремические кластеры и коллажирование. Паремические коллажи могут занимать пространство всего текста музыкального произведения или выступать его структурным(и) элементом(ами), что позволяет рассматривать данный тип множественного использования пословиц как дискурсивную стратегию, как метод построения дискурса.

Оценивая роль паремий на структурном уровне дискурса поп-песни, можно отметить, что они используются как в основных, так и необязательных элементах структуры песенного дискурса. В малом количестве песен пословицы появляются в названиях в узуальной форме. Использование узуальной паремии в названии лишает его определенности и адресует бесконечному числу слушателей. Так, пословичные названия только совместно с припевом (иногда с другими повторяющимися структурными элементами песни) оказываются своего рода «интерпретационными ключами». Активная модификация паремий в заглавиях песен закономерна и вызвана содержательными и / или композиционными особенностями музыкального произведения. Наиболее частыми приемами модификации являются усечение и использование вычлененных из традиционной единицы элементов образа.

Применение паремий в песнях-дуэтах в рамках фактического материала способствует реализации и такой значимой дискурсивной черты популярной песни, как диалогичность. При прослушивании часто создается иллюзия, что слушатель становится свидетелем беседы героев музыкального произведения или проникает в их внутренний мир. Так, использование паремий в дуэтах (мужских, женских и смешанных) способствует обозначению разделяемого мнения и, тем самым, укрепляет общую для нарраторов позицию.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Подробнее о данном феномене речь пойдет ниже (Множественное использование паремий в дискурсе популярной песни).

[2] Считаем необходимым пояснить, что термин «паремиотворчество» понимается нами как довольно широкий феномен и используется как для обозначения фактов регистрации новых пословиц, так и творческого использования традиционных единиц.

[3] Коллектив авторов словаря в своей работе ориентировался на единицы, созданные за последние сто лет (не ранее 1900 г.).

[4] Среди прочих можно назвать картины и рисунки Франца Хогенберга, Себастиана Вранкса, Давида Тенирса II.

[5] В английском языке распространена и обратная по смыслу пословица The best is the enemy of the good (ср.: Лучшее – враг хорошего), также существующая и в русском паремическом фонде.

[6] Обратим внимание на тот факт, что распространенная ныне пословица Life is just a box of chocolate(s), зафиксированная в Словаре современных пословиц [14], представляет собой усеченную цитату из киноленты «Форрест Гамп» (1994 г.) «My mom always said life was like a box of chocolates. You never know what you're gonna get». В тексте обсуждаемой песни Б. Спрингстина (1995 г.) приводится полная цитата из фильма, что вполне закономерно, так как в год написания музыкальной композиции фраза еще не могла претендовать на статус паремии. Относительно второй единицы Stupid is as stupid does, также обязанной своей популярностью фильму «Форрест Гамп», стоит сказать, что ее пословичный статус обосновывается в исследованиях авторитетного американского фольклориста С. Уиника / S.D. Winick [26; 27. P. 83–134]. Она включена в приложение к Словарю современных пословиц, которое в настоящее время готовится к изданию. Возвращаясь к тексту обсуждаемого музыкального произведения, написанного более 20 лет назад, заметим, что, на наш взгляд, употребление двух «гампи-

низмов» в одном ряду с традиционными паремиями свидетельствует о заложенном в них пословичном потенциале, хотя и по мнению, как в данном случае, отдельно взятого автора-песенника.

[7] В отборе материала для исследования мы ориентировались на данные статей «50 Best Duets Ever» (URL: http://www.telegraph.co.uk/culture/music/rockandjazzmusic/3606080/50-best-duets-ever.html) и «Best Duet Songs of the 20th Century – Top 10 Best Duets of All Time» (URL: http://www.squidoo.com/best-duet-songs).

ЛИТЕРАТУРА

1. Frith S. Taking Popular Music Seriously: Selected Essays. Aldershot : Ashgate Publishing, 2007. 343 p.
2. Cohen H.L. Proverbs and the Ballade // The Ballade. New York : Columbia University Press, 1915. P. 94–102.
3. Whiting B.J. Proverbial Material for the Popular Ballad // Journal of American Folklore. 1934. № 47. P. 22–44.
4. Sweterlitsch R. Reexamining the Proverb in the Child Ballad // Proverbium. 1985. № 2. P. 233–256.
5. Bryant M.M. Proverbial Lore in American Life and Speech // Western Folklore. 1951. Vol. 10, № 2. P. 134–142.
6. Mieder W. American Proverbs: A Study of Texts and Contexts. Bern ; Frankfurt am Mein ; New York ; Paris : Lang, 1989. 394 p.
7. Folsom S. Introduction // Dictionary of Proverbs in American Country Music Hits, 1986–1996. Stillwater, Oklahoma : Oklahoma State University Press, 1997. P. 1–7.
8. Bowden B. Performed Literature: Words and Music by Bob Dylan. Bloomington, Indiana : Indiana University Press, 1982. 256 p.
9. Gutmann F. “Because You’re Mine, I Walk the Line”: Sprichwörtliches in ausgewälten Liedern von Johnny Cash // Sprichwörter sind Goldes Wert. Parömiologische Studien zu Kultur, Literatur und Medien. Burlington, Vermont : The University of Vermont, 2007. P. 177–194.
10. Константинова А.А. Когнитивно-дискурсивные функции пословиц и поговорок в разных типах дискурса на английском языке : дис. … д-ра филол. наук. М., 2012. 434 с.
11. Константинова А.А. Коммуникативно-прагматический потенциал пословиц и поговорок в современной англо-американской прессе : дис. … канд. филол. наук. Тула, 2007. 206 с.
12. Константинова А.А. Окказиональная трансформация англо-американских паремий в свете когнитивно-дискурсивного подхода в лингвистике // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 348. С. 24–28.
13. Taylor A. The Study of Proverbs // Modern Language Forum. 1993. № 24. P. 57–63.
14. Doyle Ch.C., Mieder W., Shapiro F. The Dictionary of Modern Proverbs. Yale University Press, 2012. 312 p.
15. Mieder W. «Think Outside the Box»: Origin, Nature, and Meaning of Modern Anglo-American Proverbs // Proverbium. 2012. № 29. P. 137–196.
16. Mieder W. «New Proverbs Run Deep»: Prolegomena to a Dictionary of Modern Anglo-American Proverbs // Proverbium. 2009. № 26. P. 237–274.
17. Mieder W. Proverbs // American Folklore. An Encyclopedia. New York : Garland Publishing, 1996. P. 597–601.
18. Mieder W. Proverbs. A Handbook. Westport, Connecticut : Greenwood Press, 2004. 304 p.
19. “So Many Heads, So Many Wits”: An Anthology of English Proverb Poetry / ed. by Wolfgang Mieder, Janet Sobieski. Burlington, Vermont : The University of Vermont Press, 2005.
20. Konstantinova A. Multiple Use of Proverbs in Discourse // «Bis dat, qui cito dat»: «Gegengabe» in Paremiology, Folklore, Language, and Literature. Honoring Wolfgang Mieder on His Seventieth Birthday / ed. by Kevin J. McKenna, Christian Grandl. 2015. P. 199–204.
21. Konstantinova A. Proverbs in Mass Media // Introduction to Paremiology: A Comprehensive Guide to Proverb Studies / ed. by Hrisztalina Hrisztova-Gotthardt, Melita Aleksa Varga. 2014. P. 276–293.
22. Macfie A.L., Macfie F. A Proverb Poem by Levni // Asian Folklore Studies. 1989. Vol. 48, № 2. P. 189–193.
23. Macfie A.L., Macfie F. A Proverb Poem by Refiki // Asian Folklore Studies. 2001. Vol. 460, № 1. P. 5–19.
24. Doyle Ch.C. Proverbs in Literature // Introduction to Paremiology: A Comprehensive Guide to Proverb Studies / ed. by Hrisztalina Hrisztova-Gotthardt, Melita Aleksa Varga. 2014. P. 262–275.
25. Proverb Iconography: An International Bibliography / ed. by Wolfgang Mieder, Janet Sobieski. New York : Peter Lang Publishing, 1999. 225 p.
26. Winick S.D. Proverb is as Proverb Does: Forrest Gump, the Catchphrase, and the Proverb // Proverbium. 2013. № 30. P. 377–428.
27. Winick S.D. Intertextuality and Proverbial Innovation in Popular Culture: Dissertation. University of Pennsylvania, 1998. 360 p.
28. Konstantinova A. Proverbs in an American Musical: A Cognitive-Discursive Study of the «Full Monty» // Proverbium. 2012. № 29. P. 67–94.
29. Константинова А.А. Когнитивно-дискурсивные аспекты функционирования англо-американских паремий в дискурсе печатного интервью-портрета // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. Вып. 3, ч. 2. Тула : Изд-во ТулГУ, 2011. С. 392–402.
30. Константинова А.А. К вопросу о когнитивно-дискурсивных аспектах паремий: функция структурной организации дискурса // Lingua mobilis. 2011. № 31. С. 44–49.
31. Gill P. «The Name of the Game»: Form and Function of Episode Titles in Grey’s Anatomy // Grace under Pressure: Grey’s Anatomy Uncovered / ed. by Cynthia Burkehead and Hillary Robson. Cambridge : Cambridge Scholars Publishing, 2008. P. 22–30.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ПРИМЕРОВ

1. http://www.azlyrics.com/
2. http://www.metrolyrics.com/
3. http://www.elyrics.net/
4. http://www.lyricsmode.com/
5. http://www.mtv.com/lyrics/

Статья представлена научной редакцией «Филология» 24 сентября 2017 г.

PAREMIAS IN THE DISCOURSE OF ENGLISH-LANGUAGE POPULAR SONGS

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 424, 16–25.
DOI: 10.17223/15617793/424/3

Anna A. Konstantinova, Kuban State University of Technology (Krasnodar, Russian Federation). E-mail: constanna@mail.ru

Keywords: Anglo-American paremias; popular song discourse; pop music; function of structural organization; paremiological creativity; multiple use of proverbs; duet.

The present paper explores different aspects of proverb use in the English-language popular music discourse. The examples have been drawn from music hits dated no earlier than 1980 (except for several duets popular in the 1960s). First, the author gives a brief characterization of the pop song discourse. As a segment of mass culture it can be described as having the following features: accessibility, intended mass audience, hedonism (entertaining function), commercial nature, emotionality, complex (synthetic) nature of

the song, axiological and dialogical character. The thematic scope is limited to two broad zones: love and society. Second, the author presents the results of the theoretical overview of the existing research into the problem, which showed it needs further investigation. Third, the author explores various aspects of paremiological creativity. As the research demonstrates, modified paremias are predominant in the English-language popular music discourse, and can be considered its characteristic feature. Creative modification, predetermined by pragmatic and cognitive factors, enables the author of a song to adapt proverbs to any context. It occurs on the semantic and structural-semantic level of the popular music discourse. The author also looks at how modern proverbs are employed by song writers. It is shown that popular songs are one of the main sources that have given rise to numerous new paremias and serve as an efficient platform for making them known to masses. In addition, the author highlights the phenomenon of the multiple use of proverbs in pop music. The notions "proverb clusters" and "proverb collages" are introduced. Proverb collages may constitute the entire lyrics or their structural element(s). Thus, they can be regarded as a method of building the discourse. Fourth, the author studies the performance of proverbs on the structural level of popular music discourse with special focus on their role in song titles. They are employed in the formal sections of the song (title, verse, chorus, bridge) and its additional elements (pre-verse, pre-chorus, *ad lib*). In very few cases standard (non-transformed) paremias are used in the titles. Active modification of proverbs in the titling process is accounted for by the content and compositional features of popular songs. Truncation and the use of the elements of the traditional proverb imagery are singled out as the most frequently employed modification devices. Last, the author explores how paremias function in duets. It is noted that they contribute to the creation of the dialogical mode of the popular song. It is concluded that proverbs are one of the preferred tools for conveying a myriad of attitudes, emotions, opinions, beliefs and such in pop-music. When featured in song lyrics proverbs help support the topics treated in them. Profuse use of paremias is predetermined by the entertaining function of the popular music discourse and its main goal of affecting the emotions of the intended mass audience.

REFERENCES

1. Frith, S. (2007) *Taking Popular Music Seriously: Selected Essays*. Aldershot: Ashgate Publishing.
2. Cohen, H.L. (1915) *The Ballade*. New York: Columbia University Press. pp. 94–102.
3. Whiting, B.J. (1934) Proverbial Material for the Popular Ballad. *Journal of American Folklore*. 47. pp. 22–44.
4. Sweterlitsch, R. (1985) Reexamining the Proverb in the Child Ballad. *Proverbium*. 2. pp. 233–256.
5. Bryant, M.M. (1951) Proverbial Lore in American Life and Speech. *Western Folklore*. 10 (2). pp. 134–142.
6. Mieder, W. (1989) *American Proverbs: A Study of Texts and Contexts*. Bern; Frankfurt am Mein; New York; Paris: Lang.
7. Folsom, S. (1997) Introduction. In: *Dictionary of Proverbs in American Country Music Hits, 1986–1996*. Stillwater, Oklahoma: Oklahoma State University Press.
8. Bowden, B. (1982) *Performed Literature: Words and Music by Bob Dylan*. Bloomington, Indiana: Indiana University Press.
9. Gutmann, F. (2007) "Because You're Mine, I Walk the Line": Sprichwörtliches in ausgewälten Liedern von Johnny Cash [Proverbs in selected songs by Johnny Cash]. In: *Sprichwörter sind Goldes Wert. Parömiologische Studien zu Kultur, Literatur und Medien* [Proverbs are gold's value. Paremiological studies on culture, literature and media]. Burlington, Vermont: The University of Vermont.
10. Konstantinova, A.A. (2012) *Kognitivno-diskursivnye funktsii poslovits i pogovorok v raznykh tipakh diskursa na angliyskom yazyke* [Cognitive-discursive functions of proverbs and sayings in different types of discourse in English]. Philology Dr. Diss. Moscow.
11. Konstantinova, A.A. (2007) *Kommunikativno-pragmaticheskiy potentsial poslovits i pogovorok v sovremennoy anglo-amerikanskoy presse* [The communicative and pragmatic potential of proverbs and sayings in the modern Anglo-American press]. Philology Cand. Diss. Tula.
12. Konstantinova, A.A. (2011) Anglo-American Paremias Nonce Transformation in the Light of Cognitive-Discursive Approach in Linguistics. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 348. pp. 24–28. (In Russian).
13. Taylor, A. (1993) The Study of Proverbs. *Modern Language Forum*. 24. pp. 57–63.
14. Doyle, Ch.C., Mieder, W. & Shapiro, F. (2012) *The Dictionary of Modern Proverbs*. Yale University Press.
15. Mieder, W. (2012) "Think Outside the Box": Origin, Nature, and Meaning of Modern Anglo-American Proverbs. *Proverbium*. 29. pp. 137–196.
16. Mieder, W. (2009) "New Proverbs Run Deep": Prolegomena to a Dictionary of Modern Anglo-American Proverbs. *Proverbium*. 26. pp. 237–274.
17. Mieder, W. (1996) Proverbs. In: Brunvang, J.H. (ed.) *American Folklore. An Encyclopedia*. New York: Garland Publishing.
18. Mieder, W. (2004) *Proverbs. A Handbook*. Westport, Connecticut: Greenwood Press.
19. Mieder, M. & Sobieski, J. (eds) (2004) *"So Many Heads, So Many Wits": An Anthology of English Proverb Poetry*. Burlington, Vermont: The University of Vermont Press.
20. Konstantinova, A. (2015) Multiple Use of Proverbs in Discourse. In: MsKenna, K.J. & Grandl, C. (eds) *"Bis dat, qui cito dat": "Gegengabe" in Paremiology, Folklore, Language, and Literature. Honoring Wolfgang Mieder on His Seventieth Birthday*. Peter Lang GmbH.
21. Konstantinova, A. (2014) Proverbs in Mass Media. In: Hrisztova-Gotthardt, H. & Varga, M.A. (eds) *Introduction to Paremiology: A Comprehensive Guide to Proverb Studies*. De Gruyter Open.
22. Macfie, A.L. & Macfie, F. (1989) A Proverb Poem by Levni. *Asian Folklore Studies*. 48 (2). pp. 189–193.
23. Macfie, A.L. & Macfie, F. (2001) A Proverb Poem by Refiki. *Asian Folklore Studies*. 460 (1). pp. 5–19.
24. Doyle, Ch.C. (2014) Proverbs in Literature. In: Hrisztova-Gotthardt, H. & Varga, M.A. (eds) *Introduction to Paremiology: A Comprehensive Guide to Proverb Studies*. De Gruyter Open.
25. Mieder, W. & Sobieski, J. (eds) (1999) *Proverb Iconography: An International Bibliography*. New York: Peter Lang Publishing.
26. Winick, S.D. (2013) Proverb is as Proverb Does: Forrest Gump, the Catchphrase, and the Proverb. *Proverbium*. 30. pp. 377–428.
27. Winick, S.D. (1998) *Intertextuality and Proverbial Innovation in Popular Culture: Dissertation*. University of Pennsylvania.
28. Konstantinova, A. (2012) Proverbs in an American Musical: A Cognitive-Discursive Study of the "Full Monty". *Proverbium*. 29. pp. 67–94.
29. Konstantinova, A.A. (2011) Cognitive-discursive peculiarities of Anglo-American paroemias functioning in the print feature interview discourse. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki*. 3:2. pp. 392–402. (In Russian).
30. Konstantinova, A.A. (2011) K voprosu o kognitivno-diskursivnykh aspektakh paremiy: funktsiya strukturnoy organizatsii diskursa [On the issue of cognitive-discursive aspects of paremia: the function of the structural organization of discourse]. *Lingua mobilis*. 31. pp. 44–49.
31. Gill, P. (2008) "The Name of the Game": Form and Function of Episode Titles in Grey's Anatomy. In: Burkehead C. & Robson, H. (ed.) *Grace under Pressure: Grey's Anatomy Uncovered*. Cambridge: Cambridge Scholars Publishing.

SOURCES

1. http://www.azlyrics.com/.
2. http://www.metrolyrics.com/.
3. http://www.elyrics.net/.
4. http://www.lyricsmode.com/.
5. http://www.mtv.com/lyrics/.

Received: 24 September 2017

Вестник Томского государственного университета. 2017. № 424. С. 26–34. DOI: 10.17223/15617793/424/4

УДК 81'1

А.А. Миклашевский

О ВЫСОКОМ И НИЗКОМ: ПРОСТРАНСТВЕННАЯ СЕМАНТИКА АБСТРАКТНЫХ И КОНКРЕТНЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

Результаты были получены в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России (проект № 34.8862.2017/9.10).

Проведен анализ пространственной семантики различных категорий русских существительных, входящих в психолингвистическую базу данных; особое внимание уделяется абстрактным концептам. Выявлены различия пространственной семантики наименований физических ощущений и действий, эмоций, ментальных процессов. Полученные результаты обсуждаются с точки зрения отдельных подходов в рамках теории воплощенного познания – теории концептуальной метафоры, теории слов как социальных инструментов (WAT, Words As social Tools), нейросемантики.

Ключевые слова: воплощенное познание; пространственная семантика; концептуальная метафора; нейросемантика; слова как социальные инструменты; психолингвистическая база данных; абстрактные концепты.

Введение. Пространственная информация в структуре концепта / значения. Пространство – одна из базовых категорий человеческого мышления, обладающая большим значением для концептуальной системы в целом. В языке есть набор специальных средств для выражения пространственных отношений [1–4]. При этом современные исследования в рамках теории воплощенного познания показывают, что даже лексические единицы, не обладающие эксплицитно выраженной пространственной семантикой (как, например, *верх*, *низ*, *даль* и т.п.), тем не менее, способны активировать соответствующие пространственные концепты. В исследованиях [5–8] показано, что слова, референт которых имеет типичную локализацию, могут смещать внимание в соответствующем направлении. Так, например, слова *солнце*, *птица*, *облако* (референты локализованы в верхней части зрительного поля) или *трава*, *асфальт*, *ботинок* (референты локализованы в нижней части зрительного поля), смещают внимание участников эксперимента в процессе когнитивной обработки в верхнем или нижнем направлении соответственно. Данный эффект объясняется процессом ментальной симуляции (mental simulation), которая, согласно теории воплощенного познания, является необходимым условием понимания символов, таких как слова естественного языка [9]. Данные экспериментальных исследований подтверждают, таким образом, что пространственная локализация объекта в зрительном поле, наряду с другой сенсомоторной информацией, является существенной частью содержания концепта (семантики языковой единицы[1]), и данная информация активируется при обработке соответствующих языковых стимулов. Более того, аналогичные пространственные смещения внимания могут быть вызваны и при обработке абстрактных концептов с положительной vs отрицательной эмоциональной / оценочной нагруженностью, как это показано в [12].

Пространственная информация в структуре концептов (в том числе абстрактных, таких как счастье и горе, сознание и бессознательное, жизнь и смерть и т.п.) является предметом анализа и в рамках теории концептуальной метафоры [13]. Согласно данной теории, человек понимает более сложные абстрактные концепты опосредованно, основываясь на базовых физических ощущениях, возникающих при ориентировании в пространстве.

При этом имеющиеся лингвистические подходы к представлению семантики не позволяют систематически выявить и описать перцептивную и пространственную информацию в структуре концепта / значения. В качестве метода, преодолевающего данное ограничение, в статье Резановой и Миклашевского (2016)[2] [14] предлагается метод психолингвистических баз данных. Перевод слабоструктурированной семантической информации (такой, например, как перцептивный, моторный опыт в структуре концепта) в числовую позволяет применять статистические методы анализа для проверки гипотез. Аналогичные базы данных создаются и для других языков – английского [15], испанского [16], итальянского [17], немецкого [18]. Примеры подобных проектов на материале русского языка можно найти в работах [19–22]. В рамках проекта, выполненного в лаборатории когнитивных исследований языка ТГУ, была собрана информация о перцептивном опыте, связанном с 506 существительными русского языка, в том числе данные о типичной пространственной локализации референта на вертикальной шкале[3] [14]. Одной из отличительных особенностей проекта является то, что в базу данных включены как конкретные, так и абстрактные существительные. В настоящем исследовании данные о пространственной локализации референта используются для проверки ряда гипотез.

Гипотезы. Согласно теории концептуальной метафоры вертикальное пространство (верх vs низ) служит доменом-источником для понимания более сложных абстрактных явлений, включая эмоции (положительные vs отрицательные), психику (сознательное vs бессознательное), комплексные физические состояния (здоровье vs болезнь), социальные отношения (власть vs зависимость), количества (много vs мало), оценку (хорошо vs плохо). Данные концептуальные соответствия были выявлены при помощи анализа так называемых ориентационных метафор, которые широко распространены в различных культурах. База данных, представленная в работе Резановой и Миклашевского (2016) [14], используется в настоящем исследовании для проверки ряда гипотез относительно пространственной семантики существительных:

Гипотеза № 1. *Разные семантические группы будут различаться по своей пространственной семантике, т.е. категории (по крайней мере, некоторые из них) имплицитно содержат в своей семантической структуре специфические пространственные признаки.* Важно отметить, что речь идет о пространственной семантике единиц, функционально не предназначенных для выражения пространственных отношений, аналогично с примерами, рассмотренными выше (*солнце* vs *трава*, относящиеся к верхнему vs нижнему пространству), т.е. такой семантике, которая традиционно не анализировалась лингвистами для данных категорий.

Гипотеза № 2. *Категории абстрактных существительных также будут различаться между собой по пространственной семантике, поскольку многие абстрактные существительные образованы в результате метафорического моделирования на основе пространственного домена с его двумя различными полюсами вертикали (верх – низ).* В данном случае речь идет не об отдельных парах существительных (*добро* vs *зло*; *счастье* vs *горе*), а о семантических категориях (интеллектуальные процессы и состояния, действия, эмоции, физические ощущения).

Гипотеза № 3. *Наименования интеллектуальных процессов и состояний будут расположены выше в субъективном пространстве, чем наименования эмоций / физических ощущений / процессов и состояний, поскольку все ментальные явления относятся к «верхнему» полюсу оппозиции «сознание – бессознательное».* То есть слова *мысль*, *воображение*, *сознание* и т.п. должны в среднем получать более высокие оценки расположения в виртуальном субъективном пространстве, чем слова *веселье, боль, бег* и т.п.

Гипотеза № 4. *Наименования эмоций будут расположены выше в субъективном пространстве, чем наименования физических ощущений (как следствие той же оппозиции «сознание – бессознательное», эмоции предполагают большее участие сознания, нежели физические ощущения).* Примеры наименований эмоций: *веселье, вина, волнение, гнев, гордость*; примеры наименований физических ощущений – *боль, мягкость, тошнота, сырость, яркость, цвет.* Как видно из примеров, во вторую группу в основном входят наименования ощущений зрительной и тактильной модальностей восприятия.

Гипотеза № 5. *Наименования положительных эмоций будут расположены выше в субъективном пространстве, чем отрицательных (что напрямую предсказывает теория концептуальной метафоры, а также результаты, продемонстрированные в* [10]*).* Примерами наименований положительных эмоций в рассматриваемой базе данных могут служить *гордость, эйфория, удовольствие*; отрицательных – *обида*, *скука*, *печаль*.

Анализ данных. Полученные результаты. В табл. 1 приведена дескриптивная статистика для всех категорий, представленных в базе данных. Этот и все последующие статистические анализы выполнены с использованием ПО STATISTICA и SPSS Statistics.

Таблица 1

Дескриптивная статистика по расположению в вертикальном пространстве для всех категорий, представленных в базе данных

Категория[4]	N эл-в	Примеры единиц	Среднее (Mean)[5]	Стандартное отклонение (SD)[6]
Элементы ландшафта, типы поверхности (Ground)	25	*асфальт, газон, гора, грязь, дно, колодец, почва, прорубь, пруд, трава*	1,96	0,71
Инструменты и орудия, приводимые в действие с помощью мелкой моторики (Tool_precise_grip)	48	*батарейка, бисер, бусина, вилка, гайка, застежка, игла, карандаш, кнопка, скальпель*	2,82	0,48
Строения и их части (Building)	8	*башня, бункер, метро, навес, небоскреб, погреб, подвал, шахта*	2,82	2,15
Инструменты и орудия, приводимые в действие с помощью крупной моторики (Tool_power_grip)	34	*веник, грабли, дрель, дротик, кастрюля, лопата, метла, молоток, мяч, рубанок, сковорода*	2,87	0,65
Продукты питания (Food)	51	*абрикос, гранат, гриб, капуста, картофель, лимон, лук, мята, слива, чеснок, шиповник, яблоко*	2,9	0,75
Предметы одежды и аксессуары (Clothes)	28	*ботинок, венец, галоша, запонка, кольцо, наушники, носок, очки, парик, шапка, шлем, шлепанец, шнурок*	3,05	1,04
Животные (Animal)	76	*акула, бабочка, баран, волк, воробей, еж, енот, жаба, жук, змея, лемур, мамонт, паук, червяк, черепаха, ящерица*	3,28	1,23
Отдельные артефакты (не вошедшие в другие категории) (Object)	12	*антенна, гардина, глазок, гроб, капкан, люстра, половик, розетка, урна, флаг, фонарь, форточка*	3,38	1,32
Транспортные средства (Transport)	49	*автобус, автомобиль, аэростат, баржа, велосипед, каноэ, карета, ледокол, лыжи, самокат, самолет, шлюпка, электричка*	3,43	1,28
Действия и процессы (Action)	30	*атака, бег, бросок, вдох, всплытие, подножка, подъем, поиск, прыжок, расширение, сжатие, спуск, шаг*	3,6	0,92
Части тела (Body_Part)	14	*бровь, веко, глаз, голова, лицо, лоб, макушка, прическа, пятка, стопа, ухо*	3,64	0,85
Физические ощущения (Sense_Phys)	21	*боль, вкус, запах, мягкость, озноб, сочность, сухость, сырость, твердость, тошнота, форма, холод, цвет, яркость*	3,82	0,85
Звуки (Sound)	17	*акцент, гудок, звон, звук, кашель, молчание, отзвук, писк, речь, стук, тон, ударение, хрип, шум*	4,09	0,79
Чувства и эмоции (Sense_Emotion)	45	*веселье, вина, волнение, гнев, гордость, зависть, обида, радость, разочарование, ревность, страх, удивление, эйфория*	4,19	0,71
Ментальные процессы и объекты (Intelligence)	29	*воображение, воспоминание, галлюцинация, замысел, знание, значение, идея, мысль, память, понимание, понятие, представление, смысл, сон, фантазия*	4,82	0,57
Небесные объекты и явления (Space)	19	*звезда, луна, метеорит, молния, небо, облако, радуга, рассвет, солнце, спутник, туча, фейерверк*	5,92	0,86
Все категории	506		3,45	1,23

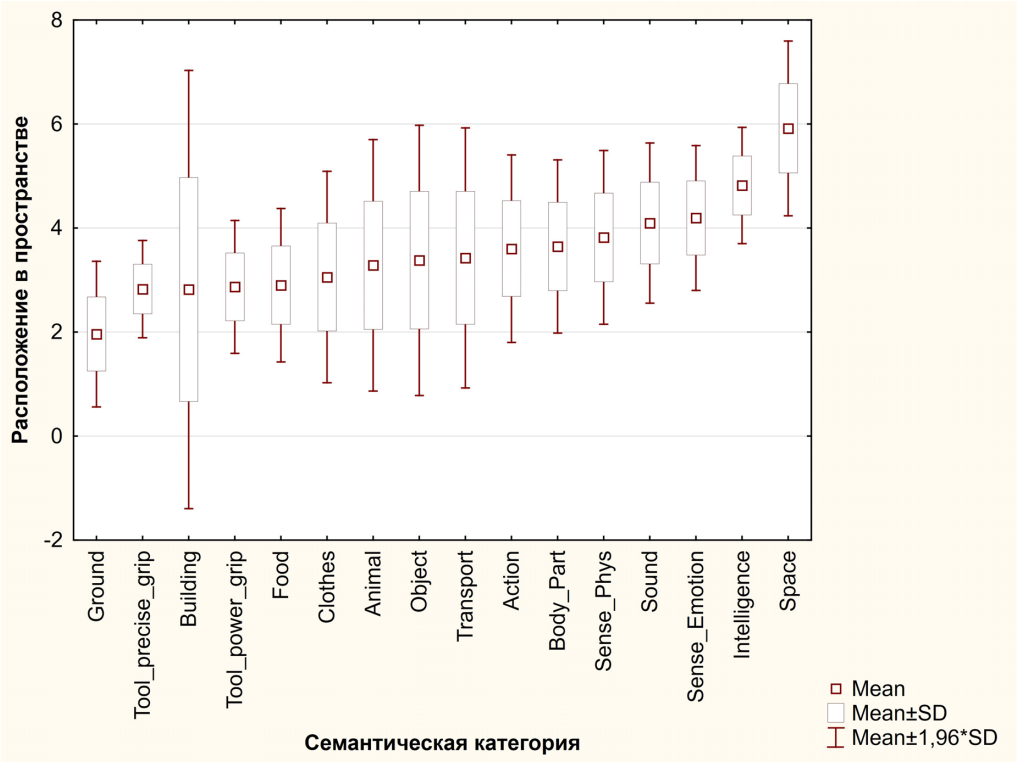


Рис. 1. Расположение всех семантических категорий на вертикальной пространственной шкале. Квадраты показывают среднее (Mean); прямоугольники – стандартное отклонение (SD), отложенное в большую и меньшую стороны

Пространственная семантика различных категорий. На рис. 1 семантические категории отсортированы по среднему значению на шкале пространственного расположения. Категория Building (строения и их части) обладает большим стандартным отклонением, поскольку включает всего 8 элементов. Согласно гипотезе № 1 должны быть выявлены значимые различия между разными семантическими категориями. Тест Краскела–Уоллиса выявил статистически значимые ($p < 0,05$) различия между рядом категорий, в частности:

– Ground (элементы ландшафта, типы поверхности) значимо отличается от всех категорий, расположенных на графике (рис. 1) правее Tool_power_grip (инструменты и орудия, приводимые в действие с помощью крупной моторики);

– Tool_precise_grip (инструменты и орудия, приводимые в действие с помощью мелкой моторики) – от всех категорий, расположенных правее Body_part (части тела);

– Tool_power_grip и Food (продукты питания) – от всех категорий, расположенных правее Sense_Phys (физические ощущения);

– Clothes (предметы одежды и аксессуары), Animal (животные), Transport (транспортные средства) – от всех категорий, расположенных правее Sound (звуки);

– значимые различия выявлены между категориями Action (действия и процессы) и Intelligence (ментальные процессы и объекты), Space (небесные объекты и явления);

– между категориями Object (отдельные артефакты, не вошедшие в другие категории) и Space.

На графике видно, что абстрактные категории расположены правее на графике (т.е. «выше»), чем большинство конкретных. Чтобы проверить статистическую значимость этого утверждения, все существительные в базе данных были перекодированы как абстрактные ($N = 125$) и конкретные ($N = 381$; «Пространственая семантика различных категорий абстрактных существительных»). Дескриптивная статистика для обеих групп представлена в табл. 2. Анализ (t-тест) показал, что абстрактные существительные действительно получают более высокие оценки по шкале пространственного расположения референта: $t (299,58) = 8,99$; $p < 0,001$; Cohen's $d = 0,84$ (большая сила эффекта).

Таблица 2

Дескриптивная статистика: вертикальная пространственная семантика конкретных и абстрактных существительных

Существительные	N	Среднее значение (mean)	Стандартное отклонение (SD)
Абстрактные	125	4,13	0,87
Конкретные	381	3,23	1,24

Пространственная семантика различных категорий абстрактных существительных. В используемой для анализа базе данных представлены 4 категории абстрактных существительных – Action (действия и процессы), Sense_Phys (физические ощущения), Sense_Emotion (чувства и эмоции), Intelligence (ментальные процессы и объекты)[7]. В табл. 3 показаны результаты отдельных t-тестов, в ходе которых проверяются гипотезы о наличии значимой разницы между отдельными парами категорий.

Таблица 3

Попарное сравнение пространственной семантики категорий абстрактных существительных*

Категория 1: среднее (стандартное отклонение); количество элементов	Категория 2: среднее (стандартное отклонение); количество элементов	Результаты сравнения (t-тест)	Сила эффекта (Cohen's d)
Action: 3,6 (0,92); N = 30	Sense_Phys: 3,82 (0,85); N = 21	t (49) = –0,85; p = 0,4	–0,25 (маленькая)
	Sense_Emotion: 4,19 (0,71); N = 45	**t (73) = –3,12; p = 0,003**	**–0,72 (средняя)**
	Intelligence: 4,82 (0,57); N = 29	**t (57) = –6,07; p < 0,001**	**–1,59 (большая)**
Sense_Phys: 3,82 (0,85); N = 21	Sense_Emotion: 4,19 (0,71); N = 45	t (64) = –1,87; p = 0,066	–0,47 (средняя)
	Intelligence: 4,82 (0,57); N = 29	**t (48) = –4,98; p < 0,001**	**–1,38 (большая)**
Sense_Emotion: 4,19 (0,71); N = 45	Intelligence: 4,82 (0,57); N = 29	**t (72) = –3,97; p < 0,001**	**–0,98 (большая)**

* Статистически значимые различия выделены полужирным шрифтом. Значения переменных см. в табл. 1.

Из табл. 3 видно, что существуют значимые различия в пространственной семантике абстрактных существительных, относящихся к разным категориям. Данные различия могут быть описаны следующей моделью (направление – снизу вверх): действия и процессы + физические ощущения > чувства и эмоции > ментальные процессы и объекты. Различия между наименованиями эмоций и наименованиями физических ощущений близки к порогу статистической значимости p = 0,05; вероятно, с увеличением размера выборки значимые различия могут быть выявлены. В целом данные результаты подтверждают гипотезы № 2–4.

Пространственная семантика наименований положительных и отрицательных эмоций. Для того чтобы проверить гипотезу № 5, среди сотрудников лаборатории когнитивных исследований языка и лаборатории лингвистической антропологии НИ ТГУ был проведен экспертный опрос. Экспертов (N = 6[8], все эксперты являются носителями русского языка и имеют высшее профессиональное образование в сфере лингвистики) попросили оценить языковую семантику единиц как положительную или отрицательную на шкале от +3 до –3; единицы, которые не относятся к описанию эмоций в строгом смысле или обозначают нейтральные эмоции, попросили оценить в 0 баллов. Данные по всем экспертам были усреднены. Как обозначающие максимально негативные эмоции были отмечены такие слова, как *горе, гнев, страдание, отчаяние, презрение*; максимально позитивные – *веселье, любовь, радость, эйфория, счастье*.

При анализе была выявлена сильная положительная корреляция между степенью «позитивности» эмоции и оценками по шкале расположения в вертикальном пространстве: r(43) = 0,89, p < 0,001 (рис. 2). Иными словами, чем более положительную эмоцию называет слово, тем выше респонденты располагают соответствующее явление в субъективном пространстве.

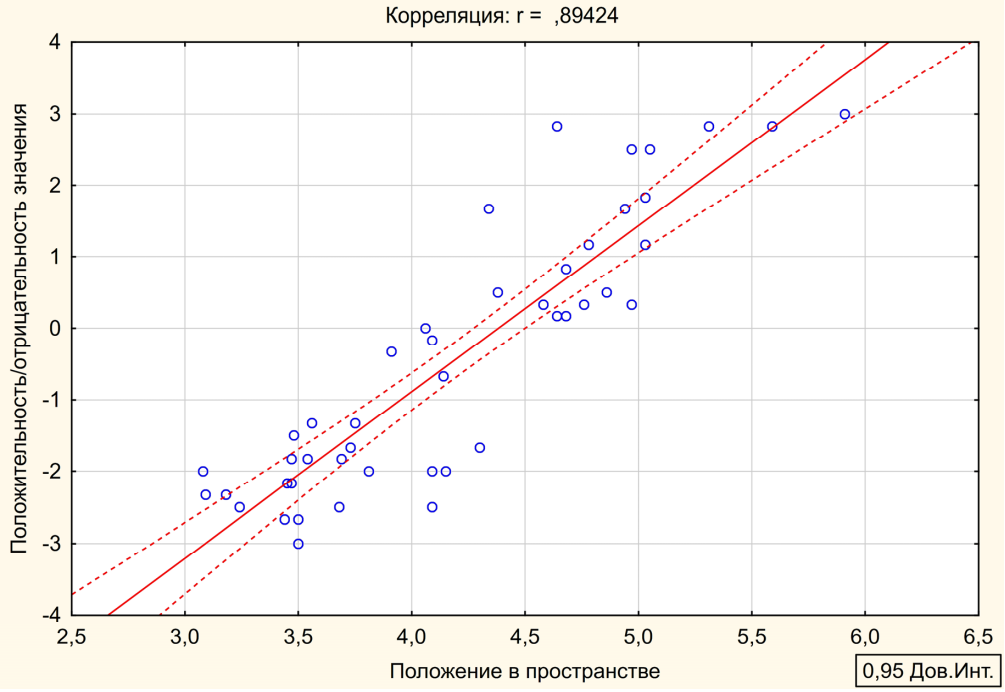


Рис. 2. Корреляция между положением эмоции в субъективном виртуальном пространстве (ось *Ox*) и степенью «положительности» значения (ось *Oy* где отрицательные значения соответствуют отрицательным эмоциям, положительные – положительным)

Выводы. Проведенный анализ позволил подтвердить все пять выдвинутых гипотез: существительные различных семантических категорий действительно значимо различаются по своей пространственной семантике. Это верно и для абстрактных существительных различных категорий, отношения между которыми могут быть описаны следующим образом (направление – снизу вверх): действия и процессы + физические ощущения > чувства и эмоции > ментальные процессы и объекты. Положительные эмоции, как и предполагалось, расположены в субъективном пространстве выше, чем отрицательные.

В ходе анализа также были выявлены закономерности, относительно которых не было выдвинуто предварительных гипотез и которые нуждаются в дальнейшем исследовании. В частности, было обнаружено, что абстрактные сущности в целом расположены в субъективном пространстве выше, чем конкретные. Стоит отметить, что наименования инструментов и орудий (требующих как мелкой, так и крупной моторики) оказались близки к нижней границе вертикальной шкалы; в то же время наименования звуков оказались близки к верхней границе вертикали, фактически расположившись среди наименований абстрактных существительных (несмотря на то, что с точки зрения традиционной грамматики наименования звуков относятся к конкретным существительным). Кроме того, не было выявлено значимых различий между наименованиями действий и процессов и наименованиями физических ощущений. В заключительном разделе статьи предлагается ряд гипотез, post hoc предлагающих возможные объяснения найденных закономерностей, а также возможные интерпретации полученных результатов с точки зрения других подходов в рамках воплощенного познания.

Заключение. Настоящее исследование подтверждает наличие пространственной семантики в структуре концептов / значений как конкретных, так и абстрактных категорий. Наличие пространственной информации в структуре абстрактных концептов уже постулировалось теорией концептуальной метафоры, в то время как ее активация при обработке конкретных концептов была продемонстрирована в ряде экспериментальных исследований (см. введение).

При этом теория концептуальной метафоры предлагает лишь обобщенную модель описания вертикального пространства (верх vs низ) для интерпретации абстрактных категорий, а экспериментальные исследования активации пространственной информации не ставят задачи описания данной семантики в языке в целом. Преимуществом представленного в настоящей статье исследовательского подхода является возможность систематически, детально и с применением статистических методов описать и проанализировать пространственную семантику различных категорий в языке.

Следует отметить, что теория концептуальной метафоры хотя и является в настоящий момент одной из наиболее широко известных концепций в отечественной когнитивной лингвистике, оказывается не единственно возможным объяснением результатов, полученных в данном исследовании. Так, например, в рамках теории слов как социальных инструментов (Words As social Tools, WAT) A. Borghi и F. Binkofski рассматривают абстрактные концепты как в большей степени укорененные в социальном, коммуникативном контексте, по сравнению с конкретными, напрямую отсылающие к индивидуальному перцептивному опыту [23]. В соответствии с концепцией воплощенного познания (embodied cognition) Borghi и Zarcone предполагают, что вовлечение социального, коммуникативного опыта в процесс понимания абстрактных концептов может приводить к активации рта (свидетельства в пользу данного утверждения были найдены в экспериментальном исследовании [24]). G. Vigliocco подчеркивает роль эмоций для понимания абстрактных слов [25]. При этом эмоциональные состояния не должны рассматриваться как исключительно внутренние: они имеют определенные внешние формы выражения, которые позволяют усваивать значения соответствующих слов основываясь на перцептивном опыте, – данная идея была высказана Л. Витгенштейном [26] и развивается в настоящее время в русле нейросемантики (см. [27]). Очевидно, что наиболее яркими средствами выражения эмоций являются мимика и жесты, локализованные в верхней части человеческого тела. Лицо и руки играют ведущую роль в невербальной коммуникации между людьми, и если абстрактные слова действительно «воплощены» в первую очередь через коммуникативный и эмоциональный опыт, то это может объяснять закономерность, выявленную в ходе настоящего исследования, – расположение абстрактных концептов в субъективном пространстве выше, чем конкретных.

Еще одно потенциальное объяснение данной закономерности может заключаться в метафорическом моделировании человеческого тела в культуре: голова рассматривается во многих культурах (включая русскую) как вместилище мыслей, в то время как сердце – чувств. Данное моделирование может быть как основано на телесных механизмах (ощущениях в той или иной части тела при переживании определенных состояний), так и само порождать ощущения в соответствующих областях тела при переживании «внутренних» состояний, – вопрос о каузальности не разрешается в настоящем исследовании. Важно то, что данные устойчивые культурные ассоциации также могут быть причиной имплицитных пространственных ассоциаций: категории абстрактных существительных кодируются в пространстве в соответствии с пространственным расположением связанных с ними (через метафорическое моделирование) органов / частей тела человека (рис. 3).

Данная схема позволяет также объяснить высокую позицию категории звуков в субъективном вертикальном пространстве: звуки связаны со слухом, ушами (при восприятии) и произношением, ртом (если это звуки речи), т.е. «локализованы» в верхней части человеческого тела. Аналогичным образом может быть объяснено расположение категории инструментов в нижней части пространства, как и наиболее низкая позиция категории действий среди других абстрактных категорий: инструменты и действия связаны с руками. Использование ин-

струментов часто требует наклоненной вперед позы, т.е. внимание оказывается направлено в нижнюю часть зрительного поля, в область, где происходит применение инструмента.

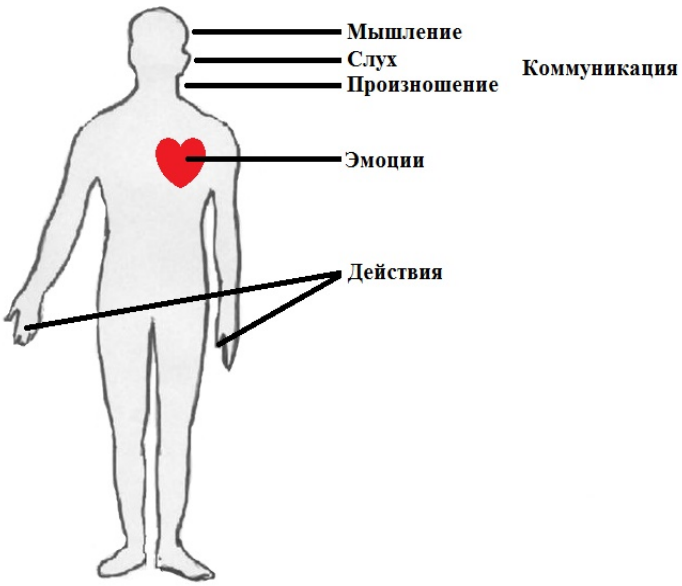


Рис. 3. Пространственная семантика различных категорий и схема человеческого тела

Предложенные гипотезы (роль коммуникативного и эмоционального опыта в пространственном кодировании концептов, включая абстрактные; пространственное кодирование концептов на основе модели человеческого тела) не противоречат друг другу, и обе они не противоречат теории концептуальной метафоры. Вероятно, различные факторы (коммуникация и культура, перцептивные процессы, имплицитное научение в процессе взаимодействия со средой, объективные закономерности физического мира и тела человека) вносят свой вклад, сложным образом взаимодействуя друг с другом (см. модель комплексного иерархического описания воплощенного познания в [28]). Более того, рассматривая проблему телесных оснований абстрактного знания с точки зрения нейросемантики, F. Pulvermüller говорит о важности выделения отдельных категорий абстрактных концептов при их изучении, поскольку разные категории могут иметь различные механизмы усвоения и различную мозговую организацию [29], т.е. быть «воплощены» разными способами. Данное замечание снова возвращает к необходимости систематического описания и анализа языковых единиц с позиций перцептивного опыта, заложенного в их семантике, аналогично тому, как это представлено в настоящем исследовании.

Автор благодарит З.И. Резанову за помощь и консультирование в ходе работы над статьей, О.В. Царегородцеву за обсуждение статьи на предварительном этапе, А.Г. Джанян за консультирование при обработке данных.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] В статье не проводится строгого разграничения между значением и концептом, поскольку концепт интерпретируется не в лингвокультурологическом ключе, а с точки зрения его психологической реальности. См. попытки разграничения в [10]. См. также обзор попыток различения концепта, понятия, значения в отечественной когнитивной лингвистике в [11].

[2] См. тамже подробное описание процедуры сбора данных и выборки участников исследования.

[3] В работе [14] участники оценивали 506 существительных русского языка по следующей инструкции (пространственное расположение референта): «Некоторые предметы и явления действительности обычно расположены выше или ниже в пространстве. Пожалуйста, оцените, насколько высоко или низко расположен предмет, используя шкалу от 1 до 7, где 1 – “очень низко”, а 7 – “очень высоко”. Работайте по возможности быстро, не задумываясь подолгу над каждым словом. В то же время старайтесь быть объективными и сосредоточенными. Если у Вас возникает такая необходимость, Вы можете вернуться к инструкции и прочитать ее еще раз, а после продолжить оценивать существительные. Пожалуйста, не делайте перерывов во время работы над данной анкетой, оцените все слова за 1 сеанс». Для достижения статистической надежности результатов на каждое слово по каждой шкале было собрано около 30 оценок. Таким образом, по пространственной шкале было собрано около 15 180 оценок. Всего в исходном исследовании приняли участие 558 человек (227 мужчин, 329 женщин, 2 респондентов не указали свой пол), каждый из которых оценил около 300 слов по пяти случайно выбранным психолингвистическим шкалам.

[4] В скобках после названия категории указана кодировка категории, использованная в базе данных; те же кодировки используются на графике на рис. 1 и далее в тексте.

[5] Среднее значение на вертикальной пространственной шкале, где 1 – наиболее низкое пространственное расположение, 7 – наиболее высокое. См. рис. 1 для наглядного представления.

[6] Стандартное отклонение показывает степень рассеяния отдельных значений вокруг среднего. Чем больше стандартное отклонение, тем сильнее рассеяны отдельные наблюдения относительно среднего.

[7] Разметка, выполненная вручную в используемой базе данных, соотносима с разметкой Национального корпуса русского языка (www.ruscorpora.ru): из 503 слов, размеченных и в базе данных, и в НКРЯ как абстрактные vs конкретные, разметка совпадает для 472 слов

(93,8% выборки). Основное содержательное различие составляет группа наименований звучания, которые классифицированы в большинстве случав как абстрактные в НКРЯ и как конкретные в используемой базе данных (17 единиц, 3,4% выборки). В данном случае следует провести теоретическое разграничение между грамматическим пониманием конкретности (см. АГ-80: конкретные существительные называют явления действительности, которые могут быть представлены в отдельности и подвергнуты счету; конкретные существительные имеют формы ед. и мн. ч.) и когнитивным пониманием конкретности, т.е. возможностью воспринимать референт непосредственно при помощи органов. В настоящей работе использовано когнитивное понимание конкретности, т.е. разграничительным критерием является возможность непосредственно воспринимать референт при помощи органов чувств. Поскольку звук может быть воспринят при помощи слуха, наименования звучаний были классифицированы как конкретные. При этом многие (хотя и не все) существительные этой категории должны быть классифицированы как конкретные даже при использовании грамматического критерия (наличие формы множественного числа), ср.: *два гудка*, *три стука*; хотя: **четыре шума*, **два акцента*. Таким образом, классификация, принятая в НКРЯ и основанная на грамматическом понимании конкретности, также не является бесспорной в отношении существительных звучания. Потенциально перспективным представляется выделение перцептивных критериев референта, которые определяют возможность образования множественного числа. Таким критерием может быть, например, дискретность определенного типа звучания во времени (наличие ярко выраженного начала и окончания звучания), что сближает такие явления с восприятием физических объектов (также имеющих четкие пространственные границы). Так, например, гудок и стук имеют отчетливые начало и конец при относительно небольшой протяженности во времени, что дает возможность счета этих явлений и позволяет моделировать их в языке как физические объекты, в отличие от шума или акцента, которые не имеют отчетливого начала и окончания, и потому моделируются по принципу абстрактных явлений (не имеющих множественного числа).

[8] В данном случае следует различать опрос наивных носителей языка (при котором предполагается участие большего количества информантов) и экспертную оценку (при которой используются данные меньшего количества информантов). Поскольку на данном этапе исследования была использована именно экспертная оценка (т.е. информанты являются дипломированными специалистами в сфере лингвистики), представляется допустимым использование меньшего количества оценок для обоснования вывода. В изначальном варианте анализа использовалась категориальная классификация единиц (положительные vs отрицательные эмоции), проведенная на основе интроспекции автора статьи; экспертная оценка была проведена впоследствии для (1) более объективного обоснования классификации и (2) построения более детальной картины (интервальное моделирование эмоций от положительного до отрицательного полюса), что позволило не просто провести анализ распределения по двум группам (положительные vs отрицательные), но найти корреляцию между степенью «положительности» эмоции и пространственной семантикой слова. Результаты обоих видов анализа статистически значимы и сущностно не различаются.

ЛИТЕРАТУРА

1. Николова А. Функциональная грамматика. Способы выражения пространственных значений в русском языке // Шумен: УИ «Епископ Константин Преславски». М., 1997.
2. Яковлева Е. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). Litres, 2013.
3. Кобозева И.М. Грамматика описания пространства // Логический анализ языка. Языки пространств. М. : Языки русской культуры, 2000. С. 152–162.
4. Порядина Р.Н., Гынгазова Л.Г., Эмер Ю.А. и др. Картины русского мира: пространственные модели в языке и тексте / отв. ред. З.И. Резанова. Томск : UFO_Plus, 2007. 384 с.
5. Dudschig C. et al. From top to bottom: spatial shifts of attention caused by linguistic stimuli // Cognitive processing. 2012. Vol. 13, № 1. P. 151–154. Doi: 10.1007/s10339-012-0480-x.
6. Dudschig C. et al. Reading “sun” and looking up: The influence of language on saMcadic eye movements in the vertical dimension // PloS one. 2013. Vol. 8, № 2. P. e56872. Doi: 10.1371/journal.pone.0056872.
7. Estes Z., Verges M., Barsalou L.W. Head up, foot down object words orient attention to the objects' typical location // Psychological Science. 2008. Vol. 19, № 2. P. 93–97. Doi: 10.1111/j.1467-9280.2008.02051.x.
8. Tsaregorodtseva O.V., Miklashevsky A.A. Different Languages, Same Sun, and Same Grass: Do Linguistic Stimuli Influence Attention Shifts in Russian? // Procedia-Social and Behavioral Sciences. 2015. Vol. 215. P. 279–286. Doi: 10.1016/j.sbspro.2015.11.635.
9. Barsalou L.W. Perceptual symbol systems // Behavioral & Brain Sciences. 1999. № 22. P. 577–660.
10. Barsalou L.W. et al. Concepts and meaning. L., 1993.
11. Попова Л.В. Соотношение понятий «Концепт», «Понятие», «Значение» в русле коммуникативно-когнитивной парадигмы // Омский научный вестник. 2013. № 4 (121). С. 127–131.
12. Taylor J.E.T. et al. Bow Your Head in Shame, or, Hold Your Head Up with Pride: Semantic Processing of Self-Esteem Concepts Orients Attention Vertically // PloS one. 2015. Vol. 10, № 9. P. e0137704. Doi: doi.org/10.1371/journal.pone.0137704.
13. Lakoff G., Johnson M. Metaphors we live by. University of Chicago press, 2008.
14. Резанова З.И., Миклашевский А.А. Моделирование образно-перцептивного компонента языковой семантики при помощи психолингвистической базы данных // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2016. № 5 (43). С. 71–92. Doi: 10.17223/19986645/43/6.
15. Lynott D., Connell L. Modality exclusivity norms for 423 object properties // Behavior Research Methods. 2009. Vol. 41, № 2. P. 558–564. Doi: 10.3758/BRM.41.2.558.
16. Moreno-Martínez F.J., Montoro P.R., Rodríguez-Rojo I.C. Spanish norms for age of acquisition, concept familiarity, lexical frequency, manipulability, typicality, and other variables for 820 words from 14 living/nonliving concepts // Behavior research methods. 2014. Vol. 46, № 4. P. 1088–1097. Doi: 10.3758/s13428-013-0435-x.
17. Barca L., Burani C., Arduino L.S. Word naming times and psycholinguistic norms for Italian nouns // Behavior Research Methods, Instruments, & Computers. 2002. Vol. 34, № 3. P. 424–434. Doi: 10.3758/BF03195471.
18. Schröder A. et al. German norms for semantic typicality, age of acquisition, and concept familiarity // Behavior research methods. 2012. Vol. 44, № 2. P. 380–394. Doi: 10.3758/s13428-011-0164-y.
19. Колбенева М.Г., Александров Ю.И. Органы чувств, эмоции и прилагательные русского языка: лингво-психологический словарь / Ин-т психологии РАН. М. : Языки славянских культур, 2010. 368 с.
20. Akinina Y. et al. Russian normative data for 375 action pictures and verbs // Behavior research methods. 2015. Vol. 47, № 3. P. 691–707. Doi: 10.3758/s13428-014-0492-9.
21. Tsaparina D., Bonin P., Méot A. Russian norms for name agreement, image agreement for the colorized version of the Snodgrass and Vanderwart pictures and age of acquisition, conceptual familiarity, and imageability scores for modal object names // Behavior Research Methods. 2011. Vol. 43, № 4. P. 1085–1099. Doi: 10.3758/s13428-011-0121-9.
22. Grigoriev A., Oshhepkov I. Objective age of acquisition norms for a set of 286 words in Russian: Relationships with other psycholinguistic variables // Behavior research methods. 2013. Vol. 45, № 4. P. 1208–1217. DOI: 10.3758/s13428-013-0319-0.
23. Borghi A.M., Binkofski F. Words As social Tools: An embodied view on abstract concepts. Berlin ; New York, NY : Springer, 2014.
24. Borghi A.M., Zarcone E. Grounding abstractness: Abstract concepts and the activation of the mouth // Frontiers in Psychology. 2016. Vol. 7. Doi: 10.3389/fpsyg.2016.01498.
25. Vigliocco G. et al. Toward a theory of semantic representation // Language and Cognition. 2009. Vol. 1, № 2. P. 219–247. Doi: 10.1515/LANGCOG.2009.011.

26. Wittgenstein L. Philosophical investigations. John Wiley & Sons, 2010.
27. Pulvermüller F. Meaning and the brain: The neurosemantics of referential, interactive, and combinatorial knowledge // Journal of Neurolinguistics. 2012. № 25 (5). P. 423–459. Doi: 10.1016/j.jneuroling.2011.03.004.
28. Myachykov A. et al. TEST: a tropic, embodied, and situated theory of cognition // Topics in cognitive science. 2014. Vol. 6, № 3. P. 442–460. Doi: 10.1111/tops.12024.
29. Pulvermüller F. How neurons make meaning: brain mechanisms for embodied and abstract-symbolic semantics // Trends in cognitive sciences. 2013. Vol. 17, № 9. P. 458–470. Doi: 10.1016/j.tics.2013.06.004.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 5 октября 2017 г.

ABOUT THE HIGH AND THE LOW: SPATIAL SEMANTICS OF ABSTRACT AND CONCRETE NOUNS

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 424, 26–34.
DOI: 10.17223/15617793/424/4

Alex A. Miklashevsky, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation); University of Potsdam (Potsdam, Germany). E-mail: armanster31@gmail.com

Keywords: embodied cognition; spatial semantics; conceptual metaphor; neurosemantics; words as social tools; psycholinguistic databases; abstract concepts.

Aim and material: In the present study, the data of the rating study presented earlier, where participants estimated the position of an object or phenomenon in vertical space by using the seven-point Likert scale, are used in order to systematically describe spatial information included in language units of different semantic categories. *Background*: The role of spatial semantics in language understanding is assumed by modern cognition theories and confirmed in experimental studies. *Hypotheses*: Based on conceptual metaphor theory, a number of hypotheses are proposed in the present study: different semantic categories of nouns (e.g., *tools* vs. *animals* vs. *emotions* etc.) should significantly differ in their spatial semantics as well; different semantic categories of abstract nouns (e.g., *mental states* vs. *emotions* vs. *physical sensations*) should also differ in their spatial semantics, as the latter is included in their conceptual structure; mental states and phenomena (e.g., *imagination*, *thought* or *memory*) should have higher values (i.e., be located higher in the virtual subjective space) than any other abstract concepts; emotional concepts (e.g., *love*, *disgust* or *happiness*) should be located higher than physical sensations (e.g., *pain* or *softness*); positive emotions (like *joy* or *euphoria*) should be located higher than negative ones (like *feeling of guilt* or *disappointment*). *Methods*: Statistical methods (parametric and non-parametric ones) are used in order to test the hypotheses. As additional cross-testing methods corpora data and expert assessment are included. *Results*: The results of the study confirmed all the hypotheses. A number of additional regularities were revealed: in general, abstract concepts get higher values on a scale, i.e., are located higher in the virtual subjective space than concrete ones; tool concepts are related more to the lower space, unlike sound concepts that are related to higher space. No difference was found between action concepts (like *attack* or *running*) and physical sensations. *Discussion*: The results obtained can also be explained in terms of other theories within the embodied cognition framework, as it is discussed in the conclusion (words as social tools by A. Borghi and F. Binkofski; ideas by G. Vigliocco and neurosemantic approach by F. Pulvermüller). The need in an integrative model and larger studies with other semantic categories is underlined.

REFERENCES

1. Nikolova, A. (1997) *Funktsional'naya grammatika. Sposoby vyrazheniya prostranstvennykh znacheniy v russkom yazyke* [Functional grammar. Ways to express spatial values in the Russian language]. Shumen: UI "Episkop Konstantin Preslavski".
2. Yakovleva, E. (2013) *Fragmenty russkoy yazykovoy kartiny mira (modeli prostranstva, vremeni i vospriyatiya)* [Fragments of the Russian language picture of the world (models of space, time and perception)]. Moscow: Litres.
3. Kobozeva, I.M. (2000) Grammatika opisaniya prostranstva [Grammar of the description of space]. In: Arutyunova, N.D. (ed.) *Logicheskiy analiz yazyka. Yazyki prostranstv* [Logical analysis of language. Languages of spaces]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.
4. Rezanova, Z.I. (ed.) (2007) *Kartiny russkogo mira: prostranstvennye modeli v yazyke i tekste* [Images of the Russian world: spatial models in language and text]. Tomsk: UFO_Plus.
5. Dudschig C. et al. (2012) From top to bottom: spatial shifts of attention caused by linguistic stimuli. *Cognitive processing.* 13 (1). pp. 151–154. DOI: 10.1007/s10339-012-0480-x
6. Dudschig C. et al. (2013) Reading "sun" and looking up: The influence of language on saMcadic eye movements in the vertical dimension. *PloS one*. 8 (2). pp. e56872. DOI: 10.1371/journal.pone.0056872
7. Estes, Z., Verges, M. & Barsalou, L.W. (2008) Head up, foot down object words orient attention to the objects' typical location. *Psychological Science.* 19 (2). pp. 93–97. DOI: 10.1111/j.1467-9280.2008.02051.x
8. Tsaregorodtseva, O.V. & Miklashevsky, A.A. (2015) Different Languages, Same Sun, and Same Grass: Do Linguistic Stimuli Influence Attention Shifts in Russian? *Procedia-Social and Behavioral Sciences*. 215. pp. 279–286. DOI: 10.1016/j.sbspro.2015.11.635
9. Barsalou, L.W. (1999) Perceptual symbol systems. *Behavioral & Brain Sciences*. 22. pp. 577–660.
10. Barsalou, L.W. et al. (1993) *Concepts and meaning*. London: Academic Press.
11. Popova, L.V. (2013) The correlation of notions "concept", "notion", "meaning" in the communicative-cognitive paradigm. Omskiy nauchnyy vestnik – Omsk Scientific Bulletin. 4 (121). pp. 127–131. (In Russian).
12. Taylor, J.E.T. et al. (2015) Bow Your Head in Shame, or, Hold Your Head Up with Pride: Semantic Processing of Self-Esteem Concepts Orients Attention Vertically. *PloS one.* 10 (9). pp. e0137704. DOI: doi.org/10.1371/journal.pone.0137704
13. Lakoff ,G. & Johnson, M. (2008) *Metaphors We Live By*. University of Chicago Press.
14. Rezanova, Z.I. & Miklashevskiy, A.A. (2016) Modeling of the perceptual-based component of language semantics using a psycholinguistic database. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 5 (43). pp. 71–92. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/43/6
15. Lynott, D. & Connell, L. (2009) Modality exclusivity norms for 423 object properties. *Behavior Research Methods*. 41 (2). pp. 558–564. DOI: 10.3758/BRM.41.2.558
16. Moreno-Martínez, F.J., Montoro, P.R. & Rodríguez-Rojo, I.C. (2014) Spanish norms for age of acquisition, concept familiarity, lexical frequency, manipulability, typicality, and other variables for 820 words from 14 living/nonliving concepts. *Behavior research methods.* 46 (4). pp. 1088–1097. DOI: 10.3758/s13428-013-0435-x
17. Barca, L., Burani, C. & Arduino, L.S. (2002) Word naming times and psycholinguistic norms for Italian nouns. *Behavior Research Methods, Instruments, & Computers*. 34 (3). pp. 424–434. DOI: 10.3758/BF03195471

18. Schröder, A. et al. (2012) German norms for semantic typicality, age of acquisition, and concept familiarity. *Behavior Research Methods*. 2012. Vol. 44, № 2. R. 380–394. DOI: 10.3758/s13428-011-0164-y
19. Kolbeneva, M.G. & Aleksandrov, Yu.I. (2010) *Organy chuvstv, emotsii i prilagatel'nye russkogo yazyka: lingvo-psikhologicheskiy slovar'* [Sense organs, emotions and adjectives of the Russian language: linguistic and psychological dictionary]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur.
20. Akinina, Y. et al. (2015) Russian normative data for 375 action pictures and verbs. *Behavior Research Methods*. 47 (3). pp. 691–707. DOI: 10.3758/s13428-014-0492-9
21. Tsaparina, D., Bonin, P. & Méot, A. (2011) Russian norms for name agreement, image agreement for the colorized version of the Snodgrass and Vanderwart pictures and age of acquisition, conceptual familiarity, and imageability scores for modal object names. *Behavior Research Methods*. 43 (4). pp. 1085–1099. DOI: 10.3758/s13428-011-0121-9
22. Grigoriev, A. & Oshhepkov, I. (2013) Objective age of acquisition norms for a set of 286 words in Russian: Relationships with other psycholinguistic variables. *Behavior Research Methods*. 45 (4). pp. 1208–1217. DOI: 10.3758/s13428-013-0319-0
23. Borghi, A.M. & Binkofski, F. (2014) *Words As social Tools: An embodied view on abstract concepts*. Berlin; New York, NY: Springer.
24. Borghi, A.M. & Zarcone, E. (2016) Grounding abstractness: Abstract concepts and the activation of the mouth. *Frontiers in Psychology*. 7. DOI: 10.3389/fpsyg.2016.01498
25. Vigliocco, G. et al. (2009) Toward a theory of semantic representation. *Language and Cognition*. 1 (2). pp. 219–247. DOI: 10.1515/LANGCOG.2009.011
26. Wittgenstein, L. (2010) *Philosophical investigations*. John Wiley & Sons.
27. Pulvermüller, F. (2012) Meaning and the brain: The neurosemantics of referential, interactive, and combinatorial knowledge. *Journal of Neurolinguistics*. 25 (5). pp. 423–459. DOI: 10.1016/j.jneuroling.2011.03.004
28. Myachykov, A. et al. (2014) TEST: a tropic, embodied, and situated theory of cognition. *Topics In Cognitive Science*. 6 (3). pp. 442–460. DOI: 10.1111/tops.12024
29. Pulvermüller, F. (2013) How neurons make meaning: brain mechanisms for embodied and abstract-symbolic semantics. *Trends In Cognitive Sciences*. 17 (9). pp. 458–470. DOI: 10.1016/j.tics.2013.06.004

Received: 05 October 2017

Вестник Томского государственного университета. 2017. № 424. С. 35–43. DOI: 10.17223/15617793/424/5

УДК 821.133.1-3.09А.Франс

Н.А. Никитина, Н.А. Тулякова

LOCUS ISTE LOCORUM: ОБЛИКИ САДА В «ПЕРЛАМУТРОВОМ ЛАРЦЕ» А. ФРАНСА

Рассматриваются разновидности и функции образа сада в прозаическом цикле А. Франса «Перламутровый ларец». Сад предстает в разных ипостасях, характерных для различных эпох и культур, образуя ряд оппозиций и сигнализируя переход от одной системы ценностей к другой. Образ сада воплощает безуспешные попытки героев достичь счастья на земле или райского блаженства после смерти и поддерживает авторскую идею о том, что ни одна система ценностей не может быть полной или идеальной в изоляции от других.

Ключевые слова: сад в литературе; садовое искусство; А. Франс; цикл; растительная символика; художественное пространство.

Введение

По замечанию Т.В. Цивьян, «сад не знает себе равных: привязанность человека к саду, потребность в “собственном садике” отличается необыкновенным постоянством» [1. С. 147]. Несмотря на частое появление образа сада в различных видах искусства и стилях, его смысловой потенциал ограничен. Сад, как правило, репрезентирует идею мира в миниатюре или идеального мира. «Сад – это попытка создания идеального мира взаимоотношений человека с природой. Поэтому сад представляется как в христианском мире, так и в мусульманском раем на земле, Эдемом. <…> Сад всегда выражает некоторую философию, эстетические представления о мире, отношение человека к природе; это микромир в его идеальном выражении» [2. С. 11].

Тем не менее сад в различных художественных системах предстает по-разному, поскольку образ мира и образ идеального мира в них существенно отличаются и трансформируются со временем. Соответственно, изменяется и предназначение сада, его роль в жизни человека. «Сады устраивались для размышлений, для поэтических мечтаний, для ученых занятий, в Средние века – для молитв и благочестивых бесед, в Новое время – для приема гостей, их узкого круга или широкого, для празднеств, иногда для официальных приемов послов <…> иногда для любовных утех и интимных свиданий…» [Там же. С. 19]. Это справедливо не только по отношению к реальным садам, но и к их изображению в искусстве, в частности в литературе. «Садовое искусство не обладает большим выбором форм. Мотивы садового искусства в большинстве случаев повторяются <…>. Меняется же эстетическое значение отдельных форм и мотивов в соответствии с “эстетическим климатом” эпохи» [Там же. С. 10–11].

Анализ изображений сада в произведениях литературы – распространенная практика, которая позволяет не только делать выводы об архитектонике и поэтике конкретного текста, но и прослеживать роль данной универсалии в той или иной культуре. В рамках отдельного произведения сад может организовывать пространство, служить элементом сюжета в форме оппозиций [3], реализовывать «литературный подтекст» [4], выступать знаком той или иной символики [5], нести определенную семантическую нагрузку [6] и т.д. Исследование же большого количества текстов, например, привело В.Н. Топорова к заключению, что «сады русской поэзии слились в один сад, и множество текстов “сада” преобразилось в единый его текст» [7. С. 306].

В настоящей статье будет рассмотрен образ сада в прозаическом цикле Анатоля Франса «Перламутровый ларец» (*L’Étui de nacre*, 1892). Образ сада в этой книге не выполняет какой-либо устойчивой функции; напротив, цикл Франса представляет своего рода «энциклопедию» садов и «садообразных пейзажей» (термин Цивьян). Действие легенд, новелл и рассказов цикла происходит в три различные эпохи (каждая со своей этикой и эстетикой) и сталкивает различные системы ценностей. В сложном взаимодействии сюжетных мотивов и вариациях повторяющихся идей проявляется авторская позиция. Многие сквозные образы, возникающие в новеллах, помогают четче сфокусировать эту позицию, и сад не является исключением. Необходимо отметить, что в «Перламутровом ларце» Франс обнаруживает глубокое знание мировой культуры и значения для нее этого образа. Мы проследим, как сад изображен в каждой из трех частей произведения – поздняя Античность, современность и эпоха Французской буржуазной революции – и что стоит за образом сада.

Образ сада в творчестве Франса. Образ сада – один из центральных не только в «Перламутровом ларце», но и во всем творчестве Франса. Так, из одиннадцати рассказов сборника «Колодезь святой Клары» (*Le Puits de sainte Claire*, 1895) сад появляется в семи, где предстает в разнообразных ипостасях: публичный, монастырский, кладбищенский, ботанический, лекарственный, палисадник, плодовый.

Топос сада, как воображаемый, так и реальный, фигурирует в произведениях Франса прежде всего на мотивном и сюжетном уровнях. На мотивном уровне сад – пространство нарядных весенних и плодородных летних месяцев, атрибут богатства и процветания («Валтасар» (*Balthasar*, 1889)), а также детства и юности («Наши дети» (*Nos enfants*, 1887)). Изредка сад выдвигается и на тематический уровень. Примером может служить рассказ «Резеда господина кюре» (*Le Réséda du curé*, 1889), в котором пространство сада противопоставлено сухости рассудка. Искушение, которое сад представляет для всех органов чувств, в контексте рассказа приобретает положительную коннотацию.

Интерес Франса к философскому потенциалу образа сада не случаен. Так, сборнику очерков 1895 г.

Франс дает название «Сад Эпикура» (*Le Jardin d'Épicure*, 1895). Хотя книга и не посвящена непосредственно образу сада, название подчеркивает внимание писателя к роли садового пространства, в котором греческий философ, воплощающий в творчестве Франса идеал интеллектуального героя, основал школу. Пространство «красивейших из греческих садов» в системе Эпикура, с точки зрения Франса, способствовало освобождению интеллекта от оков и ограничений [8. С. 11]. Кроме того, сад трактуется Франсом и шире и уподобляется человеческой жизни вообще; в этом случае работа над собой сравнивается с работой в саду: «Немыслимо представить себе большего счастья, чем то, которым мы обладаем в нашей человеческой жизни, такой радостной и такой горькой, такой злой и такой доброй, в одно и то же время идеальной и реальной, содержащей в себе решительно все и примиряющей все контрасты. Вот где наш сад, который надо усердно перекапывать»[1] [10. С. 274–275].

Наконец, Франс в своем творчестве не обделяет вниманием и богатейший аллюзийный потенциал, накопленный образом за века своего существования, используя в качестве места действия реальные сады (например, сады Тюильри, Люксембургский сад, сад Растений Парижа, сады Боболи и сады Оричеллари во Флоренции и др.), садовых архитекторов (Андре Ленотр), а также мифологические и библейские образы (сад Гесперид, сады царицы Савской, Заключенный виноград), каждый раз актуализируя в тексте те или иные культурные и исторические ассоциации.

«Перламутровый ларец» в полной мере демонстрирует все черты, характерные для интерпретации Франсом образа сада, а частое его использование в цикле служит одним из средств связности произведения.

Дикий лес и / или райский сад. Первые пять легенд «Перламутрового ларца»: «Прокуратор Иудеи», «Амикус и Целестин», «Легенда о святых Оливерии и Либеретте», «Святая Евфросиния» и «Схоластика» – посвящены событиям времен поздней Античности. Каждая из них так или иначе использует образ сада или его элементов. Сад здесь представлен в двух ипостасях – культивированный сад и священная роща, которые перекликаются с образом дикого леса. Основное сюжетное значение образа заключается в том, что именно в саду происходит встреча язычества и христианства.

В «Амикусе и Целестине» (*Amycus et Célestin*) и в «Легенде о святых Оливерии и Либеретте» (*La Légende des saintes Oliverie et Liberette*) сад не возделан человеком, а передан ему и подобен Эдемскому саду, где находится место удивительным существам: феям, фавнам, нимфам, сатирам, кентаврам, дракону. В понимании современного человека это лес, но он обитаемый; он соответствует римским «священным рощам», в которых обязательными элементами были источник, часовня, алтарь [11. С. 14]. В нем селятся отшельники и монахи, устраивают алтарь и освящают, так как это пространство наиболее всего подходит для духовного подвига.

Отношение героев к саду может быть различным. Так, догматичные святые, восхищаясь Божьим творением, одновременно недоумевают, для чего Бог наделил его «нечистью»: «Царь небесный, создавший твердь и ниспославший благодать на землю, все сотворил ты премудростью своею! Но зачем создал ты языческие древеса и заколдованные источники? Зачем взрастил ты под орешником поющую мандрагору?»[2] [13. С. 674]. Такие персонажи воспринимают лес, представленный как *locus horribilis* («Лес этот был полон тайн и ужасов»[3] [13. С. 678]), в качестве места для будущего духовного подвига, места, нуждающегося в очищении, освящении и культивации [14]. Герои-язычники, напротив, гармонично вписаны в окружающую природу: «Ты мудрее меня, и тебе дано видеть незримое. Но я знаю леса и водоемы лучше тебя. Я принесу богу зеленые ветви и цветы»[4] [13. С. 676], – говорит фавн Амикус отшельнику Целестину.

Несмотря на разницу во взглядах христианина и язычника, сад-лес открыт и доступен для всех персонажей, вне зависимости от их вероисповедания. Именно здесь примиряются язычники и ранние христиане, первые – видя в красоте природы подкрепление своего политеизма, вторые – смиряясь перед величием и непостижимостью Божьего замысла. Гармония достигается и путем совместного благоустройства священной рощи – отшельник Целестин воздвигает часовню, но фавн украшает ее цветами и листьями: «...заботами Амикуса часовня истинного бога всегда украшена гирляндами цветов и убрана лучше, нежели дерево фей»[5] [13. С. 677]. Точно так же языческий лес приводит сестер-язычниц Оливерию и Либеретту к святому отшельнику Бертольду.

«Святая Евфросиния» (*Sainte Euphrosine*), хотя и задействует пространство сада в редуцированном виде – роскошные сады александрийского патриция лишь упоминаются[6], противопоставляет природному саду-лесу сад культивированный. Это подчеркивается образом искусственного куста боярышника, который наряду с другими диковинками хранит у себя отец главной героини, Ромул: «Но самым чудесным из всего, что там находилось, был куст боярышника, весь усеянный птицами: благодаря хитроумному устройству они пели и хлопали крыльями, словно живые»[7] [Там же. С. 687]. Именно о нем он сожалеет больше всего, потеряв свое состояние. Подобные сады действительно создавались в культурах, где рай воспринимался как эстетическая категория [15. С. 180–182]. Сама Евфросиния показана на фоне замкнутого пространства дома и монастыря. Примечательно, что ее путь в монастырь лежит не через лес, а через пустыню, единственным природным элементом в которой становится старая смоковница, под которой сидит старик-язычник.

Аналогичным образом в «Схоластике» (*Scolastica*) образ сада-леса связан с второстепенным персонажем, язычником Сильваном, и потому появляется только в эпилоге. Тем не менее он суммарно повторяет все те черты, которые были явлены в «Амикусе и Целестине» и «Легенде о святых Оливерии и Либеретте». «Один из них, по имени Сильван, поклонялся источникам, где будто бы обитали нимфы, увешивал обетными табличками ветви старого дуба и хранил у своего очага глиняные фигурки, изображавшие солнце и богинь-Матерей»[8] [13. С. 698]. В то же время он уже

возделывает свой фруктовый сад: «Наполовину скрытый листвой, бог садоводства покровительствовал его фруктовому саду»[9] [13. С. 698]. Фигуры же центральных персонажей – Схоластики и Инъюриоза – удалены от сада и смещены в область закрытого дома и гробницы, как и фигура мудрой Евфросинии. Их устремление к раю и попытка воссоздать в земной жизни Эдем до грехопадения, когда, согласно богословам, Адам и Ева не знали плотской любви [15. С. 151–152], также могут рассматриваться как возделывание «умозрительного» райского сада. Успешно оно или нет, остается неизвестным, так как посмертное чудо – соединившие могилы супругов гирлянды из роз – трактуется в рамках двух различных кодов.

Что же касается легенды, открывающей цикл «Прокуратор Иудеи» (*Le Procurateur de Judée*), то она занимает особое место в цикле, выполняя функцию своего рода вступления, и потому должна рассматриваться в иной логике. Здесь сад – это прежде всего неизменный атрибут богатой виллы [11. С. 14], вписанный в природный ландшафт: «А у самых ног роскошные Байи раскинули вдоль изящных излучин побережья свои сады, свои виллы со статуями, портиками, мраморными террасами, спускавшимися ступенями к самому лазурному морю, где плескались дельфины»[10] [13. С. 660]. Владелец сада Понтий Пилат выступает как представитель официальной религии, в данном случае – греческого политеизма. Он сторонник культивации, что подчеркивается несколькими деталями: выращивает пшеницу, разработал подробный план акведука для Иерусалима. Иудаизм в этом рассказе представлен как ересь и культивации противится. Подобное изображение сада характерно для нескольких новелл первой части цикла, однако некоторые черты образа связывают его уже с последующими частями.

Нельзя обойти вниманием и отсылки к Эпикуру, которым увлекается второй персонаж легенды – Элий Ламия. «О природе вещей» Кара Лукреция – книга, которую он читает во время неожиданной встречи с Пилатом, главный источник современных сведений об учении Эпикура. В этой книге создается образ сада, в котором человек скрывается от общественной жизни, традиционно называемый *locus amoenus* – приятное место [16. С. 137; 17. С. 102]. Его основные черты – деревья, трава и вода: «Люди же вместо того, распростершись на мягкой лужайке / На берегу ручейка, под ветвями высоких деревьев, / Скромными средствами телу дают усладительный отдых, / Если к тому ж улыбается им и погода, и время / Года усыплет цветами повсюду зеленые травы» [18. С. 75]. Сад Эпикура, «педагогический сад», по выражению М.Н. Соколова [15. С. 45], культивирует осознанное и контролируемое удовольствие, которого жаждут, но не могут полностью достичь ни Пилат, ни Ламия, преследуемые горькими или искусительными воспоминаниями.

В «Прокураторе Иудеи» возникает еще один важный мотив, который будет развит в последних новеллах «Перламутрового ларца»: противопоставление частного сада и политической арены. Именно в саду Пилат укрывается после крушения своей карьеры. Тщетность попыток скрыться в своем саду от истории, еще не осознаваемая Пилатом и Ламией, будет в полной мере продемонстрирована в эпохи Французской буржуазной революции.

Таким образом, на протяжении первой части «Перламутрового ларца» прослеживается эволюция образа сада от божественного сада-леса к саду, культивированному человеком, – фруктовому и искусственному. Кроме того, отношение к саду символизирует тип религии. Вне зависимости от того, какая религия (язычество или христианство) оказывается в центре внимания рассказчика, именно она связана с культурной стороной сада, в то время как оппозиционная религия соотносится с его с природной ипостасью.

Запертый ветроград и фруктовый сад. Вторая часть «Перламутрового ларца» включает в себя новеллы «Жонглер богоматери», «Обедня теней», «Лесли Вуд», «Гестас» и «Записки сельского врача». Временные и пространственные рамки этой части можно определить как современная Франсу Европа. Новеллы, входящие в нее, построены вокруг конфликта веры в разных ее проявлениях и логики и апеллируют к средневековому образу рукотворного, закрытого сада (*hortus conclusus*). На смену дикому саду первой части приходит сад огороженный, запертый, который может принимать форму возникшего в Средневековье монастырского сада [11. С. 16], кладбища или фруктового сада сельского врача, но в любом случае символизирует отречение, созерцание и уединение. Покой этого сада нарушается силой любви или неподвластными научному объяснению событиями. В то же время образ сада приобретает символическое значение сада-вертограда, непостижимого места, доступного лишь посвященным, благодаря цитате из Книги Песни Песней Соломона: «Словно запертый вертоград, возлюбленная моя»[11] [13. С. 704].

Рассказ «Жонглер Богоматери» (*Le Jongleur de Notre-Dame*) является промежуточным звеном между первой и второй частью и в хронотопическом, и в тематическом отношении. Сад здесь представлен прежде всего как символ. Во-первых, сад – это рай, куда стремится попасть главный герой, Барнабэ, избегая ради этого искушений и усердно молясь Пресвятой Деве. Во-вторых, сад символизирует жизнь человека, уподобленного дереву: «Чтобы выказывать свое замечательное умение, он нуждался в лучах солнца и свете дня подобно тому, как нуждаются в этом деревья, дабы цвести и плодоносить. Зимою же он походил на дерево, лишенное листвы и как бы засохшее. Мерзлая земля была сурова к жонглеру»[12] [Там же. С. 701]. Барнабэ напоминает дерево, которое нуждается в саде, а удостаивается лишь некультивируемой земли и не может реализовать свое предназначение. Далее Барнабэ оказывается в монастыре, где не получает той радости, которую ожидал, и стенает, «гуляя в небольшом, лишенном тени монастырском садике»[13] [Там же. С. 705]. В контексте цикла жизнь человека приобретает значение сада. Наконец, дважды в этом рассказе возникает образ Запертого вертограда как символ Девы Марии[14].

В отличие от сада-леса из первой части, сад в рассматриваемых новеллах часто вписан в городское

пространство и представляет собой сад закрытого типа. Так, в «Обедне теней» (*La Messe des ombres*) он принимает несколько видов. Сначала это виноградная беседка «Белого коня» (*la treille du Cheval-Blanc*), в которой рассказывается история Катрины Фонтен, затем кладбище, где работает рассказчик, наконец, монастырский сад Урсулинок, соседствующий с домом героини. Все это соответствует замкнутому образу жизни Катрины и репутации старой девы. Лес Сен-Леонар (*le bois de Saint-Léonard*), напротив, ассоциируется с тайной страстью Катрины. Именно в лесу происходили ее встречи с кавалером д'Омон-Клери, и образ леса связан с молодостью, природой, любовью. Так, в цикл вводится образ сада наслаждений, получившего яркое отражение в лирике вагантов и унаследовавшего смысловой потенциал сада Венеры [15. С. 154–155].

Образ негородского, дикого сада возникает и в других новеллах как оппозиция закрытому саду современной Франции. Так, в «Лесли Вуде» (*Leslie Wood*) высказывается предположение, что Вуд «живет на Цейлоне в волшебном замке среди сказочных садов, где день и ночь пляшут баядерки!»[15] [13. С. 712–713]. Реальное же место жительства Вуда связано с городом и почти не описано.

Любовь Лесли Вуда к Анни, так же лишенная плотской связи, как и союз Схоластики и Иньюриоза, не изображается на фоне природы. Очевидно, что Лесли Вуд, имя которого также является элементом растительного кода, пытается создать рай на земле. Платоническая любовь, связанная не с культом Девы Марии, но с культом дамы, содержит аллюзию на средневековый сад, где, в противоположность саду наслаждений, влюбленные «страстно вожделеют друг друга, но не менее страстно жаждут духовного просвещения» [15. С. 155]. Но жизнь в этом умозрительном раю приносит скорее страдание, чем радость, в чем признается Вуд.

В «Гестасе» (*Gestas*) сад не представлен, однако функцию этого образа берет на себя образ кабачка, в описании которого присутствует множество растительных деталей: «…в темноте сверкали медные краны бочек, и в винной лавке с вечно закрытыми зелеными ставнями, где перед входом стоят в кадках лавры»[16] [13. С. 724]. Название кабачка «Спелая айва» (*le Bon Coing*), изображение грозди винограда, зеленый цвет закрытых ставен и лавр в кадках превращают пространство питейного заведения, в которое устремляется герой, в искусственное подобие сада. Истинный сад же для него, как и для Барнабэ, и Катрины, – рай, противопоставленный его грешной жизни. Душа Гестаса также уподобляется саду: «Но душевное равновесие старик утратил. От его утренней веселости не осталось и следа. Радостные трели жаворонка, рожденные в нем первыми каплями бледно-красного вина, внезапно смолкли, и теперь душа его напоминала окутанный туманом перелесок, где, сидя на черных деревьях, каркают вороны. Ему было смертельно грустно. Неодолимое отвращение к самому себе поднималось из глубин его существа»[17] [Там же. С. 725]. Сопоставление Гестаса с Силеном, лесным божеством, не только актуализирует его связь с античным лесом, но и подчеркивает мотив преграды между Гестасом и церковью, которую он не может отыскать в лабиринте городских улиц: его наивной вере ближе пространство леса, священной рощи, чем Парижа.

В «Записках сельского врача» (*Le Manuscrit d'un médecin de village*) образ фруктового сада занимает центральное место, представляя для доктора, ведущего дневник, убежище и место устремления. Врач гордится своим фруктовым садом и спешит туда, когда душа его свободна от сомнений и жалости: «В отличие от моих прославленных парижских собратьев у меня нет картинной галереи, которую я мог бы показывать посетителям; зато у меня есть грушевые деревья, которых нет у них. Мой сад славится на двадцать лье вокруг, из соседних поместий ко мне присылают за черенками»[18] [13. С. 733]. Сознательное возделывание фруктового сада сигнализирует переход к новой системе ценностей, типичной, например, для культуры протестантизма [19. С. 42], где труд обладает высшей ценностью и позволяет приблизиться к Богу. Когда спокойное течение жизни доктора нарушается тяжелой болезнью маленького пациента и мистическими ощущениями, сад уже не служит ему утешением: «Я печально продолжал свой путь, и в первый раз желание вновь увидеть свои грушевые и абрикосовые деревья не заставило меня прибавить шагу»[19] [13. С. 737]. Искусственно созданный рай не защищает человека от страданий и сомнений.

Таким образом, сад во второй части цикла Франса изолирован от природного пространства и строго ограничен. Несмотря на то что он создан человеком, доступ в него часто оказывается для человека закрытым. Примечательна и отчужденность героев от сада, неуютные ощущения, которые они испытывают, попав в пространство своей мечты, подобно тому, как они не могут обрести внутреннюю гармонию.

От Элизиума к тюремному двору. Завершающая часть «Перламутрового ларца» представлена рассказами, действие которых происходит во время Французской буржуазной революции. В эту часть Франс включил несколько переработанных глав из своего романа «Алтари страха» (*Les Autels de la peur*, 1884), в котором концепция сада предстает более последовательно. Образ героини «Алтарей страха», дворянки Фанни д'Авенэ, распадается в цикле на несколько женских образов – Софи, Полина, Люси, Фанни, Жюли. При переносе глав в текст цикла образ сада утрачивает некоторые аспекты своего значения (мир как сад) и последовательность разработки материала, но сохраняет свою значимость.

Открывается третья часть «Записками волонтера» (*Mémoires d'un volontaire*) рассказом, хотя и относящимся ко времени Французской революции, но связывающим эту часть с предыдущей. Со второй частью этот рассказ объединяет прежде всего жанр мемуаров, а также образ фруктового сада (*verger*), который возделывает отец центрального персонажа, Пьера Обье. В этом рассказе представлена жизнь в миниатюре, сопровождающаяся сменой типа сада, который воплощает рай. Пьер проходит разные этапы жизни: в детстве рай представляется ему яблочным садом, в

юности – философским, в молодости – общественным, а также идиллическим.

Фруктовый сад становится местом благодатного труда и учения: «Летом мы занимались под старыми каштанами[20] [13. С. 739]. Франс педалирует мотив труда, вводя образ пчелиного улья[21] и выбирая в качестве изучаемого материала «Георгики» Вергилия, посвященные земледелию, пчеловодству, садоводству: «Аббат Ламаду, сидя вблизи своих ульев, объяснял мне *Георгики* Вергилия»[22] [Там же]. Книга Вергилия появляется в данном контексте не случайно, так как поэт «ввел в литературу *сад* как мифопоэтическую модель, уничтожив разницу между мифологическим, лирическим и реальным садом, т.е. объединив все эти алло-сады в один – *hortus*» [1. С. 148]. Неизбежная ассоциация с раем усиливается благодаря его скорой утрате ради обучения в коллеже – Пьер называет себя «изгнанником» (*pauvre exilé*). Покинув родительский дом и фруктовый сад, Пьер мысленно постоянно возвращается к нему: «Весь долгий путь я думал о моей комнатке, где осенью воздух был напоен запахом плодов, хранившихся на чердаке; о фруктовом саде, куда отец водил меня по воскресеньям собирать яблоки с деревьев, привитых его собственной рукою»[23] [13. С. 740]. Этот фруктовый сад становится символом детства. Запустение сада символизирует упадок мира в целом: «Она рассказала мне, что отец, согбенный годами и недугами, вовсе запустил фруктовый сад»[24] [Там же. С. 743]. Опустошение сада типично не только для семьи Обье, но и для всей нации, которая находится на пороге тяжелых потрясений.

В коллеже уже иной тип сада – «тенистая аллея густолиственных грабов»[25] [Там же. С. 741] – становится местом прогулок, поучительных бесед и размышлений. Франс вновь обращается к античным текстам, приводя посвященную саду цитату из Квинта Энния, которую произносит наставник и узнает ученик: «O sylvaï dulces umbras frondosaï!» [Там же]. Идиллический образ сада далее получает ироническое развитие в подражательных, сентименталистских стихах господина Милля. Вновь возникает образ рощи из первой части цикла, а также через фигуру Дидоны вводится «образ той, что блуждала в миртовой роще…»[26] [Там же. С. 744]. Герой рассказа призывает свою возлюбленную Амелию в еще один сад сентиментализма: «Счастье есть в уединении. Есть еще далекие острова, где можно жить в простоте, в безвестности! Пойдем искать счастья в тиши латаний, на могиле Виргинии»[27] [Там же. С. 758]. Франс проводит параллель с еще одним садом, в котором воспитываются, не зная грамоты, герои известного романа «Поль и Виргиния» Б. де Сен-Пьера.

Идиллический образ сада сменяется одическим образом парижского парка торжественно-публичного характера: Тюильри, Пале-Рояль, Люксембург. «Он [господин Милль] водил меня в Люксембургский сад, где я видел Рейналя, гулявшего с Дюссо под кущами вековых деревьев»[28] [Там же. С. 751]. Общественный характер парка нового типа особенно полно раскрыт в эпизоде подготовки к Празднику Федерации (первой годовщины взятия Бастилии) на Марсовом поле. Его функция – демонстрация политических взглядов и убеждений; беседа двоих сменяется песнями, парадом и работой двухсот тысяч человек.

В остальных рассказах третьей части, действие которых разворачивается в революционном Париже 1890-х гг., образ сада развивается согласно векторам, заданным в «Записках волонтера». Прежде всего, Франс детально разрабатывает литературную концепцию английского романтического парка. В «Рассвете» (*L'Aube*) сад Софи организован по принципам, провозглашенным Жан-Жаком Руссо, и воссоздает образ пейзажного парка из «Юлии, или Новой Элоизы». Софи воспитана на принципах Руссо и восхищается философом. Место для своего дома она выбрала на окраине Парижа, вблизи природы. Сад, в котором юная вдова с ребенком проводят большую часть времени, копируя Элизиум из романа Руссо и сочетает искусную работу садовника со следованием природе.

По мнению Д.С. Лихачёва, хотя Руссо не был «вдохновителем пейзажного стиля в садово-парковом искусстве» и заимствовал свои идеи у Аддисона, «не только его изображение пейзажного парка в литературе, но и его идеи действительно возникли в эстетической мысли раньше, чем были осуществлены на практике» [2. С. 149]. Изображение парка у Руссо существенно повлияло как на развитие садово-паркового искусства, так и на изображение парка в литературе и искусстве. Именно по принципам английского пейзажного парка, популяризации которого способствовал Руссо, организован сад Софи. Это очевидно не только благодаря открытым отсылкам к Руссо, но и деталям: аллея Жан-Жака (*l'allée de Jean-Jacques*), уголок Эмиля (*salon d'Émile*), скамья «Отдых друзей» (*le Repos des amis*), которые представляют собой не аллегорические изображения, а знаки. «Характерная черта предромантических и романтических парков – это появление большого числа новых "знаков" <…> посвященных романтическим понятиям» [Там же. С. 208]. К этим знакам относятся также буколические образы, прослеживаемые во внешней атрибутике Софи (корзинка античной формы с шерстью), особая роль дуба [Там же. С. 283], который должен весь день отбрасывать тень на скамью – с этой целью Софи изменила положение аллеи.

Иконология, типичная для предыдущих частей цикла, уступает место романтической поэтике. «Если в барочных садах и садах Классицизма большое значение имела античная мифология и символика, то в романтизме все это начинает играть более слабую роль. Совпадения в мироощущении, в настроении, в движениях природы и души – вот что главное в Романтизме» [2. С. 205]. Именно поэтому в этом меланхолическом парке прогуливаются в одиночестве, беседуют о таинственном, прислушиваются к шелесту листьев, читают (не декламируют наизусть) поэзию (идиллии Гесснера). В саду Софи, будучи одна, общается с Богом и пытается постичь тайны мироздания, которые слышит в шелесте листвы, созвучном звучанию эоловой арфы. Романтический характер сада, воспетый Руссо, усиливается мистическими настроениями, не свойственными Просвещению. Появляется ночной сад, освещаемый лишь лунным светом; цветение заменяется листвой по преимуществу.

Открыто апеллируя к Руссо, Франс имеет в виду и другой сад, а именно образ Элизиума, созданного Андре Шенье, поэта, послужившего прообразом для Марселя Жермена, центрального персонажа «Алтарей страха». Образ Элизиума появляется в идиллии Шенье *Mes mânes à Clytie* (опубл. в 1830) [21. С. 66]. Очевидно, именно этот Элизиум описывает Франс в статье 1887 г. «Мать Андре Шенье» (*La Mère d'André Chénier*): «Элизиум Андре Шенье – это английский сад с извилистыми дорожками, с храмом-ротондой, где видны целующиеся голуби. Именно там, среди искусственных руин и гробниц, возведенных при Людовике XVI, парами гуляют "чувствительные смертные"»[29] (перевод наш. – *Н.Н., Н.Т.*). Описание этого сада достаточно точно коррелирует с садом Софи.

Кроме того, сад вновь уподобляется человеческой жизни и душе. В саду есть пруд, рядом с которым играет Эмиль, сын Софи, в котором поддерживается здоровое стремление к необременительному труду. Когда он показывает матери построенный из песка садик, Софи практически дословно цитирует «Кандида» Вольтера: «В жизни самое мудрое занятие – возделывать сад!»[30] [13. С. 775].

Восприятие сада главным героем, Жерменом, в этом рассказе отлично от женского, что вызвано его политической и духовной незрелостью: «Какая галерея, изукрашенная порфиром и позолотой, сравнится с этой зеленой аллеей?»[31] [Там же]. Сад для него ассоциируется прежде всего с «прелестью прогулки по тенистой садовой дорожке, рука об руку с молодой женщиной»[32] [Там же]. Жермен воспринимает сад лишь с чувственной, эстетической точки зрения, для него сад – это прежде всего сад любви.

Получив лишь косвенное освещение в рассказе «Госпожа де Люзи» (*Madame de Luzy*), где сад служит символом убежища («Они взломали дверь, проникли в мой сад»[33] [Там же. С. 782], – восклицает преследуемый якобинцами Планшоне, в саду же он должен спрятаться после их ухода), образ сада выходит на центральное место в рассказе «Эпизод из времен флореаля II года республики» (*Anecdote de floréal, an II*). После ареста Фанни д'Авенэ попадает в тюрьму Пор-Либр, где центральным местом, местом романтических свиданий, оказывается двор с акацией: «Фанни, задыхавшаяся в сыром воздухе тюремных коридоров, села на зеленый дерн невысокой насыпи, что окружала старую акацию, осенявшую двор. Акация была вся в цвету, и легкий ветерок, шелестевший ее листвой, наполнял воздух благоуханием»[34] [Там же. С. 792]. Мотив цветения подчеркивается неоднократно: в названии новеллы фигурирует *floréal* (изобилующий цветами) как название месяца французского республиканского календаря (май). Образ цветущей акации выдвигается на первый план не только при помощи повторов и помещения в конец рассказа, но и благодаря приведенным стихам Этьена Виже, посвященным акации и приколотым к дереву. Образ акации – квинтэссенция растительной символики в цикле. Язык цветов считается финальной стадией в развитии европейской традиции цветочного символизма [24. С. 4]. Акация неизменно присутствовала в так называемых книгах языка цветов, весьма популярных во Франции [5. С. 93] среди всех социальных слоев [25. С. 86] и, безусловно, известных Франсу, и символизировала прежде всего платоническую любовь [26. С. 109–110]. Именно она заставляет Фанни вспомнить о влюбленном в нее молодом человеке. Но акация имеет и ряд других символических и аллюзийных значений. Так, в египетской мифологии, хорошо знакомой Франсу, акация – дерево бога Озириса, символ смерти и воскресения [27. С. 46–76]. В конце новеллы Фани отказывается от возможности побега, предпочитая оставить свою историю платонической и погибнуть, чтобы не подвергать опасности Розу, дочь тюремщика с символичным именем, участвовавшую в подготовке побега: «Дерево узников, шелестя душистыми ветвями, роняло бледные цветы на голову добровольной жертвы»[35] [13. С. 794]. Так Франс использует иконологический потенциал растений, выбирая многозначный образ акации как символ бессмертия души, страдания, жертвы.

Таким образом, английский парк, возделанный главной героиней в «Рассвете», сужается до тюремного дворика. Просвещенные герои Франса пытаются сотворить своими руками пространство, где в союзе с природой они могут быть свободны и счастливы. Тем не менее достичь блаженства и создать уединенный рай им не удается: время врывается в него и разрушает. В действительности сад оказывается местом, где жертвы революционного террора безуспешно пытаются скрыться от преследователей.

Последний рассказ «Перламутрового ларца» «Оловянный солдатик» (*Le Petit soldat de plomb*) был включен Франсом в цикл позже, в 1921 г., и многократно перерабатывался. Сюжетно этот рассказ отличается от остальных и выполняет функцию своего рода эпилога, посвященного в большей степени авторской рефлексии о возможностях и задачах литературы. Образ рассказчика здесь эксплицирован, что нехарактерно для всего цикла, а сам процесс и смысл рассказывания явно важнее, чем истории, которые излагает оловянный солдатик. Неудивительно, что образ сада играет здесь несущественную роль. Он редуцируется до дворика с древним тутовым деревом (*le mûrier antique*), под которым греческая статуэтка Паннихис когда-то давно пряла милетскую шерсть [13. С. 797]. То, что рассказчик не видел этого дерева своими глазами, вменяется ему в вину и подрывает доверие к самому рассказу. Этот мотив – неспособность литературы передать историческую правду – возникает в рассказе неоднократно. Подобно тому, как персонажи разных новелл «Перламутрового ларца», ушедшие от природы в умозрительный мир своих верований, теорий и представлений об истине, оказывались оторванными от природы, а их сады не могли защитить их от настоящей жизни, рассказчики (не только оловянный солдатик, но и Вольтер, чей сюжет заимствует Франс) не в состоянии преодолеть ограничения своего сознания и увидеть истинную суть событий.

Заключение. Сад в «Перламутровом ларце» представлен во множестве ипостасей, смена которых, тем не менее, носит системный характер и соотносится с развитием идей цикла в целом. Это один из тех обра-

зов, которые обеспечивают целостность произведения. Кроме того, он выполняет своего рода роль шифра, повторяя в образной форме через систему оппозиций мысль автора, прямо в тексте не выраженную. Наконец, Франс использует образ сада в его различных интерпретациях как проекцию ценностей той или иной эпохи, ее представление об идеальном месте, рае. «Сад – это подобие Вселенной, книга, по которой можно “прочесть” Вселенную. Вместе с тем сад – аналог Библии, ибо и сама Вселенная – это как бы материализованная Библия. <…> Но сад – книга особая: она отражает мир только в его доброй и идеальной сущности» [2. С. 24]. Прибегая к богатым культурным кодам, накопленным образом сада, Франс предлагает читателю самостоятельно узнать и расшифровать их. Так образ берет на себя значительную смысловую нагрузку и служит для выражения эксплицитно не проявленной авторской позиции.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] “…Il est impossible d’imaginer un bonheur plus grand que celui que nous possédons en cette vie humaine, si douce et si amère, si mauvaise et si bonne, à la fois idéale et réelle, et qui contient toutes choses et concilie tous les contrastes. Là est notre jardin, qu’il faut bêcher avec zèle” [9. P. 65–66].

[2] “Seigneur Dieu, vous qui fîtes le ciel et la rosée, soyez loué dans vos œuvres! Mais pourquoi avez-vous fait des arbres païens et des fontaines féeriques? Pourquoi avez-vous mis sous le coudrier la mandragore qui chante? [12. P. 892].

[3] “…Cette forêt était pleine de mystère et d’horreur” [12. P. 896].

[4] “…Tu es plus savant que moi et tu vois l’invisible. Mais je connais mieux que toi les bois et fontaines. J’apporterai au dieu des feuillages et des fleurs” [12. P. 895].

[5] “Comme par les soins d’Amycus, la chapelle du vrai Dieu était toujours ornée de guirlandes et mieux fleurie que l’arbre des fees” [12. P. 895].

[6] “le luxe … de ses jardins” [12. P. 905].

[7] “Mais ce qu’on voyait de plus merveilleux dans cette demeure était un buisson d’aubépine tout couvert d’oiseaux qui, par un mécanisme ingénieux, chantaient en battant des ailes comme s’ils eussent été vivants” [12. P. 905].

[8] “L’un d’eux, nommé Silvanus, vénérait les fontaines des nymphes, suspendait des tableaux aux branches d’un vieux chêne et gardait à son foyer des petites figures d’argile représentant le soleil et les déesses Mères” [12. P. 916].

[9] “A demi caché dans le feuillage, le dieu des jardins protégeait son verger” [12. P. 916].

[10] “Sous ses pieds, vers l’occident, la riche Baies, suivant la courbe gracieuse du rivage, étalait ses jardins, ses villas peuplées de statues, ses portiques, ses terrasses de marbre, au bord de la mer bleue où se jouaient les dauphins” [12. P. 878].

[11] “Ma bien-aimée est comme un jardin clos” [12. P. 921].

[12] “Pour montrer son beau savoir, comme aux arbres pour donner des fleurs et des fruits, il lui fallait la chaleur du soleil et la lumière du jour. Dans l’hiver, il n’était plus qu’un arbre dépouillé de ses feuilles et quasi mort. La terre gelée était dure au jongleur” [12. P. 919].

[13] “…Se promenant seul dans le petit jardin sans ombre du couvent” [12. P. 922].

[14] Очевидно, этот образ важен для Франса в целом, так как он неоднократно возникает на страницах его книг. Один из персонажей романа «Красная лилия» (*Le Lys rouge,* 1894), Шулетт, публикует сборник *Jardin clos* с дополнением *Verger de Sainte-Claire.*

[15] “Il habite, à Ceylan, un palais féerique, au milieu de jardins enchantés où, nuit et jour, dansent des bayadères” [12. P. 930].

[16] “…L’ombre, luire les robinets de cuivre des tonneaux et chez les débitants dont les volets verts demeurent clos entre deux caisses de lauriers” [12. P. 941–942].

[17] “Mais au-dedans le vieil homme chancelait. Il ne lui restait plus rien de l’allégresse matinale. L’alouette qui avait jeté ses trilles joyeux dans son être avec les premières gouttes du vin paillet s’était envolée à tire-d’aile, et maintenant son âme était une rookery brumeuse où les corbeaux croassaient sur les arbres noirs. Il était mortellement triste. Un grand dégoût de lui-même lui soulevait le cœur” [12. P. 942].

[18] “Je n’ai pas, comme mes illustres confrères de Paris, une galerie de tableaux à montrer aux visiteurs; mais j’ai des poiriers comme ils n’en ont pas. Mon verger est renommé à vingt lieues à la ronde et l’on vient des châteaux voisins me demander des greffes” [12. P. 946].

[19] “Je poursuivis tristement mon chemin, et, pour la première fois, l’envie de revoir mes poiriers et mes abricotiers ne me fit point hâter le pas” [12. P. 950].

[20] “L’été nous travaillions sous de vieux châtaigniers” [12. P. 956].

[21] О значении пчел в Античности см. [20].

[22] “…C’est près de ses ruches que l’abbé Lamadou m’expliquait les Géorgiques de Virgile” [12. P. 956].

[23] J”e songeai, tout le long du chemin, à ma petite chambre que parfumait, vers l’automne, l’odeur des fruits conservés dans le grenier, à l’enclos où, le dimanche, mon père me menait cueillir les pommes des arbres greffés de sa main…” [12. P. 956].

[24] “…Elle me conta que mon père, alourdi par l’âge et les douleurs, ne soignait plus le verger” [12. P. 959].

[25] “…Un jardin que bordait une épaisse charmille; puis, en passant sous l’ombre des arbres” [12. P. 958].

[26] “L’image de celle qui, déchirée d’une blessure immortelle, errait dans la forêt des myrtes” [12. P. 961].

[27] “Le bonheur est dans la solitude. Il est encore des îles lointaines où l’on peut vivre innocent et caché, allons-y. Allons chercher le bonheur à l’ombre des lataniers, sur le tombeau de Virginie!” [12. P. 974].

[28] “Il m’a mené dans le jardin du Luxembourg, où j’ai vu, sous d’antiques ombrages, Raynal se promenant avec Dussaulx” [12. P. 967].

[29] “L’Élysée d’André Chénier, c’est un jardin anglais avec des allées tournantes, et, sur un terre, un temple en rotonde où l’on voit des colombes qui se baisents. It y a là des ruines artificielles et des tombeaux comme on en mettait, sous Louis XVI, dans les parcs où les “morteles sensibles” se promenaient deux à deux” (цит. по: [21. P. 1443], также см.: [22]).

[30] “…Rien n’est plus sage au monde que de faire un beau jardin” [12. P. 992].

[31] “…Quelle galerie de porphyre et d’or vaut une verte allée” [12. P. 992].

[32] “…La douceur de conduire à l’ombre des arbres cette jeune femme appuyée à son bras” [12. P. 992].

[33] “Ils ont forcé ma porte, envahi mon jardin” [12. P. 999].

[34] “Fanny, qui étouffait dans l’air humide des corridors, vient s’asseoir sur le tertre de gazon qui entoure le pied du vieil acacia dont la cour est ombragée. L’acacia est en fleur, et la brise qui le caresse en sort tout embaumée” [12. P. 1009].

[35] “L’arbre des prisonniers, secouant ses branches odorantes, répandit de pâles fleurs sur la tête de la victime volontaire” [12. P. 1011].

ЛИТЕРАТУРА

1. Цивьян Т.В. Verg. Georg. IV, 116–145: к мифологеме сада // Текст: семантика и структура : сб. ст. М. : Наука, 1983. С. 140–156.
2. Лихачев Д.С. Поэзия садов: К семантике садово-парковых стилей. Л. : Искусство, 1982. 343 с.
3. Гусева Л.М. «Драма на охоте» А.П. Чехова: растительный код в системе персонажей // Культура и текст. 2005. № 9. С. 229–243.
4. Кошелев В.А. Мифология «сада» в последней комедии Чехова // Русская литература. 2005. № 1. С. 40–52.
5. Ильченко Н.М. Цветочная и растительная символика в творчестве немецких и русских романтиков // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. 2012. № 18. С. 92–103.

6. Нагина К.А. Сад и Бог в произведениях Л. Толстого и Ф. Достоевского // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2011. № 2. С. 139–147.
7. Топоров В.Н. Ветхий дом и дикий сад: образ утраченного счастья // Облик слова : сб. ст. [памяти Д.Н. Шмелёва]. М. : Астра семь, 1997. С. 291–318.
8. Лефевр А. Парки и сады / пер. с фр.: по изданию 1871 г. М. : Фитон+, 2010. 168 с.
9. France A. Le Jardin d'Épicure. Paris : Calmann-Lévy, 1895. 296 p.
10. Франс А. Сад Эпикура // Франс А. Собр. соч. : в 8 т. М. : Гослитиздат, 1958. Т. 3. С. 251–351.
11. Боговая И.О., Фурсова Л.М. Ландшафтное искусство. М. : Агропромиздат, 1988. 220 с.
12. France A. L'Étui de nacre // France A. Œuvres (4 vol.) Edition établie, présentée et annotée par Marie-Claire Bancquart. P. : Gallimard, Bibliothèque de la Pléiade, 1984–1994. Vol. 1. P. 875–1023.
13. Франс А. Перламутровый ларец // Франс А. Собр. соч. : в 8 т. М.: Гослитиздат, 1958. Т. 2. С. 659–806.
14. Ефремова Ю.А. Основание цистерцианских монастырей в XII веке: природные условия и их восприятие // Средние века. 2012. № 73 (3-4). С. 83–103.
15. Соколов М.Н. Принцип рая: главы об иконологии сада, парка и прекрасного вида. М. : Прогресс-Традиция, 2011. 703 с.
16. Markovic D. The Rhetoric of Explanation in Lucretius' *De rerum natura*. BRILL, 2008. 176 p.
17. Fowler D., Fowler P.G. A Commentary on Lucretius *De Rerum Natura*. Oxford University Press, 2002. 513 p.
18. Лукреций Т.К. О природе вещей / ред. лат. текста и пер. Ф.А. Петровского. М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1946. Т. 1. 453 с.
19. Picciotto J. Reforming the Garden: The Experimentalist Eden and 'Paradise Lost' // ELH. 2005. Vol. 72, № 1. P. 23–78.
20. Cilliers L., Retief F.P. Bees, honey and health in antiquity // Akroterion Annual. 2008. P. 7–20.
21. Poésies de André Chénier, precedées d'une notice par H. de Latouche. Paris : Charpentier, 1840. 378 p.
22. Bancquart M.-C. Notes // France A. Œuvres (4 vol.) / ed. établie, présentée et annotée par M.-C. Bancquart. P. : Gallimard, Bibliothèque de la Pléiade, 1984–1994. Vol. 1.
23. Métayer G. Anatole France et le nationalisme littéraire: scepticisme et tradition. Le Félin, 2011. 249 p.
24. Шарафадина К.И. «Язык цветов» в русской поэзии и литературном обиходе первой половины XIX века (источники, семантика, формы) : автореф. дис. … д-ра филол. наук. СПб., 2004. 48 с.
25. Seaton B. The Language of Flowers: A History. University of Virginia Press, 2012. 234 p.
26. De Latour Ch. Le Langage des fleurs. Bruxelles : Louis Human, 1830. 324 p.
27. Koemoth P. Osiris et les arbres. Contribution à l'étude des arbres sacrés de l'Égypte ancienne. Liège : C.I.P.L., 1994. 336 p.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 17 сентября 2017 г.

LOCUS ISTE LOCORUM: IMAGES OF THE GARDEN IN A. FRANCE'S *L'ÉTUI DE NACRE*

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 424, 35–43.
DOI: 10.17223/15617793/424/5
Natalia A. Nikitina, Higher School of Economics (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: gromovanat@list.ru
Natalia A. Tuliakova, Higher School of Economics (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: n_tuljakova@mail.ru
Keywords: garden in literature; garden art; A. France; cycle; vegetative symbolism; space in literature.

The image of the garden, one of the most widespread in the world culture, is considered to be multifaceted, as the concepts of the ideal world which the garden embodies change with time. The present paper looks at the image of the garden in Anatole France's cycle *L'Étui de nacre*, where three different epochs with their peculiar systems of values are represented, and garden is one of the most frequent images. The objective of the research is to ascertain the functions of the garden image by analyzing the transformations of the image. The analysis is conducted by pinpointing all representations of the garden, tracing their roots in the world culture and establishing the network of relations between the images. The first part of the cycle, which depicts the Late Antiquity and the early Middle Ages, employs the garden image in several forms: a sacred grove which is chosen by hermits as a place for spiritual life, a garden of a rich villa, where its owner tries to hide from the tumult of political life, a fruit garden, which shows appreciation of cultivation, and a speculative paradise. This garden is mostly open to everybody who wishes to enter, and is a place where opposite systems of values can meet and live peacefully. The second part, devoted to the modern epoch, moves on to the image of an enclosed garden. It is embodied in the image of a monastery garden, *hortus conclusus*, which symbolizes Virgin Mary, and a fruit garden of a new Protestant type. These images reflect the heroes strive for Paradise and their desperate attempt to enter it. However, life tends to destroy their idyll, either encroaching on the garden or tempting the personages with *Locus amoenus,* a love garden. The third part, where the action takes place during the French Bourgeois Revolution, introduces and develops the image of the English romantic park, which is perceived by the heroes as a space for direct communicating with God, not through prayer, but through nature. They deliberately build a garden following Rousseau's principles, but its safety is ruined by the revolutionary terror. The romantic park is substituted by a public garden suited for the ruling power, or is diminished to the space of a prison yard with a symbolic acacia tree in the center. The author of the paper argues that France reveals a profound knowledge of the world culture and the place which the garden, as well as flower and tree symbolism, occupies in it. Rather than creating an original garden image, the writer borrows stable and semantically loaded images from the world culture. The garden is one of the elements which are used to fully represent each epoch and its idea of happiness. The transformation and evolution of the image contribute to getting the author's message across: no concept is full or ideal and can be understood only when surrounded by other representations of the same idea.

REFERENCES

1. Tsiv'yan, T.B. (1983) Verg. Georg. IV, 116–145: k mifologeme sada [Verg. Georg. IV, 116-145: to the mythology of the garden]. In: Tsiv'yan, T.B. (ed.) *Tekst: semantika i struktura* [Text: semantics and structure]. Moscow: Nauka.
2. Likhachev, D.S. (1982) *Poeziya sadov: K semantike sadovo-parkovykh stiley* [Poetry of gardens: To the semantics of garden and park styles]. Leningrad: Iskusstvo.
3. Guseva, L.M. (2005) "Drama na okhote" A.P. Chekhova: rastitel'nyy kod v sisteme personazhey ["Drama on the Hunt" A.P. Chekhov: plant code in the system of characters]. *Kul'tura i tekst.* 9. pp. 229–243.
4. Koshelev, V.A. (2005) Mifologiya "sada" v posledney komedii Chekhova [Mythology of Garden in the last comedy by Chekhov]. *Russkaya literatura.* 1. pp. 40–52.
5. Il'chenko, N.M. (2012) Floral Symbolism in the Works of German and Russian Romantics. *Vestnik Nizhegorodskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta im. N.A. Dobrolyubova – Vestnik of Nizhny Novgorod Linguistics University*. 18. pp. 92–103. (In Russian).

6. Nagina, K.A. (2011) Garden and God in the novels by L. Tolstoy and F. Dostoevskiy. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya – Perm University Herald. Russian and Foreign Philology*. 2. pp. 139–147. (In Russian).
7. Toporov, V.N. (1997) Vetkhiy dom i dikiy sad: obraz utrachennogo schast'ya [An old house and a wild garden: the image of lost happiness]. In: Krysin, L.P. (ed.) *Oblik slova* [The appearance of the word]. Moscow: Astra sem'.
8. Lefevre, A. (2010) Parki i sady [Parks and Gardens]. Translated from French. Moscow: Fiton+.
9. France, A. (1895) *Le Jardin d'Épicure* [The Garden of Epicurus]. Paris: Calmann-Lévy.
10. France, A. (1958) *Sobr. soch.: v 8 t.* [Works: in 8 vols]. Vol. 3. Moscow: Goslitizdat. pp. 251–351.
11. Bogovaya, I.O. & Fursova, L.M. (1988) *Landshaftnoe iskusstvo* [Landscape art]. Moscow: Agropromizdat.
12. France, A. (1984–1994) *Œuvres (4 vol.)* [Works: in 4 vols]. Vol. 1. Paris: Gallimard, Bibliothèque de la Pléiade. pp. 875–1023.
13. France, A. (1958) *Sobr. soch.: v 8 t.* [Works: in 8 vols]. Vol. 2. Moscow: Goslitizdat. pp. 659–806.
14. Efremova, Yu.A. (2012) Osnovanie tsistertsianskikh monastyrey v XII veke: prirodnye usloviya i ikh vospriyatie [The founding of Cistercian monasteries in the 12th century: natural conditions and their perception]. *Srednie veka – SREDNIE VEKA. Studies on Medieval and Early Modern History*. 73 (3–4). pp. 83–103.
15. Sokolov, M.N. (2011) *Printsip raya: glavy ob ikonologii sada, parka i prekrasnogo vida* [The principle of paradise: chapters on the iconology of the garden, the park and the beautiful view]. Moscow: Progress-Traditsiya.
16. Markovic, D. (2008) *The Rhetoric of Explanation in Lucretius' De rerum natura*. BRILL.
17. Fowler, D. & Fowler, P.G. (2002) *A Commentary on Lucretius De Rerum Natura*. Oxford University Press.
18. Lucretius, T.C. (1946) O prirode veshchey [On the nature of things]. Translated from Latin by F.A. Petrovskiy. Vol. 1. Moscow; Leningrad: USSR AS.
19. Picciotto, J. (2005) Reforming the Garden: The Experimentalist Eden and 'Paradise Lost'. *ELH*. 72 (1). pp. 23–78. DOI*:* 10.1353/elh.2005.0009
20. Cilliers, L. & Retief, F.P. (2008) Bees, honey and health in antiquity. *Akroterion Annual*. 53. pp. 7–20. DOI: http://dx.doi.org/10.7445/53-0-36
21. Chénier, A. (1840) *Poésies* [Poetry]. Paris: Charpentier.
22. Bancquart, M.-C. (1984–1994) Notes. In: France, A. Œuvres (4 vol.) [Works: in 4 vols]. Vol. 1. Paris: Gallimard, Bibliothèque de la Pléiade.
23. Métayer, G. (2011) *Anatole France et le nationalisme littéraire: scepticisme et tradition* [Anatole France and literary nationalism: skepticism and tradition]. Le Félin.
24. Sharafadina, K.I. (2004) *"Yazyk tsvetov" v russkoy poezii i literaturnom obikhode pervoy poloviny XIX veka (istochniki, semantika, formy)* [The Language of Flowers in Russian poetry and literary everyday life of the first half of the 19th century (sources, semantics, forms)]. Abstract of Philology Dr. Diss. St. Petersburg.
25. Seaton, B. (2012) *The Language of Flowers: A History*. University of Virginia Press.
26. De Latour, Ch. (1830) *Le Langage des fleurs* [The Language of Flowers]. Brussels: Louis Human.
27. Koemoth, P. (1994) *Osiris et les arbres. Contribution à l'étude des arbres sacrés de l'Égypte ancienne* [Osiris and trees. Contribution to the study of sacred trees of ancient Egypt]. Liège: C.I.P.L.

Received:17 September 2017

Вестник Томского государственного университета. 2017. № 424. С. 44–53. DOI: 10.17223/15617793/424/6

УДК 821.111

О.В. Сумцова

РУССКИЕ ПЕРЕВОДЫ РОМАНА «УСТАНОВЛЕННОГО ФАКТА» «IT IS NEVER TOO LATE TO MEND» ЧАРЛЬЗА РИДА: К ПРОБЛЕМЕ МНОЖЕСТВЕННОСТИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПЕРЕВОДА

Рассмотрены два русских перевода романа Ч. Рида «It's Never Late to Mend» с точки зрения вариативности художественного перевода. Наличие двух русских интерпретаций данного произведения, опубликованных практически одновременно в 1857 г., позволяет поставить актуальнейшую в науке проблему переводной множественности, которая остается малоизученным вопросом теории художественного перевода.

Ключевые слова: Ч. Рид; роман «установленного факта»; множественность перевода; переводческая рецепция; поэтика; эстетика; жанровые особенности.

Исследование посвящено русской переводческой рецепции творчества английского писателя второй половины XIX в. Чарльза Рида, в частности, популярной в викторианской литературе жанровой модели романа «установленного факта», в возникновение и становление которой Рид вложил огромный вклад, являясь её создателем. Проанализированы два вышедших в свет практически одновременно русских перевода романа Ч. Рида «It Is Never Too Late to Mend», положившего начало названной жанровой модификации с точки зрения вариативности художественного перевода.

Проблематика викторианского романа всегда представляла интерес как для российских, так и для зарубежных литературоведов. Среди известных отечественных и зарубежных ученых, посвятивших свои труды данной тематике, можно назвать такие имена, как Ю.Д. Левин, П.М. Алексеев, В.В. Ивашева, И.М. Катарский, Т.П. Михальская, Б.М. Проскурнин, Л.П. Шипицына, М. Уилер (M. Wheeler), Д. Сазерленд (J. Sutherland), П.К. Гилберт (P.K. Gilbert), М. Пуви (M. Poovey), Т. Брэг (T. Bragg), Р. Фантина (R. Fantina) (см.: [1–14] и др.). В этой связи необходимо отметить, что русские переводы романов многих писателей викторианской эпохи, таких как Ш. Бронте, Ч. Диккенс и У. Теккерей, достаточно изучены и освещены в научной литературе. Несмотря на то что во всех научных трудах Ч. Рида ставят в один ряд с Диккенсом, Теккереем и Коллинзом, несмотря на популярность творчества писателя в России во второй половине XIX в., что подтверждено большим количеством переводов его самых известных произведений, русские переводы романов Рида, как и всё его творчество, в литературоведении практически не изучены. Этим определяются актуальность и новизна настоящего исследования.

Также научный интерес представляет до сих пор не освещённая проблема поэтики и эстетики романа «установленного факта». Данная жанровая разновидность синтезирует в себе поэтику как минимум двух художественных методов: реализма и романтизма, что, несомненно, определяет особенности работы Ч. Рида с фактами. В романах писателя всегда присутствуют две установки: на полное (вплоть до мельчайших подробностей) и достоверное изображение реальности и, одновременно, на удержание читательского интереса посредством введения в нарратив элементов авантюрного, мелодраматического, подчеркнуто вымышленного повествования. Соответственно, в сочинениях всегда выстраиваются две сюжетные линии: отражение реальных (лично «установленных» автором) событий и фактов, призванных передать действительность в ее социально-исторических проявлениях, обусловленных устройством и деятельностью социальных институтов викторианского общества, его моралью, веяниями эпохи наряду с яркой приключенческой историей и обязательной любовной тематикой, интерпретируемой в духе романтизма.

Кроме того, викторианская литература своими корнями уходит в просветительскую идеологию, пропагандируя активное воздействие писателя на пороки общества. Так, в первом романе «установленного факта» Ч. Рида «It Is Never Too Late to Mend» (1856), исследуемого в данной работе, отражена проблема коррупции и жестокого обращения с заключёнными в английских тюрьмах второй половины XIX в. Как и в остальных романах Рида, в данном произведении присутствует автор-повествователь, который выступает всеведущим проповедником и судьей, анализирующим социальную проблематику преимущественно с нравственно-этической и психологической точек зрения. С этих позиций автор-повествователь предлагает пути решения острых проблем викторианского общества и активно закрепляет в сознании читателей свои взгляды на социальное устройство, общественные отношения и государственные законы.

Наконец, актуальность исследования обусловлена наличием двух русских переводов романа «It Is Never Too Late to Mend», опубликованных в один год – 1857-й, буквально через год после выхода в свет подлинника в Англии. Один из переводов называется «Лучше поздно, чем никогда: роман в 2-х частях», он был опубликован в журнале «Библиотека для чтения» (№ 9–11). Второй перевод был напечатан под названием «Никогда не поздно исправиться: обыкновенная история» в журнале «Собрание иностранных романов, повестей и рассказов в переводах на русский язык» (№ 2, 3). Данный факт позволяет не только говорить о значении романа Рида для русской литературы, в частности для становления ее романного жанра, но и поставить актуальнейшую в науке проблему переводной множественности, которая остается малоизученным вопросом теории художественного перевода, поставленным еще в трудах Ю.Д. Левина, А.В. Федорова, П.М. Топера, Р.Р. Чайковского (см.: [1, 15–17]).

Как уже было упомянуто, оба перевода романа «It Is Never Too Late to Mend» были опубликованы в разных российских литературных журналах, но в один

год, следовательно, согласно П.М. Топеру, эти переводы можно квалифицировать как «синхронный» срез русской истории художественного перевода. Исследователь полагает, что такие переводы можно считать результатом своеобразного соперничества между переводчиками: «…множественность – естественный атрибут художественного перевода, связанный с понятием творческой личности, соревнованием талантов» [16. С. 228]. К феномену множественности перевода романа относятся также некоторые наблюдения Р.Р. Чайковского: «При переводной множественности изменяется статус переводов оригинала, и появляются конкурирующие тексты. Переводная множественность отчётливо выявляет достоинства и демонстрирует недостатки переводов». Как считает ученый, «факт переводной множественности свидетельствует о гениальности оригинала» [17. С. 149]. Не беремся оценивать роман в этом плане, но можем подчеркнуть, что «It Is Never Too Late to Mend», переведённый дважды на русский язык (что было, в общем, не типично для романов Рида), сделал автора знаменитым как у себя на родине, так и в России и по праву считается визитной карточкой писателя.

Первый перевод романа под названием «Лучше поздно, чем никогда: роман в 2-х частях» был ранее рассмотрен и проанализирован в нашей статье «Первый русский перевод первого романа “установленного факта” Ч. Рида “It Is Never Too Late to Mend”» [18]. В настоящем исследовании предлагается сопоставительный анализ обоих переводов с оригиналом в аспекте проблемы множественности художественного перевода. Сразу отметим, что вторая интерпретация романа – «Никогда не поздно исправиться: обыкновенная история» – представляет практически дословный перевод оригинала в отличие от первого перевода, сопряжённого с многочисленными сокращениями нарратива, ставшими причиной значительной компрессии многих глав.

***

Как указывалось ранее, второй перевод напечатан в «Собрании иностранных романов, повестей и рассказов в переводах на русский язык». Журнал выпускался под редакцией Е.Н. Ахматовой в Петербурге с 1856 г., был полностью посвящён переводной беллетристике и востребован ценителями сенсационного романа и повести. В издании переводились и печатались сочинения Ж. Санд, В. Гюго, Ч. Диккенса, В. Ирвинга, Г.Эмара, Э. Булвера и др.

Елизавета Николаевна Ахматова была профессиональной переводчицей. За годы литературной деятельности (до 1885 г.) в своём журнале она поместила более трёхсот собственных переводов романов вышеупомянутых писателей. Можно предположить, что именно ей принадлежит и перевод «Никогда не поздно исправиться: обыкновенная история». Более того, достоверно известно, что она работала над переводом ещё одного романа Рида «Put Yourself in His Place» («Поставь себя на его место») в 1869–1870 гг., который также был опубликован в «Собрании иностранных романов, повестей и рассказов в переводах на русский язык» в 1870 г.

Рассматриваемая интерпретация романа представляет собой качественную и подробную вариацию оригинала, полностью сохранившую особенности нарратива и авторский стиль Рида, выполненную профессиональной переводчицей: «...язык переводов Ахматовой, при отличном знании языков английского и французского и языка отечественного, и при её чрезвычайной опытности в труде переводчицы, всегда отличался чистотой и изяществом», – отмечают исследователи [19. С. 228].

Возвращаясь к проблеме переводной множественности, укажем, что в отличие от второго перевода, большинство глав в первом переводе романа «It Is Never Too Late to Mend» – это реферативный, т.е. сокращенный, перевод, часто построенный на игнорировании работы английского писателя с «установленными фактами», представляющими собой порою мельчайшие подробности нарратива, их утрата и привела русский перевод к сжатию подлинника до пределов достаточности для понимания романа как произведения массовой литературы. В данном контексте это можно объяснить кризисом переводческой деятельности, наступившим в России во второй половине XIX в., о котором писал П.М. Топер: «Несмотря несомненное расширение переводческой деятельности в России – количественное, жанровое, тематическое, национально-языковое и т.д. – исследователи справедливо отмечают, что во второй половине XIX в. уровень переводов снижается, а к концу века оказывается, по сравнению с его началом, в состоянии упадка» [16. С. 92].

Результаты сопоставительного анализа романа «It Is Never Too Late to Mend» и двух его переводов на русский язык позволяют определить переводческие стратегии и степень равнозначности оригинала и его переводческих интерпретаций в аспекте проблемы множественности перевода. Прежде всего, рассмотрим переводы названия романа. В первой трансляции название «It Is Never Too Late to Mend» звучит как «Лучше поздно, чем никогда», т.е. оно переведено с использованием старинной русской народной пословицы, которая несёт в себе посыл, призывающий оступившихся встать на путь исправления. Такой перевод названия, несомненно, передаёт основную просветительскую идею, которую в оригинале автор проносит на протяжении всего повествования. Название второго перевода звучит как «Никогда не поздно исправиться: обыкновенная история» и представляет собой дословный перевод с пояснением «обыкновенная история». Вероятно, введя этот подзаголовок, автор второго перевода показал, что проблема насилия в тюрьмах является обычной практикой не только в викторианской Англии, поддержав тем самым позицию самого Рида, который позиционировал тюремный нарратив как историко-событийную основу произведения. Кроме того, здесь прочитывается отсылка к заглавию одного из самых известных русских романов – «Обыкновенная история» И.А. Гончарова. Так, косвенным образом переводной роман вводился в контекст русского классического романа, история которого открывалась, в том числе, и названным романом Гончарова (эта тема заслуживает специального рассмотрения).

Разночтения находим и в переводе имён и фамилий основных персонажей. Так, например, имя главной героини *Susan* в первом переводе звучит как *Сусанна*, в то время как во втором – *Сюзанна*; помещик *Meadows* становится *Медовсом* в первом и, соответственно, *Мидоузом* во втором переводе; помощник Мидоуза *Crawley* в русских переводах получает имя *Кравлей* и *Краули* соответственно. При переводе имён в первой интерпретации романа мы тоже наблюдаем явную русификацию, в то время как во второй версии имена переведены «на английский манер» строго по правилам чтения английского языка, что говорит об успешной попытке автора второго перевода сохранить аутентичность повествования, предоставляя читателю возможность окунуться в жизнь викторианского общества.

Как в первом, так и во втором переводе романа на русский язык изменена структура подлинника. Первая интерпретация романа «Лучше поздно, чем никогда», как и оригинал, состоит из 85 глав, однако автор перевода делит свою версию еще на две части (упоминая об этой особенности даже в названии). Таким образом, он подчеркивает, что в романе присутствуют две сюжетные линии: тюремный нарратив отражён в первой части, в то время как австралийские приключения золотоискателей – во второй. Структура второго перевода подверглась минимальным изменениям: переводная версия состоит из 84 глав вместо 85 (85 chapters): главы 55 и 56 объединены в одну. Автор перевода сократил, хотя и совсем незначительно, описание быта и будней золотоискателей (Робинсона и Филдинга) в Австралии. В остальном вторая интерпретация представляет собой практически полное отражение подлинника, в целом сохранившее не только его сюжетостроение, но и авторский стиль и авторскую позицию по отношению к главным персонажам.

Характерно при этом, что одному из главных героев, имя которого в оригинале *Meadows*, оба переводчика уделяют особое внимание, стараясь передать читателю и противоречивость его образа, и сложность авторской позиции по отношению к нему. С одной стороны, *Meadows* трудолюбив и целеустремлен, своё огромное состояние он заработал сам. С другой стороны, этот землевладелец и ростовщик предстаёт перед нами как нечистый на руку делец, готовый переступить через человеческие судьбы и даже жизни ради наживы и достижения своей целей. Приведем лишь один пример:

«It Is Never Too Late to Mend»	**«Лучше поздно, чем никогда»**	**«Никогда не поздно исправиться»**	**Дословный перевод**
«He can't marry her at all now. I shall soon or late, and the day I marry Susan that same afternoon seven thousand pounds will be put in George Fielding's hand, he won't know by whom, but you and I shall know. I am a sinner, but not a villain» [20. P. 1463]	«Теперь он никак не может на ней жениться, а я все-таки женюсь рано или поздно. И как только я обвенчаюсь с Сусанной, Джордж Фильдинг получит семь тысяч фунтов, и не будет знать от кого; но мы с тобой будем знать. Я грешник, но не мошенник» [21. № 11. С. 256]	«Он не может жениться на Сюзанне теперь. Я женюсь, рано или поздно, и в тот самый день семь тысяч фунтов отдадутся Джорджу Филдингу… он не узнает от кого, но мы с вами будем знать… Я грешник, но не подлец» [22. № 3. С. 595]	Он (*Филдинг*) больше не сможет на ней жениться. А я смогу, рано или поздно, и в тот самый день, когда я женюсь на Сусанне, семь тысяч фунтов будут отправлены Джорджу Филдингу, он никогда не узнает, кто прислал ему деньги, об этом будем знать только мы с тобой. Я грешник, но не мерзавец

Обе русские версии представляют собой практически дословный перевод данного фрагмента в оригинале. Однако слово *villain* в первой интерпретации переведено как *мошенник*, а во второй – *подлец*. Среди многочисленных возможных вариантов перевода данного слова с английского языка на русский нет слова *мошенник*, но есть *подлец*. Предположим, что автор первого перевода не хотел использовать ругательные слова в русской версии романа, возможно, они были запрещены цензурой данного издания. Что касается второго перевода, переводчик в этом фрагменте, как, впрочем, и на протяжении всей работы над переводом, старается не отступать от авторского стиля и использует практически дословный перевод. При этом отметим, что суть и сам прием передачи авторской позиции в отношении героя переданы в обоих переводах.

Данная тенденция заметна даже в грамматических структурах: например, фраза *seven thousand pounds* ***will be put in*** *George Fielding's hand* во второй русской версии романа, как и в подлиннике, переведена с использованием пассивной конструкции (Passive Voice) *семь тысяч фунтов* ***отдадутся*** *Джорджу Филдингу*, даже дословно. В первом же переводе автор перевёл это выражение как *Джордж Фильдинг* ***получит*** *семь тысяч фунтов*, используя активную грамматическую конструкцию (Active Voice). Финальная сцена романа, когда раскаявшийся в своих злодеяниях Мидоуз навсегда покидает родину вместе со своей матерью, особенно показательна, так как несёт в себе просветительскую идею, отражаемую Ридом на протяжении всего нарратива: никогда не поздно исправиться.

«It Is Never Too Late to Mend»	**«Лучше поздно, чем никогда»**	**«Никогда не поздно исправиться»**	**Дословный перевод**
«He shall repent," said she to herself. "Even now his eyes are opening, his heart is softening. Three times he has said to me, 'That George Fielding is a better man than I am.' He will repent. Again he said to me, I have thought too	«Он раскается, говорила она сама себе. И теперь уже сердце его смягчается, и он часто повторяет: Джордж Фильдинг достойнее, лучше меня. Он раскается. Он теперь осуждает во всем только одного себя; он го-	«Он раскается», говорила она сама себе. «Даже теперь глаза его раскрылись, сердце смягчается. Три раза сказал он мне «Этот Джордж Филдинг гораздо лучше меня». Он раскается. Он сказал мне тоже: «...я	«Он раскаивается», говорила она сама себе. «С недавних пор его глаза открылись, а сердце смягчилось. Уже три раза он мне говорил, что Джордж Филдинг достойней, чем он. Он раскаялся. А ещё он мне сказал, что так мало думал обо

little of you, and too much where it was a sin for me even to look.' He will repent- his voice is softer-he bears no malice-he blames none but himself. It is never too late to mend. He will repent, and I shall see him happy and lay my old bones to rest content- ed, though not where I thought to lay them» [20. P. 1515]	ворит, что сделал много зла; он сознается в своих преступлениях. Он раскается, хоть поздно. А лучше поздно, чем никогда. Да, он раскается, и я умру спокойно» [21. № 11. С. 276]	слишком мало думал о вас и слишком много о том, куда мне грешно было смотреть» Он раскается… голос его мягче… он не питает злобы… он никого не осуждает, кроме себя самого. Никогда не поздно исправиться… Он раскается… Я увижу его счастливым и сложу на покой мои старые кости с удовольствием, хотя думала положить их на грассмерском кладбище» [22. № 3. С. 617]	мне, и так много думал о делах греховных. Он обязательно раскается – его голос смягчится – у него больше нет злых намерений – он никого не винит, кроме себя. Лучше поздно, чем никогда. Он обязательно раскается, и я ещё увижу его счастливым, и наконец-то умру спокойно, хоть и не там, где мне бы хотелось»

Перевод данного фрагмента в интерпретации «Лучше поздно, чем никогда» значительно сокращён, сохраняя, тем не менее, основной посыл автора. В переводе «Никогда не поздно исправиться» перед нами практически дословный перевод этого важного фрагмента. Даже идиома «to lay one's old bones to rest», которая, как правило, используется в переносном значении и может быть интерпретирована как «умереть, скончаться, почить вечным сном», здесь переведена дословно «сложить на покой свои старые кости». Несмотря на дословность перевода всего фрагмента, автор всё-таки вносит свою поправку, добавив выражение *на грассмерском кладбище* (т.е. на кладбище в деревне Грасмир – Grasmere, в живописном месте, где похоронены великий английский поэт-романтик В. Вордсворт и члены его семьи, вокруг кладбища река Ротхей делает петлю, неподалеку расположено озеро Грасмир), хотя в оригинале каких-либо географических названий не указано. Тем самым в перевод добавляется английский колорит. Фраза *though not where I thought to lay them*, которая может быть переведена как «хоть и не там, где мне бы хотелось» и которая вообще проигнорирована переводчиком первой версии, несёт в себе глубокий смысл, даже с нотой трагизма. Пожилые люди, как правило, хотят почить и быть похороненными на своей родине, а не чужбине, куда отправляется вместе с Мидоузом его престарелая мать.

Подлежат подробному рассмотрению и фрагменты переводов, касающиеся ещё одного героя, сыгравшего значительную роль в судьбе многих персонажей романа, начиная от Сюзанны и Робинсона и заканчивая всеми заключёнными вверенной ему тюрьмы – над этим персонажем авторы обоих переводов работали тщательно, стараясь передать образ пастора Идена как можно ближе к оригиналу. Несомненно, этот герой идеализирован Ридом, что поддерживается в оригинале и позицией в отношении него автора-повествователя. Пастор предстаёт истинным врачевателем душ потерявших человеческий облик заключённых. Именно благодаря ему тюрьма превращается в настоящее исправительное учреждение, а не камеру пыток, а начальник тюрьмы Гоуз (Гаус в первом переводе) – существо человеческого рода с ярко выраженными садистскими наклонностями – оказывается не просто отстраненным от занимаемой должности, но и подвергается тюремному наказанию. Рассмотрим в деталях речь Идена, обращённую к Гоузу после разоблачения последнего:

«It Is Never Too Late to Mend»	**«Лучше поздно, чем никогда»**	**«Никогда не поздно исправиться»**	**Дословный перевод**
«To your knees, MAN-slayer! I dare not promise you that a life given to penitence and charity will save so foul a soul, but it may, for Heaven's mercy is infinite. Seize on that small chance. Seize it like one who feels Satan clutching him and dragging him down to eternal flames. Life is short, eternity is close, judgment is sure. A few short years and you must meet Edward Josephs again before the eternal Judge. What a tribunal to face, your victims opposite you!» [20. P. 732]	«Молитесь, молитесь скорее! Старайтесь искренним раскаянием смыть кровь с своих рук. Это – кровь невинных жертв, и потому смыть ее будет нелегко. Это можно только сделать целыми годами благотворительности, целым морем слез искреннего покаяния» [21. № 10. С. 89–90]	«На колени, убийца! Я не смею обещать тебе, чтобы целая жизнь раскаяния и благотворительности спасла такую осквернённую душу; но может это и случится, потому что милосердие небесное бесконечно. Воспользуйся этой возможностью, воспользуйся ею как человек, чувствующий, что сатана хватает и влечёт его в вечный огонь. Жизнь коротка, вечность близится, осуждение непреложно. Ещё несколько кратких лет и ты должен встретиться с Эдуардом Джозефсом перед Вечным Судьёй. Как ты подойдёшь к судилищу, где напротив тебя будут стоять твои жертвы?» [22. № 2. С. 309]	На колени, убийца! Я тебе обещаю, что даже если ты проведёшь остаток своей жизни в раскаянии и милосердии, это всё равно не спасёт твою грязную душу, хотя и могло бы, ибо милосердие Создателя бесконечно! Не упусти этот крошечный шанс! Хватайся за него, как грешник, которого хватает Сатана и тянет в бездну к вечному пламени. Жизнь коротка, а смерть близка, как близок и Божий суд. Пройдёт совсем немного времени, и ты встретишься с Эдвардом Джозефсом снова и предстанешь перед судом Божьим. И встретишься ты лицом к лицу со всеми, кого погубил!

Проанализировав фрагмент речи Идена (которая в подлиннике значительно длиннее), прежде всего можно отметить, что в первом переводе вообще нет аналога данного фрагмента, монолог пастора подвергся значительной компрессии, сохранив, тем не менее, основную идею автора. Также в данной интер-

претации подлинника в речи пастора использованы значительно более мягкие выражения, чем в оригинале и во втором переводе, например, проигнорированы слова Сатана (*Satan*) и убийца (*man-slayer*). Видимо, с точки зрения переводчика, духовному лицу не подобает проклинать заблудшие души. Автор второй версии представил читателю хоть и не дословный перевод речи, но ее подробную литературную интерпретацию. При этом речь Идена подана, скорее, как проповедь, пафосная и поучающая. Даже последнее восклицательное в подлиннике предложение: *«What a tribunal to face, your victims opposite you!»* в рассматриваемом нами переводе стало вопросительным: *«Как ты подойдёшь к судилищу, где напротив тебя будут стоять твои жертвы?»*, как если бы Гаус был на исповеди и отвечал на вопросы своего духовника. Словосочетание «грязная душа» (*foul soul*) переведено как «*осквернённая душа*». Такая рецепция вполне объяснима значимостью православной церкви и духовенства в России второй половины XIX в.

В соответствии с авторской установкой роман отличается острой социальной проблематикой, «обнажением» жизни британских заключённых, низов общества, подвергающихся жесточайшим пыткам и моральным унижениям. Рид педантично изучал реальные преступления и происшествия, на основе которых и строился сюжет его романа. Рупором его позиции в романе становится автор-повествователь. Его глазами читатель видит суть происходящих событий, взаимоотношения их участников. Например, нарратор подробнейшим образом описывает мрачные тюремные здания, часовни, тесные и душные камеры, особенности быта заключённых. Тюремной эпопее, ставшей ключевой во всём романе, и по сути сделавшей Рида знаменитым и авторитетным писателем в Англии, посвящено 18 глав, как в подлиннике, так и в русской трансляции романа «Никогда не поздно исправиться». Для примера приведем подробный сравнительный анализ лишь одного эпизода, демонстрирующего тюремный нарратив, с целью определения особенностей его переводческой рецепции.

«It Is Never Too Late to Mend»	**«Никогда не поздно исправиться»**	**Дословный перевод**
«Two round towers flank the principal entrance. One of the side of the right-hand tower is a small house constructed in the same style as the grand pile. The castle is massive and grand. This, its satellite, is massive and tiny, like the frog doing his little bit of bull--like Signor Hervio Nano, a tremendous thick dwarf now no more. There is one dimple to all this gloomy grandeur--a rich little flower-garden, whose frame of emerald turf goes smiling up to the very ankle of the frowning fortress, as some few happy lakes in the world wash the very foot of the mountains that hem them. From this green spot a few flowers look up with bright and wondering wide-opened eyes at the great bullying masonry over their heads; and to the spectator of both, these sparks of color at the castle-foot are dazzling and charming; they are like rubies, sapphires and pink topaz in some uncouth angular ancient setting» [20. P. 217–218]	«Две круглые башни возвышаются у главного входа. Возле башни с правой стороны стоит домик, построенный в таком же стиле, как и большое здание. Замок массивен и величествен, домик массивен и мал, как лягушка, хотевшая раздуться, как бык, как Сеньор Гервис Нано, толстый карлик. Всё это мрачное величие смягчается великолепным, хотя небольшим цветником, бахрома которого из изумрудной муравы доходить до самого угла угрюмой крепости как несколько счастливых озёр на свете омывают самые подножия гор, окаймляющих их. С этого зелёного местечка цветы яркими и изумлёнными глазами глядят на огромное строение, возвышающееся над их головами; а на зрителей, которые глядели бы и на то и на другое, эти разноцветные искры у подножия замка освежительны и очаровательны. Это как будто рубины, сапфиры, розовые топазы в странной старинной оправе» [22. № 2. С. 95–96]	Две круглые башни окаймляют главный вход. С правой стороны башни находиться маленький домик, построенный в том же стиле, что и громадное здание. Замок массивен и величествен. Спутник же его массивный и крошечный, словно лягушка, пытающаяся раздуться до размеров быка, словно Синьор Гервис Нано, очень толстый карлик. Всё это мрачное великолепие смягчается роскошной маленькой клумбой, обрамлённой изумрудной травой, простирающейся до самого подножия грозной крепости, словно несколько светлых озёр омывают подножие гор, окаймляющих их. С этого зелёного места несколько цветов яркими широко открытыми глазами смотрят на величественную грозную крепость, возвещающуюся над их головками; эти переливы цвета ослепительны и очаровательны; они словно рубины, сапфиры и розовые топазы в какой-то грубоватой и угловатой старинной оправе

Анализируя данный фрагмент, переведённый практически дословно, можно отметить признаки буквализма. Так, например, выражение *few **happy** lakes* переведено дословно *несколько **счастливых** озёр*, в то время как данную фразу вполне можно было бы перевести как *несколько **светлых** озёр*. Общеизвестно, что прилагательное «счастливый» прекрасно коррелируется с одушевлёнными существительными, в то же время любой англо-русский словарь предоставляет на выбор несколько вариантов перевода лексической единицы «happy», среди которых есть и «светлый» в значении «чистый, неиспорченный», что более применимо к озёрам. Также в переводе фрагмента, пожалуй, впервые мы наблюдаем русификацию, которая повсеместно используется автором первой русской переводной версии «Лучше поздно, чем никогда». Фраза *emerald **turf*** представлена в переводе как *изумрудная **мурава***, слово, имеющее древнерусскую этимологию и значение «сочная луговая трава, дёрн», впрочем, и слово ***turf*** переводиться с английского точно также. Символично и сравнение Ридом уродливого мрачно тюремного здания с раздувшейся лягушкой и Сеньором Гервисом Нано, известным в Англии цирковым актёром, который был некрасивым толстым карликом. Данное сравнение вызывает у читателя неприязнь и отвращение к этому мрачному чертогу, в котором томятся и страдают бедные узники. В противовес отвратительному замку автор представляет метафору с прекрасной клумбой и «живыми» цветами, роскошными, как драгоценные камни, которые смотрят широко открытыми от удив-

ления глазами на возвышающуюся над их головами тёмную громаду – пристанище зла и жестокости. Цветы в этом фрагменте ассоциируются не столько с идеей природного, естественного, но и социально-иерархичного.

Тюремный нарратив в подлиннике начинается с десятой главы, и более 18 страниц посвящено описанию тюремных зданий и быта их обитателей. Автор первой интерпретации «Лучше поздно, чем никогда» вообще проигнорировал детальное описание тюрьмы, играющее важную роль для самого Рида, постоянно подчёркивающего значение своей скрупулезной работы с реальными фактами. Автор второй переводческой версии романа «It's Never Late to Mend», наоборот, тщательно и подробно переводит нарратив, связанный с описанием тюрьмы и печальных будней её обитателей, доходя порой до буквализма, как бы подчеркивая таким образом значимость острой социальной проблематики, отражённой в романе и позиционируемой автором подлинника как лейтмотив всего произведения.

Обратимся еще к одному примеру: в оригинале несколько страниц посвящено предшественнику начальника тюрьмы Гоуза, капитану О'Коннору, о котором читатель также узнаёт из уст автора-повествователя:

«It Is Never Too Late to Mend»	**«Никогда не поздно исправиться»**	**Дословный перевод**
«Now, a year or two before our tale, one Captain O'Connor was governor of this jail. Captain O'Connor was a man of great public merit. He had been one of the first dissatisfied with the old system, and had written very intelligent books on crime and punishment, which are supposed to have done their share in opening the nation's eyes to the necessity of regenerating its prisons. But after a while the visiting justices of this particular county became dissatisfied with him; he did not go far enough nor fast enough with the stone he had helped to roll. Books and reports came out which convinced the magistrates that severe punishment of mind and body was the essential object of a jail, and that it was wrong and chimerical to attempt any cures by any other means» [20. P. 223–224]	«Года за два до начала нашего рассказа смотрителем в этой тюрьме был капитан О'Коннор, человек с важными общественными заслугами. Он принадлежал к числу первых недовольных старой тюремной системой и написал несколько очень умных сочинений о преступлении и наказании. Сочинениям капитана О' Коннора принадлежит своя доля в открытии глаз нации к необходимости улучшения в тюрьмах. Но через несколько времени ревизоры этого графства остались недовольными капитаном: он не так далеко и не так скоро отодвигал камень, который взялся своротить с дороги. Начали выходить книги и донесения, убеждавшие судей, что строгое наказание тела и духа – главная цель тюремной системы и что покушаться исправить преступника какими-то другими способами – и дурно, и ошибочно» [22. № 2. С. 98]	За год или два до нашего рассказа некий капитан О'Коннор был начальником этой тюрьмой. Капитан О'Коннор был уважаемым человеком с большими заслугами перед обществом. Он был одним из первых, кто выказал недовольство старой системой и написал несколько очень интеллектуальных трудов на тему преступления и наказания, назначением которых было открыть глаза народа на необходимость тюремных реформ. Но через некоторое время посетившие тюрьму ревизоры остались недовольны капитаном; не достаточно быстро и не так далеко продвинулись его дела в этой области. Посыпались доносы и письма, которые убедили судей в том, что суровое наказание духа и тела являлось неотъемлемой частью тюрьмы и в том, что любая попытка исправить заключённых другими способами была ошибочной и неосуществимой

Интерпретация фрагмента практически полностью соответствует оригиналу, хотя должность капитана О'Коннора переведена как «*смотритель*», в то время как «*governor*» в данном контексте однозначно переводится как «*начальник тюрьмы*». Также прилагательные «*wrong and chimerical*», используемые для изображения попыток капитана сделать наказания заключённых более гуманными, трактованы переводчиком как «*дурно и ошибочно*». Автор перевода поменял слова местами, изменил часть речь (из прилагательных сделал наречия) и, наконец, отметим, что слово *chimerical*, среди многочисленных вариаций перевода (неосуществимый, несбыточный, невыполнимый), не имеет в русском языке эквивалента слову *дурной*, которое, тем не менее, использовал переводчик в работе над данным фрагментом. Кроме того, глагол «*to attempt*» (пытаться, предпринимать попытку, покушаться) переведён именно как «*покушаться*», хотя вариант «пытаться» в значении «пытаться изменить что-то к лучшему», на наш взгляд, более органичен в данном контексте. Мы узнаём, что на О'Коннора писались доносы (его же помощником Гоузом), и, вероятно, переводчик целенаправленно выбирает при переводе стиль доносов, используя такие лексические единицы, как *дурной* и *покушаться*. Между тем О'Коннор вообще не упоминается в первом переводе «Лучше поздно, чем никогда», так в переводе пропадает важная для романного жанра и для социальной концепции Рида идея множественности таких, как О'Коннор, передающая, в свою очередь, мысль о широте масштаба данной социальной проблемы.

Тщательная работа Рида с фактами и акцент на правдивости его тюремной эпопеи видны и в подробном, порой шокирующем, описании пыток, которым регулярно подвергались заключённые. Достоверно известно, что Рид, работая над романом, посетил несколько британских исправительных учреждений с целью сбора документального материла для будущего романа: «В рамках работы над своим проектом о реформировании тюремной системы Рид собрал сведения из нескольких мест, но его основной моделью для этого романа послужила печально известная тюрьма Боро в Бирмингеме, где молодой заключенный повесился в 1853 г., факты обвинительного доклада Королевской комиссии по этому происшествию и легли в основу сюжета романа Рида» [18. С. 54]. Рассмотрим одну из таких сцен в оригинале и двух его русских интерпретациях.

«It Is Never Too Late to Mend»	**«Лучше поздно, чем никогда»**	**«Никогда не поздно исправиться»**	**Дословный перевод**
«Robinson had heard much of the changes in jail treat-	«Он ожидал, что его посадят, как прежде, вместе с	«Робинсон много слышал о переменах в тюремном об-	Робинсон много слышал о переменах в тюремном режиме, но ещё не осознал их

ment, but they had not yet come home to him. When, therefore, instead of being turned adrift among seventy other spirits as bad as himself, and greeted with their boisterous acclamations and the friendly pressure of seven or eight felonious hands, he was ushered into a cell white as driven snow, and his housewifely duties explained to him, under a heavy penalty if a speck of dirt should ever be discovered on his little wall, his little floor, his little table, or if his cocoa-bark mattress should not be neatly rolled up after use, and the strap tight, and the steel hook polished like glass, and his little brass gas-pipe glittering like gold, etc., Thomas looked blank and had a misgiving» [20. P. 226–227]	сотнею других, ему подобных, но ошибся. Его ввели в совершенно отдельную комнату; он не был встречен дружескими приветствиями других преступников, не было ему протянуто ни одной плутовской руки для пожатия. Как-то мрачно и неободрительно подействовало это на Робинзона. Тюремщик объявил ему, что обязанность всякого заключенного держать в величайшем порядке свою комнату и все в ней находящееся; если будет что-нибудь найдено в беспорядке, в неопрятном виде, то заключенный строго за это наказывается» [21. № 10. С. 56]	ращении с заключёнными, но ещё не испытал их; когда же вместо того, чтобы пустить его на волю между семьюдесятью другими такими же негодяями, как он, и вместо шумных восклицаний и дружеских пожатий семи или восьми мошеннических рук, – когда вместо этого, Робинсона ввели в комнатку, белую как снег, и объяснили его обязанности, грозя тяжёлым наказанием, если когда-нибудь увидят пятнышко на стене, на полу, на столике, если тюфяк не будет опрятно свёрнут, а ремень и остальные крючки чисты как зеркало, газопроводная труба не так блестяща как золото и проч. – тогда Том побледнел, и им овладело предчувствие чего-то недоброго» [22. № 2. С. 100]	в полной мере. Поэтому, когда вместо того, чтобы быть брошенным к семидесяти таких же заблудших душ, как и он сам, быть встреченным их залихватскими криками и дружеским рукопожатием семи или восьми бандитских рук, его ввели в камеру, белую, как сугроб, объяснили ему его домашние обязанности, что его ждёт тяжёлое наказание, если хоть одно пятнышко грязи будет когда-нибудь обнаружено на его крошечной стене, крошечном столике, или если его тюфяк не будет аккуратно свёрнут после использования, а ремень и стальной крючок отполированы, как зеркало, а его маленькая медная газопроводная труба сверкать, как золото, и т.д. Томас выглядел озадаченным, и им овладело дурное предчувствие

В версии подлинника «Лучше поздно, чем никогда» перевод фрагмента значительно сокращён и представляет собой скорее реферативное описание без подробностей и важных деталей, вследствие чего меняется содержание: выражение «*seventy other spirits as bad as himself*» переведено как «*вместе с сотнею других, ему подобных*», вместо 70 в оригинале в переводной версии заключённых стало 100, более того, фраза *other spirits as bad as himself* (такие же заблудшие души, как и он сам), которая подчеркивает, что речь идёт действительно о заключённых, несущих наказание за совершённые преступления, переведено довольно неопределенным и сухим выражением *других, ему подобных*, абсолютно не конкретизирующем, о ком идёт речь в нарративе. В подлиннике камера сравнивается со снегом (*a cell white as* ***driven snow***), данная аллегория указывает на стерильную чистоту тюремной камеры, однако в рассматриваемой нами переводной версии эта деталь упущена. В оригинале подробно описаны «домашние» обязанности каждого заключённого по поддержанию чистоты, обязанности нелепые и выходящие за рамки разумного. В первом переводе они не конкретизированы вообще, из-за чего он не передаёт тревожного состояния Робинсона, который оказался в заключении (*Thomas looked blank and had a misgiving* – Томас выглядел озадаченным, и им овладело дурное предчувствие – *дословный перевод*; переведено как *Том побледнел, и им овладело предчувствие чего-то недоброго*). В подлиннике автор указывает полное имя персонажа *Thomas*, в то время как во втором переводе он становится *Томом*. Возможно, таким образом, автор перевода подчеркивает добродушную, порой безалаберную натуру данного персонажа, ведь именно таким он предстаёт перед нами в первых главах романа, меняясь, однако, на протяжении повествования, становясь то озлобившимся и потерявшим человеческий облик в тюрьме человеком, то честным, отзывчивым и смелым золотоискателем в финале.

Обратим внимание и на то, что устойчивое выражение «to look blank» переводится на русский язык как «казаться озадаченным, выглядеть озадаченным» и среди немногочисленных вариаций перевода мы не обнаружили «побледнеть». Переводчик показывает, что Том не просто предчувствовал беду, он ощущал надвигающиеся неприятности буквально на физическом уровне. Дурные предчувствия Робинсона полностью оправдались, ведь во время своего тюремного заключения он пережил не только моральные, но и физические пытки, боль и унижение.

Проанализируем и следующий фрагмент:

«It Is Never Too Late to Mend»	**«Лучше поздно, чем никогда»**	**«Никогда не поздно исправиться»**	**Дословный перевод**
«The darkness in which Robinson now lay was not like the darkness of our bedrooms at night, in which the outlines of objects are more or less visible; it was the frightful darkness that chilled and crushed the Egyptians soul and body; it was a darkness	«Темнота, в которую попал несчастный Робинзон, была далеко не такая, как ночью в наших спальнях, когда, вглядевшись, все-таки более или менее можно рассмотреть предметы. Нет, это был просто мрак подземелья» [21. № 10. С. 56]	«Мрак, в котором Робинсон лежал теперь, не походил на темноту наших спален ночью, в котором очертания предметов видны более или менее: это был тяжёлый мрак, леденивший и сокрушающий душу и тело. Он, так сказать, чувствовался.	Темнота, в которую сейчас поместили Робинсона, была совсем другой, она была не такой, как темнота в наших спальнях по ночам, в которой очертания предметов более или менее видны. То была пугающая тьма, она заставила содрогнуться, она сломила душу и тело нашего

that might be felt. This terrible and unnatural privation of all light is very trying to all God's creatures, to none more so than to man, and among men it is most dangerous and distressing to those who have imagination and excitability» [20. P. 236–237]		Это ужасное и неестественное лишение света страшно мучительно для всякого Божьего создания, а всех более для человека, а из людей всего опасней и мучительнее для тех, у кого впечатлительное воображение» [22. № 2. С. 104]	бродяги; то была темнота, осязаемая физически. Это ужасное и неестественное полное лишение света было ничем иным, как пыткой для созданий Божьих, особенно эта пытка была опасна и мучительна для созданий чувствительных, с богатым воображением

Несмотря на то что в первой русской версии «Лучше поздно, чем никогда» фрагмент значительно сокращён, читатель определённо может уловить его основной смысл, хотя компрессия фрагмента однозначно привела к потере таких ярких моментов, как *frightful darkness* (пугающая тьма), *darkness that might be felt* (темнота, осязаемая физически), *terrible and unnatural privation of all light* (ужасное и неестественное полное лишение света) и т.д.

Таким образом, подробное описание психологического состояния Робинсона (приведшего впоследствии героя к глубочайшей депрессии) и детальное изображение одной из самых жестоких тюремных пыток (основанное на реальных фактах) были сокращены переводчиком до двух сухих предложений, абсолютно лишённых эмоциональной окраски. Как и на протяжении всей работы над переводом, автор игнорирует детали, связанные с описанием эмоциональных и психологических состояний персонажей, чему сам Рид уделяет значительное внимание, не меньшее, чем работе с фактами.

Во второй версии романа мы снова можем наблюдать почти дословный, профессиональный литературный перевод, окрашенный теми же эмоциональными полными трагизма красками, что и в оригинале, позволяющими читателю ощутить даже на физическом уровне холод и мрак подземелья, где регулярно оказывались несчастные заключённые в наказание за небольшие провинности.

Тёмное подземелье было не единственной пыткой, которой подвергались обитатели тюрьмы. Рид представляет целый перечень пыток, демонстрирует с жестокими подробностями, как человеческая сущность заключённого теряется за присвоенным ему, вместо имени, номером, в постоянном физическом насилии или угрозах, в бессмысленной работе, заключающейся в беспрестанном верчении рукоятки. В оригинале «рукоятку» описывает автор-повествователь:

«It Is Never Too Late to Mend»	**«Лучше поздно, чем никогда»**	**«Никогда не поздно исправиться»**	**Дословный перевод**
«Fry then took him out into the labor-yard, which he found perforated with cells about half the size of his hermitage in the corridor. In each of these little quiet grottoes lurked a monster, called a crank. A crank is a machine of this sort--there springs out of a vertical post an iron handle, which the workman, taking it by both hands, works round and round, as in some country places you may have seen the villagers draw a bucket up from a well. The iron handle goes at the shoulder into a small iron box at the top of the post; and inside that box the resistance to the turner is regulated by the manufacturer, who states the value of the resistance outside in cast-iron letters» [20. P. 247]	«Фрей повел его на рабочий двор, разделенный на множество небольших комнат. В каждой такой комнате стояла машина, а именно вот какого устройства: в большом, вертикальном столбе вделана была железная рукоятка, которую заключенные должны были вертеть столько раз, сколько им будет велено. Нужно заметить, что эта рукоятка вертелась только от чрезвычайно усиленного напряжения» [21. № 10. С. 61]	«Потом Фрай повёл Тома на рабочий двор, который Робинсон нашёл уставленным отдельными вполовину меньше комнаток, находившихся в коридоре. В каждой из этих маленьких пещер притаилось чудовище, называемое crank. Эта машина вот такого устройства: из середины вертикальной колоды выходит железная ручка, которую рабочий должен обращать обеими руками вместе, как в некоторых деревнях поселяне вытаскивают ведро из колодца. Посредством особого механизма можно увеличить или уменьшить силу сопротивления машины, и надсмотрщик определяет для каждого рабочего степень сопротивления, которое он должен преодолеть в машине, посредством чугунных букв, выставляемых на поверхности машины» [22. № 2. С. 108]	И вот Фрай отвёл его (*Робинсона*) в рабочий двор, в котором он обнаружил множество клетушек размером вполовину меньше его тюремного убежища. В каждом их этих маленьких пещер притаился монстр, под названием рукоятка. Рукоятка – это своего рода механизм, который состоит из вертикальной стойки и железной ручки, которую работник, обхватив обеими руками, крутит и крутит, как в некоторых в деревнях, где вы можете увидеть, как местные жители вытаскивают ведро с водой из колодца. Железная ручка у основания переходит в небольшой железный ящик в верхней части стойки; и внутри этого ящика существует сопротивление тому, кто крутит рукоятку. Это сопротивление установлено и регулируется изготовителем механизма, который указывается значение сопротивления чугунными буквами снаружи

Из первого перевода «Лучше поздно, чем никогда», сокращённого, но в целом правильно передающего общий смысл подлинника, выпал целый ряд конкретных деталей: размер клетушек – *cells about half the size of his hermitage* (клетушек размером вполовину меньше его тюремного убежища), особенно-

сти работы с механизмом – *the workman, taking it by both hands, works round and round* (работник, обхватив обеими руками, крутит и крутит), сравнение рукоятки с деревенским колодцем, подробное описание самого механизма. В результате произошло значительное сужение не только объема, но и смысла фрагмента, важного для Рида с его опорой в творчестве на «установленные факты». Вторая трансляция романа представляет дословный перевод, акцентирующий внимание на абсолютно всех, даже мельчайших, деталях.

Особенностью второго перевода данного фрагмента является отсутствие русского эквивалента названию пыточного механизма – crank (рукоятка, рычаг, коленвал и т.д.), оно не переведено вообще. Переводчик первой версии перевёл слово crank именно как «рукоятка», что в целом соответствует описанию пыточной машины, хотя само описание в первой интерпретации практически отсутствует. Из-за утраты в первом переводе значительных деталей передача «эффекта реальности», к которому сам Рид постоянно стремится на протяжении всего тюремного нарратива, практически теряется. И наоборот, вторая трансляция романа, вплоть до ощущения на физическом уровне, передаёт читателю этот самый «эффект реальности» благодаря профессиональной работе переводчика.

Таким образом, лейтмотивом второго перевода «Никогда не поздно исправиться» является тюремная тема, отражающая острую социальную проблематику оригинала, в то время как австралийские приключения золотоискателей (история авантюрная, подчеркнуто вымышленная) переведены хотя и с незначительной, но всё же компрессией (например, главы 55 и 56, описывающие будни героев, объединены вместе). При этом автор первого перевода первого романа «установленного факта» смещает акцент с тех самых «установленных» Ридом фактов, подвергая тюремный нарратив серьезному сокращению, на сюжет, описывающий экзотику Австралии и яркие приключения золотоискателей.

Мы привели результаты сопоставительного анализа оригинала и его переводов на русский язык, который позволил установить разные черты подлинного текста, востребованные русскими переводчиками, работавшими с ним синхронно, и в связи с этим – множественность тенденций и традиций воспринимающей литературы, прежде всего, художественной прозы, такого ее жанра, как роман, русской истории художественного перевода и принимающей культуры в целом. Сравнительный анализ переводов с подлинником показал также, что начало переводческой рецепции «It Is Never Too Late to Mend» и в целом романа «установленного факта» Ч. Рида в России во многом было обусловлено контекстом массовой литературы. Внимание читателей первого перевода «Лучше поздно, чем никогда» было сосредоточено, главным образом, на особенностях, связывающих оригинал с сенсационным романом, с традициями просветительской идеологии и романтической эстетики; многие главы первого перевода в русской версии романа, особенно связанные с описанием тюремной жизни его героев, представляют собой реферативный, т.е. сокращенный, перевод, что привело к существенной смысловой компрессии подлинника. Восприятие второго перевода романа «Никогда не поздно исправиться: обыкновенная история», в отличие от первого, строится на подробной интерпретации происходящих событий и взаимоотношения персонажей; практически все главы романа во втором варианте представляют собой подробный, «буквальный» перевод, акцентирующий внимание читателей на острой социальной проблематике, являющейся лейтмотивом всего произведения с точки зрения самого Ч. Рида.

Являясь текстовыми синонимами и выделяя один на фоне другого достоинства и недостатки перевода, русские трансляции романа Рида как бы дополняют друг друга, достраивая в определенной мере рецепцию оригинала до целостной, что свидетельствует, в силу их синхронности, не только и, может быть, не столько о смыслоемкости оригинала, сколько об уровне переводческой культуры, достигнутой в России ко второй половине XIX в., и о разнообразии глубинных процессов становления русского классического романа, принимающего в себя традиции иноязычной литературы, в частности, викторианского романа «установленного факта».

ЛИТЕРАТУРА

1. Левин Ю.Д. Русские переводчики XIX века и развитие художественного перевода. Л. : Наука, 1985.
2. Алексеев М.П. Сравнительное литературоведение. М. : Наука, 1983.
3. Ивашева В.В. Английский реалистический роман XIX века в его современном звучании. М., 1974.
4. Катарский И.М. Диккенс: критико-биографический очерк. М. : Худ. лит., 1960.
5. Михальская Н.П. История английской литературы. М. : Академия, 2007.
6. Михальская Н.П. Десять английских романистов. М. : Прометей, 2003.
7. Проскурнин Б.М., Яшенькина Р.Ф. История зарубежной литературы XIX в.: Западноевропейская реалистическая проза : учеб. пособие. М. : Флинта ; Наука, 2004.
8. Шипицына Л.П. Социальные романы Чарльза Рида 1850–1860-х годов : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Горький, 1976.
9. Wheeler M. English Fiction of the Victoria Period. London ; New York : Longman, 1998.
10. Sutherland J. Victorian Fiction: Writers, Publishers, Readers. Great Britain, 1995.
11. Gilbert P.K. A Companion to Sensation Fiction. Blackwell Publishing Ltd., UK, 2011.
12. Poovey M. Forgotten Writers, Neglected Histories: Charles Reade and the Nineteenth-Century Transformation of the British Literary Field // ELH. Summer 2000. Vol. 71, № 2.
13. Bragg T. Charles Reade. A companion to sensation fiction / ed. by Pamela G. Gilbert. Blackwell Publishing Ltd., UK, 2011.
14. Fantina R. Victorian Sensational Fiction. New York, 2010.
15. Фёдоров А.В. О художественном переводе. Л. : Гослитиздат, 1941.
16. Топер П.М. Перевод в системе сравнительного литературоведения. М. : Наследие, 2000.
17. Чайковский Р.Р. Основы художественного перевода: вводная часть : учеб. пособие. Магадан, 2008.
18. Сумцова О.В. Первый перевод первого романа «установленного факта» Ч. Рида «It's never late to mend» // Текст. Книга. Книгоиздание. 2017. № 13.
19. Русские писатели 1800–1971 : библиографический словарь. М. : Большая Российская энциклопедия, 1992.
20. Reade Ch. It's never late to mend. 1856. URL: http://manybooks.net/
21. Рид Ч. Лучше поздно, чем никогда. Роман в двух частях // Библиотека для чтения. 1857. № 9–11.

22. Рид Ч. Никогда не поздно исправиться: обыкновенная история // Собрание иностранных романов, повестей и рассказов в переводе на русский язык. 1857. № 2–3.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 26 сентября 2017 г.

RUSSIAN TRANSLATIONS OF THE MATTER-OF-FACT-ROMANCE *IT IS NEVER TOO LATE TO MEND* BY CH. READE: ON LITERARY TRANSLATION MULTIPLICITY

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 424, 44–53.
DOI: 10.17223/15617793/424/6

Olga V. Sumtsova, Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation); Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: olgasumtsova0205@mail.ru

Keywords: Charles Reade; matter-of-fact-romance; translation multiplicity; poetic style; aesthetics; genre peculiarities; translation reception.

The present research focuses on the Russian translation reception of Charles Reade's literary activity in the mid-to-late 19th century and a popular Victorian literary genre of the matter-of-fact-romance in particular because Reade made a great contribution to the appearance of the genre under study being its founder. Two Russian translations of Reade's romance *It Is Never Too Late to Mend*, which laid the foundation for the given genre model, are considered in the paper in regards to literary translation multiplicity. One of the translation versions called *Luchshe pozdno, chem nikogda: roman v dvukh chastyakh* [Better Late than Never: a Romance in 2 Parts] was published in the literary magazine *Biblioteka dlya chteniya* [Library for reading] in 1957. The second translation *Nikogda ne pozdno isparvit'sya: obyknovennaya istoriya* [It's Never Late to Mend: a Common Story] came out in the magazine *Sobranie inostrannyh romanov, povestey i rasskazov v perevodah na russkij yazyk* [Collection of Foreign Novels, Narratives and Stories Translated into Russian] in 1957 as well. The given fact highlights the significance of Reade's romance for the Russian literature, particularly for establishing its novelistic genre. Moreover, a pressing literary problem of translation multiplicity can be set up since it still remains one of the most under-investigated issues in the theory of literary translation. A comparison study of both translations and the original revealed that the translation reception of the romance *It Is Never Too Late to Mend* was mainly determined by the context of popular literature. Readers of the first above mentioned version primarily focused on the peculiarities that associated the original with sensational fiction as well as with traditions of educational ideology and romantic aesthetics. Many chapters of the first translation, especially related to the description of the characters' life in jail, represent a summary translation resulting in a considerable semantic compression of the original. In contrast with the first translation version, the reception of the second one was based on a detailed interpretation of the events happening in the narrative and the characters' relationships. Almost all the chapters of the second version present a detailed "word for word" translation and show current social problems that are a keynote of the whole romance according to Ch. Reade. Consequently, both Russian translations of the romance under study can be considered as narrative synonyms emphasizing translational benefits and drawbacks contrasted with each other. Therefore, their synchronicity testifies not only and not so much to meaningfulness of the original but to the level of translation culture achieved in Russia by the mid-to-late 19th century as well as to the diversity of deep processes related to the establishment of the Russian classic romance adopting the traditions of foreign literature, particularly the Victorian matter-of-fact-romance.

REFERENCES

1. Levin, Yu.D. (1985) *Russkie perevodchiki XIX veka i razvitie khudozhestvennogo perevoda* [Russian translators of the 19th century and the development of literary translation]. Leningrad: Nauka.
2. Alekseev, M.P. (1983) *Sravnitel'noe literaturovedenie* [Comparative literary criticism]. Moscow: Nauka.
3. Ivasheva, V.V. (1974) *Angliyskiy realisticheskiy roman XIX veka v ego sovremennom zvuchanii* [English realistic novel of the 19th century in its modern sound]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
4. Katarskiy, I.M. (1960) *Dikkens: kritiko-biograficheskiy ocherk* [Dickens: a critical biographical sketch]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
5. Mikhal'skaya, N.P. (2007) *Istoriya angliyskoy literatury* [History of English literature]. Moscow: Akademiya.
6. Mikhal'skaya, N.P. (2003) *Desyat' angliyskikh romanistov* [Ten English novelists]. Moscow: Prometey.
7. Proskurnin, B.M. & Yashen'kina, R.F. (2004) *Istoriya zarubezhnoy literatury XIX v.: Zapadnoevropeyskaya realisticheskaya proza* [The history of foreign literature of the 19th century: West European realistic prose]. Moscow: Flinta; Nauka.
8. Shipitsyna, L.P. (1976) *Sotsial'nye romany Charl'za Rida 1850–1860-kh godov* [Charles Reade's social novels of the 1850s–1860s]. Abstract of Philology Cand. Diss. Gorkiy.
9. Wheeler, M. (1998) *English Fiction of the Victoria Period*. London; New York: Longman.
10. Sutherland, J. (1995) *Victorian Fiction: Writers, Publishers, Readers.* Palgrave Macmillan.
11. Gilbert, P.K. (2011) *A Companion to Sensation Fiction*. Blackwell Publishing Ltd., UK.
12. Poovey, M. (2000) Forgotten Writers, Neglected Histories: Charles Reade and the Nineteenth-Century Transformation of the British Literary Field. *ELH*. 71 (2). DOI: https://*doi*.org/10.1353/elh.2004.0029
13. Bragg, T. (2011) *Charles Reade. A companion to sensation fiction*. Blackwell Publishing Ltd., UK.
14. Fantina, R. (2010) *Victorian Sensational Fiction*. New York: Palgrave Macmillan.
15. Fedorov, A.V. (1941) *O khudozhestvennom perevode* [On literary translation]. Leningrad: Goslitizdat.
16. Toper, P.M. (2000) *Perevod v sisteme sravnitel'nogo literaturovedeniya* [Translation in the system of comparative literary criticism]. Moscow: Nasledie.
17. Chaykovskiy. R.R. (2008) *Osnovy khudozhestvennogo perevoda: vvodnaya chast'* [Fundamentals of literary translation: introduction]. Magadan: North-east State University.
18. Sumtsova, O.V. (2017) The first Russian translation of the first matter-of-fact romance by Ch. Reade It's Never Too Late to Mend. *Tekst. Kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing*. 13. pp. 32–56. (In Russian). DOI: 10.17223/23062061/13/3
19. Nikolaev, P.A. (ed.) (1992) *Russkie pisateli 1800–1971: bibliograficheskiy slovar'* [Russian writers of 1800–1971]. Moscow: Bol'shaya Rossiyskaya entsiklopediya.
20. Reade, Ch. (1856) *It Is Never Too Late to Mend*. [Online] Available from: http://manybooks.net/.
21. Reade, Ch. (1857) Luchshe pozdno, chem nikogda. Roman v dvukh chastyakh [Better Late than Never: a Romance in 2 Parts]. *Biblioteka dlya chteniya*. 9–11.
22. Reade, Ch. (1857) Nikogda ne pozdno ispravit'sya: obyknovennaya istoriya [It's Never Late to Mend: a Common Story]. *Sobranie inostrannykh romanov, povestey i rasskazov v perevode na russkiy yazyk*. 2–3.

Received:26 September 2017

Вестник Томского государственного университета. 2017. № 424. С. 54–57. DOI: 10.17223/15617793/424/7

ИСТОРИЯ

УДК 94(930):329.63

А.Е. Антонов

ГРАЖДАНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ ЗА КЁЛЬН

Рассматривается проблема роста антиисламских настроений в ФРГ. Целью работы стало комплексное изучение этого вопроса на примере конкретной организации. Были рассмотрены история, политическая деятельность и главные программные требования правоэкстремистского движения «Гражданское движение за Кёльн» как одного из ярких источников распространения предрассудков по отношению к мусульманской общине Германии. В заключение на основании анализа были сделаны выводы о возможном росте исламофобии в ФРГ и ЕС в целом.

Ключевые слова: «Гражданское движение за Кёльн»; исламизация; иммиграция; предрассудки; дискриминация.

В настоящее время в Западной Европе стала активно распространяться нетерпимость по отношению к мусульманам, проживающим на территории Европы. Мусульманские общины Европы стали рассматриваться как проблемные сообщества, которые не стремятся интегрироваться в европейское (в том числе немецкое) общество или не способные сделать это в силу своих культурных особенностей, которые они хотят навязать коренному населению. Это явление получило название «исламизация». Источником распространения этих предрассудков по отношению к мусульманам стали экстремистские и популистские партии и движения правого толка. Их главными целями стали борьба с исламизацией Германии и Европы, борьба против иммиграции, в особенности с Ближнего Востока, и против мультикультурного сообщества. Одним из ярких представителей исламофобии стало «Гражданское движение за Кёльн» (далее – «за Кёльн»), основавшее «за-движения».

Борьба против мнимой исламизации Германии (и Европы) началась в середине 1990-х гг. в Германии с образования так называемого «за-движения». «За-движение», а именно организация «за Кёльн», была образована в 1996 г. Она имеет название в честь города Кёльна, в котором была образована и за права которого ведет политическую борьбу. Основателями этой организации стали адвокат Маркус Бейзихт и публицист Манфред Роус, которые ранее были функционерами партии «Республиканцев». Вместе с другими несогласными с линией партии функционерами они вступили в организацию «Немецкая лига за народ и Родину» (далее – DLVH), которая представляла собой некий резервуар, где были собраны различные по своему характеру правые силы. Эта лига была известна своей дискриминацией по отношению к мусульманскому населению Германии, используя провокационные лозунги и литературу. На одной из принадлежащей этой организации листовке был изображен мусульманин во время чтения молитв, на фоне которого были надписи «Спокойной ночи, Европа!» и «Беженцы прочь» [1. S. 152].

Стоит заметить, что отрицательного отношения к мусульманской общине в Германии не было с самого начала. Примечательной выглядит следующая цитата, принадлежащая Манфреду Роусу: «Религиозные и этнически разобщенные иностранцы, которые занимаются продажей наркотиков, которые стремятся к “интеграции”, нападающие на автозаправочные станции, требующие для себя избирательного права в Германии, грабящие стариков на улице – это не верующие мусульмане!» [1. S. 152]. Эти слова прозвучали в период создания «за Кёльн» в 1996 г., когда Роус видел в мусульманах потенциальных союзников в борьбе с мультикультурным сообществом. Однако данная оценка по отношению к мусульманскому населению была актуальной до тех пор, пока их количество со временем не увеличилось на территории Германии и Европы. С того момента сразу же произошел сдвиг «вправо» по отношению к ним.

Изначально организация «за Кёльн» не имела никакого серьезного политического влияния. Ситуация начала меняться с 1999 г., когда на коммунальных выборах в земле Северный Рейн-Вестфалия фракция от DLVH потерпела поражение с результатом в 0,1% голосов. С того момента в организацию «за Кёльн» начали переходить бывшие представители DLVH. В докладе по защите Конституции от земли Северный Рейн-Вестфалия «за Кёльн» была охарактеризована как филиал, утратившей свое значение DLVH, который стал пристанищем для ее бывших функционеров. В докладе Ведомства по защите Конституции за 2003 г. было добавлено следующее: «Объединение стремится изобразить себя консервативным, но в то же время она была замечена в совместной работе с неонацистами и с другими правоэкстремистскими группами» [2. S. 10].

Первым, наиболее заметным событием в политической жизни движения стали коммунальные выборы в 2004 г., где «за Кёльн» удалось заработать 4,7% голосов избирателей (16 531 голос). Благодаря этому она прошла в городской совет Кёльна, имея в своем распоряжении четыре мандата. Затем благодаря переходу в ряды движения члена городского совета от партии Республиканцев она получила пятый мандат. С того времени движение «за Кёльн» имеет районные представительства в городе Кёльн [Там же].

С декабря 2004 г. руководителем объединения был избран Маркус Бейзихт. С 2005 г. движение «за Кёльн» стало активно расширяться в пределах региональной политики земли Северный Рейн-Вестфалия. В 2005 г. было образовано «Гражданское движение за Германию» (далее – «за Германию»), а позднее, в 2007 г.

«Гражданское движение за Северный Рейн-Вестфалия» (далее – «за СРВ»). Движение «за СРВ» было образовано для распространения организационной модели «за Кёльн» в другие города земли Северный Рейн-Вестфалия. Ее руководителем был избран Маркус Бейзихт, который одновременно являлся главой «за Кёльн». Что касается движения «за Германию», то инициатор его создания и руководитель – Манфред Роус, создавал свою партию как независимую политическую организацию, которая стремится защищать западноевропейский характер Германии. Целью «за Германия» является также распространение организационной модели «за Кёльн», но в отличие от «за СРВ» партия стремится это сделать на федеральном уровне, т.е. по всей Германии.

В начале объектом нападок со стороны «за Кёльн» были различные меньшинства, беженцы, проституция и наркозависимые. Затем с течением времени оно начало концентрировать свое внимание на антиисламской кампании, в частности против запланированного строительства мечети в районе Эренфельд города Кёльн. В 2002 г. мэрия города Кёльн начали поиски подходящего земельного участка для строительства мечети. «За Кёльн» отреагировала на это началом сбора подписей против данного мероприятия. Данная акция была распространена по всему городу. Незадолго до выборов в коммунальный парламент в 2004 г. «за Кёльн» предоставила в городской комитет по рассмотрению жалоб 28 тыс. подписей против строительства [3. S. 114]. В 2007 г. «за Кёльн» собрала 15 940 подписей против строительства мечети, но, тем не менее, этого было недостаточно для принятия соответствующего решения [2. S. 11]. Однако важным фактом остается то, что благодаря сбору необходимых подписей движение могло в дальнейшем снабжать своей пропагандой тех адресатов, которым принадлежат эти подписи, тем самым сделав себя популярной у определенной части жителей города и таким образом набирать новый персонал для себя [Там же].

В 2006 г. объединение начало распространять свои взгляды среди молодежи, выпуская листовки с заголовком «Немецкий – это классно!». 14 августа 2006 г. «за Кёльн» начало распространять во многих школах города Кёльн молодежную газету под названием «Объектив». В 2008 и 2009 гг. «за Кёльн» организовывала каждый месяц пикеты в центре города. Темами этих мероприятий были: «Активная позиция за права человека против угнетения женщин в исламе», «Нет турецкому национализму и шовинизму – предостережение от судьбы армян», «Против тюркизации и исламизации – Кёльн не должен стать Стамбулом» и т.д. Кроме того, по примеру нидерландского политика правого толка Геерта Вилдерса «за Кёльн» изготовило 2 фильма, остро критикующих ислам [3. S. 115].

Во время предвыборной кампании в коммунальный парламент в 2009 г. «за Кёльн» организовало крупные демонстрации и агитационные мероприятия перед мечетью в Эренфельде. Однако в этих мероприятиях движению удалось задействовать только собственный персонал и людей из «за СРВ».

Одним из ключевых моментов в истории «за Кёльн» стал так называемый Конгресс против исламизации, проведение которого было запланировано в 2008 г. на центральной площади Кёльна. К участию в этом мероприятии были приглашены 5 тыс. человек, связанных с разными праворадикальными партиями из стран Европы. На конгресс были приглашены члены таких партий, как «Фламандский интерес» из Бельгии, «Свободная партия Австрии», «Лига Севера» из Италии, «Британская национальная партия» и др. Стоит отметить, что данный конгресс потерпел полный крах благодаря демонстрации противников конгресса, которые полностью блокировали его работу, в связи с чем он был запрещен органами полиции и прекращен. В 2009 г. была повторная попытка его проведения, которая также потерпела фиаско. Второй конгресс был также полностью блокирован, а в СМИ «за Кёльн» была уличена в тесном сотрудничестве с правоэкстремистским лагерем, от которого «за Кёльн» всегда себя отделяло. Благодаря этим двум крупным неудачам на предстоявших выборах в 2009 г. аналитики прогнозировали для «за Кёльн» скромные результаты – всего в 3% голосов [2. S. 12]. Но результаты голосования оказались более положительными для движения. «За Кёльн» сумело набрать 5,4% голосов и пять мандатов в городской совет. Особенно сильную поддержку «за Кёльн» получила от жителей кварталов с высокой долей иммиграции [4. С. 5, 17].

Главными программными требованиями «за Кёльн» являются:

1. Борьба против исламизации Германии: «“За Кёльн” – это единственное политическое образование, которое на протяжении 20 лет решительно отвергает исламизацию Кёльна и выявляет ее злоупотребления» [5].

2. Введение прямой демократии: «<…> Плебисцит. Ввести упрощенный способ для анкетирования граждан, для гражданской инициативы, а также для решений граждан во всех сферах – для “за Кёльн” – это важная опора» [Там же].

3. Борьба с этнической преступностью: «С открытием границ и гарантией свободного передвижения внутри Европы также были открыты двери и ворота для криминальных банд, преимущественно из восточноевропейского пространства» [Там же]. В связи с этим руководство «за Кёльн» предлагает сделать следующие шаги для борьбы с преступностью (в том числе этнической) и для предотвращения правонарушений: «Видеонаблюдение в криминогенных зонах для выявления и предотвращения преступлений. Введение мобильных полицейских участков в проблемных кварталах. Усиление дозора в городских парках и игровых площадках. Увеличение концентрации полицейских сил на улице и в общественном транспорте. Модернизация городского ведомства правопорядка в городскую полицию по примеру Франкфурта. Содержание местных полицейских участков с удовлетворительным и учитывающим интересы граждан режимом работы. Больше профилактики и информирования в школах о наркотиках» [Там же].

4. Против нелегальной иммиграции: «При отказе на предоставление статуса беженца – немедленная депортация» [Там же].

5. Распределение средств из городского бюджета, прежде всего для коренных жителей Кёльна: «Принципиально не должна оказываться поддержка со сто-

роны городских властей для общественных и благотворительных организаций, занимающихся консультацией и помощью тем лицам, которые нелегально находятся в Германии. Никакого предоставления средств из городского бюджета для оказания поддержки экономическим беженцам и для мошенников, ищущих убежища, через социальных работников, психологов или адвокатов. Вместо этого бесплатные места в детском саду для всех детей Кёльна» [5].

В 2014 г. Михаэль Габель, районный представитель движения «за Кёльн», сменил Маркуса Бейзихта на посту руководителя «за Кёльн». Маркус Бейзихт остался на посту председателя «за СРВ», ранее он занимал оба поста. По результатам коммунальных выборов в Кёльне, 2014 г. оказался для «за Кёльн» неудачным. Движение смогло набрать только 2,6% голосов избирателей и, таким образом она потеряла три мандата в городском совете и статус фракции. Теперь в городском совете заседают только два ее представителя [6. С. 7, 13]. Но несмотря на это, как указано далее в документе, «за Кёльн» по-прежнему пользуется большой поддержкой в районах с высокой долей иммигрантов, а в своей агитационной работе «за Кёльн» направляет свои усилия главным образом на людей с малыми доходами и безработных [6. С. 30].

Однако необходимо отметить, что в современном германском и европейском обществе в целом сильны демократические ценности, в частности, всеобщее равенство и толерантность, которые находятся на уровне подсознания граждан ЕС. В связи с этим представляется возможным объяснить неудачи и поражения правых на различных выборах и малую их поддержку со стороны обывателя. Но в то же время не стоит недооценивать угрозу, исходящую со стороны правых исламофобов и правых радикалов в целом. Несмотря на сильное демократическое самосознание граждан, произошедшие теракты в Европе и угроза их дальнейшего повторения и расширения могут послужить достаточной причиной для перевешивания чаши весов вправо, а также неким доказательством несовершенства системы и недееспособности правящих политиков ЕС. И если правые в будущем сумеют сообща сконцентрировать внимание избирателей в этом направлении, то могут стать более влиятельной силой, чем прежде.

ЛИТЕРАТУРА

1. Uwe Backes. Muslimfeindlicher Rechtsextremismus? Pro-Bewegung als Teil eines internationalen Netzwerks // Extremismus & Demokratie. Baden-Baden : Nomos, 25/2013.
2. Häusler A. Rechtspopulismus in Gestalt einer “Bürgerbewegung”. Neufassung. Düsseldorf: Landesarbeitsgemeinschaft der kommunalen Migrantenvertretungen Nordrhein-Westfalen (LAGA NRW), 2010.
3. Werner T.B. Rechtsextreme und rechtspopulistische Parteien in Europa. Wien : ÖGPP, 2015.
4. Wahlen in Köln – Kurzanalyse der Kommunalwahl 2009. S. 5, 17. URL: http://www.stadt-koeln.de/mediaasset/content/pdf32/wahlen/kommunalwahl2009/kurzanalyse.pdf (дата обращения: 16.02.2017).
5. Das Programm der “Bürgerbewegung pro Köln”. URL: http://pro-koeln.org/programm/ (дата обращения: 16.02.2017).
6. Wahlen in Köln – Analyse der Kommunalwahl 2014. S. 7, 13. URL: http://www.stadt-koeln.de/mediaasset/content/pdf11/wahlen/kw2014_05_25-analyse.pdf (дата обращения: 16.02.2017).

Статья представлена научной редакцией «История» 28 июня 2017 г.

THE PRO COLOGNE CITIZEN’S MOVEMENT

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 424, 54–57.
DOI: 10.17223/15617793/424/7

Aleksandr E. Antonov, Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: derchef.kem@mail.ru

Keywords: Pro Cologne Citizen’s Movement; islamization; immigration; prejudice; discrimination.

This article considers the problem of the growth of anti-Islamic sentiments in modern Germany and the EU in whole. The aim of the article was a comprehensive study of this issue using the example of the right-wing extremist organization, the Pro Cologne Citizen’s Movement. The study of the history of the growth of Islamophobia in modern Germany is closely connected with the history and political activity of this organization, which became one of the first sources of dissemination of prejudices and stereotypes about the Muslim community of Germany for political purposes. In this research the author studied history, political activity and the main political demands of the Pro Cologne. Due to the descriptive and historical-genetic method, the history of creation, the first steps and the further activities of this organization were considered. It was found that over time this organization began to aim at expanding its political activity. Two organizations were established: the Pro North Rhine-Westphalia Citizen’s Movement and the Pro Germany Citizens’ Movement. These organizations were to promote the political goals of the whole “pro movement” at the regional and federal level of Germany. During the study it was possible to establish that a certain part of the population has developed reprehensible thinking and attitude towards its neighbors with a different religion, especially among poor and unemployed citizens. With the help of this support, the Pro Cologne has its representatives in the city council of the city of Cologne. The question of the spread of criticism towards Muslims in modern Germany and the EU is extremely important at the moment. Terrorist acts and violence by radical Islamists in Europe have become one of the main reasons for the growth of not only Islamophobia from right-wing radicals and extremists, but also nationalism and religious intolerance in general. This situation is extremely explosive, since conflicts between representatives of different cultures in the European multicultural community are inevitable. Islamophobia and violence can only worsen the situation. Therefore, it is necessary to pay attention to this problem in order to prevent conflicts in the society. This article was a proof that the active and dangerous growth of Islamophobia is promoted by right-wing political forces, such as the Pro Cologne Citizen’s Movement and others. It is these organizations and alike that tend to use the conflict situation between representatives of different cultures for their political purposes, which are aimed at discrimination and exclusion of one part of society from the other.

REFERENCES

1. Backes,U. (2013) Muslimfeindlicher Rechtsextremismus? Pro-Bewegung als Teil eines internationalen Netzwerks [Muslim hostile right-wing extremism? Pro-movement as part of an international network]. *Extremismus & Demokratie*. 25.
2. Häusler, A. (2010) *Rechtspopulismus in Gestalt einer "Bürgerbewegung". Neufassung* [Right-wing populism in the form of a "civic movement". Recast]. Düsseldorf: Landesarbeitsgemeinschaft der kommunalen Migrantenvertretungen Nordrhein-Westfalen (LAGA NRW).
3. Werner, T.B. (2015) Rechtsextreme und rechtspopulistische Parteien in Europa [Right-wing extreme and right-wing populist parties in Europe]. Vienna: ÖGPP.
4. Stadt-koeln.de. (2009) *Wahlen in Köln – Kurzanalyse der Kommunalwahl 2009* [Elections in Cologne – Brief analysis of the local elections 2009]. pp. 5, 17. [Online] Available from: http://www.stadt-koeln.de/mediaasset/content/pdf32/wahlen/kommu-nalwahl2009/kurzanalyse.pdf. (Accessed: 16.02.2017).
5. Pro-koeln.org. (n.d.) Das Programm der "Bürgerbewegung pro Köln" [The program of the Pro Cologne Citizen's Movement]. [Online] Available from: http://pro-koeln.org/programm/. (Accessed: 16.02.2017).
6. Stadt-koeln.de. (2009) *Wahlen in Köln – Analyse der Kommunalwahl* [Elections in Cologne – Analysis of the local elections 2009]. pp. 7, 13. [Online] Available from: http://www.stadt-koeln.de/mediaasset/content/pdf11/wahlen/kw2014_05_25-analyse.pdf. (Accessed: 16.02.2017).

Received: 28 June 2017

УДК 951.093:370

С.Б. Белоглазова

РЕФОРМА ВЕДОМСТВЕННЫХ ШКОЛ НА КИТАЙСКО-ВОСТОЧНОЙ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1920-х гг.

Статья посвящена слабо изученной в отечественной историографии проблеме советской реформы образования на Китайско-Восточной железной дороге. Изучены политика советской администрации КВЖД по отношению к системе подведомственных ей учебных заведений и основные направления проведённой ею образовательной реформы. Прослежены динамика и трансформация сети железнодорожных школ с учетом специфической политической ситуации в Маньчжурии и переходом ведомственных школ под управление китайской администрации. В научный оборот введены новые материалы из ведомственных изданий.

Ключевые слова: Китай; Маньчжурия; СССР; КВЖД; образовательная политика; реформа школы.

Образование является важным фактором формирования национально-культурной и гражданской идентичности, основным источником социализации личности и развития человеческого капитала. Всё это определяет социальную значимость исследований по проблеме реформирования образовательных систем и стимулирует интерес отечественных историков к проблеме образовательных реформ в России. Набирающая силу ретроспективная рефлексия по поводу итогов современной реформы образования усиливает интерес общественности, экспертов, педагогов и части современной политической элиты к переосмыслению исторического феномена советской школы, актуализирует на современном переломном этапе развития российского общества обращение к историческому опыту реформ национальной системы образования.

Система русского образования, созданная на линии КВЖД в Маньчжурии, являлась частью функционировавшего в инокультурной и иноэтнической среде образовательного пространства Российской империи. В рассматриваемый период оно утратило гомогенность, расколовшись на эмигрантские и советские школы. В отечественной историографии к изучению истории русских школ в ближнем зарубежье обратились на рубеже 1980–1990-х гг. Сложившаяся с тех пор исследовательская традиция представляет историю русских учебных заведений в Маньчжурии как составную часть истории восточной ветви российской эмиграции. При этом фокус таких исследований сосредоточивается на эмигрантских школах, которые позиционируются авторами как хранители и трансляторы национально-культурной идентичности русских эмигрантов. Советский сегмент системы образования на КВЖД долгое время оставался за пределами внимания исследователей, видимо, потому, что не отвечал идеологическим запросам постсоветского общества. В последнее десятилетие появились исследования по истории русских школ в Маньчжурии, авторы которых обратились, в том числе, и к истории советских школ. Вместе с тем история советской реформы школы на КВЖД занимает в общем объеме таких работ довольно скромное место и ещё не стала предметом специального изучения. Показательными в этом отношении являются труды О.И. Еропкиной [1], О.А. Косиновой [2], И.В. Потаповой [3. С. 78–81, 83–87], китайской исследовательницы Че Чуньинь [4. С. 21–23] и коллективная монография, посвященная этнокультурным и социально-экономическим проблемам освоения смежных территорий Северо-Восточной Азии в XVII – первой половине XX в., включающая раздел по истории русских школ в Маньчжурии [5. С. 239–242].

Целью данной статьи является исследование процесса советской школьной реформы на КВЖД. В рамках поставленной цели определены следующие задачи: проанализировать комплекс мер советской администрации КВЖД по реформированию сети ведомственных школ, определить структуру и принципы организации новой школы, показать специфику учебно-воспитательного процесса и организационной жизни в советских учебных заведениях, раскрыть политику советской и китайской администрации по отношению к ведомственным школам, влияние политико-правовой среды и политической конъюнктуры на динамику школьного строительства в связи с переходом ведомственных школ под китайское управление. Также делается попытка привлечь внимание исследователей к необходимости пересмотра сохраняющейся в отечественной историографии традиции методологического разрыва в изучении истории образования досоветского и советского периодов. По нашему убеждению, истоки реализованной в 1920-е гг. в СССР советской реформы образования начинаются с проекта реформы 1915–1916 гг. министра народного просвещения графа П.Н. Игнатьева и программы социо-педагогических преобразований 1917 г., подготовленной Государственным Комитетом по народному образованию при Временном правительстве. Поэтому, хотя хронологические рамки собственно советской реформы школы на КВЖД включают период от перехода дороги под совместное управление СССР и Китая (октябрь 1924) до военного советско-китайского противостояния 1929 г., для более глубокого раскрытия темы исследования автор считает целесообразным показать исторический контекст, предшествующий советской реформе ведомственных школ.

Основной источниковой базой статьи являются ведомственные издания, выходившие под редакцией Экономического бюро КВЖД: «Экономический Вестник Маньчжурии» (1923–1925), «Вестник Маньчжурии» (1925–1934) и др. Сегмент такого рода источников слабо привлекался исследователями истории образования, так как тематика их посвящалась, главным образом, вопросам экономики Маньчжурии

и сопредельных с Китаем стран. Тем не менее отдельные издания содержат информационные и статистические обзоры советского школьного строительства на КВЖД, подготовленные, в том числе, и на основе данных Учебного отдела дороги. Извлеченные сведения современны происходившим событиям, зафиксированы лицами, непосредственно причастными к реформе, и поэтому имеют важную информационную ценность для исследователей.

Первые изменения в системе ведомственных школ на линии дороги были связаны с попытками введения новой образовательной модели в России, предпринятыми в период реформы 1915–1916 гг. Суть данной реформы заключалась в унификации национальной системы образования на основе замещения школ разного типа единым типом образовательного учреждения – единой школой в составе I и II ступени, с введением которой все уровни образования становились доступными для всех сословий российского общества [6. С. 4]. До Революции 1917 г. единая школа ни в России, ни в полосе отчуждения КВЖД введена не была. Тем не менее в рамках реформы Игнатьева сеть железнодорожных училищ повышенного типа, соответствовавшая I ступени средней школы и включавшая, по данным руководителя Учебного отдела КВЖД Н.В. Борзова, в 1915/16 учебном году 14 учебных заведений [7. Л. 31–32], к началу 1917 г. расширилась до 22 школ [8. С. 17]. После Февральской революции начались первые опыты по соединению обучения с трудовым воспитанием и введению школьного самоуправления, менявшего старый иерархический принцип управления [Там же. С. 17–18]. 23 сентября 1917 г. Правление КВЖД издало приказ № 353, в соответствии с которым в начальных школах на линии дороги стали заниматься по разработанным министерством П.Н. Игнатьева «Временным программам для начальных школ» [Там же. С. 1–61], принципиально отличавшиеся от действовавших в России с 1897 г. учебных курсов. Традиционная предметная группировка учебного материала заменялась распределением его по четырём комплексам: 1) физика и химия, 2) землеведение, 3) ботаника, 4) зоология [Там же. С. 14–31]. «Закон Божий» позицировался как дисциплина по выбору, и по заявлениям родителей ученики могли быть освобождены от его изучения [Там же. С. 61].

Реформа единой школы касалась только подведомственных КВЖД школ. Школы ведения Харбинского общественного управления и частные учебные заведения продолжали работать в автономном режиме и выдавали аттестаты зрелости на основаниях, действовавших до 1917 г. Именно в таких школах, сохранявших традиционную систему обучения из дореволюционной эпохи, эмигранты предпочитали учить своих детей.

В 1920 г. указом президента Китайской Республики Сюй Шичана для подданных Российской империи отменялось право экстерриториальности; полоса отчуждения КВЖД вошла в состав Особого района Восточных провинций (ОРВП), и на неё распространилась власть китайской администрации. Вслед за этим китайское правительство заявило о своих правах на КВЖД, настояв на «справедливом разделении» руководящих должностей между китайцами и русскими. Значение КВЖД не ограничивалось решением задач логистики. Дорога являлась одним из главных факторов развития огромного края, и от неё зависела жизнь русской колонии и китайского населения в Маньчжурии. Вопрос о том, кто будет владеть КВЖД, приобретал принципиальное значение. Приход китайцев в руководящие звенья изменил расстановку сил в правлении КВЖД и позволил администрации ОРВП через своих агентов влиять на систему образования на линии дороги, в частности открывать за счёт бюджета КВЖД и Харбинского муниципалитета китайские учебные заведения. В 1923 г. на средства КВЖД были открыты 2 китайские школы, через год их стало 10 [10. С. 39]. Такую активность можно объяснить тем, что в 1920 г. Министерство народного просвещения Китая приняло решение о введении начального всеобуча, а также правительственным курсом на подготовку национальных кадров специалистов для народного хозяйства Китайской Республики. Ведомственные школы дороги становились основным источником подготовки кадров специалистов из среды местного русского и китайского населения. Соперничество за обладание железной дорогой побуждало русскую администрацию во главе с управляющим КВЖД инженером Б.В. Остроумовым принимать меры, купировавшие политику постепенной «китаизации» КВЖД, в том числе и в сфере образования. С этой целью была активизирована деятельность по расширению сети ведомственных школ.

В 1923 г. в ведение Учебного отдела КВЖД вошли 49 начальных школ (I ступени) и 22 средние (II и III ступени); всего 71 школа, в которых получали образование около 10 тыс. детей [8. С. 20]. В 1921–1923 гг. провели работу по адаптации учебных программ к единой школе, так как с переходом на «Временные программы…» выяснилось, что предложенный в них способ изложения учебного материала оказался довольно сложным для применения в учебной практике. В школах единого типа не было единых требований к преподаванию дисциплин, отсутствовала преемственность в содержании учебного материала между школами I и II ступеней [Там же. С. 18]. Всё это противоречило сути единой школы. Составление согласованных между собой программ для школ I и II ступеней было закончено в 1921 г., после этого началась работа по составлению и согласованию с ними программ для школ III ступени.

Урегулирование финансовой деятельности дороги позволило полностью оплачивать по смете Земельного и Учебного отделов КВЖД содержание 66 железнодорожных и поселковых школ [Там же. С. 30], или почти 93% ведомственной сети. Бюджет частных школ, подведомственных дороге, составляла плата за обучение и субсидии, которые могли поступать от поселковых управлений, культурно-просветительских организаций или правления КВЖД. Субсидию от КВЖД получали также три вуза, не входивших в ведомственную сеть: Русско-китайский политехникум, Юридический факультет и Высшая медицинская школа. Рассматривался вопрос о передаче Учебному отделу частных гимназий Я.А. Дризуля и М.А. Оксаковской, и хотя передача не состоялась, эта попытка отражает стремление русской

администрации дороги расширить ведомственную учебную сеть и номенклатуру специальностей. Таким образом, ещё до установления на КВЖД совместного управления русская администрация стала переходить к единому типу образовательного учреждения и сумела сформировать независимую от китайской администрации ОРВП сеть ведомственных школ.

Переход дороги в совместное советско-китайское управление усилил политические позиции Китая. В декабре 1924 г. Главноначальствующий ОРВП генерал Чжу Циньлан ввёл в бывшей полосе отчуждения новую систему руководства учебными заведениями, расширившую контроль китайской администрации за школами на КВЖД [11. С. 202]:

Русские школы получили статус *учебных заведений иностранных резидентов.* Для внесения изменений в учебные программы или систему управления, приём экстернов, открытия или закрытия школ требовалось согласование Учебного отдела при Управлении по делам городского и поселкового хозяйства.

При этом советская администрация дороги и Учебный отдел КВЖД сохранили за собой право оперативного управления сетью подведомственных им школ и свободу действий по реализации политики советского государства в сфере образования на КВЖД.

Советскому управляющему КВЖД подчинялись комитет образовательных учреждений (КОУ) и комитет по делам высших и специального типа учебных заведений, которые наблюдали за общим состоянием дел в учебных заведениях, пользующихся субсидиями или получавших поддержку от дороги в виде бесплатного помещения, отопления, освещения и т.п. Все постановления данных комитетов вступали в силу после их утверждения советским управляющим КВЖД. Последний утверждал председателя первого комитета и назначал председателя второго на неопределенный срок; и только по его распоряжению они освобождались от занимаемой должности. Вопросы по учебно-воспитательной и организационной работе, открытию специальных учебных заведений решались на совместных заседаниях обоих комитетов под председательством управляющего дорогой или его заместителя.

Учебный отдел КВЖД являлся исполнительным и распорядительным органом КОУ; на него возлагалось непосредственное заведование образовательными учреждениями, содержащимися на средства КВЖД, и наблюдение за общим состоянием дела в учебных заведениях, пользующихся её субсидиями.

Районы участков Службы Пути на КВЖД курировали районные школьные комитеты (РШК), число которых соответствовало числу участков на КВЖД. В полномочия РШК входил контроль за исполнением решений КОУ учебными заведениями, заботы о хозяйственных нуждах школ, составление смет по своим участкам на предстоящий учебный год, разрешение конфликтных ситуаций, возникавших между школьными администрациями и родительскими комитетами, а также материальная поддержка бедных учеников (обеспечение горячими завтраками, одеждой и обувью, учебниками и др.).

Приход советской администрации сопровождался сменой руководящего состава на линии дороги. Вместо Н.В. Борзова, возглавлявшего учебный отдел КВЖД с 1906 г., назначили креативно настроенного по отношению к советской власти сменовеховца Н.В. Устрялова. Законодательной основой советской школьной реформы на КВЖД стал декрет ВЦИК от 16 октября 1918 г., утвердивший «Положение о единой трудовой школе РСФСР» и «Основные принципы единой трудовой школы РСФСР». Реформирование ведомственных учебных заведений на КВЖД коррелировались с реформой Единой трудовой школы в СССР, считавшейся одним из приоритетных направлений советского модернизационного проекта.

В соответствии с идеологической установкой ВКП(б) Китай и китайский пролетариат рассматривались как потенциальные партнёры СССР в борьбе за мировую революцию. Поэтому при формировании политики относительно подведомственной ей части образовательного потенциала советская администрация КВЖД руководствовалась принципом национального равноправия. Граждане СССР и Китая могли обучать и воспитывать детей в соответствии с требованиями законодательства своих стран, русские и китайские дети имели равные права на получение образования, китайские власти были полномочны осуществлять общий надзор за деятельностью всех учебных заведений на КВЖД [10. С. 38]. Последнее интерпретировалось как признание суверенного права китайского народа.

Реформа сопровождалась расширением сети ведомственных школ и модернизацией их материально-технической базы. При первом советском управляющем КВЖД А.Н. Иванове для этой цели Учебному отделу выделили на 1925 и 1926 гг. «невиданный ещё на дороге» кредит на сумму 25 000 и 23 807 руб. соответственно. Школы II ступени получили целевое фи-

нансирование для переоборудования химических и физических лабораторий в размере 900 руб. на школу; на переоборудование естественноисторических кабинетов 34 школам I ступени выделили по 200 руб., а школам II ступени – по 300 руб. [10. С. 28]. Часть средств направили на модернизацию школьных мастерских, развитие пришкольных участков и другие пособия школам.

В соответствии с принципом трудового обучения для развития в детях навыков к труду и поощрения их самодеятельности по самообслуживанию семьи и школы в железнодорожных учебных заведениях были открыты или восстановлены существовавшие ранее вспомогательные учреждения: мастерские для обучения столярному, слесарному и картонажно-переплетному ремеслу, выпиливанию и выжиганию по дереву. Получили развитие пришкольные садово-огородные участки и приусадебные хозяйства, где школьники овладевали агротехническими и специальными ботаническими знаниями и научными методами ведения сельского хозяйства.

На 1 января 1926 г. ведомственная сеть включала 102 учебных заведения общего и профессионального образования с 13 814 учащимися [12. С. 312–314]. В том числе: 76 русских школ I, II и III ступени (52, 19 и 5), 17 китайских школ, 7 профессиональных школ и 2 вуза. Для удовлетворения потребности в образовании детей из семей русских и китайских железнодорожных служащих, проживавших на отдаленных разъездах, на линии дороги открыли 8 общежитий на 344 пансионера [10. С. 27]. Однако из-за отсутствия данных по численности русских и китайских пансионеров определить их соотношение по национальному признаку не представляется возможным.

По сравнению с 1925 г. смета школьного строительства в 1926 г. увеличилась на 60% [Там же. С. 36]. Из 93 ведомственных начальных и средних школ администрация КВЖД полностью оплачивала содержание 66 учебных заведений (54%), из них китайских – 25 и русских – 41. При этом 46% русских школ самостоятельно формировали свои бюджеты, основу которых составляла плата учащихся за обучение и дотация от Учебного отдела КВЖД на коммунальные платежи.

Таким образом, в начале модернизации системы образования на КВЖД наблюдались быстрый темп наращивания сети ведомственных учебных заведений, их финансовая стабилизация и укрепление материальной базы. В сравнении с 1923 г. общая численность ведомственных учебных заведений увеличилась на 44%, численность учащихся – на 38%. Динамика общего образования отражала тенденцию сокращения разрыва между численностью начальных и средних школ.

Целью первой реформы школы в Советской России провозглашалось воспитание человека новой эпохи, что, в частности, определило тесную связь советской системы образования с идейно-политическим компонентом. Новые идеи транслировались в советскую школу через содержание учебных программ и учебной литературы. Школьные библиотеки КВЖД пополняли советскими учебниками в централизованном порядке. Так, в 1926 г. из Москвы прислали 4 справочных библиотеки для учителей и 45 комплектов учебников [10. С. 27]. Следовательно, учебной литературой из СССР сумели обеспечить 48% ведомственных школ. Факт поставки советских учебников в Маньчжурию важен также для понимания того, по каким программам учились в школах КВЖД. Проведённый в своё время автором данной статьи сравнительный анализ «Временных программ обучения в начальных школах» 1916 г. и комплексных программ Наркомпроса 1923 г. показал, что моделью для советских комплексных программ послужили учебные программы Игнатьева [13. С. 20–21]. Составители советских программ также отказались от предметного принципа подачи материала и сгруппировали его в предметные комплексы: 1) природа и человек; 2) общество; 3) труд. От программ Игнатьева (и созданных на их основе учебных программ для школ КВЖД) советские учебные программы отличались включением в естественнонаучный цикл обществоведческого и политико-экономического компонента, дающего представление о государственном строе Советской России, марксистской политической экономии и современности, марксистском учении о государстве диктатуры пролетариата и основах экономической политики большевиков. В программах предшественников такая связь была исключена.

В октябре 1924 г. советская администрация упразднила Церковный отдел КВЖД, а с 1 января 1925 г. отменила кредиты на преподавание Закона Божия в ведомственных школах, закрыла церкви при учебных заведениях, отменила утреннюю молитву и вообще какое-либо присутствие РПЦ в школе [14. С. 161–162]. Атеизм и марксистские идеи в содержании учебных программ становились ключевыми моментами в формировании *новой* (советской) *идентичности*.

По данным Статистического бюро КВЖД, в 1925–1926 гг. по учебным программам школ СССР занимались в пяти частных русских школах III ступени (9-летках), подведомственных КВЖД и расположенных на станциях Бухэду, Цицикар, Имяньпо, Ханьдаохэцзы и Пограничная [12. С. 313]. В Харбине были две средние школы, хотя и неподведомственные Учебному отделу, но работавшие по программам школ II ступени СССР: 7-классная Смешанная русско-китайская реальная гимназия Г.А. Лас и 8-классная Первая харбинская общественная гимназия, включенная в сеть школ СССР [11. С. 203–204].

Организация занятий в ведомственных школах по инновационным американским методикам – Дальтон-плану Е. Паркхерст и методу проектов Дж. Дьюи – ориентировала учеников на исследовательские задачи и самостоятельную работу и предлагалась в качестве альтернативы дореволюционной классно-поурочной системе. Первым учебным заведением на КВЖД, организовавшим учебный процесс по Дальтон-плану, была школа II ступени им. инженера Юговича в Харбине (бывшая 3-я гимназия) [15. С. 40].

Поощрялось всемерное развитие ученической самодеятельности путем создания различных общественных организаций. Введённое в 1917 г. в ведомственных школах самоуправление просуществовало недолго и с 1919 г. было свёрнуто, и Советы школ заменили традиционными педсоветами. В советский

период стали вводить формы самоуправления, аналогичные принятым в учебных заведениях СССР: советы народного образования (*СНО*) и ученические комитеты (*учкомы*), которые получили равные права с администрацией и педагогическим советом школы. Поощрялось всемерное развитие ученической самодеятельности путем создания различных общественных организаций. Самыми распространенными были *санитарные комиссии* и разного рода *кружки.* В середине 1920-х гг. они работали во всех школах на линии дороги. Члены санкомиссий следили за чистотой и порядком в школьных помещениях, разъясняли сверстникам и демонстрировали на личном примере элементарные правила личной гигиены, занимались санитарным просвещением дома. Подавляющее большинство кружков создавалось поклассно. При этом научно-образовательные кружки преобладали над литературными, драматическими, художественными и спортивными, что давало повод говорить о доминировании руководителей-взрослых в кружковом движении и подчинении его учебным целям, а следовательно, об ограничении самодеятельности учеников [10. С. 29].

Постоянно или эпизодически учащиеся выпускали оперативные издания – *стенгазеты, школьные газеты* и *школьные журналы.* Тематические материалы таких изданий отражали новую политическую и социальную реальность: «Красный Октябрь», «Труд и Школа», «К Труду и Знанию», «Наш санитар», «Наш живой уголок», «Ленинские Дни в Школе», «Два года без Ленина», «Как жил и работал Ленин», «Ленин и Октябрь», «Ленин ранен», «Что рассказали школьники о Ленине» и т.п. Наиболее удачными школьными журналами считались «Наше Эхо» и «Первопуток».

Школьные кооперативы базировались на самодеятельности детей и товарном или денежном кредите от действовавших кооперативных организаций. Минимальный вступительный взнос для школьников составлял 5 копеек, а паевой – 50 копеек в год, предусматривалась выплата взносов в рассрочку [Там же. С. 30]. Через школьные кооперативы учащиеся обеспечивали себя письменными принадлежностями и материалами для ручного труда, реже – учебниками. По данным Учебного отдела КВЖД, развитие кооперативного движения тормозилось из-за нехватки финансовых средств, двухсменных занятий в школах и отсутствия соответствующего организационного опыта у детей. Тем не менее в 1926 г. кооперативным движением было охвачено уже 25–30% от общего числа учащихся в образовательных заведениях КВЖД, что является, на наш взгляд, довольно приличным показателем для столь короткого срока существования школьной кооперации. По всей видимости, школьная кооперация на КВЖД была специфическим явлением, так как в Дальневосточной области РСФСР она либо отсутствовала, либо находилась в зачаточном состоянии, во всяком случае в официальных источниках о ней не упоминали.

Советская школа вовлекалась в политическую жизнь. Комсомольские и пионерские организации появились на КВЖД в самом начале 1920-х гг. Первый съезд российского комсомола Северной Маньчжурии состоялся в марте 1921 г., а первая пионерская организация появилась в 1923 г. [3. С. 86]. В советский период *пионерскому движению* старались придать массовый характер. Так, конференция учащихся советских школ Харбина (1925) призвала «вести неустанную пропаганду рабочего дела и воспитывать себя в духе учения великого пролетарского вождя – Ленина» [Там же]. Основной костяк пионерского движения составляли дети служащих КВЖД, членов ВКП(б) или советских профсоюзов. В 1926 г. пионерская организация на КВЖД насчитывала 3 тыс. участников [14. С. 176], её удельный вес в общей численности учащихся железнодорожных школ составлял около 22%. Следовательно, в пионерском движении участвовал каждый пятый ученик, и считать его в полном смысле массовым нельзя, но идейный потенциал пионерского движения делал его одним из ключевых факторов формирования советской идентичности.

Задачу модернизации материально-технической базы ведомственного образования в полном объёме решить не удалось. Собственными, специально построенными для школьных нужд помещениями располагали 11% русских школ для граждан СССР. Остальные учебные заведения ещё с дореволюционного времени довольствовались приспособленными под учебный процесс воинскими казармами или арендовали помещения у частных лиц. В условиях дефицита школьных помещений и постоянного притока учащихся ввели занятия в две или три смены.

Что же касается учебных заведений для китайцев, то ещё в дореволюционный период для них в Квантунской области, в посёлках на линии КВЖД и в Харбине были открыты несколько русско-китайских общеобразовательных и профессиональных школ, в которых занимались по программам русских учебных заведений [5. С. 224–227, 237–238]. С переходом полосы отчуждения под китайскую юрисдикцию на КВЖД стали открывать китайские школы, работавшие по планам Министерства народного образования Китая. Обучение в начальной китайской школе составляло 6 лет и включало I и II ступени с четырёх- и двухгодичными учебными курсами; средние учебные заведения делились на I и II ступени со сроками обучения по 3 года на каждой. В период Республики в новой китайской школе произошел разрыв с традиционной конфуцианской системой воспитания и образования, ориентированной на этико-политические вопросы и изучение древних китайских классиков. Новая китайская школа опиралась на естественнонаучный цикл, который являлся двигателем европейской науки, ручной труд, изучение ремесел технической специальности или другие профуклоны [16. С. 87]. Разделение школы на две ступени, введение таких дисциплин, как физика, химия, естествознание и лабораторное их усвоение, принцип трудового обучения делали новую китайскую образовательную модель отчасти схожей с русской (советской) моделью общеобразовательной школы. Сходство дополнялось организацией занятий в китайских школах по методу Дж. Дьюи, положенным в основу новой системы воспитания и образования [17. С. 62]. Наиболее продвинутой китайской средней школой ведомства КВЖД

считалось училище Пуюй. В условиях слаборазвитой системы технических школ на линии дороги усиление элементов промышленно-технического и профессионального образования в составе курса данной школы приобретало особую актуальность для подготовки национальных кадров и распространения технических знаний среди китайского населения.

С 1926 г. началось обострение отношений между СССР и Китаем из-за попыток маршала Чжан Цзолина вытеснить СССР и захватить КВЖД. В контекст этой борьбы входило переподчинение китайским властям подведомственных железной дороге учебных заведений. Националистически настроенная китайская администрация рассматривала новую русскую школу как опасный источник пропаганды коммунистических идей, влиявший на умонастроения китайского населения ОРВП и разлагающий русскую и китайскую молодёжь.

Слухи о предстоящей «китаизации» железнодорожных школ и упразднении Учебного отдела КВЖД вызывали тревогу у служивших на дороге советских подданных. Вопрос о правомерности таких действий со стороны китайских властей задавали председателю правления КВЖД Лю Шанцину на Мукдэнской конференции (май 1926 г.). Лю Шанцин успокаивал советскую сторону заявлением о том, что слухи об изменении деятельности учебного отдела действительно существуют, но значения не имеют [18. С. 1]. Однако спустя три месяца (24 августа 1926 г.) глава ОРВП генерал Чжан Хуансян издал указ об упразднении Учебного отдела КВЖД и передал его дела и сметные суммы в распоряжение образованного им Управления народного просвещения ОРВП, а 4 сентября китайцы захватили и опечатали помещение Учебного отдела [Там же. С. 2].

Что же касается ответной реакции советского правительства на эти события, то принятые в марте–сентябре 1926 г. решения Политбюро ЦК ВКП(б) защищали, в первую очередь, экономические интересы советского государства, но мало способствовали защите интересов советских граждан в сфере образования. Решением 18 марта руководство КВЖД передали Наркомату путей сообщения, 13 мая приняли решение об изъятии части принадлежавшей советской стороне прибыли «на общегосударственные нужды СССР», а после захвата Учебного отдела КВЖД китайцами на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) 7 сентября 1926 г. решили «воздержаться от открытия новых школ» [14. С. 114].

С декабря 1927 г. управление русскими железнодорожными школами перешло в 4-й отдел Департамента народного просвещения (ДНП). Руководителем этого отдела назначался советский чиновник, который подчинялся теперь вышестоящему китайскому администратору. Все высшие учебные заведения, включая Русско-китайский политехнический институт и Юридический факультет, переподчинили в непосредственное ведение Управления Главноначальствующего ОРВП [19. С. 231]. Перераспределение властных полномочий содействовало усилению давления китайской администрации на железнодорожные школы для русских детей. С приходом в ноябре 1928 г. на должность начальника ДНП Чжан Гочена, в прошлом личного секретаря маршала Чжан Сюэляна, контроль над русскими школами стал принимать тотальный характер. Школьные мероприятия (концерты, спектакли, школьные вечера и собрания, заседания родительского комитета и т.п.) подвергались предварительной цензуре в ДНП за 10 дней до начала проведения мероприятия. Переписка осуществлялась только на китайском языке через ДНП, минуя 4-й отдел. Приказами китайского начальника ДНП № 249 и № 421 от 5 февраля и 4 марта 1929 г. вводились правила, регламентирующие организационную жизнь школ, включая порядок и сроки проведения мероприятий. Под контроль китайской администрации была поставлена учебная работа в школах КВЖД и проведена смена государственной символики [14. С. 125–126].

Появились диспропорции в распределении финансовых средств для русских и китайских школ. Так, фонд оплаты труда по русским школам в 1926 г. вырос на 20,4%, а по китайским – на 70,4%. Стоимость содержания одного ученика в русских школах I ступени составила 69 руб. 87 коп., в китайских – 77 руб. 53 коп., в русских школах II ступени – 137 руб. 70 коп., в китайских – 272 руб. 25 коп. [10. С. 29, 36]. Официальное объяснение разницы в стоимостном содержании учащихся сводилось к тому, что школьное строительство для детей китайских рабочих и служащих началось в более благоприятных политических условиях, а также к более дорогой стоимости китайских учебных пособий и материалов. Последний момент официальной версии воспринят и некоторыми современными исследователями [4. С. 23].

В 1928 г. советская администрация признала тот факт, что для русских детей в 1927/28 учебном году КВЖД не открыла ни одной новой школы, прекратилось выделение средств на ремонт и капитальное строительство, но при этом число учащихся в школах для граждан СССР увеличилось за год на 1 100 чел. [15. С. 38, 46].

В целом материально-техническое состояние советских школ ухудшилось. По официальным данным, 70% русских школ оставались в приспособленных помещениях, по размерам, кубатуре и расположению не соответствовавших санитарно-гигиеническим требованиям. По примеру Советской России в железнодорожных школах стали вводить «голодную» норму объёма школьных помещений, снижавшую санитарно-гигиенические нормативы на одного ученика. В СССР она составляла 5 кв. аршин (3,6 кв. м), на КВЖД – 5,38 кв. аршин (3,8 кв. м) [Там же. С. 28]. Русские ученики продолжали заниматься в переполненных классах в две-три смены; стала ощущаться нехватка мастерских ручного труда, спортивных залов, кабинетов физики и химии.

Началось снижение социальной мобильности советского образования на КВЖД. Вследствие дефицита школьных помещений в 1927/28 учебном году появились случаи отказов в приёме в русские (советские) учебные заведения. Так, 2-я гимназия в Харбине (школа II ступени), обслуживавшая харбинский железнодорожный узел с участками по трём направлениям до станции Ашихэ, Аньда и Лаошаогоу, имела

16 классов с 640 учащимися, из которых 300 чел. были приезжими. Занятия проводились в две смены в двух зданиях, расположенных в разных местах, санитарно-гигие-нический норматив на 1 ученика школа уменьшила до 2,5 кв. м. В 1927/28 учебном году отказали в приёме 70 детям. Тогда же по аналогичной причине отказали в приёме 50 русским детям в 5-й школе II ступени (7-летке) на станции Мулин. В 11-й гимназии на станции Имяньпо, в которой учились 650 человек и работало общежитие, обеспеченность школьными помещениями была в 2,5 раза ниже нормы, из-за чего 5 младших групп занимались в общежитии, а в приёме отказали 70 ученикам. Подобные случаи имелись и в других ведомственных школах. По неполным данным, в 1927/28 учебном году почти две сотни русских детей – подданных СССР не получили доступа в ведомственные школы [15. С. 40–42]. В складывавшейся ситуации введение всеобщего начального обучения для детей служивших на КВЖД советских граждан оказалось под вопросом. Для детей китайских служащих КВЖД введение начального всеобуча завершилось в 1926 г. Не отказывали в приеме в китайские школы и детям частных для дороги лиц там, где не было поселковых школ. Таких учеников было 24,3% от общего числа учащихся в китайских школах, в русских школах – 12,7%, при этом наполняемость классов в русских школах составляла 35–40 чел., а в китайских – 20–25 [10. С. 33].

Динамика подведомственных железной дороге школ после установления фактического контроля над ними китайской администрацией ОРВП приведена в следующей таблице, составленной на основании данных ведомственной статистики.

Ведомственные учебные заведения во второй половине 1920-х гг. (Харбин – станции КВЖД)

Учебные заведения	Год		
	1926	1927	1928
По г. Харбину	29	26	16
По станциям на линии КВЖД	73	Нет свед.	19
Всего	102	Нет свед.	35

Источник: [12. С. 312–314; 15. С. 46; 19. С. 239–241; 20. С. 111–115].

В 1928 г. в распоряжении советской администрации осталось 35 ведомственных школ, или 1/3 часть от некогда принадлежавшей ей сети учебных заведений. В то же время растущий грузооборот на КВЖД требовал постоянного обновления и притока рабочей силы. Имеющиеся в распоряжении советской администрации ведомственные школы уже не восполняли потребности в воспроизводстве собственных квалифицированных кадров специалистов [15. С. 38], что было чревато снижением производительности труда, а следовательно, и снижением доходов, получаемых от эксплуатации дороги. Последнее обстоятельство тревожило советское руководство, так как часть полученной от эксплуатации КВЖД прибыли, принадлежавшая советской стороне, направлялась для решения задачи ускорения темпов индустриального строительства в СССР. В связи с этим советская администрация КВЖД объявила о начале реализации 5-летнего плана школьного строительства для детей железнодорожников – граждан СССР на период 1928–1932 гг. [15]. Упорядочение работы ведомственных школ вписывалось в контекст воспроизводства квалифицированной рабочей силы на КВЖД и реализации плановых заданий первой пятилетки в СССР. Однако из-за последующих военно-политических событий (вооружённого конфликта на КВЖД между СССР и Китаем 1929 г. и японской оккупации Маньчжурии, осуществлённой в сентябре 1931 г.) поставленная задача решена не была.

Таким образом, комплекс мер по реформированию сети ведомственных школ, на практике воплощавший политику Советского государства в сфере образования, был реализован на линии КВЖД в довольно сжатые сроки, в 1924–1926 гг. В этот период законодательно введён единый тип образовательного учреждения – «единая трудовая школа»; учебно-воспитательный процесс трансформировался на новых принципах воспитания и формах повседневной практики, принятых в советских школах и адаптирующих учеников к новой социально-политической реальности. Реформирование школ на КВЖД коррелировалось с реформой единой трудовой школы, интегрировало их в советское образовательное пространство.

Число ведомственных школ достигло своего максимума, существенно увеличился и контингент учащихся. В целом образовательная политика советской администрации обеспечила поступательную динамику школьного строительства и стабилизацию финансового положения ведомственных учебных заведений, хотя задача модернизации материально-технической базы железнодорожных школ из-за обострения военно-политической обстановки на КВЖД была решена не полностью.

Следует подчеркнуть, что советская реформа единой трудовой школы непосредственно связана с реформой единой школы П.Н. Игнатьева, начатой в 1915–1916 гг. и продолженной на КВЖД в 1917–1923 гг. В данном контексте советские комплексные программы можно рассматривать как модифицированные на основе положений «Декларации о единой трудовой школе» «Временные программы…» П.Н. Игнатьева. Отличительной чертой советской реформы являлась тесная связь учебно-воспитатель-ного процесса с идеологией и политикой. При этом его содержание трансформировалось по аналогии со школами в СССР и имело целеполаганием формирование новой (советской) идентичности.

Советская школьная реформа проходила на территории другого государства и прямо зависела от военно-политической обстановки, складывавшейся на линии КВЖД. Соперничество между СССР и Китаем за обладание железной дорогой закончилось вытеснением советской стороны, а в сфере образования привело к свёртыванию школьной реформы. На фоне угрозы потери КВЖД она утрачивала в глазах советского правительства свою актуальность.

В 1927–1929 гг. система ведомственных учебных заведений функционировала в условиях нарастающего идеологического и административного давления с китайской стороны и существенного сокращения в школьном строительстве на КВЖД объёмов влияния

советской администрации. Прямым следствием политических манифестаций китайского правительства явилось перераспределение в свою пользу материальных ресурсов школьного строительства, сопровождавшееся нарушением прав русских детей – подданных СССР на получение образования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Еропкина О.И. Русская школа в Маньчжурии первой трети XX века: тенденции развития и проблемы : автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 2002. 170 с. URL: http://www.lib.ua-ru.net/diss/cont/108124.html (дата обращения: 20.08.2016).
2. Косинова О.А. Традиции российского педагогического зарубежья на территории Китая в конце XIX – первой половине XX веков : автореф. дис. … д-ра пед. наук. М., 2009. 43 с.
3. Потапова И.В. Русская система образования в Маньчжурии. 1898–1945 годы : дис. … канд. ист. наук. Хабаровск, 2006. 251 с.
4. Чэ Чуньинь. Научно-образовательная и духовно-культурная деятельность российской диаспоры в Китае (1920–1940-е годы) : дис. … канд. ист. наук. Владивосток, 2014. 187 с.
5. Этнокультурные и социально-экономические проблемы освоения смежных территорий Северо-Восточной Азии: российский Дальний Восток, Северо-Восточный Китай, о Хоккайдо (Япония) (XVII – первая половина XX в.). Владивосток : Рея, 2013. 256 с.
6. Материалы по реформе средней школы: примерные программы и объяснительные записки, изданные по распоряжению г. Министра народного просвещения. Петроград : Сенатская тип., 1915. 553 с.
7. Государственный архив Иркутской области. Ф. 63. Оп. 1. Д. 739.
8. Краткий обзор деятельности Учебного отдела дороги // Экономический вестник Маньчжурии. Харбин. 1923. № 23–24. С. 16–20.
9. Государственный архив Хабаровского края. Научно-справочная библиотека. Ед. хр. 2303.
10. Филиппович К. Советские и китайские школы на КВЖД // Вестник Маньчжурии. Харбин. 1926. № 5. С. 27–39.
11. Харбин–Фуцзядянь: торгово-промышленный железнодорожный справочник / под ред. К. Очеретина. Харбин : Изд. Харбин. коммерч. агентства «Транспечати» НКПС, 1925.
12. Статистический ежегодник Экономического Бюро КВЖД. 1926. Харбин : Тип. КВЖД, 1926.
13. Белоглазова С.Б. Тихоокеанская Россия в контексте социокультурных трансформаций в 20-е годы XX в. // Материалы XXXI Российско-японского симпозиума историков и экономистов и района Кансай (Япония). 9–10 сентября 2015 г. : сб. ст. Владивосток : Дальнаука, 2016. С. 20–24.
14. Кротова М.В. СССР и российская эмиграция в Маньчжурии (1920–1950-е гг.) : дис. … д-ра ист. наук. СПб., 2014. 536 с.
15. Пятилетний план строительства школ для детей железнодорожников – граждан СССР // Вестник Маньчжурии. Харбин. 1928. № 6. С. 38–49.
16. Ершов М.Н. Индустриализация Китая и запросы технического образования // Вестник Маньчжурии. Харбин. 1928. № 7. С. 76–87.
17. Филиппович К.А. Система народного образования в Китае // Вестник Маньчжурии. Харбин. 1927. № 5. С. 61–71.
18. К положению на КВЖД // Вестник Маньчжурии. Харбин. 1926. № 7. С. 1–3.
19. Весь Харбин на 1927 год / ред.-изд. С.Т. Терновский. Харбин, 1927. 417 с.
20. Весь Харбин: адресная и справочная книга на 1926 год / ред.-изд. С.Т. Терновский. Харбин, 1926. 534 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 25 августа 2017 г.

THE REFORM OF DEPARTMENTAL SCHOOLS AT THE CHINESE EASTERN RAILWAY IN THE SECOND HALF OF THE 1920S

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 424, 58–66.
DOI: 10.17223/15617793/424/8

Svetlana B. Beloglazova, Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, FEB RAS (Vladivostok, Russian Federation). E-mail: Beloglazov1@yandex.ru

Keywords: China; USSR; CER; reform; school.

The history of Russian education in Manchuria is an integral part of the history of the national education system of Russia. This article is devoted to the aspect of the history of Russian schools in the near abroad poorly studied in Russian historiography – the Soviet school reform at the Chinese Eastern Raailway (CER). The writing of the article is determined by two factors: creative transformation in the evaluation of the historical phenomenon of the Soviet school and the activation of Russian-Chinese integration processes at the present stage of reforms in Russia. The study of the historical experience of the Soviet education reform at the CER fits into this context, and a retrospective reflection on the outcomes of the modern education reform and discussions about the future of Russian-Chinese cooperation actualizes the appeal to the chosen research topic. New materials from departmental editions of the Chinese Eastern Railway were first introduced into the academic use in this article. The research tradition that developed in the Soviet period linked the reform of the Russian school of the 1920s exclusively with the transformation of the Soviet power and contrasted them with the pre-October period. The author made an attempt to revise the tradition of the methodological gap in the study of the history of education of the Imperial and Soviet periods. For the first time in the national historiography the relations between the reforms of the united school of Count P.N. Ignatiev launched in 1915–1916 and continued at the CER in 1917–1923 and the Soviet reform of the united working school completed at the CER in the second half of the 1920s are shown. A distinctive feature of the Soviet school reform from transformations of the previous period was the close connection of the educational process with ideology and politics. At the same time, the school reform at the CER was correlated with the reform of the united working school with the aim of integrating departmental schools in the educational space of the USSR and aimed at forming a new (Soviet) identity. The complex of measures for reforming the network of departmental schools was implemented at the CER in the shortest time possible and ended with the introduction of a single type of educational institution, a maximum growth in the number of departmental schools and students. The educational process was transformed on the new principles of training and forms of everyday practice adopted in Soviet schools that adapted students to the new socio-political reality. Due to the rivalry between the USSR and China for the possession of the CER, the system of departmental schools functioned in the conditions of increasing administrative pressure from the Chinese side and the decline in the influence of the Soviet administration, which led to the curtailment of the reform in the late 1920s. A direct consequence of the political manifestations of the Chinese government was the redistribution of material resources of school building at the CER, accompanied by the violation of rights of Russian children – citizens of the USSR – to receive education.

REFERENCES

1. Eropkina, O.I. (2002) *Russkaya shkola v Man'chzhurii pervoy treti XX veka: tendentsii razvitiya i problemy* [Russian school in Manchuria in the first third of the 20th century: development trends and problems]. Abstract of Pedagogy Cand. Diss. Moscow. [Online] Available from: http://www.lib.ua-ru.net/diss/cont/108124.html. (Accessed: 20.08.2016).
2. Kosinova, O.A. (2009) *Traditsii rossiyskogo pedagogicheskogo zarubezh'ya na territorii Kitaya v kontse XIX – pervoy polovine XX vekov* [Traditions of Russian pedagogical abroad in China at the end of the 19th – first half of the 20th centuries]. Abstract of Pedagogy Dr. Diss. Moscow.
3. Potapova, I.V. (2006) *Russkaya sistema obrazovaniya v Man'chzhurii. 1898–1945 gody* [Russian education system in Manchuria. 1898–1945]. History Cand. Diss. Khabarovsk.
4. Che Chunyin. (2014) *Nauchno-obrazovatel'naya i dukhovno-kul'turnaya deyatel'nost' rossiyskoy diaspory v Kitae (1920–1940-e gody)* [Scientific-educational and spiritual-cultural activities of the Russian diaspora in China (1920s–1940s)]. History Cand. Diss. Vladivostok.
5. Larin, V.L. et al. (2013) *Etnokul'turnye i sotsial'no-ekonomicheskie problemy osvoeniya smezhnykh territoriy Severo-Vostochnoy Azii: rossiyskiy Dal'niy Vostok, Severo-Vostochnyy Kitay, o Khokkaydo (Yaponiya) (XVII – pervaya polovina XX v.)* [Ethno-cultural and socio-economic problems of the development of the adjacent territories of Northeast Asia: the Russian Far East, Northeast China, Hokkaido (Japan) (17th – first half of 20th centuries)]. Vladivostok: Reya.
6. Senate Typography. (1915) *Materialy po reforme sredney shkoly: primernye programmy i ob"yasnitel'nye zapiski, izdannye po rasporyazheniyu g. Ministra narodnogo prosveshcheniya* [Materials on secondary school reform: exemplary programs and explanatory notes issued by the order of the Minister of Education]. Petrograd: Senatskaya tip.
7. State Archive of Irkutsk Oblast. File 63. List 1. File 739. (In Russian).
8. Ekonomicheskiy vestnik Man'chzhurii. (1923) Kratkiy obzor deyatel'nosti Uchebnogo otdela dorogi [A brief overview of the activities of the Training Department of the Railway]. *Ekonomicheskiy vestnik Man'chzhurii*. 23–24. pp. 16–20.
9. State Archive of Khabarovsk Krai. Reasearch and Reference Library. Unit 2303. (In Russian).
10. Filippovich, K. (1926) Sovetskie i kitayskie shkoly na KVZhD [Soviet and Chinese schools on the ECR]. *Vestnik Man'chzhurii*. 5. pp. 27–39.
11. Ocheretin, K. (ed.) (1925) *Kharbin–Futszyadyan': torgovo-promyshlennyy zheleznodorozhnyy spravochnik* [Harbin-Fujianian: trade and industrial railway directory]. Kharbin: Izd. Kharbin. Kommerch. Agentstva "Transpechati" NKPS.
12. ECR Typography. (1926) *Statisticheskiy ezhegodnik Ekonomicheskogo Byuro KVZhD. 1926* [Statistical Yearbook of the Economic Bureau of the ECR. 1926]. Kharbin: Tip. KVZhD.
13. Beloglazova, S.B. (2016) [Pacific Russia in the context of socio-cultural transformations in the 1920s]. *Proceedings of the XXXI Russian-Japanese symposium of historians and economists and the Kansai region (Japan)*. September 9–10, 2015. Vladivostok: Dal'nauka. pp. 20–24.
14. Krotova, M.V. (2014) *SSSR i rossiyskaya emigratsiya v Man'chzhurii (1920–1950-e gg.)* [The USSR and the Russian emigration in Manchuria (1920s–1950s)]. History Dr. Diss. St. Petersburg.
15. Vestnik Man'chzhurii. (1928) Pyatiletniy plan stroitel'stva shkol dlya detey zheleznodorozhnikov – grazhdan SSSR [Five-year plan for the construction of schools for children of railwaymen – citizens of the USSR]. *Vestnik Man'chzhurii*. 6. pp. 38–49.
16. Ershov, M.N. (1928) Industrializatsiya Kitaya i zaprosy tekhnicheskogo obrazovaniya [Industrialization of China and requests for technical education]. *Vestnik Man'chzhurii*. 7. pp. 76–87.
17. Filippovich, K.A. (1927) Sistema narodnogo obrazovaniya v Kitae [System of public education in China]. *Vestnik Man'chzhurii*. 5. pp. 61–71.
18. Vestnik Man'chzhurii. (1926) K polozheniyu na KVZhD [On the situation at the ECR]. *Vestnik Man'chzhurii*. 7. pp. 1–3.
19. Ternovskiy, S.T. (ed.) (1927) *Ves' Kharbin na 1927 god* [All Harbin in 1927]. Kharbin: tip. Kitayskoy vostochnoy zh. d.
20. Ternovskiy, S.T. (ed.) (1926) *Ves' Kharbin: adresnaya i spravochnaya kniga na 1926 god* [All Harbin: address and reference book for 1926]. Kharbin: tip. Kitayskoy vostochnoy zh. d.

Received: 25 August 2017

УДК 94(47).083:378.4

М.В. Грибовский

«НЕ ДЕЛО СТУДЕНТОВ НАЗНАЧАТЬ СЕБЕ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ»: КОНФЛИКТЫ МЕЖДУ ПРОФЕССОРАМИ И СТУДЕНТАМИ РОССИЙСКИХ УНИВЕРСИТЕТОВ НА РУБЕЖЕ XIX–XX вв.

Работа выполнена при поддержке гранта Правительства РФ П 220 в рамках проекта «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности» (№ 14. В25.31.0009).

Преимущественно на архивном материале характеризуются конфликтные ситуации между профессорами и студентами, имевшие место в российских университетах на рубеже XIX–XX вв., с целью реконструкции проблемных зон, отражавших кризисное состояние отечественного университета в рассматриваемый период. Предлагается классификация конфликтов, предполагающая их разделение на две больших группы: конфликты, связанные с учебным процессом, и конфликты, являвшиеся составной частью студенческого протестного движения. Сделан вывод, что к числу ключевых проблем университета, определяемых по студенческо-профессорским конфликтам, можно отнести: разрыв между представлениями студентов и профессоров о правах и возможностях учащихся в университете; ограничения для легального проявления студенческой самоорганизации, де-факто имевшей место; политизация как студенчества, так и профессуры, вызывавшая острые идейные трения одних со вторыми.

Ключевые слова: университет; профессура; студенчество; конфликты; Российская империя.

Университет является весьма консервативным общественным институтом; особенно наглядно это проявляется в повседневных практиках, в вопросах субординации, в том, какие роли исполняют члены «университетской семьи»: студенты, вспомогательный персонал, профессора, представители администрации, в том, как выстраиваются отношения между ними. Однако в прошлом российской высшей школы были периоды, когда ситуация выходила из привычного равновесия. История рубежа XIX–XX вв. дает важный и полезный материал для анализа университетских сообществ – преподавательского и студенческого – в кризисных условиях. Причем можно вести речь о двух параллельно протекавших кризисах: с одной стороны, о кризисе традиционно-патерналистской модели высшей школы, с другой – о кризисе политическом, рассматривая больной «университетский вопрос» в качестве одной из многих накопленных в стране проблем, приведших в итоге к краху империи.

Цель настоящего исследования – через характеристику конфликтных ситуаций между профессорами и студентами, имевших место в российских университетах на рубеже XIX–XX вв., реконструировать проблемные зоны, отражавшие кризисное состояние отечественного университета в рассматриваемый период.

Анализ конфликтов для реконструкции прошлого полезен тем, что подобные ситуации, отложившиеся в разнообразных источниках, обнажают проблемы, подсвечивают «узкие места» любой системы (в нашем случае – университетской), позволяют увидеть наличие разных точек зрения на один предмет.

Обобщим многочисленные конфликтные ситуации, возникавшие между студентами и преподавателями, разбив их на две тематические группы:

– конфликты, связанные с учебным процессом;

– конфликты, являвшиеся составной частью студенческого протестного движения.

Можно утверждать, что в конце XIX в. университетская жизнь большинства студентов протекала в «штатном режиме» и с точки зрения отношений между «учащими и учащимися» соответствовала представлениям о норме. Воспоминания студентов тех лет изобилуют светлыми образами профессоров и передают патетическое отношение к университету преобладающей доли мемуаристов. Однако случавшиеся эксцессы заслуживают внимания по вышеуказанной причине. Приведем несколько примеров.

К.М. Гречищев, учившийся в Томском университете (ИТУ) с 1894 г., оставил воспоминание о конфликте между студентами и профессором Е.В. Вернером, причем мемуарист подчеркивал, что Е.В. Вернер был одним из самых популярных преподавателей, чьи лекции посещались полусотней студентов. Конфликт же произошел тогда, когда студенты, застав однажды двери в лекционную аудиторию закрытыми, стали стучать, после чего появившийся профессор обругал их. «Студенты опешили. Выпад профессора ошеломил и тотчас стал предметом обсуждения студентами почти всего курса… Последовало предложение заставить профессора взять обратно свое оскорбление студентов курса, а если профессор не согласится на это, не посещать его лекций, пока он не извинится перед курсом». Курсовая забастовка продолжалась более месяца, после чего, незадолго до экзаменов студенты вернулись в аудиторию [1. С. 381–384].

Профессор Московского университета (ИМУ) Н.П. Боголепов в дневниковой записи за 25 февраля 1895 г. оставил такую заметку: «Был маленький инцидент у проф[ессора] Борбова. Разбирая в аудитории историю болезней, он смеялся над грамматическими ошибками, встречавшимися в них. Студенты нашли это оскорбительным и вышли из аудитории. <…> Бобров пользуется среди них (студентов. – *М.Г.*) популярностью, – подчеркивал Н.П. Боголепов, – и, несмотря на это, был наказан» [2. С. 54–55].

Приведем еще один пример чем-то похожего конфликта, но случившегося заметно позднее. В марте 1910 г. студенты первого курса юридического факультета ИТУ обратились к профессору И.В. Михайловскому с просьбой разрешить им издать его лекции за их счет. Профессор Михайловский отказал, сославшись на то, что у тех студентов, которые ходят на

лекции, и без того они есть. В ответ студенты на общем собрании объявили о бойкоте лекций И.В. Михайловского, выдвинув ряд требований, в том числе уважительного к ним отношения со стороны преподавателя. Конфликт этот разрешился только после вмешательства университетского начальства и администрации учебного округа [3. С. 647].

Три приведенных примера объединяет то, что студентами, которые шли на конфликт в описанных ситуациях, вероятно, двигали чувство несправедливости, обида, задетая честь.

Несколько в ином свете предстают действия студентов в описании случая (март 1903 г.), отложившегося в архивных делах киевского Университета Св. Владимира (ИУСвВ), когда студенты-математики обратились к пришедшему в лекционную аудиторию профессору Д.А. Граве с просьбой не читать лекции, так как они заняты обсуждением «одного важного для них вопроса». Д.А. Граве, ссылаясь на служебный долг, отказал студентам и предложил не желавшим слушать лекцию покинуть аудиторию. После этого состоялось голосование, выявившее, что большинство студентов слушать лекцию не хотели. Староста курса объявил, что решению большинства обязано подчиниться меньшинство и предложил всем студентам покинуть аудиторию, что они и сделали. После же того, как последним вышел профессор, студенты вернулись и продолжили свое совещание. Этот эпизод, разумеется, не мог остаться незамеченным учебным начальством, однако когда после дознаний выяснилось, что студенты обсуждали лишь учебные вопросы – программы экзаменов и издание профессорских лекций, – ректор решил ограничиться объявлением выговора ряду студентов, инициировавших собрание. Министерство, которому стало известно об этом, позднее сетовало на слишком мягкое наказание, хотя и не настаивало на его ужесточении [4. Л. 1–3].

Потенциально «конфликтоёмкой» всегда оставалась процедура сдачи зачетов и экзаменов.

По сообщению директора департамента полиции П.Н. Дурново (1888 г.), профессор Харьковского университета (ИХУ) А.И. Дудукалов «получил от имени студентов медицинского факультета, не выдержавших экзамена, письмо угрожающего характера с предупреждением, что если он, профессор, будет так же строго требователен, как до сих пор, то ему будет нанесено оскорбление одним из студентов, на кого упадет жребий» [5. Л. 1]. Подобный случай в мае 1899 г. произошел в Варшавском университете (ВИУ): инспектор студентов сообщал ректору Г.Э. Зенгеру, что по окончании экзамена на V курсе медицинского факультета один из студентов обратился к профессору М.А. Васильеву с жалобой на «малую, по его мнению, отметку “удовлетворительно”, поставленную ему на экзамене, и когда профессор ответил ему, что экзаменационная комиссия не признала его ответ заслуживающим высшей отметки и что его заявление о перемене отметки необоснованно, (студент. – *М.Г.*) обратился к профессору с угрозой: “Мы это Вам припомним, профессор”» [6. К. 134–134 ob.]. Архивные материалы по истории того же университета сохранили информацию о любопытном своим размахом случае студенческих беспорядков, связанных с экзаменационным процессом. По материалам дела, разбиравшегося университетским судом, в июне 1902 г. студенты второго курса медицинского факультета «нарушали обычный порядок» хода экзамена по фармации и фармакогнозии тем, что «шумели, толпой окружали экзаменационную комиссию, настойчиво требовали объявлять им выставляемые отметки», затем покинули место проведения экзамена. После возобновления экзамен продолжался до 11 часов вечера, после чего комиссия уединилась в кабинете инспектора для выставления оценок. Когда оценки были оглашены и выяснилось, что одному из экзаменовавшихся студентов выставлена неудовлетворительная оценка, студенты вновь взволновались и стали требовать её исправления. Получивший неудовлетворительную оценку студент ворвался в аудиторию, где заседала комиссия, и «словами дерзкими и поносительными» оскорбил профессора Д.Л. Давыдова [7. К. 262 ob.–264 ob.].

Крупный конфликт разгорелся в ИВУ в феврале 1909 г. в связи с требованиями студентов перенести сроки сдачи экзаменов. Состоялась студенческая сходка; ректор Е.Ф. Карский, желая прервать собрание, пошел к студентам. Описание событий самим ректором весьма примечательно: «Аудитория оказалась битком набитой студентами, так что едва с трудом удалось добраться до кафедры. Когда я вошел, *студенты не встали, и два лица, стоявшие на кафедре, оттуда сошли только тогда, когда я сам стал перед ними* (курсив мой. – *М.Г.*)». Выступление ректора возымело эффект, но прежде чем разойтись, студенты составили заявление с перечнем требований, одно из которых предполагало принесение ректором извинений студентам. По-видимому, ректор Е.Ф. Карский весьма обескураженный этим пунктом, просил председателя сходки студента К. Врублевского указать, в чем именно ему следует извиниться, на что студент «дерзко заявил, что каждый благовоспитанный человек, желая войти в собрание и держать речь, должен испросить разрешение председателя собрания и затем, поклонившись, говорить к присутствующим (так в тексте. – *М.Г.*); между тем ректор прямо вошел на сходку и предложил немедленно разойтись, угрожая по истечении 5 минут переписать присутствующих». К. Врублевский позднее был удален из университета, тогда как абсолютное большинство студентов, участвовавших в сходке (всего переписанных участников оказалось 296 человек), избежали наказания [8. К. 54, 57, 171–173].

Особо стоит рассмотреть случаи выступлений против неудовлетворявших студентов преподавателей. С конфликта началась академическая карьера в ИХУ 31-летнего П.Н. Буцинского, назначенного в 1885 г. и.д. экстраординарного профессора по кафедре русской истории. Его первые лекции, посвященные Смутному времени, сопровождались студенческими беспорядками. После одной из лекций было распространено студенческое воззвание: «Свистки и шиканье были направлены собственно не против лекции Буцинского, которая, впрочем, заслуживала такой награды, ибо и в ней он обнаружил полнейшую не-

способность к обобщениям и выводам, что в истории самой главное – они были единственно для нас возможной формой протеста против наполнения нашей злосчастной “almamater” разного рода тупицами и бездарностями, к числу которых, несомненно, принадлежит и г. Буцинский». В воззвании содержался прозрачный намек на то, что назначение П.Н. Буцинского стало возможным исключительно благодаря протежированию со стороны профессора историко-филологического факультета В.К. Надлера, который в ближайшее время должен был стать тестем П.Н. Буцинского [9. Л. 2–3]. Впрочем, описанная ситуация заметно не повлияет на карьеру П.Н. Буцинского в университете. Он останется преподавать на историко-филологическом факультете; в 1893 г. станет ординарным профессором, а в 1913 г. выйдет в отставку.

1910 год в Казанском университете (ИКУ) ознаменовался выступлениями против профессора И.М. Догеля, вызванными неудовлетворенностью студентов им как преподавателем и экзаменатором. 13 октября 1910 г. во время лекции 130 студентов-медиков подписали заявление следующего содержания: «В виду того, что профессор И.М. Догель уклоняется от принятой для медиков программы по фармакологии и что экзамен у профессора Догеля носит анекдотический характер, мы, нижеподписавшиеся медики 3 курса, отказываемся как посещать его лекции, так равно и экзаменоваться у него, и просим факультет назначить нового профессора». Известную объективность предъявляемых к И.М. Догелю претензий в мягкой форме подтвердил и ректор университета Г.Ф. Дормидонтов, указав в письме попечителю учебного округа А.Н. Деревицкому на преклонный возраст профессора (в 1910 г. И.М. Догелю было уже 80 лет) и его болезненное состояние. Исключительности этому случаю добавляет то, что недовольные профессором студенты не только публично высказывали свое неудовлетворение, но и обратились к профессору ИТУ П.В. Буржинскому, находящемуся тогда в Санкт-Петербурге, с предложением объявить в ИКУ курс параллельный курсу профессора Догеля. Из письма Попечителя А.Н. Деревицкого в министерство следует, что у студентов были сведения якобы от профессора Ф.Я. Чистовича о том, что, «левая профессура уже изъявила согласие на приглашение Буржинского, а правая обещала ничего не иметь против этого». Несмотря на упоминавшуюся в документах политическую подоплеку («левая профессура»), ректор ИКУ всякие политические мотивы в деле с бойкотом профессора Догеля отрицал: «Я уже имел случай докладывать, что с политикой это недовольство не имеет ничего общего, хотя давно известно старание и умение политических агитаторов использовать всякое недовольство учащейся молодежи в политических целях». Сообщая попечителю предысторию и подробности конфликта, ректор ИКУ писал, что до объявления бойкота профессору Догелю группы студентов дважды подходили к нему с просьбой о смене преподавателя. «Я ответил, – пишет ректор – что такой жалобы я не могу принять, так как не дело студентов назначать себе преподавателей» [10. Л. 1, 1 об., 9 об., 12–12 об.]. Вся эта история, вызвавшая обильную переписку, не имела практического результата. П.В. Бурижинский останется в Санкт-Петербурге, где будет заведовать кафедрой в психоневрологическом институте, а И.М. Догель останется в ИКУ до своей кончины в 1916 г.

По приведенным кейсам видно, что трения, связанные с учебным процессом, могли быть вызваны самыми разнообразными поводами, и, судя по тому, как случаи отразились в источниках, имели место как примеры, конфликтов, когда действия студентов было сложно назвать оправданными, так и случаи, когда студенческая реакция была эмоционально и морально объяснима. Обращает на себя внимание то, что большинство конфликтов приобретало массовый характер, что демонстрировало студенческую солидарность.

Однако куда более массовым явлением конца XIX – начала XX в. стали конфликты между студентами и преподавателями, сопровождавшие студенческое протестное движение.

С 1880-х гг. высшая школа Российской империи сотрясалась от серии студенческих выступлений, которые, будучи обусловленными стремлением учащейся молодежи закрепить за собой корпоративные права, подпитывались благоприятной почвой предреволюционных и революционных политических процессов в России. Студенческие выступления были направлены, как правило, против инспекции, против чрезмерного административного надзора, часто приобретали политический характер, но довольно редко сопровождались какими бы то ни было конфликтами непосредственно между волновавшимися студентами и профессорами. Архивные материалы (рапорты, донесения, отчеты, переписка руководства университетов с попечителями о студенческих беспорядках) указывают, скорее, на косвенные трения (их обычно именовали «столкновениями») между профессурой и студенчеством на фоне студенческого движения.

Обобщение множества эпизодов позволяет выделить типовые случаи (формы) таких столкновений:

– прерывание речи преподавателя;

– требование студентов прекратить лекцию, срыв занятий;

– массовое непосещение лекций.

Приведем наиболее показательные примеры.

Документы по истории университетов пестрят сообщениями о срыве занятий. Например, ИКУ (9 февраля 1902 г.): «...вчера в первом часу дня <…> около ста двадцати человек вошли в аудиторию, где читал профессор Высоцкий, прервали лекцию и устроили сходку» [11. Л. 4]. ИХУ (29 января 1911 г.): «В 11 часов утра на лекцию профессора Тимофеева, где было 7 человек слушателей, за две минуты до звонка толпа студентов до 10 человек ворвалась в аудиторию и предложила профессору прекратить чтение лекции» [12. Л. 35]. Весьма распространенной формой проявления студентами недовольства стала обструкция. ИКУ (март 1907 г.): студенты требовали от ректора, чтобы тот предложил профессорам не читать лекции, «иначе они вынуждены будут применить мирную обструкцию, состоящую, по их объяснению, в том, что они свистом, пением, шумом будут препятствовать чтению лекции» [13. Л. 25–25 об.]. Имела место и так называемая

химическая обструкция. Бывший студент Санкт-Петербургского университета (ИСПбУ) С.Г. Струмилин вспоминает о студенческой забастовке 1899 г.: «Без всякого шума и скандала они проливали под самым носом неразборчивого лектора пару стекляночек специально заготовленных для этого химиками жидкостей вроде сероуглерода или меркаптана. В аудитории распространялся совершенно невообразимый, смертельный смрад. И лектор со своими слушателями пулей вылетал оттуда. А наблюдавшие со стороны этот вылет студенты, невольно зажимая носы, лишь провожали беглецов любезными возгласами:

– Фу! Как скверно пахнет эта штрейкбрехерская наука» [14. С. 34].

О «химической обструкции» упоминается также в документах ИХУ за 1901 г. («[в студенческих прокламациях. – *М.Г.*] замалчивают такой недостойный поступок молодежи, как вытравление в Харьковском университете профессоров <…> сернистым углеродом») [15. К. 270] и ИВУ за 1911 г. («Студент 3-го курса юридического факультета Н.А. Монько находился I-го февраля в вестибюле главного аудиторного здания в толпе студентов <…> когда был разбит сосуд с сернистым аммонием, распространившим зловонный запах») [16. К. 150].

Массовое непосещение лекций или забастовки случались в ИКУ (20 ноября 1912 г.): «...в знак протеста против приведения в исполнение смертного приговора над осужденными матросами Черноморского флота» [17. Л. 1]; (13–15 марта 1914 г.): трехдневная забастовка студентов в знак протеста «против давящей русское общество реакции» [18. Л. 1, 2, 7 об.]. Можно назвать и многие другие случаи.

Вышеприведенные виды и примеры студенческих акций объединены тем, что хотя и касались конкретных преподавателей (чьи лекции тем или иным образом были сорваны), не были направлены персонально против того или иного профессора. Отказ студентов следовать правилам университетской жизни (в том числе аккуратно посещать занятия, вести себя уважительно с преподавательским составом) был демонстрацией недовольства внешними по отношению к университету обстоятельствами.

Имели место и другого рода выступления, такие как бойкот конкретных преподавателей и даже «суд над профессорами».

Попечитель Одесского учебного округа А.А. Мусин-Пушкин так описывал в министерском донесении деятельность студентов во время революции 1905–1907 гг.: «“Центральный орган” присвоил себе права судить неугодных ему профессоров, производить над ними следствие, выносить оскорбительные для их человеческого и профессорского достоинства приговоры» [19. Л. 51 об.].

Из секретной переписки между департаментом полиции и Министерством народного просвещения следует, что 13 сентября 1906 г. в ИХУ состоялась студенческая сходка, в которой приняли участие более 1 600 человек: «Большинством против 96 академистов объявлен бойкот профессорам членам русского собрания Вязигину, Денисову, Остроумову и Буткевичу» [20. Л. 1]. Архивные источники сохранили сведения про бойкот в 1908 г. профессоров ИКУ К.С. Мережковского и Е.П. Головина; здесь же можно упомянуть бойкот в 1897 г. студентами-поляками ИВУ шести профессоров за приветствие с их стороны закладки в Вильне памятника М.Н. Муравьеву, приобретшему известность в качестве руководителя подавления польского восстания 1863 г. [16. К. 70–70 ob.].

Большой резонанс в 1908 г. вызвал бойкот студентами ИКУ лекций профессора В.Ф. Залеского, который, являясь убежденным монархистом, придерживался весьма консервативных политических взглядов. В.Ф. Залеский довольно часто за свою университетскую карьеру имел столкновения со студентами и успел стать для казанского студенчества одиозной фигурой. Осенью 1908 г. столкновения студентов с профессором Залеским приобрели особо масштабный характер. Декан юридического факультета профессора Г.Ф. Дормидонтов сообщает: «20 сентября вечером, что на лекции проф[ессора] В.Ф. Залеского были <…> беспорядки, выразившиеся в том, что собравшиеся в весьма большом числе на его лекцию слушатели (записавшихся на его лекцию всего не более 10 человек) в продолжение всей лекции шумели, кричали, прерывали лектора всякими возгласами, приглашали его замолчать, уходить из аудитории и т.п., а когда он все же дочитал лекцию свою до конца, то огромная толпа сопровождала его свистом и криками до дверей читальной комнаты; после чего толпа разошлась». Возмущенные студенты заявляли, что что профессор Залеский вместо курса энциклопедии и истории философии права «читает лекции не политические темы, которым место может быть на митингах, а не в университете». В объяснении, данном декану, профессор Залеский отмечал, что он решил «предпослать своим курсам общее введение, посвященное изложению основных принципов, которых он держится в науке, для сего прочитать до начала отдельных курсов семь двухчасовых лекций на следующие темы: 1) Либерализм, 2) Парламентаризм, 3) Франкмасонство, 4) Иудейская золотая кабала, 5) О материализме и жизни духа, 6) Учение славянофилов, 7) Национальные конституции: английская, германская, русская (самодержавие)». Согласно протоколу экстренного заседания Совета ИКУ далее декан спросил профессора Залеского «не найдет ли он возможным в виду волнения, вызванного уже его лекциями, в интересах спокойствия университета прекратить их и перейти к изложению курсов применительно к экзаменным программам? Проф[ессор] Залеский ответил, что сделать этого не может, что это нарушит стройность изложения его курсов и прибавил, что волнений он не боится и готов хотя бы встретить смерть, излагая то, что он считает истиной». Было решено допускать на лекции профессора Залеского только студентов, записавшихся на его лекции, для чего выдать им особые бланки для предъявления при входе в аудиторию [21. Л. 11–14 об.].

Процедура принятия решения на студенческой сходке о бойкоте одного из преподавателей – профессора ИМУ Г.А. Захарьина подробно описана в отношении ректора ИМУ П.А. Некрасова попечителю Московского учебного округа Н.П. Боголепову от

18 октября 1897 г.: «Предложенный студентом Альянаки план совещания был следующий: сперва анамнез, т.е. история так называемой “Захарьинской истории”; затем болезнь, т.е. есть ли тут преступление со стороны проф[ессора] Захарьина; потом status praesens [состояние в настоящее время (лат.). – *М.Г.*], т.е. в каком положении находится это дело; наконец, терапия, т.е. что делать им теперь. При рассуждении по этому плану участники сходки излагали вышеуказанную “историю”, читали из журнала “Врач”, № 4 1896 г. статью Жбанкова относительно проф[ессора] Захарьина и, по предложению председателя, дополняли эти сообщения различными пояснениями и сведениями. В конце концов пришли к решению, что следует считать преступлением запись на лекции проф[ессора] Захарьина, что записывающихся нужно чуждаться и что решение это обязательно и для отсутствующих <…>. Обсуждалась и терапия, т.е. разные меры нравственного давления против слушателей проф[ессора] Захарьина. Решено имена таких студентов, как зачумленных, сообщить студентам других курсов, слушающим лекции в клиниках. Предлагалось не давать слушателям проф[ессора] Захарьина книг из студенческой библиотеки, избегать совместного с ними кураторства» [22. Л. 10 об.–11].

Особого внимания заслуживает такой феномен, как «суд над профессорами». В Новороссийском университете (ИНУ) 23 ноября 1906 г. состоялась сходка, посвященная 96-й годовщине со дня рождения хирурга Н.И. Пирогова. Три профессора (Н.А. Батуев, С.С. Головин, С.В. Левашев), выразившие, по мнению студентов, «неуважение» сходке, были преданы суду. 26 ноября 1906 г. они получили извещения следующего содержания: «Центральный орган извещает г[осподина] профессора, что согласно постановлению студенческой сходки от сего числа, он придается университетскому суду по поводу инцидента на собрании Общества Русских врачей, посвященном памяти Н.И. Пирогова». Сходка постановила до окончания суда лекций профессора не посещать, но никаких агрессивных действий по отношению к нему не применять [23. Л. 2 об.]. О «суде над профессорами» вспоминали бывший студент ИСПбУ И.В. Егоров, упоминая при этим даже ректора Э.Д. Гримма и декана историко-филологического факультета Ф.А. Брауна [14. С. 114], и вдова министра, Е.А. Боголевова [24. С. 626–627].

Лучше понять настроение студенчества помогают разного рода прокламации, широко распространяемые в дни беспорядков. Так, «Декларация Новороссийского студенчества», принятая на сходке 25 марта 1907 г., гласила: «Систематическое извращение событий на медицинском факультете со стороны правых профессоров обязывает новороссийского студенчество в целях восстановления истины <...> выступить со следующим заявлением. Со дня объявления автономии правые профессора, не мирясь с тем, что своеволие и усмотрение начальства, покровительствующего им должно уступить место профессорскому коллективу, повели систематическую борьбу против прогрессивных элементов. Не стесняясь никакими средствами, эта группа профессоров начала свою деятельность с травли союза младших преподавателей, в котором она видела наибольшую угрозу университетскому бюрократизму. <...> Говоря постоянно о святости университета как храма науки, эти профессора в своих реакционно-политических целях дезорганизовали академическую жизнь медицинского факультета <…> Сильные поддержкой реакционного правительства, они окольными, канцелярскими путями, минуя совет профессоров – высшую инстанцию автономного университета – добились утверждения избранных ими лиц. <…> Новороссийское студенчество заявляет, что попытки правых дезорганизовать университет и остановить его академическую жизнь встретят энергичный отпор со стороны всех студентов» [19. Л. 43–43 об.].

Любопытный феномен межреволюционных лет – бойкот студентами назна́ченных (а не избранных) преподавателей. Например, в 1911 г. министерство информировало попечителя московского учебного округа А.А. Тихомирова о готовившихся демонстративных студенческих акциях против профессоров Ф.Е. Рыбакова и В.А. Муратова «как назначенных Министерством» после известного ухода из ИМУ большой группы преподавателей [25. Л. 111]. В конце января 1913 г. студенты четырех первых курсов медицинского факультета ИХУ устроили трехдневную забастовку в знак протеста против факта назначения в университет Министерством народного просвещения профессора А.Ф. Брандта, переведенного из ИНУ. Забастовка проходила в форме непосещения лекций всех преподавателей. Накануне забастовки от имени «группы студ. с.-р. и с.-д.» было выпущено «Воззвание», в котором, в частности, говорилось: «Товарищи. 24-го числа вновь назначенный профессор Брандт читает первую лекцию. Вы, конечно, скажите, что назначение профессоров сделалось теперь явлением обыденным и что к этому можно было уже привыкнуть, но в прежние годы, т[оварищи], студенчество считало своим нравственным долгом выражать протест против попытки отнять остатки университетской автономии» [26. Л. 5–5 об., 8]. В воззвании упоминались петербургские профессора-назначенцы П.П. Мигулин, В.А. Удинцев и С.П. Никонов. Первый – как оставивший чтение лекций по причине бойкота его студентами, а два последних – как читавшие лекции по той же причине перед пустой аудиторией. В сентябре 1913 г. прошла однодневная забастовка студентов медицинского факультета в знак протеста против назначения в ИХУ приват-доцента Э.А. Жербовского, переведенного из Киева, вместо профессора С.С. Груздева, переведенного, в свою очередь, в Одессу [27. 17 сент.]. В январе 1914 г. на медицинском факультете ИХУ имел место студенческий протест против назначения профессора Н.П. Тринклера, выразившийся в однодневной забастовке [28. С. 12].

Большинство политических студенческих выступлений было направлено против правой профессуры. Однако в пёстром идейном ландшафте начала XX в. можно было встретить и иное явление: выступление правого студенчества против левой профессуры. Так, воззвание Студенческого отдела Союза русского народа при ИСПбУ, обращенное к «русским студентам», гласило: «Хитро льстя вашему самолюбию и

затуманивая глаза автономией Университета, шайка проходимцев жидов и инородцев захватила его в свои руки. <…> Многие из профессоров жиды и жидовствующие Русским не дают ходу» [29. Л. 127]. Однако подобного рода заявления представляли собой ничтожную долю среди массы иных, противоположного политического окраса.

Анализ приведенных примеров позволяет выявить такие проблемные зоны отечественного университета рассматриваемого периода, как:

– разрыв между представлениями студентов и профессоров о правах и возможностях учащихся в университете;

– ограничения для легального проявления студенческой самоорганизации, де-факто имевшей место;

– политизация как студенчества, так и профессуры, вызывавшая острые идейные трения одних со вторыми.

В рассматриваемый период отношения между профессурой и студенчеством усложнялись. В ходе студенческих волнений у ряда профессоров укреплялось понимание необходимости менять отношение к студенчеству как к неразумным юношам, нуждавшимся в перманентной опеке. На заседании Совета ИКУ 5 февраля 1905 г. профессор Г.Ф. Шершеневич говорил: «Надо же признать, что прошло, и безвозвратно, то время, когда администрация могла говорить: “Университет – это я”. Нет, Университет – это профессора и студенты, учащие и учащиеся. Только в их единении кроется жизненная сила Университета» [30. Л. 151 об.]. В этих словах можно разглядеть пролог к усилению позиций студенчества в вузах, типичный для первых послереволюционных лет. Как бы то ни было, патерналистская модель отношений между учащими и учащимися, устоявшаяся в XVIII – первой половине XIX в., претерпевала изменения. Естественные для всех времен межпоколенческие противоречия накладывались на беспрецедентное бурление общественной жизни. Привести университет в привычное равновесие в начале XX в. так и не удастся, поскольку новые времена требовали новых решений, которые в России будут искаться лишь в контексте революционных преобразований.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гречищев К.М. Из жизни студентов Томского университета (до 1900 г.) // Императорский Томский университет в воспоминаниях современников / сост. С.Ф. Фоминых (отв. ред.), С.А. Некрылов, М.В. Грибовский, А.В. Литвинов, С.А. Меркулов, И.А. Дунбинский. Томск, 2014.
2. Страница из жизни Московского университета: Из записок профессора Н.П. Боголепова // Русский Архив. 1913. № 1.
3. Чижков С.Л. Иосиф Викентьевич Михайловский: «Идея личности есть высшая нормативная идея» // Российский либерализм: идеи и люди. 2-е изд., испр. и доп. / под общ. ред. А.А. Кара-Мурзы. М., 2007.
4. Центральный государственный исторический архив Украины. Ф. 707. Оп. 262 (1903). Д. 9.
5. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 102. Оп. 84. Д. 458.
6. Archiwum Państwowe w Warszawie (APW). Z. 214. S. 543.
7. APW. Z. 214. S. 21.
8. APW. Z. 214. S. 28.
9. ГАРФ. Ф. 102 (Д.3). Оп. 1885. Д. 162.
10. Российский государственный исторический архив (далее РГИА). Ф. 733. Оп. 201. Д. 159.
11. Национальный архив Республики Татарстан (далее НАРТ). Ф. 92. Оп. 2. Д. 2109.
12. Государственный архив Харьковской области (далее ГАХО). Ф. 3. Оп. 287. Д. 3295.
13. НАРТ. Ф. 977. Оп. «Совет». Д. 11447.
14. Ленинградский университет в воспоминаниях современников. Л., 1982. Т. 2.
15. APW. Z. 214. S. 331.
16. APW. Z. 214. S. 540.
17. НАРТ. Ф. 977. Оп. «Совет». Д. 12346.
18. НАРТ. Ф. 977. Оп. «Совет». Д. 12801.
19. Государственный архив Одесской области (далее ГАОО). Ф. 42. Оп. 35. Д. 452.
20. РГИА. Ф. 733. Оп. 153. Д. 320.
21. НАРТ. Ф. 977. Оп. «Совет». Д. 11683.
22. Центральный государственный архив города Москвы (далее ЦГАМ). Ф. 459. Оп. 2. Д. 4931.
23. ГАОО. Ф. 42. Оп. 35. Д. 440.
24. Боголепова Е.А. Николай Павлович Боголепов. Пред попечительством в Московском Учебном Округе // Русский Архив. 1906. № 4.
25. ЦГАМ. Ф. 459. Оп. 2. Д. 4933.
26. ГАХО. Ф. 3. Оп. 287. Д. 3725.
27. Южный край (Харьков). 1913.
28. Староверов Б. Немецкое пленение Харьковского университета. Харьков, 1915.
29. ГАРФ. Ф. 588. Оп. 1. Д. 1443.
30. НАРТ. Ф. 977. Оп. «Совет». Д. 11101.

Статья представлена научной редакцией «История» 4 июля 2017 г.

“IT IS NONE OF STUDENTS’ BUSINESS TO APPOINT TEACHERS THEMSELVES”: CONFLICTS BETWEEN PROFESSORS AND STUDENTS OF RUSSIAN UNIVERSITIES AT THE TURN OF THE 20TH CENTURY

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 424, 67–73.
DOI: 10.17223/15617793/424/9

Mikhail V. Gribovskiy, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: mgrib@mail2000.ru

Keywords: university; professorship; students; conflicts; Russian Empire.

The article aims to reconstruct the problem areas that reflect the crisis of the Russian university at the turn of the 20th century through the description of conflict situations between professors and students that took place in this period. This research was conducted on the basis of published memoirs, as well as documents extracted from the State Archive of the Russian Federation, the State

Archive of the Capital City of Warsaw, the Central State Historical Archives of Ukraine, the Russian State Historical Archive, the Central State Archive of Moscow, the National Archives of the Republic of Tatarstan, the State Archives of Odesa Oblast, the State Archives of Kharkiv Oblast, the State Archive of Saratov Oblast. The author gives a classification of conflicts, their division into two large groups: 1) conflicts associated with the educational process and 2) conflicts that were part of the student protest movement. During the educational process, sometimes there were conflicts caused by a sense of injustice, a students' resentment of their professors. There were speeches against teachers who did not satisfy students' demands. The procedure for passing tests and exams was always potentially "conflict-intensive". However, conflicts between students and teachers that accompanied the student protest movement were much more widespread in the late 19th and early 20th centuries. There were student strikes, boycotts of certain teachers and even "trials of professors". The main part of political student speeches were against the "right-wing" professors who adhered to monarchical views. The author comes to a conclusion that the key problems of the university, determined by student-professor conflicts, were the following: gap between the views of students and professors about the rights and opportunities of students at the university; *de facto* restrictions on the legal manifestation of student self-organization; politicization of both students and professors which caused acute ideological tensions. It is important to note that during the period under review relations between professors and students became more complicated. During student riots, a number of professors strengthened their understanding of the need to change attitudes towards students as unreasonable young men who needed permanent guardianship. The paternalistic model of relations between teachers and students established in the 18th – first half of the 19th century was a thing of the past.

REFERENCES

1. Grechishchev, K.M. (2014) Iz zhizni studentov Tomskogo universiteta (do 1900 g.) [From the life of students at Tomsk University (before 1900)]. In: Fominykh, S.F. (ed.) *Imperatorskiy Tomskiy universitet v vospominaniyakh sovremennikov* [Imperial Tomsk University in the memoirs of contemporaries]. Tomsk: Tomsk State University.
2. Russkiy Arkhiv. (1913) Stranitsa iz zhizni Moskovskogo universiteta: Iz zapisok professora N.P. Bogolepova [A page from the life of Moscow University: From the notes of Professor N.P. Bogolepov]. *Russkiy Arkhiv*. 1.
3. Chizhkov, S.L. (2007) Iosif Vikent'evich Mikhaylovskiy: "Ideya lichnosti est' vysshaya normativnaya ideya" [Iosif Vikentievich Mikhailovsky: "The idea of personality is the highest normative idea"]. In: Kara-Murza, A.A. (ed.) *Rossiyskiy liberalizm: idei i lyudi* [Russian liberalism: ideas and people]. 2nd ed. Moscow: Novoe izdatel'stvo.
4. Central State Historical Archives of Ukraine (TsGIAU). Fund 707. List 262 (1903). File 9.
5. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 102. List 84. File 458. (In Russian).
6. State Archive of the Capital City of Warsaw (APW). Unit 214. pp. 543. (In Polish).
7. State Archive of the Capital City of Warsaw (APW). Unit 214. pp. 21. (In Polish).
8. State Archive of the Capital City of Warsaw (APW). Unit 214. pp. 28. (In Polish).
9. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 102 (D.3). List 1885. File 162. (In Russian).
10. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 733. List 201. File 159. (In Russian).
11. National Archives of the Republic of Tatarstan (NART). Fund 92. List 2. File 2109. (In Russian).
12. State Archives of Kharkiv Oblast (GAKhO). Fund 3. List 287. File 3295.
13. National Archives of the Republic of Tatarstan (NART). Fund 977. List "Sovet". File 11447. (In Russian).
14. Ezhov, V.A. & Mavrodin, V.V. (eds) (1982) *Leningradskiy universitet v vospominaniyakh sovremennikov* [Leningrad University in the memoirs of contemporaries]. Vol. 2. Leningrad: Leningrad State University.
15. State Archive of the Capital City of Warsaw (APW). Unit 214. pp. 331. (In Polish).
16. State Archive of the Capital City of Warsaw (APW). Unit 214. pp. 540. (In Polish).
17. National Archives of the Republic of Tatarstan (NART). Fund 977. List "Sovet". File 12346. (In Russian).
18. National Archives of the Republic of Tatarstan (NART). Fund 977. List "Sovet". File 12801. (In Russian).
19. State Archives of Odesa Oblast (GAOO). Fund 42. List 35. File 452.
20. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 733. List 153. File 320. (In Russian).
21. National Archives of the Republic of Tatarstan (NART). Fund 977. List "Sovet". File 11683. (In Russian).
22. Central State Archive of Moscow (TsGAM). Fund 459. List 2. File 4931. (In Russian).
23. State Archives of Odesa Oblast (GAOO). Fund 42. List 35. File 440.
24. Bogolepova, E.A. (1906) Nikolay Pavlovich Bogolepov. Pred popechitel'stvom v Moskovskom Uchebnom Okruge [Nikolai Pavlovich Bogolepov. Prior to guardianship in the Moscow Academic District]. *Russkiy Arkhiv*. 4.
25. Central State Archive of Moscow (TsGAM). Fund 459. List 2. File 4933. (In Russian).
26. State Archives of Kharkiv Oblast (GAKhO). Fund 3. List 287. File 3725.
27. *Yuzhnyy kray*. (1913).
28. Staroverov, B. (1915) *Nemetskoe plenenie Khar'kovskogo universiteta* [German captivity of Kharkov University]. Khar'kov: Tipografiya "Mirnyy trud".
29. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 588. List 1. File 1443. (In Russian).
30. National Archives of the Republic of Tatarstan (NART). Fund 977. List "Sovet". File 11101. (In Russian).

Received: 04 July 2017

Вестник Томского государственного университета. 2017. № 424. С. 74–79. DOI: 10.17223/15617793/424/10

УДК 316.334.56 (571.5) "17/18"

Е.В. Комлева

«МЕСТО ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЙ И БЕЗЗАКОНИЙ»: ТУРУХАНСК В КОНЦЕ XVIII – НАЧАЛЕ XIX в.

Статья подготовлена в рамках работы по проекту РГНФ № 16-11-24009 а(р) «Туруханский край: освоение и изучение в конце XVIII – начале XX в.» при финансовой поддержке краевого государственного автономного учреждения «Красноярский краевой фонд поддержки научной и научно-технической деятельности».

Статья посвящена характеристике одного из самых северных городов Российской империи на рубеже XVIII–XIX вв. – Туруханска. Описаны городская застройка, состав, быт и занятия жителей. Проанализированы присущие Туруханску проблемы: неудачное расположение, трудности доставки продовольствия, злоупотребления местной администрации, крайняя бедность населения. Рассмотрены меры, предлагавшиеся для решения этих вопросов, которые, однако, из-за нехватки денежных средств не были реализованы.

Ключевые слова: сибирский Север; Туруханск; застройка; население; образ жизни; занятия; снабжение продовольствием.

Один из самых северных городов на территории Российской империи, Туруханск, к концу XVIII в. в значительной мере утратил прежнее экономическое значение крупного мехопромышленного рынка и начал испытывать усугублявшиеся с течением времени кризисные явления, приведшие в конечном счете к его запустению и упразднению. Удаленность от ближайших крупных административных центров и труднодоступность существенно усложняли контроль за порядком на обширном пространстве Туруханского уезда и развязывали руки местным чиновникам. Недаром томский гражданский губернатор В.С. Хвостов, первый из высокопоставленных лиц посетивший Туруханск и его округу, в 1805 г. отозвался о нем как о «месте злоупотреблений и беззаконий» [1. С. 161]. Что представлял собой Туруханск, как жилось в нем рядовым обывателям и представителям чиновного мира на рубеже XVIII–XIX вв. – время, которое можно считать во многом переломным в судьбе города, – этим вопросам и посвящена данная статья.

Охарактеризовать Туруханск в течение рассматриваемого периода позволяют данные историко-географических и статистических описаний [2–4; 5. С. 229–232; 6. Л. 73 об.–74], издававшихся в конце XVIII – начале XIX в. словарей [7, 8], делопроизводственные документы и свидетельства современников, отложившиеся в фондах РГИА. Среди них –донесение тобольского губернатора (по всей вероятности, Д.И. Кошелева) от 1797 г. [9. Л. 147 об.–148], подробная записка о состоянии Туруханского края В.С. Хвостова [10. Л. 3–22 об.], датируемая 1806 г. и в переработанном виде легшая в основу изданной им через три года книги [11]. Ценные зарисовки по истории города можно также найти в знаменитой «Кытмановской летописи», недавно впервые в полном виде изданной в Красноярске [1]. Содержащиеся во всех этих источниках сведения не только с разных сторон освещают внешний облик Туруханска и повседневную жизнь его населения, но и свидетельствуют, с одной стороны, о том внимании, которое уделялось как центральными, так и сибирскими властями освоению Севера, а с другой – о многочисленных трудностях в этом непростом, требующем больших финансовых вложений деле.

Несмотря на явный упадок зверодобычи в низовьях Енисея [12. С. 283], некоторые современники все же продолжали связывать будущее Туруханска и прилегающее к нему округи именно с торговлей пушниной. Иключительную роль пушной торговли для Туруханска показывает и утвержденный в 1785 г. герб города: в зеленом поле серебряный песец. В донесении Д.И. Кошелева говорилось: «…нахожу, что города Ялуторовск, Курган, Туруханск, Томск можно назвать действительными городами сколько по обстроению оных, столько и по удобности для торговли, а особливо Туруханск, ибо тут бывает небезважной съезд купечества» [9. Л. 148]. Известная далеко за пределами Сибири туруханская ярмарка проходила ежегодно с 15 июня по 15 июля и собирала во второй половине XVIII – начале XIX в. до 500 купцов из разных городов, в том числе из Енисейска, Иркутска, Москвы, Архангельска [13. С. 208]. В неудачные для зверопромышленности годы цены на пушнину возрастали в несколько раз: в 1815 г. на Туруханской ярмарке соболь оценивался в 16 руб. 41 коп., песец с лапами – в 7 руб. 20 коп., без лап – в 6 руб. 50 коп., «сорочок» песцовых лап – 13 руб. 76 коп., медвежья шкура – 15 руб., белка – в 66,50 коп., горностай – в 71 коп. [1. С. 183–184].

Однако более внимательное знакомство с ситуацией в Туруханском крае и его столице указывало на наличие множества требующих решения проблем. Во время своей поездки В.С. Хвостов не меньше, чем суровостью Севера, был потрясен размахом злоупотреблений туруханской администрации. По его словам, «в течение около осьми лет человек десять чиновников в Туруханске было сменено и суду предано» [10. Л. 8]. Источником соблазна, способным принести дополнительные средства, служили казенные провиантские магазины и сбор ясака. «В ужасном состоянии» находилось и местное судопроизводство, когда состоявший «под следствием инородец, посаженный в тюрьму до решения дела, погибает от голода, печали и одиночества» [1. С. 161–162]. В довершение всего в среде туруханского чиновничества нередко происходили различные скандалы. Наиболее громкий из них был связан с личностью некоего бывшего уездного стряпчего Петухова, осмелившегося пойти на конфликт с самим сибирским генерал-губернатором И.Б. Пестелем, которого многие современники обвиняли в злоупотреблениях и притеснени-

ях [14]. В дело оказались втянуты туруханский исправник Якубовский, судья Вроблевский, стряпчий Борисов, томский губернатор В.Р. Марченко. В 1811 г. Петухов даже был вызван в С.-Петурбург для личных объяснений в Сенате, после чего было повелено определить его на службу в Архангельск, но он, не выдержав преследований Пестеля, сошел с ума – как пишет В.И. Штейнгейль, «немного свихнулся: занялся исчислением с удивительной подробностью пространства и вместимости Ноева Ковчега, и этот Египетский труд с планом посвятил Государю, яко дань верноподданной благодарности за избавление от Пестеля» [1. С. 175–176; 15. Л. 9 об.–10].

Ознакомившись с размерами творившихся беззаконий, а также учитывая неудачное расположение Туруханска на удалении отглавной транспортной артерии края – Енисея, В.С. Хвостов пришел к выводу, что нет никакого резона тратить казенные средства на содержание управленческого аппарата в далеком Туруханске и предложил город «уничтожить», а Туруханский уезд, «обратив в комиссарство, приписать к Енисейску», комиссарству же «быть при Троицком монастыре» [10. Л. 9 об.–10].

Надо сказать, что впервые замыслы по переносу Туруханска на другое, более благоприятное место начали серьезно прорабатываться еще в последней четверти XVIII в.: в РГИА отложились детальные карты предполагавшейся застройки нового Туруханска с визой генерал-губернатора Пермского и Тобольского наместничества Е.П. Кашкина, т.е. составленные между 1782 и 1788 гг. [16. С. 51–52]. В пояснении к плану местности «между городом Туруханом и Троицким туруханским монастырем» говорилось, что он «учинен для рассмотрения к перенесению города Туруханска с состоящего ево места к Троицкому монастырю, к устью реки НижнойТугуски (За неспособностию при прежном месте пристани пловущим рекою Енисеем судам для доставления обывателем провизии и протчего)» [17. Л. 1]. Схема же новой застройки города сопровождалась комментарием, что «при прежнем ево месте к построению пространного расположения сделать негде, да и к судовому транспорту пристань за мелкостию реки Шар отдалена» [18. Л. 1]. Кстати, перенести на другое место предполагалось и другой северный сибирский городок – Нарым [10. Л. 43; 19. С. 130]. В силу различных причин, главной из которых, надо полагать, стало отсутствие необходимых денежных средств, этим планам не суждено было осуществиться.

Помимо чиновников в Туруханске проживали священнослужители, купцы, мещане, цеховые, казаки и крестьяне. Всего «всех званий и состояний жителей» насчитывалось: в 1760-х гг. – 250 [20. С. 236], в 1790 г. – 350 [5. С. 230], в 1801 г. – 448 [6. Л. 73 об.], в 1806 г. – 388 [10. Л. 3] человек мужского пола.

Около сотни «партикулярных домов деревянных» [6. Л. 73 об.] были в беспорядке разбросаны по многочисленным кочкам и ухабам, между которыми прокладывали «хилые мосточки» [7. С. 495], поскольку «грунт земли столь топкой, что весною и осенью по улицам не можно пройти иначе, как по доскам. В самое жаркое лето не просыхают совершенно грязные лужи в городе» [10. Л. 3 об.].

Что собой представляли «партикулярные дома», видно из кратких характеристик, оставленных современниками: «черные избы» [7. С. 495], «кроме небольших в одной связи четырех недавно построенных и двух питейных новых домов, все в весьма ветхом состоянии» [10. Л. 3]. В 1820-х гг. средняя обывательская усадьба в Туруханске оценивалась в 15–30 руб. и состояла из «небольшой покрытой» избы и хлева «с оградой» или холодной крытой горницы «с небольшими сеньми», амбара и бани [21. Л. 4–4 об.]. К середине XIX в. в Туруханске оставалось «домов 30 не более», самый большой и добротный из которых состоял «из 3-х комнат и прихожей: это дворец города» [22. Л. 2]. Из описания имущества арестованных чиновников можно заключить, что жили они в лучших условиях по сравнению с рядовыми туруханскими обывателями. Например, в 1801 г. при аресте туруханского комиссара Евсеева было изъято «домовое письмо на 180 р., суконный сюртук голубого цвета 25 р., плащ синего тонкого сукна 30 р.», у исправника Солодилова – «дом, 400 р. и другое имущество» [1. С. 152–153].

Кроме ветхих обывательских строений, согласно «Описанию Тобольского наместничества», в Туруханске в конце XVIII в. находились одна деревянная церковь, 24 лавки в гостином дворе, два винных магазинов, два провиантских магазина, один соляной и два питейных дома – «и все оное строение деревянное» [5. С. 230]. Некоторые другие источники фиксируют наличие в Туруханске второй половины XVIII в. двух деревянных церквей: теплой соборной Спасопреображенской и холодной Успенской [23. Л. 3]. Обе они были указаны и на плане Туруханска 1780-х гг. [24. Л. 1]. В описании города от 1801 г. упоминается каменная церковь [6. Л. 73 об.], однако это можно считать явной ошибкой, поскольку В.С. Хвостов в 1806 г. увидел лишь довольно прочный деревянный храм [10. Л. 3]. Историку архитектуры К.Ю. Шумову удалось установить, что в 1747 г. туруханские духовные власти сочли необходимым возведение в городе двух новых церквей, поскольку старые к тому времени сильно обветшали. Одна из них – Преображенская – была построена к 1763–1765 гг. Он упоминает также о плане города, относившегося к началу 1780-х гг., на котором была отмечена только одна деревянная церковь [25]. Возможно, все эти расхождения в какой-то мере можно связать с тем, что при двух церквях население Туруханска было объединено не в два, а в один приход. Встречаются также и различные сведения о казенных строениях города.

То обстоятельство, что в городе не было ни одной прямой улицы [2. С. 495], автор «Землеописания Российской империи» Е.Ф. Зябловский объяснял тем, что «жители его не вдруг селились» [2. С. 59]. Непосредственное же начальство считало, что «городские жители обстроились не по плану, потому что оной тому городу еще не удостоился конфирмации» [9. Л. 147 об.]. Действительно, регулирование городской застройки началось лишь со второй половины XVIII в. [26. С. 249], и еще долгие годы хаотичный разброс строений был присущ и большим, и малым сибирским городам. Так, например, улицы крупного администра-

тивного, торгового и культурного центра Западной Сибири – Тобольска – и в XIX в. по-прежнему оставались «кривыми и узкими» [27. С. 51], а небольшой северный городок Нарым в 1818 г. все еще не имел утвержденного плана [19. С. 126].

Что касается Туруханска, то сохранились карты и зарисовки города, выполненные в конце XVII – первой половине XVIII в. С.У. Ремезовым, Н.К. Витсеном, И.В. Люрсениусом. К.Ю. Шумов в одной из своих работ приводит также план Новой Мангазеи, датированный 1739 г. [25]. Несмотря на это в начале 1760-х гг. Мангазейская воеводская канцелярия сообщала, что «городу… и окрестным местам чертежу не имеется» [23. Л. 6]. В 1780-х гг., когда Туруханск вошел в состав Тобольского наместничества, появилась детальная карта города с обозначением, в том числе, и строений, которые предполагалось возвести в будущем [24. Л. 1]. Однако этот план так и не был утвержден.

Город располагался среди болот и озер («часто до того задохнувшихся, что жители принуждены пить воду не редко с червями» [10. Л. 3 об.]), а во время весеннего половодья «стоящей около города на высоких берегах и пригорках лес и луга топит и едва у лесу вершины видеть можно»; реки замерзали в первой половине октября, «а иногда и ранее», а освобождались ото льда «мая в исходе» [23. Л. 4]. Посетивший Туруханск в 1840-х гг. И.П. Корнилов пишет: «Тамошний климат располагает к сну; кто не приобыкает, тот получает лихорадки и цынгу» [22. Л. 1 об.].

Жители Туруханска по преимуществу занимались зверодобычей и рыболовством, держали возможное в северных климатических условиях подсобное хозяйство. «Мастеровых и ремесленных людей» в городе было «весма мало», да и те «невысокого искуства» [5. С. 231–232]. В 1761 г. Мангазейская воеводская канцелярия сообщала: «Жительствующий народ по заобычайности находятся в летнюю пору на промысле рыбы, в осеннюю в вязке неводных рыбных сетей, а в зинюю в промысле ж клепцами разных зверей, то есть песцов и зайцов, черканами горносталей, а когда оных зверей не бывает, то по болшей части все упражняются в дроводелии» [23. Л. 3 об.]. Туруханский климат «за великою стужею и морозами» [Там же. Л. 5] позволял выращивать лишь «серую капусту», репу, мелкую редьку, да и то не каждый год [5. С. 232]. Попытки крестьян расположенного неподалеку Троицкого монастыря выращивать «разные хлебы, то есть рожь, ярицу, ячмень, овес» оказывались безуспешными «за зяблостию», а если что и произрастало, то «весма с малою прибылью» [23. Л. 5–5 об.].

Из домашних животных туруханцы держали «для своих неминуемых надобностей… за неимением удобных конских дорог по глубокости снегов и пустоте мест разъездов собак», некоторые – лошадей и коров, «но весма скудно» [22. Л. 5 об.]. В 1806 г. «во всем городе у обывателей» насчитывалось «лошадей 79, коров 200, дворовой птицы вовсе нет» [10. Л. 3]. Заготовкой сена занимались на расположенных вокруг города покосах [5. С. 231–232].

Почти все необходимое продовольствие («муку арженую, пшенишную и овсяную, а товары наилутчия – мед, сахар, разныя сухие ягоды, хмел» [5. С. 231]), а также промышленные изделия («шелковые товары, сукна, холсты, железныя разныя вещи, равно медную и оловянную посуду и протчия мелочныя товары» [5. С. 231]) доставлялись из Енисейска, откуда на барках возили «хлеб для продажи», а обратно – закупленную в Туруханске «мяхкую рухлядь и кость» [23. Л. 6 об.]. Из Енисейска везли даже солонину [10. Л. 3]. Расстояние между Енисейском и Туруханском, составлявшее «девятьсот девяносто четыре версты пятьдесят три сажени» [23. Л. 10], можно было преодолеть летом по Енисею за 10 суток [1. С. 161], а в зимнее время – на лыжах примерно за восемь недель [23. Л. 9 об.]. С 1808 г. междугородами установилось ежемесячное «хождение почты» [1. С. 168].

К концу XVIII в. Туруханск оказался почти в полной зависимости от Енисейска, богатое купечество которого окончательно прибрало к рукам торговлю в Туруханском крае, рассматривая его как свою неотъемлемую вотчину [28. С. 87]. Проезжавший через Енисейск приказчик Российско-Американской компании Н.И. Коробицын в своих записках сообщал, что коммерция енисейского купечества «состоит в пушных товарах, получаемых из Туруханска, как то: песцах, волках, медведях, зайчине и белке, которыя частию продают меною на Кяхте, также отводят в Ирбитскую ярмонку» [29. С. 122]. Недаром в 1807 г. на собрании депутатов для раскладки земских повинностей в Томской губернии «Енисейск был поставлен сейчас же после Томска, как имеющий в своих руках торговлю в Туруханском крае» [1. С. 166].

О том, насколько возрастали цены при транспортировке товаров, можно судить по такому, например, эпизоду: в 1784 г. енисейский купец Иван Дементьев подрядился доставлять соль в Туруханск за 10 коп. за пуд, в то время как за снабжение солью Енисейска он просил 4,5 коп. за пуд [Там же. С. 132]. Соль была крайне важна для туруханцев, ведь она шла на засолку рыбы. Когда в 1808 г. из Троицкого солеваренного завода «приплавлено соли не было», туруханский соляной пристав, учитывая, что летом потребность в ней резко возрастет, «распорядился продовать из лавок не более фунта» [Там же. С. 170]. Жители стремились запастись необходимыми товарами на целый год во время летней ярмарки «в разсуждении сходных ярмоночных цен, которыя после ярмонги обыкновенно на все возвышаются» [5. С. 231].

Многочисленные факты указывают на крайнюю бедность туруханцев, которые как в начале, так и в середине XIX в. с трудом изыскивали средства «на платеж податей и на содержание себя» [5. С. 231; 30. Л. 31 об.]. По словам В.С. Хвостова, «главная пища жителей состоит в рыбе; простой же народ довольствуется при печеном хлебе бурдуком, то есть: мукою ржаною, жидко разведенною и оквашенною» [10. Л. 3]. Во время голодных лет было не обойтись без помощи из южных районов: в августе 1808 г. крестьяне Красноярской округи, «движимы будучи человеколюбием», собрали и отправили на двух барках 7 530 пудов хлеба в пользу жителей Туруханска и Туруханского края, о чем было доложено императору [31. Л. 1, 2]. В 1816 г. во время голода в Туруханском крае мещанский староста Моравин назвал 30 мещан,

нуждавшихся в хлебе [1. С. 185]. В январе 1819 г. туруханский городничий представил томскому гражданскому губернатору «именной список и свидетельство чиновников о бедности двух вдов, козачей и мещанской жен, об одной крестьянской девке и пяти малолетных детях», удостоверив, «что все они не имеют никакого состояния и так бедны, что не находят никаких других средств к пропитанию себя, кроме прошения милостыни» [32. Л. 139]. По распоряжению властей всем указанным бедным людям разрешалось выдавать каждый месяц из Туруханского запасного казенного хлебного магазина «двум вдовам и крестьянской девке по одному пуду, а пяти малолетным детям по 20 фунтов муки безденежно» [Там же. Л. 139–139 об.].

Надо сказать, что созданные в начале XIX в. запасные казенные хлебные магазины, без преувеличения, имели огромное значение для местного населения. Без них было бы просто немыслимо выживание для многих попавших в трудную жизненную ситуацию туруханцев. Да и остальное население города и уезда, включая чиновников, несмотря на законодательно закрепленный запрет, активно пользовалось возможностью получать в долг казенный хлеб – только в сентябре 1822 г. в шнуровой книге Туруханского запасного казенного хлебного магазина упоминалось 34 подобных случая [33. Л. 26–30]. Правда, в этом вопросе была и другая сторона, связанная с неоднократно отмечавшимися нарушениями в деятельности хлебных магазинов. Чаще всего при их ревизиях обнаруживались крупные недостачи. Так, в 1801 г. в Туруханском магазине была обнаружена нехватка 354 четвертей хлеба на 1 414 руб., а в 1815 г. при городничем Тренше «положение продовольственной части по-прежнему было самое беззаконное», «остяки не могли получить хлеба у Тренша даже за деньги» [1. С. 152, 184].

В самом городе было очень трудно, почти невозможно подработать, что вынуждало население рассредоточиваться по округе. В 1805 г. Туруханский земский суд жаловался, что «мещане живут в уезде, занимаясь торговлей с инородцами, и в городе нет выбранных и записных мясников, мучных и рыбных просолов, нет торга лавочного, нет квартир для приезжающих»; в 1816 г. в Туруханске «негде было заработать даже на хлеб» [1. С. 162, 185]. Даже спустя несколько десятилетий, в 1840 г., Енисейская казенная палата отмечала, что туруханские мещане, «как и крестьяне, ведя одинаковую с ними жизнь и промышленность, по отдаленности края, терпят равные с ними недостатки» [34. Л. 2 об.].

Таким образом, сохранившиеся источники позволяют получить достаточно полное представление о застройке Туруханска, составе и занятиях его населения в конце XVIII – начале XIX в. Среди главных проблем, стоявших перед городом, современники называли неудачное месторасположение, упадок пушной торговли, трудности в снабжении продовольствием, дороговизну товаров, граничащую с нищетой бедность жителей, злоупотребления местной администрации. В течение рассматриваемого периода, по крайней мере, дважды ставился вопрос о переносе города на более благоприятное место, что в конце концов было сделано лишь в начале XX в. Сопоставление сведений о Туруханске на рубеже XVIII–XIX вв. с материалами периодической печати второй половины XIX в. показывает, что за несколько десятилетий состояние этого отдаленного северного уголка осталось почти совершенно без изменений, а старые задачи по-прежнему сохраняли актуальность и требовали решения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кытманов А.И. Краткая летопись Енисейского уезда и Туруханскаго края Енисейской губернии. 1594–1893 год / вступ. ст. Л.П. Бердникова. Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2016. 850 с.
2. Зябловский Е.Ф. Землеописание Российской империи для всех состояний. СПб. : Императорская Академия наук, 1810. 466 с.
3. Баккаревич М.Н. Статистическое обозрение Сибири. СПб. : Тип. Шнора, 1810. С. 296–297.
4. Гакман И.Ф. Пространное землеописание Российского государства, изданное в пользу учащихся. СПб. : Тип. Брейткопфа, 1787. С. 262.
5. Описание Тобольского наместничества. Новосибирск : Наука, 1982. 321 с.
6. Государственный архив Костромской области. Ф. 655. Оп. 2. Д. 252.
7. Щекатов А. Словарь географический Российского государства. М. : Тип. Федора Любия, 1808. Ч. 6. 404 с.
8. Полунин Ф. Географический лексикон Российского государства. М. : Тип. Московского ун-та, 1773. 494 с.
9. Российский государственный исторический архив (далее РГИА). Ф. 1374. Оп. 1. Д. 188 б.
10. РГИА. Ф. 1286. Оп. 1. Д. 110.
11. Хвостов В.С. О Томской губернии и о населении большой Сибирской дороги до Иркутской границы. СПб. : Императорская Академия наук, 1809. 107 с.
12. Головачев П. Сибирь: природа, люди, жизнь. М. : Типолит. тов-ва И.Н. Кушнерева и К°, 1902. 300 с.
13. Пестов И. Записки об Енисейской губернии Восточной Сибири 1831 года. М. : Тип. Моск. ун-та, 1833. 339 с.
14. Ремнев А.В. Пестель Иван Борисович // Власть в Сибири XVI–XX века : межархивный справочник / сост. М.О. Акишин, А.В. Ремнев. Новосибирск : МАСС-Медиа-Центр, 2002. С. 237–238.
15. Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 46. Оп. 2. Д. 175.
16. Акишин М.О. Кашкин Евгений Петрович // Сибирская историческая энциклопедия. Новосибирск: Историческое наследие Сибири, 2009. Т. II. С. 51–52.
17. РГИА. Ф. 1293. Оп. 168. Д. 19.
18. РГИА. Ф. 1293. Оп. 168. Д. 20.
19. Зиновьев В.П. За штатом (г. Нарым в XIX – начале XX в.) // Земля парабельская: сборник научно-популярных очерков к 400-летию Нарыма. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1996. С. 121–153.
20. Быконя Г.Ф. Заселение русскими Приенисейского края в XVIII в. Новосибирск : Наука, 1981. 248 с.
21. Государственный архив Красноярского края (далее ГАКК). Ф. 117. Оп. 1. Д. 36.
22. РГИА. Ф. 970. Оп. 1. Д. 266.
23. Архив Академии наук. Ф. 3. Оп. 10-а. Д. 192.
24. РГИА. Ф. 1293. Оп. 168. Д. 18.
25. Шумов К.Ю. Храмы Новой Мангазеи – Туруханска. URL: http://naov.ru/articles/57_hrami-novoyi-mangazei-turuhanska.html (дата обращения: 13.04.2017).

26. Оглы Б.И. Формирование планировки и застройки городов Сибири в конце XVIII – первой половине XIX в. // Города Сибири (эпоха феодализма и капитализма). Новосибирск : Наука, 1978. С. 248–271.
27. Копылов Д.И., Прибыльский Ю.П. Тобольск. Свердловск : Ср.-Уральск. кн. изд-во, 1969. 264 с.
28. Буланков В.В., Шумов К.Ю. Енисейск. Очерки по истории развития и застройки города. Красноярск : Краснояр. книж. изд-во, 1999. 216 с.
29. «Записки» приказчика Российско-Американской Компании Н.И. Коробицына 1795–1807 гг. // Русские открытия в Тихом океане и Северной Америке в XVIII–XIX веках : сборник материалов. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1944. С. 118–221.
30. РГИА. Ф. 1265. Оп. 4. Д. 85.
31. РГИА. Ф. 1287. Оп. 1. Кн. 1. Д. 456.
32. РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 180.
33. ГАКК. Ф. 117. Оп. 1. Д. 3.
34. РГИА. Ф. 1149. Оп. 3. Д. 77.

Статья представлена научной редакцией «История» 24 августа 2017 г.

“THE PLACE OF ABUSES AND ILLEGALITIES”: TURUKHANSK IN THE LATE 18TH – EARLY 19TH CENTURIES

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 424, 74–79.
DOI: 10.17223/15617793/424/10

Evgeniya V. Komleva, Institute of History, SB RAS (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: feodal@history.nsc.ru

Keywords: Siberian North; Turukhansk; appearance of town; population; lifestyle; occupations; food supply.

The article aims to characterize one of the most northern towns of the Russian Empire in the late 18th – early 19th centuries – Turukhansk. On the basis of a diverse range of sources, including *Zamechaniya* [Observations] written by the first civil Governor of Tomsk Province Vasiliy S. Khvostov, the first among the administrators of the high level to visit the Turukhansk region and its capital, the appearance of the town, the composition, daily life and activities of its inhabitants have been reconstructed. The problems which local population and authorities faced have been analyzed. Among them were bad location, decrease in the fur trade, difficulties in food supply, abuses of administration, extreme poverty of inhabitants. By the end of the 18th century Turukhansk was almost completely dependent on Yeniseisk, the wealthy merchants of which finally concentrated trade in the Turukhansk region in their hands, considering it as their inalienable patrimony. Almost all the necessary food and industrial products were delivered from Yeniseisk. Poverty and the inability to find work in Turukhansk forced the population to leave it and to settle around. The measures proposed for the solution of those challenges have been reviewed. For instance, it has been revealed that the search for a more suitable location for Turukhansk had been carried out since the second half of the 18th century; however, due to the lack of funds this plan was delayed for more than a hundred years. Thus, for several decades, the status of this remote northern area remained almost completely intact, and the old problems still remained relevant and required solutions. However, the surviving evidences of the contemporaries indicate, on the one hand, the concern of both regional and central authorities about the situation in the development of North Siberian territories, the necessity of their inclusion in the economic, social and cultural space of the country, on the other hand, these documents show the existing difficulties in this challenge, requiring well-thought measures and a large financial investment.

REFERENCES

1. Kytmanov, A.I. (2016) *Kratkaya letopis’ Eniseyskogo uezda i Turukhanskago kraya Eniseyskoy gubernii. 1594–1893 god* [A short chronicle of the Yenisei uezd and the Turukhansk region of Yenisei Province. 1594–1893]. Krasnoyarsk: SFU.
2. Zyablovskiy, E.F. (1810) *Zemleopisanie Rossiyskoy imperii dlya vsekh sostoyaniy* [Description of the Russian Empire for all states]. St. Petersburg: Imperatorskaya Akademiya nauk.
3. Bakkarevich, M.N. (1810) *Statisticheskoe obozrenie Sibiri* [Statistical overview of Siberia]. St. Petersburg: Tip. Shnora. pp. 296–297.
4. Gakman, I.F. (1787) *Prostrannoe zemleopisanie Rossiyskogo gosudarstva, izdannoe v pol’zu uchashchikhsya* [The extensive land description of the Russian state, published for the use of students]. St. Petersburg: Tip. Breytkopfa.
5. Kolesnikov, A.D. (ed.) (1982) *Opisanie Tobol’skogo namestnichestva* [Description of Tobolsk governorship]. Novosibirsk: Nauka.
6. State Archive of Kostroma Oblast. File 655. List 2. File 252. (In Russian).
7. Shchekatov, A. (1808) *Slovar’ geograficheskiy Rossiyskogo gosudarstva* [The geographical dictionary of the Russian state]. Pt. 6. Moscow: Tip. Fedora Lyubiya.
8. Polunin, F. (1773) *Geograficheskiy leksikon Rossiyskogo gosudarstva* [Geographic lexicon of the Russian state]. Moscow: Moscow University.
9. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1374. List 1. File 188 b. (In Russian).
10. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1286. List 1. File 110. (In Russian).
11. Khvostov, V.S. (1809) *O Tomskoy gubernii i o naselenii bol’shoy Sibirskoy dorogi do Irkutskoy granitsy* [About Tomsk Province and the population of the large Siberian road to the Irkutsk borde]. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences.
12. Golovachev, P. (1902) *Sibir’: priroda, lyudi, zhizn’* [Siberia: Nature, people, life]. Moscow: Tipolit. tov-va I.N. Kushnereva i K°.
13. Pestov, I. (1833) *Zapiski ob Eniseyskoy gubernii Vostochnoy Sibiri 1831 goda* [Notes on Yenisei Province of Eastern Siberia in 1831]. Moscow: Moscow University.
14. Remnev, A.V. (2002) Pestel’ Ivan Borisovich. In: Akishin, M.O. & Remnev, A.V. (eds) *Vlast’ v Sibiri XVI–XX veka: mezharkhivnyy spravochnik* [Power in Siberia of the 16th–20th centuries: interarchive reference book]. Novosibirsk: MASS-Media-Tsentr.
15. Russian State Archive of Literature and Art.. File 46. List 2. File 175. (In Russian).
16. Akishin, M.O. (2009) Kashkin Evgeniy Petrovich. In: Lamin, V.A. (ed.) *Sibirskaya istoricheskaya entsiklopediya* [The Siberian Historical Encyclopedia]. Vol. 2. Novosibirsk: Istoricheskoe nasledie Sibiri.
17. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1293. List 168. File 19. (In Russian).
18. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1293. List 168. File 20. (In Russian).
19. Zinov’ev, V.P. (1996) Za shtatom (g. Narym v XIX – nachale XX v.) [Behind the state (Narym at the of the 19th – early 20th centuries)]. In: Yakovlev, Ya.A. (ed.) *Zemlya parabel’skaya: sbornik nauchno-populyarnykh ocherkov k 400-letiyu Naryma* [Parabel Land: a collection of popular research essays for the 400th anniversary of Narym]. Tomsk: Tomsk State University.
20. Bykonya, G.F. (1981) *Zaselenie russkimi Prieniseyskogo kraya v XVIII v.* [Population by the Russians of the Yenisei region in the 18th century]. Novosibirsk: Nauka.
21. State Archive of Krasnoyarsk Krai (GAKK). Fund 117. List 1. File 36. (In Russian).
22. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 970. List 1. File 266. (In Russian).
23. Archive of the Academy of Sciences. Fund 3. List 10-a. File 192. (In Russian).

24. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1293. List 168. File 18. (In Russian).
25. Shumov, K.Yu. (2014) *Khramy Novoy Mangazei – Turukhanska* [Temples of the New Mangazeya – Turukhansk]. [Online] Available from: http://naov.ru/articles/57_hrami-novoyi-mangazei-turuhanska.html. (Accessed: 13.04.2017).
26. Ogly, B.I. (1978) Formirovanie planirovki i zastroyki gorodov Sibiri v kontse XVIII – pervoy polovine XIX v. [Formation of planning and development of the cities of Siberia in the late 18th – first half of the 19th centuries]. In: Vilkov, O.N. (ed.) *Goroda Sibiri (epokha feodalizma i kapitalizma)* [Cities of Siberia (the era of feudalism and capitalism)]. Novosibirsk: Nauka.
27. Kopylov, D.I. & Pribyl'skiy, Yu.P. (1969) *Tobol'sk* [Tobolsk]. Sverdlovsk: Sr.-Ural'sk. kn. izd-vo.
28. Bulankov, V.V. & Shumov, K.Yu. (1999) *Eniseysk. Ocherki po istorii razvitiya i zastroyki goroda* [Yeniseisk. Essays on the history of development and building of the city]. Krasnoyarsk: Krasnoyar. knizh. izd-vo.
29. Andreev, A.I. (ed.) (1944) *Russkie otkrytiya v Tikhom okeane i Severnoy Amerike v XVIII–XIX vekakh: sbornik materialov* [Russian discoveries in the Pacific and North America in the 18th–19th centuries: a collection of materials]. Moscow; Leningrad: USSR AS. pp. 118–221.
30. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1265. List 4. File 85. (In Russian).
31. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1287. List 1. Kn. 1. File 456. (In Russian).
32. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1263. List 1. File 180. (In Russian).
33. State Archive of Krasnoyarsk Krai (GAKK). Fund 117. List 1. File 3. (In Russian).
34. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1149. List 3. File 77. (In Russian).

Received: 24 August 2017

Вестник Томского государственного университета. 2017. № 424. С. 80–88. DOI: 10.17223/15617793/424/11

УДК 39

В.М. Кулемзин, Ю.П. Холюшкин

СИСТЕМНАЯ БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Рассмотрено применение фрактального метода классификационных исследований, разработанного в Новосибирском научном центре СО РАН. Построена периодическая библиографическая система этнографической историографии. Все проанализированные понятия образуют лишь часть пирамиды слов языка, упорядоченные по смысловому содержанию и степени общности обозначенных в тексте понятий. В этом случае структуру предметного поля историографии этнографии можно представить в виде сложной системы, отраженной в системной библиографической классификации наук, в которой каждая компонента (понятие) также является системой, имеющей собственную структуру и занимающей семантическое пространство под данным понятием.

Ключевые слова: системная классификация; общая историография; теоретическая историография; комментарийная историография; хроникальная историография; концептуальная историография.

Структуру предметного поля историографии этнографии можно представить в виде сложной системы, отраженной в системной библиографической классификации наук, в которой каждая компонента (понятие) также является системой, имеющей собственную структуру и занимающей семантическое пространство под данным понятием.

Данная классификация предполагает использование законов диалектики для выявления системных связей между понятиями. При этом содержание самой модели раскрывается посредством шести следующих один за другим понятийных образований, начиная с опорного понятия и кончая пятиэлементной группой.

Подобная классификация имеет следующие свойства: упорядоченность по определённому критерию, периодичность, структурированность [1, 2].

Однако это предположение требует дополнительного осмысления, поскольку тесная взаимосвязь компонентов усложняет определение внутренней структуры каждой составляющей. С.А. Токарев достаточно полно в этом плане описал задачи историографа: «Что является главным предметом истории этнографии как науки? Казалось бы, те взгляды и то понимание этнографических проблем, которые мы находим в трудах виднейших деятелей данной науки. Так-то оно так, но в этом ли самое важное? Конечно, знать индивидуальные взгляды ученых, особенно корифеев науки, важно, даже необходимо, но... еще важнее другое. Индивидуальные взгляды остаются индивидуальными взглядами, тем более они не оказывают прямого влияния на общее состояние данной науки, если они не создают в какой-то мере известное направление в этой науке. Именно эти направления, выражающиеся в трудах и воззрениях отдельных (крупных и рядовых) ученых, – вот что особенно важно для историографа. Больше того. И сами эти направления в данной науке представляют интерес не столько сами по себе, сколько: а) по тому, как отразились в них общественные взгляды определенной эпохи, определенного народа, определенного социального класса, и б) по тому, как они сами оказывали и оказывают влияние на общественное сознание, на идеологию эпохи, страны, класса, народа. Ведь наука, которая замыкается в себе самой и не оказывает воздействия на жизнь, вообще не есть наука» [3. С. 8–9].

Следуя этой логике, мы отобразили данный подход в виде классификационного фрагмента (рис. 1). В классификационном фрагменте в качестве опорного понятия приведена «Общая историография этнографической науки», задачей которой является обобщение путей исторического познания прошлого, движущих сил прогресса этнографической науки, закономерностей появления и смены этнографических направлений и школ, мер объективной истинности, созданных ими концепций.

В качестве двойной группы представлены комментарийная и теоретическая историография.

Комментарийная историография является наиболее распространенным видом историографического описания, основанной на простейшей констатации известных фактов. При этом все рассуждения, пояснительные и критические замечания о чём-нибудь считаются излишними, так как, по мнению этих исследователей, всё понятно и объяснения не нужны. Подобные построения часто носят произвольный характер и учитывают лишь одну из сторон науки – политическую. Впрочем, это естественно, поскольку парадигма этнографического знания всегда была политизирована и зависела от официальных установок общества. Да и сами этнографы находились часто под жёстким идеологическим прессом. Но столь традиционный подход не учитывает субъективных характеристик внутреннего мира исследователей, сложившихся у них научных и идеологических представлений, господствовавших на момент тех или иных событий научных парадигм. Кроме того, «историограф не может ограничиться констатацией “живучести” концепций, идей и взглядов, что проявляется в идейном наследии научной школы и даже порой в книгах и статьях противоположного научного лагеря» [4. С. 81]. Такое историографическое направление ничего общего не должно иметь с обзорографией, когда дано простое перечисление книг и статей, поставленных в «хронологический ряд», без выявления вклада в развитие исторической науки [Там же].

В качестве второго диадного понятия приведена «Теоретическая историография», задачей которой являются: анализ источниковедческой базы, характера использования этнографических источников, конкретных методик исследования этнографических фактов; определение места этнографических научных школ и направлений в установлении и систематизации этнографических фактов; изучение организации и форм исследовательской работы в области этногра-

фии, включая систему научных учреждений, вузов, музеев и архивов, систему подготовки кадров; анализ проблематики этнографических исследований, ее развития и расширения (рис. 1).

<table>
<tr><td colspan="6">Общая историография этнографической науки</td></tr>
<tr><td colspan="3">Комментарийная историография</td><td colspan="3">Теоретическая историография</td></tr>
<tr><td colspan="2">Хроникальная историография этнографии</td><td colspan="2">Источниковая историография этнографии</td><td colspan="2">Концептуальная историография этнографии</td></tr>
<tr><td>Конференции</td><td>Биографический подход</td><td>Обзорная историография</td><td>Аналитическая источниковая историография</td><td>Организационные характеристики науки</td><td>Научные школы</td></tr>
<tr><td colspan="6">Антропологическая историографическая методика</td></tr>
<tr><td>Локальная историография</td><td>Региональная историография</td><td>Страноведческая историография</td><td>Континентальная историография</td><td colspan="2">Мировая историография</td></tr>
</table>

Рис. 1. Классификационный фрагмент «Историография этнографической науки»

Теоретическим проблемам истории этнографии посвящена серия работ за рубежом и в России. Приведем некоторые из них. Прежде всего, следует упомянуть две монографии С.А. Токарева, изданные в 1978 г.: «История зарубежной этнографии» [3] и «Истоки этнографической науки (до середины XIX в.)» [5]. В советские годы этими трудами часто и охотно пользовались студенты исторических факультетов, а также отечественные профессионалы-этнографы. В «истории зарубежной этнографии» С.А. Токарев с критических позиций марксистской идеологии рассмотрел западные этнографические теоретические направления и школы.

В западной теоретической антропологии действительно существовало переплетение нескольких традиций и парадигм при рассмотрении вопросов о взаимосвязанности этнокультурных элементов процессов. Раппапорт писал: «С момента возникновения антропологии в ней присутствует две тенденции. Одна из них, черпая вдохновение в биологических науках, стремится найти объяснение и причину, а со стороны наиболее амбициозных исследователей даже открыть общие закономерности. Другая же определяется влиянием философии, лингвистики и гуманитарных наук и оказывается открытой для знаний, добываемых субъективным путём, а также предпринимает попытки интерпретации и стремится к уяснению полученного» (цит. по: [6. С. 7]).

В 70–80-е гг. XX столетия, когда «неопозитивизм и критическая теория превратили вопрос о состоятельности теорий в главную проблему теоретической антропологии, смена теорий в истории науки стала занимать ведущих антропологов, а история антропологии стала частью теоретической антропологии. Именно критика эволюционизма, а затем и других ведущих направлений антропологии вызвала вспышки историографической активности» [7. С. 9].

Так, в 80-е гг. XX в. – 2000-е гг. вышел ряд работ английских и американских антропологов, среди которых можно отметить книгу Джона Хонигмена [8]. Джон Хонигмен критически оценивал предшествующие концепции антропологии и утверждал, «что этнопсихологи, пользуясь психологическими понятиями, не оставляли этнографического подхода, при этом этнопсихологи изучали реакции и инстинкты, поведение индивида в их связи с социальной средой» [9. С. 169].

В 1981 г. вышла историографическая работа Э. Эванс-Причарда «История антропологической мысли» [10], посвященная не только роли учёных XVIII–XX вв. в развитии теоретической мысли в социальной антропологии, но и определению места теории в научном познании, а также её роли во взаимодействии антропологии с социологией и историей. В своих поздних работах Эванс-Причард развивал идею о необходимости приблизиться как можно ближе к ментальности туземного населения с целью перевода их понятий и идей на язык своей культуры. В этом смысле Эванса-Причарда можно рассматривать как одного из основоположников интерпретационного направления.

В 1985 г. вышла книга Элмана Сервиса «Век контроверзы. Этнологические вопросы с 1860 по 1960» [11], в которой рассматривались разногласия между Мэном, Бахофеном, МакЛеннаном и Фюстелем де Куланжами относительно характера раннего общества, споры о формах брака, терминологии родства. Были подвергнуты критике ошибки и недостатки работы Льюиса Х. Моргана, в частности его номенклатура родства. Большое внимание было уделено характеру эволюционных преобразований общества – от примитивного общества до цивилизации.

В 2000 г. вышла книга эдинбургского антрополога Алана Барнарда «История и теория в антропологии» [12]. Алан Барнард написал продуманный учебник, в котором исследуются исторические контексты теорий и научных школ, и произвёл их оценку. В учебнике отражены: эволюционизм во всех его проявлениях, диффузионизм, функционализм, процессуальные и марксистские перспективы, а также многогранность релятивизма, структурализма и постструктурализма и, наконец, интерпретационные и постмодернистские точки зрения.

Другой теоретической проблемой этнографии была проблема абстрагирования, «стерилизации» культуры в научных монографиях. Эта проблема всегда была достаточно сложной и даже болезненной для этнографов-полевиков, долгие месяцы живших в самой гуще чужой культуры и воспринимающих её как совокупность конкретных *людей*, ведущих экзотический, иногда не очень приятный, всегда в той или иной степени странный образ жизни. Научное абстрагирование в таком случае сродни умерщвлению, но и совсем отказаться от него – значит, выдать себя, оказаться голым и безоружным перед всем миром [6].

В науку, наконец, пришло понимание субъективности исследователя и осознание его деятельности

как интерпретации [13, 14]. Ушло в прошлое представление о том, что исследователь может создавать объективную картину реальности, оставаясь исключительно на позиции внешнего наблюдателя, самоустраняясь от собственного предмета. Клиффорд Гирц сделал попытку решить эту проблему, заменив теоретические обобщения интерпретацией. Это, помимо прочего, дало возможность сохранить в книгах приметы жанра полевых заметок, а следовательно, сохранить детали и чёрточки, подробности и осадок недопонимания, портреты реальных людей, в том числе самого автора – такого, каким этнограф был в момент исследования. Подход К. Гирца был достаточно новым как к предмету исследования, так и к исследовательским стратегиям. Таким способом Гирц пытался решить задачу, поставленную еще Б. Малиновским: «уловить точку зрения местного жителя, осознать его видение его мира».

Полевые дневники резко отличались способами конструирования реальности от написанных на их основе монографий. Особенность полевого дневника состоит в том, что изучаемая культура имеет здесь гораздо больше шансов «проговориться», это не столько ее «право», сколько одна из конструктивных черт данного жанра письма. При этом «Интерпретация», по мысли Гирца, свидетельствует о таком сближении позиций ученого и носителя культуры, при котором исследование становится не (ре)конструированием, а чтением набора текстов-событий, при котором стратегия исследователя состоит в том, чтобы, погрузившись в сеть взаимоотношений людей, научиться читать этот текст на их языке [15].

Монография, в отличие от дневника, – «продукт интерпретации “второго порядка”, создавая ее, исследователь имеет дело уже не с реалиями, а с текстом, описывающим эти реалии (своими дневниками). Часто происходит так, что в процессе вторичной интерпретации собственное “я” исследователя прячется за аналитическими построениями, а изложение материала в соответствии с методологическими установками автора превращает реальную культуру в сконструированный им объект» [Там же].

Для иллюстрации сказанного О. Христофорова приводит два примера: «Британский антрополог Бронислав Малиновский, основатель структурного функционализма, в 1914–1916 гг. работал в Меланезии, результатом чего явились несколько монографий, в том числе “Аргонавты западной части Тихого океана” (1922). Но свои полевые дневники Малиновский публиковать запретил. И когда в 1967 г., через 25 лет после его кончины, они были опубликованы, это произвело настоящий шок в антропологическом сообществе – настолько по-иному представала культура тробрианцев в дневниках по сравнению с давно и хорошо известными монографиями. В дневниках Малиновский описывал свои впечатления, эмоциональные реакции, сомнения и недовольство, позволял себе суждения и мнения, и следа которых нет в его книгах, где он чрезвычайно осторожен и сдержан в выражении личной позиции. Другой пример. Клод Леви-Стросс, в 1930-е гг. проводивший полевые исследования среди индейцев Бразилии, подытожил их результаты в нескольких книгах. В “Печальных тропиках” (1955), написанных в жанре путевых заметок, герой повествования – сам автор, отправившийся в волшебное странствие в затерянный мир и вернувшийся оттуда умудренным и познавшим горечь расставания. В “Структурной антропологии” (1958) и “Первобытном мышлении” (1962) дневниковая манера письма исчезает, перед нами – научные монографии, преследующие совсем иные цели. Именно эти книги изучают студенты университетских отделений антропологии, в то время как «Печальные тропики», прекрасная книга, воспринимается как не очень серьезная литература, предназначенная разве что для чтения на досуге» [15].

Такой же позиции придерживались и некоторые сибирские учёные, которые считали, что «иллюзорность объективности результатов, полученных при внешнем наблюдении, связана в первую очередь с тем, что собственное “Я” исследователя неизбежно влияет на его научные интерпретации и вторгается в теоретические выводы» [16. С. 25].

Первое триадное понятие – ***«Хроникальная этнографическая историография»***. Сравнивать «новую» и «старую» этнографическую науку возможно на нескольких уровнях. Среди них особое значение имеет рассмотрение истории этнографической науки в хронологической последовательности процесса накопления знаний. «В историографии больше, чем в любой другой общественной науке, должна соблюдаться хронологическая последовательность в изложении накопившихся знаний, добытых, как выразился Ф. Энгельс, «сменяющими друг друга поколениями» исследователей. Энгельс так определил эту задачу: «С чего начинает история, с того же должен начинаться и ход мыслей, и его дальнейшее движение будет представлять собой не что иное, как отражение исторического процесса в абстрактной и теоретически последовательной форме...» [17. С. 100]. Раскрытие истории добытых знаний в хронологической последовательности – аксиома историографической работы. «Большинство историографов придерживаются хронологическо-тематической формы исследовательской работы. Она дает возможность провести классификацию и группировку работ по этапам и темам, рассмотреть развитие науки в целом или отдельных ее проблем с момента возникновения до уровня, достигнутого ко времени, которым ограничено предпринятое исследование. Рамки и особенности этой формы позволяют выявить господствующие идеи, взгляды и концепции авторов исторических трудов, их изменения в процессе развития науки, объективные и субъективные причины, вызвавшие эти изменения. Преимущество этой формы состоит в том, что она способна выявить переломные качественные сдвиги в развитии научного знания, общее состояние науки и отдельных ее проблем» [4. С. 118–119].

В этнографии хронологический подход представляет собой раздел историографии, занимающейся описанием этнографических исследований в их хронологическом порядке. Данный процесс фиксации этнографических событий является одним из необходимых элементов этнографической историографии. При таком подходе можно увидеть в истории любой

дисциплины, прежде всего перечень открытий или других событий. Почти каждое монографическое или диссертационное исследование начинается с описания истории исследования народа, памятника, географического района в хронологическом порядке. Чаще всего такие обзоры представляют собой сводку, содержащую характеристику публикаций, появившихся за определенный период и объединенных с помощью специальной, обычно присущей только данному обзору рубрикации.

Примером хронологического обобщения хода развития науки о человеке является книга Томаса Пеннимана «100 лет антропологии». Понимая антропологию как всю совокупность знаний о человеке, Пенниман делит всю ее многовековую историю на четыре периода [3, 4]:

1) период формирования (formulary period) – от античной Греции до 1835 г., характеризующийся разрозненными идеями о человеке, его физической природе, психике и культуре, накоплением фактических знаний, путешествиями, описаниями стран;

2) период конвергенции (convergent period) – 1835–1859 гг., которому сопутствовало стремление синтезировать археологические, соматические, лингвистические, культурные данные о человеке, свести в единую науку, вдохновляемую идеей эволюции; завершением этого синтеза Пенниман считает выход в свет «Происхождения видов» Ч. Дарвина (1859);

3) конструктивный период (construction period) – 1859–1900 гг. – от появления этого труда Дарвина и от общего признания найденных Буше де Пертом древних каменных орудий до конца столетия. За этот период были созданы классические концепции развития человека, построенные на сочетании данных археологии, палеонтологии, лингвистики, «технологии» (эволюция предметов материальной культуры) и, самое главное, сравнительного изучения культурно отсталых народов. Ведущие идеи этой эпохи – дарвиновская «борьба за существование», «естественный отбор», «выживание наиболее приспособленного»; но многие из создававшихся в ту пору концепций страдали чрезмерной упрощенностью, прямолинейностью;

4) «критический» период – 1900–1935 гг.– ознаменовался стремлением к пересмотру этих не всегда оправдывавших себя концепций. В то же время необычайно возросший количественно материал науки о человеке делает все менее возможным для одного ученого охватить его целиком; отсюда новая тенденция – к распадению единой «антропологии» на ее составные части, ослабление контакта между ними; зато вновь создаваемые новые концепции, более прочные и обоснованные, могут считаться подготовкой (в недалеком будущем) нового конструктивного периода;

5) период конвергенции и консолидации (period of convergence and consolidation), начинающийся с 1935 г.

Историографический обзор Томаса Пеннимана, по мнению С.А. Токарева, ценен своим стремлением уловить связь идей, найти общее в достижениях смежных наук – этнографии, соматической антропологии, археологии, языкознания, – понять дух эпохи, отразившийся в трудах даже самых непохожих один на другого авторов. При этом Пенниман отмечает, хотя и вскользь, связь научных исследований с социальной и политической историей той или иной эпохи. Минусом же этого обзора можно считать то, что, увлекшись чисто хронологическим членением истории науки, автор недостаточно разграничил в пределах каждого отдельного периода – особенно это касается последнего, критического периода – разные направления, по своим тенденциям нередко прямо противоположные друг другу. Не выделены, например, как особые течения фрейдизм, функционализм, американская школа Боаса [3].

«Источниковедческая этнографическая историография» – второе понятие тройной группы отрасль этнографической историографии, изучающая историю этнографического знания на основе вещественных, устных и письменных источников. От этнографических источников, полноты, их репрезентативности, информационной достоверности, объективности, уровня обработки, научной критики и методов использования во многом зависят качество и эффективность историографических исследований в этнографии. Исследование этнографических источников в современных условиях «приобретает большое теоретико-методологическое значение, они тесно соприкасаются с теорией исторического познания. От историографических источников, полноты, их репрезентативности, информационной достоверности, объективности, уровня обработки, научной критики и методов использования во многом зависят качество и эффективность историографических исследований» [4. С. 116].

Третье понятие тройной группы ***«Концептуальная этнографическая историография»*** – отрасль этнографической историографии, занимающаяся изучением теоретико-методических принципов, присущих каждому направлению этнографической мысли, исследованием этнографических концепций, созданных различными этнографическими направлениями и школами, выявлением моментов преемственности этнографического знания.

Общий подход в развитии концептуальной этнографической историографии, по мнению Л.С. Клейна, возможен в трех основных вариантах – кумулятивизм, дисконтинуизм и комбинационизм [6. С. 10–11].

1. Первый вариант представлен кумулятивной концепцией развития науки, характеризуется постепенным накоплением фактов и их обобщением. При этом основной задачей историографов является поиск предшественников и выявление преемственности этнографического знания. Это направление развивал немецкий этнограф В. Мюльман.

2. Второй вариант представляет собой концепцию разрывов преемственности и научных революций.

В первом случае данный вариант представлен концепцией «перманентной научной революции» К. Поппера, еще близкой к кумулятивизму: революционные открытия неразрывны с предшествующей эпохой и совершаются постоянно [Там же. С. 11].

Во втором случае трансформации концепций сосредоточены в определенных периодах – периодах научных революций. Ярче всего эта мысль выражена

у Т. Куна, который такую систему норм, регулирующую всё в данной науке, именует парадигмой. При этом одни ученые искали логику в череде революций, обусловленную внутренними законами данной науки (А. Койре), а другие – внешнюю логику, заданную вненаучными факторами – социальными, экономическими, политическими, воздействием смежных наук и т.п. (экстерналисты, например Ф. Энгельс, Дж. Бернал) [6. С. 11].

В третьем случае Имре Лакатош считал, что парадигмы появлялись лишь на поздней стадии развития науки, они действовали не во всех науках и не были столь абсолютными, как это постулировал Кун. Они, скорее, сосуществовали и боролись как альтернативные, конкурирующие концепции науки [Там же].

3. Наконец, сочетание двух взглядов на развитие науки – кумулятивной концепции и дисконтинуизма – породило комбинационную трактовку. По ней, есть в науке обе тенденции, они дополняют одна другую, и каждая концепция дает только часть истины. Идею взаимодополнительности концепций пропагандировал Нильс Бор [Там же].

Таков очень общий систематический обзор возможных трактовок концептуальной этнографической историографии.

Рассмотрим шестиэлементную группу. Здесь комментарийной группе можно поставить в соответствие конференции, обзорную историографию, организационные характеристики науки. Теоретической историографии будут соответствовать биографический подход, аналитическая источниковая историография и научные школы.

Конференции. Известно, что профессиональные общества, в том числе и этнографическое, находятся в режиме постоянной перманентной перегруппировки, особенности которой уточняются на каждой конференции, конгрессе или симпозиуме. Поэтому такие сообщества нуждаются в аналитических публикациях и отчетах о проведенных конференциях. По своему характеру конференции могут носить как внутридисциплинарный, так и междисциплинарный характер. Еще Гёте заметил, что «науки... столько приобретают от споров, сколько и от согласия, а часто гораздо больше». На научных форумах в ходе сопоставления различных точек зрения создаются особенно благоприятные возможности для дальнейшего развития исторической науки [4].

Биографический подход. Биографическая форма историографии имеет свои достоинства, так как позволяет рельефно раскрыть следующие историографические аспекты [4. С. 150]:

– влияние трудов этнографа на общее развитие этнографической науки;

– значение вклада этнографа в науку;

– гносеологический аспект творческих поисков;

– вопросы психологии научного творчества и этики ученого и т.д.

Биографическая форма дает возможность анализировать труды этнографа либо в хронологической последовательности, либо по проблемам, которые интересовали исследователя.

В деле воссоздания портрета этнографа немаловажное значение имеет вхождение в лабораторию его творчества – многогранного историографического явления. Проникновение в лабораторию творчества, таким образом, необходимо для того, чтобы увидеть и понять генезис и диалектику движения научной творческой мысли, проанализировать научную концепцию историка.

В этнографической историографической литературе имеется значительное число критических очерков о взглядах и работах отдельных зарубежных авторов, как классиков (Морган, Тэйлор и др.), так и особенно новых (Боас, Малиновский, Радклифф-Браун, Лесли Уайт, Леви-Стросс и др.), в посвященных им статьях или попутно при изложении тех или иных общих вопросов [4].

При таком подходе, с исторической точки зрения, трудно решить, с чего начать изложение того, что в наши дни считается этнографической мыслью. Так, Борофски (1995) возвел формирование антропологии к Моргану, Тайлору и Фрейзеру и выделил «период героических менторов» Боаса, Малиновского, Рэдклифф-Брауна и Дюркгейма, основателей современной антропологии, вокруг которых создавались школы [7. С. 8–9].

Другой подход демонстрировал Э. Эванс-Причард, который попытался изложить историю фундаментальных идей классиков в исторической последовательности. Проблема, с которой столкнулся Э. Эванс-Причард, заключалась в том, а «с чего начать, так как размышления о природе социальных институтов уходят в глубину самых ранних этапов литературной мысли… Аристотель и Платон, конечно, могли послужить отправной точкой, однако же расстояние от них слишком велико, а путь слишком извилист и неясен, и начни мы с них, мы никогда бы не добрались до нынешнего времени. Я подумывал об Ибн Хальдуне, Вико, Бэконе, Монтене, Бодене, Боссюэ, Гоббсе и Локке – но нет. Я даже пробовал начинать с Макиавелли – но снова нет. Мы начнём с Монтескье, который по справедливости может считаться основателем современной социологии» [10. С. 13].

Попытка создания концептуальной модели жизненного и творческого пути учёного была сделана с помощью метода системной классификации. С её помощью Ю.П. Холюшкиным было создано 25 классификационных фрагментов, благодаря которым стало возможным отражать судьбы отдельных людей (ученых) со всеми изменениями, происходившими в их жизни [18. С. 35–36].

Современный уровень исследований по социальной психологии дает возможность классифицировать и общественно-психологические явления историографического творчества, познать образ мышления, эмоции, настроения исследователя. Познание соотношения идеологии и психологии, в свою очередь, помогает изучению этого процесса. Создание творческого портрета историка, разумеется, под силу высококвалифицированному историографу [4].

Научные обзоры. В процессе саморегулирования науки огромную роль играют обзорные публикации. Обзор – это начальная, самая первая ступень сжатия, обобщения накопленных результатов. Ясно, что из всех этапов укрупнения знаний обзор наиболее опера-

тивен. В то же время он представляет собой часть сквозного процесса изменения научных представлений, отбора новых результатов с целью их отчуждения в форме признанного достоверного знания. Выполняя эти роли, обзоры связывают науку в единое целое, сохраняют ее жизнеспособность, оберегают ее от опасности быть захлестнутой массой отрывочных сведений, добываемых повторно и, следовательно, впустую [19].

Историографические статьи обзорного плана отличаются большим количеством ссылок и не являются собственно научными, а принадлежат, скорее, к обзорным статьям, открывающим доступ к последним публикациям в той или иной области, кратко пересказывая их содержание. Единственное новое открытие, о котором можно сказать, состоит в том, что различие между обзорными и исследовательскими статьями оказалось не столь значительным, как этого можно было бы ожидать: оба типа статей в настоящее время незаметно переходят друг в друга. Мало того, обзорные статьи дают своего рода фотографию исследовательской деятельности в дисциплине [20].

Различают три основных вида обзоров: библиографические, реферативные и аналитические.

Первый из них – сводка, содержащая характеристику документов, появившихся за определенный период и объединенных с помощью специальной, обычно присущей только данному обзору рубрикации. Обзор реферативный содержит, кроме этого, сводную характеристику проблем, рассмотренных в первичных публикациях, но не дает им критической оценки. Аналитический обзор (его можно называть также критическим) содержит всесторонний анализ информации, ее аргументированную оценку, формулировку перспектив и ближайших задач по дальнейшему изучению предмета. В последние годы все большее распространение получают самообзоры – обобщающие статьи, дающие сводку достижений того или иного ученого или отдельной научной школы. Как правило, их тоже можно относить к разряду аналитических [4].

Аналитические источниковые публикации предполагают получение экспертных оценок путем логического анализа этнографических источников.

Организационные характеристики науки – это раздел историографии, в рамках которого исследуются типы организации и форм исследовательской работы в области этнографии. Они включают систему научных учреждений, вузов, музеев и архивов, систему подготовки кадров и т.д. Кризис российской экономики, а как следствие – сокращение финансирования науки, ставит вопрос об эффективности исследовательской деятельности. Для постановки и решения практических задач этнографии, перевода ее на рельсы интенсивного развития, требуется по возможности более полное и систематическое исследование закономерностей и механизма функционирования научной деятельности в структурном и динамическом аспектах [21. С. 92]. Не зная её характеристик, нельзя управлять системой науки в целом.

Научные школы. В книге С.А. Токарева об истоках возникновения научных школ этнографической науки присутствует только общеисторическая периодизация. В двенадцати главах после первой рассмотрены одно за другим основные направления и школы этнографии, расположение которых соответствует последовательности их появления в этнографической науке [3].

В Советском Союзе совместно с этнографами ГДР была предпринята попытка систематизации и терминологического упорядочения научных направлений и школ мировой «этнографии» [22]. Создатели этого свода придерживались линейного бессистемного неупорядоченного описания понятий и терминов. По мнению Л.С. Клейна, «здесь на равных правах фигурируют сформировавшиеся направления и их локальные или персонально выделенные подразделения. Совершенно очевидно, что культурный материализм и “холокультурализм” являются лишь подразделениями неоэволюционизма, родственна холокультурализму и “амстердамская школа”; “финская школа” – это фольклористический вариант диффузионизма; когнитивная антропология и “лейденская школа” входят в структурализм и т.д.» [6. С. 8–9].

Критерии оценки научных школ, которыми руководствовались в ходе реализации государственной программы поддержки научных школ России, по мнению ряда исследователей, были недостаточно проработаны [23. С. 8–24]. Программа заставила науковедов по-новому посмотреть на «старые» проблемные области в изучении научных школ. Е.З. Мирская считает, что «эта специфическая отечественная проблема, в которой реальность подчас не отделена от мифологии, требует серьезного научного анализа в любом случае. Даже само понятие “научная школа” настолько неоднозначно и прилагается к таким разным феноменам, что это дает возможность трактовать идею поддержки школ как угодно: и с пользой для сохранения отечественной науки, и с большим вредом» [Там же. С. 8]. Тем не менее позитивный эффект программы заключался в том, что она вызвала новый виток интереса к изучению феномена научной школы.

В другом случае понятие «научная школа» подразумевает идейную и методологическую направленность, унаследованную от предшественников.

Особенностями таких научных школ являются: 1) преемственность идей и подходов в науке; 2) организация; 3) степень групповой сплоченности во имя решения поставленной задачи; 4) общность научных интересов представителей школы и научная значимость рассматриваемых проблем; 5) уровень научных результатов школы и ее признание в стране и за рубежом; 6) роль научного лидера, стабильность и перспективы школы (преемственность научных поколений, работа с научной молодежью, работа постоянного научного семинара). В таких школах выработаны жесткая профессиональная этика и чувство цеховой солидарности. Вторым качеством научной школы является комплекс преданий, воспринятых в юности как свои, оперативный научный обмен, осуществляемый по формальным и неформальным каналам.

Формирование научной школы начинается с «Фазы формирования и развития коммуникационной сети научной школы» [24]. Это период относительно разрозненной работы будущих участников и их неболь-

ших групп (часто группы аспирантов во главе с руководителем) над близкой по содержанию проблематикой. Общение идет в основном через формальные каналы, причем его участники еще не считают себя связанными друг с другом, внутри какого-нибудь объединения чем-либо, кроме содержания изучаемых проблем, и идентифицируют себя (при социологических опросах, например) с различными уже сложившимися и признанными направлениями исследований.

Следующая за ней фаза интенсивного развития программы нового направления происходит за счет действий сплоченной группы, которую образуют наиболее активные участники сети коммуникаций. Эта группа формулирует и отбирает для остронаправленной разработки небольшое число наиболее важных проблем, в то время как остальные участники сети получают оперативную информацию о каждом достижении новой группировки, ориентируются на нее в планировании своих исследований и обеспечивают тем самым разработку проблематики по всему фронту. Происходит институционализации новой специальности [24].

На деле основной критерий выделения научных школ – это именно наличие особой крупной концепции, в основном методологической. В этом смысле школа совпадает с направлением или течением.

Методы исследования, отражающие альтернативно-тождественное понятие, являются наиболее динамичным компонентом этнографической историографии науки, который движет ее вперед. Появление новых методов часто приводит к изменению соотношения и роли старых и новых методов, а не к утрате первыми всякого значения. В отличие от конкретно-исторических фактов и концепции, подверженных быстрому обновлению, методы исследования отличаются наибольшей «живучестью» [25].

В настоящее время в современной историографии этнографии сложилась система принципов и методов познания. Среди них можно выделить:

1. Индивидуализирующий метод: получил развитие в трудах немецких авторов Б. Виндельбранда и Г. Риккерта. Так, например, Риккерт писал: «Резко ограничивши понятия исторических наук от понятий естествознания, мы тем самым найдем искомую основную противоположность эмпирических наук, после чего нам не трудно будет показать, что при исследовании жизни природы все же пользуются преимущественно естественно-научным, при исследовании культуры – главным образом историческим методом» [26. С. 50].

2. Цивилизационный принцип, основателем которого был немецкий профессор Г. Рюккерт, который выдвинул идею о существовании в истории параллельных замкнутых культурных образований, имеющих целый набор признаков: географических, этнографических, социально-экономических, культурных [27. С. 152].

Бесспорно, принципы и подходы имеют важное значение в изучении прошлого. Однако не меньшую роль играют здесь и методы исторического познания предмета.

Среди этих методов историографии можно упомянуть: метод «идеальных типов» немецкого ученого М. Вебера; метод структурно-функционального анализа (Т. Парсонс, Р. Мертон), которые в качестве определяющей структуры при изучении общества берут совокупность общепринятых норм, принуждающих человека выполнять функциональные требования социальной системы; метод структурного анализа (К. Леви-Стросс, М. Фуко), подчеркивающий базисное значение языково-знаковых структур.

Следует также упомянуть выдвинутые академиком И.Д. Ковальченко основные методы исторического познания [25. С. 169–180]: историко-генетический метод, историко-сравнительный, историко-типологический, историко-системный.

Пентадная группа сформирована на основе масштабного географического представления историографии этнографической науки в диапазоне от локальной до мировой. При этом корпус актуально действующих в данный момент времени публикаций расчленен на «эшелоны», находящиеся на различном удалении от переднего края научных исследований.

Локальная историография изучает процесс накопления этнографических знаний локального масштаба. Некоторые исследователи под локальной историографией подразумевают «обзорографию» как одно из проявлений (сознательного или стихийного) отрицания рационально-теоретического подхода к изучению местной истории, показатель невысокого уровня исследовательской культуры. Термин «обзорография» в научный оборот введен А.И. Зевелевым [4. С. 139].

Региональная историография изучает региональные особенности традиционной культуры народов: хозяйство, материальная и духовная культура, основные традиционные общественные институты и основные тенденции этнических процессов.

Страноведческая историография – дисциплина, занимающаяся комплексным изучением этнографической историографией стран, систематизирующей и обобщающей разнородные данные об их природе, населении, экономике, культуре и социальной организации.

Континентальная историография – дисциплина, освящающая континентальную этнографическую традицию, ключевыми фигурам которой являются Хайдеггер, Арендт, Сартр, Фуко и Деррида и др., которые помещаются в общий контекст развития этой традиции, начиная с Просвещения.

Мировая историография освещает и обобщает макроэтнографический уровень развития науки. На этом полюсе шкалы центр тяжести исследований связан с интерпретацией, ибо в данном случае необходимо найти место каждого этнографического явления во всемирно-историческом процессе.

Таким образом, опираясь на системную классификацию, мы попытались проследить логику становления и развития этнографической историографии. Одним из способов проверки системной классификации является её применение вширь, например для того, чтобы классифицировать и сопоставлять не только разделы этнографии, но и подразделы историографических разделов других наук, частности археологии, истории, истории, источниковедения и филологии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гражданников Е.Д., Холюшкин Ю.П. Системная классификация социологических и археологических понятий. Новосибирск, 1990. 182 с.
2. Холюшкин Ю.П. Системная археология. Новосибирск, 2010. 554 с.
3. Токарев С.А. История зарубежной этнографии. М., 1978а. 352 с.
4. Зевелев А.И. Историографическое исследование: методологические аспекты : учеб. пособие для студ. вузов, обучающихся по спец. «История». М. : Высш. шк., 1987. 160 с.
5. Токарев С.А. Истоки этнографической науки (до середины XIX в.). М., 1978б. 168 с.
6. Клейн Л.С. История антропологических идей. СПб., 2014. 744 с.
7. Борофски Р. Введение к книге «Осмысливая культурную антропологию» // Этнографическое обозрение. 1995. № 1. С. 3–18.
8. Honigmann J.J. The development of anthropological ideas. Homewood Illinois : Dorsey Press, 1976.
9. Аверкиева Ю.П. История теоретической мысли в американской этнографии. М. : Наука, 1979. 288 с.
10. Эванс-Причард Э. История антропологической мысли. М., 2003. 358 с.
11. Service E. A Century of Controversy: Ethnological Issues From 1860 To 1960. L. : Academic Press, 1985. 351 p.
12. Barnard A. History and Theory in Anthropology. Cambridge : Cambridge University Press, 2000. 256 p.
13. Гирц К. Интерпретация культур. М. : РОССПЭН, 2004. 560 с.
14. Geertz C. Works and Lives: The Anthropologist as Author. Stanford, 1988. 157 p.
15. Христофорова О. Между сциентизмом и романтизмом: Клиффорд Гирц о перспективах антропологии // НЛО. 2004. № 70. URL: http://magazines.russ.ru/nlo/2004/70/hri5.html
16. Сагалаев А.М., Октябрьская И.В. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Знак и ритуал. Новосибирск : Наука, 1990. 209 с.
17. Энгельс Ф. Анти-Дюринг // Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М. : Гос. изд-во полит. лит., 1961. Т. 20.
18. Деревянко А.П., Воронин В.Т., Холюшкин Ю.П. Статистический анализ кадрового состава археологов Новосибирского научного центра // Методология и методика археологических реконструкций. Новосибирск, 1994. С. 32–42.
19. Тодрес З.В. Что дает обзор? // Химия и жизнь. 1983. № 11. URL: http://vivovoco.astronet.ru/vv/papers/scilang/rev.htm
20. Мирский Э.М. Массив публикаций и система научной дисциплины // Социология науки. М., 2000. URL: http://www.courier-edu.ru/pril/posobie/mirdis.htm
21. Яблонский А.И. Математические модели в исследовании науки. М. : Наука, 1986. 353 с.
22. Этнография и смежные дисциплины. Этнографические субдисциплины. Школы и направления. Методы. М. : Наука, 1988. Вып. 2. 224 с.
23. Мирская Е.З. Научные школы как форма организации науки. Социологический анализ проблемы // Науковедение. 2002. № 3. С. 8–24. URL: http://sst.nw.ru/wp-content/uploads/2017/02/2013_4-Sociology.pdf
24. Малинз Н. Модель развития теоретических групп в социологии // Социология науки. М., 2000. URL: http://www.courier-edu.ru/pril/posobie/mull.htm
25. Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. М., 1987. 440 с.
26. Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре // Культурология XX век. Антология. М., 1995. С. 69–101.
27. Семенов Ю.И. Философия истории. М., 2003. 776 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 2 октября 2017 г.

THE SYSTEM BIBLIOGRAPHICAL CLASSIFICATION OF ETHNOGRAPHIC HISTORIOGRAPHY

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 424, 80–88.
DOI: 10.17223/15617793/424/11

Vladislav M. Kulemzin, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: kholush45@gmail.com
Yuriy P. Kholyushkin, State Public Scientific-Technical Library, SB RAS (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: kholush45@gmail.com

Keywords: system classification; general theoretical historiography; commentary historiography; chronicle historiography; conceptual historiography.

In the article the authors presented the fragment system classification of ethnographic historiography based on the universal classification model. This classification involves the use of dialectic laws to identify systemic links between concepts. The content of the model is seen through six consecutive conceptual formations, ranging from a supporting concept and ending with a five-element group. The initial classification is presented in the form of a supporting concept – a common ethnographic historiography and an alternative-identical concept – historiographical methodology, which, with further in-depth consideration, has its own hierarchical structure in the form of classification fragments. The diad group is divided into commentary and theoretical historiography. Commentary historiography is the most common type of historiographical description based on a simple statement of known facts, whereas the task of theoretical historiography is to analyze the source base, the nature of the use of ethnographic sources, specific methods for studying ethnographic facts, to determine the place of ethnographic scientific schools and directions, to study the organization and forms of research work in the field of ethnography, including the system of research institutions, universities, museums, archives, researchers' training system, analysis of the problems of ethnographic research, its development and expansion. At the next structural level, the authors single out chronicle historiography – "description of archaeological research in its chronological order", source historiography that studies the "history of archaeological knowledge on the basis of material and written sources" and conceptual historiography "studying the theoretical and methodological principles inherent in every direction of archaeological thought and the study of archaeological concepts created by various ethnographic directions and schools, revealing the moments of continuity of ethnographic knowledge". The methodology of historiography is a "sequence of specific procedures, whose implementation ensures the achievement of a given aim of historiographical research". The numerous and voluminous quotations presented above intend to demonstrate that conceptually the problem of the subject field of ethnographic historiography remains undeveloped. The classification is completed by a five-element group, characterized by the scales of a historiographical study.

REFERENCES

1. Grazhdannikov, E.D. & Kholyushkin, Yu.P. (1990) *Sistemnaya klassifikatsiya sotsiologicheskikh i arkheologicheskikh ponyatiy* [System classification of sociological and archaeological concepts]. Novosibirsk: Nauka.
2. Kholyushkin, Yu.P. (2010) *Sistemnaya arkheologiya* [System archeology]. Novosibirsk: Novosibirsk State University.
3. Tokarev, S.A. (1978a) *Istoriya zarubezhnoy etnografii* [The history of foreign ethnography]. Moscow: Vyssh. shkola.

4. Zevelev, A.I. (1987) *Istoriograficheskoe issledovanie: metodologicheskie aspekty* [Historiographical research: methodological aspects]. Moscow: Vyssh. shk.
5. Tokarev, S.A. (1978b) *Istoki etnograficheskoy nauki (do serediny XIX v.)* [The origins of ethnographic science (until the middle of the nineteenth century)]. Moscow: Nauka.
6. Kleyn, L.S. (2014) *Istoriya antropologicheskikh ucheniy* [The history of anthropological teachings]. St. Petersburg: St. Petersburg State University.
7. Borofski, R. (1995) Vvedenie k knige "Osmyslivaya kul'turnuyu antropologiyu" [Introduction to the book "Comprehending cultural anthropology"]. *Etnograficheskoe obozrenie*. 1. pp. 3–18.
8. Honigmann, J.J. (1976) *The development of anthropological ideas*. Homewood, Illinois: Dorsey Press.
9. Averkieva, Yu.P. (1979) *Istoriya teoreticheskoy mysli v amerikanskoy etnografii* [The history of theoretical thought in American ethnography]. Moscow: Nauka.
10. Evans-Prichard, E. (2003) *Istoriya antropologicheskoy mysli* [The history of anthropological thought]. Translated from English. Moscow: Vostochnaya literatura.
11. Service, E. (1985) *A Century of Controversy: Ethnological Issues From 1860 To 1960*. Leningrad: Academic Press.
12. Barnard, A. (2000) *History and Theory in Anthropology*. Cambridge: Cambridge University Press.
13. Geertz, C. (2004) *Interpretatsiya kul'tur* [Interpretation of cultures]. Translated from English. Moscow: ROSSPEN.
14. Geertz, C. (1988) *Works and Lives: The Anthropologist as Author*. Stanford: Stanford University Press.
15. Khristoforova, O. (2004) Mezhdu stsientizmom i romantizmom: Klifford Girts o perspektivakh antropologii [Between Scientism and Romanticism: Clifford Geertz on the prospects of anthropology]. *NLO*. 70. [Online] Available from: http://magazines.russ.ru/nlo/2004/70/hri5.html.
16. Sagalaev, A.M. & Oktyabr'skaya, I.V. (1990) *Traditsionnoe mirovozzrenie tyurkov Yuzhnoy Sibiri. Znak i ritual* [Traditional worldview of the Turks of Southern Siberia. Sign and ritual]. Novosibirsk: Nauka.
17. Engels, F. (1961) Anti-Dyuring [Anti-Duhring]. In: Marx, K. & Engels, F. *Sochineniya* [Works]. Translated from German 2nd ed. Vol. 20. Moscow: Gos. izd-vo polit. lit.
18. Derevyanko, A.P., Voronin, V.T. & Kholyushkin, Yu.P. (1994) Statisticheskiy analiz kadrovogo sostava arkheologov Novosibirskogo nauchnogo tsentra [Statistical analysis of the personnel composition of archaeologists of the Novosibirsk Scientific Center]. In: Derevyanko, A.P. & Kholyushkin, Yu.P. (eds) *Metodologiya i metodika arkheologicheskikh rekonstruktsiy* [Methodology of archaeological reconstruction]. Novosibirsk: IAE.
19. Todres, Z.V. (1983) Chto daet obzor? [What does the survey provide?]. *Khimiya i zhizn'*. 11. [Online] Available from: http://vivovoco.astronet.ru/VV/PAPERS/SCILANG/REV.HTM.
20. Mirskiy, E.M. (2000) Massiv publikatsiy i sistema nauchnoy distsipliny [The mass of publications and the system of scientific discipline]. In: Lebedev, S.A. (ed.) *Sotsiologiya nauki* [Sociology of science]. Moscow: [s.n.]. [Online] Available from: http://www.courier-edu.ru/pril/posobie/mirdis.htm.
21. Yablonskiy, A.I. (1986) *Matematicheskie modeli v issledovanii nauki* [Mathematical models in the study of science]. Moscow: Nauka.
22. Zel'nov. I. et al. (eds) *Etnografiya i smezhnye distsipliny. Etnograficheskie subdistsipliny. Shkoly i napravleniya. Metody* [Ethnography and related disciplines. Ethnographic sub-disciplines. Schools and directions. Methods]. Vol. 2. Moscow: Nauka.
23. Mirskaya, E.Z. (2002) Nauchnye shkoly kak forma organizatsii nauki. Sotsiologicheskiy analiz problemy [Scientific schools as a form of organization of science. Sociological analysis of the problem]. *Naukovedenie*. 3. pp. 8–24. [Online] Available from: http://sst.nw.ru/wp-content/uploads/2017/02/2013_4-Sociology.pdf.
24. Malinz, N. (2000) Model' razvitiya teoreticheskikh grupp v sotsiologii [Model of development of theoretical groups in sociology]. In: Lebedev, S.A. (ed.) *Sotsiologiya nauki* [Sociology of science]. Moscow: [s.n.]. [Online] Available from: http://www.courier-edu.ru/pril/posobie/mull.htm.
25. Koval'chenko, I.D. (1987) *Metody istoricheskogo issledovaniya* [Methods of historical research]. Moscow: Nauka.
26. Rickert, H. (1995) Nauki o prirode i nauki o kul'ture [Sciences on nature and sciences on culture]. Translated from German. In: Levit, S.Ya. (ed.) *Kul'turologiya XX vek. Antologiya* [Culture studies of the twentieth century. Anthology]. Moscow: Yurist.
27. Semenov, Yu.I. (2003) *Filosofiya istorii* [Philosophy of history]. Moscow: Sovremennye tetradi.

Received: 02 October 2017

Вестник Томского государственного университета. 2017. № 424. С. 89–96. DOI: 10.17223/15617793/424/12

УДК 378.1

В.В. Малиновский

РОЛЬ ПАРТИЙНОГО ИДЕОЛОГИЧЕСКОГО КОНТРОЛЯ В ПРОЦЕССЕ РАЗВИТИЯ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ АЛТАЙСКОГО КРАЯ В 40–80-х гг. XX в.

Рассматривается проблема партийного идеологического контроля над высшей школой Алтайского края. Анализируются этапы партийного руководства высшими учебными заведениями Алтайского края. Исследуется роль партийного идеологического контроля в процессе развития высшей школы СССР. Выражается мысль о потребности изучения проблемы партийного идеологического контроля в современной исторической науке.

Ключевые слова: Алтайский край; университеты; партийный контроль; идеология; коммунистическая партия.

Проблемы развития государства и общества всегда были, есть и будут наиболее обсуждаемыми. Перешагнув в начале 1990-х гг. порог своего советского дома, бывшие советские республики начали строить свои независимые государства. Начав в 1990-е гг. с ускоренного перехода к демократии, бывшие социалистические республики решили отказаться от всех «пережитков» советского прошлого, среди которых была идеология, вызывавшая особенную неприязнь. Ее было необходимо ликвидировать во всех сферах жизни общества, и в первую очередь в образовании. В настоящее время, благодаря попытке перехода российской высшей школы в Болонскую систему, актуальным стал вопрос реформирования системы высшего образования. Одновременно с этим началось обсуждение необходимых элементов устойчивой системы. В связи с этим для исследователей снова актуальными стали темы, напрямую связанные с советским прошлым. Одной из таких тем является проблема идеологического контроля над системой образования.

Сразу после Октябрьской революции советское правительство предприняло решительные шаги к максимально быстрому распространению коммунистической идеологии среди населения. Этому способствовали кампания ликбеза и создание институтов красной профессуры. Однако все эти меры длительное время касались только лишь Центральной России. Ситуация коренным образом изменилась с началом Великой Отечественной войны и вынужденной эвакуацией вузов за Урал. На новых местах эвакуированные вузы начали создаваться практически заново, проходя все стадии развития от выделения им помещений до набора преподавателей и студентов. Говоря о высшей школе Алтайского края, можно с уверенностью утверждать, что она в своем развитии прошла три больших этапа, каждый из которых был связан с теми или иными особенностями. Первый этап – это 30–50-е гг. XX в., связанные с межвоенным развитием СССР, Великой Отечественной войной и началом послевоенного восстановления экономики, второй – 50–60-е гг. XX в., с которыми связаны хрущевские преобразования и вступление СССР в экономическое и геополитическое соперничество со странами Запада и третий – 60–90-е гг. XX в., включающий в себя брежневскую эпоху, кризис и крах СССР в ходе перестройки.

Целью данной статьи является анализ каждого из выделенных этапов с точки зрения особенностей партийного контроля над развитием высшей школы Алтайского края.

Несмотря на то что высшая школа Алтайского края начала создаваться в начале 1930-х гг., говорить о партийном контроле можно только с началом Великой Отечественной войны. Это объясняется неразвитостью вузовской инфраструктуры Алтайского края, которая вплоть до 1941 г. представляла собой один Учительский институт, созданный здесь в 1933 г. и служивший для реализации программы всеобуча Всесоюзной коммунистической партии (большевиков) (ВКП(б)). Становление и развитие высшей школы Алтайского края связано с эвакуацией сюда в 1941 г. Запорожского машиностроительного и Пушкинского сельскохозяйственного институтов. Они стали базой для будущих Алтайского машиностроительного института (АМИ) и Алтайского института сельскохозяйственного машиностроения (АИСХМ). Идейно-политическое воспитание студенческой молодежи было в центре внимания каждого высшего учебного заведения, его работников, партийных и комсомольских организаций. Особо важную роль в этом деле играли кафедры общественных наук. Министр высшего образования СССР С.В. Кафтанов сказал: «...обучая молодежь основам науки, ни на минуту нельзя забывать, что всякая наука и особенно общественная является партийной, и преподавание ее не может быть оторвано от политики большевистской партии, советского государства. На этой основе должна строиться вся работа высшей школы в области коммунистического воспитания молодежи. Советская наука может с успехом выполнять свою прогрессивную роль лишь тогда, когда она пронизана политикой партии и правительства. А это означает, что связь науки с политикой является по существу решающим критерием ее (науки) идейного содержания» [1. С. 4].

В этот период партийный контроль выражался во вмешательстве государства в науку и установлении ориентиров развития. К концу 1940-х гг. относится период насильственного пересмотра методики преподавания биологических дисциплин в вузах СССР, гонения на ряд научных направлений, например генетику. Параллельно с этим парторганизации внедряли на местах «нужные» проекты, в частности идеи академика Т.Д. Лысенко. При этом следует отметить, что такая категоричность, местами приносящая временный вред, одновременно имела и положительные проявления, главным из которых было поддержание развития высшей школы страны в четко определенном «коридоре». Это ограждало ее от внешних влияний и одновременно с этим привело к постепенному «закостенению» системы к концу 1980-х гг.

Этот период также характеризуется активной политико-воспитательной работой, проводимой в вузах. Вузовским руководителям делались замечания за недостаточную проникнутость лекций большевистской идейностью, отсутствие непримиримости к буржуазным трактовкам тех или иных вопросов или малому участию в общественной работе. Особо отмечалось, когда та или иная кафедра не организовывала технические кружки или слабо изучала марксистско-ленинскую теорию. В докладной записке секретарю ЦК ВКП(б) Г.М. Маленкову «О неблагополучии с профессорско-преподавательскими кадрами в высших учебных заведениях Алтайского края» от 2 февраля 1952 г. говорится, что крайком ВКП(б) считал, что вузы края плохо укомплектованы преподавательскими кадрами. Из 212 штатных преподавателей вузов только трое были докторами наук и 46 – кандидатами наук. Из них пятеро не были членами партии. Такое положение привело к тому, что лица, не являющиеся членами партии и не имеющие ученых степеней и званий, читали самостоятельные лекционные курсы. Из пяти директоров институтов только двое имели ученую степень кандидата наук. В силу недостатка кадров в ряде институтов края работали лица, не внушавшие политического доверия, а также лица, не соответствовавшие должности по своим деловым качествам. К примеру, в Алтайском институте сельхозмашиностроения из 42 штатных преподавателей 12 человек имели компрометирующие биографические данные. Более того, некоторые из них находились на руководящей работе. Заведующим кафедрой «Автомобили и тракторы» работал доцент А.П. Ланге – ранее осужденный по статье 58-а, старший преподаватель Т.А. Животовский – с 1937 по 1941 г. находился под следствием органов НКВД. У старших преподавателей Н.А. Толчинского и А.В. Полянского отцы были репрессированы органами НКВД. Подобная информация была собрана и на преподавателей Барнаульского учительского института. Все эти преподаватели находились под постоянным наблюдением органов госбезопасности.

Период правления Н.С. Хрущёва (1953–1964 гг.) характеризовался в отечественной историографии как период развития сети высших учебных заведений и ориентации руководства страны на нравственное воспитание студенчества. Осуществление принципа трудового обучения преобразовало все стороны деятельности высшей школы и внесло, в частности, существенные изменения в идейно-воспитательную работу. Производственная практика студентов на предприятиях, где работали бригады коммунистического труда, привела к тому, что многие студенты в период практики становились членами таких бригад. Широкий размах получили такие формы воспитания и трудовой закалки студентов, как ударные студенческие отряды на новостройках семилетки, комсомольских стройках, ударные отряды на строительстве сельскохозяйственных объектов, детских учреждений, жилых домов. Трудовое воспитание студентов, их непосредственная связь с коммунистическим строительством способствовали развитию у них черт и качеств нового человека [2. С. 3].

Увеличение количества выпускников строительных и сельскохозяйственных специальностей дало результат в виде развития и расширения городов Алтайского края, а вместе с тем и населения. Промышленное развитие городов с упором на тяжелую промышленность, освоение целины и начало ядерных испытаний на Семипалатинском полигоне создали ситуацию, в которой Алтайский край стал нуждаться в квалифицированных медицинских кадрах и исследованиях в области здравоохранения. Этим объясняется создание в Барнауле в 1954 г. медицинского института. В рамках пропаганды высшего образования и привлечения в вузы молодежи в июне 1959 г. при нем начал работу Народный университет по распространению медицинских знаний. Выполняя постановление ЦК КПСС об усилении пропаганды политических и научных знаний среди населения, профессорско-преподавательский состав института проводил большую работу, занимаясь пропагандой медицинских знаний среди населения города и края [3. Л. 274].

Министерство высшего и среднего специального образования СССР вело систематическую работу, направленную на улучшение атеистического воспитания молодежи и студентов. С 1959/60 учебном году в вузах страны, в том числе в Алтайском крае, было введено преподавание факультативного курса «Основы научного атеизма». В остальных учебных заведениях (за исключением вузов, где научный атеизм введен ранее в качестве обязательной дисциплины) сохранялось преподавание курса как факультативного [4. С. 70]. С 1959 г. в высших учебных заведениях были введены новые идеологические курсы научного атеизма, марксистско-ленинской этики и эстетики, которые должны были улучшить атеистическое, нравственное и эстетическое воспитание студенчества и тем самым расширить кругозор молодежи, укрепить и углубить ее материалистическое мировоззрение.

Важнейшим документом, определяющим план построения коммунизма в СССР, явилась новая Программа КПСС, принятая XXII съездом партии, состоявшимся в октябре 1961 г. По его итогам перед советским народом, среди прочих, в области идеологии была поставлена задача воспитания нового человека – человека коммунистического общества. XXII съезд КПСС, определяя задачи в области дальнейшего развития и улучшения народного образования в СССР, в своих решениях указал на необходимость значительно повысить идейно-теоретический и научный уровень преподавания, усилить его связь с задачами коммунистического строительства. В этой связи исключительно большую роль призван сыграть курс «Основы научного коммунизма», который был должен помочь создать внутренне единую систему изучения общественных наук в вузах, вооружить молодежь марксизмом-ленинизмом как цельной и стройной системой философских, экономических и социально-политических взглядов [2. С. 6]. Идя дальше по пути создания системы постоянного идеологического надзора за развитием общества, руководство страны на ноябрьском (1962 г.) Пленуме ЦК КПСС объявило о создании в вузах СССР и на предприятиях, стройках, в научных учреждениях групп и постов содей-

ствия органам партийно-государственного контроля. Основное внимание эти группы уделяли контролю над качеством учебного процесса, развитием научных исследований и внедрением их результатов в производство [5. С. 54]. Июньский (1963 г.) Пленум ЦК КПСС потребовал от работников высшей школы подготовки не только высококвалифицированных специалистов, но и идейных борцов, живущих по принципам морального кодекса строителей коммунизма. Значительную роль в формировании материалистического мировоззрения, идейной убежденности и коммунистической нравственности у советских студентов играли социально-экономические науки, специальные дисциплины.

Согласно высказыванию Н.С. Хрущёва на июньском Пленуме ЦК КПСС 1963 г., «Коммунистическая идеология, марксистско-ленинское учение, – это образно говоря, цемент, который соединяет в единый монолит волю и действия миллионов, партию и народ» [6. С. 56]. Одновременно с этим усиливалось партийное присутствие в вузах. В марте–апреле 1961 г. были внесены изменения в структуру комсомольской организации Алтайского политехнического института, количество членов которой достигло к этому времени почти трех тысяч человек. Были упразднены курсовые и избраны факультетские бюро. Утверждена должность освобожденного секретаря комитета ВЛКСМ. Комитету ВЛКСМ были предоставлены права райкома комсомола. Усилилось партийное руководство комсомолом, в состав комитета было избрано шесть членов партии. Была изменена структура партийной организации. В октябре 1960 г. были созданы три первичных парторганизации: машиностроительного и строительного, механико-технологического и химико-технологического факультетов рабочих и служащих. «Главным во всей нашей идеологической работе на современном этапе, – подчеркивал в речи на V Пленуме ЦК КПСС в 1963 г. Н.С. Хрущёв, – является воспитание всех трудящихся в духе высокой идейности и преданности коммунизму, коммунистического отношения к труду и общественному хозяйству, полное преодоление пережитков буржуазных взглядов и нравов, всестороннее, гармоничное развитие личности, создание подлинного богатства духовной культуры» [7. С. 3].

Начало правления Л.И. Брежнева было связано с усилением идеологического партийного контроля во всех сферах жизни. Согласно приказу по Министерству высшего и среднего специального образования СССР № 627 от 13 августа 1969 г., в учебных заведениях СССР открылась специальность «Научный коммунизм» [8. С. Л. 16]. Это решение легло на подготовленную почву усиления подготовки преподавателей общественных наук. В Постановлении ЦК КПСС и Совета министров СССР от 18 июля 1972 г. № 535 «О мерах по дальнейшему совершенствованию высшего образования в стране» отмечалась необходимость поднять роль университетов в системе высшего образования страны, превратить их в ведущие учебно-методические центры высшей школы. XXIV съезд КПСС (1973 г.) принял решение завершить переход ко всеобщему среднему образованию молодежи. Учебные заведения должны были не только не снижать, а всячески поднимать качество обучения и воспитания, формировать подрастающее поколение в духе идеологии марксизма-ленинизма, морального кодекса строителей коммунизма, растущих задач хозяйственного и культурного строительства [9. С. 4]. Проявлениями такого внимания к моральному облику советского гражданина были наблюдение за личной жизнью преподавателей, четкий контроль за их поведением. Например, в 1973 г. ассистенту кафедры английского языка Алтайского педагогического института было отказано в выезде за границу в качестве переводчика в связи с ухудшением взаимоотношений с женой. Сообщение об этом было отправлено администрацией вуза замминистра просвещения РСФСР Н.В. Александрову [10. Л. 71]. На этом этапе можно с уверенностью говорить о построении в алтайских вузах четкой вертикали идеологического контроля. Ее центром была партийная организация вуза, в котором она находилась. В ее ведении был контроль за профессорско-преподавательскими кадрами и, опосредовано, через кафедры общественных наук, – за студентами. Кафедры общественных наук являлись прямыми проводниками идеологических установок партии среди студенчества.

Идеологическая погода в СССР менялась быстро. Ледяной ветерок конца 1960-х к началу 1970-х гг. перерос в метель. Появилась угроза переоценки того, что в шестидесятых годах ассоциировалось с достижениями в науке, литературе, искусстве. Это было наступление на позиции той части интеллигенции, которая считала идеи социализма исторически прогрессивными, но была убеждена в том, что в условиях СССР в период культа личности эти идеи были деформированы. Главным идеологом контрреформ стал заведующий отделом науки и учебных заведений ЦК КПСС С.П. Трапезников. Он олицетворял нетерпимость к любым идеологическим вольностям хрущевского периода. Утверждалось, что марксистско-ленинская партийность – общий принцип, который должен быть конкретно реализован в преподавании каждой общественной науки. Принцип партийности в преподавании истории КПСС – это неуклонное и систематическое раскрытие руководящей роли партии в процессе строительства социализма и коммунизма, значение опыта КПСС для международного коммунистического и рабочего движения, ее опыта борьбы с оппортунизмом, борьбы за единство рабочего класса. Принцип партийности имел свое выражение в преподавании всех общественных наук [11. С. 78].

Согласно новой установке партии и правительства, озвученной генеральным секретарем ЦК КПСС Л.И. Брежневым на Всесоюзном слете студентов 19 октября 1971 г., процесс учебы должен был «идти рука об руку с процессом коммунистического воспитания». Партийная организация университета или института – это политический авангард коллектива, а вузовский партком – его боевой штаб. В связи с предоставлением партийным организациям вузов права контроля над деятельностью администрации их роль во всей жизни высшей школы возросла. Вне поля зрения партийных организаций не должен был

оставаться ни один принципиальный вопрос работы высшего учебного заведения, будь то содержание учебной работы или досуг студентов, общественная работа и спорт [12. С. 7].

XXIV съезд КПСС (1971 г.) выдвинул в качестве важнейшей составной части всей идейно-политической борьбы воспитание у советских людей коммунистического отношения к труду. На Всесоюзном слете студентов Л.И. Брежнев подчеркнул, что учение марксизма-ленинизма есть неотъемлемая часть знаний любого профиля [13. С. 72]. Также отмечалось, что «борьба с тем, что мы называем пережитками прошлого в сознании и поступках людей, – это дело, которое требует к себе постоянного внимания партии, всех сознательных передовых сил нашего общества» [14. С. 84]. Центральный комитет КПСС уделял постоянное внимание атеистическому воспитанию студентов и трудящихся. В стране была создана система атеистического воспитания студенчества. Будущий специалист должен был стать пропагандистом, способным умело и доходчиво нести в массы идеи воинствующего атеизма. Всю работу по атеистической пропаганде среди студенчества на себя взяли вузовские комсомольские организации всех уровней.

Помимо идеологического контроля внутри страны, к середине 1980-х гг. появилась потребность в контрпропаганде. Это было связано с ухудшением общей ситуации как внутри СССР, так и на территории стран Организации Варшавского договора. В связи с необходимостью разработки методики контрпропаганды для борьбы с зарубежной идеологией появились требования к изучению, постановке и практике идеологической, политико-воспитательной и контрпропагандистской работе в вузе. В это время в АПИ совершенствовалась система пропаганды и контрпропаганды среди студентов и преподавателей. На кафедрах общественных наук были расширены исследования по проблемам критики антимарксистских теорий и концепций в области философии, политэкономии и истории КПСС и советского общества, современного мирового процесса. Результаты исследований внедрялись в учебный процесс и общественную практику. Вместе с тем в институте развертывалась работа по повышению мировоззренческой направленности лекций и семинаров в преподавании специальных дисциплин, расширялись тематика и количество лекций по проблемам контрпропаганды членами и лекторами организации общества «Знание».

Апрельский (1985 г.) Пленум назвал недостатками, накопившимися в сфере воспитания, формализм и назидательность, пустословие, неумение говорить с людьми языком правды. Их усугубляли опека учащейся молодежи, «зарегулированность» воспитательных мероприятий, «бумажный стиль» руководства. Заявлялось о необходимости взять на вооружение тезис партии о воспитании на практических делах – на делах учебных, общественно полезном труде, на делах, рожденных инициативой студенчества, самодеятельностью комсомольских организаций. Ведущими идейно-теоретическими, методическими центрами воспитательной работы должны были быть кафедры общественных наук. При этом никто не отменял идеологический контроль над высшей школой. Еще в 1984 г. в числе определяющих предпосылок увеличения вклада высшей школы в прогресс советского общества было повышение эффективности марксистско-ленинского образования и воспитания студентов. Следовало ускорить темпы реализации Постановления ЦК КПСС «О дальнейшем совершенствовании системы повышения квалификации преподавателей общественных наук высших учебных заведений» (1982 г.). Особое значение придавалось тем аспектам этого документа, которые были связаны с приближением преподавания общественных наук к жизни, социальной практике. Нужно было приобщать студентов к организационно-политической работе партийных, советских и хозяйственных органов, улучшать качественный состав обучающихся в университетах на факультетах и отделениях общественных наук, привлекая сюда молодежь, обладающую жизненным и трудовым опытом. Министерство образования отмечало потребность в совершенствовании внешнеполитической пропаганды и контрпропаганды в высшей и средней специальной школе. В частности, указывалось на необходимость оперативнее разоблачать идеологические диверсии империализма, систематически информируя коллективы вузов о внутренней и внешней политике КПСС, о положении дел в мире; усилить борьбу со всякого рода слухами, изучать общественное мнение и целенаправленно формировать его, повышать политическую бдительность. В интересах налаживания работы по контрпропаганде создавались специальные комиссии в министерствах высшего образования республик и в учебных заведениях, которые строили свою работу на основе сотрудничества с партийными органами. К работе привлекался весь цвет советской высшей школы, обладающий спецобразованием и идеологической подготовкой. Выполнение всей воспитательной программы 1984 г. велось при тесном взаимодействии партийных, профсоюзных, комсомольских организаций и опиралось на развитие общественно-политической активности самих учащихся [15. С. 9].

В своей речи на апрельском (1984 г.) Пленуме ЦК партии Генеральный секретарь ЦК КПСС К.У. Черненко отметил: «Реформа создает условия для сопряженного развития всей системы народного образования. Включая, разумеется, и высшую школу, которая существенно влияет на темпы нашего экономического, социального и духовного прогресса… Именно здесь создаются человеческие предпосылки того, что является нашей первостепенной заботой, – органичного соединения социалистической системы хозяйствования с новейшими достижениями научно-технической революции» [16. С. 3]. Поэтому работе с высшей школой придавалось первоочередное значение. Черненко небезосновательно считал, что только при возврате к методичному использованию идеологического контроля можно если не остановить коренные негативные изменения советского общества, то притормозить их и вернуть на «правильные рельсы». «Сегодня весь учебный процесс должен в гораздо большей мере стать носителем мировоззренческого содержания», – говорил он на апрельском (1984 г.)

Пленуме ЦК КПСС. – Это требует от нас максимального использования воспитательных возможностей каждого учебного предмета, каждого занятия. Чрезвычайно ответственна при этом роль общественных и гуманитарных дисциплин, формирующих теоретическое мышление и политический кругозор молодых специалистов, вооружающих их диалектическим методом познания» [17. С. 10]. «Мы постоянно заботимся о том, – указывал К.У. Черненко, – чтобы готовить такую молодежь, которая не дрогнет… Такую молодежь, которая сумела бы не только освоить опыт старших поколений, но и обогатить его собственными свершениями». Однако идеи Черненко не получили своего своего развития и в 1985 г. СССР вступил в процесс своей «Перестройки».

Точкой отсчета Перестройки являлся апрельский (1985 г.) Пленум ЦК КПСС. Путь развития образования (в том числе технического) был указан «Основными направлениями перестройки высшего и среднего специального образования» в стране, откорректирован февральским (1988 г.) Пленумом ЦК КПСС, Всесоюзным съездом работников народного образования [18. С. 3]. С этого момента высшая школа страны, как и весь народ, вступил в фазу коренной перестройки, которая затронула не только политическую структуру государства, но сами жизненные устои советского общества. Впервые так сильно проявились все противоречия, которые долгое время нивелировались советской системой. Само стремление власти и части общества к радикальным преобразованиям всех сфер жизни общества и государства вошло в совершенный конфликт с устоями этого общества, закономерностями его развития. Красноречивым свидетельством постепенной деградации политической системы являются статистические данные по количеству членов КПСС в перестроечные годы. В начале 1985 г. КПСС насчитывала 18,7 млн чел., что составляло 9,5% всего взрослого населения СССР. В первой половине 1980-х гг. ряды парторганизаций Западной Сибири увеличились с 793,0 до 902,7 тыс. чел. (на 13,1%), что составляло 4,8% от общей численности КПСС. В Алтайском крае количество рабочих и служащих выросло с 1 242 до 1 275 тыс. чел. (на 2,7%), коммунистов – с 169,5 до 182,8 тыс. чел. (на 7,9%) [19. Л. 1]. Численность парторганизаций коррелировалась с количеством занятых в народном хозяйстве в том или ином регионе, что объясняется системой приема в партию. КПСС была заинтересована в привлечении в свои ряды в первую очередь работавших граждан с целью эффективного воздействия на развитие экономики. По этой причине подавляющее большинство первичных парторганизаций, которые непосредственно занимались отбором кандидатов в члены КПСС, действовали на государственных предприятиях, в организациях и учреждениях [20. С. 280].

На XXVII съезде КПСС (25 февраля – 6 марта 1986 г.) был сделан решительный поворот в сторону социальной политики. Партия сформулировала масштабные задачи по улучшению ситуации в сфере образования, здравоохранения, системы социального обеспечения, пенсий, заработной платы и, особенно, в сфере жилищного строительства. Эти первые инициативы нового руководителя страны отвечали потребностям большей части населения, что привлекло в партию тысячи новых членов. В общесоюзном масштабе в 1985 г. в КПСС было принято 609,9 тыс. чел., в 1986 г. – 640,7 тыс. чел. В парторганизациях Западной Сибири в 1985–1986 гг. также наблюдалась положительная динамика роста численности. За 1985 г. количество коммунистов выросло на 20,4 тыс. чел., а в 1986 г. – на 23,9 тыс. чел. В начале 1987 г. численность парторганизаций Западной Сибири составила 947,1 тыс. чел. [21. Л. 37]. Однако уже в 1988 г. обозначилось твердое недовольство политикой КПСС. Из Алтайской краевой парторганизации в 1988 г. вышли 477 чел., общее уменьшение численности коммунистов в Алтайской краевой парторганизации достигло 5 тыс. чел. (2,7% от общего числа) [22. Л. 24]. Таянье партийных рядов обусловливалось главным образом двумя процессами: ростом количества людей, добровольно вышедших из нее, и значительным сокращением приема новых членов. Так, за 1989 г. из Алтайской парторганизации вышли 1,7 тыс. чел. [Там же. Л. 25]. За 1990 г. КПСС уменьшилась с 19,2 до 15,4 млн чел. (на 19,8%). Алтайская краевая парторганизация уменьшилась на 40,2 тыс. чел. (на 21,4%). В 1990 г. из Алтайской краевой парторганизации вышло в течение восьми месяцев 7,7 тыс. чел. [Там же. Л. 26]. Постепенно эти конфликтные ситуации привели к кризису Советского Союза, завершившемуся крахом страны и продолжением существования высшей школы Российской Федерации в начале 1990-х гг. во многом по инерции. Особенностью ситуации в Алтайском крае являлась во многом политическая индифферентность ее населения. В отличие от соседних регионов, где были активны интеллигенция (Новосибирская область) или рабочее движение (Кемеровская область), население Алтайского края действовало по инерции за основными процессами. Не имея ни мощного производства на своей территории, ни крупных объединений людей интеллектуального труда, Алтайский край был в основном аграрным регионом, что и предопределило в основном сельское, аполитичное мышление ее населения.

XXVII съезд КПСС (1986 г.), критически оценив состояние обществоведения, постановил активизировать роль марксистко-ленинской теории в осмыслении живой практики [23. С. 118]. Заметная часть студентов не получала в ходе обучения необходимой идейной закалки, проявляла политический инфантилизм. Ощутимым следствием изъянов в воспитании было недостаточно ответственное отношение многих студентов к учебному труду, распространение потребительской психологии, культивирование нравов, не отвечающих советской морали, включая пьянство и наркоманию, нарушение дисциплины и норм социалистического общежития [24. Л. 2]. Пропаганда продолжала выдвигать на первый план потребность в усилении идейного воздействия преподавания общественных наук. С учетом материалов съезда перестраивалось содержание обществоведческих курсов, готовились новые вузовские учебники по философии, политической экономии и научному коммунизму. Перед преподавателями ставилась задача всеми имеющими-

ся средствами вести решительную борьбу за освобождение преподавания их дисциплин от догматизма и схоластики, начетничества и формализма. Считалось, что эти меры обогатят учебный процесс новаторскими идеями партии, придадут системе преподавания общественных наук более цельный и творческий характер [25. С. 9]. В конечном итоге идеологическая подготовка вошла в полное противоречие с реальностью, вызвав у населения отторжение.

Как отмечалось на февральском (1988 г.) Пленуме ЦК КПСС, перестройка жизни общества шла и через высшую школу. В этих условиях изменения коснулись и роли вузовских партийных организаций. Кафедры общественных наук являлись методическими центрами вузов по идейно-политической работе. Они продолжали, несмотря на политические и социальные изменения в стране, пытаться воспитывать студенчество в духе социализма. Кафедры научного коммунизма проводили политические дискуссии, отвечали за содержание так называемых политчасов, которые носили дискуссионный характер. Каждая кафедра общественных наук занималась конкретным участком идейно-политической работы [26. С. 10].

При изучении архивных материалов и литературы по теме складывается ощущение, что в последние годы существования СССР правительство делало все от него зависящее, чтобы ускорить процесс распада страны. Иначе нельзя объяснить шаги, направленные на разрушение основ государства. В области высшего образования приказом Гособразования СССР от 22 августа 1989 г. № 685 предусматривалось существенное изменение в содержании читаемых курсов. В частности, вместо истории КПСС студентам предлагалось изучать социально-политическую историю XX в. [27. С. 49]. К концу 1980-х гг. в жизни высшей школы появились деформирующие ее нововведения, как, например, введение в 1989 г. в Совет филологического факультета АГУ студентов, которые на равных с преподавателями обсуждали все вопросы. Представители студенческих организаций и групп участвовали в распределении стипендий, матпомощи, мест в общежитии. Деканат проводил производственные собрания по курсам с целью выявления мнения студентов об организации учебного процесса, преподавания специальных и общеобразовательных дисциплин, организации контроля за самостоятельной работой [28. Л. 6].

К началу 1990-х гг. университетская жизнь продолжала свое течение по инерции. Факультеты и кафедры вузов, исходя из положений съездов КПСС о комплексном подходе к обучению на основе единства научно-политического, трудового и нравственного воспитания, идейно-политическое и трудовое воспитание студентов осуществляли через проведение политинформаций, кураторских часов и мероприятий, проводимых на них. Молодежь активно привлекалась к участию в субботниках, посвященных очередной годовщине Комсомола, Дню молодежи, в демонстрациях, посвященных октябрьским и майским праздникам [29. Л. 12]. При этом вся эта работа координировалась и направлялась партийной организацией вуза, деканатами, кураторами групп, общественными организациями (комсомолом и др.) факультета. Основные направления воспитания студентов были закреплены в вузовских перспективных планах комплексного воспитания студентов на весь период обучения. В 1990/91 учебном году ни партийные, ни советские органы не занимались обществоведами советских вузов. Вместо них стали повсеместно появляться институты повышения квалификации, которые были уже полностью лишены какой-либо идеологической составляющей. Обычным делом стало замкнутое, внутривузовское и внутрикафедральное общение преподавателей [30. Л. 7]. Проявлением кризисных явлений в сфере высшего образования СССР было несоответствие роста количества специалистов с высшим образованием: с 3 545 тыс. чел. в 1960 г. до 15 890 тыс. чел. в 1987 г., или более чем в 4,2 раза. Одновременно с этим, по оценкам ученых, более 2,5 млн рабочих мест специалистов с высшим образованием было избыточным [31. С. 39]. Сложившаяся ситуация привела к падению престижа высшего образования.

В заключение нужно сказать, что изучение вопроса идеологического контроля над учебным процессом в советских вузах является очень важным для понимания проблем развития современной высшей школы страны. Эвакуированные за Урал вузы помогли правительству распространить его решения на этот регион. Действуя «мягкой силой», зауральские университеты ежедневно проводили в жизнь партийные решения, осуществляли идеологическую подготовку населения и молодежи в частности. Благодаря взаимосвязи партийного и университетского руководства, которое во многом сочеталось в одном лице, в шестидесятые и семидесятые годы было сделано очень много для развития страны. Достаточно вспомнить широкое привлечение молодежи к «поднятию целины» и другим «социалистическим стройкам». Совместная работа студентов из разных регионов страны во многом способствовала созданию нового суперэтноса «советский человек», о чем в 1985 г. заявил Ю.В. Андропов. К 1970-м гг. партийная вертикаль тесно переплелась с вузовской структурой. Крайкомы, горкомы, райкомы партии вовлекали кадры обществоведов в лекционно-пропагандистскую работу, воспитывали у них качества организаторов политико-воспитательного процесса. В девятую–одиннадцатую пятилетки (1971–1985 гг.) происходил подъем уровня идейно-политической и научно-профессиональной подготовки обществоведческих кадров. В 1975 г. указывалось, что кафедры общественных наук АПИ должны были осуществлять конкретные мероприятия по повышению идейно-политического уровня лекций и семинарских занятий, по совершенствованию форм учебного процесса, организации самостоятельной работы студентов и повышению их общественно-политической активности [32. Л. 42]. На протяжении всего изучаемого периода на территории Алтайского края КПСС реализовывала свои решения через партийные ячейки на производстве и госучреждениях. Комсомол проводил активную объединяющую и разъяснительную работу среди студенчества. В вузах края активно действовали кафедры общественных наук, читавшие специализированные курсы, наполненные идеологической составляющей.

В начале 1980-х гг. в формировании научного мировоззрения и в идейно-политическом воспитании студентов большую роль должна была играть вся общественно-политическая, идеологическая и научная жизнь высшего учебного заведения. Ректораты и кафедры всех без исключения дисциплин, а также общественные организации были призваны добиваться, чтобы вся вузовская атмосфера способствовала выработке у будущих специалистов гражданской самостоятельности, высокой нравственности, стремления к постоянному профессиональному и культурному росту. Высшая школа СССР взяла на себя обязательство сделать все необходимое для того, чтобы воспитать студенческую молодежь в духе марксизма-ленинизма, советского патриотизма и пролетарского интернационализма; выработать у нее активную жизненную позицию, навыки организаторов производства и воспитателей трудовых коллективов; формировать высокие нравственные качества и готовность встать на защиту завоеваний социализма [33. С. 7]. Однако все эти стремления во многом остались на бумаге. К 1980-м гг. высшая школа СССР столкнулась сначала с равнодушием студенческой молодежи, которая уже «ждала перемен», а затем вступила с ней в мировоззренческий конфликт, возникший из-за непреодолимых противоречий самой программы перестройки. Она, с одной стороны, провозглашала новый виток развития идей марксизма-ленинизма и идеологической работы с населением, а с другой – объявляла о радикальных преобразованиях Советского Союза, в которых уже не было места для коммунистической идеологии и партийного нравственного воспитания студенчества. Советский опыт идеологического контроля системы высшего образования нуждается в тщательном изучении для последующего использования на благо современной российской высшей школы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кафтанов С.В. Ведущая роль кафедр общественных наук в идеологической работе вузов // Вестник высшей школы. 1947. № 3. С. 1–9.
2. Елютин В.П. Воспитывать активных борцов за коммунизм // Вестник высшей школы. 1963. № 5. С. 3–8.
3. Государственный архив Алтайского края (далее ГААК). Ф. 1534. Оп. 1. Д. 2. Л. 274.
4. Елютин В.П. Курсу научного атеизма – неослабное внимание // Вестник высшей школы. 1974. № 4. С. 69–72.
5. Ермаков И.А. Группа содействия партгосконтролю в вузе // Вестник высшей школы. 1965. № 5. С. 54–58.
6. Докукин В.И. Дело живое, творческое // Вестник высшей школы. 1964. № 7. С. 56–59.
7. Слить в единый поток обучение и воспитание // Вестник высшей школы. 1963. № 7. С. 3–7.
8. ГААК. Ф. 255. Оп. 2. Д. 351. Л. 16.
9. Паначин Ф.Г. Некоторые вопросы развития советской школы. М. : Знание, 1973.
10. ГААК. Ф. 750. Оп. 5. Д. 839. Л. 71.
11. Штракс Г.М. Последовательно проводить принцип партийности в преподавании // Вестник высшей школы. 1970. № 1. С. 75–79.
12. Речь товарища Л.И. Брежнева на Всесоюзном слете студентов 19 октября 1971 г. // Вестник высшей школы. 1971. № 11. С. 3–9.
13. Попов В.Д. Труд и воспитание молодежи // Вестник высшей школы. 1972. № 9. С. 71–74.
14. Материалы XXIV съезда КПСС. М. : Политиздат, 1971.
15. Главные задачи года // Вестник высшей школы. 1984. № 4. С. 3–21.
16. Янушковская Т.П. Профсоюзные организации вузов и школьная реформа // Вестник высшей школы. 1984. № 9. С. 3–6.
17. Нарибаев К.Н. Реализуя программные документы // Вестник высшей школы. 1984. № 10. С. 9–13.
18. Высшее техническое образование: взгляд на перестройку : научно-теоретическое пособие. М. : Высш. шк., 1990.
19. ГААК. Ф. П-1. Оп. 138. Д. 187. Л. 1.
20. Котляров М.В. Динамика численности и состава организаций КПСС в Западной Сибири в период Перестройки (1985–1991 гг.) // Власть и общество в Сибири в XX веке : сб. науч. ст. Новосибирск, 2010. С. 257–283.
21. РГАНИ. Ф. 77. Оп. 5. Д. 5. Л. 37.
22. ГААК. Ф. П-1. Оп. 151. Д. 59. Л. 24.
23. Материалы XVII съезда КПСС. М. : Политиздат, 1986.
24. ГААК. Ф. П-1. Оп. 158. Д. 172. Л. 2.
25. Ягодин Г.А. Курсом XXVII съезда КПСС // Вестник высшей школы. 1986. № 4. С. 3–12.
26. Курсом демократии и гласности // Вестник высшей школы. 1988. № 5. С. 8–10.
27. Марчук Л., Зражевский А., Рысич И. От истории партии – к истории партий // Вестник высшей школы. 1990. № 3. С. 49–50.
28. ГААК. Ф. 1595. Оп. 1. Д. 1762. Л. 6.
29. ГААК. Ф. 1663. Оп. 1Н. Д. 119. Л. 12.
30. ГААК. Ф. 1663. Оп. 1. Д. 1322. Л. 7.
31. Белоножкин А.С. Реформирование системы высшего образования в СССР (1985–1991 гг.) : дис. … канд. ист. наук. М., 2006.
32. ГААК. Ф. 255. Оп. 4. Д. 3. Л. 42.
33. Общественные науки и формирование научного мировоззрения студентов // Вестник высшей школы. 1980. № 6. С. 3–7.

Статья представлена научной редакцией «История» 22 августа 2017 г.

THE ROLE OF THE PARTY'S IDEOLOGICAL CONTROL IN THE HIGHER EDUCATION DEVELOPMENT IN THE ALTAI REGION IN THE 1940S–1980S

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 424, 89–96.
DOI: 10.17223/15617793/424/12

Vadim V. Malinovsky, Altai State University (Barnaul, Russian Federation). E-mail: Kielanovski@gmail.com

Keywords: Altai Region; university; party control; ideology; Communist Party.

This article studies the role of ideological control over the system of higher education in the USSR. After the collapse of the Soviet Union, the higher school of the Russian Federation was democratized. The rejection of ideology in education led to a complete imbalance of the entire state system and the emergence of a discussion of the role of ideology in the state. The purpose of this article is to determine the role of the party's ideological control in the development of higher education in the Altai Region in the 1940s–1980s. On the basis of archival materials and published literature on the topic under study, the author came to a conclusion about the possibility of specifying three stages of the phenomenon. The first stage is the 1930s—1950s, the years of adaptation of the USSR

higher school for military needs and the beginning of the postwar reconstruction of the USSR. In these years, hundreds of universities from the central part of the country were evacuated beyond the Urals. In new places they were created almost from a scratch, populating school buildings, enrolling first sets of students, etc. The stage is characterized by strong ideological control of the country's higher school by party organizations. The second stage is the 1950s–1960s, the years of the Khrushchev reforms and the entry of the USSR into the economic and geopolitical rivalry with the countries of the West. This period was marked by the development of university infrastructure, Khrushchev's "thaw" and a departure from the classical communist ideology. At the third stage, the 1960s–1990s, an attempt was made to return to traditional communist ideology. The CPSU, relying on the expanded party's university system, made an attempt to return to the pre-Khrushchev political course. As a result, this led to the internal political crisis of the Soviet Union, the Perestroika and the disintegration of the country. Throughout the studied period, the focus of the party organizations of universities was the ideological and political education of students. At the beginning of the period under study, the Communist Party saw ideological control as a powerful instrument of influence on young people and teachers. It was believed that without the ideological impregnation of education it was impossible to create a moral image of the youth, capable of meeting the tasks that the government set before it. Later this approach was transformed into the creation of moral ideals among young people. At the end of the studied period, an attempt was made to return to ideological control. However, it was not successful and, together with the Perestroika, led to the collapse of the USSR. The conclusion of the article is that it is necessary to study the possibilities of ideological control over the system of higher education further for the benefit of the modern higher school of the Russian Federation.

REFERENCES

1. Kaftanov, S.V. (1947) Vedushchaya rol' kafedr obshchestvennykh nauk v ideologicheskoy rabote vuzov [The leading role of social science departments in the ideological work of universities]. *Vestnik vysshey shkoly*. 3.
2. Yelyutin, V.P. (1963)Vospityvat' aktivnykh bortsov za kommunizm [Educate active fighters for communism]. *Vestnik vysshey shkoly*. 5.
3. State Archive of Altai Krai (GAAK) Fund 1534. List 1. File 2. Page 274. *Godovoy otchet meditsinskogo instituta za 1954g.*[Annual report of the Medical Institute for 1954].
4. Yelyutin, V.P. (1974) Kursu nauchnogo ateizma – neoslabnoye vnimaniye [Unremitting attention to the course of scientific atheism]. *Vestnik vysshey shkoly*. 4.
5. Yermakov, I.A. (1965) Gruppa sodeystviya partgoskontrolyu v vuze [Assistance Group to state party control at university]. *Vestnik vysshey shkoly*. 5.
6. Dokukin, V.I. (1964) Delo zhivoe, tvorcheskoe [It is a living and creative activity]. *Vestnik vysshey shkoly*. 7.
7. Vestnik vysshey shkoly. (1964) Slit' v yedinyy potok obucheniye i vospitaniye [Mix education and upbringing in a single stream]. *Vestnik vysshey shkoly*. 7.
8. State Archive of Altai Krai (GAAK) Fund 255. List 2. File 351. Page 16. *Godovoy otchet politekhnicheskogo instituta za 1969g.*[Annual report of the Polytechnic Institute for 1969].
9. Panachin, F.G. (1973) *Nekotorye voprosy razvitiya sovetskoy shkoly* [Some questions of the development of the soviet school]. Moscow: Znanie.
10. State Archive of Altai Krai (GAAK) Fund 750. List 5. File 839. Page 71. *Pis'mo administratsii pedagogicheskogo instituta zamestitelyu ministra prosveshcheniya RSFSR Aleksandrovu N.V. ot 1973 g.* [Letter of the administration of the Pedagogical Institute to the Deputy Minister of Education of the RSFSR Aleksandrov N.V., 1973].
11. Shtraks, G.M. (1970) Posledovatel'no provodit' printsip partiynosti v prepodavanii [Consistently pursue the principle of partisanship in teaching]. *Vestnik vysshey shkoly*. 1.
12. Vestnik vysshey shkoly. (1971) Rech' tovarishcha L.I. Brezhneva na Vsesoyuznom slyote studentov 19 oktyabrya 1971g. [The speech of Comrade L.I. Brezhnev at the All-Union rally of students on October 19, 1971]. *Vestnik vysshey shkoly*. 11.
13. Popov, V.D. (1972) Trud i vospitanie molodezhi [Labor and education of the youth]. *Vestnik vysshey shkoly. 9*.
14. Politizdat. (1971) *Materialy XXIV s"yezda KPSS 1971g.* [Materials of the XXIV Congress of the CPSU of 1971]. Moscow: Politizdat.
15. Vestnik vysshey shkoly. (1984) Glavnye zadachi goda [The main tasks of the year]. *Vestnik vysshey shkoly*. 4. pp. 3–21.
16. Yanushkovskaya, T.P. (1984) Profsoyuznye organizatsii vuzov i shkol'naya reforma [Trade union organizations of universities and school reform]. *Vestnik vysshey shkoly*. 9. pp. 3–6.
17. Naribaev, K.N. (1984) Realizuya programmnye dokumenty [Implementing the program documents]. *Vestnik vysshey shkoly*. 10. pp. 9–13.
18. Shukshunov, V.E. et al. (1990) *Vysshee tekhnicheskoe obrazovanie: vzglyad na perestroyku* [Higher technical education: a view of perestroika]. Moscow: Vysshaya shkola.
19. State Archive of Altai Krai (GAAK). Fund P-1. List 138. File 187. Page 1. (In Russian).
20. Kotlyarov, M.V. (2010) Dinamika chislennosti i sostava organizatsiy KPSS v Zapadnoy Sibiri v period Perestroyki (1985–1991 gg.) [Dynamics of the number and composition of the organizations of the Communist Party in Western Siberia during the period of Perestroika (1985–1991)]. In: Shishkin, V.I. (ed.) *Vlast' i obshchestvo v Sibiri v XX veke* [Power and Society in Siberia in the 20th century]. Novosibirsk: RITs Novosibirsk State University.
21. Russian State Archive of Modern History (RGANI). File 77. List 5. File 5. Page 37. (In Russian).
22. State Archive of Altai Krai (GAAK). Fund P-1. List 151. File 59. Page 24. (In Russian).
23. Politizdat. (1986) *Materialy XVII s"ezda KPSS* [Materials of the XVII Congress of the CPSU of 1986]. Moscow: Politizdat.
24. State Archive of Altai Krai (GAAK). Fund P-1. List 158. File 172. Page 2. (In Russian).
25. Yagodin, G.A. (1986) Kursom XXVII s"ezda KPSS [The course of the XXVII Congress of the CPSU]. *Vestnik vysshey shkoly*. 4. pp. 3–12.
26. Vestnik vysshey shkoly. (1988) Kursom demokratii i glasnosti [The course of democracy and openness]. *Vestnik vysshey shkoly*. 5. pp. 8–10.
27. Marchuk, L., Zrazhevskiy, A. & Rysich, I. (1990) Ot istorii partii – k istorii partiy [From the history of the party to the history of parties]. *Vestnik vysshey shkoly*. 3. pp. 49–50.
28. State Archive of Altai Krai (GAAK). Fund 1595. List 1. File 1762. Page 6. (In Russian).
29. State Archive of Altai Krai (GAAK). Fund 1663. List 1N. File 119. Page 12. (In Russian).
30. State Archive of Altai Krai (GAAK). Fund 1663. List 1. File 1322. Page 7. (In Russian).
31. Belonozhkin, A.S. (2006) *Reformirovanie sistemy vysshego obrazovaniya v SSSR (1985–1991 gg.)* [Reforming the system of higher education in the USSR in 1985–1991]. History Cand. Diss. Moscow.
32. State Archive of Altai Krai (GAAK). Fund 255. List 4. File 3. Page 42. (In Russian).
33. Vestnik vysshey shkoly. (1980) Obshchestvennye nauki i formirovanie nauchnogo mirovozzreniya studentov [Social sciences and the formation of a scientific outlook of students]. *Vestnik vysshey shkoly*. 6. pp. 3–7.

Received: 22 August 2017

Вестник Томского государственного университета. 2017. № 424. С. 97–104. DOI: 10.17223/15617793/424/13

УДК 94(470)”19”

Г.О. Мациевский

ГОСУДАРСТВО И КАЗАЧЕСТВО: ПОИСК ПУТЕЙ ВОЗРОЖДЕНИЯ

Публикация подготовлена при финансовой поддержке РФФИ и Администрации Краснодарского края в рамках научного проекта № 16-11-23008.

Рассматриваются основные направления и особенности политики государства по возрождению российского казачества в конце 1980-х – первой половине 1990-х гг. Делается вывод о том, что к концу рассматриваемого периода сложилось несколько подходов к логике его дальнейшего развития. Первый – возрождение казачества в качестве «народа» («культурно-этнической общности»), второй – в качестве «неосословия», военизированной структуры, предназначенной нести «государственную и иную службу».

Ключевые слова: современное казачество; возрождение казачества; этнос; сословие; государственная политика.

Более четверти века прошло со времени появления в нашей стране уникального общественно-политического и социокультурного явления – современного казачества. Пройдя путь от культурно-просветительских, фольклорно-этнографических обществ и военно-исторических клубов до общественных и некоммерческих организаций, принимая активное участие в политических, социальных, экономических процессах в различных регионах России, современное казачество продолжает оставаться явлением разноплановым, социально, политически и культурно неоднородным.

Согласно данным исследования, проведённого в июле 2008 г. Министерством регионального развития РФ, современное казачество определяется как «многокомпонентная структура, включающая в себя разнородные элементы, к которым относятся:

– представители разных топоэтнических и конфессиональных групп;

– прямые потомки казаков, служившие Российской империи и Советскому государству;

– граждане, идентифицирующие себя с казачеством из романтических, патриотических, экономических, политико-карьерных соображений;

– члены казачьих обществ, внесённых в государственный реестр;

– члены казачьих общественных объединений;

– члены традиционных объединений казаков (например, казаки-некрасовцы);

– члены неформальных общественных объединений;

– граждане, идентифицирующие себя с казачеством, но не вовлечённые в казачье движение» [1. С. 4].

Вопрос же путей и форм возрождения казачества в среде самих казаков продолжает оставаться открытым до сих пор. Однако данная статья будет посвящена прежде всего политике государственной власти в отношении казаков, так как именно власть играла и продолжает играть исключительную роль в определении места и роли казачества в современной российской действительности.

Сразу отметим, что история показывает достаточно наглядные примеры того, какую роль играло государство в жизни казачества. В течение XVIII–XIX вв. оно активно реформировало систему управления и организации казачьих сообществ, формировало новые, «служилые», казачьи войска, поддерживало и регулировало численный состав казачества, нередко включало в его состав представителей других наций и сословий, «оказачивало», «расказачивало», переселяло, распускало и переформировывало существовавшие казачьи войска [2]. В результате к началу XX в. казачество не представляло из себя этнического и вероисповедального монолита и развивалось как «полиэтническая, социокультурная сословно-служилая общность с преобладанием русского этнического компонента, с особыми формами сословной, войсковой, политической, социальной, региональной, культурной и бытовой организации, характеризующаяся поликонфессиональностью с определяющим доминированием православия не только как веры, но и как культурно-идеологической основы российской имперской государственности» [Там же. С. 103].

В конце 1980-х – начале 1990-х гг., с разрушением существовавшей национально-политической, социально-экономической, идеологической системы общества, начинают проявлять себя общественные силы, пытающиеся определить свой статус в новой действительности, объединиться, чтобы во времена всеобщего хаоса и неразберихи найти своё место в структуре новой государственности, просто выжить. По всей стране появляются неформальные объединения, группы, кружки, фонды и т.п. Число их к 1987 г. превышает уже 30 тысяч.

На заседании Политбюро ЦК КПСС 6 сентября 1989 г. принимается решение о создании группы политического анализа при ЦК КПСС, основными направлениями деятельности которой были определены: «комплексный анализ общественно-политической ситуации в стране; изучение идейно-политических позиций и социальных характеристик различных общественно-политических движений, действующих в стране, исследование расстановки политических сил», а также «прогнозирование возможных тенденций развития идеологической и политической ситуации…» [3. Л. 1]. Значение, которое Политбюро придавало созданию данной группы, характеризуют, в том числе, такие факты: штат группы определялся в 33 человека, при этом руководитель группы получал «права заведующего отделом ЦК КПСС», в подчинение группе передавались «система социологических исследований Академии общественных наук при ЦК КПСС с периферийной сетью на базе высших партийных школ, а также центров и групп изучения общественного мнения при

ЦК компартиях союзных республик, крайкомах, обкомах и горкомах партии…» [Там же. Л. 2].

В конце февраля 1990 г. по стране прокатился ряд политических митингов и демонстраций в защиту «демократических преобразований», что заставило политическую власть страны констатировать: «...происходит радикализация общественного сознания, усиливается недоверие к официальным политическим структурам и органам управления, всё более жёсткий характер приобретает критика "партократии", местного и центрального аппарата… Усиливаются центробежные тенденции в разных регионах страны…», а потому необходимы «анализ и прогнозирование общественно-политической ситуации, всестороннее изучение общественного мнения… Поддерживать контакты и связи с лидерами общественных движений и организаций, анализировать их программы и платформы…» [3. Л. 5–6]. Для реализации этих задач решением Политбюро ЦК КПСС от 29 марта 1990 г. в структуре аппарата ЦК КПСС создаётся Отдел по работе с общественно-политическими организациями, возглавляет который теперь один из секретарей ЦК КПСС.

В этих условиях всё более активно начинает заявлять о себе движение за возрождение казачества. По данным Института этнологии и антропологии Российской академии наук на начало 1990-х гг. в исторических казачьих областях (Дон, Терек, Кубань) потомки казаков по прямой линии составляли 10–15% населения, в Сибири и на Дальнем Востоке – около 1–5% населения. Всего же причисляли себя к потомкам казаков до 5 млн человек [4. С. 113], проживающих на территории России, т.е. около 3% от всего населения страны.

Мощным импульсом активизации политической жизни казачества стало принятие Закона РСФСР № 1107-1 «О реабилитации репрессированных народов» от 26 апреля 1991 г., который провозглашал отмену всех незаконных актов, принятых в отношении всех репрессированных народов и «иных исторически сложившихся культурно-этнических общностей людей, например казачества» [5. Ст. 572], и определял механизм их реабилитации. Статьи 3 и 11 Закона гласили, что «реабилитация репрессированных народов означает признание и осуществление их права на восстановление территориальной целостности, существовавшей до антиконституционной политики насильственного перекраивания границ, на восстановление национально-государственных образований, сложившихся до их упразднения, а также на возмещение ущерба, причинённого государством», а «культурная реабилитация репрессированных народов предусматривает осуществление комплекса мероприятий по восстановлению их духовного наследия и удовлетворению культурных потребностей. Это означает также признание за репрессированными народами права на возвращение прежних исторических названий населённым пунктам и местностям, незаконно отторгнутым у них в годы советской власти» [Там же]. Данный Закон предполагал рассмотрение казачества в качестве «репрессированной» «культурно-этнической общности» наряду с чеченцами, ингушами, крымскими татарами и др.

В этот же день было принято Постановление ВС РСФСР № 1108-1 «О порядке введения в действие Закона РСФСР "О реабилитации репрессированных народов"» [Там же. Ст. 573], а 17 мая Распоряжение Совета министров РСФСР № 468-р, в которых уточнялись и детализировались действия различных органов власти по реализации Закона РСФСР № 1107-1.

Таким образом, государственной властью закладывалась одна из ведущих линий дальнейшего развития казачьего движения – возрождение его в качестве «культурно-этнической общности», репрессированного «народа». Данный статус ставил казачество в положение «униженных и оскорблённых» советским государством, что позволяло использовать его протестный потенциал в деле реформирования существующего строя. В то же время признание за казаками права считаться особым «народом» (может быть, даже противопоставленным русскому народу как государствообразующему) могло стать ещё одним фактором внутреннего «раскола» как самого русского народа, так и всего российского общества.

23 мая 1991 г. для Секретариата ЦК КПСС Отделом ЦК КПСС по связям с общественно-политическими организациями в ответ на Обращение бюро Ростовского обкома КПСС, в котором ставился «вопрос о принятии ЦК КПСС постановления о политической и гражданской реабилитации казачества» [6. Л. 6], была подготовлена записка (Ст-1377с) за подписью заместителя заведующего Отделом И. Знаменского, в которой давалась характеристика «состояния и тенденций нынешнего развития движения казачества» [Там же].

В записке, в частности, констатировалось, что, «начавшись в 1987 г., за короткое время оно [движение казачества] выросло в значительную общественно-политическую силу, объединяющую, по оценкам её руководителей, несколько сот тысяч человек. По целому ряду принципиальных вопросов общественного развития движение занимает здравую, конструктивную позицию, значительное число участников и атаманов являются членами КПСС. В ряде регионов страны деятельность организаций Союза казаков находит поддержку со стороны населения, партийных и советских органов» [Там же].

В то же время составители записки отмечали, что «сложность и неоднозначность проблем истории и современного состояния казачества, политических, экономических и социальных положений, выдвигаемых в программных документах Союза казаков, требуют всестороннего анализа…» [Там же. Л. 6–7].

К основным проблемам были отнесены: «...необходимость определить правомерность использования понятия "народ" применительно к казачеству, отношение к требованиям о создании казачьих представительств в высших органах власти СССР и республик, признание права на самоуправление и экономическую самостоятельность бывших казачьих территорий, о формировании отдельных подразделений в Советской Армии и погранвойсках…» [Там же. Л. 7].

Важность решения данных проблем объяснялась «нарастанием социальной напряжённости в связи с активизацией стихийного движения за возрождение

казачества, что уже привело к острым межнациональным конфликтам и человеческим жертвам», при этом подчёркивалось, что «дополнительным катализатором этих процессов может стать принятый в апреле с.г. Закон РСФСР "О реабилитации репрессированных народов", узаконивший право казаков на восстановление целостности административно-территориальных границ, существовавших до их изменения» [6. Л. 7]. В связи с вышеизложенным, авторы записки предлагали «рассмотреть вопрос о принятии постановления об отношении к казачеству на Секретариате ЦК КПСС с целью последующего выхода в Верховный Совет СССР с законодательной инициативой» и «поручить отделам ЦК КПСС: по связям с общественно-политическими организациями, гуманитарному, по законодательным инициативам и правовым вопросам, национальной политике принять участие в работе по подготовке данного документа» [Там же. Л. 8].

Растущее внимание, которое стало уделяться «казачьему вопросу», характеризует и тот факт, что контролировать его было поручено заместителю Генерального секретаря ЦК КПСС В.А. Ивашко. 27 мая 1991 г. за подписью В. Ивашко в адрес Секретариата ЦК КПСС была направлена рукописная записка (К № 1377), из которой явствует, что к тому времени в ЦК КПСС по «казачьему вопросу» «параллельно ходит три документа: 1) письмо т. Шолохова, к которому присоединены… некоторые архивные документы..; 2) записка Отдела по национальной политике «О законе РСФСР "О реабилитации репрессированных народов"»; 3) настоящий документ...» [Там же. Л. 5].

В записке Отдела по национальной политике ЦК КПСС «О некоторых проблемах, связанных с реабилитацией репрессированных народов» говорилось о тех серьёзных негативных последствиях, которые может вызвать и уже вызвал Закон «О реабилитации репрессированных народов» в сфере межнациональных отношений в многонациональных регионах РСФСР и за её пределами [7. Л. 2–7]. В частности, давался анализ ситуаций, сложившихся в Бурятии, Северо-Осетинской АССР, Чечено-Ингушской республике, Дагестане, Калмыкии, в районах компактного проживания немцев Поволжья. Однако основное внимание уделялось прежде всего казачеству, так как оно было представлено в различных регионах.

В эти же дни в адрес заместителя Генсекретаря ЦК КПСС В.А. Ивашко было направлено письмо, подписанное секретарями ЦК КПСС А. Дзасоховым, А. Гиренко и В. Купцовым, в котором отмечалось, что «вопрос, связанный с возрождением казачества, уже сейчас, а в перспективе особенно, приобретает чрезвычайно важное общественно-политическое значение», в связи с чем «для выработки общепартийной и государственной политики в этом вопросе» предлагалось «привлечь учёных-специалистов из Института этнологии и этнографии АН СССР, Института теории и истории социализма ЦК КПСС, АОН ЦК КПСС, ЦКК КПСС, а также запросить необходимые материалы КГБ СССР, соответствующих архивов» и «создать группу в составе: т.т. Дзасохова А.С. – председатель, Гиренко А.Н., Купцов В.А., Мохов Е.Н., Бабичев В.С., Дегтярев А.Я., Михайлов В.А., Зараменский И.А., Антонович И.И., Суслин В.Т. Поручить группе подготовить в течение 2 месяцев соответствующие предложения» [6. Л. 1].

7 июня 1991 г. в целях реализации распоряжений Секретариата ЦК КПСС и положений Закона «О реабилитации репрессированных народов», Распоряжением Первого заместителя Председателя Верховного Совета РСФСР № 1374-I «О создании рабочей группы по подготовке проекта нормативного акта о политической реабилитации казачества» была создана такая рабочая группа. Интересно, что в группу вошли специалисты Госкомнаца, Комиссии по национально-государственному устройству и межнациональным отношениям Совета Национальностей Верховного Совета РСФСР, представитель Союза казаков России (Ю.А. Галушкин) и два профессиональных историка, специализирующихся на истории казачества (Н.Ф. Бугай, А.И. Козлов). Распоряжением устанавливался и срок готовности проекта нормативного акта для рассмотрения в Верховном Совете РСФСР – 1 сентября 1991 г. Данный состав рабочей группы может свидетельствовать о том, что власть продолжала рассматривать проблему «политической реабилитации» и будущности казачества сквозь призму, прежде всего, национального возрождения.

В августовском номере «Известий ЦК КПСС» за 1991 г., в статье старшего референта Отдела ЦК КПСС по связям с общественно-политическими организациями С. Павловского, заявлялась «линия партии» в отношении казачества. В статье отмечалось, что сильной и одновременно слабой стороной движения являются его динамичность и растущая массовость. При этом делался прогноз, что в перспективе самая серьёзная опасность для казачьего движения может быть в том, что «темпы роста его массовости опережают темпы консолидации» [8. С. 135]. В то же время констатировалось, что движение существует и, скорее всего, будет развиваться, оказывая всё большее воздействие на общественно-политическую ситуацию в стране и регионах. В связи с этим давалась установка ЦК КПСС на взаимодействие с казачьими организациями: «...представляется перспективной политика тех советских и партийных органов, которые, не затушёвывая противоречий, идут на контакты с казачьими организациями, находят взаимоприемлемые решения в интересах стабилизации внутриполитической обстановки в стране» [Там же]. В это же время в некоторых регионах, прежде всего на Кубани и Дону, в партийных организациях появляются инструкции по работе с казачеством, в которых ставится цель – входить в объединения казаков и возглавлять их.

Последующие события, связанные с августовским «путчем» ГКЧП, прекращением деятельности ЦК КПСС и развалом СССР, приостановили планируемую работу, однако уже в 1992 г. в составе Института этнологии и антропологии РАН создаётся Консультативный совет по проблемам возрождения российского казачества, начинает работать «Группа по изучению казачества при Координационно-методическом центре прикладной этнографии» и «Проблемная группа Консультативного совета по проблемам возрождения российского казачества».

На следующий день после подписания «Беловежского соглашения», «распустившего» СССР и «образовавшего» СНГ, 9 декабря 1991 г., Президент РСФСР Б. Ельцин подписывает Распоряжение № 113-рп «О создании комиссии по подготовке проекта Закона РСФСР "О реабилитации казачества"», что вновь стимулировало рост политической активности казаков. Согласно распоряжению, руководителю Администрации Президента РСФСР Ю.В. Петрову предписывалось «обеспечить Комиссию необходимым помещением, средствами связи, оргтехникой, выделить средства для привлечения специалистов и экспертов в сумме 30 тыс. рублей» [9. Ст. 1819].

Постепенно казачество всё более активно начинает заявлять о себе как о самостоятельной силе, имеющей свои этнокультурные, экономические и даже политические интересы и приоритеты [10]. В условиях необходимости формирования новых основ государственности власть начинает выстраивать иную логику дальнейшего развития новой казачьей общности. Её протестный потенциал теперь уже не так актуален и, более того, вовсе не нужен. С целью придания движению за возрождение казачества «целесообразности» и нужной «направленности» Главнокомандующий вооружёнными силами Содружества независимых государств маршал Е. Шапошников направляет в адрес Президента РФ Б. Ельцина Письмо № 312/2/1 от 11 января 1992 г. «О проблеме возрождения Казачества в России», в котором констатирует, что «в настоящее время движение казаков за возрождение Казачества в России носит неуправляемый характер» и «может принять негативную направленность» [11. Л. 1–2]. В связи с этим, по мнению Е. Шапошникова, необходимо «совместно с Государственным комитетом Российской Федерации по обороне и безопасности подготовить и провести в январе-феврале встречу с руководством казаков России», на которой «рассмотреть вопросы о снятии юридических ограничений, препятствующих возрождению Казачества в России, о возможности создания казачьих соединений и частей в составе Вооружённых Сил, дислоцирующихся на территории России, а также регулярных и иррегулярных частей в составе внутренних войск Российской Федерации, о создании военных учебных заведений для подготовки кадров для казачьих соединений и частей, о возможном порядке их материального обеспечения, о проведении совместных учебно-строевых мероприятий…» [Там же. Л. 2]. Таким образом, как явствует из приведённого Письма, одним из направлений дальнейшего развития казачьего движения представители власти готовы поддерживать, в том числе, воинскую (сословную) службу.

Однако у государства ещё нет однозначной и бесспорной позиции по поводу будущего казачества. В январе 1992 г. в составе Комиссии Совета Национальностей по международным отношениям и национально-государственному устройству России создаётся специальная Комиссия по репрессированным депортированным народам под председательством члена Президиума Верховного Совета РФ А.В. Аникеева, в которую входит и подкомиссия по казачеству. Направление возрождения казачества в качестве «репрессированной» «культурно-этнической общности», заложенное Законом РСФСР № 1107-1 «О реабилитации репрессированных народов» от 26 апреля 1991 г., также продолжает развиваться.

Стремясь повысить свой авторитет в казачьем движении, Правительство РФ публикует 24 марта 1992 г. Распоряжение № 545-Р об образовании Комиссии для выработки проекта Закона РФ «О реабилитации казачества», которую возглавляет заместитель Председателя Правительства РФ С. Шахрай. От казачества в Комиссию входят: атаман Союза казаков Урала и Поволжья Б. Гусев, атаман Оренбургского казачьего войска В. Косянов, член правления Союза казаков В. Держиев, атаман Союза казаков А. Мартынов, атаман Кубанской казачьей Рады В. Громов, кошевой атаман Союза казаков Области Войска Донского А. Мрыхин и атаман Ставропольского краевого Союза казаков П. Федосов. Распоряжением № 546-Р в этот же день создаётся рабочая группа для выработки проекта Закона РФ «О реабилитации казачества» и соответствующих рекомендаций Президенту РФ, в которую входят четыре представителя от казачества: помощник атамана Союза казаков С.Н. Смирнов, помощник атамана Кубанской казачьей Рады Ю.Н. Загудаев, председатель земельной комиссии Союза казаков В.С. Шамаев и представитель Союза казаков А.С. Калтахчян. К рассмотрению проблем, связанных с определением места и роли казачества в современном обществе, начинают всё чаще привлекать представителей научных кругов, организуются дискуссии в научных институтах, проходит круглый стол в Горбачёв-Фонде. Однако все обсуждения в конечном счете сводились к одному – спору о том, что есть казачество – народ или сословие, а значит, подпадает ли казачество под Закон РСФСР «О реабилитации репрессированных народов» или нет.

Важным государственным документом, конституирующим перспективы развития казачьего движения, стал Указ Президента РФ Б. Ельцина от 15 июня 1992 г. № 632 «О мерах по реализации Закона Российской Федерации "О реабилитации репрессированных народов" в отношении казачества» [12. Ст. 1429]. Пункт 3 Указа устанавливал, что казаками считаются граждане, относящие себя к прямым потомкам казаков и выразившие желание совместно восстанавливать и развивать формы хозяйствования, культуры, быта и участвовать в несении государственной службы, а также граждане, в установленном порядке добровольно вступившие в казаки. И хотя преамбула Указа подтверждала культурно-этнический статус казачества, положение о том, что в казачество возможно «добровольное вступление», фактически отрицало этнический характер движения, так как «вступить» в народ нельзя. Необходимым и достаточным условием для причисления к казачеству провозглашалось лишь желание быть казаком и участие в совместном хозяйствовании и несении государственной службы. По всей видимости, этим Указом государственная власть в лице Президента РФ заявляла о своём желании способствовать развитию казачьего движения, постепенно вводя его в русло государственной структуры на правах сословной военно-экономической организации, хотя пункт 2 и провозглашал

отказ от «возврата к каким-либо сословным привилегиям» [Там же]. В то же время в Указе не формулировалось конкретных мер по реализации Закона РСФСР от 26 апреля 1991 г. № 1107-1 «О реабилитации репрессированных народов», что, в общем-то, предполагалось, исходя из его названия. Пункт 1 не отменял все репрессивные акты в отношении казачества, а лишь осуждал «проводившуюся партийно-государственную политику репрессий, произвола и беззакония в отношении казачества и его отдельных представителей» [12. Ст. 1429].

Постановление «О реабилитации казачества» в основном повторяло положения, изложенные в Законах «О реабилитации репрессированных народов» от 26 апреля 1991 г. и «О местном самоуправлении в Российской Федерации» от 6 июля 1991 г., в Указе Президента РФ «О мерах по реализации Закона Российской Федерации “О реабилитации репрессированных народов” в отношении казачества» от 15 июня 1992 г. Однако анализ документов позволяет утверждать, что казачество с 1992 г. всё чаще начинает рассматриваться государственной властью не только как «разрушающая», но и как «созидающая» сила, с помощью которой можно было бы закрепить и дальше развивать политику реформ. В то же время становится и более понятной логика государственной власти по возрождению казачества – рассмотрение его как социальной группы, некого «неосословия», призванного нести лишь государственную или связанную с ней службу за определённые привилегии, например за землю или налоговые послабления.

В октябре 1992 г. при Правительстве РФ была создана рабочая группа по изучению казачества во главе с секретарём Совета Безопасности Ю. Скоковым, в которую вошли также атаман Союза казаков России А. Мартынов и атаман ВКВ (ККР) В. Громов.

Следующий Указ Президента Российской Федерации № 341 от 15 марта 1993 г. «О реформировании военных структур, пограничных и внутренних войск на территории Северо-Кавказского региона и государственной поддержке казачества» определял военные аспекты возрождения казачества и стратегические линии поведения институтов государственной власти по отношению к казачьему движению. Согласно Указу, члены казачьих обществ имели право проходить военную службу в казачьих соединениях и частях Вооруженных Сил РФ, пограничных войсках, казачьих моторизованных воинских частях и частях оперативного назначения внутренних войск в соответствии с Законом Российской Федерации «О воинской обязанности и военной службе». В связи с этим Министерству обороны, Министерству безопасности и Министерству внутренних дел Российской Федерации предписывалось до 1 апреля текущего года утвердить перечень казачьих соединений и частей в «рамках существующих структур и численности Вооруженных Сил Российской Федерации, пограничных… и внутренних войск», внести до 1 мая 1993 г. предложения по присвоению казачьим соединениям и частям традиционных казачьих наименований и дополнению действующих законодательных актов нормами, предусматривающих учреждение казачьих воинских званий, парадной формы одежды и отличительных знаков [13. Ст. 993]. Также предполагалось в аппаратах силовых министерств создать структуры по делам казачества. На территориях компактного проживания казаков планировалось образование при органах общественного местного самоуправления добровольных невоенизированных структур для работы «по патриотическому и интернациональному воспитанию казаков, подготовке их к защите Отечества, развития технических и прикладных видов спорта, а также для участия в мероприятиях гражданской и территориальной обороны, ликвидации последствий стихийных бедствий и чрезвычайных ситуаций и оказании помощи пострадавшим» [13. Ст. 993].

Данный Указ вызвал много споров как среди казаков, так и представителей власти. Так, Председатель Совета национальностей Верховного Совета РФ Р. Абдулатипов при обсуждении вопроса «О неотложных мерах по сохранению конституционного строя Российской Федерации» на IX (внеочередном) Съезде народных депутатов Российской Федерации прокомментировал его следующим образом: «Названный указ оскорбителен прежде всего для казачества, потому что в конце XX в. *роль этого народа, этой общности, фактически сводится к полицейским, жандармским функциям* (здесь и далее курсив мой. – *Г.М.*)… Подобные действия разрушают российскую государственность. Я должен сказать здесь, я с величайшим уважением отношусь к казачеству, поддерживаю его реабилитацию, но ни один народ Кавказа, ни один другой народ России не согласится жить под нагайкой казака. Мы достаточно воевали с казаками в историческом прошлом, но сегодня мы соседи, хотим жить в братстве, и нечего нас науськивать друг на друга. Я обращаюсь сегодня к Президенту… с просьбой приостановить действие указа до дополнительных консультаций с субъектами Федерации и лидерами национальных движений Северного Кавказа. Иначе контролировать ситуацию в регионе будет трудно» [14].

В то же время Р. Абдулатиповым в адрес Б. Ельцина было направлено Письмо № 6-205 от 23 марта 1993 г., в котором также заявлялось: «Прежде всего не может не настораживать, что меры государственной поддержки казачества даются в нём (Указе № 341 от 15.03.1993 г.) преимущественно “в связке” с реформой военных структур и фактически *нацелены на превращение культурно-этнической общности в социальный строй, поставляющий особые военные формирования…*» [15. Л. 23–24]. В ответ для Совета министров – Правительства Российской Федерации была подготовлена записка за подписью заместителя председателя Госкомфедерации В. Михайлова, в которой сообщалось, что «по материалам письма… сотрудниками Госкомфедерации России совместно с работниками Совета Безопасности была проведена экспертиза оценки критических замечаний по ряду положений Указа Президента Российской Федерации № 341 от 15 марта 1993 г. …На состоявшемся 14–15 сентября заседании Конституционного Суда Указ № 341 был признан соответствующим Конституции РФ» [Там же. Л. 25].

Таким образом, движение за возрождение казачества постепенно и целенаправленно трансформировалось государством: из малопредсказуемой самостоятельной общественно-политической силы, имеющей свои политические цели и задачи, в «военно-государственно-добровольно-общественную» организацию по образцу ДОСААФ или местных комитетов по гражданской обороне. В качестве «сословной привилегии» для казаков, проходящих военную службу, планировалось разработать Положение об «особом режиме пользования землями». Для облегчения управления казачьим движением Указ хотя и предусматривал участие казачества в органах местного самоуправления, вместе с тем предполагал «ответственность атаманов и членов казачьих обществ за невыполнение обязательств перед государством» [13. Ст. 993].

Летом 1993 г. в Департаменте по делам казачества Государственного комитета РФ по национальной политике под руководством А.С. Лагутина и в Российской академии управления была активизирована работа по созданию Комплексной государственной программы поэтапного экономического и культурного возрождения казачества, которая должна была быть разработана до 1 января 1993 г. в соответствии с Указом Президента РФ от 15 июня 1992 г. № 632 «О мерах по реализации Закона Российской Федерации “О реабилитации репрессированных народов” в отношении казачества» и Постановлением Верховного Совета РФ от 16 июля 1992 г. № 3321-I. В июне 1993 г. Российской академией управления, при участии заместителя председателя Госкомфедерации В.А. Михайлова, были подготовлены «предварительные предложения» по Комплексной государственной программе «Возрождение социально-экономических, культурных и духовных традиций жизнедеятельности казачества» [16. Л. 103–107]. Констатируя, что «на сегодняшний день созданы 13 казачьих войск… 63 землячества, которые объединяют 6 миллионов казаков, проживающих как в городах (80%), так и в сельской местности, станицах (20%)…» [Там же. Л. 104], разработчики Программы определяли, что её «целью… является определение комплекса мер и разработка пакета документов, *направленных на управление движением казачества*, возрождением его экономических, культурных, духовных традиций и форм самоуправления (*не допуская вместе с тем возврата к каким-либо сословным привилегиям*…)» [Там же. Л. 105]. В центре разработки программы должны были находиться следующие проблемы: «…выяснение исходных концептуальных “вещей”: что такое казачество как общность, что значит возрождение казачества, какие традиции следует возрождать и как это делать…» [Там же]. При этом планировалось реализовать данную Программу в течение июля 1993 – декабря 1994 г., а на финансирование «1-го этапа работы (июль – декабрь 1993 г.)» выделить 100 млн рублей [Там же. Л. 107].

В июне 1993 г. министром по делам национальностей и региональной политики С. Шахраем в адрес Президента РФ Б. Ельцина было направлено письмо, посвящённое анализу проблем казачества. По мнению С. Шахрая, «российское казачье движение стало серьёзной общественной силой, требующей незамедлительного организационного оформления. Ввиду отсутствия единого, централизованного управления в нём отмечаются определённые негативные тенденции, которые могут быть использованы как в ущерб коренным интересам идеи возрождения казачества, так и в ущерб делу укрепления Российской государственности» [15. Л. 95]. А потому «в деле возрождения казачества самыми принципиальными проблемами следует считать восстановление традиционных форм казачьего землевладения и землепользования, восстановления казачьего самоуправления и государственной службы» [Там же. Л. 96]. В то же время «центральным вопросом работы в казачьем движении на этапе его организационного оформления», как отмечал С. Шахрай, «следует считать преодоление раскола в казачьем движении, объединение его разрозненных действий в единое русло с опорой на позитивный потенциал державности и целостности Российского государства» [Там же].

Разработка Комплексной государственной программы поэтапного экономического и культурного возрождения российского казачества поручается теперь Институту экономики РАН, где была создана группа из специалистов и представителей казачества под руководством Д. Карпухина. На данную работу выделялось почти 54 млн руб., но результаты её не были особо продуктивными [17. С. 85–86]. Тем не менее рабочая концепция программы принимается за основу на III Большом круге Союза казаков [18. Л. 43, 53], который проходил 8–10 октября 1993 г., Третий вариант Комплексной программы [19. Л. 29–74], представленный руководителем творческого коллектива по разработке программы Д. Карпухиным 18–20 декабря на Всероссийском совещании по проблемам возрождения экономики и культуры казачества, проводимом Институтом экономики РАН, Госкомфедерацией, Союзом казаков и Союзом казачьих войск России, был «одобрен в основном», как говорилось в «Резолюции» [Там же. Л. 16].

В своём вступительном слове представитель Госкомфедерации А.С. Лагутин отмечал, что «по оценкам российских и зарубежных экспертов от 2 до 25 млн человек относят себя к казакам. Это колоссальная сила…», и «сейчас казаки уже являются гарантом стабильности в некоторых регионах нашей страны…» [Там же. Л. 4]. По мнению Д. Карпухина, «предусмотренные в программе мероприятия будут иметь успех, если только будет соблюдён комплексный триединый характер возрождения. Первое – воинская служба, а из Минобороны пришло известие, что её в программу включать не надо, но тогда всё зависает. Самый сложный вопрос – территориальное возрождение. Уже давно пора и необходимо создать комиссии по казачеству при всех важнейших ведомствах, не только при Госкомфедерации…» [Там же. Л. 5]. Однако данная программа не добавляла ничего существенно нового к сложившимся подходам в государственной политике в отношении современных казаков.

Таким образом, можно констатировать, что к середине 1990-х гг. фактически завершился этап определения политики государства в отношении казачества и сложилось несколько подходов к политике его возрождения и дальнейшего развития. Первый – возрож-

дение казачества в качестве «народа» (субэтноса, «культурно-этнической общности»), второй – в качестве некого «неосословия», военной силы, военизированной структуры, предназначенной нести «государственную и иную службу». К концу рассматриваемого периода преобладающим и основным стал второй подход, предопределивший специфику государственной политики на последующие годы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Современное российское казачество: политический, социальный, экономический портрет; анализ тенденций и прогноз развития государственной службы российского казачества : сб. материалов по результатам социол. исследования / Ефанова О.А., Шишова Ж.А., Соклаков А.Ю. и др. М., 2008. 48 с.
2. Мациевский Г.О. Особенности социально-демографического облика казачества в конце XIX – начале XX в. // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. 2013. № 1. С. 97–103.
3. Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 89. Оп. 9. Д. 29.
4. Казаки России: прошлое, настоящее, будущее. М., 1992. 131 с.
5. Ведомости Совета народных депутатов и Верховного Совета РСФСР (Ведомости СНД и ВС РСФСР). 1991. № 18.
6. РГАНИ. Ф. 89. Оп. 21. Д. 71.
7. РГАНИ. Ф. 89. Оп. 5. Д. 21.
8. Павловский С.В. Возрождение казачества: пути и проблемы // Известия ЦК КПСС. 1991. № 8 (319). С. 133–135.
9. Ведомости Совета народных депутатов и Верховного Совета РФ (Ведомости СНД и ВС РФ). 1991. № 51.
10. Баранов А.В. Роль этнополитических мифов в конструировании идентичности казачества // История и современность. 2014. № 1. С. 69–86.
11. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 10144. Оп. 1. Д. 27.
12. Ведомости СНД и ВС РФ. 25.06.92. № 25.
13. Собрание актов Президента и Правительства РФ. 1993. № 12.
14. Девятый (внеочередной) съезд народных депутатов Российской Федерации. Бюллетень. № 3, 27 марта 1993. М. : Изд. Верховного Совета Российской Федерации, 1993.
15. ГАРФ. Ф. 10121. Оп. 1. Д. 121.
16. ГАРФ. Ф. 10121. Оп. 1. Д. 120.
17. Таболина Т.В. Казаки: драма возрождения. 1980–1990-е годы. М., 1999.
18. ГАРФ. Ф. 10144. Оп. 1. Д. 35.
19. ГАРФ. Ф. 10144. Оп. 1. Д. 36.

Статья представлена научной редакцией «История» 22 августа 2017 г.

THE STATE AND THE COSSACKS: SEARCHING FOR WAYS OF REVIVAL

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 424, 97–104.
DOI: 10.17223/15617793/424/13

German O. Matsievsky, Krasnodar State Institute of Culture (Krasnodar, Russian Federation). E-mail: matsievski2004@mail.ru

Keywords: modern Cossacks; revival of Cossacks; ethnicity; neoclass; state policy.

The object of the study is the state policy concerning the modern Russian Cossacks. The chronological framework is the late 1980s to early 1990s. The aim of the study is to analyze the main directions of the state policy on the revival of the Cossacks using a large number of documents and contemporary records. At the turn of the 1990s the Soviet state collapsed, and a crisis began. Different social groups were beginning to take an active part in the state life. They were looking for their place in the new society. Cossack organizations can be included in these groups. Cossacks appeared in different regions of the country. They wanted to participate in the social and cultural, economic and political life of the society. There were about 5 million Cossacks in Russia. So the government had to normalize social relations with the Cossacks. Besides it had to take into account the history of relations between the state and the Cossacks. Just before the disintegration of the USSR, the authorities put one of the main lines in revival of the Cossacks as a "cultural and ethnic community" which the Soviet government repressed, it was done to use their protest potential for reforming the socialist system. After the collapse of the USSR, when the new basis of the Russian state was forming, the authorities began a new policy for the Cossacks development, as the protest potential was no longer needed. In order to give the Cossacks "proper" development, its military and public service was wanted in exchange for some privileges (land owning, tax benefits, etc.). In places where the Cossacks were numerous, it was planned to create non-military structures for organizing patriotic and international education, for preparing youth to protect the Homeland, to develop applied and technical sports, to participate in the natural disasters management, in civil and territorial defense measures like DOSAAF or military patriotic clubs. This logic can also be seen as an attempt to bring the Cossacks revival under control by turning it into a "neoclass" structure. As a result of the research, it is concluded that during the period under review the state policy towards the development of the Cossacks has gradually changed from its revival as a "nation" ("cultural-ethnic community") to its revival as a "neoclass" structure, a militarized structure intended to fulfill "state and other service" and controlled by the government.

REFERENCES

1. Efanova, O.A. et al. (2008) *Sovremennoe rossiyskoe kazachestvo: politicheskiy, sotsial'nyy, ekonomicheskiy portret; analiz tendentsiy i prognoz razvitiya gosudarstvennoy sluzhby rossiyskogo kazachestva: sb. materialov po rezul'tatam sotsiol. issledovaniya* [Modern Russian Cossacks: political, social, economic portrait; the analysis of tendencies and the forecast of development of public service of the Russian Cossacks: materials by the results of sociological research]. Moscow.
2. Matsievskiy, G.O. (2013) Osobennosti sotsial'no-demograficheskogo oblika kazachestva v kontse XIX – nachale XX vv. [Features of the socio-demographic appearance of the Cossacks in the late 19th – early 20th centuries]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Politologiya. Ekonomika. Informatika.* 1. pp. 97–103.
3. Russian State Archive of Modern History (RGANI). Fund 89. List 9. File 29. (In Russian).
4. Tishkov, V.A. (ed.) (1992) *Kazaki Rossii: proshloe, nastoyashchee, budushchee* [Cossacks of Russia: past, present, future]. Moscow: IEA RAS.
5. *Vedomosti Soveta narodnykh deputatov i Verkhovnogo Soveta RSFSR (Vedomosti SND i VS RSFSR)*. (1991). 18.

6. Russian State Archive of Modern History (RGANI). Fund 89. List 21. File 71. (In Russian).
7. Russian State Archive of Modern History (RGANI). Fund 89. List 5. File 21. (In Russian).
8. Pavlovskiy, S.V. (1991) Vozrozhdenie kazachestva: puti i problemy [Revival of the Cossacks: ways and problems]. *Izvestiya TsK KPSS.* 8 (319). pp. 133–135.
9. *Vedomosti Soveta narodnykh deputatov i Verkhovnogo Soveta RF (Vedomosti SND i VS RF).* (1991). 51.
10. Baranov, A.V. (2014) Rol' etnopoliticheskikh mifov v konstruirovanii identichnosti kazachestva [The role of ethnopolitical myths in the design of the identity of the Cossacks]. *Istoriya i sovremennost'.* 1. pp. 69–86.
11. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 10144. List 1. File 27. (In Russian).
12. *Vedomosti SND i VS RF.* (1992). 25 June. 25.
13. *Sobranie aktov Prezidenta i Pravitel'stva RF.* (1993). 12.
14. Supreme Council of the Russian Federation. (1993) *Devyatyy (vneocherednoy) s"ezd narodnykh deputatov Rossiyskoy Federatsii. Byulleten'. № 3, 27 marta 1993* [Ninth (Extraordinary) Congress of People's Deputies of the Russian Federation. The Bulletin. No. 3, March 27, 1993]. Moscow: Izd. Verkhovnogo Soveta Rossiyskoy Federatsii.
15. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 10121. List 1. File 121. (In Russian).
16. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 10121. List 1. File 120. (In Russian).
17. Tabolina, T.V. (1999) *Kazaki: drama vozrozhdeniya. 1980–1990-e gody* [Cossacks: the drama of rebirth. 1980s–1990s]. Moscow: IEA RAS.
18. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 10144. List 1. File 35. (In Russian).
19. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 10144. List 1. File 36. (In Russian).

Received: 22 August 2017

Вестник Томского государственного университета. 2017. № 424. С. 105–110. DOI: 10.17223/15617793/424/14

УДК 654.153.2

В.А. Морев

ИСТОРИЯ ОМСКОЙ ТЕЛЕФОННОЙ СЕТИ (1904–1919 гг.)

Рассматривается история Омской телефонной сети общего пользования на протяжении первых 15 лет ее существования. Сеть была спроектирована горным инженером И.П. Кравцевым и открыта в марте 1904 г. На основе документов Исторического архива Омской области представлено описание проекта сети; приводятся данные об абонентской плате за телефон; доказывается, что с марта 1904 г. по январь 1919 г. число абонентов Омской телефонной сети значительно увеличилось. Показано, что на протяжении обозначенного периода времени спрос на телефон в Омске сохранялся, несмотря на серьезные перебои в работе телефонной сети.

Ключевые слова: телефон; Омская телефонная сеть; абонентская плата; Омск; Западная Сибирь; А.В. Колчак.

История городских телефонных сетей общего пользования – одна из тем, которую историки редко выбирают в качестве объекта своего исследования. После телеграфа телефон был вторым средством электросвязи. Главным преимуществом телефона было то, что он позволял оперативно осуществлять связь между горожанами на относительно близком расстоянии (например, если абоненты жили на разных концах одного города). Что касается первых лет существования телефонной связи в городах Западной Сибири, то местными исследователями наиболее подробно освещена история Томской [1. С. 38–50] и Новониколаевской [2] телефонных сетей.

История Омской телефонной сети общего пользования в начальный период ее существования рассматривалась в газетных публикациях по случаю 100-летия с момента ее открытия [3, 4], позднее – в монографии [5. С. 113–118] и статьях сибирских историков [6. С. 31–33; 7. С. 453–457]. Некоторые данные из истории Омской телефонной сети приводятся на портале администрации Омской области [8, 9]. Отрывочные сведения об этой сети содержат отдельные ресурсы сети Интернет, где, к сожалению, не всегда указаны авторы публикаций [10, 11]. В целом в работах, посвященных этой теме, встречаются разночтения относительно размеров ежегодной абонентской платы за телефон в Омске; не всегда отмечается тот факт, что среди абонентов были те, кто пользовался телефоном бесплатно. В связи с этим представляется актуальным вновь обратиться к истории Омской телефонной сети общего пользования с целью разъяснения этих и других вопросов.

Основными источниками, которые позволяют раскрыть эту тему, являются документы Исторического архива Омской области (ГИАОО – бывший ГАОО). Наиболее ценным для данного исследования является фонд Ф. 120 «Управление Омского почтово-телеграфного округа (1864–1920)», в котором содержатся сведения о предыстории создания Омской телефонной сети, ее технических характеристиках, времени открытия, владельцах и служащих, абонентской плате и т.д. Документы фонда Ф. 26 «Омский революционный комитет (губревком) (1919–1920)» включают информацию о состоянии Омской телефонной сети после ее окончательной национализации большевиками.

Кроме того, краткие сведения о существовании телефонной связи при железнодорожном вокзале Омска до открытия сети общего пользования приводятся в «Отчете по эксплуатации казенных железных дорог за 1902 год» [12]; информацию об абонентской плате и правилах использования телефона содержит «Список абонентов Омской телефонной сети на 1915 год» [13].

На рубеже XIX–XX вв. Омск представлял собой крупный торгово-промышленный центр Западной Сибири. Он стал одной из узловых станций Транссибирской железнодорожной магистрали. В связи с этим Омск являлся одним из тех городов, где особенно остро ощущалась потребность в оперативной связи. До открытия телефонной сети общего пользования в Омске уже действовали небольшие телефонные сети для административных нужд. Во-первых, в 1884 г. в городе по заказу военного ведомства была введена в эксплуатацию линия, которая соединила резиденцию генерал-губернатора с канцелярией, а затем и с военными штабными подразделениями Степного генерал-губернаторства [8]. Во-вторых, действовала телефонная сеть, обслуживавшая потребности железной дороги. Ее центральная телефонная станция находилась при вокзале Омска в 6 верстах от центра города [14. Л. 4 об.]. Так, в 1902 г. на устройство телефонной линии в новом помещении железнодорожной станции было затрачено 19 руб. 40 коп. [12. С. 196]. В-третьих, у полиции также была своя телефонная сеть. Она связывала полицейское управление, в котором находилась маленькая центральная телефонная станция, с чиновниками этого ведомства [14. Л. 4 об.].

Согласно имеющемуся в ГИАОО делу, включающему проект от 30 мая 1903 г. по созданию телефонной сети общего пользования в г. Омске, еще в 1899 г. председатель Омской казенной палаты Г. Раевский собрал подписи лиц и учреждений, желавших пользоваться телефонным сообщением в Омске. На тот момент таковых оказалось 49. В 1903 г. было отмечено, что большинство из них продолжают надеяться на открытие сети. К тому же появились новые желающие. Теперь список лиц и учреждений, пожелавших стать абонентами, составлял 51 пункт [14. Л. 3–4].

В 1903 г. начальник Главного управления почт и телеграфов Е.К. Андреевский утвердил проект Омской телефонной сети. Телефонную сеть спроектировал горный инженер Иван Павлович Кравцев. Он впоследствии и являлся ее владельцем. Согласно проекту телефонная сеть в Омске с центральной станцией на ул. Гасфортовской (сейчас это ул. Карла Либкнехта) должна была состоять из двух магистралей с несколь-

кими ветвями и ответвлениями. Предполагалось, что магистраль А пойдет по Базарной площади, далее – по ул. Капцевичевой, Тобольской, Воздвиженской и снова по Капцевичевой до ул. Тюремной. Тогда как магистраль В должна была проходить по Александровскому проспекту через реку Омь и ул. Атаманскую, где и заканчивалась. Магистрали имели такое направление в силу их наибольшей близости к местам жительства лиц, изъявивших желание стать абонентами. Телеграфная линия с телефонной сетью не пересекалась. В проекте телефонной сети отмечалось, что с ее открытием железная дорога свои телефоны снимет и переведет в проектируемую сеть общего пользования [14. Л. 4–4 об.].

Подробное описание проектируемой Омской телефонной сети содержит в себе детальные технические характеристики необходимых строительных материалов. Строители сети заготовили лиственничные и сосновые столбы длиной 4, 5, 6 и 8 саженей (8,53; 10,67; 12,8 и 17,07 м соответственно) и толщиной в верхнем конце 4, 5 и 6 вершков (17,78; 22,225 и 26,67 см соответственно). Проволока была фосфорно-бронзовой. Ее диаметр равнялся 1,2 мм; вес – 30 фунтов (около 13,61 кг) на версту; крепость на разрыв – 75 кг на 1 мм^2 сечения. На каждом изоляторе линейная проволока должна была быть надлежащим образом перевязана одномиллиметровой оцинкованной проволокой [Там же. Л. 5–6].

5 февраля 1904 г. в Омске вступил в строй первый телефонный коммутатор на 200 номеров [15. С. 120]. 26–28 февраля и 1 марта 1904 г. на основании предписания от 21 февраля 1904 г. № 2378 инспектор телефонной сети Рогов и старший механик Зубарев произвели освидетельствование Омской телефонной сети, выстроенной контрагентом И.П. Кравцевым. Результаты освидетельствования были занесены в акт, составленный в двух экземплярах и заключавший необходимые пояснительные чертежи в виде отдельных приложений [14. Л. 70–71]. Таким образом, в марте 1904 г. Омская городская телефонная станция общего пользования была принята в эксплуатацию.

В число абонентов открывшейся сети, в частности, входили: сам контрагент И.П. Кравцев, станция Омск Сибирской железной дороги, артиллерийское управление, различные фирмы и общества, купцы и промышленники [Там же. Л. 110–110 об.]. На официальном портале Администрации города Омска размещена такая информация: «Абонентская плата за пользование телефонной линией была довольно высокой – 500 рублей в год» [8]. О такой же сумме пишет исследователь Е.В. Шваб [6. С. 32]. Однако архивными материалами ГИАОО эта информация не подтверждается. Согласно документу «Список абонентов, соединенных с центральной станцией Омской телефонной сети, эксплуатируемой инженером И.П. Кравцевым, и о причитающемся казне телефонном сборе к 1 мая 1904 г.», для большинства абонентов ежегодная абонентская плата составляла 75 руб. Разумеется, И.П. Кравцев пользовался телефоном бесплатно. Также к числу бесплатных абонентов относились: управление Омского почтово-телеграфного округа, начальник округа, его помощник, механик округа, начальник почтово-телеграфной конторы, заведующий телефонной сетью и инспектор телефонной сети. В списке абонентов эти учреждения и лица имели пометку «служебный» [14. Л. 110–115]. Абонентскую плату следовало вносить вперед. Почти не изменилась абонентская плата и через 11 лет после открытия Омской телефонной сети. В «Списке абонентов Омской телефонной сети на 1915 год» сказано, что за каждый телефонный аппарат, соединенный с центральной телефонной станцией отдельным проводом на расстояние, не превышающее двух верст, ежегодная абонентская плата составляла 72 руб. За такой же аппарат, но отстоящий от центральной станции более чем на две версты, за каждые сто сажен (или их часть) к указанной сумме добавлялись еще 3 руб. Здесь же отмечалось, что «настоящие таксы рассмотрены и одобрены в Техническом Отделении Главного Управления Почт и Телеграфов и утверждены Министерством Внутренних Дел 14 июля 1903 года» [13. С. 2, 4].

Для сравнения приведем информацию об абонентской плате за телефон в других городах Сибири. В 1890-е гг. абонентская плата за услуги Томской телефонной сети была дифференцированной и составляла сначала от 60 до 75 руб. в год. Ее размер зависел от категории абонента и расстояния между станцией и абонентом. В дальнейшем с учетом затрат на ремонт линий и станции она возрастала. В конце 1890-х гг. абоненты, находившиеся на расстоянии до 2 верст от станции, платили 75 руб. в год. При больших расстояниях плата возрастала на 15 руб. за каждую версту [1. С. 48]. В 1906 г. в Новониколаевске был установлен предельный уровень платы за пользование телефоном – 75 руб. в год. Дополнительно оговаривалось, что в случае, если эксплуатационные доходы превысят 10% в год, то в определенной пропорции снижалась и абонентская плата [16. С. 865]. В Барнауле и Тюмени абонентская плата за пользование телефоном также составляла 75 руб. в год [17. С. 292; 18. С. 127–128]. Следует отметить, что и 75 руб. в год было большой суммой для многих. По данным историка О.Н. Разумова, в конце XIX в. среднегодовая зарплата томских рабочих составляла 150–200 руб., учителей начальных школ – до 240 руб., а университетских профессоров – 3–4,5 тыс. руб. [1. С. 48]. Таким образом, далеко не каждый горожанин мог себе позволить иметь дома телефон.

Тем не менее спрос на телефон постепенно возрастал, поэтому количество абонентов Омской телефонной сети быстро увеличивалось: после открытия сети (в марте 1904 г.) у нее было 50 абонентов, а к 1 июня 1904 г. в списке значился 91 абонент [14. Л. 75 об., 114 об. – 115]. В 1908 г. в зале железнодорожной станции Омска был установлен первый телефон-автомат, а в сентябре 1912 г. начались работы по проведению подземного телефонного кабеля [15. С. 120–121]. С открытием телефонных сетей в городах появлялись служащие новой профессии – телефонистки («телефонные барышни»). Когда абонент вызывал станцию, они обязаны были спрашивать: «Что угодно?», затем соединить с нужным номером. По данным Н. Елизаровой, зарплата омских телефонисток была очень низкой – 22,5 руб. в месяц [9].

В дальнейшем Омская телефонная сеть работала далеко не идеально. В 1910 г. на нее поступали жалобы. 16 июня 1910 г. правительственный инспектор Омской телефонной сети писал об этом контрагенту И.П. Кравцеву, добавляя, что рабочие и служащие устраивали повреждения за неимением знающего руководителя [19. Л. 44–44 об.]. В письмах правительственного инспектора Омской телефонной сети в окружное интендантское управление Омского военного округа от 1 апреля 1910 г. и контрагенту Омской телефонной сети горному инженеру И.П. Кравцеву от 29 июня 1910 г. отмечались случаи «несоединения» дежурной телефонисткой, ее «неответа» на вызовы [19. Л. 54–54 об., 61, 67]. Вероятно, жалобы были связаны не столько с нежеланием телефонисток отвечать и соединять абонентов, сколько с тем, что устроители телефонных сетей не всегда учитывали близость проводов сильных токов на улицах. Ведь городские телефонные сети в Сибири только начинали развиваться, опыта пока было мало.

Поскольку пересечение с электропроводами могло приводить к серьезным неполадкам телефонной связи, то Министерство внутренних дел в своих циркулярах старалось давать полезные советы для устранения подобных неполадок. В письме горному инженеру И.П. Кравцеву от 14 октября 1911 г. временно исполнявший обязанности инспектора Омской телефонной сети ссылался на один из таких циркуляров от 29 сентября 1904 г. № 1236, опубликованный в Почтово-телеграфном журнале. В нем предлагались меры для ограждения телефонной линии от действия сильных электрических токов в местах их пересечения с электропроводами посредством устройства предохранительных сеток. Кроме того, предусматривалась установка предохранителей или автоматических выключателей на телефонных проводах. В разъяснении к циркуляру отмечалось, что предохранительные сетки должны были быть устроены так, чтобы: а) предотвращать случайное соприкосновение сетки и неповрежденных телефонных проводов; б) размеры сеток по ширине и длине должны были быть таковы, чтобы разорвавшийся провод надежно задерживался сеткой и не мог задеть другие провода; в) сетки должны были быть заземлены. Расстояние между проводом сильного тока и телефонными проводами в местах их пересечения должно было составлять не менее 1 м. Легкоплавкие предохранители устанавливались на обоих концах телефонного провода, а именно на центральной станции и у абонента. Предохранители состояли из трех частей: угольного громоотвода и двух предохранительных легкоплавких проволочек (на 0,4 и 2 ампера), заключенных в стеклянные трубочки [Там же. Л. 65–65 об.].

В то же время качество работы омских телефонов во многом зависело и от самого владельца сети контрагента И.П. Кравцева. Отмечались случаи обрывов, обледенений проводов и прочие повреждения, которые необходимо было своевременно устранять. Владелец сети с ремонтом не спешил, о чем свидетельствовали продолжавшие поступать жалобы абонентов. После смерти И.П. Кравцева в 1914 г. сетью стала заведовать его вдова Софья Федоровна Кравцева. Ей пришлось менять воздушные провода на кабельные линии. В феврале 1918 г. пришедшие к власти в Омске большевики национализировали частную телефонную станцию. После свержения советской власти в июне 1918 г. телефонная сеть была возвращена С.Ф. Кравцевой [3, 4]. Правда, как покажут дальнейшие события, владелицей сети она оставалась недолго.

В 1918 г., как утверждает Е.В. Шваб, телефонная станция в Омске вмещала 1 270 номеров [6. С. 32]. Согласно телеграмме от 10 января 1919 г. правительственного инспектора Омской телефонной сети начальнику Омского почтово-телеграфного округа к 1 января 1919 г. в Омской телефонной сети состояло 1 376 абонентов [20. Л. 15]. Для сравнения: в 1917 г. Новониколаевская телефонная сеть включала в себя центральную телефонную станцию на 574 абонента и 2 подстанции на вокзалах Омской (60 абонентов) и Алтайской (16 абонентов) железных дорог [2. С. 24]; у Томской телефонной сети в 1918 г. было 1 235 абонентов, в 1919 г. – 1 485, в 1920 г. их число сократилось до 1 268 [21. Л. 174–175].

Плата за телефонное обслуживание в Омске в 1918 г. составляла: в первом полугодии – 252 руб., во втором – уже 432 руб. [20. Л. 15]. Вероятно, увеличение стоимости было связано с ростом цен, вызванным обстоятельствами военного времени. Тем не менее ходатайства от состоятельных людей об установке телефонов продолжали поступать начальнику Омского почтово-телеграфного округа. Так, 27 мая 1919 г. Макушинское товарищество торговли и промышленности обратилось к начальнику Омского почтово-телеграфного округа с просьбой поставить в помещении железнодорожной станции Макушино и товарной конторы телефонные аппараты для частного пользования, так как село Макушино было расположено далеко от станции Макушино. Гужевое сообщение с ней было затруднительным, особенно в весеннюю и осеннюю распутицу. Товарищество даже выразило готовность строить телефонную линию своими силами и за свой счет [22. Л. 2].

В связи с Гражданской войной трудности в работе телефона продолжали нарастать. 15 августа 1919 г. начальник Омского почтово-телеграфного округа писал исполняющему обязанности главного механика Ожегову, что Омская телефонная сеть находилась в «ненормальном состоянии» [23. Л. 4–4 об.]. На это влиял факт нахождения в Омске правительства Верховного правителя А.В. Колчака. Кроме того, Омск являлся городом ближайшего тыла колчаковской армии, поэтому он был переполнен военными учреждениями. Все эти учреждения вместе с омичами, у которых были установлены телефоны, пользовались услугами единственной в городе телефонной сети. При этом ни станционные устройства, ни штат этой сети не предназначались «для города столичного и, кроме того, прифронтового», как писала владелица сети С.Ф. Кравцева правительственному инспектору. Не хватало кадров для качественного обслуживания абонентов. Обслуживавшие коммутатор телефонистки не выносили непрерывной нервной работы, которая длилась по 8 часов в день. Через 4–5 часов у многих из них наступало переутомление, что приводило к

ошибкам в соединении абонентов и замедлению работы. В августе 1919 г. владелица сети указывала на необходимость установить четырехсменное дежурство и назначить помощников дежурных для замены временно отходивших от коммутатора. Для этого наличного штата сети было недостаточно, в связи с чем С.Ф. Кравцева просила правительственного инспектора Омской телефонной сети возбудить ходатайство перед Главным управлением почт и телеграфов о временном прикомандировании к Омской сети 20 телефонисток из числа эвакуированных с правительственных сетей с сохранением содержания от казны [23. Л. 21].

К началу осени 1919 г. состояние Омской сети продолжало ухудшаться. Телефоны ломались в самых критических ситуациях, в частности во время срочной эвакуации большого числа больных и раненых. В конце августа – начале сентября управление полевого санитарного инспектора при Верховном главнокомандующем и главноначальствующий санитарной и эвакуационной частью сообщали правительственному инспектору Омской телефонной сети о необходимости срочного ремонта их телефонов. Временно исполняющий обязанности помощника полевого санитарного инспектора взывал о помощи: «Телефон управления № 11-60 испортился – все время раздается звон, соединиться ни с кем нельзя, прошу немедленной высылки монтера». Положение ухудшалось из-за заторов санитарных поездов [Там же. Л. 6, 19, 29]. К тому же в октябре 1919 г. отмечались случаи хищения телефонных проводов неизвестными лицами [Там же. Л. 50].

В ноябре 1919 г. после отступления колчаковских сил из Омска и окончательного утверждения советской власти телефонная сеть, ранее принадлежавшая С.Ф. Кравцевой, теперь уже окончательно перешла в государственную собственность. Это было связано с тем, что в июле 1919 г. вышел декрет Совета народных комиссаров, по которому следовало провести национализацию всех находившихся на территории Советской республики междугородных телефонных сообщений и всех телефонных сетей общего пользования. Их эксплуатация и управление были возложены на Народный комиссариат почт и телеграфов (Наркомпочтель, или НКПиТ). Частным лицам телефоны не полагались [24. С. 370]. Можно предположить, что национализация телефонной связи, которую провели большевики в условиях хозяйственной разрухи и продолжавшихся в ряде регионов страны военных действий, в какой-то степени была выходом из тяжелой ситуации [5. С. 136]. Однако даже с учетом жесткого государственного регулирования на восстановление и модернизацию телефонной сети Омска требовалось время. Если 20 ноября 1919 г. на заседании Омского губревкома совместно с заведующими отделами было отмечено: «Телефоны и телеграф работают» [25. Л. 4а], то 26 декабря этого года на таком же заседании в докладе почтеля указывалось, что по утрам происходили «долгие неответы телефонисток» [Там же. Л. 21–23 об.].

Таким образом, Омская телефонная сеть общего пользования занимала важное место в жизни горожан, начиная с момента своего открытия. Из-за высокой абонентской платы пользоваться телефоном у себя дома могли себе позволить далеко не все. Работники телефонной сети («телефонные барышни») испытывали разного рода трудности, связанные с низкой заработной платой, монотонной нервной работой, перегруженностью сети. Несмотря на жалобы по поводу нестабильной работы телефона, спрос на него сохранялся, о чем говорит возрастание числа абонентов Омской сети в течение рассматриваемого пятнадцатилетия более чем в 27,5 раз (в марте 1904 г. – 50 абонентов, а к 1 января 1919 г. – 1 376).

С развитием военных действий на территории Западной Сибири в период Гражданской войны значение Омской городской телефонной сети не только не упало, но и заметно возросло. Стабильно работающая телефонная связь была необходима не только гражданским лицам, но и военному руководству [7. С. 457]. Конечно, с установлением советской власти и национализацией средств телефонной связи проблемы устранялись не сразу. В связи с тяготами войны и послевоенной разрухи телефон в Омске некоторое время продолжал работать с перебоями. Омская телефонная сеть, оставаясь одной из крупнейших городских сетей в Западной Сибири, требовала модернизации. Постепенному решению этой задачи должно было способствовать введенное большевиками государственное регулирование ее работы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Разумов О.Н. Этапы развития электрической связи Томской области // История электросвязи Томской области (от прошлого к настоящему). Томск : Спектр, 2000.
2. Времен связующая нить. Страницы истории Новосибирской городской телефонной сети / М.А. Косарев, М.Н. Щукин, И.З. Тельманова, Е.Б. Буторина. Новосибирск : Сибирская горница, 2000.
3. У меня зазвонил телефон… // Омская газета. 2004. 18 марта.
4. Спиридонов И. Телефон в Омске: от Кравцева до наших дней // Омский вестник. 2004. Июнь.
5. Миркин В.В., Морев В.А. История связи Западной Сибири в 1860–1940-е гг. Томск : Оптимум, 2008.
6. Шваб Е.В. Телефонная связь в городах Тобольской и Акмолинской губерний в конце XIX – начале XX в. // Платоновские чтения: материалы XII Всерос. конф. молодых историков г. Самара 10–11 ноября 2006 г. / отв. ред. П.С. Кабытов. Самара : Универс-групп, 2006.
7. Морев В.А. Архивные документы по истории Омской телефонной сети начала XX в. // Документ: история, теория, практика : материалы V Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием / под общ. ред. О.А. Харусь. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2012.
8. Елизарова Н. История Омска: вторая половина XIX века // Официальный портал Администрации города Омска. URL: http://www.admomsk.ru/web/guest/city/history/timeline/19th-century-second-half (дата обращения: 18.08.2017).
9. Елизарова Н. История Омска: 1900–1916 годы // Официальный портал Администрации города Омска. URL: http://www.admomsk.ru/web/guest/city/history/timeline/1900-1916 (дата обращения: 18.08.2017).
10. Первая телефонная станция в Омске. URL: http://wap.arxeolog.forum24.ru/?1-4-20-00000014-000-0-0 (дата обращения: 02.08.2017).
11. «Алло, барышня!» 03.03.2016 // Омские муниципальные библиотеки. URL: http://lib.omsk.ru/libomsk/node/4232 (дата обращения: 02.08.2017).

12. Отчет по эксплуатации казенных железных дорог за 1902 год. Часть XXI. Отчет управления Сибирской железной дороги. Томск : Печатня С.П. Яковлева, 1903.
13. Омская телефонная сеть. Список абонентов Омской телефонной сети на 1915 год. Томск : Изд-во Квасневского, Электро-печатня «Энергия», 1915.
14. Исторический архив Омской области (далее ГИАОО). Ф. 120. Оп. 1. Д. 66.
15. Алисов А.Д. Культура городов Западной Сибири (вторая половина XIX – начало XX в.) : учеб. пособие. Омск : Наука, 2005.
16. Новосибирск : энциклопедия. Новосибирск : Новосиб. книж. изд-во, 2003.
17. Барнаул : энциклопедия. Барнаул : Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2000.
18. Храмцов А.Б. Власть и общество в городах Тобольской губернии конца XIX – начала XX века. Тюмень : РИО ТюмГАСУ, 2010.
19. ГИАОО. Ф. 120. Оп. 1. Д. 113.
20. ГИАОО. Ф. 120. Оп. 1. Д. 398.
21. Государственный архив Новосибирской области. Ф. Р-145. Оп. 1. Д. 10.
22. ГИАОО. Ф. 120. Оп. 1. Д. 399.
23. ГИАОО. Ф. 120. Оп. 1. Д. 400.
24. Гражданская война и военная интервенция в СССР: Энциклопедия / гл. ред. С.С. Хромов ; ред. кол.: Н.Н. Азовцев, Е.Г. Гимпельсон, П.А. Голуб и др. М. : Сов. энциклопедия, 1983.
25. ГИАОО. Ф. 26. Оп. 1. Д. 1а.

Статья представлена научной редакцией «История» 31 августа 2017 г.

HISTORY OF THE OMSK TELEPHONE NETWORK (1904–1919)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 424, 105–110.
DOI: 10.17223/15617793/424/14

Vladimir A. Morev, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: morevv@sibmail.com

Keywords: telephone; Omsk telephone network; subscriber's rental; Omsk; Western Siberia; A.V. Kolchak.

The aim of this article is to describe the history of the creation and development of the Omsk telephone network at the beginning of the 20th century up to its nationalization by the Bolsheviks in 1919. The development of the telephone communication system is one of the poorly studied topics in the history of Siberia's economy. The history of the Omsk telephone network is not an exception. At the turn of the 20th century Omsk was a large commercial and industrial center of Western Siberia. It became one of the key stations of the Trans-Siberian Railroad. In this connection Omsk was one of the cities which needed fast communication. The basic sources of the research are documents from the Historical Archive of Omsk Oblast. In addition, the author used the materials of the State Archive of Novosibirsk Oblast, the Report on the Operation of Government Railways for 1902 and the List of Subscribers of the Omsk Telephone Network for 1915. Small telephone networks for administrative needs already acted before the opening of the public telephone network in Omsk (from 1884). Mining engineer I.P. Kravtsev designed the Omsk public telephone network. In March 1904, the Omsk public telephone network was put into operation. The author found that for most subscribers the annual subscriber's rental was 75 rubles. Among free subscribers were I.P. Kravtsev, the Omsk postal and telegraph district administration, the district chief, his assistant, the district mechanic, the head of the postal and telegraph office, the head of the telephone network and the telephone network inspector. The author comes to a conclusion that, despite the high subscriber's rental and interruptions in work, the telephone in Omsk was in great demand. So, in March 1904, the Omsk telephone network had only 50 subscribers, and by 1 January 1919 already 1,376. The years of the Civil War were a difficult period for the Omsk telephone network. In 1918 the payment for the telephone service in Omsk was 252 rubles in the first half of the year and already 432 rubles in the second half. While the seat of the government of the Supreme ruler A.V. Kolchak was in Omsk, the city was crowded with military institutions. However, neither the station devices nor the staff of the Omsk network could bear the increased load on the telephone network. There were not enough personnel for qualitative service of telephone subscribers. By the beginning of the autumn of 1919, phones broke during the emergency evacuation of large numbers of the sick and the wounded. In November 1919, after the retreat of Kolchak's forces from Omsk and the final approval of the Soviet government the telephone network became public property. The author believes that the nationalization of the telephone, which the Bolsheviks held in the conditions of economic disruption and military actions lasting in some regions of the country, was a way out of the difficult situation in some degree. The Omsk telephone network had to be upgraded. State regulation of its work was to contribute to the gradual solution of this problem.

REFERENCES

1. Razumov, O.N. (2000) Etapy razvitiya elektricheskoy svyazi Tomskoy oblasti [Stages of the development of electric communication of Tomsk Oblast]. In: Desyatskiy, V.S. et al. (2000) *Istoriya elektrosvyazi Tomskoy oblasti (ot proshlogo k nastoyashchemu)* [History of telecommunications of Tomsk Oblast (from past to present)]. Tomsk: Spektr.
2. Kosarev, M.A. et al. (2000) *Vremen svyazuyushchaya nit'. Stranitsy istorii Novosibirskoy gorodskoy telefonnoy seti* [Thread connecting times. Pages of the history of the Novosibirsk city telephone network]. Novosibirsk: Sibirskaya gornitsa.
3. Omskaya gazeta. (2004) U menya zazvonil telefon… [My phone rang . . .]. *Omskaya gazeta*. 18 March.
4. Spiridonov, I. (2004) Telefon v Omske: ot Kravtseva do nashikh dney [The telephone in Omsk: from Kravtsev to our days]. *Omskiy vestnik.* June.
5. Mirkin, V.V. & Morev, V.A. (2008) *Istoriya svyazi Zapadnoy Sibiri v 1860–1940-e gg*. [The history of Western Siberia communication in the 1860s–1940s]. Tomsk: Optimum.
6. Shvab, E.V. (2006) [Telephone communication in the cities of Tobolsk and Akmola provinces in the late 19th – early 20th centuries]. *Platonovskie chteniya* [Platonov readings]. Proceedings of the XII all-Russian conference of young historians. Samara. 10–11 November 2006. Samara: Univers-grupp. (In Russian).
7. Morev, V.A. (2012) [Archival documents on the history of the Omsk telephone network at the beginning of the 20th century]. *Dokument: istoriya, teoriya, praktika* [Document: history, theory, practice]. Proceedings of the V all-Russian conference with international participation. Tomsk: Tomsk State University. (In Russian).
8. Elizarova, N. (n.d.) *Istoriya Omska: vtoraya polovina XIX veka* [History of Omsk: the second half of the 19th century]. [Online] Available from: http://www.admomsk.ru/web/guest/city/history/timeline/19th-century-second-half. (Accessed: 18.08.2017).
9. Elizarova, N. (n.d.) *Istoriya Omska: 1900–1916 gody* [History of Omsk: 1900–1916]. [Online] Available from: http://www.admomsk.ru/web/guest/city/history/timeline/1900-1916. (Accessed: 18.08.2017).

10. Wap.arxeolog.forum24.ru. (n.d.) *Pervaya telefonnaya stantsiya v Omske* [The first telephone station in Omsk]. [Online] Available from: http://wap.arxeolog.forum24.ru/?1-4-20-00000014-000-0-0. (Accessed: 02.08.2017).
11. Omskie munitsipal'nye biblioteki. (2016) *"Allo, baryshnya!"* ["Hello, young lady!"]. March 03. [Online] Available from: http://lib.omsk.ru/libomsk/node/4232. (Accessed: 02.08.2017).
12. Siberian Railway Administration. (1903) *Otchet po ekspluatatsii kazennykh zheleznykh dorog za 1902 god. Chast' XXI. Otchet upravleniya Sibirskoy zheleznoy dorogi* [Report on the operation of state railways for 1902. Part XXI. Report of the Siberian Railway Administration]. Tomsk: Pechatnya S.P. Yakovleva.
13. Izd-vo Kvasnevskogo, Elektro-pechatnya "Energiya". (1915) *Omskaya telefonnaya set'. Spisok abonentov Omskoy telefonnoy seti na 1915 god* [Omsk telephone network. The list of subscribers of the Omsk telephone network for 1915]. Tomsk: Izd-vo Kvasnevskogo, Elektro-pechatnya "Energiya".
14. State Historical Archive of Omsk Oblast (GIAOO). Fund 120. List 1. File 66. (In Russian).
15. Alisov, A.D. (2005) *Kul'tura gorodov Zapadnoy Sibiri (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.)* [Culture of cities in Western Siberia (second half of the 19th – early 20th centuries)]. Omsk: Nauka.
16. Lamin, V.A. (ed.) (2003) *Novosibirsk: entsiklopediya* [Novosibirsk: an encyclopedia]. Novosibirsk: Novosib. knizh. izd-vo.
17. Skubnevskiy, V.A. et al. (eds) (2000) *Barnaul: entsiklopediya* [Barnaul: an encyclopedia]. Barnaul: Altai State University.
18. Khramtsov, A.B. (2010) *Vlast' i obshchestvo v gorodakh Tobol'skoy gubernii kontsa XIX – nachala XX veka* [Power and society in the cities of Tobolsk Province of the late 19th – early 20th centuries]. Tyumen: TyumSABU.
19. State Historical Archive of Omsk Oblast (GIAOO). Fund 120. List 1. File 113. (In Russian).
20. State Historical Archive of Omsk Oblast (GIAOO). Fund 120. List 1. File 398. (In Russian).
21. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). File R-145. List 1. File 10. (In Russian).
22. State Historical Archive of Omsk Oblast (GIAOO). Fund 120. List 1. File 399. (In Russian).
23. State Historical Archive of Omsk Oblast (GIAOO). Fund 120. List 1. File 400. (In Russian).
24. Khromov, S.S. (ed.) (1983) *Grazhdanskaya voyna i voennaya interventsiya v SSSR: Entsiklopediya* [Civil War and military intervention in the USSR: an encyclopedia]. Moscow: Sov. entsiklopediya.
25. State Historical Archive of Omsk Oblast (GIAOO). Fund 26. List 1. File 1a. (In Russian).

Received: 31 August 2017

Вестник Томского государственного университета. 2017. № 424. С. 111–115. DOI: 10.17223/15617793/424/15

УДК 378.6 (622) Горный институт

С.О. Никиташина

ГОРНЫЙ ИНСТИТУТ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II КАК ГЛАВНЫЙ ЦЕНТР ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТОВ ГОРНОГО ДЕЛА (1896–1917 гг.)

Рассмотрены высшие технические учебные заведения, выпускавшие в период с 1896 по 1917 г. специалистов горного дела и металлургов в России. Выявлены главные центры горнозаводской промышленности, где потребность в горных инженерах была максимальной. Определены факторы, мешавшие открытию вузов и их нормальному функционированию. Отмечены заслуга министра финансов С.Ю. Витте и роль горнопромышленников в создании политехнических институтов. Установлено, что, несмотря на появление шести новых втузов, Горный институт императрицы Екатерины II являлся основным центром подготовки кадров для горной промышленности.

Ключевые слова: Горный институт императрицы Екатерины II; горные инженеры; высшее горное образование; 1896–1917 гг.

Горный институт императрицы Екатерины II – первая русская техническая и вторая в мире высшая горная школа, он младше на 7 лет Фрайбергской горной академии и на 18 лет Московского университета. С момента подписания указа об его учреждении императрицей Екатериной II 21 октября 1773 г. (по ст. ст.) и до конца XIX в. он был единственным высшим горным учебным заведением в России. Быстрое развитие горнозаводской промышленности привело к появлению в начале XX в. новых горных институтов и открытию горных и металлургических отделений в ряде высших учебных заведений.

Цель исследования состоит в выявлении круга высших учебных заведений, готовивших горных специалистов, появившихся в период с 1896 по 1917 г. (от принятия нового Положения в Санкт-Петербургском горном институте до Октябрьской революции), и места, которое институт занимал среди них.

18 марта 1896 г. было утверждено новое Положение Горного института, а в 1897 г. принят новый Устав [1, 2]. 29 апреля институт получил имя императрицы Екатерины II в связи с 100-летием со дня ее смерти [3]. Министр земледелия и госимуществ А.С. Ермолов в своей речи на торжественном чествовании памяти императрицы в Горном институте в ноябре 1896 г. отметил, что за 123-летнюю деятельность Горный институт «доставил Отечеству несколько поколений сведущих и полезных тружеников, знаниями и трудами которых двигались и обогащались горные науки и расширялось и совершенствовалось русское горное дело» [4. С. 384].

Устав Горного института 1897 г. не сильно отличался от Устава 1866 г. [5]. Учебный курс продолжался, как и раньше, 5 лет. Отсутствовало деление предметов по отделениям: горному и заводскому [2. С. 1–2]. Студенты, успешно выдержавшие курс наук и выпускные экзамены, получали диплом на звание горного инженера. Они имели право возводить рудничные и заводские здания и относящиеся к ним жилые помещения, проводить строительные работы, состоящие в ведении и под надзором Министерства путей сообщения. Успешно выдержавшими экзамен считались получившие не менее 3 баллов по каждому предмету. Получившие в среднем 4 и более баллов, но не менее 4 по горному искусству, металлургии и заводской механике, считались отличнейшими из числа окончивших курс. Имя первого по успехам студента заносилось на мраморную доску института. Успешно окончившие институт выпускники при поступлении на штатные должности гражданской службы получали чины коллежского или губернского секретаря [2. С. 7].

В 1904 г. Государственный совет внес изменения в учебные планы и штат Горного института императрицы Екатерины II, предметы снова разделялись на отделения – горное и заводское [6. С. 411]. Введенная в 1905 г. предметная система привела к увеличению сроков обучения, максимальный срок пребывания в институте ограничили 8 годами. В 1907 г. появилось третье, геологоразведочное отделение [7. С. 11–12]. Число студентов в Горном институте росло: в 1892 г. – 269 чел., в 1902 г. – 663, в 1905 г. – 704, в 1910 г. – 986, в 1914 г. – 944 чел. [Там же. С. 38].

Выпускниками Горного института были крупные всемирно известные ученые, не только связанные с геологическими науками, но и с общими дисциплинами: физикой и математикой. Среди них: академики по минерологии – Н.И. Кокшаров, П.В. Еремеев, Е.С. Федоров; по геологии – А.П. Карпинский, Ф.Н. Чернышев, Н.П. Барбот-де-Марни; по палеонтологии – В.И. Меллер и многие другие. Первые учебники для русской высшей школы были написаны профессорами Горного института: по геогнозии – Д.И. Соколовым, по палеонтологии – И.И. Лагузеном, по физической геологии – И.В. Мушкетовым, по рудным месторождениям – К.И. Богдановичем, по микроскопическому анализу – В.В. Никитиным и т.д.

Энергичное развитие горной и металлургической промышленности Юга России, разработка Донецкого каменноугольного бассейна, Криворожского железорудного, Бахмутского соляного и Никопольского марганцевого районов, работа южных крупных металлургических заводов привели к появлению высшего горного заведения в Екатеринославле [8. С. 1–2]. В его создании активное участие приняли общественные учреждения и организации южнорусских промышленников. Образованный летом 1898 г. Комитет для сбора пожертвований на постройку здания для училища собрал 500 тыс. руб. [9. С. 14]. 4 июня 1899 г. Николай II утвердил «Положение об Екатеринославском высшем горном училище» [10]. Основной задачей нового вуза была специальная подготовка лиц к практической деятельности по горному делу. Созданные в нем отделения – горное и заводское – наилучшим образом соответствовали двум отраслям горно-

заводской промышленности Юга России. Учебный курс был трехгодичным. Сдавшие экзамены и защитившие проекты получали диплом на звание горного техника. Наличие диплома Екатеринославского высшего горного училища и двухлетняя работа на горнопромышленных предприятиях давали право сдавать экзамены для поступления на 3-й и старшие курсы Горного института императрицы Екатерины II и для получения звания горного инженера [10].

В 1903 г. был расширен курс в Екатеринославском высшем горном училище до 4 лет, его выпускникам стало присваиваться звание инженера [11]. Выпускники по горному отделению получали звание рудничного инженера, а по заводскому отделению – инженера-металлурга. При поступлении на госслужбу на горнотехнические должности им давался чин губернского секретаря. Звание горного инженера присваивалось после 2 лет работы по специальности и сдачи экзаменов в Горном институте в столице. 5 января 1904 г. Николай II утвердил мнение Государственного совета, согласно которому выпускники некоторых технических вузов получили право на ведение строительных работ. Среди них были рудничные инженеры и инженеры-металлурги Екатеринославского высшего горного училища [12. С. 5].

В июне 1912 г. был принят закон «О преобразовании Екатеринославского высшего горного училища в Горный институт» [13]. Несмотря на это статус института был значительно ниже Санкт-Петербургского, зарплаты преподавателей меньше, наблюдалась текучка преподавательского персонала [14. С. 69]. Число студентов в Екатеринославском высшем горном училище в 1899/1900 учебном году составляло 77 чел., в 1903 г. – 118 (на горном – 89, на заводском – 29), в 1912 г. – 446 (на горном – 329, на заводском – 117), в 1915 г. – 625 чел. В первом выпуске 1903 г. числилось 16 чел., в 1905 г. выпуска не было, в 1906 г. – 8 чел., 1912 г. – 49, 1915 г. – 58 чел. [9. С. 28–29]. Среди известных выпускников можно назвать крупных ученых в области горного дела А.Н. Чинакала и Л.Д. Шевякова, окончивших институт в 1912 г. [15. С. 644, 658].

В самом центре горной промышленности Урала и России, в Екатеринбурге, в городе, где зародились первые горные школы, Горный институт был открыт лишь в 1917 г. Закон об его учреждении Николай II подписал 3 июля 1914 г., но открытию помешала Первая мировая война, занятия начались лишь 22 октября 1917 г. По одним сведениям, на 1-й курс набрали 295 чел., по другим – 306 чел. [16. С. 7–8; 15. С. 7]. Подготовка студентов в течение 4 лет осуществлялась на 5 факультетах: рудничном, геологоразведочном, механико-металлургическом, химико-металлургическом и инженерно-лесном. Выпускникам присваивалось звание горного инженера [17. С. 6–7].

По инициативе министра финансов С.Ю. Витте в начале XX в. в России открылись новые высшие учебные заведения – политехнические институты с горными или металлургическими факультетами. Появилась такая же специализация и в некоторых технологических институтах. Такие институты с горными или металлургическими факультетами открылись в Варшаве, Томске, Новочеркасске и Санкт-Петербурге. Кроме Донецкого угольного бассейна добыча угля была сосредоточена на шахтах Польского (Домбровского) района. Поэтому «в качестве опыта» в Варшавском политехническом институте Николая II, открытом в 1898 г., в 1902 г. появилось четырехгодичное горное отделение, выпускникам которого присваивалось звание горного инженера и давалось право на ведение тех же работ, как и выпускникам Горного института в Петербурге [18].

Однако антиправительственные выступления на территории Царства Польского в 1905–1907 гг., стремление варшавской общественности к созданию высших школ с преподаванием на польском языке, ее просьбы об устранении от преподавания русских профессоров привели к решению правительства о временном закрытии 17 января 1907 г. Варшавского политехнического института и направлении денежных средств и части преподавателей для создания политехнического института в Новочеркасске [14. С. 290–291]. В 1908 г. занятия в Варшавском политехническом институте были продолжены. В связи с началом Первой мировой войны в 1914 г. институт был переведен в Москву, а затем в Нижний Новгород.

20 июня 1917 г. вышло постановление Временного правительства об учреждении Нижегородского политехнического института с четырьмя отделениями: химическим, механическим, инженерно-строительным и горным. Варшавский политехнический институт упразднялся, а студентам и вольнослушателям предоставлялось право перейти на соответствующие отделения и курсы Нижегородского политехнического института. В него были переведены весь профессорско-преподавательский состав, административные и хозяйственные службы Варшавского политехнического института [19. С. 23]. Число студентов в 1904/05 учебном году превысило 1 000 чел., в 1910/11 составило 744 чел. [14. С. 284, 290]. Перемещения Варшавского политехнического университета привели к текучке профессорско-преподавательского состава, переходу студентов в другие высшие учебные заведения. В связи с закрытием в 1918 г. горного отделения теперь уже в Нижегородском политехническом институте некоторые студенты были переведены в Петроградский горный институт. Среди них был А.Г. Бетехтин – известный геолог и минеролог, отучившийся в нем один год (1917) [15. С. 89].

Появлению Донского политехнического института в Новочеркасске способствовали усилия местных властей и прежде всего донского казачества, уже давно хлопотавшего о создании в своем регионе университета. 2 марта 1907 г. Николай II утвердил Положение Совета министров «Об учреждении Донского политехнического института в городе Новочеркасске» с открытием 5 отделений: горного, инженерно-мелиоративного, механического, химического и коммерческого. Одна часть служебного состава из Варшавского политехнического института командировалась для ведения учебных занятий в Новочеркасск, другую оставили в Варшаве до восстановления его учебных функций. Министр торговли и промышленности открыл всероссийскую подписку для сбора пожертвований на устройство Донского политехнического ин-

ститута. Для утверждения проекта положения и штата требовалось, чтобы местные денежные пожертвования на институт составили не менее 827 тыс. руб., не считая подписки [20]. В 1907 г. в Донской политехнический институт был объявлен прием 150 чел., из которых 60 чел. – на механический факультет и по 30 чел. на инженерно-мелиоративный и горный. Из числа вакансий 50% предоставлялись «коренным обывателям войска Донского» [21].

17 июня 1909 г. появился закон «Об учреждении в городе Новочеркасске Донского политехнического института и установлении временного штата…». Выпускникам, окончившим горный факультет института, присваивалось звание горного инженера [22]. С сентября 1909 г. он стал именоваться Алексеевским донским политехническим институтом [23]. В 1912 г. в его составе появилось агрономическое отделение, введен особый курс по нефтяному делу и выделены из государственного казначейства дополнительные средства на сооружение, оборудование и содержание института [24]. Известные выпускники: Л.А. Варданянц (1918) – геолог, крупный специалист в области геологии, тектоники и металлогении Кавказа, И.В. Попов (1913) – основоположник отечественной инженерной геологии [15. С. 126, 475].

Освоению Сибири, богатой полезными ископаемыми, способствовало строительство Транссибирской железной дороги. Создание технологического института в Томске нашло поддержку на государственном уровне. 12 июня 1901 г. было принято «Положение о Томском технологическом институте императора Николая II» [25]. В нем были открыты 4 отделения: механическое, химическое, горное и инженерно-строительное с 5-летним сроком обучения. Выпускникам присваивались звания: инженер-механик, инженер-химик, инженер-строитель и горный инженер. При поступлении на государственную службу на штатные должности техников выпускники, с успехом окончившие институт, имели чин X класса, остальные – XII класса.

Первый прием на горное отделение был сделан в 1901 г. – 106 чел. Первый выпуск состоялся в 1908 г., через 7 лет после открытия, поскольку в результате революционных событий институт в 1905 г. был временно закрыт. Численность студентов горного отделения составила в 1902 г. – 104 чел., 1903 г. – 185, 1904 г. – 222, 1905 г. – 203, 1906 г. – 267, 1907 г. – 341, 1908 г. – 349, 1909 г. – 353, 1910 г. – 327, 1911 г. – 279, 1912 г. – 235, 1913 г. – 281, 1914 г. – 306, 1915 г. – 336, 1916 г. – 287, 1917 г. – 127 чел. [26. С. 39, 47].

Известные выпускники: М.А. Капелюшников (1914) – изобретатель турбобура, М.А. Усов (1908) – ученик В.А. Обручева, М.А. Усов заложил основы магматической геологии, предложил и обосновал геотектоническую теорию саморазвития Земли, одним из первых применил в систематике рудных месторождений понятие о рудных формациях, основал и руководил сибирской школой геологов [14. С. 597].

В организации Политехнического института в Санкт-Петербурге министр финансов С.Ю. Витте принимал непосредственное участие. 4 февраля 1902 г. было утверждено «Положение о Санкт-Петербургском политехническом институте» [27]. Срок обучения – 4 года. В составе института было открыто 4 отделения: металлургическое, электромеханическое, экономическое и кораблестроительное. На металлургическом отделении преподавался цикл наук, связанных с металлургией. Окончившие его инженеры получали диплом инженера-металлурга. Они имели право заведовать фабриками и заводами, сооружать фабричные и заводские здания и связанные с ними жилые помещения, производить строительные работы и составлять проекты для этих зданий и работ, а также занимать должности штатных преподавателей в специальных учебных заведениях и носить установленный для них знак особого образца. Таким образом, подготовка металлургов выделилась из состава наук горного искусства.

За 25 лет металлургический факультет выпустил 560 чел. [28. С. 53]. Среди его выпускников крупные ученые: И.Я. Башилов (1919) – специалист по редким металлам, И.И. Гинзбург (1913) – геохимик, один из основоположников разработки геохимических методов поиска полезных ископаемых, П.И. Лебедев (1909) – специалист в области описательной, теоретической и экспериментальной петрографии, минералогии, геохимии и учения о полезных ископаемых [15. С. 81, 164, 345].

Таким образом, в период с 1896 по 1917 г. кроме Горного института императрицы Екатерины II подготовка горных специалистов и металлургов начала осуществляться в двух горных, трех политехнических и одном технологическом институтах. Она была организована в крупных центрах горного производства, где потребность в горных инженерах была максимальной. Такими городами стали Екатеринослав, Екатеринбург, Новочеркасск, Варшава, Томск и Санкт-Петербург. Дипломы на звания горных инженеров выдавали горные институты – императрицы Екатерины II, Екатеринбургский и Екатеринославский, политехнические институты – Варшавский (Нижегородский), Новочеркасский и Алексеевский донской, Томский технологический. Санкт-Петербургский политехнический институт выпускал инженеров-металлургов.

Обучение в Горном институте императрицы Екатерины II и Томском технологическом институте продолжалось 5 лет, в других политехнических и технологических институтах – 4 года. Количество выпускников Горного института императрицы Екатерины II значительно превышало число заканчивающих вновь созданные вузы, многие из них стали выдающимися учеными с мировыми именами, часть преподавателей влилась в профессорско-преподавательский состав новых вузов. Выпускники занимали важные посты в правительственных структурах, в Горном департаменте, Государственном совете. Все это свидетельствовало о том, что подготовка в Горном институте императрицы Екатерины II осуществлялась на очень высоком и качественном уровне. Поэтому, несмотря на появление шести новых технических учебных заведений, Горный институт императрицы Екатерины II оставался по-прежнему основным центром подготовки кадров для горной промышленности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. (ПСЗРИ-3). 1881–1913. СПб., 1899. Т. 16. Отд. 1. № 12662. С. 210–217.
2. Устав Горного института императрицы Екатерины II. Утв. 21 мая 1897 г. СПб., 1897. 19 с.
3. ПСЗРИ-3. СПб., 1899. Т. 16. Отд. 1. № 12857. С. 338.
4. Чествование памяти императрицы Екатерины II в Горном институте 6 ноября 1989 г. // Горный журнал. 1896. № 11. С. 382–409.
5. Устав и штат Горного института. Утв. 15 июня 1866. СПб., 1866. 24 с.
6. ПСЗРИ-3. СПб., 1907. Т. 24. Отд. 1. № 24469. С. 410–412.
7. Ленинградский горный институт. Юбилейный сборник. 1773–1923. Л., 1926. 140 с.
8. Шевяков Л.Д. Возникновение и деятельность Екатеринославского горного института в связи с развитием промышленности. [Б. м.], [1925]. 11 с.
9. Екатеринославский горный институт им. Артема-Сергеева. К предстоящему юбилею. 1899–1924 гг. [Екатеринослав, 1924]. 71 с.
10. ПСЗРИ-3. СПб., 1902. Т. 19. Отд. 1. № 17048. С. 601–606.
11. ПСЗРИ-3. СПб., 1905. Т. 23. Отд. 1. № 22958. С. 517–518.
12. ПСЗРИ-3. СПб., 1907. Т. 24. Отд. 1. № 23848. С. 4–5.
13. ПСЗРИ-3. СПб., 1915. Т. 32. Отд. 1. № 37369. С. 728–730.
14. Иванов А.Е. Высшая школа России в конце XIX – начале XX века. М., 1991. 392 с.
15. Мелуа А.И. Геологи и горные инженеры России: Энциклопедия. М. ; СПб.: Гуманистика, 2000. 720 с.
16. Филатов В.В. История создания Уральского государственного горного университета // Известия вузов. Горный журнал. 2009. № 7. С. 3–12.
17. 50-лет Свердловскому горному институту. М. : Недра, 1967. 388 с.
18. ПСЗРИ-3. СПб.,1904. Т. 22. Отд. 1. № 21696. С. 648–650.
19. Нижегородский музей. Человек, культура, общество. Специальный. 2016. С. 18–25. URL: http://www.unn.ru/pages/e-library/museum/NM_100NNGU.pdf (дата обращения: 05.03.2017).
20. ПСЗРИ-3. СПб., 1910. Т. 27. Отд. 1. № 28966. С. 160–161.
21. Правила приема в Донской политехнический институт в 1907 г. // URL: http://gosarhro.ru/collections/5/?PAGEN_1=2 (дата обращения: 15.03.2017).
22. ПСЗРИ-3. СПб., 1912. Т. 29. Отд. 1. № 32142. С. 493.
23. ПСЗРИ-3. СПб., 1912. Т. 29. Отд. 1. № 32553. С. 745.
24. ПСЗРИ-3. СПб., 1915. Т. 32. Отд. 1. № 37588. С. 1022–1023.
25. ПСЗРИ-3. СПб., 1902. Т. 20. Отд. 1. № 18869. С. 795–803.
26. Маршрут длиною в 100 лет. Геологическая хроника: взгляд из Томска. Томск : Изд-во ТПИ, 2008. 330 с.
27. ПСЗРИ-3. СПб., 1904. Т. 22. Отд. 1. № 21046. С. 64–73.
28. С.-Петербургский политехнический институт императора Петра Великого. 1902–1952. Юбилейный сборник / под ред. А.А. Стаховича, Е.А. Вечорина. [Париж], 1952. 129 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 21 августа 2017 г.

THE MINING INSTITUTE OF EMPRESS CATHERINE II AS THE MAIN CENTER OF TRAINING SPECIALISTS IN MINING (1896–1917)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 424, 111–115.
DOI: 10.17223/15617793/424/15

Svetlana O. Nikitashina, Saint Petersburg Mining University (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: svnikita65@mail.ru

Keywords: Mining Institute of Empress Catherine II; specialists in mining; higher education in mining; 1896–1917.

The article considers higher educational institutions that appeared in the period from 1896 to 1917 and prepared specialists in mining and metallurgy. The main centers of the mining industry, cities with the highest demand for mining engineers were identified: Ekaterinoslav, Ekaterinburg, Warsaw, Tomsk and St. Petersburg. The factors that prevented the opening of universities and their normal functioning were named: the revolutionary events (1905) and World War I (1914), which led to their temporary closure or relocation to other parts of the country, which caused the turnover of the teaching staff and students. Thus, the Warsaw Polytechnic Institute, as a result of several relocations, was closed, and its administrative and teaching staff moved to the newly created Nizhny Novgorod Polytechnic Institute. The Mining Institute in Ekaterinburg began to operate only in 1917 instead of 1914. The article emphasizes the great merit of the Minister of Finance S.Yu. Witte in the creation of a new type of higher technical educational institutions – polytechnic institutes and the significant role of the mining industry's initiative in raising funds for their establishment. Six higher educational institutions were identified, which, in addition to the Mining Institute of Empress Catherine II, trained specialists in mining and metallurgy. Diplomas for the title of mining engineers were issued by the Ekaterinburg and Ekaterinoslav Mining Institutes of Empress Catherine II, Warsaw (Nizhny Novgorod), Novocherkassk (Alekseevsky Don) Polytechnic Institutes and Tomsk Technological Institute. St. Petersburg Polytechnic Institute prepared metallurgical engineers. The training period at the Mining Institute of Empress Catherine II and Tomsk Technological Institute was 5 years, in other polytechnic and technological institutes 4 years. The comparison of the number of students and graduates clearly shows that the Mining Institute of Empress Catherine II prepared more mining engineers than other institutes. Many of its graduates were outstanding scientists with world names while part of the teachers joined the faculty of new universities. Graduates occupied important positions in government structures, in the Mining Department, in the State Council. All this testified to the fact that training at the Mining Institute of Empress Catherine II was carried out at a very high and qualitative level. Therefore, despite the emergence of six new technical educational institutions, the Mining Institute of Empress Catherine II remained the main center of personnel preparation for the mining industry in Russia.

REFERENCES

1. Russian Empire. (1899) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. Sobranie tret'e* [Complete collection of laws of the Russian Empire. Collection Three]. 16:1:12662. pp. 210–217.
2. Mining Institute of Empress Catherine II. (1897) *Ustav Gornogo instituta imperatritsy Ekateriny II. Utv. 21 maya 1897 g.* [Charter of the Mining Institute of Empress Catherine II. Approved on May 21, 1897]. St. Petersburg: Vtoroe otdelenie Sobstvennoy Ego Imperatorskogo Velichestva kantselyarii.

3. Russian Empire. (1899) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. Sobranie tret'e* [Complete collection of laws of the Russian Empire. Collection Three]. 16:1:12857. pp. 338.
4. Gornyy zhurnal. (1896) Chestvovanie pamyati imperatritsy Ekateriny II v Gornom institute 6 noyabrya 1989 g. [Celebration of the memory of Empress Catherine II at the Mining Institute on November 6, 1989]. *Gornyy zhurnal.* 11. pp. 382–409.
5. Mining Institute of Empress Catherine II. (1866) *Ustav i shtat Gornogo instituta. Utv. 15 iyunya 1866* [Charter and staff of the Mining Institute. Approved on June 15, 1866]. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences.
6. Russian Empire. (1907) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. Sobranie tret'e* [Complete collection of laws of the Russian Empire. Collection Three]. 24:1:24469. pp. 410–412.
7. Levenson, L.B. et al. (1926) *Leningradskiy gornyy institut. Yubileynyy sbornik. 1773–1923* [Leningrad Mining Institute. Anniversary collection. 1773–1923]. Leningrad: Izd. yubil. komis. Gorn. in-ta.
8. Shevyakov, L.D. (1925) *Vozniknovenie i deyatel'nost' Ekaterinoslavskogo gornogo instituta v svyazi s razvitiem promyshlennosti* [The emergence and activities of the Ekaterinoslav Mining Institute in connection with the development of industry]. [S.l.].
9. Ekaterinoslav Mining Institute. (1924) *Ekaterinoslavskiy gornyy institut im. Artema-Sergeeva. K predstoyashchemu yubileyu. 1899–1924 gg*. [Ekaterinoslav Mining Institute n.a. Artem-Sergeev. For the upcoming anniversary. 1899–1924]. [Ekaterinoslav: Tipo-litogr. "1-e maya"].
10. Russian Empire. (1902) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. Sobranie tret'e* [Complete collection of laws of the Russian Empire. Collection Three]. 19:1:17048. pp. 601–606.
11. Russian Empire. (1905) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. Sobranie tret'e* [Complete collection of laws of the Russian Empire. Collection Three]. 23:1:22958. pp. 517–518.
12. Russian Empire. (1907) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. Sobranie tret'e* [Complete collection of laws of the Russian Empire. Collection Three]. 24:1:23848. pp. 4–5.
13. Russian Empire. (1915) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. Sobranie tret'e* [Complete collection of laws of the Russian Empire. Collection Three]. 32:1:37369. pp. 728–730.
14. Ivanov, A.E. (1991) *Vysshaya shkola Rossii v kontse XIX – nachale XX veka* [Higher School of Russia in the late 19th – early 20th centuries]. Moscow: Nauka.
15. Melua, A.I. (2000) *Geologi i gornye inzhenery Rossii: Entsiklopediya* [Geologists and mining engineers of Russia: an encyclopedia]. Moscow; St. Petersburg: Gumanistika.
16. Filatov, V.V. (2009) Istoriya sozdaniya Ural'skogo gosudarstvennogo gornogo universiteta [History of the Urals State Mining University]. *Izvestiya vuzov. Gornyy zhurnal.* 7. pp. 3–12.
17. Bobyleva, D.A. et al. (1967) *50-let Sverdlovskomu gornomu institutu* [50 years to the Sverdlovsk Mining Institute]. Moscow: Nedra.
18. Russian Empire. (1904) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. Sobranie tret'e* [Complete collection of laws of the Russian Empire. Collection Three]. 22:1:21696. pp. 648–650.
19. Chelovek, kul'tura, obshchestvo. (2016) Nizhegorodskiy muzey [The Nizhny Novgorod Museum]. *Chelovek, kul'tura, obshchestvo*. Special Issue. pp. 18–25. [Online] Available from: http://www.unn.ru/pages/e-library/museum/NM_100NNGU.pdf. (Accessed: 05.03.2017).
20. Russian Empire. (1910) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. Sobranie tret'e* [Complete collection of laws of the Russian Empire. Collection Three]. 27:1:28966. pp. 160–161.
21. Gosarhro.ru. (1907) *Pravila priema v Donskoy politekhnicheskiy institut v 1907 g*. [Rules for admission to the Don Polytechnic Institute in 1907]. [Online] Available from: http://gosarhro.ru/collections/5/?PAGEN_1=2. (Accessed: 15.03.2017).
22. Russian Empire. (1912) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. Sobranie tret'e* [Complete collection of laws of the Russian Empire. Collection Three]. 29:1:32142. pp. 493.
23. Russian Empire. (1912) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. Sobranie tret'e* [Complete collection of laws of the Russian Empire. Collection Three]. 29:1:32553. pp. 745.
24. Russian Empire. (1915) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. Sobranie tret'e* [Complete collection of laws of the Russian Empire. Collection Three]. 32:1:37588. pp. 1022–1023.
25. Russian Empire. (1902) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. Sobranie tret'e* [Complete collection of laws of the Russian Empire. Collection Three]. 20:1:18869. pp. 795–803.
26. Emeshev, V.G. et al. (2008) *Marshrut dlinoyu v 100 let. Geologicheskaya khronika: vzglyad iz Tomska* [The route of 100 years long. Geological chronicle: a view from Tomsk]. Tomsk: Tomsk Polytechnic Institute.
27. Russian Empire. (1904) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. Sobranie tret'e* [Complete collection of laws of the Russian Empire. Collection Three]. 22:1:21046. pp. 64–73.
28. Stakhovich, A.A. & Vechorin, E.A. (eds) (1952) *S.-Peterburgskiy politekhnicheskiy institut imperatora Petra Velikogo. 1902–1952. Yubileynyy sborni*k [St. Petersburg Polytechnic Institute of Emperor Peter the Great. 1902–1952. Anniversary collection]. [Paris]: Izdanie Ob"edineniya S. Peterburgskikh politekhnikov.

Received: 21 August 2017

Вестник Томского государственного университета. 2017. № 424. С. 116–122. DOI: 10.17223/15617793/424/16

УДК 323(510)339.97”20

В.С. Новичков

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В СУАР КНР ПОСЛЕ 2000 г.

Исследуются сущность и основные направления национальной политики, осуществляемой Центральным правительством КНР в Синьцзян-Уйгурском автономном районе (СУАР) с 2000 г. и до сегодняшнего дня. В указанный период национальная политика в регионе стала больше, чем просто системой взаимоотношений с местным неханьским населением. Принимая во внимание специфику региона, его место во внутренней политике государства, существующие там проблемы, современная национальная политика властей в СУАР, осуществляемая в политическом, социально-экономическом, религиозном, культурном направлениях, в контексте обеспечения безопасности и сохранения межнационального мира представляется оправданной и логичной, однако зачастую не лишенной противоречий.

Ключевые слова: СУАР; национальная политика; социально-экономическое развитие; безопасность; религиозный экстремизм.

Синьцзян-Уйгурский автономный район занимает особое место во внутренней политике страны. Пристальное внимание властей к Синьцзяну определяется сложившейся спецификой; местом региона в проходящих с конца 1990-х – начала 2000-х гг. по сегодняшний день геополитических, экономических, этнических и иных процессах, а также существующими там проблемами.

СУАР – это самая большая административно-территориальная единица в КНР, имеющая стратегически важное пограничное расположение. Также через данную территорию проходит кратчайший путь для Китая в Центральную или Южную Азию или на запад. Такое выгодное географическое положение Синьцзяна позволяет закрепить позиции страны в этих регионах. То есть геополитическая и военная ценность СУАР как плацдарма для действий КНР в сопредельных регионах не вызывает сомнений. Однако географическая удаленность и относительная изолированность данной территории от остального Китая заставляют Центральное правительство уделять ей внимание также в контексте обеспечения в регионе своего политического и экономического руководства и сохранения территориальной целостности государства.

Другая сторона специфики Синьцзяна заключается в том, что на рубеже 1990–2000-х гг. данная территория стала перспективной ресурсной базой, в значительных запасах сырья которой так нуждается ежегодно наращивающая темпы своего развития китайская экономика. Таким образом, налицо еще одна причина усиления внимания к СУАР, которое выразилось в претворении в жизнь обширной программы «Большого освоения Запада», запущенной в 2000 г. и рассчитанной до 2050 г. – масштабного комплекса преобразований, направленных на форсирование экономического развития всего Запада КНР. А это, в свою очередь, ожидаемо придает дополнительный импульс и дальнейшему росту экономики уже на общегосударственном уровне. Кроме того, одной из причин осуществления данной программы стала задача ликвидации серьезной региональной дифференциации между Востоком и Западом Китая в уровне социально-экономического развития. Для Синьцзяна это также является важным вопросом безопасности, потому что высокая региональная дифференциация является одной из причин имеющейся социальной и этнической напряженности.

Однако главная особенность СУАР состоит в том, что это национальный регион, большую часть неоднородного населения которого составляют неханьские народы, всего около 47 народов (около 62,05% всего населения) [1]. К тому же регион отличается многоконфессиональностью, причем наиболее распространен ислам, исповедуемый большей частью населения (уйгурами, хуэй, казахами, киргизами, таджиками и т.д.). Проще говоря, имеют место объективные этноконфессиональные и культурные различия между народами Синьцзяна. Игнорировать интересы такого количества различных этнических и религиозных групп недопустимо и чревато серьезными последствиями. Социальный взрыв или иные волнения в регионе вполне могут стать опасным прецедентом и повлечь аналогичные процессы в других национальных образованиях КНР.

Более того, СУАР также является проблемным регионом с точки зрения значительного усиления к 2000 г. и в наши дни сепаратистских и националистических тенденций среди местного неханьского населения, в частности уйгуров. Недовольство осуществляемой властями, часто противоречивой, политикой; проникновение радикального ислама и деятельность международных террористических и этнических организаций на данной территории являются причиной достаточно высокого уровня межэтнической напряженности, катализаторами возникновения кризисных явлений. Это показали события в Баринской волости (1990 г.); в Кульдже (1997 г.); волнения уйгуров в 2008 и 2009 гг.; регулярные террористические атаки и т.д. Таким образом, в результате продолжающегося до сегодняшнего дня то вялотекущего, то взрывного противостояния властей и экстремистских сил, создается достаточно серьезная угроза безопасности и в масштабах СУАР и КНР, и в целом для государств Центрально-Азиатского региона, являющихся исламскими или же располагающими достаточно крупным уйгурским населением.

Данные факторы в основном и определяют курс современной национальной политики в СУАР, поэтому можно говорить о том, что перед Центральным правительством КНР стоят вполне определенные задачи. Среди них сохранение всеобъемлющего контроля над регионом; осуществление социально-экономических преобразований вместе с повышением уровня жизни местного населения в рамках програм-

мы «Большого освоения Запада» и, соответственно, подтягивание СУАР до уровня восточных провинций; обеспечение региональной безопасности, в частности борьба с проявлениями этнического национализма и сепаратизма, и т.д. [2]. Однако в условиях многонационального и многоконфессионального, а потому проблемного Синьцзяна успешное решение данных и иных задач в полной мере возможно лишь при правильном курсе национальной политики, осуществляемой в политическом; социально-экономическом; религиозном; культурном и иных направлениях. Это необходимое условие для поддержания межнационального равновесия, что, в свою очередь, является гарантией сохранения политической и социальной стабильности в регионе. Так что же представляет собой современная национальная политика властей в СУАР, каковы ее основные направления?

Сегодня национальная политика в СУАР осуществляется в рамках общего подхода властей ко всем национальным территориям КНР, естественно, с поправкой на местные условия и особенности. Основой является так называемая районная национальная автономия, рассматривающаяся в КНР как «основная политика в решении национального вопроса» и «важный компонент политической системы государства» [3]. Районная национальная автономия предполагает осуществление достаточно самостоятельного управления внутренними делами СУАР, тем не менее, подотчетного центральным властям. В рамках районной национальной автономии Синьцзян обладает статусом автономного района, субъекта, наделенного правами провинции, однако пользующегося дополнительными правами и привилегиями как территория компактного проживания национальных меньшинств. Внутри Синьцзяна, следуя принципам районной национальной автономии для этнических групп, которым предоставлено право на автономию, также созданы пять автономных округов и ряд более мелких автономных субъектов – уездов, округов и т.д. Статус автономного района предполагает наличие самоуправления, последовательно осуществляющегося на нескольких уровнях – автономный уезд, автономный округ, автономный район – и подчиняющегося вышестоящей администрации. Высшими органами власти в регионе являются Народное правительство и Собрание народных представителей. Конечно, единое руководство, согласно принципам районной национальной автономии, находится в руках Центрального правительства в Пекине. В местной вертикали власти в определенных пропорциях представлены все этнические группы региона, как имеющие право на автономию, так и другие национальные меньшинства, а также задействованы национальные кадры.

Вообще, создание корпуса национальных кадров уже достаточно долгое время рассматривается в КНР как один из столпов национальной политики. В результате на сегодня до 52% руководящего состава в органах власти СУАР представлено национальными кадрами [4]. Необходимо отметить, что каждая этническая группа Синьцзяна обязательно представлена депутатами ВСНП, а национальности, насчитывающие свыше миллиона человек, представлены членами ПК ВСНП [5]. Кроме того, главами Народного правительства на протяжении многих лет являлись, как правило, представители национальных меньшинств региона; так, с 2014 г. этот пост занимает Шохрат Закир, уйгур по национальности. Главы других автономных субъектов в составе региона также в большинстве представлены выходцами из неханьских народов. Это регламентируется рядом законов и подзаконных актов, основными из которых являются параграф 5 III главы Конституции [3] и положения «Закона о районной национальной автономии» [6]. Автономия в рамках данной системы в других областях также регламентирована и проявляется в предоставлении СУАР прав на ту или иную степень самостоятельности.

Например, в области законотворчества это наделение полномочиями на принятие или непринятие, приостановление действия государственных нормативных актов, если они не соответствуют специфике или нуждам Синьцзяна (естественно, с санкции вышестоящих инстанций); формирование собственного свода законов и подзаконных актов («Положения об автономии») по какой-нибудь определенной проблематике, действующих на данной территории, и т.д. Автономия региона в экономической сфере включает в себя самостоятельное решение вопросов экономического характера, касающихся управления различными процессами в экономике, промышленности, сельском хозяйстве, торговле, распределении и освоении средств на местном уровне; кроме того, это пользование природными ресурсами и получение выгод от реализации таковых; налаживание внешнеэкономических связей, и пр. В таких областях, как культура или образование, власти СУАР имеют достаточную самостоятельность, позволяющую поддерживать, развивать и обеспечивать защиту культуре, языкам и письменности местных этнических групп, что также преследует решение вопросов, касающихся смягчения межнациональных противоречий в данных сферах. Проблемы социального обеспечения и развития социальной сферы, медицина и здравоохранение, спорт также находятся в значительной степени в ведении местных властей, в решении которых, тем не менее, повсеместно оказывается государственная помощь.

Таким образом, в административно-правовом поле и управлении различными процессами местного значения СУАР располагает достаточной автономией, однако, как видно, относящейся в основном к внутренним делам региона. Следует отметить, что выстраивание курса региональной политики в различных областях требует обязательной ориентации на общенациональный вектор развития и согласие центральных властей на проведение наиболее крупных реформ или других ответственных шагов. Тем не менее, несмотря на заметный периферийный характер полномочий автономии Синьцзяна, это может квалифицироваться как реально работающая система самоуправления. Однако это все же недостаточно соотносится с традиционным пониманием автономии, предусматривающим наделение того или иного региона куда большей самостоятельностью. Центральное правительство все же сохранило за собой право в

большой степени вмешиваться в работу местных органов власти, особенно в политические, экономические, религиозные и другие процессы. В реальности в таких вопросах автономия местного самоуправления значительно меньше, чем это декларируется официально. При этом сохраняется определенная размытость прав и полномочий, сама же структура самоуправления уже начала устаревать. Поэтому различные силы внутри СУАР и сочувствующие им за рубежом, которые выступают с националистических и сепаратистских позиций, считают такую модель автономии недостаточной и борются если не за полную независимость от КНР, создание независимого исламского государства Восточный Туркестан, то определенно за расширение автономии или федеративное устройство с соответствующей моделью отношений [7].

С начала 2000-х гг. Центральное правительство уделяет особое внимание социально-экономическому направлению национальной политики в СУАР, которое к сегодняшнему дню стало приоритетным. Это объясняется не только уже упомянутыми ресурсными особенностями региона и экономическими перспективами, но и тем, что там, тем не менее, продолжают существовать проблемы социально-экономического развития. Они выражаются как в общем экономическом отставании Синьцзяна, как и остальных западных территорий КНР от более развитых восточных провинций, так и сравнительно низким уровнем жизни и социальной незащищенностью местного неханьского населения. Если с 1978 г., с начала Периода реформ в Китае, долгое время основное внимание уделялось развитию восточных провинций, то запад страны, в частности СУАР, до конца 1990-х гг. фактически оставался на периферии. Свою роль играет сохраняющийся и сегодня аграрный, сырьевой и довольно слаборазвитый в промышленном плане характер местной экономики. Кроме того, это осложняется и другими факторами, такими как суровые климатические условия, низкий уровень урбанизации, значительные масштабы неосвоенных территорий, часто недостаточное внимание властей регионального и государственного уровня к проблемам региона, плохо налаженная система финансирования и просто отсутствие необходимых средств и т.д. [8].

Как следствие, значительная часть экономики Синьцзяна является недостаточно эффективной в быстро меняющихся современных экономических условиях. Местное неханьское население также в большой степени экономически неразвито, сохраняется достаточно высокий уровень бедности. Сегодня весьма большая разница в уровне жизни между этническими китайцами и неханьским населением в СУАР объясняется и тем, что первые расселены в основном в крупных населенных пунктах, заняты в промышленности и высококвалифицированных отраслях, в то время как вторые проживают преимущественно в сельской местности и занимаются сельским хозяйством и низкоквалифицированным трудом. Несомненно, такое положение провоцирует недовольство и социальную напряженность в среде национальных меньшинств, что весьма удачно коррелирует с существующими проблемами межэтнических отношений и этнического национализма и сепаратизма, в конце 1990-х – начале 2000-х гг. как раз вошедших в новый виток своего обострения. Имеющиеся социально-экономические проблемы региона трактуются экстремистскими силами как следствие намеренной политики властей, направленной на разграбление Синьцзяна; разрушение местной экологии и ассимиляцию местных народов [9]. Это становится еще одним конфликтогенным фактором в межнациональных отношениях, катализатором радикализации части населения и антикитайских настроений. Таким образом, социально-экономическое развитие СУАР в этом плане представляется чрезвычайно важным шагом властей сегодня, поскольку, кроме общего экономического роста, это залог ослабления межнациональных противоречий, связанных с социально-экономическими проблемами неханьских народов. Именно на сокращении региональных диспропорций, развитии местных отраслей промышленности и сельского хозяйства; создании социальной инфраструктуры, борьбе с бедностью и безработицей, что положительно сказывается на повышении уровня жизни национальных меньшинств, и прочем строится социально-экономическое направление национальной политики в Синьцзяне. Очевидно, что работа властей на этих направлениях лишает радикальные националистические и сепаратистские силы своего основного ресурса – поддержки населения, социальной базы среди неханьских народов; обеспеченный пропитанием, работой человек, имеющий перспективы на будущее, не будет придерживаться экстремистских и антикитайских настроений [8].

Кроме того, власти не обходят стороной религиозное направление. Не секрет, что правильная и гармоничная религиозная политика представляется «важным условием сохранения социально-политической стабильности как в СУАР, так и в КНР в целом» [2]. Тем более что в Синьцзяне религия и культура каждого народа, как правило, тесно переплетены и одинаково определяют его образ жизни и мировоззрение. Религиозная политика китайских властей в регионе подчиняется принципам общего подхода к проблемам религии в стране, в основе которых лежат право свободного вероисповедания, разделение религии и политики, невмешательство религии в административно-правовую сферу, образование и другие области [10]. Однако в силу того, что сегодня заметно укрепились тенденции частого взаимного переплетения политики, социальных, этнических проблем и религии, что создает существенное давление на сферу межнациональных отношений, религиозная политика властей в Синьцзяне сочетает в себе как репрессивный, так и достаточно либеральный подходы, насколько это позволяет конкретная сложившаяся обстановка. Например, показательна ситуация с исламом, который исповедуется большей частью неханьского населения региона. С начала 1990-х гг. он в значительной степени политизировался и испытал на себе не менее сильное влияние экстремистских течений из-за рубежа, перекрасившись в радикальные цвета. Этому способствовала территориальная близость Синьцзяна к горячим точкам Средней Азии, например Афганистану,

где в то время радикальный ислам имел весьма сильное влияние. Проникновению радикалов также благоприятствовала проводившаяся властями достаточно либеральная религиозная политика, призванная нивелировать последствия Культурной революции для местных религий, в частности ислама, который подвергался гонениям в рамках масштабных антирелигиозных кампаний того времени [11]. Радикальный ислам стал эффективным идеологическим оружием в руках местных экстремистов, главным образом мощным средством привлечения в свои ряды масс недовольных под лозунгом «джихада против неверных». Весьма привлекательной является и идея создания независимого исламского государства Восточный Туркестан, которое объединило бы как мусульман СУАР и сопредельных провинций КНР, так и их единоверцев в странах Центрально-азиатского региона, граничащих с Синьцзяном. Кроме того, приверженность местных экстремистов радикальному исламу позволяет им заручиться значительной поддержкой из-за рубежа от радикальных религиозных и террористических организаций и т.д. Поэтому сегодня над исламской религиозной деятельностью в СУАР сохраняется достаточно жесткий контроль властей, проявляющийся в основном в мерах по борьбе с исламистскими группировками и организациями, эксплуатирующими радикальный ислам, и недопущению распространения радикальных идей, в том числе из-за рубежа (контроль над религиозной литературой; проповедниками; собраниями верующих). Кроме того, под пристальным вниманием властей находится так называемая нелегальная религиозная деятельность, выражающаяся в открытии частных религиозных школ, взимании каких бы то ни было религиозных налогов, а также собственно ведение религиозной исламской пропаганды [12]. В этой связи большое значение приобретает борьба с «подпольными мечетями и медресе», равно как и подготовка лояльного властям духовенства и постоянные проверки мусульманских священнослужителей на лояльность властям и КПК. Однако в процессе борьбы с радикальным исламом в поле зрения властей зачастую попадает и традиционный ислам. Недовольство мусульман СУАР вмешательством властей, этнических китайцев, не являющихся мусульманами, которые к тому же, исходя из исторически напряженных отношений с местными народами, считаются «оккупантами», в религию и связанные с ней сферы их жизни, закономерно подогревает антикитайские настроения и среди мирного населения, чем умело пользуются экстремисты. Весьма болезненно воспринимаются верующими излишняя регламентация и надзор. Например, это различные систематические запреты, которые объясняются властями исключительно как превентивная мера против религиозного экстремизма, вроде запрета на соблюдение религиозных постов или совершения намаза в публичных местах [13]. Однако в целом отношение властей к исламу определяется теми же принципами, что и к любой другой религии в СУАР. Тем не менее другие религии, исповедуемые неханьским населением СУАР (ламаизм, православие, несторианство, местные шаманские культы и т.д.), практически не имеют подобных тенденций к политизации или радикализации; их приверженцами осуществляется «нормальная религиозная деятельность», принципы которой закреплены в соответствующих законах. Поэтому отношение к ним китайских властей весьма либеральное, определяющееся достаточно большой степенью веротерпимости.

Как один из главных аспектов культурного направления национальной политики в СУАР и самый проблемный стоит рассматривать языковую политику властей и проблему сохранения языков неханьских народов региона. Надо сказать, что культурному достоянию малых народов сегодня уделяется достаточное внимание, властями проводится целенаправленная политика по его сохранению и приумножению. Эта же политика подразумевает также сохранение, развитие, государственную защиту языков национальных меньшинств как неотъемлемой части их национальной идентичности, поскольку все народы КНР конституционно признаны «отдельными нациями» [3]. А язык, как известно, является непременным атрибутом и основной отличительной чертой любой нации. Поэтому сохранение продолжающих исчезать в современных условиях языков народов СУАР как национального культурного достояния является конституционной обязанностью государства, а также существенным шагом по поддержанию этнической самоидентификации каждого народа. В свою очередь, это может рассматриваться как еще одна мера по снижению градуса межэтнической и социальной напряженности. Поэтому в Синьцзяне реализуется использование национальных языков и письменности наравне с китайским языком в различных сферах жизни, будь то официальный документооборот или повседневное употребление. Однако ситуация с языками малых народов в регионе сегодня имеет двоякий характер. Несмотря на, казалось бы, значительную поддержку со стороны властей, существует тревожная тенденция постепенного вытеснения этих языков, имеющих законодательно закрепленный особый статус, при заметном укреплении позиций государственного языка – китайского [15]. И наиболее показательными примерами являются СМИ и образование. Если в СМИ довольно активно используются языки малых народов (например, вещание местного телевидения; выпуск печатных изданий и т.д.), то в образовании, несмотря на существующий двуязычный подход к обучению, на национальных и китайском языках, тем не менее, сохраняется приоритет последнего. С одной стороны, подобный подход в образовании позволяет представителям национальных меньшинств СУАР лучше интегрироваться в китайское общество путем освоения китайского языка. Незнание государственного языка является препятствием для их дальнейшей социализации и трудовой миграции, становясь одной из причин маргинализации и радикализации. С другой стороны, приоритетное положение китайского языка в образовании, ключевой для языков сфере, ведет к тому, что национальные языки медленно, но верно оказываются на периферии. Утрачивается их способность к развитию и сужается круг сфер использования; фактически они замещаются общеупотребитель-

ным и непрерывно развивающимся китайским языком, что ведет, в перспективе, к их исчезновению. Кроме того, сохраняющееся обучение на национальных языках, часто сталкивается с куда более прозаичными проблемами вроде нехватки специализированной литературы и квалифицированных преподавателей или же банального отсутствия достаточного финансирования и, в целом, пока плохо налаженной системой образования на местном уровне. Однако такие же технические трудности испытывает сегодня обучение представителей национальных меньшинств на китайском языке, в результате чего страдает качество их образования, что не позволяет им успешно конкурировать в дальнейшем образовании, на рынке труда или в трудовой деятельности. А это закономерно является еще одним конфликтогенным фактором, в известной степени накаляя межнациональные отношения. Поэтому языковая политика в Синьцзяне стала заложницей пока неудачных поисков компромисса между попытками обеспечения целостности государства путем сглаживания межнациональных различий, подведения всех под единые стандарты, в том числе и в области языка, и сохранения национальных языков, являющихся неотъемлемой частью этнической и культурной самоидентификации коренного неханьского населения и объективных технических трудностей.

В свете усиления с 1990-х гг. – начала 2000-х гг. националистических и сепаратистских тенденций в Синьцзяне, продолжающегося вялотекущего противостояния властей и экстремистов, сегодня приоритетным направлением национальной политики в целом стало обеспечение безопасности в регионе. Причем сейчас в СУАР под главными проблемами безопасности подразумеваются этнический национализм и сепаратизм (преимущественно уйгурские), помноженные на религиозный экстремизм и зачастую террористический характер деятельности экстремистского подполья, а также существование комплекса исторически сложившихся межнациональных противоречий. Эти явления представляют большую опасность для сложившегося в Синьцзяне порядка, являясь, прежде всего, угрозой территориальной целостности КНР и межнациональной стабильности. Поэтому в последние годы борьба с ними вышла на первый план не только во внутренней, но и, в определенной степени, во внешней политике КНР, потому что от этого зависит не только безопасность в СУАР и в целом в КНР, но и ситуация в масштабе всего Центрально-Азиатского региона. Центральное правительство, осознавая всю серьезность сложившейся к сегодняшнему дню ситуации в Синьцзяне, прикладывает достаточно большие усилия для удержания ситуации под контролем. Обеспечение властями безопасности и снижение межнационального напряжения достигается двумя путями. В целом политика властей в данной области является политикой «кнута и пряника», сочетая как силовые, так и сугубо мирные методы, своего рода «мягкую силу», которая, тем не менее, работает так же эффективно, как и акцент на силу [16].

Наиболее очевидный – силовой – способ решения проблем безопасности актуален в периоды обострения ситуации как это было во время уйгурских волнений в 2008 и 2009 гг., беспорядков, акций гражданского неповиновения; терактов или же для обеспечения порядка во время каких-либо важных мероприятий, имеющих место в КНР. Чаще это мероприятия общегосударственного и международного масштаба (например, Олимпиада в Пекине в 2008 г.), во время которых возрастает террористическая угроза. Такой способ предполагает усиление полицейского контроля, регулярные силовые акции против экстремистов, присутствие существенно большего количества сотрудников органов безопасности и армейских подразделений (вплоть до того, что в отдельных районах в случаях серьезного обострения ситуации численность силовиков превышала местное уйгурское население [17]) и т.д. Главной целью властей и силовиков являются пресечение деятельности организованных этнических и террористических группировок, в том числе международных, а также борьба с религиозным радикализмом, в частности исламским, что соотносится с проводимой в КНР кампанией по противодействию сепаратизму, религиозному экстремизму и терроризму, известной под названием «борьба против трех зол». Данная кампания имеет также большое значение в контексте обеспечения безопасности в рамках всего Центрально-Азиатского региона, притом что элементы, включаемые в понятие «трех зол», имеют трансграничный характер и составляют, по сути, единое целое. Надо сказать, что наличие крупных уйгурских общин, которые испытывают на себе сильное влияние со стороны уйгурских экстремистов из СУАР, близость региональных горячих точек, являющихся источниками радикального ислама и терроризма, сепаратизм и этнический национализм создают потенциальную угрозу безопасности странам Центрально-Азиатского региона. Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Узбекистан сегодня сталкиваются со схожими проблемами, поэтому для Китая, учитывая трансграничный характер этих вызовов безопасности, все более актуальным становится совместное с данными заинтересованными государствами противодействие подобным явлениям. И весьма удачной платформой для этого являются региональные организации, деятельность которых создает условия для политического, экономического и военного противодействия этническому национализму и сепаратизму, религиозному экстремизму и международному терроризму. Например, это Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) или Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), причем данные организации имеют схожие цели и задачи в плане «борьбы против трех зол».

Однако мирный подход к решению проблем безопасности часто рассматривается сегодня как более действенный, чем силовые методы. Собственно, он заключается в осуществлении комплексной национальной политики путем формирования особой системы взаимоотношений государства с национальными меньшинствами. Для обеспечения региональной безопасности и стабильности в межнациональных отношениях основным стало создание для неханьских народов Синьцзяна таких политико-административных; социально-экономических, культурных, ре-

лигиозных и иных специальных условий и преференций, которые способствовали бы постепенному исчезновению ряда причин возникновения недовольства и антикитайских настроений в их среде. Негативное историческое наследие взаимоотношений этнических китайцев, например, с теми же уйгурами пока изжить не представляется возможным. Однако куда более насущные вопросы, вроде проблем бедности, социальной эмансипации малых народов или сохранения их национального культурного достояния, вполне возможно решить в рамках современной национальной политики КНР. Тем более что это как раз потенциальные конфликтогенные факторы.

Таким образом, основной упор в современной национальной политике в СУАР делается на сохранении социально-политической и межнациональной стабильности, а также на противостоянии различным вызовам (включая проблемы социально-экономи-ческого развития, безопасности и т.д.), которые так или иначе затрагивают систему взаимоотношений государства и национальных меньшинств. Однако успешное решение этих задач возможно лишь именно при комплексном подходе к проблемам национальной политики, включая политическое, социально-экономическое, религиозное, культурное и иные направления. Конечно, современная национальная политика не лишена противоречий и перегибов, однако этот институт является по-настоящему работающей системой, пока безальтернативной, кроме, разве что, радикального силового решения проблем, которая определяет сосуществование как народов региона между собой, так и собственно неханьских народов с китайским государством на территории Синьцзяна. Тем более, от этого во многом зависит и территориальная целостность КНР, и стабильность в СУАР, и ситуация в Центрально-Азиатском регионе вообще. Окажется ли она достаточно гибкой в меняющемся мире, покажет только время. Однако, тем не менее, это уникальный опыт, и он будет полезен в любой многонациональной стране, где присутствуют схожие условия и проблемы.

ЛИТЕРАТУРА

1. China Statistical Yearbook 2016. Compiled by National Bureau of Statistics of China. URL: http://www.stats.gov.cn/tjsj/ndsj/2016/indexch.htm, свободный (дата доступа: 16.02.2017).
2. Национальная политика Китая и общее процветание, развитие всех национальностей (Белая книга). URL: http://russian.china.org.cn/ government/archive/baipishu/txt/2009-12/14/content_19062289_3.htm (дата доступа: 12.12.2016).
3. Конституция КНР 1982 г. с изменениями 1988, 1993, 1999, 2004 гг. Законодательство Китая. URL: http://chinalawinfo.ru (дата доступа: 10.12.2016).
4. Ван Яо, Капицын В.М. Синьцзян-Уйгурский автономный район Китая: территориальное самоуправление и национальная политика // Ars administrandi (Искусство управления). 2013. № 3. С. 107–117.
5. Москалев А.А. О новой редакции Закона КНР об автономии // Информационные материалы Института Дальнего Востока РАН. Общество и государство в Китае в ходе реформ. М., 2002. Вып. 12–13. С. 28–56.
6. «Закон о национальной районной автономии КНР». Законодательство Китая. URL: http://chinalawinfo.ru (дата доступа: 15.12.2016).
7. Чжэн Жуньюй. Китай в борьбе с сепаратизмом и терроризмом // Социально-гуманитарные знания. 2008. № 2. С. 328–332.
8. Ян Фажэнь. Сибу да кайфа юй миньцзу вэнти [Стратегия масштабного освоения западных районов Китая и национальный вопрос]. Бэйцзин : Жэньминь чубаньшэ, 2005. 265 с.
9. Chaudhuri D. Minority Economy in Xinjiang – A Source of Uyghur Resentment // China Report. 2010. Vol. 46 (1). P. 9–27.
10. Религия и свобода совести в Китае (Белая книга). URL: http://russian.china.org.cn/russian/32958.htm, свободный (дата доступа: 13.11.2016).
11. Dillon M. Xinjiang – China`s muslim far northwest. Routledge Curzon. London ; New York : Taylor & Francis Group, 2004. 201 p.
12. Будаева С.В., Черкасова Н.В., Белоганов В.А. Конфликты между политической властью КНР и религиозными движениями: возможность представления угрозы национальной безопасности России // Молодой ученый. 2015. № 7. С. 523–527.
13. В официальных учреждениях Синьцзяна запретили намаз // Ислам для всех. URL: http://islam.com.ua/news/18718-v-ofitsialnykh-uchrezhdeniyakh-sintszyana-zapretili-namaz, свободный (дата доступа: 01.03.2017).
14. Yuxiang Wang, Phillion Joann. Minority language policy and practice in China: the need of multicultural education // International Journal of Multicultural Education. 2009. Vol. 11, № 1.
15. Ма Жун. Чжунго минцзу венти де лиши юй сянчжуан (История и текущее состояние национального вопроса в Китае) // Юньнань миньцзу дасюэ сюэбао. Чжэсюэ шэхуэй кэсюэ. 2011. № 9. С. 15–20.
16. Kan S. U.S. – China Counterterrorism cooperation: Issues for U.S. Policy. US Department of State. Foreign press centers. URL: http://fpc.state.gov/documents/organization/71784.pdf, свободный (дата доступа: 20.01.2017).
17. Zhao Huasheng. China`s view of and expectations from Shanghai Cooperation Organization // Asian Survey. 2013, May-June. Vol. 53, № 3. P. 445–446.

Статья представлена научной редакцией «История» 4 мая 2017 г.

PRIORITIES OF ETHNIC POLICY IN THE XINJIANG UYGHUR AUTONOMOUS REGION, CHINA, SINCE 2000

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 424, 116–122.
DOI: 10.17223/15617793/424/16

Vasiliy S. Novichkov, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: ritter_lohengrin@mail.ru

Keywords: Xinjiang Uyghur Autonomous Region; ethnic policy; socio-economic development; security; religious extremism.

This article focuses on researching the ethnic policy in Xinjiang-Uyghur Autonomous Region of the PRC (XUAR), which has been implemented there since 2000. Since that time the course of the ethnic policy has become determined predominantly by the prominent place of Xinjiang in contemporary domestic and foreign policy of China. The author considers that Xinjiang gets a special treatment, largely formed under the influence of its regional specificity, opportunities and prospects, numerous problems and challenges that appear at the local level, etc. The same factors also predetermined the comprehensive nature of the contemporary ethnic policy in XUAR. However, the author believes there are several priority areas, distinguished by the Chinese authorities, which support social and inter-ethnic stability, reinforce total Chinese control under this territory, as well as territorial integrity of the PRC and security in Xinjiang, etc. Therefore, in this article the author examines the following areas of the ethnic policy in XUAR: political

and administrative, socio-economic, religious, language policy as an integral part of the cultural area, maintaining security there. The author makes a conclusion that at this point the Central Government emphasizes socio-economic development of the region, equalization of the living standards of local non-Han population to the level of the eastern provinces along, confronting different security challenges and threats, for example, implementing the "struggle against the three evils" policy. Socio-economic development is the key factor of eliminating the main reasons for the growing discontent of the non-Han people, the triggers of social tensions, which often turn into inter-ethnic and anti-Han sentiment. These are social inequality, underdevelopment and poverty of the non-Han people. Confronting security challenges is extremely relevant as there are dangerous trends, like ethnic nationalism, separatism, terrorism and religious extremism in Xinjiang, which are even worrying, because of their stronger positions not only in the region, but also in the whole China and in the Central-Asia region. However, as the author fairly admits, even though the Chinese authorities pay much attention to the ethnic policy in XUAR, it is not flexible enough now. It has not only achievements, but obvious fails and excesses, too. Despite the fact that this circumstance is one of potential conflict factors, the whole system of the ethnic policy in Xinjiang has been functioning for a long time to show its resilience and has no alternative for now.

REFERENCES

1. National Bureau of Statistics of China. (2016) *China Statistical Yearbook 2016*. [Online] Available from: http://www.stats.gov.cn/tjsj/ndsj/2016/indexch.htm. (Accessed: 16.02.2017).
2. Russian.china.org.cn. (2009) *Natsional'naya politika Kitaya i obshchee protsvetanie, razvitie vsekh natsional'nostey (Belaya kniga)* [China's National Policy and Common Prosperity, the Development of All Nationalities (White Paper)]. [Online] Available from: http://russian.china.org.cn/government/archive/baipishu/txt/2009-12/14/content_19062289_3.htm. (Accessed: 12.12.2016).
3. Chinalawinfo.ru. (n.d.) *Konstitutsiya KNR 1982 g. s izmeneniyami 1988, 1993, 1999, 2004 gg.* [Constitution of the PRC in 1982 with amendments in 1988, 1993, 1999, 2004]. [Online] Available from: http://chinalawinfo.ru. (Accessed: 10.12.2016).
4. Wang Yao & Kapitsyn, V.M. (2013) Sin'tszyan-Uygurskiy avtonomnyy rayon Kitaya: territorial'noe samoupravlenie i natsional'naya politika [Xinjiang-Uyghur Autonomous Region of China: Territorial Self-Government and National Policy]. *Ars administrandi (Iskusstvo upravleniya)*. 3. pp. 107–117.
5. Moskalev, A.A. (2002) O novoy redaktsii Zakona KNR ob avtonomii [On the new version of the PRC Law on Autonomy]. *Informatsionnye materialy Instituta Dal'nego Vostoka RAN. Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae v khode reform*. 12–13. pp. 28–56.
6. Chinalawinfo.ru. (n.d.) *Zakon o natsional'noy rayonnoy avtonomii KNR* [Law on the National District Autonomy of the People's Republic of China]. [Online] Available from: http://chinalawinfo.ru. (Accessed: 15.12.2016).
7. Zheng Zhunyu. (2008) Kitay v bor'be s separatizmom i terrorizmom [China in the fight against separatism and terrorism]. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya*. 2. pp. 328–332.
8. Jan Fazhen. (2005) *Strategy of large-scale development of the western regions of China and the national question*. Beijing: Renmin Chubanshe. (In Chinese).
9. Chaudhuri, D. (2010) Minority Economy in Xinjiang – A Source of Uyghur Resentment. *China Report*. 46 (1). pp. 9–27.
10. Russian.china.org.cn. (n.d.) *Religiya i svoboda sovesti v Kitae (Belaya kniga)* [Religion and freedom of conscience in China (White Paper)]. [Online] Available from: http://russian.china.org.cn/russian/32958.htm. (Accessed: 13.11.2016).
11. Dillon, M. (2004) *Xinjiang – China's muslim far northwest*. London; New York: Taylor & Francis Group.
12. Budaeva, S.V., Cherkasova, N.V. & Beloganov, V.A. (2015) Konflikty mezhdu politicheskoy vlast'yu KNR i religioznymi dvizheniyami: vozmozhnost' predstavleniya ugrozy natsional'noy bezopasnosti Rossii [Conflicts between the political power of the PRC and religious movements: the possibility of representing a threat to Russia's national security]. *Molodoy uchenyy*. 7. pp. 523–527.
13. Islam.com.ua. (2014) V ofitsial'nykh uchrezhdeniyakh Sin'tszyana zapretili namaz [In official institutions of Xinjiang, namaz was forbidden]. [Online] Available from: http://islam.com.ua/news/18718-v-ofitsialnykh-uchrezhdeniyakh-sintszyana-zapretili-namaz. (Accessed: 01.03.2017).
14. Yuxiang Wang, Phillion Joann. (2009) Minority language policy and practice in China: the need of multicultural education. *International Journal of Multicultural Education*. 11:1.
15. Ma Zhun. (2011) History and current state of the national question in China. *Yun'nan' min'tszu dasyue syuebao. Chzhesyue shekhuey kesyue*. 9. pp. 15–20. (In Chinese).
16. Kan, S. (n.d.) *U.S. – China Counterterrorism cooperation: Issues for U.S. Policy*. [Online] Available from: http://fpc.state.gov/documents/ organization/71784.pdf. (Accessed: 20.01.2017).
17. Zhao Huasheng. (2013) China's view of and expectations from Shanghai Cooperation Organization. *Asian Survey*. May–June. 53 (3). pp. 445–446.

Received: 04 May 2017

Вестник Томского государственного университета. 2017. № 424. С. 123–132. DOI: 10.17223/15617793/424/17

УДК 94 (571.1) 1941/1945

Б.У. Сераэтдинов

ИСТОРИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГЕОЛОГИЧЕСКИХ УЧРЕЖДЕНИЙ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ ПО СОЗДАНИЮ МИНЕРАЛЬНО-СЫРЬЕВОЙ БАЗЫ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Рассмотрена история деятельности геологических учреждений Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны. Выявляются роль и место Западно-Сибирского геологического управления в деле удовлетворения насущных потребностей военной экономики страны. Прослеживаются сложности и особенности наращивания военно-промышленного потенциала страны в условиях военного времени. Впервые используются материалы Российского федерального геологического фонда (Росгеолфонда).

Ключевые слова: Великая Отечественная война; геологи; Западно-Сибирское геологическое управление; минерально-сырьевая база; Западная Сибирь.

Всестороннее исследование истории деятельности геологических учреждений страны в годы Великой Отечественной войны в целом невозможно без детального изучения отраслевого потенциала ее отдельных регионов, каким, например, является Западная Сибирь. История деятельности геологических учреждений в Западной Сибири в годы войны охватывает длительный процесс – от организации работы поисковых партий, обнаружения месторождения, его детальной разведки до обоснования промышленной разработки. И прежде всего, это судьба и тысяч людей – поисковиков и разведчиков, чей нелегкий труд лежит в основе промышленного и социального освоения региона.

Заместитель министра природных ресурсов и экологии Российской Федерации – руководитель Федерального агентства по недропользованию В.А. Пак в своем приветствии в «Геологическом вестнике» писал: «Третьи в глубоком тылу в составе поисковых партий подключились к геологическим изысканиям. На их плечах лежала чрезвычайно важная задача – в минимальные сроки разведать и передать в промышленную эксплуатацию месторождения полезных ископаемых. Именно их героическая работа позволила в предельно сжатые сроки наладить на Урале выпуск жизненно необходимой военной продукции и оружия» [1. С. 1]. Эти слова можно применить и для геологов Западной Сибири – «шестой линии геологической обороны». Существовавшая в Западной Сибири сеть геологоразведочных организаций, усиленная персоналом эвакуированных с западных районов, Москвы и Ленинграда геологических управлений, научно-исследовательских и учебных институтов, была переориентирована на работы по расширению сырьевой базы действующих горнодобывающих предприятий, в первую очередь топливно-энергетических отраслей, а также на выявление источников особо дефицитных видов минерального сырья, имеющего важнейшее оборонное значение [Там же. С. 3].

Актуальность данного исследования заключается в том, что сегодня в комплексе проблем российской истории одной из важных стал анализ деятельности геологических учреждений в годы Великой Отечественной войны, как в масштабе всей страны, так и на региональном уровне.

На основе ранее доступных фактов можно было говорить только о некоторых организациях Западно-Сибирского геологического управления (ЗСГУ). Но расширившийся доступ к архивным документам, находившимся ранее на специальном хранении и доступным только для служебного пользования, позволил существенно расширить полную информацию о геолого-поисковых партиях и потребовал пересмотра оценок деятельности ЗСГУ в годы войны. Советская историография старательно обходила все «острые» и спорные моменты в становлении и развитии геолого-поисковой политики СССР в годы военного лихолетья.

В историографии этой проблемы можно выделить три периода: первый период – 1941 г. – конец 1950-х гг. – накопление и обработка информации. В этот период были заложены основы историографии Великой Отечественной войны советского народа. В основном в это время выходят в свет научные публикации и статьи, в которых отражаются отдельные вопросы истории промышленности СССР в период войны. Так, например, в 1941 г. выходит статья В.И. Крыжановского «Полезные ископаемые и оборона страны», где были рассмотрены вопросы увеличения геологоразведочных работ и расширения сырьевой базы действующих предприятий [2. С. 3–8]. Обращают внимание работы А.Е. Ферсмана «Геология и война», где есть раздел «Мобилизация недр Союза ССР» [3. С. 31–41]. В 1945 г. в журнале «Цветные металлы» появляются материалы совещания геологов золотоплатиновой промышленности Урала, Казахстана и Западной Сибири. На совещании были подведены итоги геологоразведочных работ в 1944 г. в этих регионах [4. С. 61–62].

А.П. Сучилин подвел итоги вклада советских геологов за годы Великой Отечественной войны [5. С. 44–50].

В 1955 г. проходит успешная защита кандидатской диссертации Ю.А. Васильевым по теме «КПСС – вдохновитель и организатор патриотического подъема советского народа в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (На материалах партийных организаций Западной Сибири)». В работе фрагментально показаны успехи в развитии черной и цветной металлургии в годы войны [6].

Второй период – начало 1960-х – 1980-е гг. – массовое появление монографий и публикаций историков и экономистов, посвященных истории военной экономики в период Великой Отечественной войны. При этом необходимо отметить, что это был период рабо-

ты отечественных историков в условиях идеологического контроля партийных и государственных органов страны. Надо отметить, что конкретных фундаментальных исследований, посвященных работе отрасли в указанный период, нет. Это связано, в первую очередь, с тем, что многие архивные источники были засекречены и труднодоступны исследователям до начала процесса перестройки во второй половине 1980-х гг.

В пятом томе многотомного издания «История Сибири с древнейших времен до наших дней», вышедшем в свет в 1969 г., сведения о геологах ограничиваются лишь упоминанием о «большом вкладе в дело Победы» горняков забайкальских трестов «Балейзолото» и «Дарасунзолото» [7. С. 12]. Нет ссылок на данные о работе геологоразведочных работ и в многотомном издании «История социалистической экономики СССР», в которой достаточно полно освещаются основные направления развития различных отраслей промышленности, в том числе горнодобывающей, в годы Великой Отечественной войны [8].

В конце 60-х – начале 70-х гг. наблюдается некоторое усиление интереса к истории деятельности геологических учреждений страны. Начало этому положило крупномасштабное геологическое исследование, предпринятое Министерством геологии, которое в 1970 г. выпускает в свет многотомное издание «Геологическая изученность СССР». Несколько томов издания было посвящено результатам геологических изысканий и развития на этой основе производительных сил Западной Сибири в период с 1941 по 1945 г. В кратком экономическом обзоре, предваряющем это сугубо научное геологическое исследование, приводятся данные о наличии здесь богатейших месторождений полезных ископаемых и становлении на этой геологической базе перспективной для развития региона горнорудной промышленности в советский период. Особо подчеркивается, что в годы Великой Отечественной войны усилия геологов были направлены на расширение перспектив действующих горнорудных предприятий. С началом деятельности Западно-Сибирского геологического управления начинается новая веха в истории геологических исследований в Западной и Восточной Сибири, результатом которой стало существенное увеличение запасов полезных ископаемых. Этот момент стал отправной точкой в изучении вопросов становления и расширения сырьевой базы горнорудной и нерудной промышленности Сибири [9–25].

Необходимо отметить материалы к биографии ученых СССР. В серии геологических ученых вышла работа о Юрии Алексеевиче Кузнецове, где раскрывается и томский период его пребывания в политехническом институте в годы войны [26].

В связи празднованием 70-летия Победы в Великой Отечественной войне, почётный президент Ассоциации геологических организаций (АГО), член Высшего горного совета России, профессор Е.А. Козловский по решению АГО подготовил на основании предыдущих изданий новую книгу «К 70-летию Великой Победы. Геология в созидании и войнах». В книге дан краткий анализ развития минерально-сырьевой базы мира и СССР накануне Великой Отечественной войны, в период нападения гитлеровской Германии и в послевоенный восстановительный период. Показаны роль и значение минерально-сырьевых ресурсов и военной геологии, анализируется минерально-сырьевая база противника, наших союзников – США и Англии [27]. В издание помещено предисловие, написанное к книге «Геология. Уроки Великой войны» [28] известным государственным деятелем СССР д-ром техн. наук Н.К. Байбаковым, который подчеркнул важность поднятой проблемы в свете советской экономики в тяжелейшие годы развития государства. В книге также использованы материалы вышедшего труда автора «Минерально-сырьевые ресурсы в экономике мира и России» [29. С. 600].

Многие статьи Е.А. Козловского написаны по материалам книг автора «К 70-летию Великой Победы. Геология: в созидании и войнах» и «Уроки Великой Победы» [30–33].

В статье Ю.С. Надлера «История государственной геологической службы Сибири в XX веке», к сожалению, по рассматриваемой проблеме есть только эти строки: «Это завершение первой разведки Таштагольского месторождения магнетитовых руд (в 1941 году они начали прибывать на КМК). К этому периоду относятся открытие и первая разведка Усинского марганца, открытие и разведка многих угольных месторождений по всему Кузбассу и целого Томь-Усинского района. Эти успехи были отмечены Сталинскими премиями» [34. С. 6].

Одним из важных направлений в исследовании этой проблемы является раскрытие роли и места ученых Западной Сибири, комитетов ученых в изучении месторождений полезных ископаемых [35, 36]. Так, в статье С.Ф. Фоминых и А.Н. Сорокина «Томский комитет ученых в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.)» отмечалось, при Томском комитете ученых были созданы комиссии: по цветным, черным и нерудным ископаемым [37. С. 34–36]. Обращает на себя внимание статья И.М. Савицкого, где автор раскрывает место и роль ученых в разведке и добыче тех видов минерального сырья, которые шли на удовлетворение потребностей оборонных отраслей промышленности [38].

В рамках этой темы выделяется историографическая работа Б.У. Серазетдинова «Вклад ученых РАН в становление и развитие военной экономики Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны: историография проблемы», где основное внимание было также уделено исследованиям, рассматривающим вклад геологов-ученых в выявление и обеспечение минеральным сырьем оборонных предприятий [39].

В 1941 г. Западно-Сибирское геологическое управление Комитета по делам геологии при Совете народных комиссаров СССР вело работы на площади около 4,8 млн кв. км, входивших в состав шести административно-хозяйственных единиц: Алтайского края с Горно-Алтайской автономной областью (площадь – 261,6 тыс. кв. км), Красноярского края с Хакасской автономной областью (площадь – 2 403,6 тыс. кв. км), Новосибирской области (площадь – 590 кв. км) и Омской области (площадь – 1 500 кв. км). В 1944 г. в г. Красноярске было

организовано Красноярское геологическое управление, которому была поручена геологическая служба Комитета по делам геологии по всей территории края с передачей в него геологических организаций (с кадрами) из Западно-Сибирского геологического управления, за исключением работ по аэромагнитной съемке, которая временно оставалась в ЗСГУ.

На территории Западной Сибири, кроме организаций Комитета по делам геологии, работали геологоразведочные организации, созданные в конце предвоенного периода в составе отраслевых наркоматов, объемы работ которых превышали комитетские. В их состав входили [40. Л. 174]:

1. Трест Кузбассуглеразведка Главгеологии Наркомата угольной промышленности. В начале войны трест был переведен из Новосибирска в г. Ленинск-Кузнецкий. «Углеразведка» Кузбасского угольного треста была реорганизована в трест «Кузбассуглеразведка» и вошла в подчинение геологического управления угольной промышленности. Почти все партии ЗСГУ, ведшие перспективную разведку в Кузбассе, были переданы в состав Кузбассуглеразведки.

2. Трест «Запсибцветметразведка» Главгеологии Наркомата цветной металлургии, продолжавший размещаться в г. Томске и проводивший работы по поиску редких и цветных металлов в горных районах перечисленных выше административных единиц. Западно-Сибирское отделение по разведке редких металлов было преобразовано в трест «Запсибцветметразведка» с подчинением в годы войны Главгеологии Наркомата цветной металлургии. Все геологоразведочные работы на золото, в сочетании с разведочно-подготовительными выработками и добычей металла, вели соответствующие территориальные предприятия «Главзолото» Наркомата цветной металлургии.

3. Значительную часть детальных геологоразведочных работ на черные металлы и нерудное сырье для металлургии выполняло горное управление Кузнецкого металлургического комбината (КМК), с 1942 г. – экспедиция, а с 1944 г. – размещенный в г. Сталинске (Новокузнецке) Западно-Сибирский трест Главгеологии Наркомата черной металлургии. До 1942 г. продолжало вести небольшие разведочные работы по черным металлам на эксплуатируемых им месторождениях Горное управление КМК. В 1942–1943 гг. постепенно в составе Главгеологии черной металлургии был создан Западно-Сибирский геологоразведочный трест (ЗСГРТ, г. Сталинск), развернувший разведочные работы на месторождениях, составлявших сырьевую базу КМК, а также поиски в районе работ [Там же. Л. 175].

4. Организация Главгеологии в период военного лихолетья в отраслевых наркоматах способствовала значительному усилению геологоразведочных работ на уголь, черные и цветные металлы в Западной Сибири. Геологические учреждения в лице отраслевых геологических управлений одновременно с разведкой основных полезных ископаемых – угля, черных, цветных и редких металлов – вели также большие поисково-разведочные работы по обеспечению горнорудных и металлургических предприятий и их строительства нерудным сырьём, а также проводили гидрогеологические изыскания.

В 1943 г. в Новосибирске был создан Западно-Сибирский филиал академии наук СССР (ЗСФАН СССР) в составе четырех институтов, в том числе горно-геологического. Состав геологической части института был укомплектован преимущественно сибиряками. От ЗСГУ в него был включен начальник отдела геологической съемки В.А. Кузнецов.

Западно-Сибирское геологическое управление с 1936 г. находилось в Новосибирске, бывшем центре Западно-Сибирского края. Оно имело свои отделения в Красноярске (до организации Красноярского управления), Омске и Томске. Омское отделение вело преимущественно топографические работы. С 1942 г. оно было преобразовано в экспедицию, на которую было возложено проведение всех топогеодезических работ управления. Его начальником был П.И. Паско, а главным инженером – Д.Н. Фиалков. В январе 1942 г. П.И. Паско был назначен заместителем начальника ЗСГУ, а начальником Омского отделения – Д.Н. Фиалков, главным инженером отделения стал один из старейших топографов-геодезистов управления стал В.К. Исаков. Томское отделение вело часть камеральных работ партий, возвращавшихся на зиму в Томск, в его распоряжении был редакционно-издательский отдел, а в последнее время – крупная полевая колпаковская партия. Отделением руководили несколько сменяющих друг друга начальников: И.П. Комаров, И.П. Мягков и затем Жаботинский [40. Л. 174]. В Сталинске управление имело хозяйственную базу, ведавшую транспортом, в том числе и самолетным, для обеспечения довольно крупных работ, проводившихся на территории Горной Шории (разведка железа и марганца), а затем по разведке угля в южной части Кузбасса. Существовало небольшое отделение управления в Барнауле и база в Кемерове. В распоряжении управления был летный отряд, который оказал большую помощь в развитии работ в труднодоступных районах.

При управлении в г. Новосибирске постоянно работала химическая лаборатория, с марта 1942 г. реорганизованная в Центральную лабораторию с секторами: химико-аналитическим, инженерно-геологическим и технологии нерудных. Центральной лабораторией заведовал В.Н. Чуфаровский, где ведущими химиками-технологами были А.А. Лаповенко и И.Н. Васильев. В состав Центральной лаборатории также входили кабинеты: углепетрографический (З.В. Ергольская), споровый (П.А. Никитин), петрографоминералогический (Н.И. Наковник, Т.П. Осотских, А.А. Оносовская, Н.И. Евменова и др.), литологический (Е.В. Шумилова), а также шлифовальная мастерская.

Задачи управления оставались в основном прежними, определяясь положением о многогранности деятельности территориальных организаций Комитета по делам геологии, уточненным и расширенным еще в 1938 г. Они заключались во всестороннем геологическом изучении подведомственной территории с составлением полистных, районных и сводных геологических карт, поисках и разведках всего комплекса полезных ископаемых, включая редкие и «рассеянные» металлы, для чего при управлении была организована партия, а затем отдел, непосредственно подчиненный главному геологу. В 1945 г. объем работы по поиску и разведке

минерально-сырьевой базы, кроме Западной Сибири, увеличился и территорией Тувинской автономной области.

С началом войны задачи Управления были уточнены, всецело подчинившись нуждам обороны. Основными задачами стали обеспечение прироста запасов и открытие новых месторождений минерального сырья, усовершенствование способов его добычи и технологии переработки. По железным рудам была форсирована доразведка месторождений Горной Шории и Хакасии со срочным получением промышленных запасов (категорий) в количестве не менее 45 млн т, обеспечивающих более правильную закладку разведочно-подготови-тельных выработок для эксплуатации месторождений: Шалымского, Шерегешского, Абаканского и Тейского. На базе разведанных железорудных месторождений Горной Шории набирал мощность Кузнецкий металлургический комбинат [41. Л. 174]. Поиски стали еще более активными после решения правительства о снабжении КМК собственной рудой. В 1942 г. Западно-Сибирским геологическим управлением были подготовлены и переданы в эксплуатацию Шалымское и Абаканское, а в 1943 г. – Шерегешское и другие месторождения [42. С. 263]. На Усинском марганцевом месторождении задание состояло в разведке на нем промышленных запасов с выделением сортов руды, пригодных для получения ферромарганца [40. Л. 174]. В этот период началась добыча марганца на открытых в довоенные годы Дурновском и Мазульском месторождениях. Профессор Томского политехнического института К.В. Радугин открыт в эти годы на юге Западной Сибири и Красноярского края Усинское месторождении. В 1941–1943 гг. были установлены крупные объемы руды этого месторождения и найдены способы получения из нее концентрата, пригодного для ферросплавов. В 1942 г. был введен в эксплуатацию Кузнецкий завод ферросплавов [38. С. 79].

Значительно увеличились работы Управления в Кузбассе, где потребовалась форсированная подготовка шахтных полей на коксующиеся угли для металлургии Кузбасса и Урала. Шла подготовительная работа также участков для закладки выработок по добыче угля местной промышленностью в Кузнецком, Минусинском и Горловском каменноугольных, а также Итатском буроугольном бассейнах.

Были усилены работы по разведке полиметаллов в Рудном Алтае, и в первую очередь на уникальном по богатству руд Золотушинском месторождении, где началось строительство горнообогатительного предприятия. Продолжались форсированные поиски и разведка бокситов для создания сырьевой местной базы для производства глинозема. В Салаире в 1943–1944 гг. было открыто месторождение алюминиевых руд-бокситов, которое стало рудной базой алюминиевой промышленности Сибири. Началось строительство Новокузнецкого алюминиевого завода [42. С. 110].

Форсировались поиски и предварительная разведка богатых месторождений редких металлов, особенно в хорошо доступных районах, подлежавших немедленному освоению. Это было необходимо для производства большого количества свинца и цинка. В начальный период войны уже были введены в эксплуатацию месторождения в Рудном Алтае и Салаире. И большой вклад в производство свинца и цинка внесла комплексная бригада под руководством И.П. Бардина и профессора В.И. Смирнова, которая обследовала все предприятия Западной Сибири [36. С. 27]. Она дала рекомендации по повышению производительности труда на всех предприятиях, позволившие увеличить выплавку в 1943 г. свинца и меди даже при существующих оборудовании и сырьевой базе на 20–25% выше достигнутого в 1942 г. уровня [35. С. 109].

Были также организованы поиски урановых («рассеяных») руд. Особое значение приобрели обеспечение эвакуированных и других строящихся предприятий нерудным сырьем, источниками водоснабжения, а также определение инженерно-геологических условий строительных площадок. Решались вопросы увеличения производства предприятиями Западной Сибири соды и других солей.

Таблица 1

Показатель	Год						
	1940	1941	1942	1943	1944	1945	1941–1945
Ассигнования на геологоразведочные работы, млн руб.	13,2	19	16,4	13,1	11,4	16	76
Сверх того по договорам, млн руб.	2,7	0,6	0,5		0,2	0,16	
Из общего объема, млн руб.:							
топогеодезические работы	1,1		0,6	0,5	0,6	0,7	
черные металлы	4,5	10	7	5	1,8	1,8	25
цветные и редкие металлы	2,9	3,8	4,8	3,2	4	5	20,8
уголь	0,9	1,1	1,8	2,1	2,7	4,1	11,8
неметаллы	1	1,7	1,3	1,5	1,1	1,3	7
Геологическая съемка, млн руб.	1,2	1	0,8	0,6	0,8	1,4	4,6
Гидрогеология, млн руб.	1,4	0,5	0,4	0,4	0,3	0,5	2,1
Колонковое бурение, тыс. м	9,7	16	14,4	10,4	9,1	14,4	64,3
В том числе, тыс. м:	2,7		2,2	3,2	6,3	8,2	
уголь							
железо	4,7		5,3		0,3	0,8	
Ручное бурение, тыс. м	14	15	9,7	9,4	7,7	8,4	50,3

Примечание. Пропущенных цифр в материалах отчетов не обнаружено [40. Л. 176–177].

Большую роль в деятельности управления имела издательская работа, которая велась без перерыва, несмотря на трудности военного времени. Организация и состав редакционно-издательской коллегии были уточнены в октябре 1942 г.: «Материалы по геологии Западной Сибири» – Н.С. Мамлин (отв. редактор), Ю.А. Кузнецов, Н.И. Кучин, И.А. Молчанов, М.М. Рунин, Ф.Н. Шахов; «Вестник ЗСГУ» – Н.С. Мамлин (отв. редактор), И.М. Мягков, М.Н. Рунин и Ф.Н. Шахов. С 1941 по 1945 г. включительно вышло 16 номеров Вестника и 9 – «Материалов по геологии».

Финансовые и другие показатели производственной деятельности управления могут быть охарактери-

зованы цифрами, представленными в табл 1. Для сопоставления приведены цифры 1940 г. [40. Л. 176].

Квалифицированные устойчивые кадры являлись основой решения всех поставленных задач. Перед началом войны в ЗСГУ было 2 430 работников. Из них 1 300 рабочих и 435 инженерно-технических работников (ИТР). В общем составе было 607 женщин или (около 25%). К 1945 г. число работников, в связи с призывом на фронт, резко изменилось. Общее их количество составило 1 500 человек при почти сохранившемся объеме работ. Из них 890 были женщины (59%). Число ИТР уменьшилось до 290 человек, в том числе 135 с высшим образованием, рабочих – 840 человек. Из квалифицированных рабочих на фронт ушло много механизаторов и буровиков. Так, в механической мастерской управления, для которой перед войной было закончено новое помещение площадью 720 кв. м, из 72 человек осталось 25, преимущественно женщины. Буровые работы управления по сравнению с 1940 г. возросли в 1,5 раза (будучи совершенно незначительными): с 9,7 до 14,2 тыс. м в год. Кадры, в основном женщины и подростки, для них проходили подготовку на курсах (табл. 2).

Таблица 2

Показатель	Год					
	1940	1941	1942	1943	1944	1945
Число трудящихся на геологоразведочных работах, всего	1 570	2 430	1 920	1 840	1 460	1 480
В том числе:						
рабочих	730	1 300	990	790	500	570
инженерно-технических работников	280	440	310	410	300	290

Источник: [40. Л. 177].

Состав аппарата ЗСГУ уменьшился к 1945 г. по сравнению с 1941 г. со 104 до 68 человек. Основные руководящие и геологические кадры коллектива управления сохранились, хотя в связи с изменениями в направлении работ и другими обстоятельствами менялись их должности.

Отметим основной состав. Начальником управления с 1938 г. был Н.С. Мамлин. В апреле 1945 г. Комитет по геологии направил его на должность начальника Узбекского геологического управления [40. Л. 177] для выправления работ, отметив благодарностями и премией (добавим, что через полтора года Н.С. Мамлин, выполнив задачу, вернулся в ЗСГУ). Во время его отсутствия начальником управления был назначен главный инженер М.М. Рунин, а на его место – И.Н. Звонарев, руководивший работами по углю. В 1943 г. Комитет по геологии ввел в управлении должность главного геолога – заместителя начальника, на которую был назначен И.В. Дерсяков, руководивший до этого отделом металлов. Позже в его введение был передан 1-й отдел по «рассеянным» элементам. Заместителем начальника управления постоянно работал П.И. Паско, до 1942 г. руководивший Омским отделением. Начальником планового отдела был Н.Я. Куликов. В период его пребывания на фронте начальником отдела являлся В.А. Ветров, после возвращения Н.Я. Куликова занявший должность начальника производственного отдела. Отметим, что В.А. Ветров постоянно выезжал в основные партии – Шалымскую, Шерегешскую и другие для временной подмены их начальников. Главным бухгалтером работал Г.Л. Доронин. В техническом отделе были опытные инженеры и практики Г.Д. Бобырин, Т.И. Тарабрин, И.Т. Заикин, В.И. Попов и другие, которые большую часть времени проводили в разведочных партиях, впрочем, как и работники других отделов. Начальником отдела кадров была К.И. Комкина, работавшая в этой должности до 1954 г.

Геологический аппарат управления составляли весьма опытные кадры, долго работавшие на территории Западной Сибири. Старшими инженерами были: по углю – И.Н. Звонарев, неметаллам – Л.Н. Жуков, затем Б.П. Казаринов, по гидрогеологии – С.Г. Бейром, по геофизике – М.В. Воробьев, И.С. Михельсон, по металлам – И.В. Дербиков, Н.Д. Довгаль и Г.С. Лабазин. Геологосъёмочным отделом руководил В.А. Кузнецов, а после его ухода в 1944 г. в ЗСФАН СССР – А.С. Калугин, который, кроме того, составлял сводки по железным рудам Западной Сибири (включая Красноярский край). Огромную работу по составлению карт вел Б.Ф. Сперанский, с 1929 г. возглавлявший в управлении отдел обзорных карт. Топографо-геодезический отдел, совмещая группу по оформлению графических материалов, вела молодой специалист Н.М. Митникова. Весьма возросшим отделом фондов (более 13,5 тыс. томов) заведовал И.П. Комаров, а затем Л.Н. Жуков при бессменном хранителе фондов И. Снегиревой. Старшим инженером ТКЗ была Л.Н. Бойкова, музеем геологии и полезных ископаемых имени академика М.А. Усова [40. Л. 178] заведовала Л.Н. Кожина, а научно-технической библиотекой – А.И. Золоторева. Геологическим контролем руководил В.Д. Фомичев, его сотрудниками были: В.М. Самодуров, К.М. Сычев, И.П. Максимов, Н.Ф. Сапешко. Кроме того, для работы по контролю привлекались работники других геологических предприятий.

Разведочными партиями, которых насчитывалось от 10 до 14, руководили опытные разведчики. Перечислим некоторых из них: И.П. Смекалов руководил Шалымской, затем Шерегешской партией, а с 1943 г. был назначен техруком Салаирской партии; Г.П. Радченко – начальник важнейшей Томусинской угольной партии, вызвавшей к жизни крупный район коксующихся углей, Н.Г. Рожок – начальник Салаирской бокситовой партии и ее техрук; затем старший геолог М.П. Нагорский, выявивший район девонских бокситов на Салаире; А.Д. Овчинников – руководитель Казской партии, установившей промышленное значение Казской группы месторождений; И.П. Коропец – руководитель Макарьевской и других партий Белокурихинского района, под начальством которого были обнаружены, разведаны и сданы в эксплуатацию Колыванстрою вольфрамовые месторождения Осокинское, Осиновское и Батунсковское, давшие ценный концентрат для оборонной промышленности; П.Г. Грязев и П.Н. Васюхичев, разведавшие в Анжерском и Кемеровском районах Кузбасса коксующиеся угли; В.И. Скок – руководитель работ в Кондомском районе Кузбасса, где были определены существенные перспективы на коксующиеся угли; В.С. Сакович ру-

ководил вместе с А.С. Мухиным работами на труднейшем по доступности Усинском марганцевом месторождении, а затем вместе с П.В. Ершовым ведший разведку Золотушинского полиметаллического месторождения – базы крупного Золотушинского горно-обогатительного предприятия. На одного из знатоков Кузбасса – А.Б. Тыжнова были возложены помощь многим угольным партиям и оценка нефтегазоносности Минусинского и Кузнецкого угольных бассейнов, послужившая впоследующем основой для начала работ на нефть и газа.

В Аэромагнитной экспедиции, принятой от ВСЕГЕИ, ведущими работниками были А.А. Логачев, А.И. Кацков, А.Т. Майборода, А.Д. Дашкова, Ю.Н. Грачев, Л.И. Штраус и направленный для помощи в 1942–1943 гг. А.С. Калугин. Промышленным достижением экспедиции было открытие в 1943 г. Краснокаменской группы железорудных месторождений. В управлении постоянно работал крупный коллектив гидрогеологов – более 15 руководителей [40. Л. 179], инженеров, перечисленных частично выше и в итогах работ по гидрогеологии, а также опытные геологи-съемщики – А.А. Зенкова, Г.Ф. Васютинская, Ю.П. Казакевич, С.Ф. Дубинкин, М.К. Винкман, А.Л. Матвиевская и др. Отметим, что последними были открыты вблизи Новосибирска россыпи касситерита, которые одно время привлекли большое внимание и частично эксплуатировались. К группе съемщиков относились и палеонтологи – Л.Н. Краевская, П.С. Краснопеева, О.К. Полежаева и др. Последняя, с 1943 г., оставив изучение трилобитов, начала работать в Салаирской партии у М.П. Нагорского и первая в Сибири обнаружила девонские бокситы – Октябрьское и Майское месторождения на Салаире.

Некоторое количество высококвалифицированных инженерных кадров было передано в Красноярское управление: А.М. Новоселов, Ю.А. Шнейдер, А.К. Зуммер, Н.А. Боговаров, Е.Х. Луньяк, З.П. Потапова, В.И. Медведков и др. Добавим, что успеху работы во многом способствовали кадры эвакуированных, преимущественно из Ленинграда (ВСЕГЕИ), геологов: В.И. Яворский, старейший работник, постоянно консультировавший всех работников Кузбасса; В.Д. Фомичев, чей опыт был использован на контрольной службе; Г.П. Радченко, сделавший важное открытие в Томусинском районе Кузбасса; З.В. Ергольская, возглавившая углепетрографический кабинет; Г.С. Лабазин – опытный металлист, во многом помогший работам на Золотушке и постоянно консультировавший Салаирский полиметаллический рудник; Н.И. Наковник, ставший ведущим работником минерально-петрографического кабинета и открывший кианит в образцах с севера Алтая, что послужило для М.П. Нагорского основанием предположить наличие в Западной Сибири формации древних бокситов; доктор геолого-минералогических наук Л.Н. Чураков – постоянный работник Сибири с 1942 г., консультировавший по многим вопросам геологии.

Постоянную консультацию работ управления, как и в прежние годы, осуществляли профессора вузов Западной Сибири, и прежде всего ученые томской высшей школы – Юрий Алексеевич Кузнецов, Александр Яковлевич Булынников, Иннокентий Александрович Молчанов, Константин Владимирович Радугин, Феликс Николаевич Шахов, Михаил Иванович Кучин и др. Одновременно они выполняли значительные производственные задания. Так, в марте 1942 г. профессор Томского индустриального института, д-р техн. наук Николай Андреевич Чинакал направил в Новосибирский обком ВКП(б) докладную записку, в которой наряду с проблемами угольной и металлургической промышленности Сибири предлагал начать изучение нефтеперспективных структур Сибирской платформы и развернуть широкую разведку на нефть. Он поддержал прогнозы о том, что под поверхностью Западной Сибири плещется нефтяное море. В годы войны томскими геологами-учеными открыты новые месторождения олова (профессор Иван Кузьмич Баженов), марганца (профессор Константин Владимирович Радугин), молибдена (доцент Александр Иванович Александров) и вольфрама (ассистент Анатолий Романович Ананьев) и учеными: Александром Яковлевичем Булынниковым, Дмитрием Андреевичем Васильевым, Михаилом Калинниковичем Коровиным, Иннокентием Александровичем Молчановым, Юрием Алексеевичем Кузнецовым, Венедиктом Андреевичем Хахловым, были открыты новые месторождения угля, нефелиновых пород, золота и руд [41. С. 123–132; 43. С. 191]. Профессора Наталья Александровна Прилежаева и Вера Михайловна Кудрявцева, первые женщины – доктора физико-математических наук, занимались внедрением метода спектрального анализа в металлургической промышленности Сибири и в геолого-поисковых организациях [37. С. 36].

Полевая аппаратура, разработанная фотоэлектрической лабораторией СФТИ под руководством В.М. Кудрявцевой, позволяла за 1–2 ч обработать в полевых условиях весь собранный за день материал при поиске и разведке на вольфрамовые, молибденовые и другие люминесцирующие минералы. Приборы использовались в партиях Западно-Сибирского, Алма-Атинского геологических управлений, а также на Урале [44. С. 25].

21 октября 1943 г. Совет народных комиссаров СССР принял Постановление № 1149, которым разрешил Президиуму Академии наук СССР организовать в 1943 г. в Новосибирске Западно-Сибирский филиал АН СССР. В Постановлении одним из первых в составе будущего филиала институтов был назван горно-геологический. По докладу академика А.А. Скочинского Президиум АН СССР утвердил 8 февраля 1944 г. директором Горно-геологического института Западно-Сибирского филиала АН СССР Н.А. Чинакала. Его заместителем в области геологии был назначен ученик академика М.А. Усова, профессор, д-р геол.-минер. наук М.К. Коровин. Он привлек в новый институт большую группу молодых сибирских геологов и аспирантов, выпускников томских вузов. Среди них, по свидетельству В.А. Николаева (1985), в период организации института было только два кандидата наук – В.А. Кузнецов, в дальнейшем академик, и Г.Л. Поспелов. Из 34 приглашенных специалистов

подавляющее большинство стали кандидатами наук, 20 – докторами. Среди учеников М.К. Коровина как томского, так и новосибирского периодов его деятельности такие известные ученые и педагоги, как А.В. Аксарин, И.И. Амосов, О.А. Бетехтина, Р.Т. Грацианова, В.А. Николаев, К.В. Радугин, А.Б. Травин, Л.Л. Халфин и др. М.К. Коровин возглавил в институте лабораторию горючих полезных ископаемых.

В управлении постоянно велась работа по подготовке кадров. Так, было подготовлено более 100 буровых мастеров в 1941 и [40. Л. 180] 1944 гг. при управлении и на Сталинской базе, а также в школе № 12 в Сталинске в 1943 г. В 1944 г. при управлении было подготовлено более 60 геофизиков-наблюдателей. В 1945 г. по трехмесячной программе в управлении и в Макарьевской партии было подготовлено 70 коллекторов. В том же году перед началом полевых работ повышение квалификации при Управлении прошли 45 ИТР. В 1944 г. возобновил работу Новосибирский геологоразведочный техникум.

В годы войны особое внимание уделялось поощрительной системе. Предложения Управления, как правило, поддерживались Комитетом по делам геологии. Вместе с тем подвергались взысканиям лица и организации, не выполнявшие задания, что, впрочем, было редким явлением.

За период войны управление неоднократно отмечалось Комитетом и ЦК союза геологоразведчиков. В течение шести месяцев коллективу присуждалось Переходящее Красное Знамя Государственного комитета обороны. Два с половиной года коллектив владел переходящим Красным знаменем Комитета и ЦК Союза. Так, коллектив управления постоянно выполнял и перевыполнял план геологоразведочных работ, производительность труда по основным видам работ возросла по сравнению с 1942 г.: по колонковому механическому бурению – в 1,5 раза, а по горным работам – в 2 раза. ЗСГУ в течение двух кварталов 1944 и 1945 гг. удерживало переходящее Красное знамя Государственного Комитета обороны. В остальное время он занимал вторые и третьи места в соревновании. В 1944 г. по согласованию с комитетом геологии было отмечено 25-летие работы ЗСГУ. Из наиболее отличившихся и проработавших длительное время сотрудников Кемеровским, Новосибирским и Омским областными советами депутатов трудящихся, а также Алтайским и Красноярским краевыми советами депутатов трудящихся похвальными грамотами было награждено 65 членов коллектива, а похвальными грамотами Комитета по делам геологии – 125 специалистов и рабочих. В помещении Управления было проведено собрание коллектива с участием работников с мест, на котором были не только торжественно отмечена знаменательная дата и зачитаны сообщения старейших работников о пути, пройденном управлением, но и, главное, указаны задачи по наращиванию минерально-сырьевой базы Западной Сибири.

Достижения отдельных сотрудников и коллективов отмечались постоянно. Приведем одно из них. 25 марта 1943 г., по представлению Управления и Комитета, профессор ТПИ, старший геолог управления Константин Владимирович Радугин за открытие и изучение Усинского марганцевого месторождения получил Сталинскую премию.

За военные годы геологоразведчики ЗСГУ, научные работники вузов в составе Комиссии Академии наук СССР по мобилизации ресурсов Урала, Западной Сибири, Казахстана, Комитета ученых и самостоятельно открыли 17 месторождений полезных ископаемых, разведали и передали промышленности для проектирования и эксплуатации 68 месторождений, в их числе 13 месторождений черных металлов, 4 – цветных, 3 – редких, 29 – нерудного сырья – формовочных песков, огнеупоров, флюсов для металлургии. Все крупнейшие предприятия были обеспечены минеральным сырьем [45. С. 188].

В 1946 г. управлению за работу в 1941–1945 гг. было передано на вечное хранение Красное Знамя Государственного комитета обороны.

Таким образом, геологические учреждения Западной Сибири внесли огромный вклад в дело удовлетворения насущных потребностей военной экономики страны в годы Великой Отечественной войны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пак В.А. Уважаемые коллеги, дорогие друзья! // Геологический вестник. Издание Федерального Агентства по недропользованию. 2015. 5 мая. № 4 (31).
2. Крыжановский В.И. Полезные ископаемые и оборона страны // Известия АН СССР. Серия геол. 1941. № 6. С. 3–8.
3. Ферсман А.Е. Геология и война. М. ; Л., 1943. 43 с. (АН СССР. Совет науч.-тех. пропаганды).
4. Амирасланов А.А. Итоги совещания геологов золото-платиновой промышленности Урала, Казахстана и Западной Сибири // Цветные металлы. 1945. № 4. С. 61–62.
5. Сучилин А.П. Достижения советских геологов за годы Отечественной войны и задачи профсоюза геологоразведочных работ // Разведка недр. 1946. № 1. С. 44–50.
6. Васильев Ю.А. КПСС – вдохновитель и организатор патриотического подъема советского народа в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (На примере материалах партийных организаций Западной Сибири) : автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 1955. 16 с.
7. Сибирь в период завершения строительства социализма и переходы к коммунизму / Б.Л. Борисов, Г.А. Докучаев, Ф.А. Аржанов и др. // История Сибири с древнейших времен до наших дней : в 5 т. 1969. Т. 5. 470 с.
8. История социалистической экономики СССР : в 7 т. Т. 5: Советская экономика накануне и в период Великой Отечественной войны. 1938–1945 гг. М., 1978. 568 с.
9. Геологическая изученность СССР. Т. 17: РСФСР. Тюменская область. Вып. 1: Опубликованные работы: Период 1941–1955 / сост. Г.С. Залетаев, Т.Я. Карасева, Ф.Н. Кассианова, П.Д. Шарудо. Л. : Гидрометеорологическое изд-во, 1968.
10. Геологическая изученность СССР. Т. 18: Томская, Омская, Новосибирская области. Вып. 2: Рукописные работы: Периоды III–V. 1918–1945. Новосиб. территор. геол. упр. Л. : Гидрометеорологическое изд-во, 1968.
11. Геологическая изученность СССР. Т. 18: РСФСР. Томская, Омская и Новосибирская области. Вып. 1: Опубликованные работы: Период 1941–1955 / сост. Г.С. Залетаев, Т.Я. Карасева, Ф.Н. Кассианова, П.Д. Шарудо ; АН СССР. М-во геологии СССР. Комиссия по геол. изученности СССР. АН СССР. Сиб. отд-ние. Ин-т геологии и геофизики. Л. : Гидрометеорологическое изд-во, 1969.

12. Геологическая изученность СССР. Т. 19: Алтайский край и Кемеровская область. Вып. 2: Рукописные работы: Период 1941–1945. Западно-Сиб. геол. упр. Л. : Гидрометеорологическое изд-во, 1967.
13. Геологическая изученность СССР. Т. 19: РСФСР, Алтайский край. Кемеровская область. Вып. 1: Опубликованные работы: Период 1941–1945 / Т.Я. Карасева, Ф.Н. Кассианова, П.Д. Шарудо. Л. : Гидрометеорологическое изд-во, 1974.
14. Геологическая изученность СССР. Т. 20: РСФСР. Красноярский край (территория южнее Полярного круга и Норильский район). Вып. 2: Рукописные и опубликованные работы : Период 1941–1950. Краснояр. геол. упр. Л. : Гидрометеорологическое изд-во, 1976.
15. Геологическая изученность СССР. Т. 21: Якутская АССР. Вып. 1. Опубликованная литература: Период 1941–1955 / ред. Е.А. Кудинова, К.Б. Мокшанцев (отв. ред.). Л. : Гидрометеорологическое изд-во, 1964.
16. Геологическая изученность СССР. Т. 21: Якутская АССР. Вып. 2: Рукописные работы: Период 1941–1950 / Якут. геол. упр. Л. : Гидрометеорологическое изд-во, 1970.
17. Геологическая изученность СССР. Т. 24: Иркутская область. Вып. 2: Обзорные главы и рукописные работы: Период 1941–1950. Л. : Гидрометеорологическое изд-во, 1964.
18. Геологическая изученность СССР. Т. 24: РСФСР. Иркутская область. Вып. 1: Опубликованные работы: Период 1941–1950 / сост. В.С. Воропинов, В.Л. Кензина. Л. : Гидрометеорологическое изд-во, 1965.
19. Геологическая изученность СССР. Т. 24: Иркутская область. Вып. 2: Период 1850–1960. Дополнения. Кн. 1: Период 1961–1965 / М-во геологии РСФСР. Иркут.геол. упр. Сиб. отд. АН СССР. Ин-т земной коры. Л. : Гидрометеорологическое изд-во, 1969.
20. Геологическая изученность СССР. Т. 24: Иркутская область. Вып. 2: Период 1850–1960. Дополнения. Кн. 3: Период 1961–1965. Л. : Гидрометеорологическое изд-во, 1971.
21. Геологическая изученность СССР. Т. 24: Иркутская область. Вып. 2: Период 1926–1965. Дополнения. Кн. 2 : Период 1966–1970 / сост. Н.Д. Баженова, В.Д. Журавлева, З.Н. Лобеева [и др.] ; М-во геологии РСФСР. Иркут. геол. упр. Вост.-Сиб. науч.-исслед. ин-т геологии, геофизики и минер. сырья, Сиб. отд-ние АН СССР. Ин-т земной коры. Л. : Гидрометеорологическое изд-во, 1974.
22. Геологическая изученность СССР. Т. 26: Бурятская АССР. Вып. 2 : Рукописные работы: Периоды 1946–1950, 1941–1945. Л. : Гидрометеорологическое изд-во, 1965.
23. Геологическая изученность СССР. Т. 26: РСФСР. Бурятская АССР. Вып. 1: Опубликованные работы: Период 1941–1955 / сост. В.Г. Канакин, Э.Е. Жарникова. Л. : Гидрометеорологическое изд-во, 1975.
24. Геологическая изученность СССР. Т. 27: Читинская область. Вып. 2: Рукописные работы: Период 1941–1945. 1946–1950 / отв. ред. С.А. Морозов ; сост. С.А. Морозов, В.Т. Барановский. Л. : Гидрометеорологическое изд-во, 1969.
25. Геологическая изученность СССР. Т. 27 : РСФСР. Читинская область. Вып. 1 : Опубликованные работы: Период 1941–1955 / сост. Г.Г. Калуцкий, Г.К. Гриценко. 1970 вып. дан. Л. : Гидрометеорологическое изд-во, 1971.
26. Юрий Алексеевич Кузнецов. Материалы к библиографии ученых СССР. Сер. Геологические науки. М. : Наука, 1976. Вып. 25. 48 с.
27. Козловский Е.А. К 70-летию Великой Победы. Геология в созидании и воинах / Российская акад. естественных наук, Ассоц. геологических орг., Российский гос. геологоразведочный ун-т им. Серго Орджоникидзе, Ин-т геолого-экономических проблем. М. : ВНИИгеосистем, 2015. 204 с.
28. Козловский Е.А. Геология. Уроки Великой войны / Российская акад. естественных наук, Ин-т геолого-экономических проблем, Московский гос. геол.-развед. ун-т. М. : Гос. науч. центр Российской Федерации-ВНИИгеосистем, 2005. 99 с.
29. Козловский Е.А. Минерально-сырьевые ресурсы в экономике мира и России : учеб. пособие по дисциплине «Введение в специальность» для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальностям 21.05.02 «Прикладная геология» и 21.05.03. «Технология геологической разведки», укрепненной группы направления подготовки 21.00.00 «Прикладная геология, горное дело, нефтегазовое дело и геодезия» / Российская акад. естественных наук (РАЕН), Российский гос. геологоразведочный ун-т (РГГУ-МГРИ), Ин-т геолого-экономических проблем (ИГЭП). М. : ВНИИгеосистем, 2014. 605 с.
30. Козловский Е.А. Уроки великой Победы / Российская акад. естественных наук (РАЕН), Российский гос. геологоразведочный ун-т им. Серго Орджоникидзе (РГГУ), Ин-т геолого-экономических проблем. М. : ВНИИгеосистем, 2009. 597 с.
31. Козловский Е.А. Отечественная геология: к 70-летию Великой Победы // Горный вестник Камчатки. 2015. Вып. № 2 (32). С. 41–52.
32. Козловский Е.А. Геология. Уроки великой Победы // Экономические стратегии. 2010. Т. 12, № 3. С. 48–57; № 4. С. 48–57; № 5. С. 30–41.
33. Козловский Е.А. Минерально-сырьевой потенциал мира в годы великой войны // Человеческий капитал. 2014. № 3 (63). С. 4–12.
34. Надлер Ю.С. История геологической службы Сибири в XX веке // 90 лет государственной геологической службе Западной Сибири : материалы науч.-практ. конф. 19 апреля 2011 г. Новокузнецк, 2011. С. 6–14.
35. Левшин Б.В. Академия наук СССР в годы Великой Отечественной войны. М. : Наука, 1966. 318 с.
36. Левшин Б.В. Советская наука в годы Великой Отечественной войны. М. : Наука, 1983. 383 с.
37. Фоминых С.Ф., Сорокин А.Н. Томский комитет ученых в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Bylye Gody. 2013. № 29 (3). С. 32–37.
38. Савицкий И.М. Организация взаимодействия науки и оборонной промышленности в Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны // Историко-экономические исследования. 2017. Т. 18, № 1. С. 73–99.
39. Серазетдинов Б.У. Вклад ученых РАН в становление и развитие военной экономики Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны: историография проблемы // Великая Отечественная война в современном общественно-историческом сознании (историческая память, восприятие, увековечение) : материалы Всерос. науч. конф. / отв. ред. Е.И. Пивовар. М. : Архив РАН, 2016. С. 155–165.
40. ФГУНПП Российский федеральный геологический фонд (Росгеолфонд). Центральное фондохранение. Инвентарный номер 408634. Староверов Л.Ф., Протопопов В.В., Селиверстова М.И. и др. История возникновения и деятельность геологических учреждений Западной Сибири. Рукопись. 1984.
41. Профессора Томского университета: биографический словарь. 1917–1945. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1998. Т. 2.
42. 50 лет советской геологии. М. : Недра, 1968. 420 с.
43. Томская партийная организация в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) : сб. документов / гл. ред. В.С. Флеров. Томск : Книж. изд-во, 1961. 488 с.
44. Томский комитет ученых в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: документы и материалы / отв. ред. С.Ф. Фоминых. Томск : Изд. Дом ТГУ, 2015. 480 с.
45. Дедюшина Н.А. Вклад ученых Новосибирска в победу над фашистской Германией // Сибирь в Великой Отечественной войне : материалы конф., посв. Тридцатилетию Победы в Великой Отечественной войне [16–18 апр. 1975 г. / редкол.: Б.Н. Волков (отв. ред.) и др. Новосибирск : Наука, 1977. С. 282–292.

Статья представлена научной редакцией «История» 16 августа 2017 г.

THE HISTORY OF WEST SIBERIAN GEOLOGICAL INSTITUTIONS ON THE CREATION OF THE MINERAL RESOURCE BASE IN THE YEARS OF THE GREAT PATRIOTIC WAR

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 424, 123–132.
DOI: 10.17223/15617793/424/17

Boris U. Serazetdinov, Institute of Russian History, RAS (Moscow, Russian Federation). E-mail: sbu54@bk.ru

Keywords: Great Patriotic War; geologists of the West Siberian geological survey; mineral resources; Western Siberia; deposits of minerals.

The article studies the history of activities of the geological institutions of Western Siberia during the Great Patriotic War. The role and place of the West Siberian Geology Administration in order to meet the urgent needs of the war economy of the country. The problems and features of increasing the military-industrial potential of the country in wartime are identified. A huge amount of work for the study and efficient use of raw material resources in Western Siberia in wartime was performed by the geological institutions in the region. The West Siberian Geology Administration was one of the largest organizations of the geological industry of the Soviet Union during the war. There was a great personnel shortage, poor material supply and numerous immediate tasks at the time. All institutions, like geologists of Western Siberia, had their own discoveries and achievements, their own history, but the West Siberian Geology Administration became the topic of this study. In 1941 the West Siberian Geology Administration of the Committee on Geology at the Council of People's Commissars of the USSR led work on the area of about 4.8 million sq km, part of six administrative units: Altai Krai from Gorno-Altai Autonomous Oblast (the area of 261 600 sq km), Krasnoyarsk Krai, Khakass Autonomous Oblast (2 403 600 sq km), Novosibirsk Oblast (590 sq km) and Omsk Oblast (1 500 sq km). In 1944 the Krasnoyarsk Geology Administration was organized in Krasnoyarsk. It performed the geological service of the Committee on Geology throughout the region with the transfer to it of the geological institutions (with the staff) from the Western Siberian Geology Administration, except works on aeromagnetic images that the organization temporarily retained. Geological institutions, simultaneously with the exploration of major minerals – coal, ferrous, non-ferrous and rare metals, made large explorations to supply mining and metallurgical enterprises, and their construction, with non-metallic raw materials, and conducted hydrogeological surveys. During the war, parties and expeditions of the West Siberian Geology Administration opened 17 new deposits of various minerals and gave 68 fields to industry for design and operation. Geologists of the West Siberian Geology Administration found industrial reserves of the most important types of strategic raw materials – gold, tin, base metals, mica, coal. The materials of the Russian Federal Geology Fund (Rosgeolfond) are first used in the article.

REFERENCES

1. Pak, V.A. (2015) Uvazhaemye kollegi, dorogie druz'ya! [Dear colleagues, dear friends!]. *Geologicheskiy vestnik*. 5 May. 4 (31).
2. Kryzhanovskiy, V.I. (1941) Poleznye iskopaemye i oborona strany [Mineral resources and defense of the country]. *Izvestiya AN SSSR. Seriya geol.* 6. pp. 3–8.
3. Fersman, A.E. (1943) *Geologiya i voyna* [Geology and war]. Moscow; Leningrad: USSR AS.
4. Amiraslanov, A.A. (1945) Itogi soveshchaniya geologov zoloto-platinovoy promyshlennosti Urala, Kazakhstana i Zapadnoy Sibiri [Results of the meeting of geologists of the gold and platinum industry of the Urals, Kazakhstan and Western Siberia]. *Tsvetnye metally*. 4. pp. 61–62.
5. Suchilin, A.P. (1946) Dostizheniya sovetskikh geologov za gody Otechestvennoy voyny i zadachi profsoyuza geologorazvedochnykh rabot [Achievements of Soviet geologists during the years of the Patriotic War and the tasks of the trade union for geological exploration]. *Razvedka nedr*. 1. pp. 44–50.
6. Vasil'ev, Yu.A. (1955) *KPSS – vdokhnovitel' i organizator patrioticheskogo pod"ema sovetskogo naroda v period Velikoy Otechestvennoy voyny 1941–1945 gg. (Na primere materialakh partiynykh organizatsiy Zapadnoy Sibiri)* [The CPSU as the inspirer and organizer of the patriotic rise of the Soviet people during the Great Patriotic War of 1941–1945. (On the example of materials of party organizations in Western Siberia)]. Abstract of History Cand. Diss. Moscow.
7. Borisov, B.L. et al. (1969) Sibir' v period zaversheniya stroitel'stva sotsializma i perekhody k kommunizmu [Siberia in the period of the completion of the construction of socialism and the transition to communism]. In: Okladnikov, A.P. (ed.) *Istoriya Sibiri s drevneyshikh vremen do nashikh dney: v 5 t.* [History of Siberia from ancient times to the present day: in 5 vols]. Vol. 5. Leningrad: Nauka.
8. Gladkov, I.A. (ed.) (1978) *Istoriya sotsialisticheskoy ekonomiki SSSR: v 7 t.* [History of the socialist economy of the USSR: in 7 vols]. Vol. 5. Moscow: Nauka.
9. Zaletaev, G.S. et al. (1968) *Geologicheskaya izuchennost' SSSR* [Geological knowledge of the USSR]. 17:1. Leningrad: Gidrometeorologicheskoe izd-vo.
10. Assovskiy, A.N. et al. (eds) (1968) *Geologicheskaya izuchennost' SSSR* [Geological knowledge of the USSR]. 18:2. Leningrad: Gidrometeorologicheskoe izd-vo.
11. Zaletaev, G.S. et al. (1969) *Geologicheskaya izuchennost' SSSR* [Geological knowledge of the USSR]. 18:1. Leningrad: Gidrometeorologicheskoe izd-vo.
12. Gidrometeorologicheskoe izd-vo. (1967) *Geologicheskaya izuchennost' SSSR*[Geological knowledge of the USSR]. 19:2. Leningrad: Gidrometeorologicheskoe izd-vo.
13. Karaseva, T.Ya. et al. (1974) *Geologicheskaya izuchennost' SSSR* [Geological knowledge of the USSR]. 19:1. Leningrad: Gidrometeorologicheskoe izd-vo.
14. Gidrometeorologicheskoe izd-vo. (1976) *Geologicheskaya izuchennost' SSSR* [Geological knowledge of the USSR]. 20:2. Leningrad: Gidrometeorologicheskoe izd-vo.
15. Kudinova, E.A. & Mokshantsev, K.B. (eds) Geologicheskaya izuchennost' SSSR *Geologicheskaya izuchennost' SSSR* [Geological knowledge of the USSR]. 21:1. Leningrad: Gidrometeorologicheskoe izd-vo.
16. Gidrometeorologicheskoe izd-vo. (1970) *Geologicheskaya izuchennost' SSSR* [Geological knowledge of the USSR]. 21:2. Leningrad: Gidrometeorologicheskoe izd-vo.
17. Gidrometeorologicheskoe izd-vo. (1964) *Geologicheskaya izuchennost' SSSR* [Geological knowledge of the USSR]. 24:2. Leningrad: Gidrometeorologicheskoe izd-vo.
18. Gidrometeorologicheskoe izd-vo. (1965) *Geologicheskaya izuchennost' SSSR* [Geological knowledge of the USSR]. 24:1. Leningrad: Gidrometeorologicheskoe izd-vo.
19. Gidrometeorologicheskoe izd-vo. (1969) *Geologicheskaya izuchennost' SSSR* [Geological knowledge of the USSR]. 24:2:1. Leningrad: Gidrometeorologicheskoe izd-vo.
20. Gidrometeorologicheskoe izd-vo. (1971) *Geologicheskaya izuchennost' SSSR* [Geological knowledge of the USSR]. 24:2:3. Leningrad: Gidrometeorologicheskoe izd-vo.
21. Bazhenova, N.D. et al. (1974) *Geologicheskaya izuchennost' SSSR* [Geological knowledge of the USSR]. 24:2:2. Leningrad: Gidrometeorologicheskoe izd-vo.
22. Gidrometeorologicheskoe izd-vo. (1965) *Geologicheskaya izuchennost' SSSR* [Geological knowledge of the USSR]. 26:2. Leningrad: Gidrometeorologicheskoe izd-vo.
23. Gidrometeorologicheskoe izd-vo. (1975) *Geologicheskaya izuchennost' SSSR* [Geological knowledge of the USSR]. 26:1. Leningrad: Gidrometeorologicheskoe izd-vo.

24. Morozov, S.A. (ed.) (1969) *Geologicheskaya izuchennost' SSSR* [Geological knowledge of the USSR]. 27:2. Leningrad: Gidrometeorologicheskoe izd-vo.
25. Kalutskiy, G.G. & Gritsenko, G.K. (1971) *Geologicheskaya izuchennost' SSSR* [Geological knowledge of the USSR]. 27:1. Leningrad: Gidrometeorologicheskoe izd-vo.
26. Materialy k bibliografii uchenykh SSSR. Ser. Geologicheskie nauki. (1976) Yuriy Alekseevich Kuznetsov. *Materialy k bibliografii uchenykh SSSR. Ser. Geologicheskie nauki*. 25. 48 pp.
27. Kozlovskiy, E.A. (2015) *K 70-letiyu Velikoy Pobedy. Geologiya v sozidanii i voinakh* [To the 70th anniversary of the Great Victory. Geology in formation and wars]. Moscow: VNIIgeosistem.
28. Kozlovskiy, E.A. (2005) *Geologiya. Uroki Velikoy voyny* [Geology. Lessons of the Great War]. Moscow: Gos. nauch. tsentr Rossiyskoy Federatsii-VNIIgeosistem.
29. Kozlovskiy, E.A. (2014) *Mineral'no-syr'evye resursy v ekonomike mira i Rossii* [Mineral resources in the world economy and in Russia]. Moscow: VNIIgeosistem.
30. Kozlovskiy, E.A. (2009) *Uroki velikoy Pobedy* [Lessons of the Great Victory]. Moscow: VNIIgeosistem.
31. Kozlovskiy, E.A. (2015) Otechestvennaya geologiya: k 70-letiyu Velikoy Pobedy [Domestic geology: to the 70th anniversary of the Great Victory]. *Gornyy vestnik Kamchatki.* 2 (32). pp. 41–52.
32. Kozlovskiy, E.A. (2010) Geologiya. Uroki velikoy Pobedy [Geology. Lessons of the Great Victory]. *Ekonomicheskie strategii.* 12:3. pp. 48–57.
33. Kozlovskiy, E.A. (2014) Mineral'no-syr'evoy potentsial mira v gody velikoy voyny [The mineral and raw material potential of the world in the years of the Great War]. *Chelovecheskiy kapital*. 3 (63). pp. 4–12.
34. Nadler, Yu.S. (2011) [History of the geological service of Siberia in the twentieth century]. *90 let gosudarstvennoy geologicheskoy sluzhbe Zapadnoy Sibiri* [90 years of the state geological service of Western Siberia]. Proceedings of the conference. 19 April 2011. Novokuznetsk. pp. 6–14. (In Russian).
35. Levshin, B.V. (1966) *Akademiya nauk SSSR v gody Velikoy Otechestvennoy voyny* [Academy of Sciences of the USSR during the Great Patriotic War]. Moscow: Nauka.
36. Levshin, B.V. (1983) *Sovetskaya nauka v gody Velikoy Otechestvennoy voyny* [Soviet science during the Great Patriotic War]. Moscow: Nauka.
37. Fominykh, S.F. & Sorokin, A.N. (2013) Tomsk Committee of Scientists during the Great Patriotic War (1941–1945). *Bylye Gody*. 29 (3). pp. 32–37. (In Russian).
38. Savitskiy, I.M. (2017) Organization of science and defense industry interaction in the West Siberia during the Great Patriotic War. *Istoriko-ekonomicheskie issledovaniya – Journal of Economic History & History of Economics.* 18 (1). pp. 73–99. (In Russian). DOI: 10.17150/2308-2588.2017.18(1).73-99
39. Serazetdinov, B.U. (2016) [The contribution of RAS scientists to the formation and development of the military economy of Western Siberia during the Great Patriotic War: the historiography of the problem]. *Velikaya Otechestvennaya voyna v sovremennom obshchestvenno-istoricheskom soznanii (istoricheskaya pamyat', vospriyatie, uvekovechenie)* [The Great Patriotic War in the modern socio-historical consciousness (historical memory, perception, perpetuation)]. Proceedings of the all-Russian conference. Moscow: RAS Archive. pp. 155–165. (In Russian).
40. Russian Federal Geological Foundation (Rosgeolfond). Central Fund. Inventory number 408634. Staroverov, L.F. et al. (1984) *Istoriya vozniknoveniya i deyatel'nost' geologicheskikh uchrezhdeniy Zapadnoy Sibiri* [The history and work of geological institutions in Western Siberia]. A manuscript.
41. Fominykh, S.F. et al. (eds) (1998) *Professora Tomskogo universiteta. Biograficheskiy slovar'* [Professors of Tomsk University. Biographical dictionary]. Vol. 2. Tomsk: Tomsk State University.
42. Sidorenko, A.V. (ed.) (1968) *50 let sovetskoy geologii* [50 years to Soviet geology]. Moscow: Nedra.
43. Flerov, V.S. (ed.) (1961) *Tomskaya partiynaya organizatsiya v gody Velikoy Otechestvennoy voyny (1941–1945 gg.): sb. dokumentov* [Tomsk Party Organization during the Great Patriotic War (1941–1945): documents]. Tomsk: Knizh. izd-vo.
44. Fominykh, S.F. (ed.) (2015) *Tomskiy komitet uchenykh v gody Velikoy Otechestvennoy voyny 1941–1945 gg.: dokumenty i materialy* [Tomsk Committee of Scientists during the Great Patriotic War of 1941–1945: documents and materials]. Tomsk: Tomsk State University.
45. Dedyushina, N.A. (1977) [Contribution of scientists of Novosibirsk in the victory over fascist Germany]. *Sibir' v Velikoy Otechestvennoy voyne* [Siberia in the Great Patriotic War] Proceedings of the conference on the 30 years of victory in the Great Patriotic War. 16–18 April 1975. Novosibirsk: Nauka. pp. 282–292. (In Russian).

Received: 16 August 2017

Вестник Томского государственного университета. 2017. № 424. С. 133–135. DOI: 10.17223/15617793/424/18

УДК 930(73)

Н.Н. Соколов, И.Е. Шебалкина

АНАЛИЗ ПАРАДОКСОВ ПОЛИТИКИ PAX AMERICANA В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ (ДИСКУССИИ В «МОЗГОВЫХ ЦЕНТРАХ» США)

Рассматриваются труды современных американских историков, политологов и экономистов, представляющих «мозговые центры» США неолиберального и неоконсервативного толка. Первые развивают «великую» либеральную идею как основу политики Pax Americana с опорой на «мягкую» силу. Вторые отстаивают американские национальные интересы, опираясь на принципы Realpolitik и действия своей страны на международной арене с «позиций силы».

Ключевые понятия: «новый мировой порядок»; Realpolitik; «новый вильсонизм»; «мягкая» сила; «жёсткая» сила.

Характеризуя парадоксы политики Pax Americana в исторической ретроспективе, американский профессор Кентского университета Ст. Крюк указывает на «импульсивное» чередование либеральных и консервативных основ строительства «мира по-американски». Либеральные истоки политики Pax Americana зарождались в межвоенные годы и были связаны с именем президента-демократа В. Вильсона. В послевоенные годы, в обстановке холодной войны в американских правящих и академических кругах стал оформляться консервативный консенсус американского общества на принципах Realpolitik как основа «мира по-американски» [1]. После окончания холодной войны в процессе формирования контуров «нового мирового порядка» на рубеже XX–XXI вв. президенты-демократы Б. Клинтон и Б. Обама пытались возродить теорию и практику Pax Americana с опорой на «мягкую» силу, тогда как президенты – республиканцы отец и сын Буши, формируя «мир по-американски», в то же время действовали на международной арене с «позиций силы». В своей инаугурационной речи 20 января 2017 г. президент США республиканец Д. Трамп официально отказался от возрождения «нового вильсонизма» времён президентства Б. Клинтона и Б. Обамы, призвав американский народ отстаивать национальные интересы своей страны на международной арене в любой форме, опираясь при этом на принципы Realpolitik [2].

Интерес к подобного рода парадоксам политики Pax Americana вызвал оживлённые дискуссии и в нашей стране, которые развернулись на страницах журналов «Россия в глобальной политике» и «Международные процессы», в частности вокруг статьи по этому вопросу профессора МГИМО А.Д. Богатурова. Автор статьи указывал на неспособность отечественной американистики ответить на многочисленные вопросы, связанные с эволюцией политики Pax Americana в исторической ретроспективе [3].

В годы Второй мировой войны президент США Ф.Д. Рузвельт и английский премьер-министр У. Черчилль подписали Атлантическую хартию, реанимировав тем самым вильсоновский проект политики Pax Americana как англо-саксонский вариант послевоенного устройства мирового сообщества без участия Советского Союза. Понятно, почему наша страна отказалась участвовать в разработке этой хартии и выступить в качестве члена Бреттон-Вудской конференции (1944 г.), на которой были разработаны экономические основы англо-саксонского проекта под эгидой США.

В связи с началом холодной войны в общественно-политических и академических кругах США явно обозначились два основных направления послевоенного устройства мирового сообщества. Так называемые неолибералы-интернационалисты, пишет профессор Санкт-Петербургского университета В.Н. Конышев, отстаивали идею «демократического мира», тогда как «неоконсерваторы-интервенционисты» выдвинули концепцию «ограниченного суверенитета» своей страны на принципах Realpolitik [4].

С конца 1950-х – в течение 1960-х гг. «великая» либеральная стратегия стала рушиться под напором гонки ядерных и обычных вооружений, чему в немалой степени способствовало также расширение фронтира холодной войны на периферию мировой политики. Борьба «сверхдержав» за третий мир с этого времени всё очевиднее велась с «позиций силы», приходит к выводу почётный профессор политологии и международных отношений в «Центре Вудро Вильсона» Р. Гильпин [5. P. 165–182].

В конце 1960-х – начале 1970-х гг. советская и американская концепции «разрядки» международной напряжённости, оформленные как «доктрина Брежнева» и «доктрина Никсона», закрепили раздел мира на две сферы влияния между «сверхдержавами». Раскол мира на две системы ценностей в условиях «биполярного» противостояния СССР и США, казалось, сулил предсказуемое развитие международных отношений: исключалась возможность реализовать политику Pax Americana как основу для формирования однополярного мира.

В течение 1970-х гг., однако, в условиях кризиса и краха «разрядки» международной напряжённости и во времена «второго издания» холодной войны в 1980-е гг. чётко обозначились факторы внешнего влияния, связанные с окончательным разрушением универсальных и институциональных структур послевоенных международных отношений.

Мир в это время столкнулся с многочисленными потрясениями и конфликтами на разных уровнях: 15 августа 1971 г. Соединённые Штаты официально отказались от Бреттон-Вудской системы; в 1973–1974 гг. мировое сообщество столкнулось с очередным глобальным экономическим кризисом, который сопровождался обострением экологических, демографических, энергетических и иммиграционных проблем, ро-

стом безработицы, формированием диктаторских режимов на периферии мировой политики и т.д. и т.п.

В мусульманских странах набирал силу исламский фундаментализм; на Ближнем и Среднем Востоке нормой стал политический терроризм, который постепенно приобретал международный характер, распространяясь на все континенты. В этой связи ныне покойный Зб. Бжезинский, советник по национальной безопасности США при американском президенте-демократе Дж. Картере, констатировал: «Факторы, которые обусловили международную нестабильность в условиях кризиса и краха "разрядки" международной напряжённости и "второго издания" холодной войны, стали доминировать над силами, которые формировали в это время международное сотрудничество». Вероятно, предсказывал он, основные тенденции, определяющие социальные конфликты, политические разногласия, экономические кризисы и международный раскол, сохранятся до конца XX в. и, скорее всего, будут влиять на развитие международных процессов в XXI в. [6. P. 874]. Эти слова оказались пророческими.

Профессор истории и директор Центра по изучению проблем международной безопасности Йельского университета Пол Кеннеди предсказывал в этой связи распад «сверхдержав». Соединённые Штаты и Советский Союз переживали в процессе холодной войны геополитическое перенапряжение, что, в частности, мешало им противостоять торговой и технологической конкуренции со стороны других стран как в Европе, так и на Азиатском континенте и в Западном полушарии [7. P. XV]. Объективно этот процесс способствовал крушению «биполярного мира».

В условиях глобальных системных изменений на международной арене на рубеже XX–XXI вв. Соединённые Штаты вновь попытались реанимировать политику Pax Americana на принципах рыночной экономики, буржуазной государственности и демократии в масштабах всего мирового сообщества. В такой обстановке в правящих и академических кругах США обозначился либерально-консервативный консенсус, который стал основой американской внешней политики в годы первого президентства Б. Клинтона. Под влиянием этого феномена, утверждает американский автор Г. Дж. Айкенберри (Принстонский университет), администрация демократов стала отказываться от всех договоров времён холодной войны и «разрядки» международной напряжённости, дезавуируя тем самым ялтинско-потсдамские решения как основу послевоенной системы международных отношений и субъект международного права [8]. Скрытый смысл «неолиберальной» теории и практики администрации Б. Клинтона, подчёркивает американский автор Д. Дьюдни (Университет Джонса Хопкинса), заключался в стремлении официального Вашингтона в который уже раз в истории реализовать на практике идеи «американоцентризма» в международном масштабе [9].

Под силу ли было так называемому новому вильсонизму администрации Клинтона возродить «великую» либеральную идею? «Ортодоксы» теории и практики Pax Americana в «мозговых центрах» США (Фрэнсис Фукуяма, Збигнев Бзежинский, Джеймс Редвуд, Мильтон Фридман, Пол Кеннеди, Энн Слотер и др.) отвечают на этот вопрос положительно, рассчитывая с опорой как на «мягкую», так и «жёсткую» силу создать «однополярный» мир под эгидой США.

Б. Аксфорд, Д. Хелл, Д. Гольдблатт, Э. Макгрю, Дж. Перратон, Дж. Розенау, Э. Гилденс и некоторые другие американские историки, политологи и экономисты в целом разделяют оптимизм «ортодоксов», но при этом отвергают дорогостоящую политику с «позиций силы», призывая Белый дом вернуться к «великой» либеральной стратегии Вудро Вильсона. Формально эта точка зрения не исключала формирования многополярного мира.

Современные скептики (С. Хантингтон, П. Херст, Г. Томпсон, Дж. Филеен, Н. Фергюссон, Г. Киссинджер и др.) продлили внушительный список послевоенных критиков «великой» либеральной идеи, в начале которого стоят У. Липпман, Дж. Кеннан, Ч. Краутман. Они пренебрежительно называют внешнюю политику администрации демократов во главе с Б. Клинтоном «неовильсонианским импульсом», который, по их мнению, не способен сформировать экономическую и, тем более, политическую идентичность мирового сообщества под руководством США.

Всё вышесказанное подробно отражено в Программе спецкурса на отделении международных отношений Томского госуниверситета «Политика Pax Americana в теории и на практике», а также проанализировано в формате Moodle в рамках Электронного университета ТГУ [10].

ЛИТЕРАТУРА

1. Hook St.W. U.S. foreign policy: the paradox of world power. Kent State University, 2008. Ch. 1.
2. Полный перевод инаугурационной речи Дональда Трампа. URL: https://strana.ua/articles/istorii/51355-polnyj-perevod-inauguracionnoj-rechi-donalda-trampa.html
3. Богатуров А.Д. Истоки американского поведения. URL: http://globalaffairs.ru/number/n_4204
4. Конышев В.Н. Американский неореализм о природе войны: эволюция политической теории. СПб., 2004.
5. Gilpin R. The Rise of American Hegemony // Two Hegemonie's: Britain in 1846–1914 and the United States 1941–2001 / ed. be Patrick Karl O'Brien and Armand Clesse. Aldershot, 2002. P. 165–182.
6. 20-th Century international relations // Encyclopedia Britanica. Chicago, 1994. Vol. 21. P. 874.
7. Gilpin R. Op. cit. Introduction. P. XV.
8. Ikenberry G.J. Who Export Democracy?: The «Hidden Grand Strategy of American Foreign Policy» // The Wilson Quarterly. 1999. Vol. 23, № 2.
9. Айкенберри Дж., Дьюдни Д. Отступление от соглашений времён холодной войны. URL: http://globalaffairs.ru/number/n_14560
10. Pax Americana в теории и на практике // Электронный университет ТГУ: Moodle. URL: https://moodle.tsu.ru/course/view.php?id=288

Статья представлена научной редакцией «История» 24 августа 2017 г.

ANALYSIS OF PARADOXES OF THE PAX AMERICANA POLICY IN A HISTORICAL RETROSPECTIVE (DISCUSSIONS IN THE US THINK TANKS)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 424, 133–135.
DOI: 10.17223/15617793/424/18

Nikolai N. Sokolov, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: sokolov.nsokolov@yandex.ru
Irina Ye. Shebalkina, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: she_ir@mail.ru

Keywords: "new world order", "New Wilsonism", Realpolitik, "soft" power, "hard" power.

The authors of the article focus on the works of contemporary American historians, politicians and economists of neoliberal and neoconservative wings. The first develop the "great" liberal idea born during the war in times of the presidency of Woodrow Wilson as the basis of a one-polar world under the aegis of the USA with the support of "soft" power. The second stand for American national interests within the Pax Americana policy relying on the Realpolitik principle with the aim to present national interests of the USA on the international arena from the position of strength. The aim of the article is to track the evolutional change of ideological, military-political and economic paradigms of building the American world beginning with the interwar and afterwar ages till the present time. The change of these paradigms during this period happened not once and, as a rule, impulsively, which formed some typical paradoxes of the Pax Americana policy. These paradoxes, in their turn, provoked sharp interpolitical struggle within the American administration and caused broad academic discussions in the US think tanks. The article solves several main tasks: to reveal factors of local as well as foreign influence which conditioned paradoxical characteristics of the Pax Americana policy in the studied period. In the field of domestic policy these were mainly groups of interests within the "hard triangle" (the executive and legislative powers of the USA, American public opinion). Double game within the federal center and local administration of the country also played the role. The crisis and collapse of the policy of detente in the 1970s and the second period of the Cold war in the 1980s revealed the factors of outer influence connected with the complete destruction of the universal and institutional structures of postwar international relations. These processes were accompanied with growing economic, ecological, demographic, energetic and immigration problems causing the inception and development of international terrorism and Islamic fundamentalism. All these seemed to open new ways of implementing the Pax Americana policy. However, after the end of the Cold war during the formation of the "new world order" in the 20th–21st centuries the American administration and academic circles did not succeed in reaching consensus between neoliberals and neoconservatives. In the inaugural speech on 20 January 2016 the republican President D. Trump officially proclaimed the slogan: "To give America to Americans back!" Taking into account the long chain of paradoxes of the American foreign policy in the past, one can theoretically assume the possible refusal of the USA to use the Pax Americana policy. It will certainly contribute to the deepening of the processes of the formation of a multipolar world in the future.

REFERENCES

1. Hook, St.W. (2008) *U.S. foreign policy: the paradox of world power*. Ch. 1. Kent State University.
2. Strana.ua. (2016) *Polnyy perevod inauguratsionnoy rechi Donal'da Trampa* [Full translation of the inaugural speech of Donald Trump]. [Online] Available from: https://strana.ua/articles/istorii/51355-polnyj-perevod-inauguracionnoj-rechi-donalda-trampa.html.
3. Bogaturov, A.D. (2004) *Istoki amerikanskogo povedeniya* [The origins of American behavior]. [Online] Available from: http://globalaffairs.ru/number/n_4204.
4. Konyshev, V.N. (2004) *Amerikanskiy neorealizm o prirode voyny: evolyutsiya politicheskoy teorii* [American neo-realism about the nature of war: the evolution of political theory]. St. Petersburg: Nauka.
5. Gilpin, R. (2002) The Rise of American Hegemony. In: O'Brien, P.K. & Clesse, A. (eds) *Two Negemonie's: Britain in 1846–1914 and the United States 1941–2001*. Ashgate: Aldershot.
6. Encyclopedia Britannica. (1994) 20th-century international relations. In: *Encyclopedia Britannica*. Vol. 21. Chicago: Encyclopedia Britannica.
7. Gilpin, R. (2002) Introduction. In: O'Brien, P.K. & Clesse, A. (eds) *Two Negemonie's: Britain in 1846–1914 and the United States 1941–2001*. Ashgate: Aldershot.
8. Ikenberry, G.J. (1999) Who Export Democracy?: The "Hidden Grand Strategy of American Foreign Policy". *The Wilson Quarterly*. 23 (2).
9. Aikenberry, J. & Dudney D. (2010) *Otstuplenie ot soglasheniy vremen kholodnoy voyny* [Retreat from the agreements of the times of the Cold War]. Translated from English. [Online] Available from: http://globalaffairs.ru/number/n_14560.
10. Moodle.tsu.ru. (n.d.) *Pax Americana v teorii i na praktike* [The Pax Americana in theory and practice]. [Online] Available from: https://moodle.tsu.ru/course/view.php?id=288.

Received: 24 August 2017

Вестник Томского государственного университета. 2017. № 424. С. 136–144. DOI: 10.17223/15617793/424/19

УДК 902.2+902.699

А.А. Тишкин, В.В. Горбунов, Н.Н. Серегин

ТЮРКСКИЕ ОГРАДКИ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ПАМЯТНИКА БАЯН БУЛАГ-II В МОНГОЛЬСКОМ АЛТАЕ: РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ И КОМПЛЕКСНОГО АНАЛИЗА

Работа выполнена при финансовой поддержке РНФ (проект № 16-18-10033 «Формирование и эволюция систем жизнеобеспечения у кочевых социумов Алтая и сопредельных территорий в поздней Древности и Средневековье: комплексная реконструкция»), а также в рамках реализации гранта Правительства РФ (Постановление № 220), полученного ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет», договор № 14.Z50.31.0010, проект «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии».

Публикуются результаты комплексного изучения тюркских оградок, раскопанных в южной части Монгольского Алтая на археологическом памятнике Баян булаг-II. Представлена развернутая характеристика зафиксированных объектов и находок, а также осуществлена их культурно-хронологическая идентификация. Продемонстрированы полученные результаты рентгенофлюоресцентного анализа металлических предметов. Исследованный комплекс оградок отнесен к первой половине VII в. и связывается с периодом существования Восточно-тюркского каганата до подчинения этой кочевой державы танскому Китаю.

Ключевые слова: тюркские оградки; Монгольский Алтай; раннее Средневековье; рентгенофлюоресцентный анализ; комплексный анализ.

В последние десятилетия существенная часть новых научных материалов, демонстрирующих перспективы изучения раннесредневековой истории народов Центральной Азии, связана с результатами исследований на территории Монголии. Долгое время данный обширный регион оставался своего рода «белым пятном» на археологической карте Евразии, а имевшиеся сведения лишь фрагментарно отражали этнокультурные процессы, происходившие во второй половине I тыс. н.э.

Одним из факторов, повлиявших на изменение указанной ситуации, стала реализация экспедиционных проектов, которые зачастую выполнялись в рамках сотрудничества монгольских археологов со специалистами из разных зарубежных научно-исследовательских центров. Результатами таких совместных работ являются обнаруженные и раскопанные объекты периода раннего Средневековья. Среди них имеются погребальные и другие памятники, в том числе городища, демонстрирующие многообразие форм развития кочевой цивилизации. Однако количество всесторонне изученных тюркских оградок на территории Монголии по-прежнему остается незначительным. В большинстве случаев работы на них ограничиваются визуальными обследованиями и описаниями каменных изваяний. Между тем полноценное исследование таких комплексов позволяет получить важную историческую информацию. Ритуальные сооружения, включающие собственно каменные оградки прямоугольной формы, а также сопровождающие их объекты (изваяния, балбалы, жертвенники, «пристройки» и др.), являются важными элементами культуры тюрок. При этом они демонстрируют наиболее многочисленную группу археологических памятников, распространенных на обширных пространствах центрально-азиатского региона, маркируя границы объединений кочевников раннего Средневековья.

Возможности разноплановового изучения тюркских оградок в совокупности с сопровождающими объектами и обнаруженными находками представлены в существенном количестве публикаций, в том числе в некоторых обобщающих монографиях [1–3 и др.]. При этом очевидно, что информационный потенциал этого вида памятников еще далеко не исчерпан. К настоящему времени значительные перспективы имеет проведение точечных полевых исследований тюркских ритуальных комплексов в малоизученных частях центрально-азиатского региона, и прежде всего на территории Западной Монголии. Такой подход позволяет заполнить лакуны в имеющейся источниковой базе, дает возможность раскрыть особенности обрядовой практики отдельных групп номадов на конкретных территориях, а также способствует получению ценных сведений для реконструкции разных аспектов истории кочевников, весьма фрагментарно представленных в письменных материалах.

Начиная с 2007 г. системные фиксации и раскопки тюркских оградок на территории Монгольского Алтая осуществляются Буянтской российско-монгольской археологической экспедицией, в свое время созданной тремя университетами Барнаула, Ховда и Улаанбаатара [4]. Группа из четырех таких объектов исследована на памятнике Баян булаг-II, который располагается на террасе левого берега Буянта, в 24–25 км юго-западнее г. Ховда, в Ховдском аймаке Монголии. Археологический комплекс был выявлен в ходе сплошного обследования территории в одноименном урочище. Его изучение показало наличие разновременных археологических сооружений из камней. Кроме тюркских оградок зафиксированы херексуры с платформой, а также сооружения культового и ритуального характера. Всего отмечено 11 археологических объектов. Они располагаются к югу – юго-западу от огромных херексуров ближайшего комплекса Баян булаг-I, отделены с запада и востока логами, а с юга – поймой указанной реки. Исследования на памятнике осуществлялись в августе 2009 г. участниками Буянтской экспедиции. Сведения о результатах раскопок в виде материалов полевого отчета были представлены на монгольском языке [5, тал. 113–117, зур. 1–41].

В данной статье приводится обобщенная характеристика зафиксированных объектов и находок, дается их культурно-хронологическая идентификация и демонстрируются некоторые возможности комплексного анализа полученных источников.

Географические координаты тюркских оградок на памятнике Баян булаг-II зафиксированы с помощью GPS-приемника: N – 47° 55.701′, E – 091° 21.290′. Высота над уровнем моря получена тем же прибором и составила 1 591 м. Исследованы четыре каменных сооружения, ориентированные в ряд по линии Ю–С (с небольшим отклонением) и демонстрировавшие единый планиграфический комплекс. До раскопок они представляли собой слабо задернованные каменные конструкции подквадратной формы с довольно четко выраженными стенками. Зачистка позволила выявить сооружения, основой которых являлись вертикально установленные плиты (рис. 1–3).

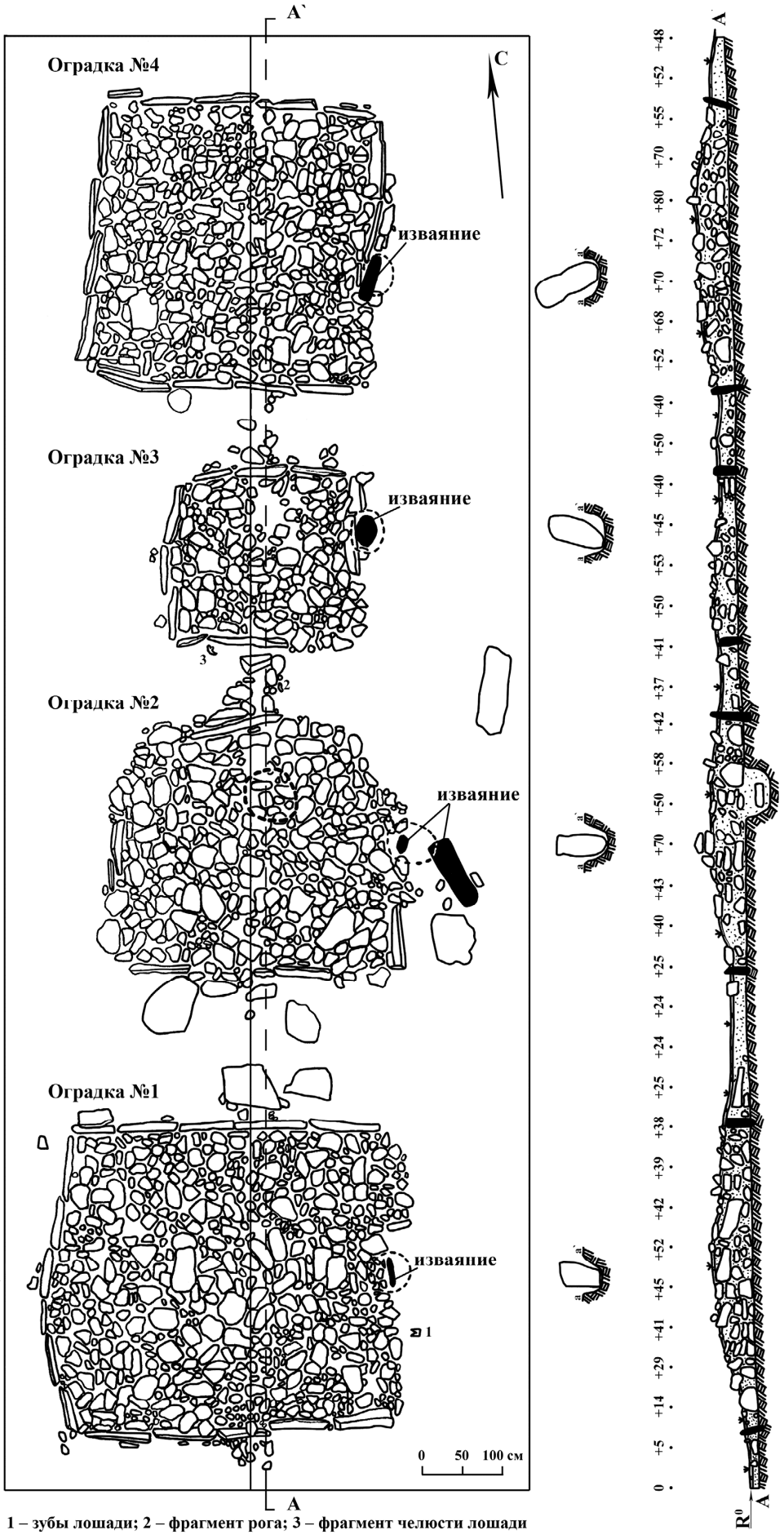
Оградка № 1 находилась в 1,8 м южнее объекта № 2 (рис. 2). Каждая из стенок состояла из пятишести плит. Средние размеры оградки – 4,1×3,9 м. С внешней стороны стенки сооружения были внизу забутованы мелкими и частично средними камнями. Внутреннее заполнение состояло из крупных, средних и мелких камней, образовывавших полусферическую выкладку до пяти слоев (рис. 3, *1*).

Изваяние-1, представляющее собой плоскую каменную плиту со следами обработки, было вкопано посередине у восточной стенки оградки. Верхняя часть скульптуры оказалась отбита. Найден ее фрагмент в виде обломанной во многих местах подпрямоугольной плитки. На лицевой широкой стороне выбито рельефное изображение лица человека (рис. 4): глаза, брови, Т-образный нос, щеки. С одной стороны сохранилась канавка, очерчивавшая контур головы. Нижняя часть изваяния вертикально стояла в яме округлой формы.

Оградка № 2 находилась в 0,85 м южнее следующего объекта № 3 (рис. 2). Сооружение оказалось довольно сильно разрушено. Его средние размеры составляли 3,5×3,2 м. Внутреннее заполнение из разных камней образовывало полусферическую выкладку до пяти слоев (рис. 3, *2*). У восточной стенки стояло вкопанное изваяние. В 0,25 м от северной стенки под камнями заполнения найден фрагмент рога со следами обработки. В центре сооружения (со смещением к северу) на уровне пола выявлена округлая яма, перекрытая плитой. В ней на глубине 0,12 м (от уровня материка) лежал плоский камень, выше которого найдена железная стамеска, а ниже – четыре золотые пластины с отверстиями и железное кольцо (рис. 5).

Изваяние-2 сделано из брусковидной каменной плиты. Его верхняя часть была сломана и лежала перед основанием. На одной из широких сторон выбито рельефное изображение лица человека: глаза, нос, линия подбородка. У изваяния намечены руки: правая согнута в локте и поднята к лицу, левая опущена к поясу. Нижняя часть «скульптуры» была вертикально установлена в яму овальной формы.

Рис. 1. Баян булаг-II. Общий вид на тюркские оградки после внешней зачистки



1 – зубы лошади; 2 – фрагмент рога; 3 – фрагмент челюсти лошади

Рис. 2. Баян булаг-II. План раскопа, его разрез по бровке, разрезы ям и изваяний

Рис. 3. Баян булаг-II. Тюркские оградки № 1–4 до изучения каменных конструкций

Оградка № 3 находилась в 0,85 м южнее следующего объекта № 4 (см. рис. 2). Каждая из стенок сооружения состояла из двух-трех плит. Средние размеры оградки 2,3×2,2 м. С внешней стороны стенки сооружения были внизу забутованы. Внутреннее заполнение состояло из камней разных размеров, образовавших полусферическую выкладку до трех слоев (рис. 3, *3*). Щели по углам конструкции оказались тщательно заделаны камнями. Внутри (у северной стенки) фиксировалось разрушение выкладки. У восточной стенки стояло вкопанное изваяние, а у южной, на уровне пола оградки, найден фрагмент нижней челюсти лошади.

Изваяние-3 сделано из брусковидного камня и было вертикально установлено в яму овальной формы (впоследствии сильно наклонилось вперед). На одной из широких сторон в верхней части «скульптуры» вырезано изображение лица человека с элементами рельефной подработки деталей. Широкой канавкой передан общий контур лица с бородой и прической.

Рис. 4. Баян булаг-II. Верхняя часть изваяния-1 у оградки № 1

В той же технике, но более мелко показаны брови, глаза, рот. Нос целиком рельефный. Изваяние лицом обращено к востоку.

Оградка № 4 – самая северная в ряду (см. рис. 2). Каждая из стенок сооружения состояла из четырехпяти плит. Средние размеры сооружения – 3,6×3,5 м. С внешней стороны стенки объекта внизу были забутованы мелкими и частично средними камнями. Внутреннее заполнение представляло собой каменную выкладку до пяти слоев (см. рис. 3, *4*). Щели по углам оказались тщательно заделаны камнями. У восточной стенки стояло вкопанное изваяние.

Изваяние-4 сделано из брусковидного камня. Оно было вертикально установлено в яму овальной формы (впоследствии сильно наклонилось на правый бок). На одной из широких сторон в верхней части скульптуры оформлено изображение лица человека, с элементами рельефной подработки деталей. Широкой канавкой передан общий контур лица с бородой и прической. Аналогично показаны глаза, асимметрично-ромбический нос, усы, рот. Менее четко изображен ворот верхней одежды. Изваяние лицом обращено к востоку.

Неподалеку от исследованных оградок обнаружен камень, выделявшийся на современной поверхности. Учитывая характерные размеры и форму, он может быть отнесен к балбалам, которые не фиксировались у объектов изученного комплекса.

Исследованные тюркские оградки памятника Баян булаг-II демонстрируют традицию возведения сооружений, зафиксированных на обширных территориях. Такие объекты соотносятся с историческими реалиями второй половины I тыс. н. э. Полученные материалы находят многочисленные аналогии, наиболее близкие из которых отмечены в памятниках Горного Алтая [1]. Как и большинство подобных объектов, раннесредневековые конструкции Баян булага-II были созданы на площади погребально-поминальных комплексов более раннего времени. Судя по имеющимся материалам, четырехугольные и рядом стоящие оградки с изваяниями, внутри которых в отдельных случаях выявлены «жертвенные» ямки, сооружались на протяжении довольно длительного хронологического периода – со второй половины V до VIII в. [3. С. 68–69].

Изваяния комплекса Баян булаг-II, зафиксированные у оградок № 1, 3 и 4, представляют собой стелы с личинами, и лишь изваяние, стоявшее у оградки № 2, по оформлению ближе к скульптуре. Похожие изваяния с личинами изучены на комплексе Яломан-VII в

Горном Алтае, который по найденным удилам и конструктивным особенностям датируется кудыргинским этапом в развитии тюркской культуры (вторая половина VI – первая половина VII в.) [6. С. 97]. Очевидно, оградки комплекса Баян булаг-II были сооружены в период, когда только начался переход от изваяний с личинами к объемной скульптуре (видимо, ближе к середине VII в.). Такую датировку памятника подтверждает анализ находок золотых пластинок с отверстиями, полученных в ходе раскопок тюркских оградок на Баян булаге-II (рис. 5). Эти предметы, вероятнее всего, представляли собой нашивки на ткань или кожу. Следует подчеркнуть, что подобные изделия ранее не фиксировались при исследовании «рядовых» тюркских памятниках на территории Монголии. Обнаруженные в оградке № 2 золотые нашивки имеют аналогии в материалах археологического комплекса Чадыр (Горный Алтай), датируемого второй половиной VII – первой половиной VIII в. [1. Табл. XLVI.-2].

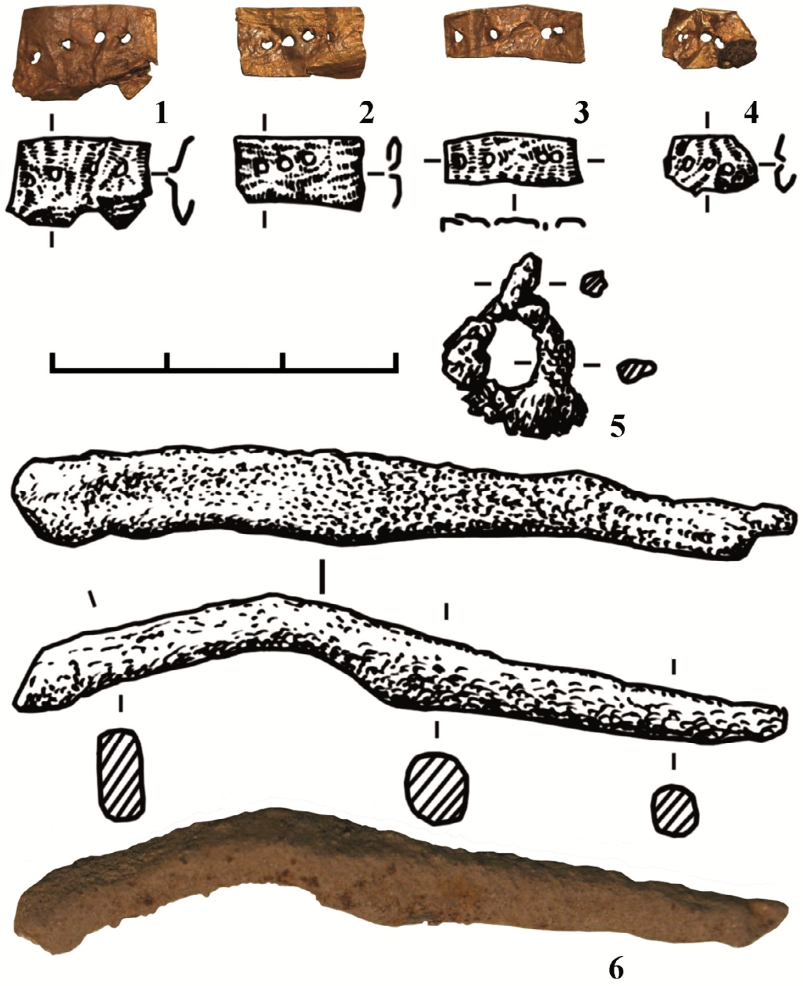


Рис. 5. Баян булаг-II. Золотые (*1–4*) и железные (*5–6*) изделия из ямы в оградке № 2

Приводимые находки из цветного металла исследовались с помощью портативного рентгенофлюоресцентного спектрометра ALPHA SERIES^{TM} (модель Альфа-2000, США). Первым изучалось самое крупное изделие (нашивка № 1) из тонкой фольги аморфной (ближе к трапециевидной) формы (рис. 5, *1*). Его длина по центру составляет 1,15 см, ширина – 0,8 см. Пластина имеет четыре отверстия и следы деформации (один край помят, есть обрывы). Результаты тестирования поверхности выглядят следующим образом: Au (золото) – 88,59%; Ag (серебро) – 9,28%; Fe (железо) – 1,17%; Cu (медь) – 0,96%. В данном перечне довольно необычным выглядело повышенное содержание предпоследнего элемента (Fe). Поэтому был проведен дополнительный анализ на участке золотого изделия, где слегка был удален налет видимых загрязнений. Зафиксированы следующие данные: Au – 89,81%; Ag – 9,01%; Cu – 0,86%; Fe – 0,32%. Полученные показатели немного изменились количественно, но качественный набор элементов остался прежним. Важным является то, что железо (Fe), по всей видимости, не входит в состав основного металла, а демонстрирует свое присутствие в поверхностном слое, что связано с распространившимися окислами от найденного рядом железного предмета.

Следующей изучалась подпрямоугольная пластина (нашивка № 2) длиной 1,1 см и шириной 0,6 см. Она также имеет отверстия (3 шт.), сделанные в один неровный ряд (рис. 5, *2*). Длинные края фольги завернуты вовнутрь. На одной стороне полоса оказалась полностью загнута, а на другой отошла. Рентгенофлюоресцентный анализ центральной части поверхности

продемонстрировал такие результаты: Au – 88,77%; Ag – 9,28%; Cu – 1,15%; Fe – 0,81%. В данном перечне показателей наличие железа также потребовало дополнительного тестирования. Поэтому небольшой участок специально очищался от налета. Эта процедура позволила выявить состав предмета, наиболее близкий к реальному: Au – 89,11%; Ag – 9,44%; Cu – 1,45%.

Третья нашивка подпрямоугольной формы, длиной 1,15 см и шириной 0,4 м, имеет четыре отверстия, расположенных попарно на краях, но с разной степенью сближения друг к другу (см. рис. 5, *3*). Края ее неровные, видны помятости. Сведения о составе получены с поверхности пластины без удаления загрязнений: Au – 89,21%; Ag – 9,19%; Cu – 0,95%; Fe – 0,65%.

Следующее изделие из золота (см. рис. 5, *4*) оказалось прикипевшим к железному предмету в виде маленького колечка диаметром 0,9 см (см. рис. 5, *5*), которое просматривалось при зачистке и сохранилось лишь в виде сильно окислившихся и рассыпавшихся фрагментов. Длина деформированной нашивки № 4 с тремя отверстиями составляла 0,8 см, ширина – 0,45 см. Первый результат рентгенофлюоресцентного анализа оказался следующим: Au – 84,46%; Ag – 8,61%; Cu – 4,74%; Fe – 5,19%. Эти данные заставили продублировать исследование в месте механического удаления заметного налета на краю изделия. Второй результат оказался ближе к реальности: Au – 88,91%; Ag – 9,92%; Cu – 1,17%. Он также демонстрирует отсутствие железа.

Показатели химического состава пластин, полученные с помощью спектрометра, довольно близки друг другу. Такое обстоятельство может свидетельствовать о том, что все они сделаны из одного исходного материала. Полученные данные отражают высокое содержание основного компонента (золота) в полосках фольги. Наличие серебра и меди демонстрирует характерные сопутствующие элементы. Предварительно можно сделать вывод, что выявленный состав нашивок свидетельствует о том, что они сделаны из одного небольшого самородка или нескольких маленьких самородков одного происхождения. Исходя из контекста обнаруженных предметов, в исследованной оградке № 2 комплекса Баян булаг-II мог находиться мешочек или ремешок, украшенный нашивками из золотой фольги.

Для сравнительного анализа была предпринята попытка исследования самородного золота, которое в нынешнее время кустарно добывается местными жителями в долине р. Бодонч (Монгольский Алтай) [7. С. 95]. В результате удалось осуществить тестирование одного маленького слитка с двух сторон. Получены следующие поэлементные ряды: 1) Au – 98,52%; Fe – 1,06%; Cu – 0,42%; 2) Au – 96,58%; Fe – 2,94%; Cu – 0,48%. Они демонстрируют высокопробное золото, отличающееся от того, которое использовалось для изготовления нашивок, найденных в тюркской оградке комплекса Баян булаг-II. Повышенное содержание железа, возможно, отражает присутствие совсем маленького камня в исследованном образце. Хотя, как показывает опыт, такой элемент может и реально сопровождать самородное золото. В данном случае рентгенофлюоресцентный анализ показал, что нашивки были сделаны не из местного сырья.

Второй предмет из железа, обнаруженный в ходе раскопок оградки № 2 комплекса Баян булаг-II, представляет собой стамеску с прямым округлым стержнем и серповидно изогнутой рабочей частью прямоугольного сечения, заканчивающейся лезвием (см. рис. 5, *6*). Длина изделия – 6,8 см, ширина в центре – 0,8 см, максимальная толщина – 0,7 м. Аналогичные инструменты деревообработки известны в материалах различных культур Евразии с середины I тыс. до н.э. по конец I тыс. н.э. Ближайшие орудия подобного назначения найдены в могильниках булан-кобинской культуры Горного Алтая III–V вв. н.э. [8. С. 50–51, рис. 1, *5–6*; 3, *1–8*]. Судя по фиксируемым характеристикам, изделие может представлять собой радиусную стамеску для выборки углублений в деревянных поделках.

Таким образом, на основании изученных характерных конструкций, а также информации об обнаруженных предметах комплекс оградок, раскопанный на памятнике Баян булаг-II, следует уверенно соотносить с культурой тюрок. Анализ археологических материалов позволяет датировать исследованные ритуальные объекты в рамках VII в. В истории тюрок Центральной Азии это столетие было наполнено разными событиями. В частности, указывается на нестабильность положения объединений кочевников. Из письменных источников известно, что в конце VI в. Первый тюркский каганат вступил в период длительного кризиса, связанного с междоусобицами в империи, активным вмешательством правительства китайской династии Суй в противоборство представителей клана Ашина и неудачами тюрок во внешней политике. Негативным фактором стали также несколько лет джута (падеж скота). Все это привело к обострению противоречий внутри тюркского общества. В результате междоусобной войны империя разделилась на две части – Восточнотюркский каганат (604–630 гг.) в Монголии и Западнотюркский каганат (604–657 гг.) в Джунгарии и Средней Азии. Эти державы также оказались недолговечными и позднее пали под ударами китайского государства династии Тан.

В связи с тем что Монгольский Алтай представлял собой северо-западную окраину Восточнотюркского каганата, а также находился в отдалении от политических и культурных центров Китая, в письменных источниках содержится крайне мало информации об истории проживавшего там населения. Поэтому изучение археологических комплексов имеет определяющее значение при реконструкции этносоциальных процессов и системы жизнедеятельности в регионе. Судя по обозначенному историческому контексту, ритуальный комплекс Баян-булаг-II мог быть возведен кочевниками Восточнотюркского каганата до их подчинения Поднебесной империи. На территории Монгольского Алтая известны и другие памятники того времени, соотносимые с кудыргинским этапом в развитии тюркской культуры (вторая половина VI – первая половина VII вв.). Наиболее ярким объектом является ритуальный комплекс Хар-Ямаатын-Гол, включавший оградку с валом и рвом, а также реалистичное изваяние. Сооружение данного памятника,

судя по полученным археологическим материалам, а также результатам дендрохронологического анализа, относится к середине VII в. [9. С. 127–128]. Еще один объект рассматриваемого периода исследован авторами настоящей статьи на памятнике Годон-Гол-IV. Несмотря на почти полное отсутствие находок, данный комплекс имеет ряд конструктивных особенностей, характерных для сооружений кудыргинского этапа тюркской культуры [10. С. 101–103, рис. 1].

Дальнейшие раскопки тюркских ритуальных памятников на территории Монгольского Алтая, а также обобщение уже полученных результатов позволят существенно расширить имеющиеся представления об особенностях историко-культурного развития населения периода раннего Средневековья в этой части Центральной Азии. Важно также подчеркнуть перспективы, связанные с комплексным исследованием материалов из таких объектов. Последовательная реализация данного подхода позволит приблизиться к реконструкции различных составляющих частей системы жизнеобеспечения объединений номадов, входивших в состав кочевых империй второй половины I тыс. н. э.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кубарев В.Д. Древнетюркские изваяния Алтая. Новосибирск : Наука, 1984. 230 с.
2. Досымбаева А. Западный Тюркский каганат. Культурное наследие казахских степей. Алматы : Тюркское наследие, 2006. 168 с.
3. Серегин Н.Н., Шелепова Е.В. Тюркские ритуальные комплексы Алтая (2-я половина I тыс. н.э.): систематизация, анализ, интерпретация. Барнаул : Азбука, 2015. 168 с.
4. Тишкин А.А., Эрдэнэбаатар Д. Первые результаты Буянтской археологической экспедиции // Алтае-Саянская горная страна и история освоения ее кочевниками. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2007. С. 165–168.
5. Тишкин А.А., Горбунов В.В., Эрдэнэбаатар Д., Мунхбаяр Ч. Буянт голын сав дахь турэгийн тахилгын байгууламжийн малтлага судалгаа // Туухийн товчоон. 2010. Т. V. Т. 111–158 (на монг. яз.).
6. Горбунов В.В., Тишкин А.А. Тюркские оградки памятника Яломан-VII (Центральный Алтай) // Теория и практика археологических исследований. 2013. № 2 (8). С. 82–99.
7. Тишкин А.А. Изучение золотых и позолоченных изделий с помощью рентгенофлюоресцентных спектрометров (по материалам древних и средневековых памятников археологии Алтая и сопредельных территорий) // Древние культуры Монголии, Байкальской Сибири и Северного Китая. Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2016. Т. 2. С. 92–99.
8. Соенов В.И., Константинова Е.А. Деревообрабатывающие инструменты из могильника Верх-Уймон (Алтай) // Теория и практика археологических исследований. 2013. № 2 (8). С. 42–57.
9. Кубарев Г.В. Погребальные памятники древних тюрок в долине р. Хар-Ямаатын-гол (Северо-Западная Монголия) // Археологические вести. 2016. № 22. С. 115–129.
10. Тишкин А.А., Горбунов В.В., Серегин Н.Н., Мухарева А.Н., Мунхбаяр Ч.Б. Результаты археологических исследований на территории Монгольского Алтая в 2015 году // Древние культуры Монголии, Байкальской Сибири и Северного Китая. Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2016. Т. 2. С. 100–106.

Статья представлена научной редакцией «История» 2 мая 2017 г.

TURKIC ENCLOSURES OF THE BAYAN BULAG-II ARCHAEOLOGICAL SITE IN THE MONGOLIAN ALTAI: RESULTS OF RESEARCH AND COMPLEX ANALYSIS

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 424, 136–144.
DOI: 10.17223/15617793/424/19

Aleksey A. Tishkin, Altai State University (Barnaul, Russian Federation) E-mail: tishkin210@mail.ru
Vadim V. Gorbunov, Altai State University (Barnaul, Russian Federation) E-mail: gorbunov@hist.asu.ru
Nikolai N. Seregin, Altai State University (Barnaul, Russian Federation) E-mail: nikolay-seregin@mail.asu.ru

Keywords: Turkic enclosures; Mongolian Altai; early Middle Ages; X-ray fluorescence analysis; complex analysis.

The article presents the results of a comprehensive analysis of the Turkic enclosures unearthed at the Bayan Bulag-II site, located near the Khovd town in the southern part of the Mongolian Altai. The study of stone enclosures as part of ritual complexes characterizing the variety of the nomadic civilization is topical for identifying the features of the Turkic culture. The aim of the article is to give a generalized cultural and chronological description of the Bayan Bulag-II ritual objects for further objective reconstruction of the features of the ritual practice of certain nomad groups in the Mongolian Altai. The source of the research is the materials of new excavations conducted by the universities of Barnaul, Khovd and Ulaanbaatar, as well as diverse information about Turkic enclosures in adjacent territories. For the disclosure of the historical context, written sources of the era of the Turkic Khaganate were used. The work is based on the implementation of an integrated approach, which involves the use both traditional methods of archaeological research and the possibilities of natural sciences. The conducted research gives grounds for the following conclusions. Analysis of structural characteristics of enclosures and features of the design of stone statues excavated in the valley of the Buyant river allowed to determine the time of the creation of the complex within the 7th century AD. The dating is confirmed by analogies with ritual constructions and their object complexes on the territory of the Altai Mountains. The Bayan Bulag-II site, demonstrating the Turkic tradition of ritual enclosures, reflects the realities of the historical past. X-ray fluorescence analysis of the detected metal products, carried out with the help of a portable spectrometer, made it possible to establish an almost identical chemical composition of the fixed objects from gold, and also to compare these results with the indicators of the modern sample studied. It is possible that all the finds are made from one small nugget or from several small nuggets of similar origin. Probably, in the investigated fence no. 2 there was a product of organic material decorated with gold stripes. Comparison of archaeological materials and information from written sources suggests that the investigated complex could be built by the population of the East Turkic Khaganate before the subordination of this nomadic empire to Tang China. The obtained results of the analysis of the Bayan Bulag-II ritual objects specify the spatial and chronological boundaries of the nomadic habitats on the little-studied territory of the Mongolian Altai, expand the information possibilities of discovering the historical and cultural potential of the nomadic world in this part of Central Asia during the early Middle Ages.

REFERENCES

1. Kubarev, V.D. (1984) *Drevnetyurkskie izvayaniya Altaya* [Ancient Turkic sculptures of Altai]. Novosibirsk: Nauka.
2. Dosymbaeva, A. (2006) *Zapadnyy Tyurkskiy kaganat. Kul'turnoe nasledie kazakhskikh stepey* [Western Turkic Khaganate. Cultural heritage of the Kazakh steppes]. Almaty: Tyurkskoe nasledie.
3. Seregin, N.N. & Shelepova, E.V. (2015) *Tyurkskie ritual'nye kompleksy Altaya (2-ya polovina I tys. n.e.): sistematizatsiya, analiz, interpretatsiya* [Turkic ritual complexes of Altai (2nd half of I millennium AD): systematization, analysis, interpretation]. Barnaul: Azbuka.
4. Tishkin, A.A. & Erdenebaatar, D. (2007) Pervye rezul'taty Buyantskoy arkheologicheskoy ekspeditsii [he first results of the Buyant archeological expedition]. In: Nevinskiy, V.V. & Tishkin, A.A. (eds) *Altae-Sayanskaya gornaya strana i istoriya osvoeniya ee kochevnikami* [Altai-Sayan mountainous country and the history of its development by nomads]. Barnaul: Altai State University.
5. Tishkin, A.A., Gorbunov, V.V., Erdenebaatar, D. & Munkhbayar, Ch. (2010) Buyant golyn sav dakh' turegiyn takhilgyn bayguulamzhiyn maltlaga sudalgaa. *Tuukhiyn tovchoon*. V. pp. 111–158. (In Mongolian).
6. Gorbunov, V.V. & Tishkin, A.A. (2013) Tyurkskie ogradki pamyatnika Yaloman-VII (Tsentral'nyy Altay) [Turkic enclosures of the monument Yaloman-VII (Central Altai)]. *Teoriya i praktika arkheologicheskikh issledovaniy*. 2 (8). pp. 82–99.
7. Tishkin, A.A. (2016) Izuchenie zolotykh i pozolochennykh izdeliy s pomoshch'yu rentgenoflyuorestsentnykh spektrometrov (po materialam drevnikh i srednevekovykh pamyatnikov arkheologii Altaya i sopredel'nykh territoriy) [The study of gold and gold-plated articles using X-ray fluorescence spectrometers (based on ancient and medieval archaeological monuments of Altai and adjacent territories)]. In: Mandryk, P.V. (ed.) *Drevnie kul'tury Mongolii, Baykal'skoy Sibiri i Severnogo Kitaya* [Ancient cultures of Mongolia, Baikal Siberia and Northern China]. Vol. 2. Krasnoyarsk: SFU. pp. 92–99.
8. Soenov, V.I. & Konstantinova, E.A. (2013) Derevoobrabatyvayushchie instrumenty iz mogil'nika Verkh-Uymon (Altay) [Woodworking tools from the burial ground of Verkh-Uymon (Altai)]. *Teoriya i praktika arkheologicheskikh issledovaniy*. 2 (8). pp. 42–57.
9. Kubarev, G.V. (2016) Pogrebal'nye pamyatniki drevnikh tyurok v doline r. Khar-Yamaatyn-gol (Severo-Zapadnaya Mongoliya) [Burial monuments of ancient Turks in the valley of the river Khar-Yamaatyn-gol (North-Western Mongolia)]. *Arkheologicheskie vesti*. 22. pp. 115–129.
10. Tishkin, A.A. et al. (2016) Rezul'taty arkheologicheskikh issledovaniy na territorii Mongol'skogo Altaya v 2015 godu [Results of archaeological research on the territory of the Mongolian Altai in 2015]. In: Mandryk, P.V. (ed.) *Drevnie kul'tury Mongolii, Baykal'skoy Sibiri i Severnogo Kitaya* [Ancient cultures of Mongolia, Baikal Siberia and Northern China]. Vol. 2. Krasnoyarsk: SFU. pp. 100–106.

Received: 02 May 2017

Вестник Томского государственного университета. 2017. № 424. С. 145–153. DOI: 10.17223/15617793/424/20

УДК 329.042(471.55) «1949»

А.Н. Федоров

«ДЕЛО ЧЕЛЯБИНСКОГО КОМСОМОЛА» 1949 г.: О РАБОТЕ РЕГИОНАЛЬНЫХ КОМИТЕТОВ ВЛКСМ В ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД

На примере деятельности Челябинского обкома ВЛКСМ рассмотрены основные проблемы, с которыми региональные комитеты комсомола столкнулись в послевоенный период. Показано, что из-за дефицита материальных и кадровых ресурсов и ослабления контроля со стороны центра комсомольские органы плохо справлялись со своей работой. Особое внимание уделено позиции партийного руководства региона, которое скрывало от высших органов реальное положение в комсомоле. Сделан вывод о том, что серьезные подвижки в работе комсомольских органов начались только в 1949 г., когда центр усилил контроль над регионами и провел кадровые чистки. «Дело челябинского комсомола» оказалось первым и наиболее резонансным эпизодом в череде этих чисток.

Ключевые слова: комсомол; кадровые чистки; партийные органы; послевоенный период; Челябинская область; ЦК ВЛКСМ.

Исследования по истории ВЛКСМ занимают в современной российской историографии далеко не последнее место: ежегодно появляются новые научные статьи, диссертации и монографии, так или иначе касающиеся комсомола. Обычно эти работы посвящены таким традиционным сюжетам, как история региональных организаций ВЛКСМ, участие молодежи в развитии народного хозяйства и деятельность комсомола в годы Великой Отечественной войны [1–4]. Но все больше историков привлекают и новые сюжеты, например, политическая культура комсомольцев и протестные настроения советской молодежи [5–7]. А вот структура и кадры комсомольских комитетов, их повседневная деятельность и взаимодействие с партийными и государственными органами редко становятся предметом научных изысканий [8, 9]. И этот пробел особенно заметен в исследованиях послевоенного времени, которое оказалось для комсомола не менее трудным, чем военное.

Цель статьи – обозначить основные проблемы, с которыми региональные комитеты ВЛКСМ столкнулись в своей работе в начале послевоенного периода. Сделать это можно на примере Челябинского обкома ВЛКСМ, вокруг которого в 1949 г. разгорелся скандал, наглядно показавший состояние послевоенного комсомола и повлекший за собой не только серьезные кадровые перестановки в регионе, но и ощутимые перемены в работе центра. Вслед за современниками данный случай можно назвать «делом челябинского комсомола», что вполне соответствует современной историографической традиции [10. С. 198–318].

В послевоенные годы отношение высшего руководства СССР к ВЛКСМ было таким же, как и прежде: союзной молодежи отводилась роль помощника партии в хозяйственной и общественно-политической жизни страны. Однако по сравнению с военным временем от комсомола стали настойчивее требовать улучшения организационной и идейно-политической работы. Под первой подразумевали увеличение численности комсомольцев, отчетность и выборность комсомольских органов, а под второй – политическое просвещение молодежи и ее вовлечение в идеологические и хозяйственные кампании [11. Л. 76–112]. Воплощать все эти установки партии должны были местные комсомольские органы, однако в своей работе они столкнулись со значительными трудностями.

Прежде всего комсомолу не хватало материальных ресурсов. В послевоенное время бюджеты региональных комитетов комсомола постепенно росли. Например, расходы Челябинского обкома ВЛКСМ, утвержденные центром, за два послевоенных года увеличились в 1,5 раза. Однако комсомольский бюджет наполнялся в основном за счет членских взносов, которые поступали отнюдь не в полном объеме и очень неравномерно: в 1946 г. собрали 80,1% запланированной суммы, в 1947 г. – 90,2%, в 1948 г. – 85,8%, причем в конце года взносов поступало обычно в 2–3 раза больше, чем в начале [12. Л. 22; 13. Л. 98]. Приходилось задерживать зарплату, экономить на канцелярии, командировках и даже важных организационных мероприятиях. А на литературу для сети политпросвещения и транспорт, особенно необходимый для сельских районов, средств почти не выделяли. Комсомольские комитеты, в том числе и региональные, не имели какого-либо веса в системе власти, поэтому для решения многочисленных материальных вопросов им приходилось обращаться не иначе как в ЦК ВЛКСМ и партийные органы или же просить о помощи хозяйственных руководителей.

Невелики были и организационные возможности комсомольских органов. Так, на Челябинскую областную организацию, насчитывавшую примерно 100 тыс. комсомольцев, приходилось всего 515 ответственных работников: 34 в обкоме, 296 в горкомах и райкомах, 185 комсоргов и секретарей комитетов. При этом только Челябинский, Магнитогорский и Миасский горкомы ВЛКСМ насчитывали по 13 работников, а все остальные городские и районные комитеты – по 4–5 [14. Л. 13–15]. И этого, по признанию самих работников, хватало лишь на то, чтобы составлять отчеты, эпизодически вести учет комсомольцев и кое-как собирать членские взносы. А вот организовать политическую учебу и социалистическое соревнование или хотя бы интересный досуг для молодежи – на это сил у райкомов и многих горкомов уже недоставало. Впрочем, проблема усугублялась еще и тем, что даже столь мизерные штаты комсомольских органов не всегда были укомплектованы.

Скромные зарплаты[1], отсутствие доплат, служебного жилья и каких-либо привилегий в снабжении мало кого привлекали на комсомольскую работу. В годы войны проблему решали за счет эвакуирован-

ных кадров и мобилизации коммунистов. Но масштабная реэвакуация 1944–1946 гг. вновь обострила кадровый дефицит. Новых работников пытались подбирать из демобилизованных фронтовиков, студентов и молодых рабочих, но это удавалось не всегда и брать приходилось всех, кто давал согласие [9. С. 48–61; 15. Л. 14–15, 23–23 об.]. В результате подобного «подбора» качество комсомольских кадров ухудшилось даже по сравнению с военным временем. Прежде всего ухудшился их образовательный уровень. Так, в Челябинской области в 1945–1948 гг. доля первых секретарей комитетов комсомола с высшим и незаконченным высшим образованием уменьшилась с 22,8 до 13,8%, а с низшим и неполным средним образованием увеличилась с 26,3 до 29,3%. Такая ситуация наблюдалась и в других регионах [9. С. 73–74]. А вот другой важный показатель – время пребывания в должности – остался почти неизмененным: 59–65% секретарей занимали свой пост менее года [16. Л. 73; 17. Л. 12]. Но это означает, что новоиспеченные секретари либо вообще не умели руководить, либо только начали осваивать искусство управления.

Слабую подготовку комсомольских кадров пытались компенсировать их обучением и контролем над ними. Что касается обучения, то еще в октябре 1944 г. открылась Центральная комсомольская школа, в июне 1945 г. – курсы секретарей обкомов и горкомов ВЛКСМ, а с августа 1946 г. комсомольские отделения и курсы переподготовки появились во всех региональных партийных школах [18. С. 5–9; 19. Л. 1–5]. Но положительный результат эти меры дали только спустя несколько лет. В той же Челябинской области тенденция к увеличению доли секретарей горкомов и райкомов ВЛКСМ с высшим профессиональным и политическим образованием обозначилась только к концу 1950 г. Поэтому главным способом улучшения работы местных органов стал контроль центра.

В послевоенные годы, как и прежде, основной формой контроля ЦК ВЛКСМ были различные проверки. Плановые намечались заранее и касались всей работы регионального комитета, текущие обычно сводились к проверке исполнения ранее принятых решений, а срочные проводились тогда, когда до центра доходили «сигналы» о каких-либо «недостатках» на местах. Вместе с этим ежегодно проводились ревизии финансово-хозяйственной деятельности местных органов. А чтобы проверки были регулярными, в августе 1946 г. в ЦК ВЛКСМ учредили должности контролеров, за каждым из которых закреплялись комсомольские организации какой-либо союзной республики или региона [20. Л. 2–3].

Казалось бы, при такой системе контроля местному руководству трудно было скрывать от центра свои промахи. Особенно это касалось Челябинского обкома ВЛКСМ. Ведь в июле 1944 г. ЦК ВЛКСМ принял постановление «О крупных недостатках и ошибках в работе Челябинского обкома ВЛКСМ по воспитанию комсомольских кадров» и летом 1945 г. проверил его выполнение. А в 1946 г. ЦК ВЛКСМ еще дважды и весьма обстоятельно обсуждал работу обкома [21. Л. 4–5; 22. Л. 13–15; 23. Л. 8–10]. Однако в 1947–1948 гг. ситуация изменилась: ЦК ВЛКСМ стал реже заслушивать отчеты региональных комитетов и плотно занимался подготовкой 30-летнего юбилея и XI съезда комсомола (предыдущий был в 1936 г.). Именно поэтому в Челябинск наведывались только финансовые ревизоры и работники ЦК, проверявшие лишь исполнение решений.

Неприятности обходили стороной Челябинский обком комсомола еще и потому, что его руководитель был на хорошем счету у центра. Александр Яковлевич Борисов работал в обкоме с июля 1943 г., сначала секретарем по кадрам, затем вторым, а с августа 1946 г. первым секретарем, крупных ошибок не допускал и считался весьма опытным работником. К тому же в аппарате ЦК ВЛКСМ в то время работали его коллеги по обкому: С.И. Колесников (первый секретарь в 1944–1946 гг.), Е.М. Соколова (секретарь по пропаганде в 1944–1946 гг.), С.И. Сурниченко (секретарь по кадрам в 1946 г. и второй секретарь в 1946–1947 гг.). И наверняка они помогали своему соратнику, оставшемуся в Челябинске. Кроме того, в октябре 1948 г. А.Я. Борисова одного из немногих наградили орденом Ленина «за активную работу… в деле коммунистического воспитания молодежи». Поэтому неудивительно, что когда в августе 1948 г. в ЦК ВЛКСМ узнали о проблемах в областной организации (сократился прием в комсомол, запущен учет комсомольцев, возросла задолженность по членским взносам), то жестких мер не последовало. Ведь отмеченный доверием А.Я. Борисов легко убедил первого секретаря ЦК ВЛКСМ Н.А. Михайлова в том, что быстро исправит критическое положение [24. Л. 146–149; 25. Л. 3, 10, 18].

Наряду с ЦК ВЛКСМ работу региональных комитетов комсомола должны были направлять и партийные органы, но они из-за перегруженности хозяйственными и прочими делами практически не занимались этим. На заседаниях бюро Челябинского обкома партии вопросы комсомола рассматривались редко, и, как правило, они касались утверждения кадров или проведения пленумов. Порой разбирали и важные проблемы, но происходило это либо с подачи ЦК ВЛКСМ, либо в связи с чрезвычайными происшествиями. Так, в июле 1946 г. обком партии решил усилить политико-воспитательную работу с молодежью лишь после того, как органы МГБ арестовали участников тайного студенческого литературного общества «Снежное вино». А вопрос о растущей задолженности по комсомольским взносам обком партии обсудил в ноябре 1947 г. после личной просьбы Н.А. Михайлова [26. Л. 50–53; 27. Л. 76–81]. Впрочем, один раз партийное руководство области само проявило инициативу. В июне 1948 г. впервые за четыре года вопрос о работе комсомольской областной организации обсудили на пленуме обкома партии. Хотя, как показала последующая проверка, многие партийные органы попросту проигнорировали указания этого пленума [28. Л. 79–83].

Вообще партийное руководство, аккуратно исполняя ритуалы, связанные с комсомолом, практически не вникало в его проблемы. Здесь показателен пример первого секретаря Челябинского обкома ВПК(б) А.А. Белобородова, который посещал все конферен-

ции и многие пленумы обкома комсомола и никогда не упускал возможности рассказать о роли комсомольцев в послевоенной пятилетке. Но за четыре года секретарства он лишь один раз, в сентябре 1947 г., и то по просьбе А.Я. Борисова, собрал секретарей горкомов и райкомов ВЛКСМ. Они рассказали о всех своих бедах, но ни внятного совета, ни реальной помощи от руководителя области так и не добились [29. Л. 28–56]. Ведь хлопоты о комсомоле А.А. Белобородов с самого начала переложил на А.Я. Борисова, которого хорошо знал еще с военной поры и которому полностью доверял, а в молодежные дела вмешивался только в самом крайнем случае.

В такой ситуации, когда комсомольцам приходилось рассчитывать в основном на собственные скромные силы, многое зависело от обкома комсомола. В 1944–1946 гг. в Челябинске работала вполне слаженная и опытная команда секретарей, в которую вошли С.И. Колесников, В.Г. Зайцев, А.Я. Борисов, Е.М. Соколова, А.Д. Зверев и М.Ф. Мещерский. Но вскоре руководство обкома радикально обновилось. Дело в том, что после завершения войны активизировался процесс перевода перспективных кадров на работу в центральный аппарат. Эта тенденция не обошла стороной и Челябинск. Уже летом 1946 г. в ЦК ВЛКСМ «забрали» Колесникова и Соколову, а Зверева направили заместителем директора в «Артек». Борисов тогда возглавил обком, Мещерский стал отвечать за кадровую работу, а новыми секретарями назначили С.И. Сурниченко (первый секретарь Златоустовского горкома), О.П. Олиференко (руководитель лекторской группы обкома) и М.Е. Колесников (первый секретарь Пластовского горкома). Но сработаться и проявиться на новых должностях им помешала внутрикомсомольская демократия.

Внутрикомсомольская демократия включала в себя «свободное и деловое обсуждение вопросов работы комсомольских организаций» и выборы комитетов, предполагающие свободное выдвижение кандидатов и тайное голосование по ним. В годы войны конференции комсомольских организаций не проводились, поэтому местное руководство назначалось вышестоящим органом. После, в мирное время, принципы демократии вернулись в комсомольскую жизнь – запретили кооптирование и восстановили выборы. Но это обернулись серьезной проблемой, так как первое время комсомольцы смело пользовались своим правом, а местное руководство не было готово к такому повороту. Отличной иллюстрацией этого является V Челябинская областная комсомольская конференция, состоявшаяся в марте 1947 г. То была первая за семь лет конференция, и ее делегаты кипели энергией: оживленно обсудили представленный им доклад и высказали множество претензий руководству. И последовавшие за такими прениями выборы обернулись катастрофой: М.Е. Колесников получил 58% голосов «против», М.Ф. Мещерский – 25, О.П. Олиференко – 12,8, С.И. Сурниченко – 10,7%. И только А.Я. Борисов получил несущественные 4% [12. Л. 102–103]. Игнорировать эти результаты было невозможно, поэтому первых двух «рекордсменов» пришлось срочно заменить возвращенным из Крыма А.Д. Зверевым и секретарем Златоустовского горкома М.Г. Воропаевым. Позже под предлогом превышения комсомольского возраста[2] на партийную работу перевели О.П. Олиференко (30 лет) и А.Д. Зверева (34 год), а С.И. Сурниченко «забрали» в ЦК ВЛКСМ. В результате всех этих перестановок вторым секретарем Челябинского обкома ВЛКСМ стал 28-летний М.Г. Воропаев, а секретарями по кадрам, пропаганде и школам весьма молодые (24–25 лет), но малоопытные Н.Д. Спорыхин, В.Г. Синицын и В.П. Матвеева.

Новая команда проработала полтора года, до середины лета 1949 г., но тоже не стала сплоченной. Главная причина на этот раз заключалась в первом секретаре. Ведь А.Я. Борисов, который был и старше (33 года), и опытнее коллег, относился к ним пренебрежительно. Он не прислушивался к их мнению, не информировал о постановлениях вышестоящих органов, решения принимал единолично и открыто продвигал своих приятелей [30. Л. 51–53]. К тому же работа на одном месте наскучила ему, не видя карьерных перспектив, он все больше устранялся от дел, увлекался застольями и охотой, одалживал крупные суммы в обкомовской кассе. Интересно, что такое поведение было распространено среди руководящих работников, а для его обозначения существовал особый термин – «перестаивание» [31. Л. 6–7]. В целях профилактики этой «болезни» ЦК ВЛКСМ в 1945–1946 гг. периодически передвигал секретарей региональных комитетов на другую работу, но вскоре прекратил подобную ротацию, чтобы не усугублять и без того высокую текучесть кадров. В результате к 1948 г. Борисов изрядно «перестоялся» и это сказалось на работе обкома: без указаний первого секретаря аппарат фактически бездействовал, занимаясь лишь срочными вопросами и авралами. Многих такая ситуация не устраивала, но открыто критиковать начальство они не решались и либо уходили на другую работу, либо распускали сплетни. И только осенью 1948 г. их недовольство вылилось наружу, а поводом послужили следующие события.

В августе 1948 г. прошла ревизия финансовой дисциплины в обкоме комсомола. Многие ожидали, что она выявит все «непорядки» и в первую очередь слишком вольное обращение А.Я. Борисова с комсомольскими деньгами. Но заведующая финхозсектором обкома комсомола А.П. Пожарская постаралась, чтобы инструктор-ревизор ЦК ВЛКСМ С.С. Балашкин не обратил внимания на явные недостатки в обкомовском хозяйстве. Но при этом он так придирался к мелким нарушениям в Челябинском горкоме ВЛКСМ, что первый секретарь этого горкома В.Г. Зайцев уже через неделю лишился своей должности [32. Л. 9–24]. Еще больше обкомовских работников возмутил слух о том, что А.Я. Борисов дал им в ЦК ВЛКСМ нелицеприятные характеристики и якобы поэтому к 30-летию комсомола все они остались без наград [30. Л. 50, 54–55]. А 29 октября после торжественного заседания в честь юбилея ВЛКСМ состоялся шикарный банкет, на котором Борисов, по мнению некоторых коллег, вел себя весьма предосудительно.

В ноябре 1948 г. в Челябинский обком ВКП(б) поступили «сигналы» о том, что Борисов не сработался с другими секретарями, ведет себя по-барски и допус-

кает неоправданные расходы. Заодно кое-кто пожаловался инструктору отдела кадров обкома ВКП(б) В.П. Казаковой, которая еще недавно работала в обкоме комсомола и знала тамошнюю ситуацию. Отзывчивая коллега доложила обо всем услышанном первому секретарю обкома ВКП(б) А.А. Белобородову, а тот проявил необычную для него оперативность и сразу же назначил проверку [30. Л. 50–61, 69]. В ходе этой срочной проверки заведующий оргинструкторским отделом обкома ВКП(б) А.П. Рождественский опросил свидетелей и выяснил немало подробностей. А главный бухгалтер обкома ВКП(б) К.И. Голышев проверил хозяйство обкома комсомола и обнаружил перерасход в 91,5 тыс. руб., рост задолженности его работников (1 июля 1948 г. она составляла 6,9 тыс. руб., а 22 ноября – 32,2 тыс. руб., из которых 12 138 руб. числилось за А.Я. Борисовым) и даже незаконные вклады, сделанные во время денежной реформы [33. Л. 13–20].

После проверки стало ясно, что ситуация в Челябинском обкоме ВЛКСМ может обернуться большой неприятностью. Ведь в июле–декабре 1948 г. из-за «недостойного поведения» и «нарушений финансовой дисциплины» своих должностей лишились первые секретари Брянского, Мордовского, Тульского, Омского, Гродненского и Гомельского обкомов комсомола. Случайно или нет, но вслед за этим сменилось руководство Тульского, Омского и Мордовского обкомов партии [10. С. 390–392]. Челябинская область тогда переживала не лучшие времена (крупные заводы срывали план 1948 г., хлебозаготовки выполнены на 59,6%, не хватало продовольствия), и проблемы с комсомолом могли усугубить шаткое положение областного руководства. Видимо поэтому А.А. Белобородов решил замять некстати разгоревшийся конфликт. По его указанию второй секретарь обкома партии Ф.Н. Дадонов 23 декабря провел совещание, на котором А.Я. Борисов признал часть предъявленных ему обвинений и смиренно выслушал все нотации. В свою очередь Н.Д. Спорыхин, В.Г. Синицын и М.Г. Воропаев согласились, что их претензии не совсем обоснованы и поблагодарили партийных работников за мудрые наставления [30. Л. 50–78]. А 29 декабря обком партии указал А.Я. Борисову на недостатки в финансовой работе и предложил в течение месяца устранить все недочеты, снять заведующего финхозсектором и провести ревизии в горкомах и райкомах комсомола [34. Л. 263–264].

Партийное руководство области добилось своего. В столице к инциденту в Челябинске отнеслись очень спокойно и полностью доверились местному руководству. Конфликт в самом обкоме комсомола пошел на убыль, а слух о том, что его секретарей «проработали» в обкоме партии, сбавил недовольство низовых комсомольских работников. Благодаря этому в январе 1949 г. удалось без эксцессов провести и VI областную комсомольскую конференцию. Ведь от ЦК ВЛКСМ на ней был лишь ответорганизатор К.И. Степанов, а не более статусные работники, как бывало в экстренных случаях. А делегаты хоть и критиковали руководство обкома, все же на тайных выборах выразили ему доверие и никого не «прокатили». Больше всего голосов тогда «против» получили Н.Д. Спорыхин и В.П. Матвеева (14,3 и 12,9%), но эти цифры не были критичными, а против А.Я. Борисова проголосовало лишь 5% делегатов [35. Л. 5–89, 119–120]. И поскольку кандидатов выдвинули ровно столько, сколько имелось вакансий, то все секретари обкома комсомола за исключением М.Г. Воропаева, который возглавил Челябинский горком ВЛКСМ, остались на прежних должностях.

Казалось бы, после нешуточного конфликта и напряженной конференции комсомольское руководство должно было исправиться, но этого не случилось. Заседания бюро обкома по-прежнему проходили редко, готовились плохо, а решения принимались без обсуждения. Кадры, как и прежде, подбирались наспех и без надлежащей проверки, а многие секретари горкомов, за которыми водились разные «грехи», благодаря дружбе с А.Я. Борисовым остались на своих постах. К тому же аппарат фактически остался без руководства, так как первый секретарь часто ездил в Москву, Н.Д. Спорыхин ушел в длительный отпуск, В.П. Матвеева еще чувствовала себя новичком, а избранный в январе вторым секретарем В.П. Антропов вообще не имел опыта комсомольской работы. Но удивительнее всего то, что обком комсомола проигнорировал указания обкома партии: А.П. Пожарскую не только оставили заведующей финхозсектором, но и единодушно приняли в партию, а бюджетную дисциплину в горкомах и райкомах так и не удосужились проверить. И для того чтобы все это обернулось большой проблемой, достаточно было мелкой случайности.

В конце апреля 1949 г. видимо под влиянием только что прошедшего XI съезда обком комсомола стал проявлять некоторую активность. В частности, наконец-то обратили внимание на заявления комсомольцев и провели ревизию в Магнитогорском горкоме, Сталинском райкоме и комитете комсомола Магнитогорского металлургического комбината. На счетах этих организаций были обнаружены большие неучтенные суммы. В середине мая провели еще одну ревизию, в ходе которой выяснилось, что местные работники растратили и присвоили крупные суммы денег. Тогда же неприятный инцидент произошел и в Челябинске, где комсомольские вожаки, употребив спиртное, спровоцировали драку в парке отдыха. Борисов, который 23–28 мая был в Москве по вопросу развития спорта на Южном Урале, не стал информировать высшее руководство об этих случаях. И только 30 мая, когда виновных «по-тихому» сняли с работы, в ЦК ВЛКСМ узнали о происшедшем [36. Л. 183–187].

Скрытность и «самодеятельность» областного комитета сразу привлекли внимание центра. 31 мая в Челябинск отправился заместитель заведующего отделом комсомольских органов ЦК ВЛКСМ О.Д. Гоциридзе. Он собрал все необходимые сведения и 15 июня представил докладную записку, в которой подробно рассказал о происшествиях в Челябинской области и негодной работе с кадрами (большая сменяемость, отсутствие резерва, подбор по «зарплате»). Заодно Гоциридзе сообщил, что Белобородов предложил перевести Борисова в обком партии, вместо

него поставить Мещерского или Зверева, а Спорыхина, не справившегося с кадровой работой, отправить на учебу [36. Л. 183–191]. Но помимо покровителей у Борисова имелись и недруги. Еще 13 июня в Особый сектор ЦК ВЛКСМ поступило письмо без подписи, в котором осведомленный аноним поведал о махинациях финхозсектора, стяжательстве и аморальном поведении Борисова. Заодно автор посоветовал обратиться за разъяснениями к хорошо информированным бывшим работникам обкома комсомола и выразил уверенность, что «Челябинское дело будет уроком для ЦК комсомола» [Там же. Л. 204–206]. Трудно сказать, как в ЦК ВЛКСМ отнеслись к этой анонимке, но 17 июня там решили тщательно разобраться в странном деле и вызвали Борисова, Спорыхина, Синицына, Бабикову (заведующую отделом студенческой молодежи обкома) и Тараканова (заведующего военно-физкультур-ным отделом обкома) [37. Л. 10].

20 июня первый секретарь ЦК ВЛКСМ Н.А. Михайлов побеседовал с челябинскими работниками. Судя по документам, разговор шел только о тех фактах, которые в своей записке сообщил О.Д. Гоциридзе. О злоупотреблениях и тем более аморальном поведении никто из приехавших даже не обмолвился. К тому же главные «виновники» полностью признали свои ошибки и пообещали вскоре исправить их [15. Л. 20 об., 39–40; 36. Л. 192–203]. После такой вполне обнадеживающей беседы челябинцы отправились домой, а Бюро ЦК ВЛКСМ 25 июня приняло постановление «О крупных недостатках в работе бюро Челябинского обкома ВЛКСМ по подбору и воспитанию комсомольских кадров». Это название говорит о том, что сначала Центральный комитет не усмотрел в «челябинском деле» ничего особенного и ограничился стандартными мерами: отметил плохую кадровую работу обкома, обязал его провести пленум по этому вопросу, объявил А.Я. Борисову выговор с предупреждением и освободил Н.Д. Спорыхина [38. Л. 6–8]. Впрочем, и здесь не обошлось без руководства Челябинского обкома ВКП(б), которое заверило Н.А. Михайлова, что А.Я. Борисов «может исправиться» [15. Л. 39 об.].

Несмотря на «мягкое» решение, надежды на благополучный исход в этот раз не оправдались. Дело в том, что 25 июня ЦК ВЛКСМ направил секретарю ЦК ВКП(б) Г.М. Маленкову докладную записку о челябинских событиях. 27 июня Г.М. Маленков ознакомился с ней и сразу предписал заместителю заведующего Отделом партийных, профсоюзных и комсомольских органов ЦК ВКП(б) А.Л. Дедову за три дня «разобраться в этом деле и подготовить предложения» [39. Л. 23–25]. Такое внимание к незначительному эпизоду объясняется тем, что тогда в ЦК ВКП(б) разбирали дело директора Челябинского Кировского завода И.М. Зальцмана и Г.М. Маленков пускал в ход любой материал, хоть как-то компрометирующий легендарного хозяйственника или его покровителей из Челябинского обкома партии [40. С. 58–60]. Через несколько дней И.М. Зальцмана сняли с работы, и удовлетворенный таким исходом Г.М. Маленков отложил вопрос о комсомоле. Однако в ЦК ВЛКСМ взяли на заметку этот неожиданный поворот, и к последующим событиям отнеслись «принципиальнее», нежели прежде.

И все же главной причиной, по которой рядовой случай превратился в резонансное «дело», стало отсутствие сплоченности у секретарей Челябинского обкома ВЛКСМ. После прошлогоднего скандала они стали избегать конфликтов, перестали критиковать друг друга и тем более «выносить сор из избы». В ЦК ВЛКСМ они вели себя точно так же, и подобная тактика, казалось, спасла их от крупных неприятностей. Но когда Н.Д. Спорыхин узнал, что только его освободили от работы, личные интересы сразу возобладали над корпоративными и он «решил вывести на свежую воду главного виновника». 5 июля он написал заявление на имя второго секретаря обкома партии А.В. Лескова, в котором рассказал то, о чем смолчал в ЦК. О том, что А.Я. Борисов сам злоупотреблял и совсем не боролся со злоупотреблениями в комсомольских организациях области, «не всегда правильно реагировал на совершение аморальных поступков отдельными комсомольскими работниками» и «перестал в должной мере заниматься руководством» [41. Л. 119–124]. Лесков, которого неделю назад строго отчитали в ЦК ВКП(б) за поддержку Зальцмана, распорядился отложить намеченный на 6 июля пленум обкома комсомола и проверить заявление. И поскольку большинство компрометирующих фактов подтвердилось, 7 июля бюро Челябинского обкома ВКП(б) сняло Борисова с должности и объявило ему строгий выговор с занесением в учетную карточку [Там же. Л. 14–15].

9 июля наконец-то состоялся III пленум Челябинского обкома ВЛКСМ, на котором обсудили постановление ЦК ВЛКСМ и решили кадровые вопросы. Неординарность этого мероприятия состояла в том, что на нем помимо группы работников ЦК ВЛКСМ (О.Д. Гоциридзе, К.И. Степанов, П.И. Дианова) присутствовал инструктор отдела партийных, комсомольских и профсоюзных органов ЦК ВКП(б) Ф.И. Сержантов. Пленум начался с доклада Гоциридзе о плохой кадровой работе, инцидентах в Челябинске и Магнитогорске и о том, как бюро обкома скрывало реальное положение дел. За докладом последовали предсказуемые прения: Борисов и Спорыхин в очередной раз признали свои ошибки, а прочие ораторы привели примеры негодной работы обкома и его секретарей. Необычным было лишь то, что некоторые участники пленума признались, что вынесенный на обсуждение вопрос «является совершенно неожиданным», а кое-кто даже предложил оставить раскаявшегося Борисова на работе. Но одиночные голоса не могли переломить общий настрой, поэтому А.Я. Борисова единодушно освободили от должности, а новыми секретарями избрали А.Д. Зверева, некогда работавшего в обкоме, и П.В. Тараканова. Заодно секретарем обкома по пропаганде утвердили аспиранта Челябинского мединститута В.Г. Филатова, который заменил В.Г. Синицына, возглавившего тогда Челябинский горком ВЛКСМ [15. Л. 8 об.–43 об.].

Новые обстоятельства в «челябинском деле» сразу привлекли внимание высшего органа партии. 20 июля А.Л. Дедов направил Г.М. Маленкову обстоятельную записку о недостатках в подборе комсомольских кад-

ров в области. 25 июля Секретариат ЦК ВКП(б) поручил П.К. Пономаренко, Н.А. Михайлову и А.Л. Дедову рассмотреть все материалы и выработать проект постановления. 3 августа они представили проект под названием «О фактах разложения руководящих работников Челябинской областной организации ВЛКСМ», в котором сделали акцент на плохой работе Челябинского обкома ВКП(б) и отсутствии «достаточных мер» со стороны ЦК ВЛКСМ [39. Л. 19–22]. Наконец 5 августа Секретариат ЦК ВКП(б) заслушал доклад Н.А. Михайлова и объяснения А.А. Белобородова и принял постановление с нейтральным названием «О положении дел в Челябинском обкоме ВЛКСМ». Первым секретарем Челябинского обкома комсомола назначили заведующего отделом ЦК ВЛКСМ П.И. Колобанова, Челябинский обком ВКП (б) обязали «улучшить руководство областной комсомольской организацией», а ЦК ВЛКСМ указали на его политическую беспечность и предложили укрепить кадрами проблемный регион [42. Л. 195–197].

Все указания ЦК ВКП(б) были исполнены с особым рвением. В том числе и потому, что в ходе дополнительной проверки выяснилось, что новый секретарь обкома Тараканов тоже знал о злоупотреблениях Борисова, но до последнего момента скрывал это. Иначе говоря, весь обком оказался замешан в «деле» и требовалось полностью заменить старую команду. В течение нескольких дней ЦК ВЛКСМ подобрал подходящих людей из числа столичных работников и направил в Челябинск. Здесь 19 августа прошел IV внеочередной пленум обкома, который и поставил точку в «деле челябинского комсомола». На пленуме присутствовали А.А. Белобородов, А.Г. Лашин (секретарь обкома партии по пропаганде), уже знакомый челябинцам О.Д. Гоциридзе и секретарь ЦК ВЛКСМ З.Т. Фёдорова, которая проинформировала собравшихся о «неправильных действиях» и «загнивании» прежнего руководства обкома. Несмотря на столь острую тему, прения по докладу прошли «без огонька»: желающих выступить оказалось немного, и говорили они либо самые общие слова, либо что-то несущественное. И только инструктор политотдела ЮУЖД Ф.И. Пивоваров, прежде работавший в Челябинском горкоме ВЛКСМ, и А.А. Белобородов раскрыли некоторые тайны из жизни обкома комсомола. После непродолжительных прений сразу приступили к организационным вопросам. Приняв во внимание, что А.Д. Зверева назначили только на «период безвластья», пленум единогласно избрал новых и абсолютно незнакомых секретарей: первым – П.И. Колобанова, по кадрам – В.К. Фединина (бывший организатор ЦК ВЛКСМ), по пропаганде – Т.Н. Осетрова (бывший первый секретарь Коминтерновского райкома ВЛКСМ г. Москвы). А еще один «москвич», бывший секретарь Щербаковского райкома ВЛКСМ Н.П. Мардасов, возглавил Челябинский горком ВЛКСМ [43. Л. 3–42].

Вмешательство высших органов привело к существенным переменам в жизни Челябинского обкома ВЛКСМ. Новое руководство, ничем не связанное с местными кадрами, действовало жестко и энергично – провело показательные чистки, подтянуло исполнительскую дисциплину и контроль, мобилизовало актив и благодаря этому добилось значительных результатов. Если в 1945–1949 гг. областная организация насчитывала 98–100 тыс. комсомольцев, то к январю 1952 г. она выросла в 1,5 раза. Челябинский обком ВЛКСМ стал перевыполнять задания по членским взносам и отладил систему политического просвещения. Улучшилось и «качество» комсомольских кадров, а среди причин их сменяемости возобладали выдвижение на большую работу и учеба.

«Дело челябинского комсомола» затронуло и местные партийные органы. В сентябре 1949 г. по указанию ЦК ВКП(б) полностью заменили руководство Магнитогорского горкома ВКП(б), которое «проглядело» злоупотребления в комсомольских организациях города [44. С. 309–310]. А в феврале 1950 г. были освобождены первый и второй секретари Челябинского обкома ВКП(б) А.А. Белобородов и А.В. Лесков. Прежде всего их обвинили в неправильном отношении к бывшему директору Кировского завода И.М. Зальцману и в поддержке «проваливших-ся секретарей» Магнитогорского горкома ВКП(б). Однако третьим пунктом в списке обвинений значилось либеральное отношение к «морально-бытовому разложению» комсомольских работников [10. С. 240–244]. Новое партийное руководство учло ошибки предшественников и, помимо прочего, стало лучше контролировать работу обкома комсомола и оказывать ему всю необходимую помощь.

Сказалось «дело» и на работе ЦК ВЛКСМ. Еще с весны 1949 г. там вновь стали заслушивать отчеты региональных комитетов, но настоящий размах эта практика получила с августа. И если прежде региональные руководители за свои «ошибки» обычно получали простые взыскания, то после «челябинского дела» их стали чаще освобождать от работы. А еще «челябинское дело» могло подтолкнуть ЦК ВЛКСМ к активному участию в чистках 1949–1950 гг. Ведь до августа 1949 г. ЦК ВЛКСМ обновлял комсомольские кадры в регионах лишь после того, как ЦК ВКП(б) заменял там партийное руководство (так было в Ленинграде и Еврейской автономной области). Но с сентября ЦК ВЛКСМ усилил «политическую бдительность», и кадровые чистки в комсомольских органах Псковской, Новгородской, Молотовской областей и столицы СССР прошли раньше, чем в партийных органах.

Из сказанного следует, что в 1946–1949 гг. Челябинский обком ВЛКСМ, как и другие региональные комитеты комсомола, испытывал острый дефицит материальных, кадровых и организационных ресурсов и поэтому не справлялся даже с текущими задачами. Это объективное положение усугублялось тем, что из-за ослабления контроля со стороны ЦК ВЛКСМ и партийных органов среди комсомольских работников весьма распространились своячественничество, недисциплинированность, злоупотребления и групповые конфликты. Следует учесть и то обстоятельство, что местное партийное руководство, стремясь сохранить предсказуемые кадры и заодно избежать наказания, преуменьшало значение негативных явлений в комсомоле или вовсе скрывало их от высших органов. Ситуация стала меняться только в 1949 г., когда в свя-

зи с очередными чистками в партийных органах и промышленности центр стал внимательнее относится даже к незначительным инцидентам в деятельности региональных комсомольских организаций и принимать довольно жесткие меры. Результатом этого была целая серия региональных «дел», среди которых первым и самым резонансным оказалось «дело челябинского комсомола». Оно свелось к почти полной замене регионального руководства, что привело к разрушению прежних неформальных связей и позволило быстро мобилизовать как комсомольские органы, так и актив. Однако успехи последующих лет были обусловлены не столько кадровыми чистками 1949–1950 гг., сколько тем, что центр и местные власти стали жестче контролировать деятельность комсомола и оказывать ему необходимую помощь.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Первые секретари райкомов и горкомов ВЛКСМ получали 750–900 руб., т.е. примерно столько же, сколько и промышленные рабочие. Заработная плата секретарей обкома ВЛКСМ составляла 1 300 руб. (первого секретаря – 1 500 руб.) и равнялась среднему заработку инженера на крупном предприятии.

[2] Для членов комсомола возрастной «потолок» составлял 26 лет, но комсомольские работники могли оставаться на своих постах даже после достижения этого возраста.

ЛИТЕРАТУРА

1. Желаева С.Г. Деятельность комсомольской организации Бурят-Монгольской АССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. : дис. … канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2012. 216 с.
2. Летопись комсомола Татарстана: к 90-летию ВЛКСМ / редкол.: И.Ш. Рахманкулов и др. Казань, 2008. 157 с.
3. Тамбовский комсомол: грани истории. 1946–1991 / под ред. А.А. Слезина. Тамбов, 2010. 384 с.
4. Федченко М.Н. Деятельность молодежи Урала в сфере материального производства (1946–1960 гг.). Курган, 2012. 142 с.
5. Конохова А.С. Формирование мировоззрения советской молодежи, 1953–1964 гг.: на материалах Ленинграда и Ленинградской области : дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2015. 227 с.
6. Никифоров А.Л. Зарождение оппозиционных настроений среди советской молодежи в послевоенное «сталинское» десятилетие // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2010. Т. 4, № 1. С. 178–186.
7. Ованесян И.Г. Эволюция политической культуры советской молодежи в 1950-е гг.: роль комсомола : дис. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2016. 221 с.
8. Беляев А.А., Слезин А.А. Внутрисоюзная жизнь послевоенного комсомола: особенности провинциального стиля // Вестник Тамбовского государственного технического университета. 2010. Т. 16, № 1. С. 188–198.
9. Дорошина М.М. Корпус первых секретарей областного, городских и районных комитетов комсомола Тамбовской области (1937–1991 гг.) : дис. … канд. ист. наук. Тамбов, 2015. 248 с.
10. ЦК ВКП(б) и региональные партийные комитеты, 1945–1953 / сост.: В.В. Денисов, А.В. Квашонкин и др. М., 2004. 496 с.
11. Сборник постановлений ЦК ВЛКСМ. М., 1947. 115 с.
12. Объединенный государственный архив Челябинской области (далее ОГАЧО). Ф. П-485. Оп. 1. Д. 1415.
13. ОГАЧО. Ф. П-485. Оп. 1. Д. 2002.
14. ОГАЧО. Ф. П-485. Оп. 1. Д. 1331.
15. ОГАЧО. Ф. П-485. Оп. 1. Д. 1850.
16. ОГАЧО. Ф. П-485. Оп. 1. Д. 1173.
17. ОГАЧО. Ф. П-485. Оп. 1. Д. 1869.
18. Васильев Ю.А., Мухамеджанов М.М. История Центральной комсомольской школы при ЦК ВЛКСМ. 1944–1969. М., 2011. 66 с.
19. Российский государственный архив социально-политической истории (далее РГАСПИ). Ф. М-1. Оп. 3. Д. 448.
20. РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 3. Д. 446.
21. РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 3. Д. 377.
22. РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 3. Д. 425.
23. РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 3. Д. 438.
24. РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 33. Д. 754.
25. ОГАЧО. Ф. П-485. Оп. 1. Д. 1612.
26. ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 10. Д. 64.
27. ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 11. Д. 88.
28. ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 12. Д. 96.
29. ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 11. Д. 154.
30. ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 12. Д. 191.
31. РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 6. Д. 412.
32. ОГАЧО. Ф. П-485. Оп. 1. Д. 1611.
33. ОГАЧО. Ф. П-485. Оп. 1. Д. 1695.
34. ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 12. Д. 135.
35. ОГАЧО. Ф. П-485. Оп. 1. Д. 1834.
36. РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 3. Д. 601.
37. РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 4. Д. 1086.
38. РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 3. Д. 600.
39. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 118. Д. 467.
40. Федоров А.Н. «Челябинское дело»: замена партийного руководства Челябинской области в 1949–1950 гг. // Вопросы истории. 2016. № 6. С. 53–70.
41. ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 13. Д. 77.
42. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 118. Д. 485.
43. ОГАЧО. Ф. П-485. Оп. 1. Д. 1851.
44. Федоров А.Н. «Магнитогорское дело» 1949 г.: деятельность местных партийных органов в условиях послевоенного времени // Проблемы истории, филологии, культуры. 2016. № 2 (52). С. 302–314.

Статья представлена научной редакцией «История» 26 августа 2017 г.

THE "CHELYABINSK KOMSOMOL CASE", 1949: ON THE WORK OF REGIONAL COMMITTEES OF THE ALL-UNION LENINIST YOUNG COMMUNIST LEAGUE IN THE POST-WAR PERIOD

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 424, 145–153.
DOI: 10.17223/15617793/424/20

Aleksey N. Fedorov, Chelyabinsk State University (Chelyabinsk, Russian Federation) E-mail: alex_boss@list.ru

Keywords: Komsomol; personnel purges; party bodies; post-war period; Chelyabinsk Oblast; Central Committee of the All-Union Leninist Young Communist League.

The article considers problems that regional Komsomol committees faced in the post-war period. These problems are described on the example of the Chelyabinsk regional committee of the All-Union Leninist Young Communist League (AULYCL) which headed one of the largest Komsomol organizations of Soviet Union and was involved in a resonant scandal in 1949. On the basis of archival documents it was established that the Komsomol bodies of Chelyabinsk Oblast felt shortage of material resources and experienced personnel in the post-war period. During the war these objective difficulties were partially overcome by the enthusiasm of Komsomol members and an active work of the Komsomol regional committee. After the war, the value of patriotism as a mobilizing factor decreased, and the quality of Komsomol staff considerably worsened. In 1946–1948 the leadership of the Chelyabinsk regional committee of AULYCL was twice and almost completely renewed, so it became less skilled and efficient. The regional committee also worked unsatisfactorily because its first secretary A.Ya. Borisov abused his official position and fulfilled his duties badly. At the same time the Central Committee of AULYCL weakened control over regional organizations and therefore could not immediately trace and correct the situation in Chelyabinsk. The party leadership of the region knew about the problems of the Komsomol organization, but in order to avoid undesirable consequences it hid them from the central authorities. The situation began to change in the spring of 1949, when the Central Committee of AULYCL, after the XIth Congress, began to check the work of the local bodies more carefully. That is why it attached importance to the incidents in Chelyabinsk and Magnitogorsk. Investigating these incidents, the Central Committee of AULYCL unexpectedly found serious shortcomings in the Chelyabinsk komsomol organization. The "Chelyabinsk Komsomol Case" was publicized at the same time as "Zaltsman's Case", so it attracted special attention of the Central Committee of CPSU(b) and caused a serious resonance. Not only the leaders of the Chelyabinsk regional committee of AULYCL, but also the secretaries of the Chelyabinsk regional committee of CPSU(b) lost their posts. At the same time the "Chelyabinsk Komsomol Case" inspired the Central Committee of AULYCL to conduct personnel purges in other regions. Large-scale changes of the local leadership were accompanied by a considerable assistance from the center and the party bodies. In 1950–1952 all these measures allowed the regional committees of AULYCL to solve some of their problems and improve their work.

REFERENCES

1. Zhelaeva, S.G. (2012) *Deyatel'nost' komsomol'skoy organizatsii Buryat-Mongol'skoy ASSR v gody Velikoy Otechestvennoy voyny 1941–1945 gg.* [The activity of the Komsomol organization of the Buryat-Mongolian ASSR during the Great Patriotic War of 1941–1945]. History Cand. Diss. Ulan-Ude.
2. Rakhmankulov, I.Sh. et al. (eds) (2008 *Letopis' komsomola Tatarstana: k 90-letiyu VLKSM* [Annals of the Komsomol of Tatarstan: to the 90th anniversary of the Komsomol]. Kazan: Kniga Pamyati.
3. Slezin, A.A. (ed.) (2010) *Tambovskiy komsomol: grani istorii. 1946–1991* [Tambov Komsomol: the brink of history. 1946–1991]. Tambov: Yulis.
4. Fedchenko, M.N. (2012) *Deyatel'nost' molodezhi Urala v sfere material'nogo proizvodstva (1946–1960 gg.)* [Activity of the Urals youth in the sphere of material production (1946–1960)]. Kurgan: Kurgan State University.
5. Konokhova, A.S. (2015) *Formirovanie mirovozzreniya sovetskoy molodezhi, 1953–1964 gg.: na materialakh Leningrada i Leningradskoy oblasti* [Formation of the worldview of Soviet youth, 1953–1964: on the materials of Leningrad and Leningrad Oblast]. History Cand. Diss. St. Petersburg.
6. Nikiforov, A.L. (2010) Zarozhdenie oppozitsionnykh nastroeniy sredi sovetskoy molodezhi v poslevoennoe "stalinskoe" desyatiletie [The emergence of opposition sentiments among Soviet youth in the post-war "Stalin" decade]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina.* 4 (1). pp. 178–186.
7. Ovanesyan, I.G. (2016) *Evolyutsiya politicheskoy kul'tury sovetskoy molodezhi v 1950-e gg.: rol' komsomola* [Evolution of the political culture of Soviet youth in the 1950s: the role of the Komsomol]. History Cand. Diss. Tambov.
8. Belyaev, A.A. & Slezin, A.A. (2010) Vnutrisoyuznaya zhizn' poslevoennogo komsomola: osobennosti provintsial'nogo stilya [Intra-Union life of the post-war Komsomol: features of the provincial style]. *Vestnik Tambovskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta*. 16 (1). pp. 188–198.
9. Doroshina, M.M. (2015) *Korpus pervykh sekretarey oblastnogo, gorodskikh i rayonnykh komitetov komsomola Tambovskoy oblasti (1937–1991 gg.)* [The corpus of the first secretaries of the regional, city and district committees of the Komsomol of Tambov Oblast (1937–1991)]. History Cand. Diss. Tambov.
10. Denisov, V.V. et al. (2004) *TsK VKP(b) i regional'nye partiynye komitety, 1945–1953* [Central Committee of the CPSU (b) and regional party committees, 1945–1953]. Moscow: ROSSPEN.
11. Krasnoe znamya. (1947) *Sbornik postanovleniy TsK VLKSM* [Collection of resolutions of the Central Committee of the Komsomol]. Moscow: tip. "Krasnoe znamya".
12. United State Archive of Chelyabinsk Oblast (OGAChO). Fund P-485. List 1. File 1415. (In Russian).
13. United State Archive of Chelyabinsk Oblast (OGAChO). Fund P-485. List 1. File 2002. (In Russian).
14. United State Archive of Chelyabinsk Oblast (OGAChO). Fund P-485. List 1. File 1331. (In Russian).
15. United State Archive of Chelyabinsk Oblast (OGAChO). Fund P-485. List 1. File 1850. (In Russian).
16. United State Archive of Chelyabinsk Oblast (OGAChO). Fund P-485. List 1. File 1173. (In Russian).
17. United State Archive of Chelyabinsk Oblast (OGAChO). Fund P-485. List 1. File 1869. (In Russian).
18. Vasil'ev, Yu.A. & Mukhamedzhanov, M.M. (2011) *Istoriya Tsentral'noy komsomol'skoy shkoly pri TsK VLKSM. 1944–1969* [History of the Central Komsomol School under the Central Committee of the Komsomol. 1944–1969]. Moscow: Moscow University for the Humanities.
19. Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). Fund M-1. List 3. File 448. (In Russian).
20. Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). Fund M-1. List 3. File 446. (In Russian).
21. Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). Fund M-1. List 3. File 377. (In Russian).
22. Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). Fund M-1. List 3. File 425. (In Russian).
23. Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). Fund M-1. List 3. File 438. (In Russian).
24. Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). Fund M-1. List 33. File 754. (In Russian).
25. United State Archive of Chelyabinsk Oblast (OGAChO). Fund P-485. List 1. File 1612. (In Russian).

26. United State Archive of Chelyabinsk Oblast (OGAChO). Fund P-288. List 10. File 64. (In Russian).
27. United State Archive of Chelyabinsk Oblast (OGAChO). Fund P-288. List 11. File 88. (In Russian).
28. United State Archive of Chelyabinsk Oblast (OGAChO). Fund P-288. List 12. File 96. (In Russian).
29. United State Archive of Chelyabinsk Oblast (OGAChO). Fund P-288. List 11. File 154. (In Russian).
30. United State Archive of Chelyabinsk Oblast (OGAChO). Fund P-288. List 12. File 191. (In Russian).
31. Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). Fund M-1. List 6. File 412. (In Russian).
32. United State Archive of Chelyabinsk Oblast (OGAChO). Fund P-485. List 1. File 1611. (In Russian).
33. United State Archive of Chelyabinsk Oblast (OGAChO). Fund P-485. List 1. File 1695. (In Russian).
34. United State Archive of Chelyabinsk Oblast (OGAChO). Fund P-288. List 12. File 135. (In Russian).
35. United State Archive of Chelyabinsk Oblast (OGAChO). Fund P-485. List 1. File 1834. (In Russian).
36. Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). Fund M-1. List 3. File 601. (In Russian).
37. Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). Fund M-1. List 4. File 1086. (In Russian).
38. Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). Fund M-1. List 3. File 600. (In Russian).
39. Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). Fund 17. List 118. File 467. (In Russian).
40. Fedorov, A.N. (2016) “Chelyabinskoe delo”: zamena partiynogo rukovodstva Chelyabinskoy oblasti v 1949–1950 gg. [“Chelyabinsk Case”: replacement of the party leadership of Chelyabinsk Oblast in 1949–1950]. *Voprosy istorii*. 6. pp. 53–70.
41. United State Archive of Chelyabinsk Oblast (OGAChO). Fund P-288. List 13. File 77. (In Russian).
42. Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). Fund 17. List 118. File 485. (In Russian).
43. United State Archive of Chelyabinsk Oblast (OGAChO). Fund P-485. List 1. File 1851. (In Russian).
44. Fedorov, A.N. (2016) “Magnitogorskoe delo” 1949 g.: deyatel’nost’ mestnykh partiynykh organov v usloviyakh poslevoennogo vremeni [“Magnitogorsk Case” in 1949: the activities of local party bodies in the post-war period]. *Problemy istorii, filologii, kul’tury*. 2 (52). pp. 302–314.

Received: 26 August 2017

Вестник Томского государственного университета. 2017. № 424. С. 154–157. DOI: 10.17223/15617793/424/21

УДК 930.2

В.О. Федяева

ИСТОРИЧЕСКИЙ КИНЕМАТОГРАФ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ЛАКАНОВСКОГО ПСИХОАНАЛИЗА: ПОДХОД НИКОЛАСА ХЕЙДОКА

Статья посвящена изучению исторического кинематографа с позиций cinema studies. Основной методологией научных исследований кинематографа достаточно часто выступает психоаналитическая философия Жака Лакана. В статье проблематизируется степень корректности и возможности применения лакановского психоанализа при изучении феномена исторического кинематографа и одного из его жанров – «средневекового кино». Данная проблема демонстрируется на примере работы Николаса Хейдока «Киномедиевализм: Воображаемое Средневековье».

Ключевые слова: cinema studies; медиевализм; «средневековое воображаемое»; Николас Хейдок; Жак Лакан.

В последние десятилетия XX в. наблюдается расширение проблемного поля гуманитарного знания. Для исторической науки это выражается, в частности, в том, что помимо изучения конкретно-исторических проблем ученые обращаются к проблемам репрезентации истории и формам ее восприятия на разных этапах жизни общества. В рамках исследования данной сферы особенно актуальным направлением является cinema studies.

Как следует из названия, это изучение кинематографа. В первую очередь следует отметить принципиальную разницу между cinema studies и тем, что в отечественной науке называется «киноведение». Последняя дисциплина зачастую определяется как наука о кинематографическом искусстве, автоматически включая в свое исследовательское поле обширный круг проблем – от актерского творчества и режиссуры до техники построения кадра. Cinema studies же, при частичном совпадении проблемного поля с киноведением, предполагают принципиально иные методы анализа и методологию работы. Обычно cinema studies определяют как научную дисциплину, занимающуюся различными теоретическими, историческими и критическими подходами к фильмам. Ученые, работающие в русле этой дисциплины, применяют инструментарий гуманитарных наук для анализа фильма – методы социологии, философии, истории, психологии и т.д.

В отечественной науке отдельные шаги в этом направлении предпринимаются с конца 90-х гг. XX в., однако лишь в XXI в. выходят работы на русском языке, которые, безусловно, можно причислить к направлению cinema studies [1]. На Западе же cinema studies как дисциплина начинает зарождаться в 60–70-е гг. XX в. Уже с момента оформления cinema studies как научного направления психоанализ становится основополагающим методом в его рамках, причем наиболее пластичным инструментом оказался именно лакановский психоанализ. Это было обусловлено несколькими причинами: во-первых, популярностью психоанализа в данный период и, во-вторых, общественно-политической обстановкой – речь идет о нарастающих требованиях политкорректности и новом витке борьбы женщин за свои права. Последний фактор обусловил применение психоанализа в гендерных исследованиях кинематографа. Знаковой фигурой в данном ключе выступила Лаура Малви и ее «Визуальное удовольствие и нарративный кинематограф» [2]. Пожалуй, именно с этой работы начинается адаптация психоаналитического инструментария для исследований кино, так как именно здесь впервые за основу был взят метод Жака Лакана. По словам самой исследовательницы, психоанализ оказался наиболее удобным и легко адаптируемым под исследовательские потребности методом. Однако в то же время выходит работа французского ученого Кристиана Метца [3]. И если исследование Лауры Малви стало ключевым текстом в рамках феминистской критики кинематографа, то работа Кристиана Метца стала основой для cinema studies в целом, и именно в ней, по мнению большинства ученых, наиболее полно была рассмотрена возможность применения психоанализа Жака Лакана к сфере кино. Из современных исследователей наиболее последовательно в русле, заданном Метцем, следует Славой Жижек.

Стоит отметить, что зачастую в cinema studies используются лишь некоторые элементы лакановского психоанализа – например, концепция «воображаемого-символического-реального» и стадия зеркала. Также все классические представители cinema studies исследовали либо кино как феномен в целом, либо его определенную часть, отвечающую исследовательским интересам. Но исторический кинематограф и «средневековое кино» вошли в исследовательский оборот сравнительно недавно, с 90-х гг. XX в., а потому масштабных теоретических работ в данном направлении написано крайне мало. Тем больший интерес вызывает каждая новая попытка ученых обосновать теорию cinema studies, и подход Николаса Хейдока – одна из последних попыток подобного осмысления.

Николас Хейдок является профессором английского языка в Университете Пуэрто-Рико. Круг его интересов весьма обширен и включает в себя широкий спектр проблем – английскую литературу Средневековья и Нового времени и ее историю, теорию и критику американской литературы, и киномедиевализм. Хейдок выступил редактором [4] и соавтором нескольких книг, посвященных репрезентациям Средневековья в кинематографе [5]. Особое место занимает его первое исследование по данной теме – «Киномедиевализм: Воображаемое Средневековье», вышедшее в 2008 г. [6]. Именно эта работа и выступит основным источником для нашего анализа теоретических взглядов Николаса Хейдока.

Книга состоит из двух глав – «Часть первая: введение в киномедиевализм» и «Часть вторая: Воображаемое Средневековье». Как отмечает сам автор в

кратком предисловии, «две довольно длинные главы, предназначенные для того, чтобы представить это быстро развивающееся поле [исследований кино] сквозь линзы лаканского психоанализа и философию образа времени Жиля Делёза, предшествуют моим прочтениям недавних фильмов. Первая из этих вводных глав посвящена тому, как огромное количество фильмов… способствует тому, что я называю нашим “средневековым воображаемым”, а также тому, как само время функционирует в кинематографических представлениях средневековья. Во второй главе даются подробные соображения по конкретным примерам “средневекового кино”…» [6. С. 1–2].

Из этого краткого представления структуры исследования Хейдока очевидно, что в своей работе автор отталкивается от теории образа времени Делёза и психоаналитической философии Жака Лакана. Именно философская схема последнего выступает базовым основанием теории киномедиевализма Хейдока.

Прежде чем обратиться к собственно лакановской теории, Николас Хейдок рассматривает один из подходов к историческому кинематографу, сложившийся в современной западной науке, – подход Кевина Харти. В своем исследовании исторического кинематографа Кевин Харти ввел термин «the reel / real distinction», в данном контексте обозначающий «кинематографическое / реальное различие» [7]. Этот термин обозначает метод анализа кино, при котором учитывается соответствие экранной действительности реально существующим средневековым источникам. Хейдок отмечает, что он не сторонник полного отказа от этого подхода, однако утверждает, что он значительно полезнее в качестве аналитического инструмента, когда он вписывается в лакановскую систему Воображаемого и Реального. Эти понятия, а также понятие Символического в психоаналитической теории Жака Лакана являются тремя элементами, выделенными им для определения различий между элементарными регистрами, составляющими измерения человеческого существования. Хотя эти термины были восприняты социальными науками, следует отметить, что сам Лакан не давал их четких трактовок, более того – в течение жизни он не раз их переосмыслял. Николас Хейдок, заявляя о том, что он работает в лакановской системе понятий, не дает их определений, кроме единственной ссылки на Малкольма Боуи, определяющего воображаемое как «порядок зеркальных образов, идентификаций… родина нарциссического “идеального эго”…» [6. С. 7].

Поэтому для более полного представления подхода Николаса Хейдока мы приводим трактовку лакановских терминов. Она принадлежит не Лакану, но выражает ту позицию, которая является доминирующей для восприятия его учения в сфере гуманитарного знания. В краткой форме соотношение этих понятий можно представить следующим образом:

1. Воображаемое – это комплекс иллюзорных представлений, которые человек создает сам о себе и который играет важную роль его психической защиты или самозащиты. Воображаемое создает образ «Я», устраивающий индивида и играющий экранирующую роль как по отношению к объективной действительности, так и по отношению к тем образам этого индивида, которые существуют в сознании его партнеров по коммуникации – «других»[1].

2. Символическое – это сфера социокультурных норм и представлений, которые индивид усваивает в основном бессознательно, чтобы иметь возможность нормально существовать в обществе, т.е. это область сверхличных, всеобщих смыслов, задаваемых индивиду обществом.

3. Реальное – включает непосредственные жизненные функции и отправления. Это та сфера биологически порождаемых и психически сублимируемых потребностей и импульсов, которые не даны сознанию индивида в какой-либо доступной для него рационализированной форме [8. С. 194–196].

Ключевым понятием исследования, вводимым Хейдоком, является «средневековое воображаемое». Не меняя коренным образом лакановскую трактовку «воображаемого», Хейдок скорее расширяет и дополняет ее, вписывая в исторический контекст. Потому для автора так важно само обоснование «средневекового» воображаемого.

Во-первых, он указывает на частое употребление термина «средневековый» в массовой культуре, где важно его очевидно негативное значение.

Во-вторых, с точки зрения Хейдока, использование термина именно «средневекового» воображаемого обусловлено существующими лакунами в истории Средних веков: «Сама альтернативность Средневековья делает его особенно могущественным заповедником фантазии, царством превосходства Воображаемого» [6. С. 7].

В-третьих, «средневековое воображаемое» поддается более четкому выявлению в силу того, что «воображаемое наиболее очевидно проявляется в его нарушении, а не в его соблюдении, особенно в пародийной анатомии этих фильмов» [Там же С. 10]. Яркой иллюстрацией этого является фильм «Монти Пайтон и Священный Грааль». Анализируя этот фильм как пародию на Средневековье, Николас Хейдок дает одну из характеристик «средневекового воображаемого» как «состоящего в отрицании исторического различия или в слишком твердой вере в последовательность и непрерывность исторического развития…» [Там же. С. 12].

Хотя в работе Хейдока нет четкого определения вводимого им термина, исходя из лакановского определения, можно предложить следующую его трактовку: средневековое воображаемое – это устойчивый круг представлений о Средневековье, который отражается в киноискусстве и может трактоваться как характеристика обществом самого себя через призму средневековой истории. Подобное определение подтверждается ссылкой Хейдока на вывод Славоя Жижека о том, что «фантазия… является остатком реального» [Там же. С. 13–14].

После теоретических обобщений относительно «средневекового воображаемого» Хейдок переходит к параграфу «Реальные Средние века», завершая его любопытным умозаключением: «Возможно, решимость кинематографа вложить в средневековое детство психическую травму – это микрокосмическое

выражение грандиозного метапсихологического повествования, в котором современный мир находит источник своих проблем в травматическом детстве Средневековья» [6. С. 27].

Этот вывод предваряется следующими рассуждениями. Николас Хейдок осуществляет сравнение современного общества с психикой отдельного человека. Аппелируя к одной из аксиом психологии (все проблемы взрослого человека берут начало из детства), автор проводит аналогию: если современное общество находится в стадии взросления, то Средневековье будет выступать периодом детства. Эта мысль иллюстрируется им на примере отдельной личности – Жанны Д'Арк. В то время как основная часть ее жизни оказалась достаточно документирована, свидетельства о ее детстве крайне скудны. При этом кинематографические образы Жанны не обходятся без демонстрации травмирующего психику средневекового детства, послужившего первопричиной всех дальнейших событий ее жизни. Тем самым «средневековое детство» выступает периодом детства всего общества, а его кинематографические образы – попыткой объяснения. Таким образом, «средневековое воображаемое» может выступать проекцией как современной реальности, так и реальности средневековой, в попытке общества преодолеть кризис идентичности и оправдать себя.

Однако теоретические построения Николаса Хейдока вступают в серьезное противоречие с методами его работы. В качестве примера возьмем одну из глав его книги, посвященную фильму 2004 г. – «Королю Артуру» Антуана Фукуа [Там же. С. 165–186]. Структурно глава делится на четыре части – «Семь сарматов», «Семь сарматов знакомятся с Александром Невским», «Романтическая генетика» и «Игра с легендой». Первые два параграфа посвящены сравнению кинематографических и сюжетных приемов фильма Фукуа с шедеврами Куросавы «Семь самураев» и «Александром Невским» Эйзенштейна. Третья часть представляет собой любопытные данные генетики о соотношении истинно британского и привнесенного германского в «ДНК Британских островов». И, наконец, завершающий параграф посвящен построению Средневековья в компьютерной игре. Глава вызывает явное недоумение, так как ни о каком «средневековом воображаемом» в фильме Фукуа речи не идет, и единственная прямая отсылка к Лакану – это рассуждения об экране как зеркале общества в финале главы. Николас Хейдок проводит несколько параллелей между данным фильмом / фильмами и историей современности, например, сравнивая сражения артуровского войска с войной во Вьетнаме или Персидском заливе, или же повторяющиеся сюжетные ходы фильмов как символ нации, вставшей на защиту родины под предводительством харизматичного лидера. Подобные сравнения оказываются либо слишком частными, либо слишком общими, в итоге оставаясь безосновательными утверждениями, если не сказать – оценкой автора. Остается не ясным, «средневековым воображаемым» какой конкретно реальности выступает фильм.

Подводя итоги, можно отметить, что долгое время cinema studies обходились без применения лакановской системы. Однако в силу роста междисциплинарных исследований, подъема интереса к психоанализу и социально-политического заказа его попытались применить в изучении кинематографа. Конструирование обществом своего «воображаемого» через экран, символизирующий зеркало, представлялось перспективным подходом в данной сфере, что было блистательно продемонстрировано Кристианом Метцем.

Однако выделение из сферы кинематографа исторического кино обусловило очередной виток научных поисков. Безусловным достоинством работы Николаса Хейдока является сама попытка адаптации лакановского психоанализа для изучения лишь одной, весьма узкой сферы кинематографа – «средневекового кино». Его теоретические положения и предлагаемый им концепт «средневекового воображаемого» могут выступить в качестве оригинального метода анализа исторического кино. В то же время подход Николаса Хейдока демонстрирует существенный разрыв между теоретическими разработками и их конкретным применением. Выделение того «средневекового воображаемого», о котором говорит автор, происходит не вполне четко, во многом в силу того, что сам термин не несет определенных характеристик. Потому подобный подход представляется как перспективным и претендующим на новизну, так и неоднозначным и требующим серьезных доработок.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Формирование воображаемого происходит у ребенка в возрасте от 6 до 18 месяцев – на стадии, которую Лакан назвал «стадией зеркала»: именно в этот период ребенок, воспринимавший ранее собственное отражение как другое живое существо, начинает отождествлять себя с ним, узнавать себя в зеркале.

ЛИТЕРАТУРА

1. Фантастическое кино. Эпизод первый : сб. ст. / сост. и науч. ред. Наталья Самутина. М. : Новое лит. обозрение, 2006.
2. Mulvey L. Visual pleasure and narrative cinema // Screen. Oxford Journals. 1975. № 16 (3). P. 6–18.
3. Метц К. Воображаемое означающее. Психоанализ и кино. СПб. : Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2013.
4. Hollywood in the Holy Land: Essays on Film Depictions of the Crusades and Christian-Muslim Clashes / ed. by Nicolas Haydoc and E.L. Risden. Jefferson, NC : McFarland, 2009.
5. Haydoc N., Risden E.L. Beowulf on Film: Adaptations and Variations. Jefferson, NC ; London : McFarland & Company, Inc., Publishers, 2013.
6. Haydoc N. Movie Medievalism: The Imaginary Middle Ages. Jefferson, NC, McFarland, 2008.
7. Harty K. The Reel Middle Ages: American, Western and Eastern European, Middle Eastern and Asian Films About Medieval Europe. Jefferson, NC : McFarland, 2006.
8. Чепелева Н.В. Структурный психоанализ (Ж. Лакан) // Психология личности : словарь-справочник / под ред. П.П. Горностая, Т.М. Титаренко. Киев : Рута, 2001.

Статья представлена научной редакцией «История» 24 августа 2017 г.

HISTORICAL CINEMATOGRAPHY THROUGH THE LENS OF LACAN'S PSYCHOANALYSIS: THE APPROACH OF NICHOLAS HAYDOCK

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 424, 154–157.
DOI: 10.17223/15617793/424/21

Vlada O. Fedyaeva, Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russian Federation) E-mail: lada2504@ gmail.com

Keywords: cinema studies; medievalism; "medieval imaginary"; Middle Ages; Nicolas Haydock; Jacques Lacan.

This article is devoted to the problem of interdisciplinary research located at the intersection of cinematography studies and historical research. The author offers a description of "cinema studies" as an academic discipline in foreign science, as well as its main differences from "film studies", the science of cinema art that has developed in the domestic science. The main motive of the article was the consideration of the prospects for applying the developments of cinema studies in historical studies. This problem is considered on the example of studying the phenomenon of the so-called "medieval cinematography". The basis of the research presented in this article was a detailed analysis of Nicholas Haydock's *Movie Medievalism: The Imaginary Middle Ages*, published in 2008. Haydock is a professor of English at the University of Puerto Rico. The aim of the study was a critical analysis of his approach to "medieval cinema" interpretation. To achieve the aim, three objectives were set: first, to study the methodological basis of Nicholas Haydock's approach – the psychoanalytic theory of Jacques Lacan; second, to consider specific examples of the author's cinematography analysis; third, to ascertain the level of correspondence between the methodological basis claimed by the scholar and the methods of his work. The research is based on the traditional methodological basis of historiographical research. The author makes a sequential logical reconstruction of the theoretical and methodological concept of Nicholas Haydock and constructs intellectual contexts, meaningful for the formation of this concept. The conducted research allowed to come to several conclusions reflected in the article. The main result was the discrepancy between the concrete examples of Haydock's work and the presented methodology, that is, the psychoanalysis of Jacques Lacan. It should be noted that, on the one hand, Haydock does not state that he uses the psychoanalysis of Jacques Lacan and the theory of the time and space image of Gilles Deleuze for his film interpretation. He stipulates that he only represents the field of cinematography research through their prism. On the other hand, without using these theories, Nicholas Haydock remains without methodology at all, and thus his basis of film analysis is unclear. However, his work is an attempt of a new theoretical rethinking of the analysis of historical cinema, which, undoubtedly, indicates the existence of extensive research prospects in this field.

REFERENCES

1. Samutina, N. (ed.) (2006) *Fantasticheskoe kino. Epizod pervyy* [A fantastic movie. Episode One]. Moscow: Novoe lit. obozrenie.
2. Mulvey, L. (1975) Visual pleasure and narrative cinema. *Screen. Oxford Journals.* 16 (3). pp. 6–18.
3. Metz, C. (2013) *Voobrazhaemoe oznachayushchee. Psikhoanaliz i kino* [The *Imaginary Signifier*: *Psychoanalysis* and the *Cinema*]. Translated from English. St. Petersburg: European University in St. Petersburg.
4. Haydock, N. & Risden, E.L. (eds) (2009) *Hollywood in the Holy Land: Essays on Film Depictions of the Crusades and Christian-Muslim Clashes*. Jefferson, NC: McFarland.
5. Haydock, N. & Risden, E.L. (2013) *Beowulf on Film: Adaptations and Variations*. Jefferson, NC; London: McFarland & Company.
6. Haydock, N. (2008) *Movie Medievalism: The Imaginary Middle Ages*. Jefferson, NC: McFarland.
7. Harty, K. (2006) *The Reel Middle Ages: American, Western and Eastern European, Middle Eastern and Asian Films About Medieval Europe*. Jefferson, NC: McFarland.
8. Chepeleva, N.V. (2001) Strukturnyy psikhoanaliz (Zh. Lakan) [Structural psychoanalysis (J. Lacan)]. In: Gornostay, P.P. & Titarenko, T.M. (eds) *Psikhologiya lichnosti: slovar'-spravochnik* [Psychology of personality: dictionary-reference book] Kiev: Ruta.

Received: 24 August 2017

Вестник Томского государственного университета. 2017. № 424. С. 158–167. DOI: 10.17223/15617793/424/22

УДК 94:378.4(571.16)“1917”

С.Ф. Фоминых, А.О. Степнов

РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1917 г. И ТОМСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ В ВОСПОМИНАНИЯХ Л.В. АРНОЛЬДОВА

Статья выполнена в рамках Программы повышения конкурентоспособности Томского государственного университета и при поддержке гранта Правительства РФ П 220 в рамках проекта «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности» (№ 14.B25.31.0009).

Анализируются мемуары бывшего студента Томского университета, публициста и исследователя Китая Л.В. Арнольдова «Жизнь и революция» как источник по истории университетского сообщества в период революционных событий 1917 г. Прослеживаются жизненный путь автора, его политические воззрения и их влияние на оценки и описания представленного в воспоминаниях периода. С опорой на материалы архивных документов, справочной литературы, периодической печати, дневников студента П.А. Леонова рассматривается повседневная жизнь профессоров и студентов Томского университета времен революции, а также их дальнейшие судьбы сквозь призму отечественной истории первой половины XX в.

Ключевые слова: Томск; университет; студенты; профессора; Русская революция 1917 г.; Л.В. Арнольдов; мемуары.

Годовщина Революции 1917 г. актуализирует для исследователей комплекс проблем, связанных с этим периодом отечественной истории: трагическим и переломным в судьбе не только России, но и всего мира. Изменения, последовавшие вслед за революционными событиями того времени, коснулись самых различных сфер жизни российского общества в целом и наложили отпечаток на развитие его региональных микросоциумов.

Влияние революции на историю университетского сообщества г. Томска уже рассматривалось в одной из статей авторов настоящей работы [1]. В продолжение и развитие этой темы вниманию предлагается анализ страниц истории университета, отраженных в воспоминаниях преподавателя, публициста и исследователя Китая Л.В. Арнольдова. В 1916–1918 гг. он являлся студентом Томского университета (до февраля 1917 г. – Императорского Томского университета) – сначала медицинского, а затем юридического факультета.

Лев Валентинович Арнольдов родился 10 (22) июня 1894 г. в селе Черевковском Сольвычегодского уезда Вологодской губернии в семье лесничего Валентина Петровича Арнольдова. В 1897 г. отец был переведен на службу в Тобольскую губернию, где и прошло раннее детство Льва. Там Арнольдов-старший, имевший тогда чин коллежского асессора, получил должность лесного ревизора [2. Л. 6]. Вплоть до 1904 г. они жили в г. Таре, «отстоявшей от губернского центра в семистах верстах и от Омска, ближайшего пункта железной дороги, в 250», – жили, как пишет Л. Арнольдов, «совсем не варварской, а, наоборот, тихой, мирной и приятной жизнью» [3. С. 24].

Однако размеренность и спокойствие продолжались недолго. В дальнейшем отец неоднократно менял место службы, а потому детство героя настоящей статьи прошло в непрерывных переездах, что спустя годы позволило ему назвать себя «человеком с опытом вселенских странствий» [Там же. С. 18]. «Я закрываю глаза, – вспоминал он позднее, – и перед моим мысленным взором, одна за другой, проносятся картины той Сибири, в которой я провел детство и юность и по которой путешествовал на протяжении пятнадцати лет, с 1900 года по начало европейской войны, всеми способами и по многим трактам» [Там же. С. 16].

В 1904 г. семья, родители с двумя детьми (у Л.В. Арнольдова был брат Евгений, который в будущем также обучался в Томском университете), переехала в Омск. Для юного Льва город запомнился «переполненным, ключом кипящим Люблинским проспектом», кофейным ароматом, величественными пристанями со стоящими у причала «красавцами-пароходами». Их образы мгновенно переносили детское сознание «из провинциального, привычного затишья в мир движения, аккуратности, техники и прогресса». Запечатлелись в его памяти и офицеры, юнкера и кадеты, воспитанники Казачьего подготовительного пансиона «с красными погонами и золотыми пуговицами на черных мундирах», генералы и солдаты, музыка военных оркестров. На отдаленных подступах империи начиналась Русско-японская война, «отзвуки» которой доносились до того сибирского города.

Мать, Любовь Владимировна, с сыновьями Львом и Евгением (отец был занят по службе) почти каждое лето путешествовала на пароходах-гостиницах по сибирским рекам. Тогда же Лев ознакомился с жизнью сибирских деревень и отдаленных сел. Он вспоминал: «За зеркальными окнами и бархатными занавесями рубки первого класса и при свете желтых, тогда калильно-угольных электрических лампионов, жизнь представлялась иной, чем в деревенских избах». При этом Лев подчеркивал: «Я никогда не испытывал какого-либо особенного отчуждения от мужика, не чувствовал на себе его злобных взглядов, не боялся крестьян и не сторонился» [3. С. 18].

В судьбах многих русских интеллигентов тех лет подчас не последнюю роль занимало знакомство с «изнанкой» народной повседневности, с миром русской деревни. Не даром в своих мемуарах Л.В. Арнольдов, описывая собственные переживания по этому поводу, ссылается на творчество Бунина с его прозой, запечатлевшей пасторальные сцены. Перекличкой с ней звучат воспоминания Арнольдова о «веселых, довольных парнях, девках с румяными щеками, готовых всегда расхохотаться, степенных мужиках», о деревне, которая «не только хмурилась, в особенности серыми, осенними, дождливыми днями, но и улы-

балась, веселила, тянула к себе и умиляла». Однако эта идиллическая картина сельской жизни контрастно оттенялась «образами и примерами злобы, тьмы, грязи, болезней» [3. С. 18].

После Омска семья некоторое время жила в Тюмени. Арнольдов с теплотой вспоминал этот город, его Царскую улицу, богатые дома Колмогоровых, обширный каток и театр, где он впервые увидел спектакли по пьесам «Ревизор» и «Горе от ума». Запомнились ему и сад с акациями в цвету возле здания Коммерческого собрания, открытая сцена при нем «для дивертисментных выступлений некоего купца с лицом столь откровенно монгольским, что сразу после Русско-японской войны его называли Ояма, страстного картежника и вообще игрока».

Тюмень, известная тогда как купеческий город, отпугивала обывателя этой своей особенностью. Купечество по традиции, восходящей к драматургии Островского, воспринималось сквозь призму «ужасов купеческих застенков и домостроевского быта». Однако Л.В. Арнольдов отмечал по этому поводу: «Когда я там проводил свое детство, эти рассказы казались уже порождением истерической фантазии» [Там же. С. 19]. Заслуживают внимания наблюдения и размышления Арнольдова о Тобольске, с которым была связана его жизнь в 1908–1910 гг., а также об Иркутске.

Рассуждения о провинциальной жизни на примерах вышеперечисленных сибирских городов, описания и зарисовки наиболее примечательных мест: площадей, улиц, заведений; характеристики городских обывателей – все эти аспекты жизни сибирского общества тех лет сохранились в памяти Л.В. Арнольдова. На те же годы пришлось его начальное и среднее образование, которое в разное время он получал в Омской гимназии, Тюменском Александровском реальном училище, Тобольской и Иркутской гимназиях.

Не окончив гимназию и прервав обучение, Лев в 1912 и 1913 гг. «с большой пользой для себя» проводит время за границей. В это время он жил в Берлине, Париже и Тулузе. В Европе Арнольдов столкнулся с различными кругами русской эмиграции, их политическими настроениями (позднее он вспоминал о своем конфликте со студентом-эсером), посещал семинары и лекции в различных университетах. Тогда же оформляются его политические взгляды, для которых характерно острое неприятие социалистических, революционных настроений, ориентация на почвенническую позицию, восходящую к славянофильству, противопоставленную русскому либерализму. Как известно, данная поляризация была весьма характерна для российской общественно-политической мысли того периода. Именно под знаком этих воззрений формировались его взгляды и восприятие трех русских революций, современником которых он стал; в целом социальных изменений России в первой четверти XX в. Это же повлияло и на его жизненный путь.

По возвращении из Европы Л.В. Арнольдов завершил свое среднее образование. В мае 1916 г. по окончании Иркутской гимназии он получил аттестат зрелости. Судя по оценкам, уже тогда он проявил склонность к гуманитарным специальностям (имел отличные оценки по Закону Божьему, русскому языку с церковно-славянским и словесности, законоведению, в то время как по математике, физике, математической географии получил «удовлетворительно» [2. Л. 4]), что в дальнейшем определило основной род его деятельности.

Тем не менее в том же году Арнольдов подает прошение на имя ректора Императорского Томского университета профессора М.Ф. Попова о зачислении его в число студентов медицинского факультета [Там же. Л. 2]. Впрочем, склонности уже спустя год взяли свое: в ноябре 1917 г. под влиянием профессора-юриста университета, в дальнейшем – своего «друга и учителя», Н.Я. Новомбергского [3. С. 59] он перевелся на юридический факультет того же вуза [2. Л. 3].

Новоявленный студент-юрист Л. Арнольдов сразу же был избран товарищем председателя президиума (им был тот же Новомбергский) студенческого юридического общества при Томском университете [4. 14 нояб.]. В его состав также входили студенты Н.И. Ган (секретарь общества), В.Г. Попов (казначей), И.П. Кожиков, Н.В. Ковалевский, А.Ф. Сарианаки (члены правления) [5. 1917. 13 нояб.].

В дальнейшем Арнольдов принимал активное участие в общественной жизни университета, в том числе в так называемых литературных судах. Например, 7 декабря 1917 г. он в качестве «прокурора» выступал на литературном процессе «Моцарт и Сальери А.С. Пушкина» [Там же. 6 дек.], а в марте 1918 г. принял участие в вечере, посвященном памяти О. Уайльда, который был устроен в зале музыкального училища. Л.В. Арнольдов тогда выступил с докладом «Эскиз об Уайльде» и «оставил большое впечатление у аудитории, состоявшей преимущественно из учащейся молодежи» [Там же. 1918. 9 марта (24 февр.)]. Он также входил в состав студенческого товарищеского суда [Там же. 7 марта (22 февр.)].

В марте 1918 г., опасаясь репрессий со стороны местных органов советской власти, Л.В. Арнольдов покидает Томск и на время возвращается домой к матери в Иркутск (отец умер в 1914 г.). Однако задерживается он там ненадолго – отправляется на Дальний Восток. Вскоре по приглашению того же Н.Я. Новомбергского, который тогда занимал должность товарища министра внутренних дел в правительстве Колчака, Арнольдов едет в Омск.

Там он активно сотрудничал с властью. С октября 1918 г. Арнольдов состоял начальником департамента по делам печати, затем – директором бюро информации Министерства иностранных дел правительства Колчака. Летом 1919 г. с намерением уехать в США для проведения пропагандистской деятельности он вместе с матерью отправляется по железной дороге на восток. Однако, судя по всему, в силу определенных обстоятельств его планы изменились, и Арнольдов остался в Китае. Нетипично для своей биографии, но с этой страной он оказался связан почти на два десятилетия. Однако и в конце жизни Л.В. Арнольдов остался верен своей «жизненной одиссее»: незадолго до начала Второй мировой войны он уехал в Бразилию, где и прервалась его жизнь. Ориентировочно это произошло в 1946 г.

В Китае Л.В. Арнольдов занялся исследовательской краеведческой деятельностью. Во время проживания в Харбине (провел там четыре с половиной года) публиковал статьи в местных газетах. После переезда в Шанхай одно время был редактором ежедневной газеты «Шанхайская заря» [6]. Позднее из-под его пера вышли две монографии, посвященные истории и современности Китая. Это книги «Китай как он есть: быт и политика» [7] и «Из страны Белого Солнца: этюды о Китае» [8].

Тогда же Арнольдов обращается к мемуарной литературе, решив запечатлеть страницы своей разнообразной биографии в едином произведении. В его кратком предисловии он отмечал: «В своеобразной форме воспоминаний, преломляя факты личной жизни через призму крупнейших событий эпохи, мне хотелось показать в более или менее художественной форме, как герой повествования, в данном случае – автор, один из миллионов русских, воспринимал события исторического масштаба, участвовал в них и их расценивал» [3].

Следует отметить ряд особенностей его мемуаров, опубликованных в 1935 г. в эмигрантском издательстве в Шанхае под заголовком «Жизнь и революция». Подчеркнем то, что работа не лишена характерных для данного вида исторических источников погрешностей, связанных с датировкой, именами собственными, последовательностью излагаемых событий и т.д. Так, он пишет о том, что в 1916 г. в Томском университете открываются два новых факультета: историко-филологический и физико-математический [Там же. С. 58–59], хотя на самом деле это произошло в 1917 г.

От чистых воспоминаний его книгу отличает то, что она снабжена многочисленными рассуждениями о времени и стране, подкрепленными ссылками на других авторов. Особое место среди них занимает русский мыслитель, писатель и публицист В.В. Розанов, мысли и рассуждения которого из произведений «Опавшие листья», «Уединенное», «Литературные очерки» рефреном повторяются в мемуарах.

Для Л.В. Арнольдова написание этих воспоминаний стало способом «коллекционирования в памяти и на бумаге» фактов жизни, образов истории, былых впечатлений, наиболее ярких моментов существования, «которые живут только в нашем воображении до тех пор, пока мы не поведали их бумаге, для сохранения в памяти других людей» [Там же. С. 5]. Сам Арнольдов, в том числе и по вышеуказанным причинам, не хотел определять эту книгу как мемуары, хотя и ориентировался на памятники данного жанра. Его образцы, оставленные Марко Поло и Монтенем, Макиавелли и Гоббсом, Сервантесом и Данте, Яном Гусом и Джордано Бруно, бесчисленными деятелями XIX в., представлялись ему «одним из культурных двигателей человечества». И вместе с тем создание персонифицированного свидетельства времени в сознании Арнольдова диктовалось миссией «проигравшего» в Гражданской войне и в силу этого поражения оказавшегося оторванным от Родины, пожелавшего сохранить «связь прошлого с настоящим», отразить «бурную эпоху, через которую прошла Россия в первой четверти двадцатого века» [Там же. С. 9, 11].

Отдельные отрывки и главы из книги Арнольдов, конечно же, посвятил периоду своего обучения в Томском университете. Он выпал на революционный 1917 г., что в конечном итоге определяет ценность воспоминаний с точки зрения реконструкции истории университета периода, во многом ставшего переломным в его развитии.

Имея за спиной опыт жизни в европейских странах, Л.В. Арнольдов, приехав из Иркутска в Томск, воспринял представшие перед его взором здания первого университета в Сибири как «весьма скромные». «От нашего университета, – подчеркивал он, – у меня сохраняется отчетливое воспоминание о длиннейшем, действительно необычайно длинном, узком, довольно низком, мрачноватом коридоре и об отдельном, гораздо более новой стройки, здании библиотеки, где все было так культурно, так не по-сибирски строго и чинно, так далеко от типично студенческого, провинциального быта с его обязательными заседаниями землячеств по убогим квартирам, с вечеринками, на которых доминировала балалайка, с кафе (через “е”) Фартоцкого, где за дешевку ели-глотали с особым причмоком обжигающие пельмени и пили водку». И далее: «При библиотеке был большой и новый зал, в котором мы устраивали диспуты, в котором гремели потом, в революционные месяцы, пылкие речи, и где далее заседала в 1918 году Сибирская областная дума… В библиотеке, с ее темно-зелеными металлическими полками, с карточной системой, с ее тишиной и солнечностью, я словно преображался, я отдыхал, я был почтительно настроен и благоговел» [3. С. 59–60].

Куда более благоприятное впечатление на него произвели расположенные выше, на горке, здания Томского технологического института с их «огромными, широкими» коридорами. Особенно поразили его окна «размером, как широкие ворота», чертежные аудитории, электрические лампы с абажурами, «что спущены с потолка, прямо над склоненной головой студента».

Однако университет создают не строители величественных зданий в стиле эклектики (именно в нем выдержаны основные строения томских вузов того периода), а профессора и преподаватели. К данной мысли, принадлежащей Розанову, Арнольдов был неравнодушен, что определяло его особое внимание к профессорам Томского университета, зарисовки образов которых он сохранил в своих воспоминаниях. Так, особое восхищение у него вызвали профессора историко-филологического факультета, которые приехали в Томск из Петрограда. Лекции, которые они читали в «низких, полутемных» аудиториях юридического и медицинского факультетов (в главном корпусе тогда завершался ремонт) «с редким подъемом», собирали большое количество слушателей, в том числе с других факультетов и вузов. Так, Арнольдов, который посещал их «с большим восхищением» («Это, подсознательно, была именно моя стихия», – подчеркивал он), вспоминал: «Был даже какой-то среди них профессор Технологического института, который был одет в виц-мундир с петличками действительного статского советника, у которого голова была совсем седая и который с трогательным старанием записывал философские импровизации молодого, но уже нацело лы-

сого, напряженного и вдохновенного, внешне маленького, как воробышек, Сергея Иосифовича Гессена» [3. С. 61–62].

Вместе с тем Арнольдов, рассуждая о профессорах вуза, подчеркнул: «Все-таки, “из песни слов не выкинешь”, юридический факультет в Томске дал России пресловутого М.А. Рейснера, и, кроме Рейснера, на нем было много либеральничавших профессоров» [Там же. С. 62]. Напомним, что М.А. Рейснер с 1899 по 1903 г. занимал должность экстраординарного профессора по кафедре государственного права Императорского Томского университета. В марте 1901 г. открыто поддержал студенческую забастовку. Его общественная деятельность неоднократно приводила к конфликтам с попечителем Западно-Сибирского учебного округа Л.И. Лаврентьевым, а также ректором – профессором А.И. Судаковым. В апреле 1903 г. он был уволен со службы и лишен права преподавания в России. Одно время пребывал в эмиграции, принимал участие в революции 1905–1907 гг., позднее вел научно-социалистическую пропаганду в рабочих аудиториях. В годы Перовой мировой войны ездил с лекциями по Сибири, в ходе которых проводил антивоенную агитацию. В советский период Рейснер участвовал в составлении первой советской конституции, занимал ряд постов в органах и учреждениях советской власти [9. С. 204–207].

Однако все это произошло позднее, когда Февральская революция (хотя сам Арнольдов характеризовал февральские события в Петрограде как «переворот (и, притом, больше – дворцовый)») была уже позади.

Интерес представляют воспоминания Арнольдова, касающиеся политических настроений в среде университетского сообщества и «подпольной работы» накануне революционных событий. Обратимся к ним, чтобы в очередной раз пролить свет на вопрос о предпосылках Февральской революции в региональном срезе. Так, значительная часть политической активности студенчества, по его словам, концентрировалась «на периферии в землячествах», которых в том же университете насчитывалось свыше 30. Отмечается, что они были связаны с различными рабочими профсоюзами, комитетами партий, а также столичными революционными центрами.

Автор упоминает случай, как однажды в аудиторию, где только закончилась лекция (читал ее профессор-химик П.П. Орлов), сразу по уходу лектора, невзирая на всевозможные риски и неприятности («вплоть до полиции»), ворвался один из представителей так называемых подпольщиков и предложил аудитории по случаю годовщины смерти Л.Н. Толстого устроить забастовку. «Хорошенькое празднество! И зачем, почему, товарищ, в день годовщины смерти надо бастовать?», – раздался в аудитории голос студента Арнольдова, однако не вызвал одобрения присутствовавших. Арнольдов подчеркивал, что решение о забастовке исходило от старостата [3. С. 63–64].

Упоминается также и случай на лекции профессора В.Н. Саввина, который однажды сразу после прибытия с фронта читал в студенческом Пироговском обществе лекцию на сугубо медицинскую тему. «После доклада, – пишет Л.В. Арнольдов, – когда начинаются для медиков прения, слово просит технолог Закария (пламенный оратор, чахоточный, из редкой разновидности большевиков-идеалистов) и предлагает поставить вопрос шире: “Отчего все эти ранения и ужас и кто начал империалистическую бойню?”».

Однако попытки поднять вопрос об «истинных» причинах полыхавшей войны исходили не только от студентов-большевиков, но и от вполне уважаемых профессоров Томского университета. Лекцию, посвященную причинам Великой (впрочем, Арнольдов подчеркивает, что в те времена ее называли «европейской») войны, прочитал однажды профессор-экономист, декан юридического факультета П.И. Лященко. В ней он высказал достаточно радикальные суждения о предмете: о войне как «результате не то капиталистического, не то даже колониального соперничества держав». Патриотически настроенный студент Арнольдов следующим образом прокомментировал это: «В войнах есть не только свой пафос, но и своя мистика, элемент высокого идеализма, который никак не уложишь в прокрустово ложе исторического материализма». И далее, анализируя подобные случаи: «Все это делалось, так сказать, легально в стенах Императорского университета, в годы войны, когда стояла на карте самая судьба России как национального целого, как великой империи» [3. С. 65–66].

Более всего Л.В. Арнольдова поразила лекция товарища председателя Государственной думы, до избрания – профессора Томского технологического института Н.В. Некрасова, который в качестве «избранника родного города» [4. 14 марта] приезжал в Томск в сентябре 1916 г. Для «провинциального города» тогда это было «большим событием» [3. С. 66]. Темой для своей открытой лекции он избрал «Историю прогрессивного блока». «И вот то, что я, студент, услышал… – вспоминает Арнольдов о том выступлении. – Человек с кафедры бросал в зал зажженную паклю. Человек открыто, а по условиям военного времени и преступно революционизировал толпу… Тут, в грозе и буре великой, непосильной для нас войны, своими же руками рыть могилу России – было от чего ужаснуться, как ужаснулся я на докладе проф. Н.В. Некрасова» [Там же. С. 67–68].

Обращаясь к воспоминаниям Л.В. Арнольдова о событиях февраля 1917 г., уместным видится сравнить их с дневниковыми записями студента горного отделения технологического института П.А. Леонова. Последний был приверженцем идеологии сибирского областничества, крайне негативно смотрел на политические события в России, сопутствовавшие Первой мировой войне («распутинщину», «министерскую чехарду», репутацию царской семьи и т.д.), в своих дневниках сохранил депрессивные описания социально-экономической жизни Томска и Сибири в целом. Его отношение к войне (и это вытекало из политических взглядов студента) в неформальном стиле того времени можно охарактеризовать понятием «пораженчество». Он отмечал: «Война все более и более действует своей обратной стороной» [10. Л. 19]. Притом из уст человека, для которого Сибирь стала своеобразной религией, фраза «нынешняя война к Сибири

непосредственно не относится» имеет особый смысл и звучание. Свои чаяния и надежды, таким образом, студент Леонов связывал со сменой государственного строя. 6 января 1917 г. он писал: «Уволен [Д.С.] Шуваев, отсрочена Дума – все это наряду с целым рядом других событий вызывает большую тоску и все меньше и меньше видишь впереди светлого. Когда же, наконец, все это прорвет, перемелется?» [10. Л. 9].

Как вытекает из ранее написанного, взгляды Л.В. Арнольдова имели принципиально иные очертания. В годы Гражданской войны он приложил немало усилий для борьбы «с красными» (именно этому периоду посвящена большая часть его воспоминаний). Однако что объединяет этих двух студентов, которые, вероятно, даже не были знакомы, так это неприязнь к, грубо говоря, текущей политической ситуации. Арнольдов вспоминал, какие чувства он испытал, получив телеграмму-летучку из Петрограда. «Молния прорезала сознание (по старинной метафоре), – писал он, – что распутиновщине [так в тексте] и Протопопову положен конец; я был в восторге, я захлебнулся от радости». На этом, впрочем, сходства заканчиваются. Арнольдов называл себя «оборонцем» (понятие, противоположное «пораженчеству»), и, резюмируя свою реакцию на известия из Петрограда, он отметил: «Ничто для меня в эту минуту не стояло больше между Россией и победой!» [3. С. 72]. Куда меньшее воодушевление вызвала у него новость об отречении императора. Он подчеркивал в связи с этим: «Государь, этот стержень, который вынимают из государства, из армии в такой исторический, в такой ответственный момент на решающем этапе войны, победив в которой Россия должна была буйно зацвести и обновиться!» [Там же]. Стоит ли оговаривать его реакцию на отказ от престола Великого князя Михаила Александровича.

Политические, духовные воззрения этих двух людей наложили отпечаток на их зарисовки событий в Томске, вызванных известием о революции. Л.В. Арнольдов вспоминал, что в конце февраля – начале марта «вдруг поредели сведения из Петербурга». Жителей города не могло не заинтриговать такое молчание, тем более что городские обыватели Томска ждали каких-то изменений задолго до этого. «Все-таки “наперед”, – вспоминал Арнольдов, – уже строились, словно в подсознании, какие-то новые, пока совсем не ясные, предположения насчет того, что если “что-нибудь” случится, то как-то повернется судьба» [Там же. С. 70].

Изменений ждали и все-таки не верили в то, что революция будет поддержана в Томске. Арнольдов отмечал по этому поводу: «В Сибири даже в двадцатых числах февраля 1917 года все казалось в административных всероссийских скрепах так прочно, что мысль сразу же осаживалась, – беспорядки могут быть, но они могут быть подавлены» [Там же]. Вторит ему и дневниковая запись П.А. Леонова, сделанная 2 марта по поводу уже свершившейся революции: «Прямо не верится». В то же время он добавляет: «Совершилось, чего ждали. Государственная Дума сместила старое правительство и учредило Временное из своих членов. В Петербурге произошел переворот. Войска на стороне Думы. Как приятно, радостно это. Наконец-то проснулись! Наконец-то брошены слова. Мы вздохнем посвободнее» [10. Л. 78 об.].

Как и студент Леонов («Утром в институте я узнал, что есть сведения о беспорядках и перевороте в Петербурге» [Там же. Л. 79 об.]), Л.В. Арнольдов впервые, еще до официальных сообщений, услышал о случившемся случайно от студента-медика К. Зерова. «Он передал мне слух, – вспоминал Арнольдов, – что в Петрограде беспорядки. Но все было так тихо, так мирно, так буднично и провинциально кругом нас, что весть эта от Зерова не материализовалась ни во что конкретное в моем сознании» [3. С. 70]. В том же духе воспринял эти слухи и Леонов: «Этому я хотя и поверил, но сомневался. Мы за время войны стали очень скептическими людьми. Покажи – поверю, говорил мне разум» [10. Л. 79 об.–80].

Однако в тот же день, 1 марта (хотя Арнольдов по ошибке указывает этот день как «27 или 28 февраля»), оба студента поняли, что «слух об аресте министров был известен многим», когда пришли в центр города («треугольник»: Леонов пишет об улицах Почтамтской и Набережной р. Ушайки, Арнольдов – о Миллионной). И тот и другой вместе с толпой горожан явились в тот день к редакции газеты «Сибирская жизнь», которая находилась недалеко от магазина «Макушина и Посохина». Арнольдов описал этот эпизод следующим образом: «Толпа стала как-то необычно густеть, и я запомнил, что в ней было больше, чем всегда, солдат, людей “рабочего” вида, шустрой молодежи, что всегда вертится в России в вестибюлях кинематографов, гимназисты и, конечно, студенчество, барышни. Было какое-то еще неясное возбуждение. Проползли, видимо, и в их головах первые вести о том, что “что-то” случилось; решительно подалось, зловеще затрещало» [3. С. 71]. Таким образом, реакция Арнольдова на первые слухи была куда более сдержанной в сравнении с тем же Леоновым, которому в тот день «чувствовалось, что словно оковы спали» [10. Л. 81].

Как уже упоминалось, спустя день слухи подтвердились: 2 марта все местные газеты вышли с новостями о революции. Несмотря на всеобщие ликования, студент Л.В. Арнольдов не мог избавиться от тревожных ощущений. Особенно угнетала его первая после «переворота» речь Милюкова, «где он бросил слова о “старом деспоте”» (Он отмечал в воспоминаниях: «Мне импонировал его европеизм, но эти ужасные слова, брошенные в гущу черни, ради ее потехи!»), наконец, горькие предчувствия в связи с отречением царя от престола. Арнольдов писал: «Если не государь, то Наследник. Если не Наследник, то в.к. Михаил Александрович. Потом (ведь события мелькали одно за другим) была еще одна зацепка перед черной ямой – в.к. Николай Николаевич. Если бы он объявил свою власть!!!» [3. С. 72–73].

Данный краткий сравнительно-исторический анализ в очередной раз демонстрирует уровень поляризации российского общества того периода. В массе своей будучи объединенным на почве критики внутриполитического состояния России, неприязни к правительству, оно раскалывалось в вопросе дальнейшего развития страны, и если одни смотрели на

произошедшее как на «освобождение от оков» и «пробуждение ото сна», то другие, такие как Л.В. Арнольдов, не могли избавиться от мрачных предчувствий. Впрочем, стоит сделать ссылку на то, что все основные оценки и рассуждения представлены у него постфактум.

День 3 марта, по воспоминаниям Арнольдова, выдался пасмурным, «серым». В это время он со своими сокурсниками внимательно наблюдал за реакцией профессуры на произошедшее. Тогда в большой аудитории нового анатомического корпуса (в жаргонном стиле его называли «анатомкой») состоялась лекция профессора философии права Томского университета И.В. Михайловского на «сенсационную тему» «О государственном строе».

В переполненной, «битком набитой» аудитории, «куда пришли все, кто мог, кто понимал, кто интересовался тем, что происходит вокруг нас, даже те студенты с красными повязками на рукавах, которые сразу, в первый же день вестей попали в милицию и уже охраняли арестованного в своем "дворце" губернатора», – в такой аудитории появился «немолодой и некрасивый, больной сердцем, с каким-то странным акцентом» профессор И.В. Михайловский. Одет он был в не новый, обычный строгий сюртук и «как всегда в свежем крахмальном воротничке», при ярком галстуке, голубом, «а не каком-нибудь бордовом, как у некоторых гг. профессоров» [3. С. 84–85]. Спокойный и сдержанный, «ничем не выдававший своего внутреннего большого волнения» Михайловский, который понимал, что он «едва ли не самый одиозный, и, вероятно, чувствовал, что от "русской революции" он уже, так или иначе, обязательно пострадает», решился говорить о непопулярных в те дни предметах: о преимуществах конституционной монархии, которую профессор назвал «идеальным строем и в науке, и в его личном мнении». Эффект усилился после того, как вслед за этим лектор «резко отозвался о республиканских строях, всех вообще, всегда гораздо более разорительных, любостяжательных и несбалансированных, неустойчивых». «Мы о конституции, – вспоминал Арнольдов, – прежде от Михайловского так ярко не слыхали, но ведь 80 процентов студентов ко 2-му марта 1917 года были в Томске и во всей России республиканцами, и его мужественная, научная, строгая, но к русской истории неприложимая – увы! – лекция была воспринята корректно, но холодно» [Там же. С. 85–86].

Впереди профессора И.В. Михайловского, действительно, ждала непростая судьба. В октябре 1918 г. указом Временного Сибирского правительства он был назначен членом Высшего Сибирского суда по уголовному департаменту. В то же время продолжал занимать должность профессора Томского университета. Вскоре после восстановления советской власти в Томске, в марте 1920 г. Михайловский был арестован и осужден на 5 лет концлагерей. Как ясно из написанного выше, здоровье профессора было изрядно подорвано, благодаря чему уже спустя месяц по ходатайству ректора университета профессора А.П. Поспелова его освободили. Он умер в Томске в 1921 г. [9. С. 167].

Как известно, Ученый совет Томского университета приветствовал революцию. В кругах университетского студенчества это не могло не вызвать удивления, ведь, например, ректор И.Н. Грамматикати был известен среди них своими правыми политическими взглядами (Арнольдов называет его «одним из правейших»). В студенческой среде в связи с этим даже распространилось четверостишие: «Перевернулся весь свет, / Что за таинственный танец? / Грамматикати – кадет. / Ррес-пуб-ликанец!» [3. С. 84].

Тем временем революционные настроения в университетском сообществе нарастали. «Опустели лекции, наполнились митинги». Город увесили революционными флагами и знаменами, всюду слышались речи, лозунги и резолюции. Томские улицы патрулировали милицейские отряды, состоявшие в основном из студенчества, собирались расквартированные в городе солдаты. Активизировалась и студенческая жизнь: регулярно проходили сходки, «без разрешения из Петербурга или согласия "гражданина" ректора» избирались старостаты вузов города, а позднее – совет объединенных старостатов, куда от своего курса попадает и Лев Арнольдов. Позднее он сам удивлялся, почему выбрали именно его, предполагая, что свою роль здесь сыграло то, что он «всегда появлялся в форменной, красиво сшитой тужурке, при крахмальном воротничке и слыл (без оснований) белоподкладочником (так называли выходцев из богатых семей, высоких социальных слоев. – *С.Ф., А.О.*)» Там же. С. 90]. Однако в водовороте революционных событий его не покидает депрессивный взгляд на происходившее. «Я понял, – вспоминал он, – что все провалилось, что власть переходит к улице, что образованные классы силы не имеют, что мы несемся куда-то вскачь, в черную пропасть – и где спасение, от кого оно?» [Там же. С. 86].

Вместе с тем он становится одним из центральных участников одного из по-революционному ярких событий университетской жизни. «В университете начинает бурлить движение за отмену "минимумов"», – писал Л.В. Арнольдов.

Как уже отмечалось в более ранней статье, одной из наиболее обсуждаемых тем на студенческих сходках в марте–апреле 1917 г. была возможная отмена весенних экзаменов (минимум). Мотивировалась необходимость этой меры участием студентов в общественных (тогда активно шла подготовка к выборам) и сельскохозяйственных работах. В тот период «сомнительная честь представлять "интересы революционного студенчества" в совете профессоров» выпала Л.В. Арнольдову. Здесь мы встречаемся с наглядным противоречием между политическими взглядами последнего и его деятельностью в органах студенческого представительства. Вот как он сам это объясняет: «Мы, старостат, плыли по течению, уносимые бурлящей массой не потому, что "цеплялись за власть", а потому, что искренне думали, что если старостат нашего состава студенты свергнут, то на смену придет еще более анархический старостат (чувство, которое было, должно быть, у некоторых членов Временного правительства)» [Там же. С. 90].

Сразу после общестуденческой сходки, где присутствовало около 3 тыс. человек, Арнольдову был

дан «мандат» посетить заседание Ученого совета Томского университета, где ему доверено жестко поставить вопрос об отмене минимума. «Я волновался так, как волновался лишь несколько раз в жизни, – вспоминал он. – Проходя по торжественному коридору в те заповедные хоромы, куда мы всего месяц назад не имели права попадать, я еще раз убедился в том, что внешне я “вполне comme il faut”» и решил быть вежливым до предела. Курьер распахивает передо мной дверь, и я среди “ареопага”» [3. С. 90–91]. Свои эмоции в тот момент позднее он сравнивал с чувствами, которые, по всей видимости, испытывали «члены первого рабочего правительства», когда «входили на аудиенцию к английскому королю, целовать его августейшую руку».

Перед его взором предстал огромный, крытый зеленым сукном стол, за которым сидели недавно избранный ректор профессор-ботаник В.В. Сапожников, сменивший в этой должности добровольно ушедшего «по состоянию здоровья» И.Н. Грамматикати, проректор профессор-медик В.Н. Саввин, «далеко слева» он обнаружил Н.Я. Новомбергского. Сам Арнольдов устроился напротив «старого и седого как лунь» профессора Н.А. Александрова, в дочь которого «были тайно влюблены все студенты». Рядом с ним сидел профессор-физиолог А.А. Кулябко, чей «опыт с оживлением сердца создал ему мировую известность». Женат он был, по наблюдениям Арнольдова, «на удивительно молодой женщине, которая всегда долгими и внимательными глазами смотрела при встрече на студентов» [Там же. С. 91]. Добавим, что она приходилась племянницей Д.И. Менделееву.

Заседание Ученого совета поразило молодого студента «своей импозантностью – огромный стол, масса почтенных лиц, торжественная тишина и какая-то истовость обряда заседания». Он отмечал: «Многие профессора тогда еще не могли “переварить”, что представитель “гг. студентов” может быть допущен на заседание их совета. Я мгновенно угадал рост враждебности в атмосфере, почувствовал себя “посторонним телом” и от этого, как от удара хлыста, сам стал “испарять” из себя почтительность и священный трепет, в охвате которых переступил порог этого “святая святых”… Я сознавал себя даже “заложником” неистовавшей в актовом зале массы, которая хотела голого бунта, душою я был на стороне не студентов, а профессоров, которые внутренне приняли меня “ в штыки”».

«Что же будет?», – спросил «с нескрываемым ядом» один профессор-медик, имя которого Арнольдов не упоминает, в ответ на требование об отмене экзаменационных минимумов, озвученное от имени студенческой сходки Арнольдовым. Последний на это твердым и громким голосом ответил: «Студенты прекратят занятия». «Ах, вот как? – в большом зале раздался голос одного из явно враждебно настроенных профессоров. – Гг. студенты хотят нас запугать! Нам предъявляют ультиматум!» [Там же. С. 93].

Слово взял профессор Н.Я. Новомбергский, «ладивший и любимый массой», который, ссылаясь на действующее законодательство, заявил, что принятие данной меры невозможно. Таким образом, даже либерально настроенный профессор, в дальнейшем поддержавший требование о представительстве студентов и преподавателей в административных структурах вуза, выступил наперекор воле студенческой массы. «Исход голосования был предрешен» [3. С. 94].

Арнольдов поразился, что, подавая записки для голосования, профессора Н.А. Александров и А.А. Кулябко извинились перед ним за то, что голосуют «ПРОТИВ». «Ко мне через стол, – отмечал Арнольдов, – наклонился профессор Кулябко и конфиденциально и заискивающе тихо сказал, что “хотя он понимает настроения студенчества”, но должен отвергнуть предложение об отмене минимумов» [Там же].

Голосование отклонило требование студентов, после чего Л.В. Арнольдов отправился сообщить об этом другим членам старостата. О реакции последних в своих воспоминаниях он написал, что те «даже обрадовались, что старорежимные “люди в футляре” не пошли на сговор с ними».

На следующий день студенчеством университета была объявлена забастовка. На дверях главного корпуса был повешен «гордый плакат, воспрещавший идти на лекции, требовавший прекратить запись на экзамены и зачеты, грозивший бойкотом штрейкбрехерам». «На университетском фронте запылала Гражданская война», – вспоминал Арнольдов.

Позже студенты потребовали закрытия университета, развернулась борьба за студенческое представительство в управленческих структурах вуза, началась стремительная политизация университетской жизни. Однако все это было позднее. События эти, к сожалению, не нашли отражения на страницах мемуаров Л.В. Арнольдова, они «пронеслись над его пылавшей головой». Дело в том, что спустя некоторое время профессура согласилась пойти на ряд уступок, и он вновь был приглашен на заседания Ученого совета. После очередного из них, «прощаясь глубокой ночью со ставшими уже хорошо знакомыми гг. профессорами», В.Н. Саввин удержал его руку в своей. «Э, батенька, – воскликнул он, – да у вас жар. И сильный жар! Идите домой, утром я зайду!». На долгое время болезнь тифом словно вытеснила из его памяти целый ряд событий, сконцентрировавшись на периоде, последовавшем вслед за Октябрьскими событиями в Петрограде 1917 г. и установлением советской власти в Томске. Напомним, что они вызвали негативную реакцию как среди студентов, так и профессоров Томского университета (см.: [4. 9 дек.; 11. Л. 359]).

Спустя годы в Китае коллега по университету подарил Л.В. Арнольдову номер журнала «Известия советов студенческих старост г. Томска» (редактором первых двух номеров был сам Арнольдов, всего вышло 3 номера) за апрель 1918 г., т.е. уже после установления власти большевиков в городе. «Как явствует из того журнала, – вспоминал он, – свободное и независимое слово еще не было окончательно задушено, и для Томска период террора еще не начался» [3. С. 97]. Однако мягкие репрессии против университетского сообщества все-таки уже имели место.

12 марта (27 февраля) того года Л.В. Арнольдов принимал участие в торжественном заседании студенческого социалистического общества, посвященном годовщине Февральской революции. Оно состоя-

лось в 6-й химической аудитории Томского технологического института. В завершение вечера квартет исполнил революционные гимны «Марсельезу» и «Интернационал», песню «Мы жертвою пали» [5. 1918. 12 марта (27 февр.)]. В том же месяце по ордеру исполкома Совета рабочих и крестьянских депутатов на время были арестованы профессор Н.Я. Новомбергский, студенты П.Л. Розеншток (присутствовал на вышеупомянутом заседании), Э.М. Дебрейра, Н.Ф. Немиро, Шаманский, Блюгерман, Зорин, Рудаков и Белешовитский.

10 апреля в аудиторию, где Новомбергский читал курс административного права, вбежал студент и сообщил, что представители местной красной гвардии с пулеметами окружили главное здание университета, а также новый анатомический корпус. Л.В. Арнольдов вспоминал: «Н.Я. Новомбергский, высокий, бритый и красивый, в традиционном сюртуке, человек, который в условиях парламентского строя сделал бы карьеру народного трибуна, слегка бледнеет. Он знал, что подлежит аресту как один из самых популярных в этот период среди студенчества профессоров». Новомбергский взял слово и заявил о том, что автономия – «самое святое, что у нас имеется». Подчеркнул при этом: «Пусть, если хотят и если посмеют, ворвутся сюда и заставят нас прекратить наши занятия, но сами мы будем продолжать наше дело». «Noli me tangere (от лат. “не прикасайся ко мне”, – фраза восходит к евангельскому сюжету. – *С.Ф., А.С.*)», – заключил он и дочитал лекцию до конца.

После ее окончания в окружении студентов Новомбергский спустился в нижний коридор. Там их ждали студенты, ректор В.В. Сапожников с «выразительным старческим лицом», проректор В.Н. Саввин, который «стоял, как изваяние», у дверей своего кабинета. Из окруженного главного корпуса университета никого не выпускали. Вскоре начался обыск, которым руководили два студента университета: Лыткин и Якимов [12. Л. 352 об.].

Университетское сообщество не желало покорятьсяволе новой власти, и 4 апреля на сходке студенчества был вынесен ряд резолюций, каждая из которых была опубликована в «Известиях советов студенческих старост г. Томска». В них выражался протест «против совершенного местным совдепом насилия»; в целом их действий в отношении свободы печати, Городской думы, которая была разогнана; ареста студентов вузов. Содержался призыв к населению о сопротивлении большевикам.

В памяти Арнольдова сохранился и образ главы томской красной гвардии, который присутствовал в те дни на сходках студентов. Он описывал его следующим образом: «Это был наш же студент, очень высокий, рослый и, если хотите, даже стильный парень кавказского типа… Он был очень эффектен на сходках, одетый в какую-то фантастическую по украшениям полувоенную гимнастерку, когда он стоял на кафедре, не двигая ни одним мускулом на красивом лице, и когда у него под ногами бушевало море негодующих студенческих голов, которым он смело противопоставлял свою вызывающую фигуру» [3. С. 100–101].

Студенты университета решили устроить «академический суд» над двумя студентами, осуществлявшими ранее обыск, по обвинению в «нарушении “университетской автономии”». Л.В. Арнольдов вновь оказался в центре действия: был избран студенческим судьей и председательствовал на этом процессе. Несмотря на угрозы властей, суд состоялся в 1-й аудитории главного корпуса. Свидетельские показания давали ректор, проректор и деканы Томского университета, а также директор Томского технологического института И.И. Бобарыков. Впрочем, сами обвиняемые отсутствовали. Заочно они были приговорены к исключению из университета.

После окончания процесса Л.В. Арнольдов, опасаясь ареста, поспешно покинул город. Как уже было сказано, впереди у него было участие в Гражданской войне на стороне адмирала А.В. Колчака, а затем – эмиграция.

Разная судьба ждала других персонажей настоящего исследования. Так, профессор В.Н. Саввин в годы Гражданской войны занимал должность товарища министра народного просвещения в правительстве Колчака, а на протяжении 1920-х гг. был ректором Томского университета. После отставки, уже больной, он, видимо изменив отношение к советской действительности, «увлеченный идеей индустриализации», прервал научно-педагогическую деятельность и отправился в Челябинск, где стал организатором строительства большого больничного городка на Челябстрое. Там же в 1933 г. прервался его жизненный путь [9. С. 222].

Профессор В.В. Сапожников в 1918 г. заведовал отделом народного образования Западно-Сибирского комиссариата (с 1 июля 1918 г. был управляющим), а в правительстве Колчака до мая 1919 г. был министром народного просвещения, в то же время – директором Института исследования Сибири, деканом физико-математического факультета Томского университета. Он умер в Томске в 1924 г. будучи окруженным почетом и уважением, в том числе и со стороны органов советской власти, и вплоть до последних лет продолжал активно работать и участвовать в научных экспедициях [Там же. С. 232].

Иная судьба ждала Н.Я. Новомбергского, который, как уже упоминалось, до 22 февраля 1919 г. был товарищем министра внутренних дел в правительстве Колчака. Он также участвовал в открытии Омского сельскохозяйственного института (1919), состоял профессором кафедры политической экономии этого института. В 1920 г. был привлечен к суду «над колчаковскими министрами» и приговорен к лишению свободы с применением принудительных работ на время Гражданской войны. На протяжении 1920-х гг. он принимал участие в редакторской, административной, научно-исследовательской деятельности в Новосибирске. С 1929 г. – в Ленинграде, а с 1943 г. занимал должность профессора Архангельского государственного педагогического института. Тогда же ему была присуждена ученая степень доктора исторических наук без защиты диссертации. Умер в Архангельске в 1949 г. [Там же. С. 182–183].

В заключение отметим, что в очертаниях судеб представителей университетского сообщества Томска революционного периода рельефно воплотилась трагическая судьба России первой четверти XX в. В силу убеждений и уходящей в историю верности традиции автономии университетов многие из них оказались в оппозиции к советской власти, на стороне которой, как видно с высоты истории, было будущее.

Мемуары Л.В. Арнольдова, в силу убеждений оказавшегося по ту сторону истории, бесспорно, имеют высокую ценность с точки зрения реконструкции событий тех лет. Революция 1917 г. стала для него, как и для многих других представителей университетского сообщества, в некотором роде «концом главы», а его книга «Жизнь и революция» – своеобразным реквиемом по альтернативному, несостоявшемуся пути развития России в XX в. В этом смысле по духу она близка «Апокалипсису нашего времени» почитаемого им Розанова.

Л.В. Арнольдов сохранил верность своим убеждениям и, вспоминая годы своего детства и юности в Сибири и затерянные на ее просторах деревни, уже в 1930-х гг. писал: «Там была бедность, злоба, водка. Но и сейчас, конечно, там, в этих сибирских деревнях и дальних селах, в каком-нибудь Богом забытом городке Ишиме все остается по-старому, несмотря на ленинские уголки, колхоз, громкоговоритель и передвижной кинематограф… Пускай меня заподозрят в сознательном преувеличении, но мне все-таки хочется сказать, что, если бы в 1914 году не случилось европейской войны и не было бы в 1917 году нашей Революции, к нашим сегодняшним дням Сибирь была бы оборудована технически лучше многих районов России, а в индустриальном отношении она могла бы успешно соперничать на мировых рынках и с Японией, и с Канадой» [3. С. 18, 24–25].

ЛИТЕРАТУРА

1. Фоминых С.Ф., Степнов А.О. Повседневная жизнь университетского сообщества г. Томска в период революционных событий 1917 г. // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 416. С. 160–170.
2. Государственный архив Томской области (далее ГАТО). Ф. 102. Оп. 4. Д. 55.
3. Арнольдов Л.В. Жизнь и революция. Шанхай: книгоиздательство А.П. Малык и В.П. Камкина, 1935. 278 с.
4. Сибирская жизнь. Газета политическая, литературная и экономическая. Томск, 1917.
5. Путь народа. Орган Томского губернского комитета Партии социалистов-революционеров (с 3 января 1918 г. – Орган Томского губернского комитета партии социалистов-революционеров и Томского губернского Совета Крестьянских депутатов). Томск.
6. Хисамутдинов А.А. Российская эмиграция в Азиатско-Тихоокеанском регионе и Южной Америке. Биографический словарь. Владивосток : Изд-во ДВГУ, 2000. 359 с.
7. Арнольдов Л.В. Китай как он есть: быт и политика. Русская типография «График», 1933. 370 с.
8. Арнольдов Л.В. Из страны Белого Солнца: этюды о Китае. Шанхай : Книгоиздательство А.П. Малык и В.П. Камкина, 1934. 432 с.
9. Профессора Томского университета. Биографический словарь. Вып. I: 1888–1917 / отв. ред. С.Ф. Фоминых. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1996. 288 с.
10. Дневники студента П.А. Леонова. 1917 г. // Музей истории ТГУ.
11. ГАТО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 731.
12. ГАТО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 773.

Статья представлена научной редакцией «История» 3 июля 2017 г.

THE RUSSIAN REVOLUTION OF 1917 AND TOMSK UNIVERSITY IN THE MEMOIRS OF L.V. ARNOLDOV

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 424, 158–167.
DOI: 10.17223/15617793/424/22

Sergey F. Fominykh, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: sergei.fominyh1940@mail.ru
Aleksey O. Stepnov, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: ASAOM@yandex.ru

Keywords: Tomsk; university; students; professors; Russian Revolution of 1917; L.V. Arnoldov; memoirs.

The memoirs of the former student of the Faculty of Law of the Tomsk university, publicist and researcher of China L.V. Arnoldov *Zhizn' I revolyutsiya* [Life and Revolution] as a source of the history of the university community during the revolutionary events of 1917 are regarded in the article. The author's life, his childhood and youth spent in various cities of Siberia, studying at the Tomsk university, participation in the Civil War on the side of the White Army, emigration to China and then to Brazil are described. Arnoldov's book of memoirs as a historical source, its genre features are analyzed. It is emphasized that along with the events of the author's life, these memoirs contained valuable reflections of the author about the time, characteristics of people whose views impacted the development of the socio-political thought of that period. Influence of these views on the assessments and descriptions of the period presented in the memoirs are considered. The political views of students and professors of the Tomsk university on the eve and during the February Revolution of 1917 are characterized. The events of February 1917 in Tomsk as well as the reaction to the revolution of students and professors of the Tomsk university through a comparative historical analysis of the memoirs of L.V. Arnoldov and the diaries of a student of the Tomsk Technological Institute P.A. Leonov are studied. The activities of the agencies of student self-government L.V. Arnoldov was a member of, aimed at the participation of students in the organization of the educational process, are considered. The relations between the university community and the Soviet government after the October events in Petrograd are analyzed. The characteristics of the images of professors of the Tomsk university of that period from the text of the memoirs are presented. The everyday life of professors and students of the Tomsk university at the time of the revolution and their further destinies which can be traced through the prism of Russian history of the first half of the 20th century are examined on the basis of archival materials, biographical dictionaries and periodicals. It is concluded that the memoirs of L.V. Arnoldov have a value not only as an instrument of reconstructing the revolutionary events of 1917 in Tomsk and their influence on the everyday life of the university community of the city, but also as an example of the alternative method of development of Russia in the period of modern history.

REFERENCES

1. Fominykh, S.F. & Stepnov, A.O. (2017) The daily life of the university community of Tomsk during the revolutionary events of 1917. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 416. pp. 160–170. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/416/24
2. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 102. List 4. File 55. (In Russian).
3. Arnol'dov, L.V. (1935) *Zhizn' i revolyutsiya* [Life and revolution]. Shanghai: knigoizdatel'stvo A.P. Malyk i V.P. Kamkina.
4. *Sibirskaya zhizn'*. (1917).
5. *Put' naroda*. Tomsk.
6. Khisamutdinov, A.A. (2000) *Rossiyskaya emigratsiya v Aziatsko-Tikhookeanskom regione i Yuzhnoy Amerike. Biograficheskiy slovar'* [Russian emigration in the Asia-Pacific region and South America. Biographical dictionary]. Vladivostok: FESU.
7. Arnol'dov, L.V. (1933) *Kitay kak on est': byt i politika* [China as it is: life and politics]. Shanghai: Russkaya tipografiya "Grafik".
8. Arnol'dov, L.V. (1934) *Iz strany Belogo Solntsa: etyudy o Kitae* [From the country of the White Sun: sketches about China]. Shanghai: Knigoizdatel'stvo A.P. Malyk i V.P. Kamkina.
9. Fominykh, S.F. (ed.) (1996) *Professora Tomskogo universiteta. Biograficheskiy slovar'* [Professors of Tomsk University. Biographical dictionary]. Vol. I: 1888–1917. Tomsk: Tomsk State University.
10. History Museum of TSU. (1917) *Dnevniki studenta P.A. Leonova* [Diaries of the student P.A. Leonov].
11. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 102. List 1. File 731. (In Russian).
12. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 102. List 1. File 773. (In Russian).

Received: 03 July 2017

Вестник Томского государственного университета. 2017. № 424. С. 168–174. DOI: 10.17223/15617793/424/23

УДК 94(571.16)"1905/1917"

О.А. Харусь

ЮРИДИЧЕСКАЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ЭЛИТА ТОМСКА В НАЧАЛЕ XX в.: CONTRA РЕВОЛЮЦИЯ (ИЗ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ И.А. МАЛИНОВСКОГО И И.В. МИХАЙЛОВСКОГО)

Выполнено в рамках работ по проекту «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности» (грант Правительства РФ П 220 № 14.B25.31.0009).

Анализируются теоретические представления профессоров-правоведов Томского университета о революции и альтернативных сценариях исторического развития. Сформулировано предположение о том, что отрицательное отношение к социальной революции являлось одним из маркеров коллективной идентичности юридической интеллектуальной элиты в России начала XX в. Наличие у интеллектуалов возможности оказывать влияние на умонастроения определенной части населения через публикации в периодической печати и публичные выступления позволило сделать вывод о значимости их интерпретационных версий революции как одного из компонентов общественного сознания в переломную эпоху.

Ключевые слова: интеллектуальная элита; правоведы; коллективная идентичность; революция; реформы; общественное сознание.

Несмотря на поистине необозримый массив исследований по истории революции в России начала XX в., интерес научного сообщества к ней не ослабевает. Продолжается поступательный процесс приращения знаний, обогащается палитра методологических подходов, обновляется и совершенствуется исследовательский инструментарий, расширяется проблематика. Одним из перспективных направлений, способствующих осмыслению и пониманию социокультурных трансформаций в эпоху революционных потрясений, является историко-антропологический подход. Его применение открывает дополнительные возможности для реконструкции не только разнообразных поведенческих практик, но и образа мыслей, чувствований конкретных людей и локальных социальных общностей.

Результатом исследований нескольких поколений отечественных историков стало формирование довольно четких представлений о доминировавших в революционную эпоху настроениях больших групп населения, выделяемых по социальному, этническому, идеологическому основаниям. При характеристике восприятия революции обществом специалисты в большинстве случаев оперировали понятиями «массовое», «коллективное», «общественное» сознание. Не ставя под сомнение важность и значимость такого рода исследований, следует признать, что многогранность общественного сознания, его сложносоставной характер предполагают изучение идей, взглядов, чувств, эмоций и настроений, порожденных революционными событиями, не только в укрупненном формате, но и на уровне малых групп и отдельных их представителей.

К такого рода малым группам можно отнести юридическую интеллектуальную элиту, которая к началу XX в. оформилась как сообщество, обладающее признаками коллективной идентичности. Основным идентификатором интеллектуальной элиты принято считать способность к сложной умственной деятельности, продуктом которой являются научные результаты и знания [1]. Принадлежность к этому сообществу выражается в познавательной, моральной, эмоциональной связи индивида с ним, а потому является значимой даже для интеллектуалов-«одиночек». Формой репрезентации коллективной идентичности в этом случае становятся, главным образом, исследовательские нарративы, в которых находят отражение не только научные взгляды их авторов, но и определенные ценностные, морально-нравственные установки, мировоззрение, модели поведения.

События первой российской революции, как известно, дали повод для размышлений и критической рефлексии многим отечественным интеллектуалам. При этом понимание высокой степени вероятности повторной реализации аналогичного сценария заставляло задуматься над поиском превентивных мер. Особый интерес данная проблема представляла для отечественных правоведов, специфика профессиональной деятельности которых накладывала определенный отпечаток как на интерпретацию имевших место революционных потрясений, так и на разработку альтернативных моделей общественного развития. Результаты их интеллектуального труда, воплощаясь в научных монографиях и статьях, в том числе публиковавшихся в периодических изданиях, формировали правовой дискурс, оказывавший влияние на умонастроения образованной общественности и, в частности, на её отношение к революции. Однако если творческое наследие российских теоретиков права, проживавших и работавших в Москве и Петербурге, стало объектом многочисленных и весьма основательных исследований специалистов различных отраслей гуманитарного знания, то «провинциальным» представителям этой социально-профессиональной группы уделялось несопоставимо меньшее внимание.

Между тем на периферии Российской империи в начале XX в. также трудились специалисты высокого класса, внесшие существенный вклад в развитие науки. К их числу с полным основанием можно отнести профессоров Томского университета Иоанникия Алексеевича Малиновского и Иосифа Викентьевича Михайловского. Некоторые аспекты их научной деятельности получили освещение в трудах правоведов и историков [2–4]. Однако возможности, которые открывает сопоставительный анализ концепций томских правоведов (и, в частности, их теоретических пред-

ставлений о революционном процессе и возможных альтернативах общественного развития), до сих пор не привлекали внимание исследователей. Это обстоятельство послужило одним из факторов, определивших замысел данной статьи.

Жизненные обстоятельства И.А. Малиновского и И.В. Михайловского были отмечены определенным сходством. Они принадлежали к одному поколению будучи практически ровесниками (И.В. Михайловский родился в 1867 г., И.А. Малиновский – годом позднее). Оба окончили юридический факультет Киевского университета, прослушав при этом и курс лекций на историко-филологическом факультете (последнее обстоятельство, по-видимому, повлияло на стилистику их научных и научно-публицистических работ, для которых были характерны экскурсы в историю и использование экспрессивно окрашенной литературно-художественной лексики). К научно-педагогической деятельности в Томском университете И.А. Малиновский приступил в 1898 г., И.В. Михайловский – в 1904 г. Оба преподавали также на Высших историко-философских курсах, принимали активное участие в работе юридического общества. Именно в Томске произошло их становление как ученых, теоретиков: здесь были подготовлены к защите диссертационные исследования, написаны основные научные и научно-публицистические труды [5. С. 161–167]. Здесь же окончательно оформились их представления о смысле интеллектуальной деятельности и нравственном долге ученого, в понимании которого профессора проявили полное единодушие.

В 1908 г. И.В. Михайловский во вступительной лекции обратился к студентам юридического факультета со следующими словами: «Кто желает изучать науку права, должен совершенно отрешиться от каких бы то ни было политических симпатий и антипатий. Политические страсти способны только извратить науку и создавать те пародии на неё, которые мы видим в огромной массе партийных статей и брошюр… Перед… будущими служителями права должна быть только одна политика: стремление к правде-истине и правде-справедливости» [6. С. 12].

Весьма близкое по смыслу заявление сделал в июне 1910 г. И.А. Малиновский, адресовав его администрации университета и учебного округа: «Цель той науки, представителем которой являюсь я в Томском университете, – истории русского права – заключается не в порицании или восхвалении тех или иных политических и социальных порядков в целях пропаганды тех или иных политических воззрений. Её цель единственная, (как и цель других наук), – открытие истины. Только эту конечную цель я полагаю в основу своих работ, как ученый преподаватель, и в основу своих лекций, как университетский преподаватель» [7. С. 14].

Наличие определенного сходства в судьбах этих людей, естественно, не могло нивелировать их ярко выраженную индивидуальность, проявлявшуюся как в особенностях мировосприятия, так и в определенных моделях поведения. В контексте рассматриваемой проблематики значимыми представляются различия в отношении к политической деятельности. И.В. Михайловский на протяжении всей жизни сознательно и подчеркнуто дистанцировался от политики, заявляя: «Я чистый ученый, а не администратор и не практический политик» [8. 23 апр.]. И.А. Малиновский же принимал весьма активное участие в политических процессах (в частности: являлся членом томского губернского комитета партии народной свободы, делегатом местной организации на совещаниях ЦК кадетской партии и кадетской фракции Государственной думы, избирался в выборщики депутатов Государственной думы от Томской губернии по списку кадетов) и именно по этой причине в конечном счете был уволен осенью 1911 г. из Томского университета и вынужден покинуть Сибирь [9, 10].

Несмотря на различную степень вовлеченности в политические процессы, оба профессора не только не смогли обойти вниманием события 1905–1907 гг., но и сочли гражданским долгом донести своё видение революции, её возможных последствий и мер по их предупреждению до общественности. Именно наличие опубликованных научных и научно-публицистических трудов, а также текстов учебных и публичных лекций, позволяющих реконструировать отношение к революционному процессу, определило выбор персонажей данного исследования.

Характеристика представлений И.В. Михайловского и И.А. Малиновского о российской революции, с одной стороны, позволяет привнести антропологическое измерение в исследование общественного мнения, отразив особенности индивидуального восприятия конкретных людей, эмоциональную окрашенность их идей и чувствований. При этом подчеркнутое стремление профессоров избегать политической ангажированности в научных трудах и лекциях придает особый интерес их версиям интерпретации сущности и возможных последствий революции в России. Вместе с тем исследования такого рода способствуют созданию предпосылок для выхода на определенный уровень обобщений с фиксацией, по крайней мере на уровне гипотезы, дополнительных параметров коллективной идентичности юридической интеллектуальной элиты, актуализировавшихся под влиянием конкретных социально-политических обстоятельств России начала XX в. Следует учесть и то обстоятельство, что, имея доступ к таким каналам массовой коммуникации, как периодическая печать (И.А. Малиновский в 1905–1910 гг. совместно с профессором М.Н. Соболевым редактировал одну из наиболее читаемых в крае газету «Сибирская жизнь», публикации которой перепечатывали многие повременные издания, его статьи были опубликованы в журналах «Вестник Европы», «Сибирские вопросы», «Известия Императорского русского географического общества», «Журнал Министерства народного просвещения»; работы И.В. Михайловского публиковались на страницах журналов «Право», «Новое время», «Исторический вестник», «Журнала Министерства юстиции» и др.), выступления в учебных аудиториях и на публичных собраниях общественных организаций, профессора могли транслировать свои представления о социально значимых процессах населению и тем самым оказывать определенное влияние на умонастроения общественности. Перечисленные об-

стоятельства определяют значимость реконструкции восприятия интеллектуалами революционных событий для понимания полифоничности массового сознания и расширения представлений об общественных настроениях и социальных ожиданиях томичей в начале XX в.

Трактовка и оценка революционных событий 1905–1907 гг. профессорами-правоведами была выдержана в единой тональности. Господство грубой силы, произвола, дикости, невиданная «вакханалия зверя в человеке» – такие характеристики использовал для их описания И.В. Михайловский, усматривая в этом настоящую трагедию для России [11. С. 4]. Как ярко выраженное проявление иррационального начала расценивал действия революционеров И.А. Малиновский. По его глубокому убеждению, борьба против произвола и гнета власти не могла служить оправданием для использования революционных методов: «Никакими доводами разума нельзя оправдать применения насилия теми, которые ведут борьбу против насилия. Нельзя принципиально отрицать насилие и в то же время сознательно прибегать к насилию, пользоваться им как средством для достижения заранее поставленной разумной цели» [12. С. 22].

Специфика позиции интеллектуалов заключалась в том, что их негативное отношение к революции определялось не только отторжением на эмоциональном уровне по этическим соображениям, но и имело в своей основе логически стройную, тщательно выверенную интерпретационную модель общественного развития. В своих научных трудах, а также в учебных аудиториях Томского университета И.В. Михайловский последовательно и методично излагал аргументы в пользу тезиса о возможности прогресса только и исключительно на принципах эволюционизма и социального компромисса. Своеобразным критерием истины для профессора в данном случае являлись ключевые положения гегелевской диалектики. Обращаясь к сформулированным Гегелем общим законам мирового процесса, И.В. Михайловский логически выводил из них концепцию общественного развития как движения поступательного и преемственного. Квинтэссенцией этой концепции можно считать лапидарную формулировку, которую он предложил студентам юридического факультета в одной из своих вступительных лекций: «Настоящее есть результат прошедшего и основа для будущего» [6. С. 25].

Философию Гегеля И.В. Михайловский считал «вершиной европейской мысли» [13. С. 190]. Однако, в отличие от своего учителя Б.Н. Чичерина, для которого гегелевская диалектическая схема являлась бесспорной и абсолютной, профессор Томского университета счел возможным подвергнуть её сомнению. Поводом для этого стало наметившееся на рубеже XIX–XX вв. усиление влияния релятивизма в связи с философским осмыслением революции в физике и глубокими переменами в представлениях о социальной сущности современного мира. Критический анализ основных положений историко-генетического направления, заключавшихся в отрицании относительной устойчивости вещей и явлений, отказе от абсолютных истин, в подчеркивании постоянного, бесконечного изменения, движения, эволюции действительности, позволил И.В. Михайловскому сделать умозаключение о чрезвычайной опасности тотального господства этого направления и признания его самодостаточным в интерпретации социальных явлений. В основе этой позиции лежало не только вполне естественное для ученого неприятие агностицизма, путаницы понятий, порожденной преклонением перед принципом относительности, но и осознание возможности распространения принципа релятивизма на область нравственных отношений, появления этического релятивизма, оправдывающего духовный и практический анархизм, моральную беспринципность, произвол, разгул низших страстей, слепую веру в грубую силу. Признавая существование в мире массы неподдающегося логике, случайного, неразумного (в том числе так ярко проявившегося, по его мнению, в российской революции), не укладывающегося в строгую диалектическую схему Гегеля, И.В. Михайловский счел необходимым внесение в неё некоторых корректив. Суть их заключалась в констатации разумности мирового процесса в общем ходе развития и конечных целях, но не в частностях. «Культура есть постоянный прогресс, – писал профессор, – но этот прогресс сплошь и рядом прерывается; он движется не по прямой линии, а по линии чрезвычайно извилистой во всех направлениях» [14. С. 368].

Таким образом, в своем стремлении к научному обоснованию закономерностей общественного развития И.В. Михайловский не ограничивался ролью эпигона великих предшественников. Сформулированные им идеи подтверждали гибкость и критичность мышления интеллектуала, его способность выходить на качественно новый уровень осмысления проблем. Выражая убежденность в правильности основных положений, излагаемых в фундаментальном труде «Очерки философии права», он подчеркивал: «…эти положения явились результатом напряженной и весьма продолжительной работы мысли, руководимой только одним девизом: любовью к истине и стремлением искать ее, отрешившись от каких бы то ни было посторонних влияний» [13. Предисловие]. Размышления над перспективами исторического развития позволили Иосифу Викентьевичу сделать весьма оптимистичный вывод: «...в мировой эволюции возможны моменты регресса, моменты застоя, преобладания зла, но несмотря на все эти диссонансы, общий аккорд звучит в мажоре, а не в миноре, он имеет характер светлый, а не мрачный, мир стремится к царству света, а не тьмы» [8. С. 8]. При этом его глубокая убежденность в закономерности и неизбежности торжества «царства света», основанная на неогегельянской трактовке закона развития, была сопряжена с признанием необходимости активных действий общества и государства, которые не могут ограничиваться ролью пассивных созерцателей социальной борьбы, ставшей в России столь обыденным явлением. Видя задачу в том, чтобы умерить эту борьбу и привести враждующие силы к согласию, особые надежды профессор возлагал на торжество разума: «…развитие человечества определяется развитием разумных целей; борьба же (и притом борьба преимущественно духовным

оружием) – только средство» [15. С. 36–37]. В такой парадигме мышления, естественно, не было и не могло быть места положительной оценке революции с имманентно присущим ей насилием.

Категорическое неприятие революционных методов борьбы было характерно и для И.А. Малиновского. Однако, разделяя убежденность коллеги в необходимости следовать принципам поступательного общественного развития, Иоанникий Алексеевич выстроил иную логическую цепь умозаключений. В качестве основного аргумента он использовал тезис о противоправном характере насильственных средств в политической борьбе и их принципиальной несовместимости с признанием самоценности человеческой личности и её жизни. «Неприкосновенность личности, и прежде всего неприкосновенность жизни человеческой, – первое и важнейшее право человека и гражданина, – подчеркивал И.А. Малиновский. – А потому заповедь “не убей” является первой и важнейшей нормой, определяющей отношения общежития, а ее нарушение – наиболее тяжким преступлением» [16. Ч. III. С. 132–133]. В логике И.А. Малиновского ставка на насильственные средства в решении социальных и политических проблем представала как убедительное свидетельство внутренней противоречивости революционной доктрины: «Ненависть к прошлому и пользование теми способами действий, какие практиковались в варварские эпохи прошлого. Отрицание насилия и признание его, возвеличение, почти обоготворение человеческой личности и крайнее её унижение, ибо кто отнимает у человека бесценный дар жизни, тот так унижает личность человека, как только в силах человеческих унизить её» [12. С. 20].

В поисках объяснения этих парадоксов профессор в монографии «Кровавая месть и смертные казни» обратился к анализу революционной литературы и фактов террористической деятельности и пришел к выводу, что совмещение протеста против насилия с применением насилия обусловлено психологической вынужденностью. Последняя, по его мнению, была порождена существующим порядком, который, с одной стороны, противоречит представлениям революционера о справедливости, интересах и правах народа, а с другой – создает непреодолимые препятствия для мирной деятельности по пропаганде революционных идей. Месть обществу, создавшему порядки, при которых невыносимо жить, считал И.А. Малиновский и основным психологическим мотивом непосредственных участников черносотенных погромов октября 1905 г., поставлявшихся невежественной народной массой [16. С. 28–29 , 44, 48–49, 62].

В целом И.А. Малиновский довольно остро ставил вопрос об ответственности государственной власти за «эпидемию кровопролития» в стране. Более того, он выражал убежденность в том, что вина правительства, применяющего смертную казнь, широко использующего не гарантирующую правильного судопроизводства практику вынесения приговоров военно-окружными и военно-полевыми судами, поощряющего действия карательных отрядов, многократно превосходит вину террористов [Там же. Ч. III. С. 80, 82, 84, 92, 96, 122–123]. Использование смертной казни воспринималось специалистом по истории права как забвение самой идеи права, как проявление животного инстинкта, опирающегося на грубую силу и соответствующего правосознанию дикаря.

Таким образом, при явном единодушии в неприятии насилия и конфронтационного настроя фанатиков различных партий интеллектуалы демонстрировали оригинальность экспертных подходов в обосновании своей позиции. При этом ярко проявилась специфика их научных интересов: если И.В. Михайловский зарекомендовал себя как серьезный исследователь в области философии и общей теории права, то сфера научных интересов И.А. Малиновского была связана с историей русского права.

Однако специализация в исследовательской деятельности не исключала общего для правоведов видения губительных последствий революции в России и продиктованного этим стремления предупредить подобного рода эксцессы. В охватившей Россию волне революционных потрясений И.В. Михайловский видел угрозу полной атрофии чувства законности в населении, отказа от высших духовных начал, вечных идей истины, добра, красоты, превращения этих идей в «средства для достижения преходящих мимолетных целей того или иного момента политической борьбы» [11. С. 4, 17]. На негативное этическое и моральное воздействие практики насильственных методов обращал внимание и И.А. Малиновский, предрекавший в случае ее продолжения гибель нравственного чувства, высоких альтруистических порывов в человеке [16. С. 126; 17. С. 97].

В стремлении предотвратить столь трагичный для Отечества исход, покончить с конфронтацией различных политических сил проявилась толерантность интеллектуалов. Пафосом примиряющего сознания и вместе с тем элементарным здравым смыслом были исполнены слова И.А. Малиновского: «Не может всё население мыслить одинаково. Различные направления и различные оттенки мысли по вопросам политическим и социальным неизбежны... В культурном государстве каждому гражданину должна быть предоставлена свобода мысли и слова» [16. С. 135]. Считая невозможным воспрепятствовать зарождению, развитию и распространению тех или иных идей, И.А. Малиновский предлагал обеспечить им право гражданства, а их носителям – свободу придерживаться своих убеждений, пропагандировать в обществе путем устного и печатного слова. Лишь для призывов к насильственным действиям как преступных и недопустимых предусматривалось исключение в этом отношении.

Установление начал гражданской и политической свободы, обеспечение прочного правопорядка И.А. Малиновский считал важнейшим средством прекращения кровопролитий во всех их проявлениях (аграрные волнения, революционный террор, черносотенные погромы, смертные казни и т.п.), поскольку соответствующие реформы социального и политического строя создавали возможности для мирной культурной работы и всестороннего гармоничного развития личности [Там же. С. 133–134, 136–137]. В такой альтернативе революции нашло отражение понимание профессором сути проблемы «воскресения России», которую она рас-

сматривал в двух аспектах: политико-социальном («...воскресение наступит тогда, когда будут проведены реформы политического и социального строя») и этическом («…воскресение наступит тогда, когда высокое и прекрасное человеческой природы восторжествует над низким и пошлым») [18. С. 19–20].

Миссию интеллигенции И.А. Малиновский видел в подготовке сограждан к новому государственному и общественному строю посредством просвещения и разъяснения им «природы окружающей действительности» [19. С. 6–7, 34–35]. Думается, что под словами коллеги о необходимости «социального воспитания», предполагавшего «разнообразное и разностороннее воздействие на природу человека в целях укрепления идей человеческой солидарности, высокой ценности человеческой личности, святости и неприкосновенности человеческой жизни» [16. С. 145], вполне мог подписаться и И.В. Михайловский. Едва ли не в тех же самых формулировках было выражено его представление об общественном предназначении русской интеллигенции, суть которого сводилась к созданию атмосферы высокой культуры, способствующей осознанию собственного достоинства, уважению к личности, установившимся культурным формам общежития, учреждениям и традициям, порождающей социальную стабильность [6. С. 2–4].

Особенностью предлагавшейся правоведами-интеллектуалами концепции «социального воспитания» был акцент на развитие правового сознания [20]. Характерный для россиян крайний радикализм они объясняли «правовой дряблостью» соотечественников, а потому задачей первостепенной важности считали формирование чувства законности и уважения к праву. Естественно, что ключевая роль в решении этой задачи отводилась юристам как носителям профессионального знания и людям, для которых защита права является не только долгом службы, но и нравственным императивом. В среде юридической интеллектуальной элиты едва ли нашлись бы лица, имевшие принципиальные возражения против такой постановки вопроса.

Весьма определенно высказался по этому поводу, например, профессор кафедры полицейского права Томского университета Н.Я. Новомбергский. Признавая, что партийная «обработка» населения, как и насаждение полицейского национализма, дает прискорбные всходы, если сталкивается с «людской пылью», безликой массой, Николай Яковлевич выражал уверенность в том, что разумного и твердого противодействия им можно ожидать лишь со стороны граждан, осознавших великое прошлое Отечества и великие задачи, еще предстоящие ему во всемирной истории. В этом смысле правильная организация преподавания истории русского права на юридических факультетах российских университетов, по его мнению, являлась важнейшим и необходимым условием «сооружения кафедрального храма русского национального сознания» [21. С. 9].

В целом очевидно, что при наличии некоторых нюансов в формулировках и аргументации И.А. Малиновский и И.В. Михайловский были единодушны как в неприятии революции, так и в представлениях о возможных мерах по её предотвращению. И именно их принадлежность к юридической интеллектуальной элите, по-видимому, являлась одной из основных причин такой позиции. Уважительное отношение представителей этого сообщества к праву и к историческим традициям Отечества находило своё логическое воплощение в приверженности принципу легитимности во всех сферах деятельности и, соответственно, в безоговорочном отторжении революционных методов общественного переустройства. Такое умозаключение находит подтверждение и при обращении к интеллектуальному наследию работавших в Москве и Петербурге (Петрограде) теоретиков в области права (таких как Б.А. Кистяковский, С.А. Котляревский, П.И. Новгородцев, В.М. Гессен, Л.И. Петражицкий и др.), характеристика концепций которых представлена в многочисленных исследованиях историков, философов и правоведов.

Признавая некорректность экстраполяции выводов, полученных в результате анализа творчества ограниченной группы лиц, на всю общность, представителями которой они являлись, можно, тем не менее, на уровне гипотезы высказать следующее предположение. Сама специфика сферы научных интересов и предмета интеллектуальной рефлексии отечественных правоведов способствовала формированию системы мировоззренческих координат, в которой важнейшим инструментом социального регулирования и средством общественного переустройства без применения насилия представало право. Это обстоятельство позволяет, в свою очередь, считать отрицательное отношение к социальной революции одним из значимых маркеров коллективной идентичности юридической интеллектуальной элиты, актуализация которого в России начала XX в. стала своеобразным ответом на вызовы революционной эпохи.

Предложенная учеными-правоведами Томского университета концептуальная модель общественного переустройства Отечества являлась результатом напряженной мыслительной деятельности профессионалов, обладавших солидным багажом экспертных знаний в области истории и философии права. Безусловно, их трактовку революции в России следует воспринимать как одну из возможных интерпретационных версий, абсолютизировать которую нет смысла. Однако присущая ей внутренняя логика, наличие развернутой и довольно убедительной аргументации, по-видимому, не могли не импонировать определенным кругам общественности. Созвучие же основных идей, заложенных в концепциях И.В. Михайловского и И.А. Малиновского, умонастроениям и социальным ожиданиям части населения, позволяет расценивать их как компонент общественного сознания, без учета которого невозможна полноценная комплексная реконструкция социокультурного контекста российской революции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Адоньева И.Г. Юридическая интеллектуальная элита Российской империи второй половины XIX – начала XX вв.: проблемы идентификации // Вопросы истории Сибири. 2015. Вып. 12. С. 3–9.

2. Кузьмин А.В. Правовое учение И.В. Михайловского: эйдологическое направление российской философии права: автореф. дис. … канд. юрид. наук. СПб., 1998. 20 с.
3. Фоминых С.Ф., Некрылов С.А. Томский период деятельности профессора русского права И.А. Малиновского // Вестник Томского государственного университета. История. 2012. № 4 (20). С. 21–26.
4. Чукмасова К.А., Некрылов С.А. Проблемы уголовного наказания в научных и публицистических работах И.А. Малиновского // Наука. Технологии. Инновации : материалы Всерос. науч. конф. Новосибирск, 2013. С. 100–104.
5. Профессора Томского университета. Биографический словарь. Вып. I: 1888–1917 / отв. ред. С.Ф. Фоминых. Томск, 1996. 288 с.
6. Михайловский И.В. Культурная миссия юристов. Правовые прелюдии к грядущей культуре. Томск, 1910. 27 с.
7. Фоминых С.Ф., Некрылов С.А. Неугодный властям профессор: как увольняли И.А. Малиновского из Императорского Томского университета // Матеріали І Міжнародної науково-практичної конференції «Малиновські читання». Острог, 2012. С. 6–29.
8. Сибирская жизнь. Томск, 1917.
9. Харусь О.А. Малиновский Иоанникий Алексеевич // Российский либерализм середины XVIII – начала XX века. М. : РОССПЭН, 2010. С. 557–559.
10. Харусь О.А. Михайловский Иосиф Викентьевич // Российский либерализм середины XVIII – начала XX века. М. : РОССПЭН, 2010. С. 590–591.
11. Михайловский И.В. Университет и наука. Вступительная лекция в курсе философии права, читанная 18 сентября 1907 г. студентам I курса юридического факультета. Томск, 1908. 18 с.
12. Малиновский И.А. Кровавая месть и смертные казни. Томск, 1908. Вып. I. 204 с.
13. Михайловский И.В. Очерки философии права. Томск, 1914. Т. 1. 625 с.
14. Михайловский И.В. Рецензия на учебник философии права Иосифа Колера (Берлин, 1909). Б.м., б.д. 20 с. (оттиск).
15. Михайловский И.В. Воззрения Б.Н. Чичерина на право и государство) // Образование. 1904. № 7. 15 с. (оттиск).
16. Малиновский И.А. Кровавая месть и смертные казни. Томск, 1909а. Вып. II. 149 с.
17. Малиновский И.А. Русские писатели-художники о смертной казни. Томск, 1910. 100 с.
18. Малиновский И.А. Общественное значение литературной деятельности Гоголя. Речь, произнесенная в торжественном заседании Императорского Томского университета 20 марта 1909 г. Томск, 1909б. 20 с.
19. Малиновский И.А. Начальная страница из истории русской интеллигенции. (Ответ авторам «Вех»). Томск, 1909в. 35 с.
20. Харусь О.А. Специфика либерального подхода к проблеме формирования общественного правосознания в России начала XX века // Проблемы истории, историографии и источниковедения России XIII–XX вв. Томск, 2003. С. 23–34.
21. Новомбергский Н.Я. Кафедра истории русского права в российских университетах. Пг., 1915. 9 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 22 сентября 2017 г.

THE LEGAL ELITE OF TOMSK IN THE EARLY TWENTIETH CENTURY: *CONTRA* THE REVOLUTION (BASED ON THEORETICAL WRITINGS BY I.A. MALINOVSKIY AND I.V. MIKHAILOVSKIY)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 424, 168–174.
DOI: 10.17223/15617793/424/23

Olga A. Kharus, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: kharus-olga@sibmail.com

Keywords: intellectual elite; specialists in law; collective identity; revolution; reforms; public consciousness.

The article attempts to present some ideas expressed by the Tomsk University professors of law I.V. Mikhailovskiy and I.A. Malinovskiy with regard to the revolution, thus bringing an anthropological dimension to the reconstruction of the socio-cultural context of the era at its turning point. The use of their scientific and journalistic works, published texts of their lectures and reports as sources allowed to demonstrate the way of their thinking and feeling. Through such means of mass communications as periodicals, university lectures and public speeches, the intellectuals could influence the mindset of the public. In this respect, the study of their interpretations of revolutionary events is of interest as part of an integrated research into social expectations and moods of Tomsk residents in the early twentieth century. The analysis of these intellectuals' published works showed their unanimity in the rejection of violence and political confrontation. Justifying their negative attitudes to the revolution, the two used argumentation as experts in an original way. I.V. Mikhailovskiy, a specialist in philosophy and general theory of law, defended the principles of evolutionism and social compromise drawing on key theses of Hegelian dialectics and neo-Hegelianism. I.A. Malinovskiy, whose research interests dealt with the history of Russian law, emphasised the unlawful nature of violent means in the political struggle. They both were of an opinion that it was necessary to prevent the revolution because of its possible catastrophic consequences. Drawing attention to the negative ethical and moral effects of using violence, the professors proposed reforms of the social and political system along with the intelligentsia's educational activities targeted at the general public as preventative measures. Characteristic of their concept of 'social education' was an emphasis on the development of legal consciousness, cultivation of the sense of legitimacy, and respect for law. The research interests and the very subject of Russian legal specialists' intellectual reflection contributed to the formation of a worldview whereby law was to be a crucial means of social regulation. This allows to hypothesise that the negative attitude to the social revolution in Russia in the early twentieth century constituted one of the significant markers of the legal elite's collective identity. The model of the state's social reorganisation proposed by them resonated with certain circles of the public and thus can be considered as one of the elements of public consciousness; without taking this element into account, one cannot arrive at a comprehensive reconstruction of the socio-cultural context of the Russian revolution.

REFERENCES

1. Adon'eva, I.G. (2015) Law intellectual elite of the Russian Empire of the *second half* of the *XIX* — the beginning of the *XX* centuries: problems of identification. *Voprosy istorii Sibiri*. 12. pp. 3–9. (In Russian).
2. Kuz'min, A.V. (1998) *Pravovoe uchenie I.V. Mikhaylovskogo: eydologicheskoe napravlenie rossiyskoy filosofii prava* [The legal doctrine of I.V. Mikhailovsky: the eidological direction of Russian philosophy of law]. Abstract of Law Cand. Diss. St. Petersburg.
3. Fominykh, S.F. & Nekrylov, S.A. (2012) Tomsk period of Russian law professor I.A. Malinowski. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 4 (20). pp. 21–26. (In Russian).
4. Chukmasova, K.A. & Nekrylov, S.A. (2013) [Problems of criminal punishment in research and journalistic works of Malinovskiy]. *Nauka. Tekhnologii. Innovatsii* [Science. Technologies. Innovations]. Proceedings of the all-Russian conference. Novosibirsk: NSTU. pp. 100–104. (In Russian).
5. Fominykh, S.F. (ed.) (1996) *Professora Tomskogo universiteta. Biograficheskiy slovar'* [Professors of Tomsk University. Biographical dictionary]. Vol. I: 1888–1917. Tomsk: Tomsk State University.

6. Mikhaylovskiy, I.V. (1910) *Kul'turnaya missiya yuristov. Pravovye prelyudii k gryadushchey kul'ture* [Cultural mission of lawyers. Legal preludes for the coming culture]. Tomsk: [s.n.].
7. Fominykh, S.F. & Nekrylov, S.A. (2012) [The professor disagreeable to the authorities: how I.A. Malinovskiy was fired from the Imperial Tomsk University]. *Malinovs'ki chitannya* [Malinovskiy readings]. Proceedings of the first international conference. Ostrog. pp. 6–29. (In Russian).
8. *Sibirskaya zhizn'*. (1917).
9. Kharus', O.A. (2010) Malinovskiy Ioannikiy Alekseevich. In: Shelokhaev, V.V. (ed.) *Rossiyskiy liberalizm serediny XVIII – nachala XX veka* [Russian liberalism of the middle of the 18th – the beginning of the 20th centuries]. Moscow: ROSSPEN.
10. Kharus', O.A. (2010) Mikhaylovskiy Iosif Vikent'evich. In: Shelokhaev, V.V. (ed.) *Rossiyskiy liberalizm serediny XVIII – nachala XX veka* [Russian liberalism of the middle of the 18th – the beginning of the 20th centuries]. Moscow: ROSSPEN.
11. Mikhaylovskiy, I.V. (1908) *Universitet i nauka. Vstupitel'naya lektsiya v kurse filosofii prava, chitannaya 18 sentyabrya 1907 g. studentam I kursa yuridicheskogo fakul'teta* [University and science. Introductory lecture in the course of the philosophy of law, read on September 18, 1907, to the first-year students of the Faculty of Law]. Tomsk: Tipo-litografiya Sibirskago t-va pechatn. dela.
12. Malinovskiy, I.A. (1908) *Krovavaya mest' i smertnye kazni* [Bloody revenge and death penalties]. Vol. 1. Tomsk: Tipo-litografiya Sibirskago t-va pechatn. dela.
13. Mikhaylovskiy, I.V. (1914) *Ocherki filosofii prava* [Essays on the philosophy of law]. Vol. 1. Tomsk: Izdanie knizhnogo magazina V.M. Posokhina.
14. Mikhaylovskiy, I.V. (n.d.) *Retsenziya na uchebnik filosofii prava Iosifa Kolera (Berlin, 1909)* [A review of the textbook of the philosophy of law by Joseph Kohler (Berlin, 1909)]. [s.l.]. (a copy print).
15. Mikhaylovskiy, I.V. (1904) Vozzreniya B.N. Chicherina na pravo i gosudarstvo [B.N. Chicherin's views on the law and the state]. *Obrazovanie*. 7. 15 pp. (a copy print).
16. Malinovskiy, I.A. (1909a) *Krovavaya mest' i smertnye kazni* [Bloody revenge and death penalties]. Vol. 2. Tomsk: Tipo-litografiya Sibirskago t-va pechatn. dela.
17. Malinovskiy, I.A. (1910) *Russkie pisateli-khudozhniki o smertnoy kazni* [Russian writers-artists about the death penalty]. Tomsk: Tipo-litografiya Sibirskago t-va pechatn. dela.
18. Malinovskiy, I.A. (1909) *Obshchestvennoe znachenie literaturnoy deyatel'nosti Gogolya. Rech', proiznesennaya v torzhestvennom zasedanii Imperatorskogo Tomskogo universiteta 20 marta 1909 g.* [The social significance of Gogol's literary activities. Speech delivered at a solemn meeting of the Imperial Tomsk University on March 20, 1909]. Tomsk: Tipo-litografiya Sibirskago t-va pechatn. dela.
19. Malinovskiy, I.A. (1909) *Nachal'naya stranitsa iz istorii russkoy intelligentsii. (Otvet avtoram "Vekh")* [Introductory page from the history of the Russian intelligentsia. (Reply to the authors of "Milestones")]. Tomsk: Tipo-litografiya Sibirskago t-va pechatn. dela.
20. Kharus', O.A. (2003) Spetsifika liberal'nogo podkhoda k probleme formirovaniya obshchestvennogo pravosoznaniya v Rossii nachala XX veka [Specificity of the liberal approach to the problem of the formation of public sense of justice in Russia at the beginning of the twentieth century]. In: Zheravina, A.N. et al. (eds) *Problemy istorii, istoriografii i istochnikovedeniya Rossii XIII–XX vv*. [Problems of History, Historiography and Source Studies of Russia in the 13th–20th centuries]. Tomsk: Tomsk State University.
21. Novombergskiy, N.Ya. (1915) *Kafedra istorii russkogo prava v rossiyskikh universitetakh* [Department of the History of Russian Law in Russian Universities]. Petrograd: [s.n.].

Received: 22 September 2017

Вестник Томского государственного университета. 2017. № 424. С. 175–178. DOI: 10.17223/15617793/424/24

УДК 930.25

А.С. Щетинина

ОБЗОР ФОНДОВ И ДОКУМЕНТОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА ТОМСКОЙ ОБЛАСТИ О БЕЖЕНЦАХ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Дается обзор фондов и документов Государственного архива Томской области, содержащих информацию о беженцах Первой мировой войны. Анализируются фонды учреждений трех исторических периодов: дореволюционного; периода Временного правительства и Правительства Колчака; советского периода. Хронологические рамки документов охватывают время с 1915 до начала 1920-х гг. Сделан вывод о том, что в Томском областном архиве имеется значительный корпус документом с информацией о пребывании беженцев в губернии в период Первой мировой войны.

Ключевые слова: беженцы; Первая мировая война; Томская губерния; Государственный архив Томской области.

Томская губерния во время Первой мировой войны была в числе регионов, которые столкнулись с массовым движением беженцев, с проблемой, которая для тыловых районов Российской империи стала новой и на начальном этапе сложно решаемой. В отдаленные губернии беженцев направляли более-менее организованно по железной дороге (по сравнению со стихийным движением пешком или на подводах), но и при этом беженцы стали острой проблемой для принимающей стороны. Города не были готовы к приему беженцев, не было инфраструктуры, не было планов размещения и трудоустройства и пр. Как писали очевидцы в 1915 г., «больных и здоровых, живых и мертвых выкидывали на станцию и предоставляли собственной судьбе…» [1. С. 1]. На начальных этапах прибытия беженцев в Томскую губернию единственной организацией, созданной для оказания им помощи, было отделение Комитета великой княжны Татьяны Николаевны для оказания временной помощи пострадавшим от военных действий (Татьянинский комитет). В Томской губернии отделение Комитета возглавлял губернатор.

Татьянинский комитет и его отделения являлись благотворительной организацией, однако с увеличением числа беженцев возникла острая необходимость в создании специальных комитетов, которые бы занимались всеми делами по приему, размещению, устройству беженцев в губернии, а также оказывали бы им помощь. До образования комитетов делами беженцев частично занимался Томский переселенческий район, в основном на него была возложена задача по учету прибывающих беженцев. Кроме того, именно это ведомство оказывало первую продовольственную и медицинскую помощь беженцам на станциях. В августе 1915 г. был создан Томский губернский комитет по устройству беженцев, который действовал при Томском губернском управлении. Позднее были образованы 7 уездных комитетов, 11 городских и 4 национальных.

В фонде заведующего Томским переселенческим районом отложились списки беженцев по уездам и волостям за 1915–1916 гг., а также общие сведения о беженцах за этот же период [2. Д. 110, 114, 116, 126]. На основе списков, составленных Статистическим бюро Переселенческого района совместно с Томским губернским Комитетом о беженцах, в 1916 г. было издано два выпуска списков беженцев по Томской губернии [3]. Издание было осуществлено на средства Татьянинского комитета. Кроме того, заведующий статистической работой Переселенческого района В.Я. Нагнибеда разработал и опубликовал технику регистрации беженцев [4], на основе которой были составлены регистрационные карточки. В фонде заведующего Томским переселенческим районом самих карточек не было выявлено, но в большом количестве они имеются в фонде Томского губернского статистического бюро. Необходимо отметить, что работа по регистрации беженцев, которую провели В.Я. Нагнибеда и его коллеги, имела большое значение не только для решения проблем, связанных с массовым прибытием беженцев. Разрабатывая технику регистрации, В.Я. Нагнибеда изначально предполагал использование полученных данных для исследовательских целей [4. С. 7].

Фонд Томского губернского Комитета по устройству беженцев [5] представляет собой наибольшую ценность для изучения темы. Документация фонда включает различные виды источников: распорядительные, делопроизводственные, статистические материалы, а также многочисленные просьбы, заявления и письма беженцев. В нем содержится 129 единиц хранения за 1915–1924 гг. Комплекс документов фонда по содержащейся в них информации можно разделить на несколько тематических групп:

1. Сведения о движении и распределении беженцев по уездам, волостям и городам губернии.

2. Документация по размещению, устройству и оказанию разного рода помощи беженцам.

3. Документы по розыску потерявшихся беженцев.

4. Сведения об имущественном положении беженцев, о количестве трудоспособного элемента среди них, о трудоустройстве беженцев и т.п.

5. Карточки регистрация беженцев, в том числе посемейные [5. Оп. 2. Д. 8 и др.].

6. Переписка Комитета с учреждениями по вопросам о беженцах.

7. Ходатайства и прошения беженцев по различным вопросам: о выдаче пособий и ссуд, о проездных документах, о розыске членов семьи и т.п.

8. Сведения о благотворительных организациях, оказывающих помощь беженцам на территории губернии.

В целом можно сказать, что материалы фонда Томского губернского Комитета о беженцах являются достаточно репрезентативным комплексом документов.

Источники, отражающие, прежде всего, организационные и административные вопросы по решению

проблем, связанных с беженцами, были выявлены в фонде Томского губернского управления [6]. Дела фонда содержат документацию по образованию комитетов помощи беженцам [6. Оп. 2. Д. 6982; Оп. 69. Д. 1 и др.], о распределении беженцев по губернии [6. Оп. 23. Д. 252 и др.], а также личные дела и списки гражданских интернированных и высланных под надзор полиции (после 1917 г. эти категории граждан были приравнены к беженцам Первой мировой войны) [9. Оп. 74. Д. 656 и др.; Оп. 77. Д. 2804 и др.].

В целом документы указанных выше фондов дают достаточно подробную информацию о ситуации, связанной с беженцами в Томской губернии с 1915 по 1917–1918 г., т.е. с начала массового прибытия беженцев в губернию до разделения Томской губернии, а также до момента ликвидации дореволюционных учреждений, организаций и органов власти и управления. Документы дореволюционных фондов отражают решение проблем по приему и регистрации беженцев в губернии, по оказанию им помощи, а также проблем, связанных с их нахождением в губернии: санитарные, социальные и т.д.

В фондах ГАТО имеются также документы по вопросам беженцев и выселенцев периода Временного правительства и Правительства Колчака. Исполнительно-распорядительным органом государственной власти на территории губернии с 1917 г. до декабря 1919 г. являлась Томская губернская земская управа. Ее фонд содержит не так много документов о беженцах: о размещении, регистрации беженцев и об оказании им помощи. В основном это доклады и переписка с местными учреждениями по указанным вопросам [7]. Небольшое количество документов по беженцам имеется в фонде Волостных земских управ Томской губернии: переписка и документация по снабжению беженцев, по регистрации и обследованию их положения [8]. В данном фонде документы отражают решение проблем беженцев и Первой мировой войны, и беженцев Поволжья в период Гражданской войны. Хронологические рамки документов также охватывают небольшой период с ноября 1917 г. по ноябрь 1919 г. В отдельный фонд выделены материалы Томского губернского комиссара Временного правительства [9]. Он включает в себя 63 единицы хранения за 1917 г., в том числе документы о высылке в Сибирь иностранных подданных. Среди документов фонда также имеются прошения иностранных подданных, эвакуированных лиц о выдаче разрешений на проезд в другие города [9. Оп. 1. Д. 30, 32, 58]. В связи с небольшим сроком деятельности Томского губернского комиссара Временного правительства проблема беженцев и иностранных подданных в документах практически не отразилась, документация фонда может служить лишь дополнительным материалом по беженской тематике.

Говоря о фондах периода Временного правительства и Правительства Колчака, можно сделать вывод о немногочисленности документов по беженской тематике. В целом это объясняется и коротким периодом деятельности рассмотренных учреждений, и некоторым ослаблением остроты проблем, связанных с беженцами Первой мировой войны, на фоне революционных и политических событий. Несмотря на **малое** количество, документы указанных фондов могут быть использованы в исследованиях в качестве дополнительного материала. По ним можно судить об общей ситуации и условиях, в которых проживали беженцы в Томской губернии в 1917–1919 гг.

Гораздо больше сохранилось архивных материалов, отражающих разного рода статистические сведения о беженцах, а также документов по регистрации в фондах ГАТО уже советского периода. Речь идет о регистрационных карточках, списках беженцев и о разного рода ведомостях по учету движения беженцев и их содержанию. В документах фонда Томского губернского статистического бюро, как уже было сказано выше, имеются регистрационные карточки беженцев на семью [10]. Общее количество карточек – 786 шт. В заголовке дела указано, что карточки за 1920–1924 гг., но на самих карточках проставлены даты их составления и они охватывают период с 1915 по 1918 г. [Там же. Д. 388]. Карточки содержат большое количество информации о беженцах и их семьях, они позволяют проследить, откуда и куда прибывали беженцы, дату прибытия, дату регистрации (часто между этими событиями проходило больше года или даже двух), половозрастные характеристики, национальность, подданство и вероисповедание, имущественное положение, род занятий и пр. На некоторых карточках на обороте встречаются описания причин, по которым беженцы не могут работать, по которым ранее не регистрировались, причины их прибытия в Томскую губернию и т.п. В целом эти документы существенно дополняют материалы фондов досоветского периода.

Информацию о возвращении беженцев на родину можно найти в документах Отдела труда Томского губернского исполнительного комитета советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов [11]. В составе дел имеются списки беженцев, возвращавшихся на родину, на 1922 г. [Там же. Оп. 1. Д. 19]. Вместе с проблемой возвращения на родину беженцев Первой мировой войны Томская губерния в 1917 – начале 1920-х гг. вынуждена была также заниматься приемом и размещением беженцев с голодающих районов. Причем нередко беженцы Первой мировой войны становились и беженцами с голодающих районов, так как вынуждены были покидать места эвакуации в связи голодом и Гражданской войной и уезжать далее на восток страны, в том числе и в Томскую губернию. В связи с этим в документах 1917–1920-х гг. не всегда можно четко разграничить категории беженцев.

В большей степени беженцами из голодающих районов, а также возвращением всех беженцев на родину занимался Томский губернский исполнительный комитет советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. В его фонде имеются различные списки беженцев, а также организационно-распорядительные документы, по которым можно частично проследить процесс решения проблем с приемом, регистрацией и реэвакуацией различных категорий беженцев [12. Оп. 1. Д. 19].

С 1917 г. и до контрреволюционного переворота в июне 1918 г. в Томске действовал Исполнительный комитет Томского губернского совета рабочих, кре-

стьянских и солдатских депутатов, в фонде этого учреждения имеются документы и более позднего периода (1920-е гг.), относящиеся к беженцам: списки польских, литовских и др. беженцев, списки иностранных граждан, не имеющих беженских документов, списки иностранных подданных, желающих остаться в России, анкеты для регистрации и т.п. [13. Д.: 23, 25–33, 37]. В целом документы фонда могут быть использованы как справочный материал или в качестве дополнительного материала при проведении исследований на беженскую тематику.

Таким образом, архивные материалы за 1917–1920-е гг. менее подробно отражают ситуацию по беженцам на юге Западной Сибири, чем дореволюционные, что объясняется и историческими событиями, влившими в какой-то степени на документирование тех или иных процессов, и тем, что проблем с беженцами в этот период было уже все-таки меньше, чем в годы их массового прибытия в губернию, поэтому документация представлена, в основном, списками и регистрационными карточками. Если оценивать весь комплекс документов по беженцам, то, несомненно, фонды ГАТО имеют в своем составе достаточное количество материалов для того, чтобы составить полное представление о ситуации и положении беженцев в губернии. Для полноценного исследования, конечно, необходимо еще привлекать документацию из архивных фондов соседних регионов и федеральных архивов, но для регионального исследования комплекс документов является вполне репрезентативным.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беженцы и выселенцы. М., 1915.
2. Государственный архив Томской области (далее ГАТО). Ф. 239. Оп. 1.
3. Беженцы в Томской губернии: список семейств беженцев и адреса их / Регистр. и спр. для беженцев бюро при Стат. отделе Том. переселен. района. Томск : Изд-е Томского губернского отделения комитета ее Императорского высочества Великой княжны Татьяны Николаевны, 1916: Тип. Г.И. Ливен. Вып. 1. 1916. XXIV с.; Вып. 2. 1916. XXIV с.
4. Программа и техника регистрации беженцев в Томске. Томск, 1915.
5. ГАТО. Ф. 7. Оп. 1, 2.
6. ГАТО. Ф. 3.
7. ГАТО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 122, 130.
8. ГАТО. Ф. Р-9. Оп. 1. Д. 19, 25.
9. ГАТО. Ф. Р-166.
10. ГАТО. Ф. Р-321. Оп. 1.
11. ГАТО. Ф. Р-314.
12. ГАТО. Ф. Р-173. Оп. 1.
13. ГАТО. Ф. Р-96. Оп. 1. Д. 23, 25–33, 37.

Статья представлена научной редакцией «История» 4 сентября 2017 г.

OVERVIEW OF THE FUNDS AND DOCUMENTS OF THE STATE ARCHIVE OF TOMSK OBLAST ABOUT THE FIRST WORLD WAR REFUGEES

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 424, 175–178.
DOI: 10.17223/15617793/424/24

Anna S. Shchetinina, Altai State University (Barnaul, Russian Federation). E-mail: anyash83@mail.ru

Keywords: refugees; First World War; Tomsk Province; State Archive of Tomsk Oblast.

The aim of this study is to give an overview of the funds and documents of the State Archive of Tomsk Oblast about refugees of World War I. The task was to study the foundations of institutions and organizations that were somehow involved in refugee issues in the period from 1915 until the early 1920s. The chronological framework covers the beginning of the mass arrival of refugees in Tomsk Province and the end of their re-evacuation to the homeland. In the study, funds of the following institutions were analyzed: 1) the Head of the Tomsk resettlement area; 2) Tomsk Provincial Committee on the Settlement of Refugees; 3) Tomsk Provincial Administration; 4) Tomsk Provincial Zemstvo; 5) Volost Zemstvo in the Province of Tomsk; 6) Tomsk Provincial Commissioner of the Provisional Government; 7) Tomsk Provincial Statistics Bureau; 8) the Labour Department of the Tomsk Provincial Executive Committee of Soviets of Workers, Peasants and Red Army Deputies; 9) Tomsk Provincial Executive Committee of Soviets of Workers, Peasants and Red Army Deputies; 10) the Executive Committee of the Tomsk Provincial Council of Workers, Peasants and Soldier Deputies. The most informative are the records of the Head of the Tomsk resettlement area and Tomsk Provincial Committee on the Settlement of Refugees. In the first there are lists of refugees by counties and townships for 1915–1916 and general data on refugees over the same period. The documents of the second fund can be divided into several thematic groups according to the information they contain: 1) data on the movement and distribution of refugees by counties, townships and cities of the province; 2) documents about the placement, arrangement and provision of different kinds of assistance to refugees; 3) documents about search of lost refugees; 4) information about the financial situation of refugees, the number of working people among them, the employment of refugees, etc.; 5) registration of refugees, including the family registration card; 6) organizational matters and correspondence of the Committee with the agencies on refugee issues; 7) applications and petitions of refugees on various issues: on the issuance of grants and loans, on travel documents, tracing family members, etc. 8) information on charity organizations providing assistance to refugees on the territory of the province. Documents of the other funds contains mostly statistical information, registration data and correspondence with agencies to resolve issues of recording and re-evacuation of refugees. To conclude, the author states that funds of the State Archive of Tomsk Oblast have a sufficient amount of materials in order to provide a complete picture of the situation and the state of refugees in the province. A comprehensive study requires documents from the archives of the neighboring regions and the federal archives, but for a regional research the complex of documents is quite representative.

REFERENCES

1. Moskovskaya gorodskaya tipografiya. (1915) *Bezhentsy i vyselentsy* [Refugees and the evicted]. Moscow: Moskovskaya gorodskaya tipografiya.
2. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 239. List 1. (In Russian).
3. Typography of G.I. Liven. (1916) *Bezhentsy v Tomskoy gubernii: spisok semeystv bezhentsev i adresa ikh* [Refugees in Tomsk Province: list of families of refugees and their addresses]. Vols 1–2. Tomsk: Izd-e Tomskogo gubernskogo otdeleniya komiteta ee Imperatorskogo vysochestva Velikoy knyazhny Tat'yany Nikolaevny; Tip. G.I. Liven.
4. Nagnibeda, V.Ya. (1915) Programma i tekhnika registratsii bezhentsev v Tomske [Program and technology of registration of refugees in Tomsk]. *Statistiko-ekonomicheskiy byulleten'*. 1.
5. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 7. List 1, 2. (In Russian).
6. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 3. (In Russian).
7. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-1. List 1. File 122, 130. (In Russian).
8. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-9. List 1. File 19, 25. (In Russian).
9. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-166. (In Russian).
10. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-321. List 1. (In Russian).
11. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-314. (In Russian).
12. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-173. List 1. (In Russian).
13. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-96. List 1. File 23, 25–33, 37. (In Russian).

Received: 04 September 2017

Вестник Томского государственного университета. 2017. № 424. С. 179–186. DOI: 10.17223/15617793/424/25

ПЕДАГОГИКА

УДК 37.01 (47)

С.В. Дмитриев, А.И. Загревская

ИСТОРИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ОНТОДИДАКТИКИ КАК ФИЛОСОФСКОЙ ОСНОВЫ СОВРЕМЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Обсуждаются проблемы, обращенные к философии образования как важнейшей сферы познания, формирования профессионального обучения, а в необходимых случаях и преобразования менталитета и личности, и социума в целом. Рассматриваются предмет и принципы онтодидактики, охватывающей всю известную систему выраженности человеческой бытийности в исследовании и проектировании процесса своего самообразования и самосовершенствования.

Ключевые слова: онтодидактика; образовательное обучение; саморегуляция; развитие личности; созидание.

Важнейшей составляющей вызова XXI в. является необходимость осознания глубинных оснований и движущих сил развития цивилизации и активного воздействия на эти основания в направлении увеличения духовного потенциала, профессионально-творческого менталитета современного общества и прогресса человечества.

В методологии образования на основе идей «отца науки» Аристотеля можно выделить три феномена, образующих человека и определяющих антропоконструкты его профессионального совершенствования сознания и мышления:

1. Логос человека, изучаемый антропологией. Он представляет собой процесс и результат постижения социокультурной и духовной природы и предназначения человека.

2. Номос человека, представленный, как правило, в виде плана-проекта-программы. Это становление личностного, аксиологического понимания человеком исследуемой проблемы.

3. Техне человека – это не что иное, как план-программа построения архитектоники творческой личности и индивидуальности, своей деятельности и поведения в координатах современного общества.

Данные термины вошли в так называемую онтодидактику образования, разрабатываемую нами. В нашей концепции онтодидактика представляет собой отрасль педагогической науки, которая изучает включение человека в исследование и проектирование процесса своего самообразования, своего самосовершенствования [1–5]. Эта отрасль знания стала наиболее актуальной в современном постнеклассическом периоде развития науки. Классическая наука и ее дидактология, которые разрабатывались еще Аристотелем, абстрагируются от ценностно-смысловой природы субъекта деятельности. В неклассических исследованиях эта природа уже выступает в явном виде – в интеграции, иерархизации и структурном усложнении сознания, личности и деятельности исследователя, технолога, дидакта и культуролога [6].

Фактически мы отметили здесь психологическую функцию пластического знака (по Л.С. Выготскому), который позволяет преобразовать психическую деятельность человека и задать ее как некую функционально-культурную целостность. В опоре на этот образ происходит собирание различных линий поведения / деятельности и формируется способность человека управлять своим сознанием и поведением, быть суверенным субъектом («открыть необходимость себя», по М.К. Мамардашвили) и автором собственных артпластических действий.

Одна из этих традиций формирования науки (связанная с именем Р. Декарта) делает акцент на проблемах унификации знаний, на выработке единообразного подхода к анализу и объяснению объектов познания и в разработке такого подхода видит основную задачу науки и образования. Другая традиция (основанная на идеях Ф. Бэкона) делает упор на раскрытии разнообразия, диверсификации анализируемых явлений и соответственно оценивает основной метод науки и образования. Как за рубежом, так и в России историки науки рассматривают Р. Декарта как великого унификатора, а Ф. Бэкона – великого диверсификатора. Конечно, эти различия во многом относительны. Здесь уместно сказать, что при столкновении взглядов в научном споре часто выигрывает побеждённый, ибо он умножает свои знания, углубляет миропонимание (мнение, приписываемое Эпикуру).

В настоящее время образовательная дидактика дополняется надындивидуальными социокультурными идеями, а также концепциями и технологиями индивидуальной субъектной педагогики. В психосемантику индивидуального образования входят: матрица смыслов и ценностей, сетевого сознания субъекта научной и образовательной деятельности. Важны механизмы, благодаря которым осуществляются включение человека в исследовательские схемы и реализация в них его потенциальных возможностей. Подчеркнём, что ценностные отношения существуют в виде той или иной деятельности вместе с её развитием. Отметим, что понятие «ценность» относится не к «сфере вещей» (вещи индифферентны), а к социокультурной деятельности человека – оно связано с общественным сознанием. Понятие «ценностное ориентирование» связано с индивидуальным сознанием «лица, принимающего решение» (на основе его интенций, диспозиций, трансакций, inner self – внутреннего «Я»).

Поиск методологических, теоретических, общепедагогических, психологических и методических подходов к решению проблемы определения состава и конструирования содержания высшего

профессионального образования. Любое философское исследование должно иметь не только проблематику, но и цели и задачи, которые обосновывают его существование. Основную цель данной проблемы определить несложно: она должна регулировать поведение человека, взаимоотношения его с другими индивидами (начиная с этических и завершая этическими же требованиями). Указанная цель должна помочь человеку решить, как ему следует мыслить и действовать в сложной с нравственной точки зрения ситуации.

Логика педагогического исследования для своей теоретической обоснованности требовала четкого обозначения исходных принципов, на которых выстраивается теория. Такие принципы отсутствуют в традиционной дидактике, трактуемой как общая теория обучения. Выявление и формулирование исходных принципов выстраиваемой теории осуществлялись по линии онтологии человека и по линии классической дидактики, восходящей к Я.А. Коменскому, К.Д. Ушинскому, П.Ф. Каптереву. Современная философская наука рассматривает человека как антропосоциокультурную сущность. Такой взгляд философов перекликается с воззрениями педагогов-классиков дидактической мысли. Отечественная педагогическая наука, и прежде всего дидактика, на протяжении всей своей истории ведет поиск методологических, теоретических, общепедагогических, психологических и методических подходов к решению проблемы определения состава и конструирования содержания высшего профессионального образования. Прорывным периодом развития дидактической мысли в советскую эпоху стали 60–80-е гг. XX в. Этот период ознаменован появлением фундаментальных трудов Ю.К. Бабанского, В.В. Давыдова, М.А. Данилова, Л.В. Занкова, В.В. Краевского, В.С. Леднева, И.Я. Лернера, А.А. Ляпунова, М.И. Махмутова, Н.А. Менчинской, И.Т. Огородникова, М.Н. Скаткина, Г.И. Щукиной, Д.Б. Эльконина; интересом к педагогической проблематике видных философов Г.С. Батищева, В.С. Библера, Э.В. Ильенкова, В.А. Лекторского, М.К. Мамардашвили, Э.Г. Юдина, Г.П. Щедровицкого, чьи работы имели заметное влияние на умозрение педагогической и более широкой научной общественности. К этому же периоду относится и общественная дискуссия на тему «Наука и учебный предмет», освещавшаяся журналом «Советская педагогика» (1965. № 7). Результаты этой дискуссии оказались чрезвычайно значимыми для развития дидактической мысли в образовательном пространстве.

В данной дискуссии сопрягаются (как минимум) две логики, связанные с выявлением *предметно-объектного* и *антропного смысла* исследовательских действий. Ценности, естественно, формулируются на логическом уровне, а принимаются на глубинном. При этом следует иметь в виду, что глубинный смысл социокультурных двигательных действий человека может быть понят и интерпретирован только через «интерсубъективное отражение» – посредством включения действия в систему межчеловеческих отношений (деятельностное и тематизированное общение, языковые формы деятельности и мыследеятельности, процессы межсубъективного отражения, «интерпретативные схемы»).

Конституирование языка, языкового сознания и самосознания личности. Язык является настолько важной частью человеческого существования, что его характеристика как неотъемлемого качества сознания, мышления, деятельности человека не вызывает никаких сомнений. Хорошо известны два тезиса К. Маркса и Ф. Энгельса о языке в «Немецкой идеологии»: «…язык есть практическое… действительное сознание…» и «язык есть непосредственная действительность мысли». В данных высказываниях под языком, несомненно, подразумевается речь, «речевое выражение содержания мысли». *Сознание не может быть тождественно языку*, ибо тогда были бы необъяснимы сходство одних и тех же явлений в сознании у разноязычных людей и их различие в сознании одноязычных людей. Тем более сказанное относится к мысли (мыследействиям) человека. Язык является непосредственной действительностью мысли в том смысле, что высказанная мысль (т.е. речь – устная или письменная) становится чувственно воспринимаемой, приобретает, так сказать, «материально-вещную», «сигнально-знаковую» форму.

Здесь необходимо сделать важные замечания. «Сигнально-знаковые» средства отражения мира, на наш взгляд, нельзя непосредственно относить к «феноменологии языкового сознания». Известно, что И.П. Павлов называл речь «второй сигнальной системой», «сигналом сигналов». Однако известно, что основная функция сигналов сводится к «вызову реакций», которые *направлены на раздражитель, а не на предмет действия* (мыследействия) человека. Если сигнальность – самая низшая сфера коммуникационных связей (присущая животным, техническим или социальным системам), то знаковость – самая высшая сфера информации в деятельности человека. Сигнал сам по себе, каким бы сложным он ни был (например, музыкальный аккорд или солнечная радуга), ничего не обозначает. *Он служит средством односторонней, а не двусторонней информации, которая присуща знаку как средству общения.* Сигнал для животного не имеет знаковости (имеет только признаки – преимущественно биофизические, отражающие те или иные явления), поскольку не является средством общения. Для человека же сигнал (а тем более знак) имеет не физиологическое, а социальное значение, причём так или иначе осмысленное и осознанное. Поэтому не следует речь и мышление рассматривать как «вторую сигнальную систему», а слово считать «сигналом сигналов». Любые семантические системы – знак, слово, понятие, концепт, конструкт – это орудия познания и преобразования мира [7].

Следует иметь в виду, что в ходе эволюционного развития человека как рода *мышление предшествовало языку*: язык (как средство формирования мысли) и речь (как способ формулирования и выражения мысли) возникают позже. Практическое мышление формируется в действиях и через действия. Ещё Ж. Пиаже установил, что понимание «смысла вещей» (предметного значения и функционального назначения) возникает раньше, чем человек овладевает операционально-технической стороной действий. «Логика действий» (механизмы телопсихики – body percept)

осваивается раньше «логики языка». Так, например, Т. Шаш определял «язык телесных движений» как своего рода протоязык (от гр. protos – первый). В настоящее время язык рассматривается психолингвистами не как продукт деятельности, но как сама *мыследеятельность* (включая умение как способность «языковой личности» понимать и говорить с помощью того или иного языка). Речь (устная или письменная), будучи вторичной по отношению к языку, является одним из средств общения людей путем обмена мыслями (средство общения и коммуникации). Устная речь реализует *лингвистический код* (систему акустических знаков – от поэтических строк до хрюканья свиньи), письмо реализует *код письменности* (систему начертательных знаков, компьютерной графики как средства выражения некоего смысла и некоего значения). Всё вышесказанное относится и к «языку тела» (кинесике) и к «языку телодвижений» (пантомимике) – арт-пластике и соматоэстетике движений человека. Данные феномены – выражение лица, жесты, ворчание, крики, походка, любые действия – служат знаками «внутренней жизни» человека. Вместе с тем все они должны быть построены на так называемых мы-отношениях (Л.С. Выготский). «Интерпретативные схемы», передающие некоторое «внутреннее состояние» человека (например, крик в гневе или крик радости), находятся в рамках общего восприятия партнеров по общению и практически неисчерпаемы по своим возможностям для передачи настроений, отношений, мотивов, планов в ситуациях взаимодействия и «межсубъектного отражения». Разумеется, понимание указанных нами механизмов особенно важно при построении как внутреннего, так и внешнего диалога и его использования в системе образования.

Надо иметь в виду, что в системе управления учебной деятельностью следует различать два типа языка – язык предметно-объектной области действительности (ориентация на процесс научного познания) и «язык профессионального общения», во многом детерминированный ситуацией решения учебных и профессиональных задач (ориентация на достижение целей обучения / учения / профессионального мышления). Второй язык, по сути, определяется педагогической онтодидактикой – постановкой задач-заданий, выработкой плана / проекта / программы учебных действий, построением обучающих и учебных алгоритмов профессионального мышления и деятельности. Данный подход, как нам представляется, весьма плодотворен, однако его реализация на сегодняшний день оставляет желать лучшего не только на практике, но и в теории. В поиске ответа на данные вопросы рассмотрим далее концептуальную схему, раскрывающую сущность построения социокультурных двигательных действий, организованную не только в ракурсе деятельности педагога-тренера, но и в «зрительно-двигательной логике» мышления спортсмена (рис. 1).

Рис. 1. Рефлексивно-смысловая организация двигательных действий спортсмена по схеме «ориентировка – исполнение – контроль»

Схема (назовем ее условно «От действия к мысли») основана на психологической концепции П.Я. Гальперина «ориентировка – исполнение – контроль» в учебно-образовательном пространстве, когда цель действия / деятельности уже заранее предопределена и «дана» субъекту обучения.

Он должен сориентироваться и выбрать необходимые средства реализации цели и проконтролировать процесс и результат развертки действия [8, 9].

В рамках общей психологии проблема выработки тех или иных решений рассматривается как частная проблема мышления человека. В соответствии с этим в литературе исследовалось мышление как деятельность (О.К. Тихомиров), процесс (А.В. Брушлинский), формирование умственных действий в процессе обучения (П.Я. Гальперин), выработка решения спортивной двигательной задачи (В.Б. Коренберг, С.В. Дмитриев), синтез проектно-двигательного и рефлексивно-

го мышления (И.Н. Семенов, С.В. Дмитриев). Существовавшие ранее как относительно независимые и необусловливающие друг друга свойства ***проективности*** и ***рефлексивности*** мышления образуют при своем синтезе качественно новую целостность, в которой связываются прошлое-настоящее с будущим, сложившийся опыт (операционный фонд – средства и орудия) производства-воспроизводства действий с возможностью и необходимостью их преобразования. Возникает так называемая ***рефлексивная транспектива*** – сквозное видение из настоящего в прошлое («планирование потребного прошлого» – термин В.П. Зинченко) и будущее («планирование потребного будущего» – термин Н.А. Бернштейна). Развитие проектно-рефлексивного мышления – актуальная задача спортивной педагогики. Проектно-двигательное знание имеет свою специфическую особенность, отличающую его от других форм знания, в первую очередь, от предметно-дисциплинарных знаний. В данном виде знаний нет дилеммы, «дихотомического разрыва» между знанием как таковым и его применением, поскольку оно возникает из анализа опыта, именно «опыта действования» как практического, так и мыслительного и выступает как «метод проектирование проектирования» [1]. Специально организованное рефлексивное знание выполняет функции переходного моста между действием человека в самых различных ситуациях решения двигательной задачи (практический опыт) и мышлением, «схватывающим» и осознающим этот опыт. Необходимо целенаправленно формировать и развивать способности педагогов-тренеров и спортсменов к проектно-рефлексивному мышлению, позволяющему повышать эффективность обучения двигательным действиям. Преподаватель вуза обязан глубоко понимать методы «конструктивно-двигательной педагогики», уметь отвергать устаревшие представления, порой жестко спорить (в том числе с авторами данной статьи). Однако далеко не всегда в спортивно-педагогической практике осуществляется рациональный синтез проектного подхода к двигательному действию и рефлексивного осмысления механизмов и способов его построения.

В традиционной дидактике процесс смыслового проектирования и построения двигательных действий осуществляется, как известно, в виде технических и технологических операций, выполняющих три вида функций: *информационную подготовку решения* двигательной задачи (ориентировочные операции), *выбор или выработку способа действия* (исполнительные операции), *контроль и коррекцию* построения системы движений (диагностика, рефлексивный анализ и оценка, коррекционные операции). Указанные операции понимаются не просто как средство отображения объекта, а скорее как способ смыслового проектирования и структурирования объекта, обобщенный алгоритм поэтапного формирования двигательного действия.

В онтодидактике способы смысловой ориентации, технико-технологического и идеомоторного конструирования и рефлексивно-ценностной оценки должны рассматриваться как *единый психосемантический процесс*, лежащий в основе проектирования и практического построения двигательных действий. Процесс обучения (учения) нельзя свести ни к одному из этих компонентов. Необходим мысленный, «рефлексивный диалог» – «диалог левого и правого полушария мозга», «диалог настоящего и прошлого», «диалог настоящего и будущего», «диалог вербально-двигательных коннотаций» (от лат. con – вместе и noto – обозначаю). Спортсмен должен уметь рефлексировать регуляторную специфику всей инструментально-технологической структуры выработки решения двигательной задачи, включая способы обобщения и абстрагирования «фактологических знаний». Данная структура включает в себя следующие мыслительные действия: произвольную ***остановку*** подлежащего рефлексии двигательного действия; его ***фиксацию*** в существенных узлах во внутреннем (как правило, вербальном) плане; ***объективацию***, т.е. вынесение вовне, переработку (переоформление в виде текста, знаковых систем, различных схем) сделанных фиксаций, сохраняющих предметное содержание рефлексируемого опыта [8].

Известно, что смыслоорганизация двигательных действий может осуществляться в результате переработки преимущественно *перцептивной информации* (перцептивный образ создается на основе непосредственного восприятия объекта, в форме так называемых визуальных понятий), *когнитивной информации* (когнитивный образ создается на основе категориального анализа воспринимаемой информации); *имагинативной информации* (созданных в воображении образно-смысловых конструктов – программирующих операторов двигательных действий). Если в когнитивно-перцептивных образах на первый план выдвигаются понимание и интерпретация объекта, то в образах-конструктах – технология его построения (Я.Э. Голосовкер). Когнитивно-перцептивные образы двигательных действий лежат в основе *объясняющих технологий* (доминируют «схемы ориентации», «психомоторные схемы»). В основе программирующих операторов лежат *преобразующие технологии* (доминируют «схемы преобразования» системы движений).

В структуре выработки двигательного решения можно выделить три взаимосвязанных стадии: *стадию понимания задачи* (ориентация в ситуации, предпроектное исследование, формирование замысла решения), *стадию проектирующих действий* (выдвижение принципа решения, основных механизмов, идеомоторное конструирование действия) и *стадию реализации замысла* (моторно-двигательное решение). Каждая стадия завершается принятием соответствующего решения. Так, понимание заканчивается тем, что спортсмен дает оценку и самой задачи, и своих возможностей решить её.

При этом он приступает к поиску решения или отказывается от задачи (уход от решения).

На стадии проектирования вырабатываются дифференцированные поисковые стратегии и методы решения, рациональные и конструктивные по отношению к задаче. И, наконец, на стадии реализации замысла принимается решение о способах действия в заданных условиях в соответствии с требованиями задачи и субъективными критериями её решения.

Структура мыслительного акта (мыследействия) состоит, по крайней мере, из трех взаимосвязанных компонентов: *ориентации в ситуации* решаемой задачи, *поиска ее решения* и *рефлексии* своих действий. Рефлексивный поиск характеризуется как особая функция мышления, связанная с построением систем потенциально-возможных действий (от «замысла-гипотезы» до проекта). Конструирование различных вариантов этих действий и выбор из них наиболее адекватного условиям, целям и требованиям задачи (как процедура рефлексивного экспериментирования с объектом) завершается построением и реализацией программы действия. При этом ориентировочные операции обеспечивают выделение тех свойств (атрибутивных и функциональных) предметной ситуации, которые существенны для смысловой организации двигательного действия. Умения мыслить и действовать не только характеризуются теми или иными знаниями (как отмечают многие специалисты), но и знания человека продуцированы его умениями действовать в ситуации решения той или иной задачи (класса задач). Знание как бы «растворяется в действии», постоянно трансформируясь из предмета познания в средство действия.

Традиционные классические методы биомеханики дают знания о свойствах и законах, присущих «материально-вещественным системам». Это, как правило, системы без рефлексии. Антропно ориентированные методы физической культуры позволяют встать в позицию заинтересованного «наблюдателя», «исследователя», «технолога» или «контролера» по отношению к своему телу, своим действиям, своим мыслям. Однако человек – ценностно-смысловая система мышления с рефлексией, обладающая своеобразным «глазастым разумом», «операционно-двигательным интеллектом». Здесь ***познание (преобразование) объекта осуществляется через действие с ним*** – сильнейший эвристический прием обучения в теории физической культуры, в танцевально-педагогической практике.

При этом в наблюдении *ориентировка* в ситуации задачи приобретает опережающий характер, в анализе информации доминирует функция *понимания* (наряду с объяснением), *контроль* осуществляется в контексте задачи управления двигательным действием. Личностное смысловое отношение и самоорганизация – доминирующее в онтодидактике. Так, М. Плисецкая по-разному «танцевала музыку» (а не танцевала под музыку), в частности, при исполнении партии «Умирающий лебедь».

Если в оркестре доминировали скрипки, движения балерины были более «трагическими», чем в ситуации, когда аккомпанировал Ю. Башмет. В композиции, исполняемой совместно с оперной певицей М. Кабалье, «доминировала песня» умирающего лебедя, голос певицы «вел за собой» танец.

Одновременно со знанием о самом объекте (спортивной технике) формируются знания о способах действия (технологии) и *умения управления действием* (афферентная и регуляторная программы). Дидактическое моделирование действия перестает подгонять свой предмет под жесткие алгоритмические схемы действия («правила-нормы-эталоны»). В онтодидактике используется открытая «архитектоника» двигательного действия, дающая возможность менять soft (мягкое программное обеспечение), не меняя при этом hard and fast rules (установленные правила). В «мягких моделях» определяющая роль отводится не технологии, а стратегии обучения, которая определяет *принципы отбора* предметного содержания и его построения в соответствии с индивидуальными особенностями личности. Главное здесь – передача не знаний, а способов пополнения знаний, поиска нужной информации, создание условий, при которых становится возможным процесс самообразования человека в результате его активно-рефлексивного и продуктивного творчества. В онтодидактике можно выделить три типа «рефлексивного ума»: *человек умелый* (способный создать рукотворный продукт); *человек умный* (рационально оперирующий понятиями); *человек умудренный* (духовно-опытный, ценностно-ориентированный) [9].

Специфическим предметом рефлексивного мышления спортсмена являются «логика мысли» и ее соответствие «логике действия». Преподавателю-тренеру следует иметь в виду, что «логика действий» (modus operandi) студента / спортсмена во многом детерминирует «логику мысли» – конструкты его мышления. Так, вербальный интеллект генетически возникает позднее психомоторного интеллекта ребенка (Ж. Пиаже). Педагог должен оказать помощь занимающимся в *осознании* (рациональная форма знания, связанная преимущественно с узнаванием, идентификацией) и *осмыслении* (affection; self regard – «интеллектуально-оценочный анализ»), результатом которого является понимание механизмов двигательного действия. В вузовской онтодидактике необходимо научить своих студентов указанным ниже методам вербально-понятийного и идеомоторного конструирования двигательного действия: *на что и как смотреть* (предметный и инструментальный тип восприятия); *что должен видеть* (главное в объекте, главное для субъекта); *что необходимо почувствовать* (идеомоторные представления действия); *на что объект похож* (методы ассоциативного и метафорического мышления); *что необходимо понять и как интерпретировать знания для себя* (методы авторефлексии); *как передать приобретенные знания другим людям* (методы автодидактики). Подчеркнём, что предметом технико-технологических операций являются «функциональные органы» – материальные и материализованные орудия и предметы труда. ***В онтодидактике предметом рефлексивно-смысловых действий (фиксированных в языке) является сам человек-деятель***. Они направлены на самосознание, самоопределение, интеллектуально-духовный опыт человека. Без них невозможны ни «самостояние человека», ни «величие его» духа, ни личностный рост [8, 9].

В педагогической практике различают четыре взаимосвязанных вида рефлексивно-смыслового контроля: контроль за происходящими во времени и пространстве материально-объектными изменениями в текущей ситуации решаемой задачи (на основе субъективных отображений внешних факторов и личностных особенностей); контроль за способом реализации

цели (на основе знания спортивной техники); контроль sui generic (идеомоторных процессов); контроль программных продуктов и результатов. Если *контроль* позволяет определить соответствие исполнительных действий требованиям задачи, то *оценка* – их соответствие программной цели. Таким образом, оцениваются *рациональность техники* (технологии) и *эффективность достижения результата действия*. Отметим, что программная цель (существующая лишь в наших представлениях как образ будущего результата) ***реализуется*** *в действиях*, а результат (продукт) ***достигается*** *в действиях* (переход от возможности к действительности, а энтелехия – конечный результат этого перехода, по Аристотелю). Необходимо отметить, что именно *овладение «предметно-орудийным арсеналом»* (а не объектами с помощью тех или иных действий) *представляет собой подлинное обогащение личности профессионала*, его функциональных возможностей (управленческих способностей, механизмов самопознания и саморегуляции деятельности) [1, 2].

Наиболее важная функция проектно-рефлексивного мышления заключается в обосновании *принципа решения задачи*, выступающего непосредственной объективной основой *обобщенного способа решения всех задач данного класса.* Выработка принципа решения двигательной задачи опирается на механизмы генетического обобщения «логики действий» в сфере так называемой knowledge engineering («инженерия знаний» – область наук об искусственном интеллекте, связанная с разработкой экспертных систем и баз регулятивных знаний). Здесь «архитектоника» двигательного решения как бы закладывается вся целиком, но в неразвитой форме (эскиз-проект). В дальнейшем её составляющие (индикация, диагностика, прогноз, замысел, проект, план, программа, принятие решения о способе) развиваются неравномерно, гетерохронно. Это *проектируемая* (желаемая), *планируемая* (ожидаемая) и *конструируемая* (в материально-предметной среде деятельности) реальность.

Функциональная структура рефлексивно-смысловой организации двигательного действия, представленная на рис. 1, воспроизводит сложную систему всех форм проектно-технологического мышления человека: *активную ориентировочную основу действия* (конкретную – обозначена цифрой *1* и обобщенную – цифра *2*); *операционно-исполнительную основу действия*, включая механизмы «чувствознания» (цифра *3*), диагностические средства (цифра *4*); *регулятивно-оценочную основу действия* – образную (воображение действия «как оно должно быть» – цифры *5* и *6*) и абстрактно-понятийную (цифра *7*). Технологическая структура построения двигательного действия (процесс движения от цели через средства к результату) определяется потребностями, мотивами, установками, диспозициями человека. Данная структура ***концептуальна*** (так как строится для класса целевых ситуаций на основе системы ценностей) и ***конструктивна*** (так как конструирует действие на основе ориентирующих и порождающих операторов).

Исследования показали, что на этапе формирования представлений о программе деятельности важную роль играют как *ретроактивные* процессы, так и *антиципации*. Как правило, проект реальной задачи начинает формироваться в сознании человека еще до начала деятельности – в нём отражается стратегия и тактика действий с учётом условий предметной среды и требований к программному продукту.

Вместе с тем сравнительное исследование смыслового проектирования двигательного действия у здоровых спортсменов младшего школьного возраста и детей с задержкой психического развития (ЗПР) позволило нам выделить специфику соотношения ориентировочных, контрольных и исполнительных операторов. Дети с ЗПР способны воспринимать и усваивать учебный материал, однако в начальный период освоения моторно-исполнительных операций (с опорой на наглядный образец) познавательные и ориентировочные действия осуществляются ими недостаточно эффективно. Ребенок с интеллектуальной недостаточностью может с большим энтузиазмом подражать движениям педагога-тренера или квалифицированного спортсмена, старательно воспроизводя схему действия (образно говоря, поднимать клубы пыли с помощью веника), но не вполне понимает «операционный смысл» своих действий.

Такое поведение характерно также для гиперактивных детей. Для совершенствования когнитивно-ориентировочных функций мышления и деятельности необходимо использовать методы индивидуального и индивидуализированного сопровождения (выбор коррекционного образовательного маршрута и личностно-ориентированных адаптационных технологий). Здесь необходимо использовать методы демонстрационного эксперимента, вербального инструктирования, дидактического комментирования, «задания на смысл» (что и для чего делается), в соответствии с которыми занимающийся должен составить план (сценарий) своих действий и соответственно ему выполнить учебное задание. В педагогической практике разработка технологии начинается, как правило, с вопроса «Как делать?», в то время как надо начинать с вопроса «Что делать?». Конструктивная педагогика начинается не с технической стороны процесса, а с анализа ситуации задачи, создания ориентировочной основы действия, «ориентирующих ассоциаций», формирования регуляторных целей. «Мысленный проект» действия в начальной фазе обучения имеет пока еще эскизно-схематический характер. Вместе с тем в сфере сознания занимающихся активируются регуляторные функции мышления, «схемы тела» (в координатах телесной организации, в том числе имеющей физические дефекты), «схемы действия» (в координатах предметной среды деятельности, в том числе ограниченной возможностями человека). Данные схемы – это, по сути, сенсомоторный эквивалент системы формируемых понятий (мысль есть сжатая форма действия, по Ж. Пиаже), то наиболее общее, что сохраняется в действии при его восприятии, осмыслении и интерпретации в ходе многократного повторения в разных условиях решаемой задачи. Известно, что чем больше обобщена «схема действия» (выявлен принцип организации системы) и подвергнуты рефлексивному анализу-синтезу механизмы и методы сознательного контроля, тем быстрее занимающийся «схватывает»

регулятивные цели (что необходимо делать) и *операционный смысл* выполняемых им движений (для чего это делается).

В дальнейшем познавательно-ориентировочные действия начинают осуществляться одновременно и в тесной связи с исполнительными действиями (особенно в ситуации «пробных движений»). При осмыслении действия его схема-эскиз постепенно детализируется и видоизменяется, приобретает конструктивные функции. Технологическое знание подчиняется техническим структурам действия. Эти структуры – результат конструкции: они не даны ни в объектах, поскольку зависят от действий, ни в субъекте, поскольку последний должен научиться координировать свои действия. Формируемое знание может быть разного достоинства – в зависимости от того, на какие мыслительные структуры (ориентирующую, операционную, регуляторную) оно опирается. Это очень важно знать педагогу, чтобы отличать простое «натаскивание» (train) от подлинного развития (sich von selbst machen – самостоятельное делание себя) и никогда не удовлетворяться первым. Таким образом, формируемые действия у занимающихся в сфере физической культуры должны быть рефлексивны, интерпретационны, оценочны – включать осмысление и оценку способа действия и его результата, обобщение и накопление проектно-технологического опыта. При этом формируется *смысл, вплетенный в деятельность* познания, оценки и преобразования объекта (*предмет понимания* действия либо его *продукт*).

В заключение можно отметить, что сегодня онтодидактика образования стремится реализовать метасистемный уровень, и это проявляется в поиске онтологических оснований для интеграции монотеорий. Онтологизация дидактики приводит к ее выходу в слой реального бытия, описываемого терминами «жизненный мир» (Ф.Е. Василюк), «многомерный мир» (А.Н. Леонтьев), «транссубъектное пространство» (Д.Н. Узнадзе), наполненного смыслами и ценностями в ситуации принятия решений, выработке целей и задач в процессе достижения продуктивных результатов. Тенденция к онтологизации проявляется в том, что смыслы начинают рассматриваться как координаты индивидуального многомерного мира человека, его «жизненного пространства», как интегративные новообразования психологических систем, обеспечивающие избирательность сознания, поведения и деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дмитриев С.В. Мир «живых движений» в сфере языкового сознания человека-деятеля // Biocosmology – neo-Aristotelism. Autumn 2013. Vol. 3, № 4. С. 652–681.
2. Дмитриев С.В. Энтелехия как синтетическое понятие многомерного внутреннего пространства личности, художественной, спортивной и образовательной деятельности // Biocosmology – neo-Aristotelism. Winter 2016. Vol. 6, № 1. С. 139–165.
3. Дмитриев С.В. Антропный принцип в технологии профессионального образования: на основе самоактуализации личности и деятельности студента (в контексте идей нео-Аристотелизма) // Biocosmology – neo-Aristotelism. Spring 2016. Vol. 6, № 2. С. 209–243.
4. Дмитриев С.В. Социокультурная теория двигательных действий. Спорт, искусство, дидактика. Lambert Academic Publishing, 2012. 468 с.
5. Загревская А.И. Физкультурно-спортивное образование студентов на основе кинезиологического подхода. Томск : Издательский Дом Томского государственного университета, 2015. 276 с.
6. Дмитриев С.В. Антропоконструкты самосознания, мышления и деятельности человека в сфере образовательных технологий // Мир психологии. 2012. № 2. С. 209–222.
7. Дмитриев С.В., Неверкович С.Д., Быстрицкая Е.В., Воронин Д.И. Семантическое пространство «живых движений» в сфере языкового сознания и самосознания человека как творческого деятеля // Мир психологии. 2014. № 3. С. 173–186.
8. Дмитриев С.В., Неверкович С.Д., Быстрицкая Е.В., Воронин Д.И. Трансверсальные программы для системы образования магистрантов в сфере физической культуры. Ч. 1: docendo discimus (обучая других, мы учимся сами) // Спортивный психолог. 2014. № 3. С. 15–19.
9. Дмитриев С.В., Неверкович С.Д., Быстрицкая Е.В., Воронин Д.И. Трансверсальные программы для системы образования магистрантов в сфере физической культуры. Ч. 2: Презумпция культуры в антропных технологиях образования // Спортивный психолог. 2014. № 4. С. 17–22.

Статья представлена научной редакцией «Педагогика» 22 сентября 2017 г.

THE HISTORICAL-PSYCHOLOGICAL ANALYSIS OF ONTODIDACTICS AS THE PHILOSOPHICAL FOUNDATION OF MODERN EDUCATION

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 424, 179–186.
DOI: 10.17223/15617793/424/25

Stanislav V. Dmitriev, Nizhny Novgorod State Pedagogical Institute (Nizhny Novgorod, Russian Federation). E-mail: alexandra.zagrevskaya@yandex.ru
Aleksandra I. Zagrevskaya, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: alexandra.zagrevskaya@yandex.ru

Keywords: ontodidactics; educational training; self-regulation; personality development; creativity.

The **aim** of the study was the scientific substantiation of ontodidactics as the philosophical foundation of modern education, including in the field of sports and physical culture. **Research methods**: analysis and synthesis of philosophical, historical, psychological-pedagogical literature, abstraction and concretization. **Results and their discussion.** The study found that ontodidactics is a branch of pedagogical science which studies the inclusion of people in the study and design of the process of self-education and self-improvement. This branch of knowledge was most relevant in the modern postnonclassical stage of science development. The study shows that currently educational didactics is complemented by super-individual socio-cultural ideas, concepts and technologies of individual subject pedagogy. The psychosemantics of individual education includes a matrix of meanings and values, the network consciousness of the subject of scientific and educational activities. Mechanisms which include people in research schemes and implement their potential are important. Axiological relations exist in the form of particular activities together with their development. The concept “value” refers not to “things”, but to socio-cultural activities of people, it is connected with public consciousness. The concept “value orientation” is related to the individual consciousness of a “decision-maker”. It is established that ontodidactics con-

siders ways of semantic orientation, of technological and ideomotor design and reflective and evaluative assessment as a psychosemantic process underlying the design and practical construction of motor actions. The learning process cannot be reduced to any of these components. There is a need in a mental, reflexive dialogue – a dialogue of the left and right hemispheres of the brain, a dialogue of the present and the past, of the present and the future, a dialogue of the verbal-motor connotations. In conclusion, it is shown that today ontodidactics of education is committed to implement the meta-system level, and this manifests itself in the search for the ontological foundations for the integration of pedagogical theories. Ontologization of didactics leads to its passing to the layer of the real being described by the terms "life-world", "multidimensional world", "trans-subjective space", filled with meanings and values in situations of decision-making, of formulating goals and objectives in the process of achieving productive results. The tendency to ontologization is that the senses begin to be seen as coordinates of the individual multidimensional world of a person, their "living space" as integrative properties of psychological systems that provide for the selectivity of consciousness, behavior and activities.

REFERENCES

1. Dmitriev, S.V. (2013) The world of "live movements" in the sphere of language consciousness and self-consciousness. *Biocosmology – neo-Aristotelism*. 3 (4). pp. 652–681. (In Russian).
2. Dmitriev, S.V. (2016) *Entelecheia* as the synthetic multidimensional concept of the inner space of individual, artistic, sporting and educational activities. *Biocosmology – neo-Aristotelism.* 6 (1). pp. 139–165. (In Russian).
3. Dmitriev, S.V. (2016) The anthropic principle in the training programmes of vocational education: driven by the student's personality self-actualization and activities (in keeping with the neo-Aristotelian principles). *Biocosmology – neo-Aristotelism*. 6 (2). pp. 209–243. (In Russian).
4. Dmitriev, S.V. (2012) *Sotsiokul'turnaya teoriya dvigatel'nykh deystviy. Sport, iskusstvo, didaktika* [Socio-cultural theory of motor actions. Sports, art, didactics]. Saarbryukken: Lambert Academic Publishing.
5. Zagrevskaya, A.I. (2015) *Fizkul'turno-sportivnoe obrazovanie studentov na osnove kineziologicheskogo podkhoda* [Physical culture and sports education of students on the basis of the kinesiological approach]. Tomsk: Tomsk State University.
6. Dmitriev, S.V. (2012) Antropokonstrukty samosoznaniya, myshleniya i deyatel'nosti cheloveka v sfere obrazovatel'nykh tekhnologiy [Anthropo-constructs of human self-consciousness, thinking and activity in the sphere of educational technologies]. *Mir psikhologii.* 2. pp. 209–222.
7. Dmitriev, S.V., Neverkovich, S.D., Bystritskaya, E.V. & Voronin, D.I. (2014) Semanticheskoe prostranstvo "zhivykh dvizheniy" v sfere yazykovogo soznaniya i samosoznaniya cheloveka kak tvorcheskogo deyatelya [The semantic space of "live movements" in the sphere of language consciousness and self-consciousness of man as a creative figure]. *Mir psikhologii.* 3. pp. 173–186.
8. Dmitriev, S.V., Neverkovich, S.D., Bystritskaya, E.V. & Voronin, D.I. (2014) Transversal'nye programmy dlya sistemy obrazovaniya magistrantov v sfere fizicheskoy kul'tury. Ch. 1: docendo discimus (obuchaya drugikh, my uchimsya sami) [Transversal programs for the system of education of undergraduates in the field of physical culture. Part 1: docendo discimus (teaching others, we learn ourselves)]. *Sportivnyy psikholog – Sports Psychologist*. 3. pp. 15–19.
9. Dmitriev, S.V., Neverkovich, S.D., Bystritskaya, E.V. & Voronin, D.I. (2014) Transversal'nye programmy dlya sistemy obrazovaniya magistrantov v sfere fizicheskoy kul'tury. Ch. 2: Prezumptsiya kul'tury v antropnykh tekhnologiyakh obrazovaniya [Transversal programs for the system of education of undergraduates in the field of physical culture. Part 2: Presumption of culture in the anthropic technologies of education]. *Sportivnyy psikholog – Sports Psychologist.* 4. pp. 17–22.

Received: 22 September 2017

Вестник Томского государственного университета. 2017. № 424. С. 187–192. DOI: 10.17223/15617793/424/26

УДК 796.83.015

С.В. Радаева, С.Н. Неупокоев, Ю.П. Бредихина, Е.В. Медведева

ПОКАЗАТЕЛИ ЭЛЕКТРИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ МЫШЦ ВЕРХНИХ КОНЕЧНОСТЕЙ, ТУЛОВИЩА И ВЕГЕТАТИВНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЧИНАЮЩИХ БОКСЕРОВ ПРИ ВЫПОЛНЕНИИ УДАРНЫХ ДВИЖЕНИЙ РАЗЛИЧНОГО ТИПА МЫШЕЧНОГО НАПРЯЖЕНИЯ

Исследованы вегетативное обеспечение и электрическая активность мышц верхних конечностей и туловища при выполнении ударных движений различного типа по спортивным снарядам у начинающих спортсменов. Отмечено, что использование различных средств, ограничивающих нагрузку на кисть при ее взаимодействии со спортивным снарядом, оказывают влияние на тип выполнения ударных действий, на улучшение или нарушение взаимодействие мышц и изменяют вегетативное обеспечение начинающих спортсменов. Выяснено, что удары, выполняемые баллистическим типом мышечного напряжения, наиболее экономичны. Это выражается в адекватной реакции вегетативных показателей на проделанную работу и более полном вовлечении в движение групп мышц, обеспечивающих удару максимальные силовые и скоростные характеристики у начинающих спортсменов экспериментальной группы.

Ключевые слова: бокс; биоэлектрическая активность мышц; вегетативное обеспечение; баллистические удары; начинающие спортсмены; спортивная тренировка.

Введение. Анализ научно-методических работ свидетельствует, что выполнение ударных движений баллистического типа служит основой координационной подготовки боксеров, использующих игровую манеру ведения поединка. Авторы отмечают, что при подобном типе движения основную нагрузку в заключительных фазах удара несут мышцы спины, выполняющие вращение в направлении удара и мышцы разгибатели плеча, получающие энергию для работы по инерции от мышц спины, исходя из оптимальных биомеханических характеристик взрывных баллистических ударных действий в боксе [1].

Многие тренеры и исследователи обращают внимание на то, что болевые ощущения в области кисти при ее взаимодействии со спортивным снарядом рефлекторно вызывают коррекцию удара, способную менять тип мышечного напряжения [2, 3]. Мышцы спины вовлекаются в работу без необходимо напряжения, а при движении руки более значимого вовлекаются мышцы-антагонисты, существенно снижающие скоростно-силовые возможности удара. При травматических воздействиях на область кисти происходит значительное мышечное напряжение руки, что снижает требуемую экономичность движения и существенно увеличивает нагрузку на вегетативное обеспечение организма спортсменов после выполненной работы [4, 5].

При анализе современных методических рекомендаций выполнения ударных баллистических движений мы столкнулись с вопросами разработки практических методов технического совершенствования, имеющих в своей основе биомеханические закономерности выполнения ударов [6, 7]. С одной стороны, первоочередное место в биомеханике ударных действий занимают проблемы, связанные с изучением свойств спортивных инструментов, которые являются их регуляторами и качественно влияют на управление тренировочным процессом. С другой стороны, авторы отмечают ограниченность применения снарядов для совершенствования ударных движений в боксе, а также их отрицательное влияние на работоспособность спортсменов, в частности – систематические болевые ощущения от ударов при работе на снарядах [8].

Целью нашего исследования является определение показателей электрической активности мышц верхних конечностей, туловища и вегетативного обеспечения у начинающих боксеров при выполнении ударных движений различного типа мышечного напряжения.

Материалы и методы исследования. Исследование выполнялось на базе спортивной секции по боксу ТГАСУ. Были сформированы две равнозначные группы начинающих спортсменов: экспериментальная и контрольная, каждая состояла из 10 человек. Возраст обследуемых – 18–19 лет, весовая категория – до 69 кг. Длительность эксперимента – 1 год. В начале и конце эксперимента спортсмены проходили комплекс исследований.

Применялись следующие методы исследования.

Электромиография (регистрация биоэлектрической активности мышц). С помощью многофункционального компьютерного комплекса «Нейро–МВП – 4» регистрировалась биоэлектрическая активность двуглавой мышцы плеча, трехглавой мышцы плеча, межреберных мышц и наружной косой мышцы живота при выполнении прямого удара рукой в голову [9]. В качестве тестирующей нагрузки спортсменам обеих групп было предложено наносить одиночный прямой удар правой рукой в голову максимальной силы по тяжелому боксерскому мешку в течение раунда (3 мин). Интервал отдыха между ударами составлял 15 с. При этом экспериментальная группа использовала в качестве средств предупреждения травматизма боксерские перчатки (10 унций), а контрольная группа – снарядные перчатки. Исследование проводилось на базе лаборатории функциональной диагностики НИ ТПУ.

Показатели сердечно-сосудистой системы организма спортсменов оценивали согласно стандартным формулам, применяемым в спортивной медицине в состоянии покоя и после тестирующей нагрузки:

$$ПД = АД_с – АД_д;$$

$$КЭК = ПД \times ЧСС;\ ИР = (f_0 + f_1 + f_2) – 200/10,$$

где f_0 – ЧСС в покое; f_1 – ЧСС сразу после нагрузки; f_2 – ЧСС в конце 1 мин отдыха;

$$ИА = ЧСС/АД_с;\ СИ = МОК/S;$$

$$УИ = УО_с/S;\ S = 100 + W + (H – 160)/100,$$

где S – площадь поверхности тела ($м^2$), W – вес тела (г), H – длина тела (см). Для определения значений результатов, используемых в формулах, применяли механический тонометр Microlife BP AG1-40 со стетоскопом и пульсометр PolarFT1 [10]. Исследование проводилось на базе лаборатории функциональной диагностики НИ ТГУ.

Полученные данные были представлены в виде «среднее ± ошибка среднего» (X±m). Полученные результаты обрабатывались методами вариационной статистики, достоверность оценивалась с помощью непараметрического критерия Манна–Уитни.

Результаты исследования. В начале исследования средняя амплитуда электрической активности двуглавой мышцы плеча в экспериментальной группе была на 47,7% ниже, чем в группе контроля, а частота осцилляций была на 25,8% ниже контрольных значений ($p<0,05$, табл. 1). В заключительной части исследования средняя амплитуда электрической активности двуглавой мышцы плеча в экспериментальной группе была на 50,7% ниже контрольных значений, а частота осцилляций на 31,2% (табл. 1, $p < 0,05$). Величины электрической активности мышцы-сгибателя плеча на всех этапах тестирования достоверно не различались между собой внутри исследуемых групп. Данный факт позволяет предположить о меньшем вовлечении в движение мышц-антагонистов у спортсменов экспериментальной группы. В группе контроля нарушение биомеханических характеристик ударного действия способствовало снижению его скоростно-силовых параметров. На наш взгляд, это может происходить вследствие более значительного воздействия на мышцы кисти болевых ощущений при ее соударении с тяжелым спортивным снарядом.

Таблица 1

Показатели электрической активности мышц туловища и верхних конечностей, участвующих в выполнении ударных движений у начинающих спортсменов X±m

Квалификация спортсменов		Группа мышц	Средняя частота, Гц		Средняя амплитуда, мкВ	
			в начале	в конце	в начале	в конце
Боксеры-новички (n=20)	Эксперимент	Двуглавая мышца плеча	105,2±9,3*	98,1±8,8*	567,4±24,1*	524,4±31,9*
		Трехглавая мышца плеча	164,6±11,6*	209,3±13,7*&	992,1±33,9*	1234,3±42,5*&
		Межреберные мышцы	207,4±20,1*	150,9±11,1*&	976,9±31,1*	1197,4±38,6*&
		Наружная косая мышца живота	231,9±14,8*	288,5±12,4*&	772,2±49,8*	1094,4±21,8*&
	Контроль	Двуглавая мышца плеча	141,8±10,6	142,5±11,4	1084,8±43,04	1063,4±38,1
		Трехглавая мышца плеча	109,7±16,1	107,7±12,6	790,6±27,6	802,3±19,5
		Межреберные мышцы	154,3±13,3	259,3±20,1&	654,6±28,8	702,4±48,6
		Наружная косая мышца живота	179,6±12,6	130,1±10,8&	504,8±46,7	575,3±32,8

Примечание. * – достоверность различия полученных данных с соответствующими значениями у контрольной группы спортсменов, $p<0,05$. & – достоверность различия данных, зафиксированных в конце исследования относительно его начала внутри исследуемых групп, $p<0,05$.

В начале исследования амплитуда биоэлектрической активности трехглавой мышцы плеча в экспериментальной группе на 25,5%, а частота осцилляций – в 1,5 раза были выше контрольных значений (табл. 1, $p<0,05$). В заключительной части исследования амплитуда мышцы-разгибателя плеча в экспериментальной группе значительно выросла, уже на 53,8% превышая значения контроля и на 24,4% – относительно значений, фиксируемых в начале исследования (табл. 1, $p<0,05$). Частота осцилляций трехглавой мышцы плеча в экспериментальной группе к концу исследования увеличилась на 27,2% и на 94,3% превысила данные контроля (табл. 1, $p<0,05$). В контрольной группе не было отмечено достоверных различий между величинами, наблюдаемыми в заключительной и начальной частях тестирования (табл. 1). В заключительной части тестирования было отмечено, что минимальное травмирующее воздействие на мышцы кисти при взаимодействии со спортивным снарядом позволило боксерам экспериментальной группы с максимальной интенсивностью вовлекать мышцы-разгибатели плеча в необходимой фазе ударного движения. Это в значительной степени положительно сказалось на биомеханических характеристиках выполняемой работы и способствовало развитию скоростно-силовых качеств заключительной фазы удара с максимальными функциональными возможностями.

Показатели средней амплитуды электрической активности межреберных мышц у спортсменов-новичков экспериментальной группы в начале тестирования превышали контрольные значения на 49,2%, а частота мышечных сокращений – на 34,4% (табл. 1, $p<0,05$). В заключительной части исследования средняя амплитуда в экспериментальной группе увеличилась на 22,6% и на 70,5% над данными контроля (табл. 1, $p<0,05$). Показатели частоты осцилляций в конце исследования снизились на 27,2 и 41,8% относительно показателей группы контроля (табл. 1, $p<0,05$). Достоверных отличий показателей амплитуды сокращения межреберных мышц у спортсменов контрольной группы после года занятий не наблюдалось (табл. 1). В то же время значения частоты осцилляций в заключительной части тестирования выросли значительно – на 68% (табл. 1, $p<0,05$). Данный факт позволяет сделать предположение о том, что выполнение ударных движений с оптимальными биомеханическими характеристиками способствовало сниже-

нию количества вовлекаемых в движение межреберных мышц и увеличению силы выдоха в заключительной фазе удара у спортсменов экспериментальной группы.

На первом этапе тестирования средняя амплитуда биоэлектрической активности наружной косой мышцы живота у спортсменов экспериментальной группы была на 53% выше данных контроля, а частота осцилляций – на 29,1% (табл. 1, $p<0,05$). На заключительном этапе тестирования средняя амплитуда в экспериментальной группе увеличилась на 41,7% и на 90,2% над контрольными значениями, зафиксированными в начале исследования (табл. 1, $p<0,05$). Показатели частоты сокращений, в экспериментальной группе увеличились на 24,4% и на 121,8% стали выше контрольных значений в конце эксперимента (табл. 1, $p<0,05$). Достоверных отличий средней амплитуды в контрольной группе в конце эксперимента не наблюдалось (табл. 1). Средняя частота сокращений через год занятий уменьшилась на 27,6% (табл. 1, $p<0,05$). Данный факт позволяет предполагать, что использование средств, ограничивающих болевое воздействие на кисть при ее взаимодействии со спортивным снарядом, позволяет более значимо вовлекать мышцы спины в ударное движение, что качественно влияет на его биомеханические и физические характеристики.

При анализе показателей начинающих спортсменов в состоянии покоя и после нагрузки между экспериментальной и контрольной группой не было выявлено достоверно значимых различий в показателях пульсового давления (ПД), систолического артериального давления ($АД_с$), ударного объема ($УО_с$) и ударного индекса (УИ) на всех этапах тестирования (табл. 2).

Таблица 2

Показатели вегетативного обеспечения начинающих спортсменов в начальной части исследования X±m

Начинающие боксеры				
Показатели	Контроль		Эксперимент	
	Начало исследования			
	Покой	Нагрузка	Покой	Нагрузка
ПД, мм рт. ст.	40,2±3,3	41,6±2,9	40,7±2,8	42,6±3,1
$АД_с$, мм рт. ст.	120,8±6,1	136,5±8,2	121,3±6,7	135,4±5,9
$АД_д$, мм рт. ст.	80,6±3,2	96,8±3,3#	80,6±3,6	93,8±6,5
ЧСС, уд./мин	64,8±3,3	153,6±5,1#	64,8±4,2	151,1±6,2#
$УО_с$, мл	78±2,4	71,7±4,7	78,3±3,6	71,3±3,2
МОК, л/мин	5±0,7	11±1,3#	5,1±0,6	10,8±1,7#
КЭК, у.ед.	2603,4±67,5	6541,7±85,8#	2637,6±71,3	6285,6±97,7#
ИР, у.ед.	–	16,3±2,2	–	16±1,9
ИА, у.ед.	0,54±0,02	1,13±0,04#	0,53±0,02	1,12±0,03#
СИ, л/мин/м^2	2,75±0,29	5,99±0,41#	2,75±0,27	5,85±0,32#
УИ, мл/м^2	42,6±2,3	39,3±2,7	42,6±1,9	38,8±2,5
S, м^2	1,83±0,01		1,84±0,01	
Конец исследования				
ПД, мм рт. ст.	40,6±3,4	40,4±3,1	40,4±2,9	47,7±4,3
$АД_с$, мм рт. ст.	121,2±5,2	136,3±7,3	121,1±6,9	132,6±5,7
$АД_д$, мм рт. ст.	80,6±4,4	92,9±4,8	80,7±3,9	85,1±5,3
ЧСС, уд./мин	60,9±3,5	149±6,1#	61±3,8	118,3±5,4*#&
$УО_с$, мл	78,8±3,6	71,2±5,1	78,7±4,2	80,1±5,3
МОК, л/мин	4,8±0,4	10,61±1,9#	4,82±0,5	9,5±1,3#
КЭК, у.ед.	2472±60,9	6018,9±86,7#	2472,6±69,8	5643,2±88,5#
ИР, у.ед.	–	14,85±2,8	–	8,7±1,7*&
ИА, у.ед.	0,503±0,01	1,12±0,02#	0,51±0,02	0,89±0,04*#&
СИ, л/мин/м^2	2,63±0,27	5,8±0,52#	2,62±0,19	5,16±0,36#
УИ, мл/м^2	43,09±2,5	38,94±3,1	42,81±2,5	43,58±3,4
S, м^2	1,83±0,01		1,84±0,01	

Примечание. * – достоверность различия полученных данных с соответствующими значениями у контрольной группы спортсменов, $p<0,05$.
– достоверность различия данных, зафиксированных после нагрузки относительно состояния покоя внутри исследуемых групп, $p<0,05$.
& – достоверность различия данных, зафиксированных в конце исследования относительно его начала внутри исследуемых групп, $p<0,05$.
ПД – пульсовое давление; $АД_с$ – артериальное давление (систолическое); $АД_д$ – артериальное давление (диастолическое); ЧСС – частота сердечных сокращений; $УО_с$ – ударный объем сердца; МОК – минутный объем кровообращения; КЭК – коэффициент экономичности кровообращения; ИР – индекс Руфье; ЧСС – частота сердечных сокращений; ИА – индекс Аллговера; СИ – сердечный индекс; УИ – ударный индекс; S – площадь поверхности тела.

В то же время в начале исследования после выполнения тестирующей нагрузки была отмечена гипотоническая реакция на нагрузку у спортсменов экспериментальной группы вследствие увеличения диастолического артериального давления ($АД_д$) и снижения ПД (табл. 2). ЧСС в экспериментальной группе после тестирования значительно выросла относительно состояния покоя на 133,2% (табл. 2, $p<0,05$). В контрольной группе наблюдалась гипертоническая реакция на выполненную работу вследствие повышения значения $АД_д$ на 20,1% после выполнения нагрузки. Показатели ЧСС у спортсменов контрольной группы после нагрузочного тестирования увеличивались на 137% (табл. 2, $p<0,05$). В заключительной части исследования был отмечен нормотонический тип реакции на нагрузку в экспериментальной группе вследствие повышения величин ПД и $АД_д$, укладывающихся в норму мощности выполняемой работы (табл. 2). Величины ЧСС после тестирования в экспериментальной группе снижались на 21,7% и были на 20,6% ниже показателей контрольной группы (табл. 2, $p<0,05$). В контроль-

ной группе нами не было отмечено достоверно значимых изменений показателей ЧСС в конце исследования относительно его начала. В то же время в группе контроля был отмечен гипотонический тип влияния на нагрузку. Значения ЧСС после нагрузки на 144,7% превышали величины в состоянии покоя, а $АД_д$ стало выше нормы, рекомендуемой для работы соответствующего временного отрезка и интенсивности. Величины ПД остались равнозначны аналогичным результатам, наблюдаемым в состоянии покоя. Таким образом, нами было отмечено, что совершенствование ударных движений с оптимальными биомеханическими характеристиками вызывает адекватную реакцию организма спортсменов в экспериментальной группе. Это позволяет сделать предположение о том, что средства защиты кисти, ограничивающие болевые воздействия при ее взаимодействии с тяжелым спортивным снарядом, способствуют экономичности упражнения и адекватному вегетативному воздействию на организм после выполненной работы.

Величины минутного объема кровообращения после выполненной нагрузки в начале исследования не отмечены достоверной значимостью различий между экспериментальной и контрольной группами (см. табл. 2). В то же время значения экспериментальной группы после нагрузки были на 111,8% выше данных, наблюдаемых в покое, а в контрольной группе – на 120% (табл. 2, $p<0,05$). В заключительной части исследования после нагрузки также не было зафиксировано достоверно значимых различий между исследуемыми группами (табл. 2). Значения экспериментальной группы после тестирования были на 97,1% выше данных покоя, а контрольной – на 121% (табл. 2, $p<0,05$). Это позволяет сделать предположение о большей экономичности движений, совершаемых экспериментальной группой вследствие меньшего вовлечения мышечных групп в ударное действие.

В начале исследования в показателе индекса Руфье в экспериментальной и контрольной группах достоверных различий не наблюдалось (табл. 2). В заключительной части тестирования наблюдалось уменьшение величин ИР на 45,6% в экспериментальной группе относительно начала исследования и уменьшение на 41,1% по сравнению с контрольными значениями окончания исследования (см. табл. 2, $p<0,05$). Это может свидетельствовать о более оптимальных механизмах восстановления после работы в экспериментальной группе вследствие меньшего мышечного напряжения при ее выполнении.

При анализе величин коэффициента экономичности кровообращения у начинающих боксеров после выполнения ударных действий также не было отмечено достоверно значимых различий между экспериментальной и контрольной группами в начале исследования (табл. 2). Величины спортсменов экспериментальной группы, наблюдаемые после тестирования, были на 138,3% выше значений, зафиксированных в покое, а в контрольной группе – на 151,3% (табл. 2, $p<0,05$). В конце исследования значения спортсменов экспериментальной группы после выполненного тестирования были на 128,2% выше данных, наблюдаемых в покое, а в контрольной группе – на 143,5% (табл. 2, $p<0,05$). Данный факт свидетельствует о лучшей экономичности работы боксеров экспериментальной группы, характеризуемой затратами организма на передвижение крови в сосудистом русле. Учитывая, что значения КЭК выросли менее значимо в экспериментальной группе, нами сделано предположение об экономичности расходования резервов сердечно-сосудистой системы при использовании средств экипировки, предохраняющих мышцы кисти от болевых взаимодействий с ударной поверхностью снаряда.

На начальном этапе исследования показатели индекса Аллговера в состоянии покоя статистически не отличались между исследуемыми группами (табл. 2). Между величинами, наблюдаемыми после нагрузочного тестирования, было отмечено их увеличение на 111,3% относительно уровня покоя в экспериментальной группе, а в контрольной – на 109,3% (табл. 2, $p<0,05$). В конце исследования значения экспериментальной группы после нагрузки стали на 20,5% ниже исходных значений и на 20,5% ниже уровня контроля (табл. 2, $p<0,05$). Между значениями, наблюдаемыми после нагрузки относительно состояния покоя, было отмечено их увеличение на 74,5% в экспериментальной группе, а в контрольной – на 122,7% (табл. 2, $p<0,05$). Таким образом, результаты начинающих боксеров свидетельствуют о лучшей адаптации организма спортсменов экспериментальной группы к выполняемому двигательному действию, совершаемому с высокой мощностью ($p<0,05$).

При анализе величин сердечного индекса у начинающих спортсменов в начале исследования также не было зафиксировано достоверных различий между экспериментальной и контрольной группами в состоянии покоя и после нагрузки (табл. 2). В состоянии покоя был отмечен эукинетический тип кровообращения в обеих группах. После выполнения тестирования было отмечено увеличение значений экспериментальной группы на 112,7% над значениями покоя, а контрольной – на 117,8% (табл. 2, $p<0,05$). В заключительной части исследования было отмечено улучшение функционального состояния спортсменов обеих групп (табл. 2). В состоянии покоя у исследуемых боксеров наблюдался гипокинетический тип кровообращения, характеризуемый низким показателем СИ. После выполненного тестирования величины спортсменов экспериментальной группы были на 96,9% выше значений в покое, а контрольной – на 120,5% (табл. 2, $p<0,05$). Данный факт позволяет констатировать значительную нагрузку на деятельность сердца у спортсменов контрольной группы, использующих стандартные средства спортивной экипировки при совершенствовании ударов на спортивных снарядах. Болевые ощущения при взаимодействии кисти со спортивным снарядом способствуют большему вовлечению в ударное движение мышц верхних конечностей, что сказывается на работе сердца.

Выводы:

1. Средства, ограничивающие нагрузку на кисть при совершенствовании ударов на боксерских снаря-

дах (боксерские перчатки), способствуют формированию оптимального двигательного стереотипа. Движения, выполняемые баллистическим типом мышечного напряжения, наиболее эффективны и экономичны при выполнении ударных действий в боксе.

2. Ударные движения баллистического типа оказывают минимальное воздействие на работу сердечно-сосудистой системы, что формирует наиболее стабильное вегетативное обеспечение организма спортсменов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Филимонов В.И. Современная система подготовки боксеров. М. : Инсан, 2009. 480 с.
2. Бредихина Ю.П., Капилевич Л.В., Гужов Ф.А. и др. Характеристика регионарной гемодинамики нижних конечностей у занимающихся спортивным карате // Теория и практика физической культуры. 2012. № 7. С. 49–51.
3. Неупокоев С.Н., Бредихина Ю.П., Овчинникова Н.А., Капилевич Л.В. Влияние характера мышечного напряжения на регионарный кровоток верхних конечностей у боксеров старших разрядов // Теория и практика физической культуры. 2016. № 4. С. 85–87.
4. Белоцерковский З.Б., Любина Б.Г. Сердечная деятельность и функциональная подготовленность у спортсменов. Норма и атипичные изменения в нормальных и измененных условиях адаптации к физическим нагрузкам. М. : Сов. спорт, 2012. 548 с.
5. Кудрин И.Д., Сулимо-Самуйло З.К., Филатов А.И. Механические ударные нагрузки и перегрузки как фактор экологии. Л. : Наука, 1980. 94 с.
6. Капилевич Л.В. Физиологический контроль технической подготовленности спортсменов // Теория и практика физической культуры. 2010. № 11. С. 12–15.
7. Bredikhina Yu.P., Baranova E.A., Kabachkova A.V., Gaevaya Y.A. Balance and steadiness correction of the upright posture of patients having withstood an ischemic stroke with the help of stabilographic rehabilitation training equipment with biofeedback // SHS Web of Conferences. Les Ulis: EDP Sciences. 2016. Vol. 28: Research Paradigms Transformation in Social Sciences (RPTSS 2015). 01017, 4 p.
8. Чащин М.В., Константинов Р.В. Профессиональные заболевания в спорте. М. : Сов. спорт, 2010. 176 с.
9. Капилевич Л.В., Давлетьярова К.В., Кошельская Е.В. и др. Физиологические методы контроля в спорте : учеб. пособие. Томск : Изд-во ТПУ, 2009. 160 с.
10. Ландырь А.П., Ачкасов Е.Е. Мониторинг сердечной деятельности в управлении тренировочным процессом в физической культуре и спорте. М. : Триада-Х, 2011. 176 с.

Статья представлена научной редакцией «Педагогика» 1 октября 2017 г.

INDICATORS OF THE ELECTRICAL ACTIVITY OF MUSCLES OF THE UPPER EXTREMITIES, TORSO AND VEGETATIVE PROVISION OF BEGINNING BOXERS WHEN PERFORMING PUNCH MOVEMENTS OF VARIOUS TYPES OF MUSCULAR TENSION

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 424, 187–192.
DOI: 10.17223/15617793/424/26

Svetlana V. Radaeva, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: svetlanaradaeva70@mail.ru
Sergey N. Neupokoev, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: repaov@mail.ru
Yulia P. Bredikhina, Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: U2000@ya.ru
Elena V. Medvedeva, Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: medved@yandex.ru

Keywords: boxing; bioelectric activity of muscles; vegetative support; ballistic punches; young athletes; sports training.

The analysis of the scientific and methodological works shows that punches of a ballistic type are the basis of the coordination of training boxers. The authors point out the fact that in this type of motion most of the load in the final phases of the punch is taken by the back muscles that rotate in the direction of the punch and by extensor muscles of the shoulder that work by inertia from the back muscles, based on the optimal biomechanical characteristics of ballistic punches in boxing. The researchers specify that pain in the wrist during its interaction with the exercise equipment reflexively causes necessary corrections that can change the type of muscle tension. The aim of the given study was to analyze the influence of the movements of different types of muscle tension on indicators of beginning boxers' muscle electrical activity and vegetative provision. At the beginning of the study after the testing the authors noted a hypotonic reaction to the load in athletes of the experimental group due to an increase in the diastolic blood pressure (BP_d) and reduction of PP. In the final part of the study the authors observed the normotensive type of reaction to the load in the experimental group due to higher values of PP and BP_d fitting into the normal capacity of the work (Table 2). After the test, HR values in the experimental group were 20.6% lower than the control level and 21.7% lower than similar data observed at the beginning of the study. In the control group, we have not noted quite significant change in HR parameters at the end of studies with respect to its beginning. At the same time, the authors observed the hypotonic type of influence on the load in the control group. At the initial stage of the study the authors did not record any statistically significant difference between the Ruffier index (RI) values in the experimental group and RI values in the control group. In the final part of the test the authors observed that after the testing RI values in the experimental group were 41.1% lower than the control values and became 45.6% less significant when compared with the beginning of the study. At the initial stage of the study, the Allgower index (AI) values in a state of rest did not have a reliable significance of differences between the study groups. At the end of the study the value of the experimental group after the load was 20.5% below the level of control, becoming 20.5% lower with respect to the results recorded at the beginning of the study. At the beginning of the test the eukinetic type of blood circulation was observed at rest in both groups. At rest the authors observed that boxers had the hypokinetic type of blood circulation, characterized by a low CI index.

REFERENCES

1. Filimonov, V.I. (2009) *Sovremennaya sistema podgotovki bokserov* [Modern system of training boxers]. Moscow: Insan.
2. Bredikhina, Yu.P. et al. (2012) Kharakteristika regionarnoy gemodinamiki nizhnikh konechnostey u zanimayushchikhsya sportivnym karate [The characteristics of regional hemodynamics of the lower limbs in sports karate]. *Teoriya i praktika fizicheskoy kul'tury – Theory and Practice of Physical Culture*. 7. pp. 49–51.
3. Neupokoev, S.N., Bredikhina, Yu.P., Ovchinnikova, N.A. & Kapilevich, L.V. (2016) Vliyanie kharaktera myshechnogo napryazheniya na regionarnyy krovotok verkhnikh konechnostey u bokserov starshikh razryadov [Influence of the nature of muscular tension on the regional blood flow

of the upper extremities in boxers of senior ranks]. *Teoriya i praktika fizicheskoy kul'tury – Theory and Practice of Physical Culture*. 4. pp. 85–87.
4. Belotserkovskiy, Z.B. & Lyubina, B.G. (2102) *Serdechnaya deyatel'nost' i funktsional'naya podgotovlennost' u sportsmenov. Norma i atipichnye izmeneniya v normal'nykh i izmenennykh usloviyakh adaptatsii k fizicheskim nagruzkam* [Heart activity and functional readiness of athletes. Norm and atypical changes in normal and altered conditions of adaptation to physical loads]. Moscow: Sov. sport.
5. Kudrin, I.D., Sulimo-Samuylo, Z.K. & Filatov, A.I. (1980) *Mekhanicheskie udarnye nagruzki i peregruzki kak faktor ekologii* [Mechanical hit loads and overloads as an environmental factor]. Leningrad: Nauka.
6. Kapilevich, L.V. (2010) Fiziologicheskiy kontrol' tekhnicheskoy podgotovlennosti sportsmenov [Physiological control of technical preparedness of athletes]. *Teoriya i praktika fizicheskoy kul'tury – Theory and Practice of Physical Culture*. 11. pp. 12–15.
7. Bredikhina, Yu.P., Baranova, E.A., Kabachkova, A.V. & Gaevaya, Y.A. (2016) Balance and steadiness correction of the upright posture of patients having withstood an ischemic stroke with the help of stabilographic rehabilitation training equipment with biofeedback. *SHS Web of Conferences*. *Vol. 28: Research Paradigms Transformation in Social Sciences (RPTSS 2015)*. Les Ulis: EDP Sciences. 01017, 4 p.
8. Chashchin, M.V. & Konstantinov, R.V. (2010) *Professional'nye zabolevaniya v sporte* [Occupational diseases in sport]. Moscow: Sov. sport.
9. Kapilevich, L.V. et al. (2009) *Fiziologicheskie metody kontrolya v sporte* [Physiological methods of control in sports]. Tomsk: Tomsk Polytechnic University.
10. Landyr', A.P. & Achkasov, E.E. (2011) *Monitoring serdechnoy deyatel'nosti v upravlenii trenirovochnym protsessom v fizicheskoy kul'ture i sporte* [Monitoring of cardiac activity in the management of the training process in physical culture and sports]. Moscow: Triada-X.

Received: 01 October 2017

Вестник Томского государственного университета. 2017. № 424. С. 193–198. DOI: 10.17223/15617793/424/27

ПРАВО

УДК 343.1

О.И. Андреева, О.А. Зайцев

ДОПУСТИМЫЕ ПРЕДЕЛЫ ОГРАНИЧЕНИЯ ДЕЙСТВИЯ ПРИНЦИПОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА (НА ПРИМЕРЕ ПРИНЦИПА ПРЕЗУМПЦИИ НЕВИНОВНОСТИ)

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта РФФИ (проект № 16-03-00413).

Определяются пределы ограничения действия принципов уголовного процесса в условиях дифференциации на примере принципа презумпции невиновности. Отмечается, что порядок расследования и разрешения уголовного дела не должен изменять суть принципа; нормы не могут вступать в противоречие с регулируемыми общественными отношениями; наличие ограничений должно быть обоснованным, предусматривать гарантии обеспечения прав и свобод. В статье дается критическая оценка установленному особому порядку принятия судебного решения.

Ключевые слова: принцип уголовного процесса; презумпция невиновности; пределы ограничения действия принципов; злоупотребление правомочиями.

Современной тенденцией развития уголовного судопроизводства является его дифференциация. Оставив единым понятие преступления (ст. 15 УК РФ), законодатель дифференцировал формы уголовного судопроизводства, исходя из степени общественной опасности преступлений, степени сложности производства по уголовному делу, особенностей личности обвиняемого, наличия волеизъявления обвиняемого на применение соответствующей процедуры.

В современный период в основе происходящей оптимизации уголовно-процессуальной формы лежит, с одной стороны, установление дополнительных гарантий обеспечения права лица на защиту и обеспечения справедливого судебного разбирательства, с другой – упрощение уголовно-процессуальной формы и ускорение, удешевление уголовно-процессуальной деятельности. С одной стороны – расширение подсудности рассмотрения дел судом с участием присяжных заседателей, с другой – особые порядки принятия судебного решения (гл. 40, 40.1 УПК РФ), производство дознания в сокращенной форме (гл. 32.1 УПК РФ), производство о назначении меры уголовно-правового характера при освобождении от уголовной ответственности (гл. 51.1 УПК РФ).

Происходящие изменения в порядках уголовного судопроизводства в целом не повлияли на назначение и систему принципов уголовного процесса, корректировку их содержания, установление в законе исключений из общего правила, регламентирующего основные начала.

Назначение и содержание принципов уголовного судопроизводства остались едиными для всех видов производств, в том числе и упрощенных. Этот факт можно было бы отметить как положительный. Принципы уголовного процесса являются отражением объективных социальных закономерностей, обусловлены общечеловеческими ценностями, общепризнанными принципами и нормами международного права, Конституцией РФ. По этой причине принципы не могут устанавливаться произвольно либо идти вразрез с обозначенными ценностями.

Законодатель, сохраняя единую систему принципов, тем самым гарантирует наличие условий, обеспечивающих права и законные интересы участников уголовного процесса независимо от формы уголовного процесса. Наличие принципов уголовного судопроизводства позволяет решить и вопросы пределов усмотрения должностных лиц, осуществляющих предварительное расследование, и суда при производстве по уголовным делам, ограничения возможности злоупотребления правомочиями с их стороны. Например, закрепление в уголовно-процессуальном законе принципа презумпции невиновности является не только гарантией защиты лиц от необоснованного привлечения к уголовной ответственности, но и гарантией от необоснованного применения мер принуждения, ограничения прав и свобод со стороны должностных лиц правоохранительных органов и суда. Применить нормы уголовного закона можно лишь к лицу, виновность в совершении преступления которого доказана и установлена вступившим в законную силу приговором суда. До вступления в законную силу приговора суда никто не может обращаться с лицом, привлекаемым к уголовной ответственности, как виновным в совершении преступления. Отсюда, например, возможность применения мер пресечения только в случаях и порядке, предусмотренных законом и только тогда, когда устранить или предупредить действия, препятствующие ходу уголовного судопроизводства, невозможно иным способом.

Между тем необходимо отметить, что существуют принципы уголовного судопроизводства, которые устанавливаются не отдельно взятой нормой, а совокупностью частных норм, сконструированных на ее базе [1. С. 13]. К таким принципам относят и принцип презумпции невиновности. В литературе отмечается условность термина «принцип презумпции невиновности», представляющего собой категорию собирательную, аккумулирующую в себе совокупность правил уголовного процесса [2. С. 105].

Правовая определенность требует формулирования нормы с той степенью ясности, которая позволяла

бы однообразно толковать ее [3]. Однако анализ содержания «норм-принципов» уголовного процесса позволяет утверждать, что не все они обладают качеством правовой определенности. Как следствие, в юридической литературе и на практике имеются разночтения относительно их составляющих элементов. Так, например, по-разному учеными-процессуалистами определяется содержание принципа презумпции невиновности. Одни авторы исходят непосредственно из положений ст. 49 Конституции РФ и ст. 14 УПК РФ и полагают, что подозреваемый или обвиняемый считается невиновным, пока его виновность в совершении преступления не будет доказана в порядке, определенном УПК РФ, и установлена вступившим в законную силу приговором суда [4. С. 118]. При том законодатель не ограничился закреплением только этого положения. В тексте ст. 14 УПК РФ содержатся: запреты на возложение обязанности на обвиняемого доказывать свою невиновность; указание на толкование сомнений в виновности лица в его пользу; вынесение приговора, основанного на предположениях. Другие авторы считают необходимым включение в содержание принципа дополнительных элементов, помимо содержащихся в ст. 14 УПК РФ [5. С. 97–98]. Например, А.В. Верещагина, ссылаясь на Всеобщую декларацию прав человека 1948 г., утверждает, что «презумпция невиновности конструируется не только как признание лица, обвиняемого в совершении преступления, невиновным до тех пор, пока его виновность не будет установлена законным порядком (ч. 1 ст. 11), но и как совокупность прав, позволяющих защищаться от выдвинутого обвинения» [6. С. 190].

Как следствие, в юридической литературе отмечается, что в настоящее время, «изучая презумпцию невиновности в рамках уголовного процесса, исследователь сталкивается с крайне сложной задачей отграничения собственно данной категории от иных адаптированных к ней норм уголовно-процессуального права» [2. С. 104]. Между тем решение этой задачи является важным в условиях постоянного реформирования уголовного судопроизводства, включения в уголовно-процессуальный закон новых видов производств и необходимостью обеспечения прав и свобод лиц, вовлеченных в сферу уголовного процесса.

Отсюда *особо значимо не только четкое определение сущности и содержания принципа уголовного процесса, отвечающего признаком логической завершенности, но и определение вытекающих, следующих из него положений, гарантирующих его действие и не противоречащих самому принципу, не искажающих его суть.*

Что касается принципа презумпции невиновности. Исходя из положений, закрепленных в Конституции РФ и УПК РФ, презумпция невиновности – это объективное правовое положение, определяющее правовой статус, правовое состояние лица, привлекаемого к уголовной ответственности. Лицо считается невиновным до тех пор, пока его виновность не доказана в порядке, предусмотренным законом, и установлена вступившим в законную силу приговором суда, независимо от того, признает он себя виновным или нет. Как следствие, законодательство гарантирует признание лица виновным в совершении преступления со всеми отрицательными для него последствиями, предусмотренными УК РФ, когда уполномоченные органы докажут его вину, опровергнув при этом доводы в его защиту.

Между тем существует позиция, согласно которой презумпция невиновности относится к принципам уголовно-процессуального доказывания, причем содержание его зависит от того, насколько проведено в законодательстве начало состязательности [7. С. 290–293]. Одновременно указывается, что «утверждать, что именно континентальный “инквизиционный” уголовный процесс построен на презумпции невиновности, а “состязательный” англо-американский – нет, невозможно» [8. С. 31].

Представляется, что причисление конституционного судопроизводственного принципа к принципам доказывания влияет на гарантированность прав лиц, подвергающихся уголовному преследованию, оказывает влияние на наличие либо отсутствие положений, вытекающих из этого принципа и обеспечивающих справедливое судебное разбирательство. Например, такие положения, следующие из принципа презумпции невиновности, как предусматривающее право лица на временное освобождение до начала суда или же положение о том, что никакое решение суда не может предрешать вопрос о виновности лиц, не участвовавших ранее в рассмотренном уголовном деле в качестве подсудимых, вытекают из правового положения этих лиц и напрямую не касаются процесса доказывания. Между тем именно исходя из принципа презумпции невиновности следует критически отнестись к встречающемуся на практике суждению о том, что в случае направления заявления подсудимого руководителю органа предварительного расследования для проверки в порядке ст. 144 УПК РФ суд не освобождается от обязанности дать оценку материалам, представленным по ее результатам, и отразить свои выводы в приговоре.

Существует и точка зрения, согласно которой презумпция невиновности рассматривается, в первую очередь, как неотъемлемое право личности считаться невиновным, пока не будет доказано обратное, а затем уже как принцип правосудия [9. С. 166]. Необходимо отметить, что в основу подобной точки зрения положена ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах, принятого Генеральной Ассамблеей ООН 16 декабря 1966 г. и ратифицированного СССР 18 сентября 1973 г., которая предусматривает, что «каждый обвиняемый в уголовном преступлении имеет право считаться невиновным, пока его виновность не будет доказана согласно закону» [10].

Как субъективное право, в том числе, рассматривает презумпцию невиновности применительно к уголовному процессу Франции П.К. Барабанов [11. С. 94–95]. В литературе оказывается, что «в США общепринятым стало правило, состоящее в том, что обвиняемый, который не возражает на обвинение, фактически не пользуется больше презумпцией невиновности» [12. С. 128].

Между тем определение презумпции невиновности, данное в Конституции РФ и УПК РФ (ориентирующее правоприменителя считать обвиняемого невиновным и относиться к нему как к невиновному, пока его виновность не будет доказана и установлена вступившим в законную силу приговором суда), не исключает права обвиняемого считаться невиновным. Как следствие, лицу, привлекаемому к уголовной ответственности, уголовно-процессуальным законом предоставлен большой объем правовых возможностей по защите своих прав и законных интересов. Кроме того, как в Конституции РФ, так и УПК РФ речь идет не о субъективном праве лица, а об обязательствах общества по отношению к этому лицу. Указанный вывод следует из публичного характера уголовного судопроизводства.

Подобное отношение к принципу презумпции невиновности прослеживается и относительно уголовного процесса других стран. Например, положение о том, что вина подсудимого должна быть доказана в соответствии с нормами права, рассматривается применительно к уголовному процессуа ФРГ в рамках принципа правового государства [13. С. 39]. В свою очередь, «принцип «nemo tenetur se ipsum accusare / prodere», являющийся проявлением принципа неприкосновенности человеческого достоинства и обладающий согласно ст. 2 (абз. 1) в сочетании со ст. 1 (абз. 1) Основного закона (Конституции) ФРГ конституционным рангом, запрещает принуждение обвиняемого к активному участию в направленном против него в уголовном процессе» [14. С. 39].

Дискуссионным является вопрос о том, может ли лицо от этого отказаться, чтобы его считали невиновным, и необходимо ли доказывать обвинение, если это обвинение никто не опровергает, а более того, признает правильность выдвинутого обвинения?

Необходимо отметить, что, во-первых, лицо вправе отказаться только от реализации принадлежащего ему субъективного права. Во-вторых, ч. 2 ст. 77 УПК РФ предусматривает, что признание обвиняемым своей вины не может быть положено в основу обвинительного приговора, если его виновность не подтверждена всей совокупностью доказательств по делу, и ч. 4 ст. 302 УПК РФ указывает, что обвинительный приговор может быть постановлен только в том случае, если выводы суда о виновности подсудимого полностью подтверждаются совокупностью исследованных в судебном заседании доказательств. Из этих положений следует, что общественным интересом является не только привлечение к уголовной ответственности лица, действительно виновного в совершении преступления и виновность которого доказана уполномоченными органами и установлена приговором, вступившим в законную силу, но и предотвращение и исключение возможности привлечения к уголовной ответственности лица невиновного. Согласно ст. 5 УК РФ лицо подлежит уголовной ответственности только за те общественно опасные действия (бездействие) и наступившие общественно опасные последствия, в отношении которых установлена его вина. Как следствие, противоречит общественному интересу признание лица виновным в совершении преступления без исследования доказательств этого. При этом признание лицом своей вины либо его согласие с предъявленным обвинением не освобождает уполномоченных должностных лиц доказать его вину и установить её вступившим в законную силу приговором. Следует согласиться с С.В. Эсауловым, полагающим, что «обвиняемый продолжает считаться невиновным, несмотря на то что он признает свою вину. Более того, он продолжает считаться невиновным до тех пор, пока презумпция невиновности не будет опровергнута путем преодоления двух составляющих: виновность должна быть доказана; виновность должна быть установлена вступившим в законную силу приговором суда» [15. С. 140].

Из Конституции РФ и УПК РФ следует, что никаких исключений из принципа презумпции невиновности не предусмотрено.

Как известно из теории права, «рядовые» уголовно-процессуальные нормы должны соответствовать фундаментальным «нормам-принципам» [7. С. 264]. Принципы права и законодательства определяют направленность правового регулирования общественных отношений [16. С. 9]. Отсюда следует, что уголовно-процессуальные производства, в том числе и упрощенные (сокращенные), должны находиться в рамках системы уголовно-процессуальных принципов и не могут противоречить, в том числе, и принципу презумпции невиновности [17. С. 134].

Между тем в литературе все чаще обращается внимание на рассогласование норм Общей и Особенной части УПК РФ [18. С. 85–88]. Подобное рассогласование в сфере уголовного судопроизводства, где применяются наиболее жесткие меры государственного принуждения, ведет, в том числе, к ограничению действия принципов в уголовном процессе в целом и, как следствие, к весьма существенным ущемлениям прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства, к возможности злоупотребления правомочиями со стороны должностных лиц государственных органов. В этой связи важным и необходимым является определение пределов ограничения действия принципов уголовного судопроизводства.

Принцип презумпции невиновности, не предусматривающий в законе никаких исключений, применительно к упрощенным производствам действует пообособенному, с определенными изъятиями. На это обстоятельство неоднократно было обращено внимание учеными-процессуалистами применительно к особому порядку принятия судебного решения [19. С. 66–67; 20. С. 4–5]. Мало того, существует позиция, согласно которой в этой процедуре принцип презумпции невиновности вообще не действует [21. С. 634–635].

Однако есть и иная позиция. Конституционный Суд РФ пришел к выводу о том, что особый порядок судебного разбирательства при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением, регламентированный положениями ст. 314–317 УПК РФ, соответствует Конституции РФ, указав на то, что сам механизм рассмотрения дела и принятия судом решения не исключает реализацию принципа презумпции невиновности. В частности, Конституционный Суд РФ отметил, что особый порядок возможен только по хода-

тайству обвиняемого, заявленному добровольно при наличии его согласия с предъявленным обвинением и после проведения консультаций с защитником; суд, принимая решение об особом порядке рассмотрения уголовного дела, во всяком случае, должен удостовериться, что обвиняемый осознает характер и последствия заявленного им ходатайства и добровольно принимает на себя все его последствия. Кроме того, Конституционный Суд РФ обратил внимание на то, что суд может постановить обвинительный приговор и назначить подсудимому наказание только в том случае, если придет к выводу, что обвинение, с которым согласился подсудимый, обоснованно и подтверждается доказательствами, собранными по уголовному делу, при этом описательно-мотивировочная часть обвинительного приговора должна содержать описание преступного деяния, с обвинением в совершении которого согласился подсудимый, а также выводы суда о соблюдении условий постановления приговора без проведения судебного разбирательства [22].

В этой связи следует согласиться с О.В. Качаловой в том, что вряд ли возможно утверждать, что презумпция невиновности в равной степени распространяется и на сокращенные, и на обычные формы производства по уголовным делам. Особый порядок принятия судебного решения, в основе которого лежит отказ от полноценного доказывания, с одной стороны, не отменяет презумпции невиновности в целом, с другой – существенно сокращает и упрощает условия, при которых лицо может быть признано виновным в совершении преступления, что, соответственно, не исключает возможность привлечения к ответственности лица, невиновного в совершении преступления [19. С. 67].

Не опровергая возможности наличия разных условий привлечения лица к уголовной ответственности, следует отметить, что эти условия не должны исключать возможность установления достоверного знания об обстоятельствах совершенного общественно-опасного деяния, принятия на этой основе справедливого решения и достижения назначения уголовного судопроизводства. Правосудие – это деятельность, имеющая целью установить, действительно ли подсудимый совершил вменяемое ему деяние и виновен ли он в его совершении. Эта деятельность, по общему правилу, осуществляется с соблюдением процессуальных гарантий, и прежде всего гарантий обеспечения прав лица, привлекаемого к уголовной ответственности. Как следствие, должен быть реализован принцип свободы оценки доказательств, включающий возможность оценки доказательств по своему внутреннему убеждению, основанному на совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств, руководствуясь при этом законом и совестью (ст. 17 УПК РФ).

Особый порядок судебного разбирательства, допускающий отказ от исследования и оценки судом доказательств причастности лица к совершению преступления (ч. 5 ст. 316 УПК РФ) в контексте действия презумпции невиновности, порождает определенные противоречия, на что правильно обращается внимание учеными [24. С. 11]. Данные противоречия возникают между обязанностью суда установить, что обвинение, с которым согласился подсудимый, обоснованно, подтверждается доказательствами, собранными по уголовному делу (ч. 7 ст. 316 УПК РФ), при отсутствии достаточных правовых средств к этому и требования к суду вынести законный и обоснованный приговор при отсутствии у него возможности объективно аргументировать свои выводы (ч. 8 ст. 316 УПК РФ).

В научной литературе содержатся предложения по изменению уголовно-процессуального законодательства, необходимые для устранения указанных противоречий. Так, И.Ю. Мурашкин считает целесообразным ввести в уголовное судопроизводство правило об исследовании судом при рассмотрении уголовного дела в порядке гл. 40 УПК РФ письменных доказательств. Сокращение же судопроизводства, на его взгляд, должно происходить за счет исключения необходимости непосредственного исследования доказательств [20. С. 11]. Данное предложение вызывает возражение в силу того, что рассмотрение судом при разбирательстве уголовного дела письменных доказательств является непосредственным исследованием доказательств и нивелирует сам сокращенный порядок судопроизводства.

Между тем является важным и необходимым допрос подсудимого по существу предъявленного обвинения, как это предусмотрено ст. 317.7 УПК РФ в случае заключения досудебного соглашения о сотрудничестве. Подобный допрос позволит суду установить, действительно ли подсудимый совершил преступление и виновен ли он в данном деянии. Следует согласиться с тем, что чем более тяжкое совершено преступление, чем строже размер возможного наказания за это преступление и серьезнее иные правовые последствия совершенного деяния, тем более весомыми должны быть гарантии прав участников производства по данному уголовному делу [23. С. 146–147].

Для того чтобы судья с необходимой степенью уверенности мог определиться насколько обоснованно обвинение, он должен получить сведения непосредственно от подсудимого об обстоятельствах совершенного общественно опасного деяния, т.е. допросить его, в том числе по существу предъявленного обвинения. После этого участвующие в рассмотрении дела защитник и государственный обвинитель вправе задать подсудимому вопросы, как это предусмотрено ст. 317.7 УПК РФ при разбирательстве уголовного дела в отношении подсудимого, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве.

Отсюда вытекают следующие пределы ограничения реализации принципов уголовного судопроизводства. У*становленный механизм расследования и разрешения уголовного дела не должен изменять суть принципа*. *Правовые предписания не могут вступать в противоречие с теми общественными отношениями, которые они регулируют. Наличие исключений и ограничений действия принципов уголовного процесса должно быть обоснованным, предусматривать гарантии обеспечения прав и законных интересов, требующих защиты*.

ЛИТЕРАТУРА

1. Безруков С.С. Принципы уголовного процесса : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2016.
2. Цуканов Н.Н. Нарушил ли законодатель презумпцию невиновности лица, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении? // Государство и право. 2010. № 3.
3. Плашевская А.А. Понимание категории «правовая определенность» применительно к уголовному судопроизводству в решениях Европейского Суда по правам человека и Конституционного Суда Российской Федерации // Взаимосвязь конституционного и уголовного судопроизводств : сб. ст. СПб. : Северо-Западный филиал ФГБОУ ВПО «Российская академия правосудия», 2013 // Консультант Плюс. Версия Проф.
4. Мезяев А.Б. Презумпция невиновности во внутригосударственном и международном праве // Вестник ТИСБИ. 2012. № 3.
5. Ефимчев П.С. Презумпция невиновности в российском уголовном судопроизводстве // Публичное и частное право. 2012. № 1.
6. Верещагина А.А. Презумпция невиновности: международно-правовой стандарт и нормативная регламентация в законодательстве России // Судебная власть и уголовный процесс. 2012. № 1.
7. Курс уголовного процесса / под ред. Л.В. Головко. М. : Статут, 2016.
8. Головко Л.В. Презумпция невиновности и англо-американский уголовный процесс: проблемы совместимости // Законы России: опыт, анализ и практика. 2016. № 4.
9. Галуев А.Р., Балакшина И.В. Презумпция невиновности: российский и зарубежный опыт законодательного закрепления // Теоретические и прикладные аспекты современной науки. 2014. № 5-4.
10. Ведомости Верховного Совета СССР. 1976. № 7. Ст. 308.
11. Барабанов П.К. Уголовный процесс Франции. М. : Спутник +, 2016.
12. Панькина И.Ю. Реализация принципа презумпции невиновности на досудебных стадиях уголовного процесса : дис. ... канд. юрид. наук. Калининград, 2001.
13. Уголовно-процессуальное право ФРГ / В. Бойльке ; пер. с нем. Я.М. Плошкиной ; под ред. Л.В. Майоровой. Красноярск : РУМЦ ЮО, 2004.
14. Головненков П., Спица Н. Уголовно-процессуальный кодекс Федеративной Республики Германия Strafprozessordnung (StPO): Научно-практический комментарий и перевод текста закона. Потсдам : Universitätsverlag Potsdam, 2012.
15. Эсаулов С.В. Реализация принципа презумпции невиновности в доказывании на досудебных стадиях уголовного судопроизводства : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013.
16. Незнамова З.А. Коллизии в уголовном праве. Екатеринбург : Cricket, 1994. С. 9.
17. Трубникова Т.В. Пределы упрощения уголовного процесса // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 12.
18. Кабельков С.Н., Зудилова Л.А. Особенности реализации прав обвиняемого в условиях дифференциации современного уголовного процесса // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2016. № 2 (37).
19. Качалова О.В. Реализация принципов уголовно-процессуального права при ускоренных производствах // Lex Russica. 2015. № 11.
20. Мурашкин И.Ю. Реализация принципа презумпции невиновности в особом порядке принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Челябинск, 2014.
21. Макарова З.В. Конституционный принцип законности уголовного судопроизводства // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 4 (41).
22. Определение Конституционного Суда РФ от 16.07.2009 № 968-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Никитина Вячеслава Владимировича на нарушение его конституционных прав положениями статей 314–317 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // КонсультантПлюс. Версия Проф.
23. Пиюк А.В. Некоторые проблемные аспекты особого порядка разрешения уголовных дел // Российская юстиция. 2014. № 2. С. 33–37.
24. Качалова О.В. Ускоренные производства в уголовном процессе: есть ли предел дифференциации уголовного судопроизводства? // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 1.

Статья представлена научной редакцией «Право» 18 сентября 2017 г.

ALLOWABLE LIMITS FOR RESTRICTING THE ACTION OF CRIMINAL PROCEEDINGS PRINCIPLES (BASED ON THE PRESUMPTION OF INNOCENCE PRINCIPLE)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 424, 193–198.
DOI: 10.17223/15617793/424/27

Olga I. Andreeva, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: univer_tgu@rambler.ru
Oleg A. Zaytsev, Russian State University of Justice (Moscow, Russian Federation). E-mail: oleg@mael.ru

Keywords: criminal procedure principle; presumption of innocence; limits for restricting action of principles; abuse of power.

The aim of this article is to determine the limits of restriction of the principles of the criminal procedure in conditions of differentiation of its form. Having analyzed the content and procedure for the principle of the presumption of innocence in a special order of court decision with the consent of the defendant with the charge against him, the authors achieve this aim. Attention is paid to different interpretations regarding the constituent elements of the presumption of innocence principle. A conclusion is made that it is particularly significant not only to clearly define the essence and content of the principle of the criminal procedure, but also to define its provisions that guarantee its action and do not contradict the principle itself, do not distort its essence. The authors are critical of interpreting the presumption of innocence principle as a principle of proof, of interpreting the presumption of innocence as a subjective right of the individual. Analysis of the literature on the topic, the Constitution of the Russian Federation, the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation allowed them to conclude that the presumption of innocence is an objective legal provision that determines the legal status of the person being prosecuted. It is stated that the Constitution of the Russian Federation and the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation do not deal with the subjective right of a person, but with the obligations of society in relation to that person, which follows from the public nature of criminal proceedings. A conclusion is drawn that prescriptions of law can not conflict with social relations they regulate. It is alleged that limitations on the action of the principles of the criminal procedure should be justified and should provide for guarantees for the protection of rights and interests that need to be protected. It contradicts the public interest to find a person guilty of committing a crime without directly examining the evidence of this in court, as provided for in the special order of making a court decision in case of a plea agreement. Not denying the possibility of different conditions for prosecuting a person, the authors note that these conditions should not exclude the possibility of establishing reliable knowledge about the circumstances of the committed socially dangerous act, of making an equitable decision on this basis. It is noted that it is necessary to question the defendant on the merits of the charges when hearing a case in the special order of making a judicial decision. The following limits are formulated for restricting the action of the principles of criminal proceedings: the procedure for

investigating and resolving a criminal case should not change the essence of the principle; norms can not conflict with regulated social relations; restrictions must be justified and must provide for guarantees for the protection of rights and freedoms.

REFERENCES

1. Bezrukov, S.S. (2016) *Printsipy ugolovnogo protsessa* [Principles of criminal procedure]. Abstract of Law Dr. Diss. Moscow.
2. Tsukanov, N.N. (2010) Narushil li zakonodatel' prezumptsiyu nevinovnosti litsa, v otnoshenii kotorogo vedetsya proizvodstvo po delu ob administrativnom pravonarushenii? [Has the legislator violated the presumption of innocence of the person against whom proceedings are being conducted in the case of an administrative offense?]. *Gosudarstvo i pravo – State and Law*. 3.
3. Plashevskaya, A.A. (2013) Ponimanie kategorii "pravovaya opredelennost'" primenitel'no k ugolovnomu sudoproizvodstvu v resheniyakh Evropeyskogo Suda po pravam cheloveka i Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii [Understanding the category "legal certainty" in relation to criminal proceedings in the judgments of the European Court of Human Rights and the Constitutional Court of the Russian Federation]. In: *Vzaimosvyaz' konstitutsionnogo i ugolovnogo sudoproizvodstv* [The relations between constitutional and criminal proceedings]. St. Petersburg: North-West Branch of the Russian Academy of Justice.
4. Mezyaev, A.B. (2012) Prezumptsiya nevinovnosti vo vnutrigosudarstvennom i mezhdunarodnom prave [The presumption of innocence in domestic and international law]. *Vestnik TISBI*. 3.
5. Efimchev, P.S. (2012) Prezumptsiya nevinovnosti v rossiyskom ugolovnom sudoproizvodstve [The presumption of innocence in Russian criminal proceedings]. *Publichnoe i chastnoe pravo*. 1.
6. Vereshchagina, A.A. (2012) Prezumptsiya nevinovnosti: mezhdunarodno-pravovoy standart i normativnaya reglamentatsiya v zakonodatel'stve Rossii [Presumption of innocence: an international legal standard and normative regulation in the legislation of Russia]. *Sudebnaya vlast' i ugolovnyy protsess – Judicial authority and criminal process*. 1.
7. Golovko, L.V. (ed.) (2016) *Kurs ugolovnogo protsessa* [The course of the criminal procedure]. Moscow: Statut.
8. Golovko, L.V. (2016) Presumption of Innocence and Anglo-American Criminal Procedure: Problems of Compatibility. *Zakony Rossii: opyt, analiz i praktika*. 4. pp. 29–34. (In Russian).
9. Galuev, A.R. & Balakshina, I.V. (2014) Prezumptsiya nevinovnosti: rossiyskiy i zarubezhnyy opyt zakonodatel'nogo zakrepleniya [The presumption of innocence: the Russian and foreign experience of legislative consolidation]. *Teoreticheskie i prikladnye aspekty sovremennoy nauki*. 5-4.
10. *Vedomosti Verkhovnogo Soveta SSSR*. (1976). 7. Art. 308.
11. Barabanov, P.K. (2016) *Ugolovnyy protsess Frantsii* [The criminal procedure of France]. Moscow: Sputnik +.
12. Pan'kina, I.Yu. (2001) *Realizatsiya printsipa prezumptsii nevinovnosti na dosudebnykh stadiyakh ugolovnogo protsessa* [Implementation of the presumption of innocence principle in pre-trial stages of criminal procedure]. Law Cand. Diss. Kaliningrad.
13. Boylke, V. (2004) *Ugolovno-protsessual'noe pravo FRG* [The criminal procedure law of FRG]. Translated from German by Ya.M. Ploshkina. Krasnoyarsk: RUMTs YuO.
14. Golovnenkov, P. & Spitsa, N. (2012) *Ugolovno-protsessual'nyy kodeks Federativnoy Respubliki Germaniya Strafprozessordnung (StPO): Nauchno-prakticheskiy kommentariy i perevod teksta zakona* [The Criminal Procedure Code of the Federal Republic of Germany Strafprozessordnung (StPO): Scientific and practical commentary and translation of the text of the law]. Potsdam: Universitätsverlag Potsdam.
15. Esaulov, S.V. (2013) *Realizatsiya printsipa prezumptsii nevinovnosti v dokazyvanii na dosudebnykh stadiyakh ugolovnogo sudoproizvodstva* [Implementation of the principle of the presumption of innocence in proving at pre-trial stages of criminal proceedings]. Law Cand. Diss. Moscow.
16. Neznamova, Z.A. (1994) Kollizii v ugolovnom prave [Conflicts in criminal law]. Ekaterinburg: Cricket.
17. Trubnikova, T.V. (2015) Limitations to criminal procedure simplification. *Aktual'nye problemy rossiyskogo prava*. 12. (In Russian). DOI: 10.17803/1994-1471.2015.61.12.131-139
18. Kabel'kov, S.N. & Zudilova, L.A. (2016) Osobennosti realizatsii prav obvinyaemogo v usloviyakh differentsiatsii sovremennogo ugolovnogo protsessa [Features of the implementation of the rights of the accused in the context of differentiation of the modern criminal procedure]. *Vestnik Volgogradskoy akademii MVD Rossii*. 2 (37).
19. Kachalova, O.V. (2015) Realizatsiya printsipov ugolovno-protsessual'nogo prava pri uskorennykh proizvodstvakh [Implementation of the principles of criminal procedure law in short-track procedure]. *Lex Russica*. 11.
20. Murashkin, I.Yu. (2014) *Realizatsiya printsipa prezumptsii nevinovnosti v osobom poryadke prinyatiya sudebnogo resheniya pri soglasii obvinyaemogo s pred"yavlennym emu obvineniem* [Implementation of the principle of the presumption of innocence in a special order for the adoption of a judicial decision with the consent of the accused with the charge brought against him]. Abstract of Law Cand. Diss. Chelyabinsk
21. Makarova, Z.V. (2014) Konstitutsionnyy printsip zakonnosti ugolovnogo sudoproizvodstva [The constitutional principle of the legality of criminal proceedings]. *Aktual'nye problemy rossiyskogo prava*. 4 (41).
22. Konsul'tantPlyus. (2009) *Opredelenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 16.07.2009 № 968-O-O "Ob otkaze v prinyatii k rassmotreniyu zhaloby grazhdanina Nikitina Vyacheslava Vladimirovicha na narushenie ego konstitutsionnykh prav polozheniyami statey 314–317 Ugolovno-protsessual'nogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii"* [Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation of 16.07.2009, No. 968-O-O "On refusal to accept the complaint of citizen Nikitin Vyacheslav Vladimirovich for violation of his constitutional rights by the provisions of Articles 314–317 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation"]. Moscow: Konsul'tantPlyus.
23. Piyuk, A.V. (2014) Nekotorye problemnye aspekty osobogo poryadka razresheniya ugolovnykh del [Some problem aspects of the special order of the resolution of criminal cases]. *Rossiyskaya yustitsiya – Russian Justitia*. 2. pp. 33–37.
24. Kachalova, O.V. (2016) Fast-track procedure in the criminal process: is there a limit for differentiation of the criminal proceedings? *Aktual'nye problemy rossiyskogo prava*. 1.

Received: 18 September 2017

Вестник Томского государственного университета. 2017. № 424. С. 199–203. DOI: 10.17223/15617793/424/28

УДК 343.91, 343.953

Н.В. Ахмедшина, Р.Л. Ахмедшин

О ГЕНЕЗИСЕ ПОНЯТИЯ «СЕРИЙНЫЙ ПРЕСТУПНИК»

Раскрывается содержание дискуссии о содержании понятия серийного преступника. Объемные исследования серийных преступников показали, что данное явление качественно свойственно всем культурам. Произведен экскурс в историю возникновения феномена серийных убийц. Раскрыта проблема многоплановости изучаемых объектов. Результатом проведенного исследования оказалось и понимание необходимости нового взгляда на определение уникального комплекса психотипологических характеристик, формирующих уникальную группу девиантов – серийных преступников.

Ключевые слова: серийный преступник; психологический профиль; серийный убийца; серия; серийность.

Серийные преступления – явление многоплановое и многоуровневое, актуальность исследования которого отделено от иных групп преступлений их уникальным содержательным психодинамическим компонентом [1. P. 306]. К группе серийных преступлений различные авторы относят множественные случаи убийств, изнасилований, похищения людей, поджогов и взрывов. Оговоримся, что весь спектр серийных преступлений мы в основном будем рассматривать на примере серийных убийств, так как именно у этой группы преступников наиболее рельефно выражены признаки серийности как системообразующего свойства.

Прежде всего отметим, что образ серийного убийцы сильно варьируется на протяжении истории человечества. В число серийных убийц исследователи включали, например, таких лиц, как:

1) убежденный сатанист барон Жиль де Лаваль де Ре (XV в.), бывший сподвижником и одним из основных помощников Жанны Д' Арк и признавшийся в убийстве 140 юношей [2. P. 140];

2) главарь бандитской шайки Ядвига Русиновская (XVI в.), вместе со своими подручными убившая более 350 человек;

3) венгерская принцесса Элизабет (Эржебет) Батори из Эчеда (XV–XVI в.), вместе со своими подручными убившая более 500 человек;

4) российская помещица Дарья Салтыкова (XVIII в.), замучившая 139 человек.

5) первый официально зарегистрированный серийный убийца, преуспевающий бизнесмен и мошенник XIX в. Герман Уэбстер Маджетт (Генри Говард Холмс), сознавшийся в убийстве минимум 27 человек, хотя реально жертв было много меньше [3. P. 48];

6) врач и идейный политический серийный убийца Марсель Андре Анри Феликс Петио (XX в.), утверждавший, что убил 18 врагов Франции по приказу Движения Сопротивления;

7) врач и идейный политический серийный убийца Йозеф Менгеле (XX в.), бывший главным медицинским сотрудником в нацистском концентрационном лагере Аушвиц, признанный виновным в жестоких смертях по меньшей мере 400 000 человек. Автор большого количества «медицинских экспериментов» над близнецами и карликами [4. P. 213];

8) индонезийский колдун Ахмад Сураджи, убивший 46 женщин, обратившихся к нему за помощью в восстановлении их привлекательности, утверждавший, что выполняет волю своего покойного отца [3. P. 93].

Уже столь небольшая выборка крайне расширяет понятийное пространство системы «серийный преступник» и делает первоочередным решение разработки понятия рассматриваемого феномена. В чем заключается научно-познавательное значение любого понятия? Естественно, в первую очередь в отграничении исследуемого объекта от сходных, ведь чем менее конкретно определен объект, чем большее количество общностей он включает, тем менее выражена ценность научного понятия.

Необходимое понимание исследуемого феномена возможно только в ситуации, когда объект исследования четко определен и отграничен от иных объектов, что достигается путем разработки его понятия. Поэтому в первую очередь необходимо определить содержание понятия «серийный преступник / серийный убийца». Трактовка указанных терминов в зарубежной и отечественной научной литературе неоднозначна как по форме, так и по содержанию. «Сколько исследователей, столько существует определений серийного убийства, и поэтому трудно определить, кто подходит к категории серийного правонарушителя» [5. P. 6].

Следует отметить, что, несмотря на широкое использование термина «серийный убийца» в правоприменительной практике и в теоретических работах по криминалистике, криминологии, правовой психологии и судебной психиатрии, уголовное и уголовно-процессуальное законодательство такого термина не содержит. Однако отсутствие определения в норме права не является причиной для расширительной трактовки термина, так как логика научного исследования в не меньшей степени ограничивает от расширительного использования понятий в исследованиях.

Западная криминологическая наука долгое время затруднялась отграничить лиц, совершающих серийные убийства, от иных разновидностей убийц. В конце XIX в. некоторое время использовался термин «мульти-убийца», однако из данного определения, точнее из его смысловой трактовки, следовало только то, что центральным элементом понятия выступает единственно фактор множественности преступных эпизодов, которые друг с другом могут быть никак не связанны либо природа данной связи может иметь эпизодический характер.

В начале и середине XX в. лица, совершающие серийные убийства, различными авторами определялись как сексуальные убийцы, маньяки-убийцы, убийцы незнакомцев.

Термин «сексуальные убийцы» хорошо представляет основную движущую силу рассматриваемых преступников, однако представления о механизме преступления, об отношении преступника к факту содеянного, о динамике развития преступного поведения не дает. Не будучи ортодоксальными сторонниками фрейдовского учения о значимости либидо (сексуального начала) в жизни человека, отметим только, что сексуальная составляющая отдельного эпизода серии или даже серии преступлений, без сомнения, присутствует всегда, выступая характеристикой, идентифицирующей рассматриваемые преступления [6. P. 192], а сам «садизм имеет сексуальную природу» [7. P. 168]. Связь сексуальной организации и отдельных элементов деятельности серийных преступников (религиозных экстремистов, насильников, поджигателей) отмечается многими авторами [8. P. 323; 9. P. 173]. Однако сексуальная природа направленности криминальной деятельности серийного преступника может и не найти явного отражения в его деятельности [5. P. 15; 10. С. 15]. Классическим примером выступает преступная деятельность А.Н. Спесивцева, В.М. Ионесяна, Р.Д.Ф. Берковица. Сексуальный подтекст совершаемых перечисленными лицами преступлений был выявлен только после их тщательного и длительного исследования и напрямую фактически не просматривался напрямую в следах преступлений, ими совершенных.

Несмотря на то что значительную часть из сотен человек, совершающих преступления по сексуальным мотивам, ежегодно поступающих на судебно-психиатрическую экспертизу в ГНЦ ССП им. В.П. Сербского, составляют лица с аномалиями сексуальности [11. С. 27], необходимо помнить, что серийные преступники в массе своей не имеют патологии полового влечения по объекту [10. С. 19].

Термин «маньяки-убийцы» наводит исследователя на ложную идею наличия у преступника достаточно значимых психических отклонений, однако, как показывают статистические исследования, подобных лиц среди людей, совершающих сексуальные убийства, достаточно немного, хотя признать их полностью адекватными, конечно, нельзя. Ввиду своей внутренней эмоциональности данный термин прижился в средствах массовой информации, но исследователи от него отказались. Содержательно данный термин выводит нас на понимание того, что в рамках хаотичной и маломотивированной преступной деятельности за одним подобным преступлением, вероятно, будет следовать другое, а логика данного следования будет эфемерной и трудноустановимой. Но даже и наличие психических отклонений не объясняет полностью серийных преступлений, ведь «многочисленные серийные убийцы, после совершения их первого убийства и направления в психиатрические учреждения или получения психиатрического лечения в тюрьме, были признаны “вылечившимися”, но совершали серию убийств после их освобождения» [12. P. 248]. Подводя итоги, вспомним, что «по крайней мере 1% населения состоит из тех, кого можно было бы отнести к “субклиническим психопатам”, то есть не серийным убийцам, но тех, кто обладает характеристиками, которые обычно встречаются у людей, убивающих ради удовольствия» [13. P. 10], при этом «яркие, жестокие и морально сомнительные сексуальные фантазии, которые возникают как у мужчин, так и у женщин, почти всегда не реализуются в их сексуальной практике» [14. P. 102].

Объективности ради отметим, что ряд авторов объясняет признание серийных преступников невменяемыми субъективными причинами, а именно:

– неэффективностью апелляции адвокатов о невменяемости их клиента [15. P. 161];

– фактом того, что «обвиняемые, признанные невиновными по причине невменяемости, часто ограничиваются государством на периоды, намного превышающие сроки, которые они могли бы получить, если бы были признаны виновными в совершении инкриминируемого преступления» [Ibid. P. XVII].

Заслуживает внимания разграничение трактовки природы психических отклонений у серийных убийц в разных определениях. Так, в определении Национального института правосудия (США) фигурирует такая форма отклонения, как садизм (DSM-III-R по американской классификации психических болезней), в то время как в определении ФБР фигурирует форма DSM-IV, т.е. социопатия, которая, являясь отклоняющимся поведением, не является в целом психической аномалией. Отсюда вытекает, что сложность определения природы отклонений в психике – в значительной степени вопрос относительный, поэтому нам кажется нерациональным вводить диагностический элемент в содержание определения серийного преступника. Не говоря уже о том, что психопатия – это «расстройство, являющееся весьма неуловимым, это не болезнь, которая может непосредственно восходить к одному химическому веществу, вирусному или органическому агенту; это таинственное поведенческое расстройство, история которого похоронена глубоко в психологии, экологии и биохимии правонарушителя» [12. P. 248]. Сейчас признано, что «серийные убийцы не могут быть серьезными психотиками, потому что им нужно достаточное присутствие духа, чтобы поддержать себя» [2. P. 13; 13. P. 4], а значить, использование термина «маньяк-убийца» нецелесообразно.

Термин «убийцы незнакомцев» некоторое время встречался в зарубежных криминологических исследованиях середины XX в. Данный термин, прежде всего, отражает немотивированность выбора преступником своей жертвы. Действительно, исследователи того периода, анализируя окружение преступника и не находя связи жертвы с окружением, полагали, что совершение данной группы преступлений в целом немотивированно или, как минимум, ситуационно мотивированно. Как показали последующие исследования, выбор жертвы серийного убийства действительно сознательно маломотивирован, однако анализ бессознательной сферы психики преступника показал наличие четкой взаимосвязи между жертвой преступления и рядом психотравмирующих факторов жизни убийцы [16. С. 104]. Описываемый подход к понятию «серийный преступник» встречается и в отечественной науке о расследовании преступлений, в которой некоторые авторы говорили о преступлениях по не-

определенным мотивам или неочевидных преступлениях [17, 18].

Вопрос о включении в понятие «серийный преступник» элемента неочевидности совершаемого им преступления остается дискуссионном до сих пор. В отечественной и зарубежной юридической литературе мы встретим мнения о том, что условие неочевидности:

1) характерно для всех преступлений, совершаемых серийными убийцами, а следовательно, должно включаться в определения их деятельности и их природы [19. С. 9];

2) характерно для большинства преступлений, совершаемых серийными убийствами, а следовательно, должно включаться в определения их деятельности и их природы как факультативный признак [20. С. 92];

3) не является характерным для природы серийных преступлений.

Нам представляется правильной третья точка зрения, так как неочевидность преступления является категорией, которая относится к процессу расследования и раскрытия преступления, а не совершения его. Неочевидность – это характеристика следственной ситуации, а не криминалистической характеристики серийного преступления. Чем более оснащен техническими средствами и программно-, а также психолого-криминалистическими поисковыми алгоритмами следователь, тем фактор неочевидности менее значим.

Впервые термин «серийный убийца» (от английского series – серия, ряд) был использован в Британской полицейской академии в конце 80-х гг. XX в. Впоследствии Р. Ресслер, один из основателей Научного отдела ФБР по исследованию особенностей поведения преступников (BSU), способствовал принятию данного термина зарубежными криминологами и криминалистами.

Последующее признание данного термина среди криминологов было обусловлено следующими факторами:

1. Серийность подразумевает наличие тождественного элемента генезиса. Тождественность элементов, выходящих с конвейерной сборки, обусловлена одними станками, на которых данная сборка совершается. Из одной формы можно отлить большое количество заготовок, тождественных на макроуровне и различающихся на микроуровне. Так и поведение серийных убийц, как показали исследования Д. Дугласа, М. Олшейкера, Р. Ресслера и др. [21], на макроуровне отображает единство природы мотива, а на микроуровне – вариацию элементов способа совершения преступления (что встречается нечасто) и элементов обстановки (что встречается фактически повсеместно).

2. Серийность характеризует потребность преступника в постоянном продолжении цепочки преступлений. Здесь мы наблюдаем параллель с семантическим значением термина «маньяки-убийцы», но без постановки акцента на патологию психических структур преступника.

Дискуссионным моментом в отечественной криминологии является природа «серии» («серийности») преступных действий. Тождественно ли это понятие множественности преступлений? Ряд авторов полагает, что между терминами «множественность» и «серийность» можно поставить знак равенства [22. С. 155; 23. С. 227].

Почему же термин «серийные преступления» не приживается в отечественных правовых источниках? Вероятно, дело в том, что романо-германская семья правовых систем при формулировке уголовных составов стремится к максимально абстрактной форме изложения правовой нормы и отказу от дальнейшей детализации понятийного аппарата. В англосаксонской группе права в прецедентах находит отражение терминологическое разнообразие ввиду узости сферы применения каждого отдельного термина. Отдельные термины – способ познания отдельных элементов реальности. Поэтому криминологии и криминалисты стран англосаксонской системы права имеют большую степень свободы при обращении с утвердившимися в процессе принятия прецедентов терминами. В странах с романо-германской системой права (куда входит и Российская Федерация) детализация термина «тождественность» маловероятна ввиду того, что все нормативно-правовые аспекты данный термин позволяет познать, а аспекты прикладные выходят за сферу назначения данного термина. На основании сказанного возьмем на себя смелость утверждать, что криминалистический комплекс понятий, характеризующий личность преступника, объективно не совпадает с уголовно-правовым.

Однако отсутствие возможности или ее малой вероятности введения в уголовно-правовую терминологию понятия «серийность» как разновидности «тождественности» не является достаточным основанием для криминологов и криминалистов для постановки знака равенства между этими двумя понятиями.

Представляется, что не совсем верной является позиция тех, для кого главным аргументом для термина «серийность» являются правила толкования русского языка. Множественность – это сочетание феноменов, имеющих общие внешние признаки, серийность – общие внутренние признаки. Серийность выступает частным случаем множественности именно потому, что существует группа преступлений, **крайне** сходная по своей природе, и возникает потребность в терминологическом обособлении [2. P. 140; 24. P. 55].

Отдельно отметим: существует мнение, что «множественность» и «серийность» являются своеобразными понятийными полюсами, так как «множественные убийства происходят в контексте коллективных целей и видов деятельности (часто политических и религиозных), и включают группы факторов числом больше, чем индивидуальная патология (серийность)» [9. P. 159].

Говоря о содержательной природе серийного преступления, Д.С. Шуман-Кауфлин выделил ряд определений серийного преступника, которые в разные периоды задавали вектор исследовательской мысли:

– «два или более отдельных эпизода, в которых индивид, действуя один или с другим, совершает множественные убийства в течение определенного периода времени, с перерывами во времени между каждым эпизодом убийства (Geberth, 1996);

– преднамеренное убийство трех или более жертв, совершенных отдельно с течением времени, в гражданском контексте, т.е. не в рамках исполнения должностных и профессиональных обязанностей (Keeney, Heide, 1994);

– убийство с течением времени (Hickey, 1991);

– убийство по меньшей мере трех человек в более чем тридцатидневный период (Holmes & Holmes, 1994);

– убийство, мотивированное властью, контролем, сексуальностью, агрессивной жестокостью (Burgess et al., 1986);

– убийство в разное время (Levin & Fox, 1985);

– убийство 10 человек в 10 или более отдельных инцидентах (Dietz, 1986)» [5. P. 7].

Содержательно идентичные высказывания делались и в отношении иных видов серийных преступников [7. P. 213; 25. P. 221–222; 26. P. 27; 27. P. 301].

Из достаточно большого количества определений понятия «серийный преступник» мы выделили три основных подхода к рассматриваемой проблеме:

1) лицо, совершившее два и более убийства, характеризующееся единством или схожестью мотивов и однотипностью способа совершения преступления [19. С. 9] (подход, сложившийся в отечественной юриспруденции);

2) лицо, совершившее три и более отдельных садистских убийства на сексуальной почве (определение Национального института правосудия США) [16. С. 253];

3) лицо, совершившее три или более отдельных убийств, между которыми проходит период эмоционального покоя (определение, которым руководствуется Федеральное бюро расследований США).

В специальной литературе в определение «серийного преступника» включается большое количество признаков, к числу которых традиционно относят:

1) определенное количество эпизодов преступной деятельности;

2) отображение конкретного психотравмирующего образа в образе жертвы;

3) существование между преступлениями серии периода эмоционального покоя.

Отдельные авторы, исследующие серийных преступников, включают в их определение такие обстоятельства, как умысел, охватывающий всю совокупность преступных действий, и выраженный садистский характер совершаемых преступлений. Однако первое обстоятельство характерно только для меньшей части серийных преступников, а второе несет элемент оценочности, которая будет предопределять фактор субъективизма (является ли, например, удушение проявлением садизма, а многочисленные повреждения – это показатель целеустремленности преступника, не имеющего выраженных навыков нанесения повреждений, или показатель его садизма?).

На основе сказанного можно констатировать совершенно неудовлетворительное состояние исследований серийных преступников уже на уровне основного понятийного пространства, что должно быть исправлено в ближайшее время.

ЛИТЕРАТУРА

1. Lyman M.D. Criminal investigation: the art and the science. 6th ed. N.Y. : Prentice Hall, 2011. 688 p.
2. Rapp B. Homicide Investigation a practical handbook. Port Townsend, Washington : Loompanics Unlimited, 1989. 177 p.
3. Ramsland K.M. Inside the minds of serial killers: why they kill. Westport, Praeger, 2006. 201 p.
4. Tilstone W.J., Savage K.A., Clark L.A. Forensic science: an encyclopedia of history, methods, and techniques. Santa Barbara, California : ABC-CLIO, 2006. 307 p.
5. Schurman-Kauflin D.S. The new predator: women who kill: profiles of female serial killers. N.Y. : Algora Publishing, 2000. 240 p.
6. Schlesinger L.B. Sexual murder: catathymic and compulsive homicides. N.Y. : CRC Press, 2004. 389 p.
7. Aggrawal A. Forensic and medico-legal aspects of sexual crimes and unusual sexual practices. Boca Raton : CRC Press, 2009. 438 p.
8. Gross H. Criminal psychology: a manual for judges, practitioners, and students. Boston, Little, Brown, and Company, 1911. 546 p.
9. Prins H. Offenders, deviants or patients? 2nd ed. N.Y. : Herschel Prins, 1995. 332 p.
10. Павлов А.Р. Серийные сексуальные убийства и их предупреждение : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1994. 29 с.
11. Бегунова Л.А. Проблемы разработки и использования психолого-криминалистического портрета подозреваемого при раскрытии изнасилований и убийств, сопряженных с действиями сексуального характера : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. 172 с.
12. Vronsky P. Serial killers: the method and madness of monsters. N.Y. : Berkley books, 2004. 412 p.
13. Levin J., Fox J.A. Normalcy in behavioral characteristics of the sadistic serial killer // Serial murder and the psychology of violent crimes / ed. by R.N. Kocsis. Sydney : Humana press, 2008. P. 3–15.
14. Morrall P. Murder and society. Atrium, John Wiley & Sons Ltd, 2006. 208 p.
15. Ewing Ch. P. Insanity: murder, madness, and the law. Oxford : Oxford University Press, 2008. 188 p.
16. Шехтер Х., Эверет Д. Энциклопедия серийных убийств. М. : КРОН-ПРЕСС, 1998. 352 с.
17. Особенности раскрытия и расследования убийств, совершаемых по неопределенным мотивам // V Международный криминалистический симпозиум. М., 1968. 12 с.
18. Дубягин Ю.П. Руководство по розыску и расследованию неочевидных убийств. М. : Буквица, 1997. 480 с.
19. Методика расследования серийных убийств : метод. пособие / под ред. Л.А. Соя-Серко. М., 1998.
20. Бухановский А.О., Гайков В.Т., Байбаков Ю.Г. Серийные сексуальные преступления: психолого-психиатрические и криминологические сопоставления // Серийные убийства и социальная агрессия: что ожидает нас в XXI веке? : материалы 3-й междунар. конф. Ростов н/Д : Феникс, 2001. С. 92–97.
21. Burgess A., Douglas J., Hartman C., McCormack A., Ressler R. Sexual Homicide: A Motivational Model // Journal of Interpersonal Violence. 1986. Vol. 1, № 3. September. P. 251–272.
22. Говорухина Е.В. Серийные преступники: психологический профиль // Серийные убийства и социальная агрессия: что ожидает нас в XXI веке? : материалы 3-й междунар. конф. Ростов н/Д : Феникс, 2001. С. 155–157.
23. Исаенко В.Н. Об отдельных проблемах расследования серийных убийств // Серийные убийства и социальная агрессия: что ожидает нас в XXI веке? : материалы 3-й междунар. конф. Ростов н/Д : Феникс, 2001. С. 226–229.
24. Purcell C.E. The psychology of lust murder: paraphilia, sexual killing, and serial homicide. N.Y. : Elsevier Inc, 2006. 173 p.
25. Neumann C.E. Serial Rape and Serial Rapists // In Encyclopedia of Rape / ed. M.D. Smith. Westport : Greenwood Press, 2004. P. 221–222.
26. Sax R. Predators and child molesters: what every parent needs to know to keep kids safe: a sex crimes DA answers 100 of the most asked questions. N.Y. : Promerheus Books, 2009. 179 p.
27. Rape investigation handbook / ed. J.O. Savino, B.E. Turvey. N.Y. : Elsevier, 2005. 416 p.

Статья представлена научной редакцией «Право» 20 сентября 2017 г.

ON THE GENESIS OF THE CONCEPT "SERIAL CRIMINAL"

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 424, 199–203.
DOI: 10.17223/15617793/424/28

Natalia V. Akhmedshina, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: raist@sibmail.com
Ramil L. Akhmedshin, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: raist@sibmail.com

Keywords: serial criminal; psychological profile; serial killer; series; seriation.

The article presents the discussion in research literature about the concept of a serial criminal. Extensive research of serial criminals has shown that this phenomenon is qualitatively characteristic for all cultures. An insight into the history of the phenomenon of serial killers was made. The multidimensionality of the studied objects is disclosed. The result of the study was the understanding of the need for a new view on the determination of the unique complex of psychotypological characteristics that form a unique group of deviants – serial criminals. Separately, the authors considered the reason why the domestic science that investigates crime is not inclined to use the concept "serial criminal". The problem of inadmissible overlapping of the terms "multiplicity" and "seriality" as applied to the nature of serial crimes is also considered. Indeed, it is because of the uniqueness of the object under study that there is a need for differentiation of the terms. The article notes that despite the wide use of the term "serial killer" in the law enforcement practice and in theoretical works on criminalistics, criminology, legal psychology and forensic psychiatry, the criminal law legislation and criminal procedural legislation does not contain such a term. However, the absence of the definition in the rule of law is not the reason for an expansive interpretation of the term, since the logic of a research limits to some extent the extensive use of concepts in research. The method of biographical analysis was used together with private scientific methods, as well as the method of expert review. In special literature, the definition of the concept "serial criminal" includes a large number of attributes; the traditional are: (1) a certain number of episodes of criminal activity (two or more); (2) the depiction of a particular psycho-traumatic image in the victim's image; (3) the period of emotional rest (up to 30 days) between crimes of the series. It should be noted that only a few varieties of serial criminals fully comply with these requirements. Thus, for example, disorganized serial killers, who make up at least a third of serial killers, do not have such a parameter in their personality structure as "the depiction of a particular psycho-traumatic image in the victim's image". The authors state one can observe the unsatisfactory state of research of serial criminals already at the level of the main conceptual space, which should be corrected in the near future.

REFERENCES

1. Lyman, M.D. (2011) *Criminal investigation: the art and the science*. 6th ed. New York: Prentice Hall.
2. Rapp, B. (1989) *Homicide Investigation a practical handbook*. Port Townsend, Washington: Loompanics Unlimited.
3. Ramsland, K.M. (2006) *Inside the minds of serial killers: why they kill*. Westport: Praeger.
4. Tilstone, W.J., Savage, K.A. & Clark, L.A. (2006) *Forensic science: an encyclopedia of history, methods, and techniques*. Santa Barbara, California: ABC-CLIO.
5. Schurman-Kauflin, D.S. (2000) *The new predator: women who kill: profiles of female serial killers*. New York: Algora Publishing.
6. Schlesinger, L.B. (2004) *Sexual murder: catathymic and compulsive homicides*. New York: CRC Press.
7. Aggrawal, A. (2009) *Forensic and medico-legal aspects of sexual crimes and unusual sexual practices*. Boca Raton: CRC Press.
8. Gross, H. (1911) *Criminal psychology: a manual for judges, practitioners, and students*. Boston: Little, Brown, and Company.
9. Prins, H. (1995) *Offenders, deviants or patients?* 2nd ed. New York: Herschel Prins.
10. Pavlov, A.R. (1994) *Seriynye seksual'nye ubiystva i ikh preduprezhdenie* [Serial sexual murders and their prevention]. Abstract of Law Cand. Diss. Moscow.
11. Begunova, L.A. (2002) *Problemy razrabotki i ispol'zovaniya psikhologo-kriminalisticheskogo portreta podozrevaemogo pri raskrytii iznasilovaniy i ubiystv, sopryazhennykh s deystviyami seksual'nogo kharaktera* [Problems of the development and use of a psychological-forensic portrait of a suspect in the disclosure of rape and murder associated with sexual activities]. Law Cand. Diss. Moscow.
12. Vronsky, P. (2004) *Serial killers: the method and madness of monsters*. New York: Berkley Books.
13. Levin, J. & Fox, J.A. (2008) Normalcy in behavioral characteristics of the sadistic serial killer. In: Kocsis, R.N. (ed.) *Serial murder and the psychology of violent crimes*. Sydney: Humana Press.
14. Morrall, P. (2006) *Murder and society*. Atrium: John Wiley & Sons Ltd.
15. Ewing, Ch.P. (2008) *Insanity: murder, madness, and the law*. Oxford: Oxford University Press.
16. Schechter, H. & Everitt, D. (1998) *Entsiklopediya seriynykh ubiystv* [The A to Z Encyclopedia of Serial Killers]. Translated from English. Moscow: KRON-PRESS.
17. Anon. (1968) Osobennosti raskrytiya i rassledovaniya ubiystv, sovershaemykh po neopredelennym motivam [Features of disclosure and investigation of murders committed for undetermined reasons]. *V Mezhdunarodnyy kriminalisticheskiy simpozium* [V International Criminalistic Symposium]. Moscow.
18. Dubyagin, Yu.P. (1997) *Rukovodstvo po rozysku i rassledovaniyu neochevidnykh ubiystv* [Guide to the search and investigation of non-obvious murders]. Moscow: Bukvitsa.
19. Soya-Serko, L.A. (ed.) (1998) *Metodika rassledovaniya seriynykh ubiystv* [Methodology for investigating serial murders]. Moscow: Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.
20. Bukhanovskiy, A.O., Gaykov, V.T. & Baybakov, Yu.G. (2001) [Serial sexual crimes: psycho-psychiatric and criminological comparisons]. *Seriynye ubiystva i sotsial'naya agressiya: chto ozhidaet nas v XXI veke?* [Serial murders and social aggression: what awaits us in the 21st century?]. Proceedings of the Third International Conference. Rostov-on-Don: Feniks. pp. 92–97. (In Russian).
21. Burgess, A. et al. (1986) Sexual Homicide: A Motivational Model. *Journal of Interpersonal Violence*. 1 (3). pp. 251–272.
22. Govorukhina, E.V. (2001) [Serial criminals: a psychological profile]. *Seriynye ubiystva i sotsial'naya agressiya: chto ozhidaet nas v XXI veke?* [Serial murders and social aggression: what awaits us in the 21st century?]. Proceedings of the Third International Conference. Rostov-on-Don: Feniks. pp. 155–157.
23. Isaenko, V.N. (2001) [On individual problems of investigation of serial murders]. *Seriynye ubiystva i sotsial'naya agressiya: chto ozhidaet nas v XXI veke?* [Serial murders and social aggression: what awaits us in the 21st century?]. Proceedings of the Third International Conference. Rostov-on-Don: Feniks. pp. 226–229. (In Russian).
24. Purcell, C.E. (173) *The psychology of lust murder: paraphilia, sexual killing, and serial homicide*. New York: Elsevier Inc.
25. Neumann, C.E. (2004) Serial Rape and Serial Rapists. In: Smith, M.D. (ed.) *Encyclopedia of Rape*. Westport: Greenwood Press.
26. Sax, R. (2009) *Predators and child molesters: what every parent needs to know to keep kids safe: a sex crimes DA answers 100 of the most asked questions*. New York: Promerheus Books.
27. Savino, J.O. & Turvey, B.E. (eds) (2005) *Rape investigation handbook*. New York: Elsevier.

Received: 20 September 2017

Вестник Томского государственного университета. 2017. № 424. С. 204–207. DOI: 10.17223/15617793/424/29

УДК 343.13

А.М. Баранов

ПЕРМАНЕНТНОЕ ИЗМЕНЕНИЕ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНА КАК СВОЙСТВО СОВРЕМЕННОЙ ЗАКОННОСТИ

Рассматривается одно из основных свойств законности – устойчивость. Проводится анализ деятельности законодателя по изменению действующего законодательства как в целом, так и в отдельности уголовного закона и уголовно-процессуального. Формулируется вывод о том, что в нынешней ситуации законность следует рассматривать не как принцип с присущим ему свойством устойчивости законов, а как политико-правовой режим, для которого характерно перманентное изменение закона.

Ключевые слова: законность; свойства законности; принцип законности; политико-правовой режим; изменения законов; уголовный процесс; изменения уголовно-процессуального закона.

Идея законности в том или ином виде существовала в праве во все времена. В XX в. учение о законности получило наибольшее распространение как в общей теории права, так и в отраслевых юридических науках. Практически все кодексы, устанавливающие отношения, в той или иной сфере содержали норму (статью), посвященную законности.

Наибольшее распространение в теории и на практике в советский период Российского государства получило понимание законности как требования о соблюдении и исполнении законов и подзаконных актов всеми субъектами правоотношений [1. С. 334; 2. С. 325–326; 3. С. 306; 4. С. 129; 5. С. 106–116; 6. С. 218–223; 7. С. 14–15; 8. С. 11; 9. С. 4; 10. С. 19; 11. С. 156–159; 12. С. 9–38; 13. С. 4]. В то же время никому из авторов не удалось избежать понимания законности как правовой действительности, взятой под углом зрения практического осуществления права в отдельности от идейно-политических основ правовой системы, ее связи с основополагающими институтами и политическим режимом данного общества.

Оставим политическую составляющую в стороне и обратимся к организационно-юридической. По справедливому замечанию Н.Л. Гранат, законность «есть характеристика состояния законодательства, отвечающего потребности и интересам совершенствования общества, его реализации (претворению в жизнь). Она (законность) представляет собой одновременно процесс строгого и неуклонного соблюдения и исполнения принципов и норм права (правовых законов) и их результат – режим как особое состояние юридической правомерности правотворческой и правореализующей деятельности, всех общественных отношений» [14. С. 28–29].

Профессор Н.Л. Гранат раскрывает понятие законности как правового режима в обществе, акцентируя внимание на необходимости строгого соблюдения «правовых законов», которые должны отвечать потребностям и интересам общества.

В современной литературе под законностью понимается политико-правовой режим в обществе (государстве), выраженный в законах [1. С. 335; 13. С. 4; 15. С. 11]. В то же время сохраняется традиционное толкование содержания понятия законности [16. С. 38]. Различие заключается в том, что одни ученые, раскрывая понятие законности, наряду с категорией «правовой режим» используют категории «идея», «требование» [17. С. 533], а другие – «принцип», «метод» [18. С. 40; 19. С. 11; 20. С. 10–11]. В самих определениях различие в используемых терминах не прослеживается, его можно увидеть лишь в последующем комментарии к рассматриваемому понятию. Что объединяет всех авторов, так это свойство стабильности (устойчивости) законодательства.

Свойство устойчивости (стабильности) законодательства юристы позаимствовали у философов. Закон, по Гегелю, – это относительно постоянная, устойчивая сторона явления, существенное в нем, то, что остается тождественным, равным себе в бесконечной их смене, нечто этому явлению имманентное и непосредственно пребывающее в нем [21. С. 4].

Как это не удивительно, но частые и значительные изменения в праве, пусть даже направленные на благо общества, если они не успевают быть охваченными правосознанием основной массы общества, влекут за собой нигилистическое отношение к праву, и тогда изменения в нем несут не созидательное, а разрушительное начало [22]. Устойчивость законодательства способствует формированию единообразного его применения на практике и толкования правоприменителем и учеными, что влечет за собой единство преподавания права, следовательно, формирования юридического правосознания. Все вместе это способствует точному и неуклонному соблюдению законов.

Если устойчивость и постоянство законов выступают как свойство законности, а законность – это сохранение порядка, в таком случае частое изменение закона приводит к беспорядку и беззаконию. Получается весьма удивительный феномен права: чем больше законов, тем больше беззакония. Максимум права – максимум бесправия. Подобное состояние, кажущееся странным и невозможным для права, в действительности – естественное явление для общества, находящегося в состоянии реформы. В философии, физике и в других науках давно замечено, что хаос – обратная сторона, составляющая порядка [23. С. 60–62].

Есть ли границы (начало и окончание) у судебной реформы. С точки зрения логики вопрос излишен, любое явление имеет свое начало и окончание. Современную судебную реформу, а точнее, ее начало принято связывать с принятием Концепции судебной реформы в РСФСР, постановлением Верховного Совета РСФСР от 24 октября 1991 г.

Можно ли утверждать, что судебная реформа завершена? Попробуем обосновать, что да. Прошло бо-

лее четверти века с момента кардинальных изменений в экономике, системе управления обществом и государством и правовом регулировании. Действующее законодательство в большинстве отраслей права существенно отличается от того, что было в советский период. За четверть века выросло новое поколение. Большинство сотрудников в правоохранительных органах и судей имеют весьма отдаленное представление о законодательстве Советского государства и практике его применения. Казалось бы результатом судебной реформы должно стать относительно-устойчивое существование законов и практики их применения, как естественное свойство законности.

Что же смущает в тезисе о завершении судебной реформы в стране? Всего одно обстоятельство – это постоянное изменение законодательства.

В сегодняшней России относительная устойчивость законов как свойство законности часто проявляется, к сожалению, в обратном смысле. Законодательная власть с гордостью сообщает обществу о своей работе, приводя громадные цифры по законотворчеству. Госдума шестого созыва приняла рекордное количество законов, за 20 лет депутатами был установлен рекорд и по числу законопроектов. Всего в период с 2012 по 2016 г. на рассмотрение Думы было направлено 6 012 законопроектов, 1 817 из них были приняты в качестве законов [24]. Внесено в Государственную Думу законопроектов и принято законов соответственно в 2011 г. – 1 043 / 454, в 2012 г. – 1 242 / 341, в 2013 г. – 1 565 / 466, в 2014 г. – 1 770 / 597, в 2015 г. – 1 571 / 470 и в 2016 г. – 1 471 / 465 [25].

Простой математический анализ приведенных результатов законотворчества удручает. Допустим, что в каждом законе около 15 страниц машинописного текста. Получается, что каждый день необходимо, только чтобы знать об этих законах, прочитывать примерно по 30 страниц. Правоприменитель, обязанный точно соблюдать и применять закон, находится в еще более сложной ситуации: такое количество текста надо не только прочесть, но и воспринять.

Ни один законотворческий орган мира не работает с такой скоростью: Палата общин Великобритании с 2012 г. к середине 2016 г. года приняла всего 145 законов, Конгресс США – 175 и 279 законов за двухлетний созыв. По словам депутатов, они зачастую получали по внутренней почте вечером накануне парламентского заседания «для ознакомления» 60–70 законодательных инициатив, и затем ещё и утром им могли дослать 15–20 законопроектов, поэтому ни о каком анализе законов не могло быть и речи, да этого и не требовалось – всё решала партийная и фракционная дисциплина. Да и какой депутат станет изучать 200-страничный закон «Об основах охраны здоровья граждан» или 400-страничный закон «Об образовании» перед тем, как нажать кнопку голосования? [26].

Интересно, стали бы депутаты Государственной Думы соблюдать регламент работы Государственной Думы, если бы он изменялся 10 раз в год и так на протяжении нескольких лет. Возможно, автор этих строк неверно оценивает российских законодателей, но вероятнее всего, допускались бы нарушения, а на незначительные просто перестали бы обращать внимание. Конечно, провести такой эксперимент невозможно уже по той причине, что законодатель никогда не поставит себя в такие условия. Однако законодатель уже почти два десятилетия ставит в такие условия правоприменителя.

Частое изменение закона с начала судебной реформы не обошло и уголовную юстицию. В Уголовный кодекс с 1996 г. было внесено 197 изменений федеральными законами и 7 решениями Конституционного Суда, за последние 5 лет – 86 изменений федеральными законами.

Еще более удручающая ситуация с уголовно-процессуальным законодательством. С 2001 г. после принятия УПК РФ на 01.09.2017 г. в УПК РФ внесено изменений 224 федеральными законами и 25 решениями Конституционного Суда. С 2001 г. 9 раз изменялся апелляционный и кассационный порядок рассмотрения уголовного дела. В ст. 144 УПК с момента его принятия изменения вносились 6 раз.

Некоторые изменения носили технический характер, как например Федеральный закон Российской Федерации от 7 февраля 2011 г. № 4-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона “О полиции”», в результате принятия которого в ст. 40 термин «милиция» был заменен на «полиция», но были и иные, в результате принятия которых изменялось, и достаточно существенно, значительное количество норм, повлекшее изменения в порядке уголовного судопроизводства.

Правоприменитель в лице дознавателя, следователя, прокурора, судьи порой не успевает до конца осмыслить содержание новых норм, не говоря уже о выработке должной процедуры их применения, как происходит новое изменение в законе. Такая ситуация порождает искажение и наслоение в правосознании, что приводит к совершению в правоприменении ошибок, влекущих иногда существенные нарушения прав участников уголовного судопроизводства [27]. И порождает небрежное и неуважительное отношение к закону правоприменителя, который уже не старается усваивать норму, поскольку ожидает ее изменения.

Следует отметить, что подобный порядок вещей является объективным и характерен в любую эпоху при смене законодательства и поисках обществом новых правил регулирования отношений. Так, для введения уставов уголовного судопроизводства 1864 г. потребовалось 35 лет вместо предполагавшихся четырех. За это время в уставы были внесены многочисленные изменения. И.Я. Фойницкий, анализируя важнейшие из них, упоминает о 41 нормативном акте (правилах, наказах и законах). Можно смело утверждать, что по прошествии времени в результате всех изменений и дополнений получился совершенно иной порядок уголовного судопроизводства, отличный от первоначально принятого в 1864 г. Устава [28. С. 46–49].

Эту же закономерность при анализе законодательства эпохи императора Августа отмечает П. Грималь. «Законов в Риме было очень много, они без конца менялись, а подчас и противоречили один другому. После восстановления коллегии трибунов новые законы принимались чуть ли не каждый год, а кроме того, еще другие утвер-

ждались по предложению консулов, некоторые – на основе сенатских постановлений. Они образовывали пеструю массу, в которой ориентировались только специалисты-правоведы. В скопище законов необходимо было навести порядок. По окончании гражданских войн этим и занялся император Август» [29. С. 314].

Сегодня наблюдается замкнутый круг. Общество, недовольное деятельностью органов расследования, прокуратуры и суда, выражает свое негодование власти. Законодатель, стремясь удовлетворить запросы общества, не всегда разумно изменяет законодательство, правоприменитель не успевает наработать правильное применение нового законодательства, как оно снова меняется, что порождает нарушения в применении закона и новое недовольство общества уголовным судопроизводством. Частое изменение закона приводит к его незнанию, неправильному толкованию и порождает нигилистическое отношение. Разрешить эту проблему может только законодатель и, как это не парадоксально, не путем изменения закона, а наоборот.

За два десятилетия, прошедшие с принятия УПК РФ, те, кто работал следователями, прокурорами и судьями, в большинстве своем ушли в отставку. Сегодня, за три – четыре года, на три четверти происходит обновление личного состава низовых подразделений органов дознания и предварительного следствия, как следствие, нет преемственности в практике применения законов. В то же время существует практика использования «старых» процедур, без учета изменений в законе.

Даже общий анализ развития уголовного судопроизводства в России за последние 26 лет позволяет выделить следующие важные закономерности: изменчивость (зачастую до полного отрицания) некоторых правовых институтов; отказ и возврат к отдельным правовым институтам и процедурам; бессистемное заимствование и преемственность права как из своей истории, так и мирового опыта.

У современного общества и правоприменителя формируется иное отношение к сущности законности. Сегодня приходится говорить не об устойчивости как свойстве принципа (метода) законности, а о перманентной изменчивости законов как свойстве законности, рассматриваемой в качестве политико-правового режима.

ЛИТЕРАТУРА

1. Российская юридическая энциклопедия / Т.Е. Абова и др. ; гл. ред. А.Я. Сухарев. М. : ИНФРА-М, 1999. 1110 с.
2. Юридический словарь / гл. ред. П.И. Кудрявцев. 2-е изд. М. : Госюриздат, 1956. Т. 1. 687 с.
3. Большая советская энциклопедия / гл. ред. А.М. Прохоров. 3-е изд. М. : Советская энциклопедия, 1972. Т. 9. 624 с.
4. Юридический энциклопедический словарь / гл. ред. А.Я. Сухарев. 2-е изд. М. : Советская энциклопедия, 1987. 528 с.
5. Недбайло П.Е. Советские социалистические правовые нормы / отв. ред. В.Г. Сокуренко. Львов : Изд-во Львов. ун-та, 1959. 169 с.
6. Алексеев С.С. Общая теория права. М. : Юрид. лит., 1981. Т. I. 361 с.
7. Керимов Д.А. Обеспечение законности в СССР. М. : Госюриздат, 1956. 167 с.
8. Строгович М.С. Основные вопросы советской социалистической законности. М. : Наука, 1966. 252 с.
9. Строгович М.С. Социалистическая законность, правопорядок и применение советского права. М. : Мысль, 1966. 64 с.
10. Лукашева Е.А. Социалистическое правосознание и законность. М. : Юрид. лит., 1973. 344 с.
11. Братусь С.Н., Явич Л.С. Сущность права. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1985. 205 с.
12. Вопленко Н.Н. Социалистическая законность и применение права / под ред. М.И. Байтин. Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 1983. 184 с.
13. Законность в Российской Федерации / О.П. Бедный, А.Д. Бойков, И.С. Викторов, Ю.И. Гревцов и др. ; редкол.: И.Ф. Демидов, А.Я. Сухарев, Ю.А. Тихомиров. М. : Спарк, 1998. 215 с.
14. Гранат Н.Л. Правовые и нравственно-психологические основы обеспечения законности на предварительном следствии : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1992. 589 с.
15. Фастов А.Г. Законность в правовом государстве и ее гарантии в деятельности милиции: общетеоретические вопросы : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2000. 22 с.
16. Алексеев С.С. Право: азбука – теория – философия. Опыт комплексного исследования. М. : Статут, 1999. 712 с.
17. Общая теория права : курс лекций / под общ. ред. В.К. Бабаева. Н. Новгород : Изд-во Нижегор. ВШ МВД РФ, 1993. 544 с.
18. Общая теория права и государства : учеб. / под ред. В.В. Лазарева. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Юристъ, 2001. 520 с.
19. Кийякин Д.В. Уголовно-правовой принцип законности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2001. 24 с.
20. Бондарь В.А. Законность на стадии предварительного расследования : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. 24 с.
21. Друянов Л.А. Место закона в системе категорий материалистической диалектики. М. : Высш. шк., 1981. 144 с.
22. Прозументов Л.М., Шеслер А.В. Отечественные научные концепции причин преступности // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2014. № 1. С. 49–58.
23. Баранов А.М. Законность в досудебном производстве по уголовным делам : дис. … д-ра юрид. наук. Омск, 2006. 413 с.
24. Госдума шестого созыва приняла рекордное количество законов за 20 лет. URL: https://pravo.ru/news/view/131675 (дата обращения: 25.10.2017).
25. Галаганов А.А. Работа Думы в цифрах. URL: http://rusrand.ru/analytics/zakonodatelnye-itogi-2016-goda (дата обращения: 25.10.2017).
26. Рябиченко Л. Депутатская истина. URL: http://ruskline.ru/analitika/2016/09/14/deputatskaya_istina (дата обращения: 25.10.2017).
27. Андреева О.И., Желева О.В., Рукавишникова А.А., Трубникова Т.В. Право на возвращение уголовного дела судом апелляционной инстанции в суд первой инстанции: возможность злоупотребления полномочиями // Всероссийский криминологический журнал. 2016. Т. 10, № 3. С. 554–567.
28. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства / общ. ред., послесл., прим. А.В. Смирнова. СПб. : Альфа, 1996. Т. 1. 552 с.
29. Грималь П. Цицерон / вступ. ст. Г.С. Кнабе ; пер. с фр. Г.С. Кнабе, Р.Б. Сашиной. М. : Молодая гвардия, 1991. 544 с.

Статья представлена научной редакцией «Право» 1 ноября 2017 г.

PERMANENT CHANGES IN THE CRIMINAL PROCEDURE LAW AS A PROPERTY OF MODERN LAW

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 424, 204–207.
DOI: 10.17223/15617793/424/29

Aleksandr M. Baranov, Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Omsk, Russian Federation). E-mail: baranowam@list.ru

Keywords: legality; properties of legality; principle of legality; political and legal regime; changes in laws; criminal procedure; changes in criminal procedure law.

The aim of the article is to establish the extent to which the understanding of legality influences the criminal procedure law and law enforcement practice. The analysis of the professional literature on the topic made it possible to conclude that in the Soviet period of state development the most common understanding of legality in theory and practice was that of a requirement to comply and enforce laws and by-laws by all subjects of legal relations. At the same time, all the authors understood legality as a legal reality and indicated its main property: stability (permanence) of legislation. Frequent and significant changes in the law, even if they are aimed at the good of society, if most people are not legally aware of them, entail a nihilistic attitude to law, and these changes are destructive rather than constructive. If stability and permanence of laws are a property of legality, and legality is the preservation of order, frequent changes in the law lead to disorder and lawlessness. Thus, there is a very surprising phenomenon of law: the more laws, the more lawlessness, the maximum of law is the maximum of lawlessness. A general analysis of the development of criminal justice in Russia over the past 26 years shows the following important regularities: changes in (often complete negation of) certain legal institutions; refusal and return to individual legal institutions and procedures, unsystematic borrowing and continuity of law both from Russian history and from world experience. Since 2001, for instance, after the adoption of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation (RF CCP), 224 amendments were made to it by federal laws and 25 by decisions of the Constitutional Court. Since 2001, the appellate and cassation procedures for examining criminal cases have been changed nine times. Art. 144 of the RF CCP has been amended six times since the Code was adopted. This situation in lawmaking leads to a closed circle. The society is not satisfied with the activities of the investigation bodies, the prosecutor's office and the court, and expresses its indignation to the authorities. The legislator, trying to satisfy the demands of the society, does not always reasonably change the legislation, the law enforcer does not have time to work out the correct application of the new legislation when it changes again, which causes violations in the application of the law and dissatisfaction of the society with criminal proceedings again. Thus, modern society and the law-enforcer form a different attitude to the essence of legality. Today, it is not permanence but permanent changes of laws that is a property of the principle (method) of legality, the latter considered as a political-legal regime. Frequent changes in the law lead to the ignorance, misinterpretation of it and generate a nihilistic attitude. Only the legislator can solve this problem and, paradoxically, not by changing the law, but vice versa.

REFERENCES

1. Sukharev, A.Ya. (ed.) (1999) *Rossiyskaya yuridicheskaya entsiklopediya* [The Russian legal encyclopedia]. Moscow: INFRA-M.
2. Kudryavtsev, P.I. (ed.) (1956) *Yuridicheskiy slovar'* [The legal dictionary]. 2nd ed. Vol. 1. Moscow: Gosyurizdat.
3. Prokhorov, A.M. (ed.) (1972) *Bol'shaya sovetskaya entsiklopediya* [The Great Soviet Encyclopedia]. 3rd ed. Vol. 9. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya.
4. Sukharev, A.Ya. (ed.) (1987) *Yuridicheskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [The legal encyclopedic dictionary]. 2nd ed. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya.
5. Nedbaylo, P.E. (1959) *Sovetskie sotsialisticheskie pravovye normy* [Soviet socialist legal norms]. Lviv: Lviv University.
6. Alekseev, S.S. (1981) *Obshchaya teoriya prava* [The general theory of law]. Vol. 1. Moscow: Yurid. lit.
7. Kerimov, D.A. (1956) *Obespechenie zakonnosti v SSSR* [Providing legality in the USSR]. Moscow: Gosyurizdat.
8. Strogovich, M.S. (1966) *Osnovnye voprosy sovetskoy sotsialisticheskoy zakonnosti* [The main issues of Soviet socialist legality]. Moscow: Nauka.
9. Strogovich, M.S. (1966) *Sotsialisticheskaya zakonnost', pravoporyadok i primenenie sovetskogo prava* [Socialist legality, the rule of law and the application of Soviet law]. Moscow: Mysl'.
10. Lukasheva, E.A. (1973) *Sotsialisticheskoe pravosoznanie i zakonnost'* [Socialist sense of justice and the rule of law]. Moscow: Yurid. lit.
11. Bratus', S.N. & Yavich, L.S. (1985) *Sushchnost' prava* [The essence of law]. Leningrad: Leningrad State University.
12. Voplenko, N.N. (1983) *Sotsialisticheskaya zakonnost' i primenenie prava* [Socialist law and the application of law]. Saratov: Saratov State University.
13. Demidov, I.F., Sukharev, A.Ya. & Tikhomirov, Yu.A. (eds) (1998) *Zakonnost' v Rossiyskoy Federatsii* [Legality in the Russian Federation]. Moscow: Spark.
14. Granat, N.L. (1992) *Pravovye i nravstvenno-psikhologicheskie osnovy obespecheniya zakonnosti na predvaritel'nom sledstvii* [Legal, moral and psychological bases for ensuring legality in the preliminary investigation]. Law Dr. Diss. Moscow.
15. Fastov, A.G. (2000) *Zakonnost' v pravovom gosudarstve i ee garantii v deyatel'nosti militsii: obshcheteoreticheskie voprosy* [Legality in the rule of law and its guarantees in the activities of the police: general theoretical issues]. Abstract of Law Cand. Diss. Volgograd.
16. Alekseev, S.S. (1999) *Pravo: azbuka – teoriya – filosofiya. Opyt kompleksnogo issledovaniya* [Law: ABC – theory – philosophy. Experience of a complex research]. Moscow: Statut.
17. Babaev, V.K. (ed.) (1993) *Obshchaya teoriya prava: kurs lektsiy* [General theory of law: lectures]. N. Novgorod: N. Novgorod Higher School of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
18. Lazareva, V.V. (ed.) (2001) *Obshchaya teoriya prava i gosudarstva* [The general theory of law and state]. 3rd ed. Moscow: Yurist".
19. Kiyyakin, D.V. (2001) *Ugolovno-pravovoy printsip zakonnosti* [The criminal legal principle of legality]. Abstract of Law Cand. Diss. Saratov.
20. Bondar', V.A. (2006) *Zakonnost' na stadii predvaritel'nogo rassledovaniya* [Legality at the stage of preliminary investigation]. Abstract of Law Cand. Diss. Moscow.
21. Druyanov, L.A. (1981) *Mesto zakona v sisteme kategoriy materialisticheskoy dialektiki* [The place of law in the system of categories of materialistic dialectics]. Moscow: Vyssh. shk.
22. Prozumentov, L.M. & Shesler, A.V. (2014) Russian scientific concepts of crime reasons. *Kriminologicheskiy zhurnal Baykal'skogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava*. 1. pp. 49–58.
23. Baranov, A.M. (2006) *Zakonnost' v dosudebnom proizvodstve po ugolovnym delam* [Legality in pre-trial proceedings in criminal cases]. Law Dr. Diss. Omsk.
24. Pravo.ru. (2016) *Gosduma shestogo sozyva prinyala rekordnoe kolichestvo zakonov za 20 let* [The State Duma of the sixth convocation passed a record number of laws in 20 years]. [Online] Available from: https://pravo.ru/news/view/131675. (Accessed: 25.10.2017).
25. Galaganov, A.A. (2016) *Rabota Dumy v tsifrakh* [The Duma work in figures]. [Online] Available from: http://rusrand.ru/analytics/ zakonodatelnye-itogi-2016-goda. (Accessed: 25.10.2017).
26. Ryabichenko, L. (2016) *Deputatskaya istina* [The deputies' truth]. [Online] Available from: http://ruskline.ru/analitika/2016/09/14/deputatskaya_istina. (Accessed: 25.10.2017).
27. Andreeva, O.I., Zheleva, O.V., Rukavishnikova, A.A. & Trubnikova, T.V. (2016) The court of appeal's right to return a criminal case to the first-instance court: a possibility of power abuse. *Vserossiyskiy kriminologicheskiy zhurnal – Russian Journal of Criminology*. 10:3. pp. 554–567. DOI: 10.17150/2500-4255.2016.10(3).554-567. (In Russian).
28. Foynitskiy, I.Ya. (1996) *Kurs ugolovnogo sudoproizvodstva* [A course of criminal proceedings]. Vol. 1. St. Petersburg: Al'fa.
29. Grimal, P. (1991) *Tsitseron* [Cicero]. Translated from French by G.S. Knabe, R.B. Sashina. Moscow: Molodaya gvardiya.

Received: 01 November 2017

Вестник Томского государственного университета. 2017. № 424. С. 208–215. DOI: 10.17223/15617793/424/30

УДК 347.9

Н.Г. Галковская

О НЕКОТОРЫХ СПОРНЫХ МОМЕНТАХ ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ НОВОЙ КАТЕГОРИИ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ДЕЛ О ЗАЩИТЕ ИНТЕРЕСОВ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО ИЛИ ЛИЦА, ПРИЗНАННОГО В УСТАНОВЛЕННОМ ПОРЯДКЕ НЕДЕЕСПОСОБНЫМ, В СЛУЧАЕ ОТКАЗА ЗАКОННОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЯ ОТ МЕДИЦИНСКОГО ВМЕШАТЕЛЬСТВА, НЕОБХОДИМОГО ДЛЯ СПАСЕНИЯ ЖИЗНИ (ГЛАВА 31.1 КАС РФ)

Исследуется одна из актуальных проблем медицинского права – отказ от медицинского вмешательства в отношении лиц, не достигших пятнадцатилетнего возраста, а также недееспособных лиц. Автором изучаются вопросы реализации права медицинской организации обратиться в суд с заявлением в защиту интересов несовершеннолетних либо лиц, признанных недееспособными, в случае отказа их законных представителей от медицинского вмешательства. Проанализированы предпосылки появления в процессуальном законодательстве новой категории административных дел; отмечены некоторые спорные моменты действующей редакции главы 31.1 КАС РФ.

Ключевые слова: несовершеннолетний; недееспособное лицо; законный представитель; информированное согласие; медицинское вмешательство; отказ от медицинского вмешательства; медицинская организация; административное судопроизводство.

Относительно недавно вступили в силу поправки в Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации (КАС РФ) [1], направленные на защиту прав несовершеннолетних и недееспособных лиц. Федеральный закон № 223-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации» был официально опубликован и вступил в силу 28 июня 2016 г. [2]. Указанным документом установлена возможность подачи административных исков в защиту интересов несовершеннолетних и недееспособных лиц в случае отказа их законных представителей от медицинского вмешательства, необходимого для спасения жизни. В КАС РФ появилась новая глава – 31.1 «Производство по административным делам о защите интересов несовершеннолетнего или лица, признанного в установленном порядке недееспособным, в случае отказа законного представителя от медицинского вмешательства, необходимого для спасения жизни». Часть 3 ст. 1 КАС РФ дополнена новым пунктом 9, определяющим, что предметом регулирования Кодекса является также защита интересов несовершеннолетних или лиц, признанных в установленном порядке недееспособными, в случае отказа их законных представителей от медицинского вмешательства, необходимого для спасения жизни.

Таким образом, КАС РФ расширил перечень административных дел, связанных с осуществлением обязательного судебного контроля за соблюдением прав и свобод человека и гражданина при реализации отдельных административных властных требований к физическим лицам, за счет включения новой категории дел, которая также имеет публично-правовую природу[1]. Следовательно, указанные шаги законодателя можно расценивать как установление однотипного порядка рассмотрения и разрешения единых по своей публично-правовой природе дел [3].

Стоит отметить, что до принятия КАС РФ уже предпринималась попытка внести аналогичные дополнения в гражданское процессуальное законодательство. Речь идет о проекте Федерального закона № 527279-6 «О внесении изменений и дополнений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях защиты интересов несовершеннолетнего или лица, признанного в установленном порядке недееспособным», который был внесен 23 мая 2014 г. на рассмотрение Государственной Думы Российской Федерации [4][2]. В указанном законопроекте предлагалось дополнить Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации главой 35.1, которая бы регулировала порядок рассмотрения заявлений медицинских организаций в защиту интересов несовершеннолетних или лиц, признанных в установленном порядке недееспособными, при отказе их законных представителей от медицинского вмешательства. Однако от авторов указанного законопроекта поступило предложение снять его с рассмотрения Государственной Думы Российской Федерации, о чем было принято соответствующее решение [6].

Глубокий анализ новой категории административных дел в контексте заголовка настоящей статьи призывает к необходимости решить следующие задачи: во-первых, проанализировать право пациента на информированное добровольное согласие на медицинское вмешательство, а также порядок дачи согласия либо отказа пациента от медицинского вмешательства (его законного представителя); во-вторых, разобраться в предпосылках появления специального правового регулирования новой категории административных дел в структуре КАС РФ.

Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [7] в п. 5 ст. 2 содержит легальное определение «медицинское вмешательство». Это выполняемые медицинским работником и иным работником, имеющим право на осуществление медицинской деятельности, по отношению к пациенту, затрагивающие физическое или психическое состояние человека и имеющие профилактическую, исследовательскую, диагностическую, лечебную, реабилитационную направленность виды медицинских обследований и (или) медицинских манипуляций, а также искусственное прерывание беременности.

В настоящее время право пациента на информированное добровольное согласие на медицинское вмешательство признается одним из основных прав пациента и закреплено на международном уровне, а также в законодательствах большинства государств. Так, Конвенция о защите прав и достоинства человека в связи с использованием достижений биологии и медицины 1996 г. в ст. 5 предусматривает, что «медицинское вмешательство может осуществляться лишь после того, как лицо, подвергающееся этому вмешательству, даст на это добровольное информированное согласие» [8].

В России доктрина информированного добровольного согласия на медицинское вмешательство постепенно формируется и находит свое отражение во многих нормативно-правовых актах, касающихся здравоохранения. Так, ст. 41 Конституции Российской Федерации гарантирует право на охрану здоровья и медицинскую помощь, что предполагает право граждан свободно принимать решение об обращении за медицинской помощью и о прохождении курса лечения. Права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены в определенных случаях, установленных федеральным законом (ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации). Кроме того, Конституция Российской Федерации в ст. 21 определяет, что «никто не может без добровольного согласия быть подвергнут медицинским, научным или иным опытам» [9].

Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» детализирует понятие права граждан на информацию о состоянии здоровья, указывая на то, что «необходимым предварительным условием медицинского вмешательства является дача информированного добровольного согласия гражданина или его законного представителя на медицинское вмешательство на основании предоставленной медицинским работником в доступной форме полной информации о целях, методах оказания медицинской помощи, связанном с ними риске, возможных вариантах медицинского вмешательства, о его последствиях, а также о предполагаемых результатах оказания медицинской помощи» (ч. 1 ст. 20) [7].

Таким образом, в ходе реформирования законодательства в сфере здравоохранения можно констатировать отказ от патерналистской («отеческого» отношения к пациенту)[3] системы оказания медицинской помощи населению. Так, «если ранее внимание акцентировалось на предоставлении пациенту информации, то сегодня все больше интересует достижение согласия на медицинское вмешательство на основе осознанного выбора пациента, опирающегося на его знание. При этом из основных критериев надлежащей информированности пациента врачом представляются целесообразными следующие: надлежащий субъектный состав, содержание информации, ее объем (достаточность), доступность пациенту и волеизъявление пациента на ее получение»[4].

Возможность пациента выразить свою волю по вопросу оказания ему медицинской помощи или отказа от нее является одним из важнейших условий правомерного медицинского вмешательства. Логика законодателя заключается в том, что согласие на медицинское вмешательство должно быть именно информированным и осознанным. Следовательно, пациент должен обладать определенным уровнем знаний и жизненным опытом, позволяющим принять обдуманное, взвешенное решение [12]. Однако «поскольку пациент не является специалистом в области медицины, для принятия взвешенного решения и дачи согласия на медицинское вмешательство ему необходима информация о сути вмешательства, его причинах, последствиях, рисках, возможных альтернативных методах лечения. Представить пациенту такую информацию может только профессионал – исполнитель медицинской услуги, на которого закон и возлагает обязанность информировать пациента» [13].

В соответствии со ст. 11 Этического кодекса российского врача информированное, осознанное и добровольное согласие пациента на медицинскую помощь вообще и любой конкретный ее вид в частности есть не спонтанное волеизъявление пациента, а результат эффективного терапевтического сотрудничества. Поведение врача должно способствовать развитию у пациента чувства ответственности за свои поступки. Отказ вменяемого пациента от медицинской помощи, как правило, есть результат отсутствия терапевтического сотрудничества между врачом и пациентом, а потому всегда остается на совести врача. Добровольный отказ пациента от медицинской помощи или от отдельного ее вида должен быть столь же осознанным, как и согласие на нее [14].

Информация о медицинском вмешательстве должна быть доведена до пациента в доступной форме, т.е. должна быть необходимой и достаточной для того, чтобы пациент был в состоянии, проанализировав ее, принять самостоятельное решение о необходимости медицинского вмешательства или об отказе от него [15].

Вместе с тем следует согласиться с мнением Е.Е. Васильевой, которая отмечает, что «дача согласия пациента на медицинское вмешательство означает лишь реализацию его права обладать информацией для принятия решения о вмешательстве и вовсе не означает освобождение исполнителя медицинской услуги от ответственности за ненадлежащее ее оказание. Другими словами, если пациент согласился на вмешательство, это еще не означает, что лечебное учреждение с этого момента не несет ответственности за последствия лечения» [16]. Следовательно, отказ пациента от медицинского вмешательства не означает отказ от медицинской помощи в целом. Поэтому отказ от предлагаемого вида медицинского вмешательства следует формулировать таким образом, чтобы у организации здравоохранения осталась обязанность оказать пациенту медицинскую помощь, предложив альтернативный вид медицинского вмешательства (например, вместо хирургического – нехирургический способ лечения). Кроме того, важно также понимать, что отказ от медицинского вмешательства может быть выражен до начала лечения или после начала лечения, когда стали известны дополнительные обстоятельства заболевания или прогноз лечения. Вместе с тем допустима ситуация, когда первоначально от пациента было получено согласие на медицинское вмешательство, а впоследствии он свое решение изменил. Из

этого следует, что любое согласие на медицинское вмешательство не должно считаться безотзывным, на что прямо указывает ч. 3 ст. 20 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»: гражданин имеет право отказаться от медицинского вмешательства или потребовать его прекращения.

В соответствии с ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц. Реализация этой конституционной нормы позволяет сделать вывод о том, что принцип добровольности медицинского вмешательства, закрепленный в действующем законодательстве, носит не абсолютный, а относительный характер. Ограничения действия этого принципа могут устанавливаться федеральным законом. Так, согласно ч. 9 ст. 20 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» медицинское вмешательство без согласия гражданина, одного из родителей или иного законного представителя допускается: 1) если медицинское вмешательство необходимо по экстренным показаниям для устранения угрозы жизни человека и если его состояние не позволяет выразить свою волю или отсутствуют законные представители; 2) в отношении лиц, страдающих заболеваниями, представляющими опасность для окружающих; 3) в отношении лиц, страдающих тяжелыми психическими расстройствами; 4) в отношении лиц, совершивших общественно опасные деяния (преступления); 5) при проведении судебно-медицинской экспертизы и (или) судебно-психиатрической экспертизы. Абсолютно точно отмечает С.И. Помазкова, что «при таких обстоятельствах не может идти и речи об автономии воли пациента, так как она либо по объективным причинам не может быть выражена, либо свобода пациента просто игнорируется в интересах общества и государства (в отношении лиц, страдающих заболеваниями, представляющими опасность для окружающих; в отношении лиц, совершивших общественно опасные деяния)» [10].

Часть 7 ст. 20 указанного выше закона определяет, что информированное добровольное согласие на медицинское вмешательство или отказ от медицинского вмешательства оформляются в письменной форме, подписываются гражданином, медицинским работником и содержатся в медицинской документации пациента.

В настоящее время законодатель закрепляет право пациента самостоятельно давать информированное добровольное согласие на медицинское вмешательство начиная с 15 лет (ч. 2 ст. 54 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»)[5]. До достижения несовершеннолетним 15 лет информированное добровольное согласие на медицинское вмешательство в отношении его дает один из родителей (иной законный представитель); в отношении недееспособных лиц – опекун, но только в том случае, если недееспособное лицо по своему состоянию не способно дать такое согласие (п. 1 ч. 2 ст. 20 указанного Закона).

С точки зрения права на дачу информированного добровольного согласия правовой статус родителей, усыновителей, опекунов и попечителей ничем не отличается. Что касается недееспособных лиц, то, в соответствии с положениями Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (ч. 3 ст. 20) и Закона Российской Федерации «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» (ч. 3 ст. 11), опекун дает согласие на медицинское вмешательство только в том случае, если недееспособное лицо по своему состоянию не способно дать такое согласие. Вместе с тем законодатель не устанавливает критерии, позволяющие определить медицинскому работнику, в каком случае достаточно только согласия законного представителя, а в каком требуется еще и согласие самого пациента. По этой причине применение указанной нормы в практической деятельности медицинских организаций может вызывать существенные затруднения. Как отмечается в литературе, «сам по себе статус гражданина, лишенного в судебном порядке дееспособности, уже предполагает, что его состояние не позволяет принимать осознанные волевые решения, в том числе давать информированное добровольное согласие на медицинское вмешательство» [12].

Говоря о праве законных представителей давать согласие на медицинское вмешательство в отношении несовершеннолетних, следует отталкиваться от положений Конвенции о правах ребенка от 20 ноября 1989 г., в соответствии с которой родители несут основную ответственность за воспитание и развитие ребенка (п. 1 ст. 18), ответственность за обеспечение в пределах своих способностей и финансовых возможностей условий жизни, необходимых для развития ребенка (п. 2 ст. 27) [17].

В Семейном кодексе Российской Федерации предусмотрено, что родительские права не могут осуществляться в противоречии с интересами детей (п. 1 ст. 65). Более того, Семейный кодекс Российской Федерации прямо указывает, что ребенок имеет право на защиту от злоупотреблений со стороны родителей (лиц, их заменяющих) (ч. 2 ст. 56) [18].

Несомненно, здоровье ребенка на сегодняшний день в обществе считается высочайшей ценностью. Безусловно, трудно представить ситуацию, когда здравомыслящий законный представитель, например родитель, примет решение, противоречащее интересам своего ребенка. Вместе с тем стоит обратить внимание, что в последнее время в средствах массовой информации участились сообщения об отказе родителей от медицинского вмешательства в отношении ребенка. Как правило, речь идет о переливании чужой крови, когда медицинское вмешательство необходимо по жизненным показаниям. В подобных случаях мотивация отказа зачастую связана с религиозными убеждениями граждан [19, 20]. Также, к сожалению, не редки случаи отказа ВИЧ-диссидентов от медицинского вмешательства в отношении несовершеннолетних [21]. Безответственность и беспечность родителей также являются поводом для отказа от медицинского вмешательства в отношении несовершеннолетних детей [22]. Вероятно, сложившаяся ситуация

явилась причиной появления предпосылок для правовой регламентации судебного порядка новой категории административных дел.

Имея желание разобраться в причинах появления специального правового регулирования новой категории административных дел в структуре КАС РФ (гл. 31.1), в первую очередь, потребовалось провести сравнительный анализ положения, существовавшего до внесения дополнений в КАС РФ.

Стоит отметить, что согласно ч. 5 ст. 20 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» при отказе одного из родителей или иного законного представителя лица либо законного представителя лица, признанного в установленном законом порядке недееспособным, от медицинского вмешательства, необходимого для спасения его жизни, медицинская организация имеет право обратиться в суд для защиты интересов такого лица[6].

В пояснительной записке «К проекту Федерального закона "О внесении изменений в Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации" указывалось, что препятствием к эффективному использованию названного права медицинской организации является пробел в законодательстве об административном судопроизводстве [23].

Дело в том, что в соответствии со ст. 141 КАС РФ административные дела рассматриваются судами до истечения двух месяцев со дня поступления административного искового заявления в суд. В рамках установленного срока медицинская организация фактически не имела возможности реализовать свое право на защиту интересов пациента, находящегося в состоянии, опасном для жизни. Двухмесячный срок не позволял оперативно решить вопрос о необходимости медицинского вмешательства. В этой связи разработчиками законопроекта было предложено установить для вышеуказанной категории дел срок рассмотрения, не превышающий пяти дней с момента поступления заявления в суд, а по ходатайству медицинской организации – в день подачи[7].

По мнению авторов законопроекта, установление сокращенного срока рассмотрения вышеобозначенной категории административных дел позволило бы более эффективно, качественно и своевременно защищать права несовершеннолетних пациентов и пациентов, являющихся недееспособными, что, в свою очередь, приведет к дополнительным гарантиям реализации конституционного права граждан на охрану здоровья.

Положения законопроекта были воплощены в жизнь, действующая редакция гл. 31.1 КАС РФ предусматривает сокращенный срок рассмотрения дел о защите интересов несовершеннолетнего или лица, признанного в установленном порядке недееспособным, в случае отказа законного представителя от медицинского вмешательства, необходимого для спасения жизни. Согласно ч. 1 ст. 285.3 КАС РФ срок рассмотрения таких дел составляет пять дней со дня принятия административного искового заявления к производству суда, а при наличии ходатайства медицинской организации о медицинском вмешательстве в экстренной форме – в день поступления административного искового заявления. Более того, ч. 5 ст. 285.5 КАС РФ устанавливает обязанность суда изготовить мотивированное решение в полном объеме в день его принятия. А ч. 4 указанной статьи предусматривает возможность суда обратить решение об удовлетворении административного искового заявления к немедленному исполнению, указав на это в резолютивной части решения.

Думается, что установление сокращенного срока рассмотрения исследуемой категории административных дел не является достаточным средством в урегулировании вопроса о защите интересов несовершеннолетнего в случае отказа его законных представителей от медицинского вмешательства, необходимого для спасения жизни. Разумеется, что на само обращение в суд и соблюдение обязательных судебных процедур (составление административного искового заявления, сбор доказательств в подтверждение обоснованности заявленного требования, разрешение вопроса о принятии административного иска к производству суда, назначение судебного заседания, исследование и оценка доказательств, принятие судебного решения и др.) уйдет драгоценное время. Зачастую, если речь идет о неотложных медицинских мероприятиях по спасению жизни, времени нет, и любое промедление нередко приводит к трагическим последствиям. «Помимо этого, врач может оказаться в критической ситуации, когда имеет место угроза жизни, и необходимо проводить реанимационные мероприятия с целью спасения жизни больного. У врача нет физически времени, чтобы заниматься оформлением медицинских документов, в том числе решать вопрос о согласии либо отказе от медицинского вмешательства. По жизненным показаниям проводятся необходимые мероприятия, направленные на сохранение жизни пациента. В этом случае отказ от медицинского вмешательства может рассматриваться как юридическая фикция, поскольку, несмотря на оформление такого документа, врачи, как правило, все равно будут спасать жизнь, так как в этом состоит долг любого врача» [24]. Очевидно, что для эффективного и своевременного оказания медицинской помощи несовершеннолетнему (недееспособному лицу) при отказе законных представителей дать согласие требуется более оперативный порядок получения врачами санкции на это.

Абсолютно справедливо отмечено, что «право на свободу можно реализовать только при жизни. Если не ставить главной целью спасение жизни, свободой потом некому будет пользоваться» [12].

С учетом изложенного нельзя не отметить тот факт, что в действующей редакции гл. 31.1 КАС РФ закреплена нежизнеспособная конструкция, которая «осложняет ее практическое применение в медицинской практике, так и вызывает некоторые теоретические проблемы» [25]. Возможно, поэтому в юридической литературе некоторыми авторами обоснованно предлагается предоставить право решения вопроса о медицинском вмешательстве по жизненным показаниям несовершеннолетним (недееспособным лицам) при отказе их родителей или иных законных представителей от медицинского вмешательства по жизненным показаниям исключительно на основании прика-

за главного врача медицинского учреждения, выносимого по результатам заключения консилиума врачей (который можно собрать в любое время), а не на основании волеизъявления законного представителя пациента [25]. Так, Е.С. Салагаева предлагает установить обязательность действий врачей при угрозе жизни ребенка в первую очередь в интересах несовершеннолетнего, исходя из состояния его здоровья и необходимости оперативного медицинского вмешательства. Как указывает автор, данная норма будет действовать в случае, когда обращение в суд больничного учреждения при отказе родителей или иных законных представителей лица, не достигшего возраста 15 лет, от медицинской помощи, необходимой для спасения жизни указанных лиц, в данный момент затруднительно по времени [26]. Это, в свою очередь, избавит врачей от необходимости использования различных «уловок» (операции в ночное время, использование административного ресурса, введение в заблуждение относительно существа вмешательства и др.).

Таким образом, при оказании медицинской помощи по экстренным показаниям у медицинской организации должна быть возможность сделать это без согласия законных представителей. Иначе человеческую жизнь могут погубить пресловутое бумаготворчество и бюрократические проволочки.

Выбранный законодателем вариант регулирования дел о защите интересов несовершеннолетнего или лица, признанного в установленном порядке недееспособным, в случае отказа законного представителя от медицинского вмешательства, имеет ряд других недостатков и не лишен спорных моментов.

Так, обращает на себя внимание действующая редакция ч. 5 ст. 20 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», которая не претерпела изменений в связи с появлением новой категории административных дел в структуре КАС РФ (гл. 31.1). Во-первых, по-прежнему у медицинской организации отсутствует обязанность обращаться в суд за получением санкции суда на медицинское вмешательство при отказе одного из родителей или иного законного представителя лица либо законного представителя лица, признанного в установленном законом порядке недееспособным, от медицинского вмешательства, необходимого для спасения его жизни. Отсутствие соответствующей обязанности порождает ситуацию безответственности медицинской организации, не обратившейся в суд в случае летального исхода при отказе законных представителей от медицинского вмешательства.

Во-вторых, неразрешенным остался вопрос о необходимости медицинской организации обращаться с заявлением в суд в случае каждого отказа законного представителя от медицинского вмешательства, необходимого для спасения жизни. А если в ходе санкционированного судом медицинского вмешательства потребуется осуществить мероприятия, судебным решением не предусмотренные?

В-третьих, в ч. 5 ст. 20 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» речь идет исключительно о ситуациях, связанных с медицинской помощью, необходимой для спасения жизни ребенка (недееспособного лица). Вместе с тем медицинская помощь может быть необходима для сохранения или поддержания здоровья, предотвращения развития каких-либо патологических процессов и т.д. Возникает вопрос: как быть, если прямого риска для жизни ребенка нет, но любое промедление в выполнении назначенного лечения может ухудшить его самочувствие, причем существенно (например, при наличии у ребенка ВИЧ-инфекции родители по каким-то причинам игнорируют прием назначенных препаратов)?

Следующий неразрешенный вопрос (в-четвертых) связан с правомерностью оказания медицинской помощи, когда один из родителей дает согласие, а второй выражает отказ. По смыслу ст. 20 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», норм гл. 31.1 КАС РФ для медицинского вмешательства достаточно согласия одного родителя. Однако в отношении некоторых видов медицинских вмешательств установлен иной подход, предполагающий наличие механизма преодоления разногласий родителей. Так, Закон Российской Федерации «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» в ст. 23 содержит следующее правило: «В случае возражения одного из родителей психиатрическое освидетельствование несовершеннолетнего проводится по решению органа опеки и попечительства, которое может быть обжаловано в суд».

В-пятых, хотелось бы обратить внимание на ч. 5 ст. 20 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», предусматривающую обязанность законных представителей лица, признанного в установленном законом порядке недееспособным, извещать орган опеки и попечительства по месту жительства подопечного об отказе от медицинского вмешательства, необходимого для спасения жизни подопечного, не позднее дня, следующего за днем этого отказа. Аналогичная норма содержится и в ч. 1 ст. 12 Закона Российской Федерации «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании». Между тем названный орган законодательно не наделен соответствующим правомочием по реагированию на указанную ситуацию. В этой связи полагаем, что требует обсуждения вопрос о наделении органа опеки и попечительства правом на подачу административного иска в защиту указанной категории лиц [27].

В заключение хотелось бы отметить, что регулирование вопросов, связанных с защитой интересов пациентов, в том числе несовершеннолетних или недееспособных лиц, должно осуществляться единообразно и комплексно. Действующая же редакция гл. 31.1 КАС РФ, по сути, дублирует положения действующей редакции гл. 30 и 31 Кодекса.

На сегодняшний день, видимо, судебная форма принятия решений придает правовой и моральный вес мероприятиям медицинского учреждения и защищает как права и интересы пациентов, так и медицинского персонала. Тем не менее хотелось бы, чтобы проблема получения согласия пациента на медицинское вмешательство, которая существует с момента наделения пациента таким правом, решалась не за счет абсолютизации последнего.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Наряду с такими административными делами как: о госпитализации гражданина в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, в недобровольном порядке, о продлении срока госпитализации гражданина в недобровольном порядке или о психиатрическом освидетельствовании гражданина в недобровольном порядке; о госпитализации гражданина в медицинскую противотуберкулезную организацию в недобровольном порядке (гл. 30, 31 КАС РФ).

[2] См.: Пояснительная записка «К проекту Федерального закона "О внесении изменений и дополнений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях защиты интересов несовершеннолетнего или лица, признанного в установленном порядке недееспособным"» [5].

[3] Внедрение в практику здравоохранения правила об обязательном согласии пациента на медицинское вмешательство обусловило появление немалого количестве вопросов как правового, так и философского, этического, религиозного характера [10].

[4] Более подробно см.: Сударева Е.О. Добровольное согласие как условие медицинского вмешательства в праве РФ и США // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2008. № 3 [11].

[5] Не совсем ясно, что послужило основанием для установления такого правила, почему возраст 15 лет считается законодателем достаточным для осознанного принятия решения о любом другом виде медицинского вмешательства. Однако изучение данного опроса выходит за пределы предмета настоящей публикации.

[6] Используя данную норму до вступления в силу изменений в КАС РФ, медицинские организации обращались в суд за защитой больных детей крайне редко. Как правило, это были случаи защиты детей, больных ВИЧ-инфекцией, родители которых, заблуждаясь в своих взглядах относительно антиретровирусной терапии и наличия ВИЧ-инфекции, отказалось в письменной форме от лечения своих детей, больных ВИЧ-инфекцией (ВИЧ-диссиденты).

[7] Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации (ч. 1 ст. 304 прежней редакции) знал, а теперь и КАС РФ знает примеры такого же краткого срока рассмотрения дел. Например, пятидневный срок установлен для рассмотрения административных дел о госпитализации гражданина в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, в недобровольном порядке и трехдневный – для принудительного психиатрического освидетельствования (ч. 3 ст. 280 КАС РФ) и др.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ (ред. от 28.05.2017) // КонсультантПлюс : справ. правовая система. Версия Проф. Электрон. дан. М., 2017. Доступ из локальной сети Науч. б-ки Том. гос. ун-та.
2. Федеральный закон от 28.06.2016 № 223-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации» // КонсультантПлюс : справ. правовая система. Версия Проф. Электрон. дан. М., 2017. Доступ из локальной сети Науч. б-ки Том. гос. ун-та.
3. Комментарий к Кодексу административного судопроизводства Российской Федерации (поглавный) / под ред. А.А. Муравьева. М. : Проспект, 2015 // КонсультантПлюс : справ. правовая система. Версия Проф. Электрон. дан. М., 2017. Доступ из локальной сети Науч. б-ки Том. гос. ун-та.
4. Паспорт проекта Федерального закона № 527279-6 «О внесении изменений и дополнений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях защиты интересов несовершеннолетнего или лица, признанного в установленном порядке недееспособным» // КонсультантПлюс : справ. правовая система. Версия Проф. Электрон. дан. М., 2017. Доступ из локальной сети Науч. б-ки Том. гос. ун-та.
5. Пояснительная записка «К проекту Федерального закона "О внесении изменений и дополнений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях защиты интересов несовершеннолетнего или лица, признанного в установленном порядке недееспособным"» // КонсультантПлюс : справ. правовая система. Версия Проф. Электрон. дан. М., 2017. Доступ из локальной сети Науч. б-ки Том. гос. ун-та.
6. Выписка из протокола заседания Совета ГД ФС РФ от 09.10.2014 № 195 «О проекте Федерального закона № 527279-6 "О внесении изменений и дополнений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях защиты интересов несовершеннолетнего или лица, признанного в установленном порядке недееспособным"» // КонсультантПлюс : справ. правовая система. Версия Проф. Электрон. дан. М., 2017. Доступ из локальной сети Науч. б-ки Том. гос. ун-та.
7. Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 03.04.2017) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // КонсультантПлюс : справ. правовая система. Версия Проф. Электрон. дан. М., 2017. Доступ из локальной сети Науч. б-ки Том. гос. ун-та.
8. Конвенция о защите прав человека и человеческого достоинства в связи с применением достижений биологии и медицины: Конвенция о правах человека и биомедицине» (ETS № 164) (Заключена в г. Овьедо 04.04.1997) (с изм. от 27.11.2008) // КонсультантПлюс : справ. правовая система. Версия Проф. Электрон. дан. М., 2017. Доступ из локальной сети Науч. б-ки Том. гос. ун-та.
9. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // КонсультантПлюс : справ. правовая система. Версия Проф. Электрон. дан. М., 2017. Доступ из локальной сети Науч. б-ки Том. гос. ун-та.
10. Помазкова С.И. Соотношение права на жизнь и права на свободу при оказании медицинской помощи // Медицинское право. 2016. № 1. С. 32–36.
11. Сударева Е.О. Добровольное согласие как условие медицинского вмешательства в праве РФ и США // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. Юридические науки. 2008. № 3. С. 70–75.
12. Сергеев Ю.Д., Мурзабаева С.Ш., Павлова Ю.В., Куранов В.Г. Совершенствование механизма судебной защиты прав несовершеннолетних и недееспособных лиц при отказе законных представителей от медицинского вмешательства // Медицинское право. 2015. № 1. С. 3–8.
13. Колоколов Г.Р., Махонько Н.И. Медицинское право : учеб. пособие. М. : Дашков и К, 2009. 452 с.
14. Салыгина Е.С. Юридическое сопровождение деятельности частной медицинской организации. М. : Статут, 2013. 192 с.
15. Муравьева Е.В. Проблемы реализации информированного согласия пациента на медицинское вмешательство в России. URL: http://www.sworld.com.ua
16. Васильева Е.Е. Институт добровольного информированного согласия пациента на медицинское вмешательство в российском и американском праве // Журнал российского права. 2004. № 9. С. 136–141.
17. Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989) (вступила в силу для СССР 15.09.1990) // КонсультантПлюс : справ. правовая система. Версия Проф. Электрон. дан. М., 2017. Доступ из локальной сети Науч. б-ки Том. гос. ун-та.
18. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 01.05.2017) // КонсультантПлюс : справ. правовая система. Версия Проф. Электрон. дан. М., 2017. Доступ из локальной сети Науч. б-ки Том. гос. ун-та.
19. Экстренный случай // Свердловский районный суд г. Иркутска (сайт). URL: http://sverdlovsky.irk.sudrf.ru/modules.php?name=press_dep&op=1&did=413 (дата обращения: 24.06.2017).
20. В Ивановской области благодаря прокуратуре ребенку сделали жизненно необходимое переливание крови // BezFormata.Ru (сайт). URL: http://ivanovo.bezformata.ru/listnews/sdelali-zhiznenno-neobhodimoe-perelivanie/54071248 (дата обращения: 24.06.2017).

21. В Тюмени передано в суд дело в отношении ВИЧ-инфицированной матери, из-за которой от ВИЧ-инфекции умерла ее дочь // Прокуратура Тюменской области (сайт). URL: http://proctmo.ru/press-center/news/118915989785 (дата обращения: 05.07.2017).
22. Отказ от лечения врачи оспорят в суде // 64.ru (сайт). URL: http://doctor.74.ru/text/mednews/183070317858816.html?full=3 (дата обращения: 25.06.2017).
23. Пояснительная записка «К проекту Федерального закона "О внесении изменений в Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации"» // КонсультантПлюс : справ. правовая система. Версия Проф. Электрон. дан. М., 2017. Доступ из локальной сети Науч. б-ки Том. гос. ун-та.
24. Карасова Ю.В., Березовский Д.П. Наличие пробелов в оформлении отказа от медицинского вмешательства в отношении несовершеннолетних // Медицинское право. 2011. № 1. С. 23–27.
25. Мохов А.А. Если родитель или иной законный представитель пациента отказывается от медицинского вмешательства // Спорт: экономика, право, управление. 2008. № 1. С. 7–9.
26. Салагаева Е.С. Правовое регулирование оказания медицинских услуг несовершеннолетним : автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2007. 22 с.
27. Заключение Комитета по конституционному законодательству и государственному строительству от 25.01.2016 «По проекту Федерального закона № 909843-6 "О внесении изменений в Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации"» // КонсультантПлюс : справ. правовая система. Версия Проф. Электрон. дан. М., 2017. Доступ из локальной сети Науч. б-ки Том. гос. ун-та.

Статья представлена научной редакцией «Право» 8 июля 2017 г.

ON SOME CONTROVERSIAL ASPECTS OF THE LEGAL REGULATION OF A NEW CATEGORY OF ADMINISTRATIVE CASES ON THE PROTECTION OF THE INTERESTS OF A MINOR OR A PERSON RECOGNIZED AS LEGALLY INCAPABLE IN THE EVENT OF THE REFUSAL OF THE LEGAL REPRESENTATIVE FROM MEDICAL INTERVENTION NECESSARY FOR SAVING LIVES (CHAPTER 31.1 OF THE RF ADMINISTRATIVE PROCEDURE CODE)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 424, 208–215.
DOI: 10.17223/15617793/424/30

Natalia G. Galkovskaya, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: ni13012003@mail.ru

Keywords: minors; incapable; legal representative; informed consent; medical intervention; refusal from medical intervention; medical organization; administrative legal proceedings.

In connection with the introduction of Chapter 31.1 to the PF Administrative Procedure Code (RF APC), the author of the article investigates questions related to the medical organization's use of the right to apply to the court with a statement in protection of the interests of minors or persons recognized legally incapable if their legal representatives refuse from medical interference for them. The methodological basis of the research is the general and special methods of research (historical, comparative legal, of dialectical cognition, formal-logical method of law interpretation and method of system analysis). The author states that the novels generated some disputed issues. Thus, a shortened review period for the category of administrative cases under study (Part 1 of Article 285.3 of the RF APC) is not sufficient to resolve the issue of protecting the interests of minors (incapable persons) in the event of the refusal of legal representatives from medical intervention necessary to save their lives. It is therefore suggested to give the right to decide the question of medical interference to save lives of minors (incapable persons) exceptionally on the basis of the order of the head doctor of a medical institution, issued on the basis of the conclusion of a doctor's consultation, but not on the basis of the will of the legal representative of a patient. The author also paid attention to the absence of a medical organization's obligation to apply to the court for obtaining a court sanction for medical intervention. It generates the situation of non-responsibility of a medical organization that has not applied to a court in the event of a lethal outcome when legal representatives refused from medical intervention. The question of the necessity for a medical organization to apply to the court in case of every subsequent refusal of the legal representative from medical interference necessary to save life is still unsettled. What if medical interference sanctioned by the court will require measures the court decision has not provided for? In addition, Part 5 of Article 20 of the federal law "On the bases of healthcare of citizens in the Russian Federation" only considers situations related to medicare necessary for the rescue of the life of a child (an incapable person). At the same time, medicare can be needed to maintain health, prevent the development of some pathological processes, etc. The problems educed during the research can serve as a vector for further perfection of the mechanism of the court's consideration of administrative cases related to the necessity of the court's decision on medical interference.

REFERENCES

1. Konsul'tantPlyus. (2017) *Kodeks administrativnogo sudoproizvodstva Rossiyskoy Federatsii ot 08.03.2015 № 21-FZ (red. ot 28.05.2017)* [Code of Administrative Proceedings of the Russian Federation No. 21-FZ of 08.03.2015 (as amended on May 28, 2017)]. Moscow: Konsul'tantPlyus.
2. Konsul'tantPlyus. (2017) *Federal'nyy zakon ot 28.06.2016 № 223-FZ "O vnesenii izmeneniy v Kodeks administrativnogo sudoproizvodstva Rossiyskoy Federatsii"* [Federal Law of June 28, 2016 No. 223-FZ "On Amendments to the Code of Administrative Procedure of the Russian Federation"]. Moscow: Konsul'tantPlyus.
3. Murav'ev, A.A. (ed.) (2015) *Kommentariy k Kodeksu administrativnogo sudoproizvodstva Rossiyskoy Federatsii (poglavnyy)* [Commentary on the Code of Administrative Procedure of the Russian Federation (by chapters)]. Moscow: Prospekt.
4. Konsul'tantPlyus. (2017) *Pasport proekta Federal'nogo zakona № 527279-6 "O vnesenii izmeneniy i dopolneniy v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossiyskoy Federatsii v tselyakh zashchity interesov nesovershennoletnego ili litsa, priznannogo v ustanovlennom poryadke nedeesposobnym"* [Passport of the draft Federal Law No. 527279-6 "On Amendments and Additions to Certain Legislative Acts of the Russian Federation with a view to protect the interests of a minor or a person recognized as legally incapable"]. Moscow: Konsul'tantPlyus.
5. Konsul'tantPlyus. (2017) *Poyasnitel'naya zapiska "K proektu Federal'nogo zakona "O vnesenii izmeneniy i dopolneniy v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossiyskoy Federatsii v tselyakh zashchity interesov nesovershennoletnego ili litsa, priznannogo v ustanovlennom poryadke nedeesposobnym""* [Explanatory note to the draft Federal Law "On Amendments and Additions to Certain Legislative Acts of the Russian Federation with a view to protect the interests of a minor or a person recognized as legally incapable"]. Moscow: Konsul'tantPlyus.
6. Konsul'tantPlyus. (2017) Vypiska iz protokola zasedaniya Soveta GD FS RF ot 09.10.2014 № 195 "O proekte Federal'nogo zakona № 527279-6 "O vnesenii izmeneniy i dopolneniy v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossiyskoy Federatsii v tselyakh zashchity interesov nesovershennoletnego ili litsa, priznannogo v ustanovlennom poryadke nedeesposobnym"" [Extract from the minutes of the meeting of the Council of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation of 09.10.2014 No. 195 on the Draft Federal Law No. 527279-6 "On Amendments and

Additions to Certain Legislative Acts of the Russian Federation with a view to protect the interests of a minor or a person recognized as legally incapable"]. Moscow: Konsul'tantPlyus.
7. Konsul'tantPlyus. (2017) *Federal'nyy zakon ot 21.11.2011 № 323-FZ (red. ot 03.04.2017) "Ob osnovakh okhrany zdorov'ya grazhdan v Rossiyskoy Federatsii"* [Federal Law No. 323-FZ of 21.11.2011 (as amended on 03.04.2017) "On the fundamentals of protecting the health of citizens in the Russian Federation"]. Moscow: Konsul'tantPlyus.
8. Konsul'tantPlyus. (2017) *Konventsiya o zashchite prav cheloveka i chelovecheskogo dostoinstva v svyazi s primeneniem dostizheniy biologii i meditsiny: Konventsiya o pravakh cheloveka i biomeditsine" (ETS № 164) (Zaklyuchena v g. Ov'edo 04.04.1997) (s izm. Ot 27.11.2008)* [Convention for the Protection of Human Rights and Human Dignity in Connection with the Application of Biology and Medicine: Convention on Human Rights and Biomedicine (ETS No. 164) (concluded in Oviedo on 04.04.1997) (as amended on 27.11.2008)]. Moscow: Konsul'tantPlyus.
9. Konsul'tantPlyus. (2017) *Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii (prinyata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993) (s uchetom popravok, vnesennykh Zakonami RF o popravkakh k Konstitutsii RF ot 30.12.2008 № 6-FKZ, ot 30.12.2008 № 7-FKZ, ot 05.02.2014 № 2-FKZ, ot 21.07.2014 № 11-FKZ)* [The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993) (taking into account the amendments introduced by the RF Laws on Amendments to the Constitution of the Russian Federation No. 6-FKZ of December 30, 2008, No. 7-FKZ of December 30, 2008, No. 2-FKZ of February 05, 2014, No. 11-FKZ of July 21, 2014)]. Moscow: Konsul'tantPlyus.
10. Pomazkova, S.I. (2016) Interrelation between the Right to Life and Right to Freedom in Rendering Medical Aid. *Meditsinskoe pravo*. 1. pp. 32–36. (In Russian).
11. Sudareva, E.O. (2008) Dobrovol'noe soglasie kak uslovie meditsinskogo vmeshatel'stva v prave RF i SShA [Voluntary consent as a condition of medical intervention in the law of the Russian Federation and the USA]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Ser. Yuridicheskie nauki – RUDN Journal of Law*. 3. pp. 70–75.
12. Sergeev, Yu.D., Murzabaeva, S.Sh., Pavlova, Yu.V. & Kuranov, V.G. (2015) Sovershenstvovanie mekhanizma sudebnoy zashchity prav nesovershennoletnikh i nedeesposobnykh lits pri otkaze zakonnykh predstaviteley ot meditsinskogo vmeshatel'stva [Perfection of the mechanism of judicial protection of the rights of minors and incapable persons in case of refusal of legal representatives from medical intervention]. *Meditsinskoe pravo*. 1. pp. 3–8.
13. Kolokolov, G.R. & Makhon'ko, N.I. (2009) *Meditsinskoe pravo* [Medical Law]. Moscow: Dashkov i K.
14. Salygina, E.S. (2013) *Yuridicheskoe soprovozhdenie deyatel'nosti chastnoy meditsinskoy organizatsii* [Legal support of the activities of a private medical organization]. Moscow: Statut.
15. Murav'eva, E.V. (2011) *Problemy realizatsii informirovannogo soglasiya patsienta na meditsinskoe vmeshatel'stvo v Rossii* [The problems of implementing the patient's informed consent to medical intervention in Russia]. [Online] Available from: http://www.sworld.com.ua/index.php/ru/legal-and-political-science-311/commercial-labor-land-law-civil-and-administrative-law-311/7761-problems-of-realization-of-the-right-patient-informed-consent-for-medical-intervention-in-russia.
16. Vasil'eva, E.E. (2004) Institut dobrovol'nogo informirovannogo soglasiya patsienta na meditsinskoe vmeshatel'stvo v rossiyskom i amerikanskom prave [The Institute of the Voluntary Informed Consent of the Patient for Medical Intervention in Russian and American Law]. *Zhurnal rossiyskogo prava – Journal of Russian Law*. 9. pp. 136–141.
17. Konsul'tantPlyus. (2017) *Konventsiya o pravakh rebenka (odobrena General'noy Assambleey OON 20.11.1989) (vstupila v silu dlya SSSR 15.09.1990)* [Convention on the Rights of the Child (approved by the UN General Assembly on 20.11.1989) (entered into force for the USSR on September 15, 1990)]. Moscow: Konsul'tantPlyus.
18. Konsul'tantPlyus. (2017) *Semeynyy kodeks Rossiyskoy Federatsii ot 29.12.1995 № 223-FZ (red. Ot 01.05.2017)* [The Family Code of the Russian Federation No. 223-FZ of December 29, 1995 (as amended on May 1, 2017)]. Moscow: Konsul'tantPlyus.
19. Sverdlovsk District Court of Irkutsk. (2017) *Ekstrennyy sluchay* [An emergency case]. [Online] Available from: http://sverdlovsky.irk.sudrf.ru/modules.php?name=press_dep&op=1&did=413. (Accessed: 24.06.2017).
20. BezFormata.ru. (2017) *V Ivanovskoy oblasti blagodarya prokurature rebenku sdelali zhiznenno neobkhodimoe perelivanie krovi* [In Ivanovo Oblast, thanks to the prosecutor's office, a vital blood transfusion was made to the child]. [Online] Available from: http://ivanovo.bezformata.ru/listnews/sdelali-zhiznenno-neobhodimoe-perelivanie/54071248. (Accessed: 24.06.2017).
21. Prosecutor's office of Tyumen Oblast. (2017) *V Tyumeni peredano v sud delo v otnoshenii VICh-infitsirovannoy materi, iz-za kotoroy ot VICh-infektsii umerla ee doch'* [In Tyumen, a case was brought against the HIV-infected mother, because of who her daughter died from HIV infection]. [Online] Available from: http://proctmo.ru/press-center/news/118915989785. (Accessed: 05.07.2017).
22. 64.ru. (2016) *Otkaz ot lecheniya vrachi osporyat v sude* [Doctors will contest refusal of treatment in court]. [Online] Available from: http://doctor.74.ru/text/mednews/183070317858816.html?full=3. (Accessed: 25.06.2017).
23. Konsul'tantPlyus. (2017) *Poyasnitel'naya zapiska K proektu Federal'nogo zakona "O vnesenii izmeneniy v Kodeks administrativnogo sudoproizvodstva Rossiyskoy Federatsii"* [Explanatory note to the draft Federal Law "On Amendments to the Code of Administrative Procedure of the Russian Federation"]. Moscow: Konsul'tantPlyus.
24. Karasova, Yu.V. & Berezovskiy, D.P. (2011) Nalichie probelov v oformlenii otkaza ot meditsinskogo vmeshatel'stva v otnoshenii nesovershennoletnikh [The presence of gaps in the registration of the refusal of medical intervention in relation to minors]. *Meditsinskoe pravo*. 1. pp. 23–27.
25. Mokhov, A.A. (2008) Esli roditel' ili inoy zakonnyy predstavitel' patsienta otkazyvaetsya ot meditsinskogo vmeshatel'stva [If the parent or other legal representative of the patient refuses medical intervention]. *Sport: ekonomika, pravo, upravlenie*. 1. pp. 7–9.
26. Salagaeva, E.S. (2007) *Pravovoe regulirovanie okazaniya meditsinskikh uslug nesovershennoletnim* [Legal regulation of the provision of medical services to minors]. Abstract of Law Cand. Diss. Moscow.
27. Konsul'tantPlyus. (2017) *Zaklyuchenie Komiteta po konstitutsionnomu zakonodatel'stvu i gosudarstvennomu stroitel'stvu ot 25.01.2016 Po proektu Federal'nogo zakona № 909843-6 "O vnesenii izmeneniy v Kodeks administrativnogo sudoproizvodstva Rossiyskoy Federatsii"* [Conclusion of the Committee on Constitutional Legislation and State Building of 25.01.2016 on the Draft Federal Law No. 909843-6 "On Amendments to the Code of Administrative Judicial Procedure of the Russian Federation"]. Moscow: Konsul'tantPlyus.

Received: 08 July 2017

Вестник Томского государственного университета. 2017. № 424. С. 216–225. DOI: 10.17223/15617793/424/31

УДК 343.13

В.Н. Григорьев

ШАНСЫ БОЛЬНОГО ВЫЖИТЬ ПРИ ЭКСТРАДИЦИИ (ЛАКУНЫ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ КАК УСЛОВИЕ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ПРАВОМ)

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научно-исследовательского проекта РФФИ (проект № 16-03-00413).

Рассмотрена проблема сохранения жизни задержанного в результате розыска обвиняемого в случае экстрадиции при выявлении у него тяжелого заболевания, препятствующего содержанию под стражей. Исследования показали, что на весь период экстрадиции обвиняемый может оказаться без квалифицированной медицинской помощи. Предлагается законодательное установление возможности изменения в такой ситуации меры пресечения в виде заключения под стражу на более мягкую по состоянию здоровья.

Ключевые слова: экстрадиция обвиняемого; международный розыск; препятствующее содержанию под стражей тяжелое заболевание; изменение меры пресечения; заключение под стражу; злоупотребление правом; лакуны в праве.

Верховный земельный суд в г. Мюнхене 30 ноября 2016 г. принял решение об отказе в экстрадиции из Федеративной Республики Германии в Российскую Федерацию для целей уголовного преследования гражданина Х., обвиняемого в мошенничестве, на том основании, что «требуется дальнейшее изучение вопроса о том, является ли экстрадиция обвиняемого в связи с состоянием его здоровья согласно § 73 IRG [1] недопустимой» [2].

Дело это оказалось весьма резонансным. Помимо того, что производство по нему вышло на международный уровень, оно и содержательно выбивается из ряда обычных дел. С одной стороны, проблема угрозы состоянию здоровья обвиняемых, оказавшихся под стражей, весьма актуальна в связи с тем, что они продолжают умирать в СИЗО. Только по данному делу, в частности, умер бывший глава банка «Огни Москвы». Суд отказывался переводить его из СИЗО под домашний арест [3]. С другой стороны, по данному делу было предъявлено обвинение в хищениях на суммы, превышающие десятки миллиардов рублей. Об актуальности затронутой ситуации свидетельствует и тот факт, что вопросы заключения под стражу больных, их экстрадиции уже длительное время постоянно находятся в поле зрения российского федерального законодателя. В частности, первое дополнение, содержащее нормы об изменении меры пресечения обвиняемым в связи с тяжелым заболеванием, было внесено в УПК РФ в 2010 г. [4], последнее, которому предшествовал ряд законопроектов [5, 6] – совсем недавно, в 2017 г. [7].

Все эти обстоятельства побудили к исследованию сложившейся ситуации.

В основе возникшей судебной коллизии лежит вопрос о существовании в российской пенитенциарной системе нормативно-правового механизма сохранения жизни обвиняемому при выявлении у него тяжелого заболевания, препятствующего содержанию под стражей, в период экстрадиции.

Проведенные исследования привели к следующим результатам:

1) возможность изменения экстрадируемому меры пресечения на не связанную с лишением свободы в период экстрадиции действующим законодательством Российской Федерации не предусмотрена;

2) медицинские учреждения пенитенциарной системы не располагают возможностями для поддержания жизнедеятельности содержащегося под стражей обвиняемого, страдающего тяжелым заболеванием, препятствующим его содержанию под стражей;

3) механизм оказания медицинской помощи вне СИЗО формально существует, но не справляется с возникающими ситуациями;

4) нормативно установленные сроки принятия решения об изменении меры пресечения обвиняемому, страдающему тяжелым заболеванием, препятствующим его содержанию под стражей, после экстрадиции при отсутствии системы поддержания жизнедеятельности более чем достаточны для наступления необратимых негативных последствий для здоровья больного;

5) органы прокуратуры, другие государственные органы Российской Федерации не могут предоставить обязательные к исполнению международные гарантии изменения меры пресечения при экстрадиции, т.е. легальный механизм выхода из этого замкнутого круга отсутствует.

Приведем некоторые обстоятельства, выявленные в результате проведенного исследования, свидетельствующие о реальности указанных результатов.

Первые обстоятельства касаются возможности (а точнее – невозможности) изменения меры пресечения в виде заключения под стражу на более мягкую при выявлении тяжелого заболевания, препятствующего содержанию под стражей, у обвиняемого, находящегося в розыске, на этапе экстрадиции. В ситуации, когда вынесено постановление о привлечении лица в качестве обвиняемого, это лицо объявлено в международный розыск и в отношении него избрана мера пресечения в виде заключения под стражу в его отсутствие в соответствии с ч. 5 ст. 108 УПК РФ (заочно) и лицо находится в розыске, применяется порядок, установленный в УПК РФ (ст. 460 «Направление запроса о выдаче лица, находящегося на территории иностранного государства») и в Инструкции по организации информационного обеспечения сотрудничества по линии Интерпола, утвержденной Приказом МВД РФ № 786, Минюста РФ № 310, ФСБ РФ № 470, ФСО РФ № 454, ФСКН РФ № 333, ФТС РФ № 971 от 6 октября 2006 г. (ред. от 22.09.2009) «Об утверждении Инструкции по организации информационного обеспечения сотрудничества

по линии Интерпола» [8], которая регламентирует действия по организации международного розыска.

После получения заключения Генеральной прокуратуры Российской Федерации о наличии оснований и намерений запрашивать арест и выдачу скрывшегося обвиняемого в случае установления его местонахождения на территории иностранного государства, НЦБ Интерпола направляет в одно или несколько иностранных государств – членов Интерпола, а также в Генеральный секретариат Интерпола запрос о розыске обвиняемого с целью его ареста и выдачи с ходатайством об издании международного уведомления с красным углом (red notice) («о розыске обвиняемого, осужденного, с целью его ареста и выдачи»).

Получив «красный циркуляр» (red notice – красный угол), каждое НЦБ оценивает изложенные в нем преступления с позиции национального уголовного законодательства и решает вопрос о допустимости объявления розыска на территории страны. При утвердительном решении всем полицейским органам дается команда начать розыск. В каждой стране это делается в соответствии с принятой практикой розыскной деятельности полиции. При обнаружении разыскиваемого лица полиция задерживает его, руководствуясь законами своей страны.

После задержания разыскиваемого полиция возбуждает перед ближайшим местным судом вопрос о его аресте для последующей выдачи. Основанием для взятия под стражу иностранца служит факт совершения им преступления в другой стране, о котором сообщается в постановлении о взятии под стражу, вынесенном в стране, инициировавшей розыск. В случаях, когда получение постановления об аресте из другой страны задерживается, судьи по месту задержания объявленного в розыск могут основать свое решение о его аресте «на красном циркуляре» Интерпола, который во многих странах рассматривается как международный приказ об аресте разыскиваемого лица.

Поступившее в НЦБ Интерпола от органа – инициатора объявления обвиняемого в международный розыск подтверждение личности и розыска задержанного за рубежом лица в срок не более трех часов передается в НЦБ Интерпола иностранного государства. Аналогично передается поступившее из Генеральной прокуратуры Российской Федерации сообщение о том, что ходатайство о выдаче задержанного за рубежом обвиняемого будет направлено в установленном порядке в компетентные органы иностранного государства.

НЦБ Интерпола России передает ходатайство Генеральной прокуратуры Российской Федерации о выдаче с заверенным переводом в НЦБ Интерпола иностранного государства с просьбой представить материалы на рассмотрение в компетентные органы. О принятом компетентными органами иностранного государства по ходатайству Генеральной прокуратуры Российской Федерации решении о выдаче обвиняемого, находившегося в международном розыске, НЦБ Интерпола МВД России в срок не более 24 часов с момента получения информации извещает Генеральную прокуратуру Российской Федерации и орган – инициатор объявления обвиняемого в международный розыск.

Орган, которому поручено принять выдаваемое лицо, через НЦБ Интерпола согласовывает с компетентными органами иностранного государства вопросы, касающиеся осуществления процедуры передачи обвиняемого, осужденного, находившегося в международном розыске: место, время, порядок передачи, перечень необходимых документов, состав конвоя и вопросы о его пребывании в иностранном государстве.

После доставления в Российскую Федерацию обвиняемого, находившегося в международном розыске, орган – инициатор объявления обвиняемого, осужденного в международный розыск, выносит и направляет в НЦБ Интерпола постановление о прекращении международного розыска. На этом процедура международного розыска в целом завершается.

Как видно из приведенных фрагментов нормативной процедуры международного розыска и экстрадиции обвиняемого в совершении преступления, вопрос об изменении ему меры пресечения в виде заключения под стражу на более мягкую не вписывается в нее. Сама по себе постановка такого вопроса противоречит логике развития событий, в основе которых – факт того, что обвиняемый уклоняется от российского правосудия. Именно этим обстоятельством продиктовано объявление его в розыск, целью которого являются арест и выдача скрывающегося от правосудия.

Факт выявления тяжелого заболевания, препятствующего содержанию под стражей, у обвиняемого, находящегося в розыске, на этапе экстрадиции, не меняет в целом ситуации. Во-первых, для обращения к вопросу об изменении или отмене меры пресечения в виде заключения под стражу необходимо, чтобы обвиняемый предстал перед правосудием в государстве – инициаторе розыска, что возможно только после экстрадиции. Стало быть, в период розыска и экстрадиции вопрос об изменении или отмене меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении скрывающегося беспредметен.

Во-вторых, установленный нормативными правовыми актами организационно-процедурный механизм изменения меры пресечения в виде заключения под стражу на более мягкую при выявлении у обвиняемого тяжелого заболевания, препятствующего его содержанию под стражей, может быть включен только тогда, когда это лицо уже находится под стражей. Использование этого механизма в ситуации, когда обвиняемый находится в розыске или на этапе экстрадиции, нормативными правовыми актами Российской Федерации не предусмотрено и практически не может быть реализовано. Поэтому вопрос изменения меры пресечения в порядке ч. 11 ст. 110 УПК РФ, предусматривающей изменение меры пресечения в виде заключения под стражу на более мягкую при выявлении у подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления тяжелого заболевания, препятствующего его содержанию под стражей и удостоверенного медицинским заключением, вынесенным по результатам медицинского освидетельствования, в период нахождения обвиняемого в розыске или на этапе экстрадиции исключается.

Второе обстоятельство, касающееся того, что медицинские ***учреждения пенитенциарной системы***

не располагают возможностями для поддержания жизнедеятельности содержащегося под стражей, страдающего тяжелым заболеванием, препятствующим его содержанию под стражей, вытекает из оказавшейся доступной переписки органов прокуратуры и медицинских учреждений ФСИН России, обнаруженной в материалах ксерокопии дела об экстрадиции из Федеративной Республики Германии в Российскую Федерацию гражданина России Х. в двух частях на 351 листе, находящегося с 2016 г. в производстве Генеральной прокуратуры Мюнхена [9].

В частности, в письме начальника Федерального казенного учреждения здравоохранения «Медико-санитарная часть № 77 Федеральной службы исполнения наказаний» от 29 апреля 2016 г. № 50/ТО/2/12-541 на тему «О представлении информации» по запросу прокуратуры города Москвы сказано: «…в условиях ФКУЗ МСЧ-77 ФСИН России гемодиализ не проводится». То есть медики без обиняков подтверждают отсутствие в российских пенитенциарных учреждениях необходимых условий для поддержания жизнедеятельности обвиняемого в совершении преступления, у которого выявлено тяжелое заболевание, на период процедур, связанных с решением вопроса об изменении ему содержания под стражей на более мягкую меру пресечения.

Что касается третьего обстоятельства – оказания медицинской помощи вне СИЗО, формально такой механизм существует, он предусмотрен в Правилах оказания лицам, заключенным под стражу или отбывающим наказание в виде лишения свободы, медицинской помощи в медицинских организациях государственной и муниципальной систем здравоохранения, а также приглашения для проведения консультаций врачей-специалистов указанных медицинских организаций при невозможности оказания медицинской помощи в учреждениях уголовно-исполнительной системы, утвержденных Постановлением Правительства Российской Федерации от 28 декабря 2012 г. № 1466 «Об утверждении Правил оказания лицам, заключенным под стражу или отбывающим наказание в виде лишения свободы, медицинской помощи в медицинских организациях государственной и муниципальной систем здравоохранения, а также приглашения для проведения консультаций врачей-специалистов указанных медицинских организаций при невозможности оказания медицинской помощи в учреждениях уголовно-исполнительной системы» [10]. В соответствии с данными Правилами обвиняемые вправе получать бесплатное медико-санитарное обеспечение, а при ухудшении состояния здоровья имеют право на медицинское освидетельствование, в том числе работниками других лечебных учреждений.

Тем не менее данный нормативно-правовой механизм не справляется с поставленными задачами, он в большей мере выполняет декоративную роль.

Так, Генеральная прокуратура Российской Федерации, например, в ответ на просьбу германской стороны о предоставлении дополнительных гарантий в отношении обеспечения надлежащей медицинской помощи экстрадируемому в письме от 23 января 2017 г. № 81/3-145-2016 отвечает, что к обвиняемому в случае выдачи будет применена мера пресечения в виде заключения под стражу, с учетом состояния здоровья он будет помещен в Федеральное казенное учреждение здравоохранения «Медико-санитарная часть № 77» Федеральной службы исполнения наказаний [которое по их собственному документальному признанию в этой ситуации бессильно чем-либо помочь], а при необходимости данная процедура будет проводиться на базе Городской клинической больницы № 57 Департамента здравоохранения города Москвы. Я позвонил в эту больницу по телефону, указанному на ее сайте. Ответившая сотрудница с пониманием ситуации твердо мне заявила, что процедуру гемодиализа они не проводят, и менее уверенно, сославшись на перманентные реорганизации, предложила уточнить по двум предоставленным ею мне телефонам, по которым, конечно же, никто не ответил.

Этот пример не в упрек учреждению здравоохранения, он – лишь иллюстрация отсутствия надлежащего механизма оказания квалифицированной медицинской помощи следственно арестованным. Ну а ярким [если такое слово здесь уместно] доказательством тому является смерть находившегося под арестом экс-главы банка «Огни Москвы» Дениса Морозова. Его обвиняли в хищении 7,5 млрд руб. во время работы в банке. Морозов страдал неизлечимым заболеванием и неоднократно жаловался на здоровье, но в изоляторе ему не проводили необходимые процедуры и суд отказывался перевести его под домашний арест. В СИЗО Морозову ни разу не делали переливания крови и другие необходимые ему процедуры, и в августе 2016 г. он первый раз попал в больницу. Там ему сделали операцию. Прямо из больницы его вернули в СИЗО. Швы снимали уже в следственном изоляторе. После операции самочувствие Морозова продолжило ухудшаться. 19 февраля Морозова вновь госпитализировали прямо из СИЗО-4 с острым нарушением мозгового кровообращения. Он был в критическом состоянии. В больнице он впал в кому и больше не пришел в себя. Во ФСИН заявили, что ничего не знают об обстоятельствах смерти Морозова. Источник агентства «Москва» в ведомстве сказал, что ФСИН не отслеживала информацию о состоянии здоровья экс-главы банка «Огни Москвы». По его словам, еще 9 марта, вскоре после его перевода из СИЗО в больницу, Басманный суд отправил Морозова под домашний арест. В этот день банкир уже находился в критическом состоянии в больнице [3].

Российские суды освобождают меньше 50% тяжелобольных заключенных. Об этом в начале мая 2017 г. заявила Уполномоченный по правам человека в России Татьяна Москалькова. Она предложила Президенту РФ обязать суды освобождать заключенных, у которых тяжелые заболевания. Сейчас, по ее словам, освободить тяжелобольного – «это право суда», а не обязанность: «Люди умирают в тюрьме, умирают, не дождавшись свободы, хотя они являются практически смертельно больными» [12].

Отмеченную негативную тенденцию практики содержания под стражей при наличии тяжелых заболеваний подтверждают такие резонансные случаи, как, например, дело Трифоновой В. (ч. 3 ст. 30 и ч. 4

ст. 159 УК РФ – покушение на мошенничество), которая скончалась 30 апреля 2010 г. в московском СИЗО № 1 «Матросская тишина» [11], или дело экс-замминистра ЖКХ Московской области Гусева В., арестованного по подозрению в хищении и растрате, который также скончался в московском СИЗО № 4 21 ноября 2016 г. [12]. По делу Трифоновой В. врачи дали заключение, что ей необходимы регулярная очистка крови (гемодиализ) и специализированное лечение, которое невозможно в условиях СИЗО, однако врачебное заключение не явилось препятствием ни для следователя выйти в суд с ходатайством о продлении срока содержания ее под стражей, ни для суда это ходатайство следователя удовлетворить. У Гусева В., по заключению медиков, был ряд серьезных болезней (сахарный диабет, гипертония, ишемическая болезнь сердца), которые также не стали препятствием для его нахождения под стражей до самой смерти.

Четвертое обстоятельство касается сроков. Речь идет о двух видах сроков: во-первых, сроков оказания медицинской помощи; во-вторых, сроков нахождения под стражей в условиях невозможности получить квалифицированную медицинскую помощь.

Что касается сроков оказания медицинской помощи, то, в частности, при почечной недостаточности необходимая процедура гемодиализа, судя по различным источникам [13, 14], как правило, выполняется три раза в неделю, каждая процедура длится от 2 до 4 часов.

Сроки же нахождения под стражей в условиях невозможности получить квалифицированную медицинскую помощь оказываются на порядок больше. Нормативно установленные сроки принятия решения об изменении меры пресечения обвиняемому, страдающему тяжелым заболеванием, препятствующим его содержанию под стражей, после экстрадиции при отсутствии системы поддержания жизнедеятельности более чем достаточны для наступления необратимых последствий для здоровья больного.

Чтобы быть конкретным, были предприняты детальные подсчеты времени, которое необходимо для решения вопроса об изменении меры пресечения в виде заключения под стражу на более мягкую при выявлении у обвиняемого в совершении преступления тяжелого заболевания, препятствующего его содержанию под стражей, после экстрадиции. Эти подсчеты основаны на Правилах медицинского освидетельствования подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений, утвержденных в соответствии со ст. 110 УПК РФ Постановлением Правительства Российской Федерации от 14 января 2011 г. № 3 «О медицинском освидетельствовании подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений» [15], которые содержат многочисленные нормы, устанавливающие различные сроки для отдельных действий.

Так, в соответствии с п. 3 Правил следователь либо начальник места содержания под стражей рассматривает заявление обвиняемого или ходатайство руководителя медицинского подразделения места содержания под стражей с прилагаемыми медицинскими документами и **в течение рабочего дня**, **следующего за днем их получения**, принимает решение о направлении обвиняемого на медицинское освидетельствование в медицинскую организацию государственной или муниципальной системы здравоохранения либо выносит постановление о мотивированном отказе в направлении на медицинское освидетельствование при отсутствии медицинских документов.

Стало быть, если обвиняемый, условно говоря, в понедельник передал следователю заявление, то последний в течение вторника примет по нему решение.

Далее, в соответствии с п. 6 Правил при принятии решения о направлении обвиняемого на медицинское освидетельствование, следователь либо начальник места содержания под стражей оформляет направление на медицинское освидетельствование. **Срок оформления направления Правилами не установлен**.

Будем исходить из того, что время на оформление решения входит в срок принятия этого решения, т.е. решение будет оформлено в течение вторника.

Далее, согласно п. 7 Правил, обвиняемый направляется на медицинское освидетельствование **не позднее 3 рабочих дней** со дня принятия решения о направлении на медицинское освидетельствование. Это будет уже пятница. За ней следуют два нерабочих дня – суббота и воскресенье.

Согласно п. 11 Правил медицинское освидетельствование проводится **в течение 5 рабочих дней** со дня поступления в медицинскую организацию направления на медицинское освидетельствование с вынесением медицинского заключения по форме, утвержденной Постановлением Правительства Российской Федерации от 14 января 2011 г. № 3.

Стало быть, освидетельствование в нашем условном подсчете будет длиться с понедельника по пятницу. Далее опять следуют два нерабочих дня – суббота и воскресенье.

В соответствии с п. 12 Правил по результатам медицинского освидетельствования врачебная комиссия выносит медицинское заключение о наличии или отсутствии у обвиняемого тяжелого заболевания, включенного в перечень, либо **о продлении срока медицинского освидетельствования** в связи с необходимостью проведения дополнительного обследования (**не более 30 рабочих дней**). Положим, что срок медицинского освидетельствования не продлевался.

Далее, согласно п. 13 Правил, **в течение рабочего дня**, **следующего за днем вынесения медицинского заключения** о наличии или об отсутствии у обвиняемого тяжелого заболевания, включенного в перечень, руководитель медицинской организации направляет указанное медицинское заключение начальнику места содержания под стражей с приложением медицинских документов. Это уже понедельник.

После этого в соответствии с п. 14 Правил копии медицинского заключения о наличии или отсутствии у обвиняемого тяжелого заболевания, включенного в перечень, направляются либо вручаются под подпись начальником места содержания под стражей следователю, обвиняемому и его защитнику **в течение календарного дня, следующего за днем поступления** медицинского заключения в администрацию места содержания под стражей. Это вторник, **16-й день процедуры** по изменению меры пресечения в виде заключения под стражу на более мягкую при выявле-

нии у обвиняемого в совершении преступления тяжелого заболевания, препятствующего его содержанию под стражей, после экстрадиции.

Далее, в соответствии с ч. 1^1 и ч. 3 ст. 110 УПК РФ, следователь с согласия руководителя следственного органа выносит постановление об отмене или изменении меры пресечения. Срок, в течение которого следователь должен вынести указанное постановление после получения медицинского заключения о наличии у обвиняемого тяжелого заболевания, уголовно-процессуальным законом долгое время **не был установлен**. Попытки законодательно определить такой срок увенчались успехом не сразу. В частности, Законопроект о включении в ст. 110 УПК РФ нормы о том, чтобы лицо (орган), в производстве которого находится уголовное дело, не позднее трех суток после получения копии медицинского заключения о наличии у подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления тяжелого заболевания, препятствующего его содержанию под стражей, принимало решение об изменении меры пресечения на более мягкую, был внесен в Государственную Думу ФС РФ еще в мае 2014 г. [5]. Повторно аналогичный по содержанию законопроект внесен в Государственную Думу ФС РФ 17 ноября 2016 г. [6]. 20 декабря 2016 г. принято решение перенести рассмотрение указанного проекта федерального закона с 21 декабря на более поздний срок. 15 февраля 2017 г. Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации постановила принять данный проект федерального закона в первом чтении [6, 16]. И лишь Федеральным законом от 1 июля 2017 г. № 137-ФЗ «О внесении изменения в статью 110 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» [7] указанное дополнение в УПК РФ внесено. Следовательно, к указанному сроку необходимо прибавить **еще три дня**.

Таким образом, нормативно определенный срок от момента представления ходатайства следователю о направлении на медицинское освидетельствование экстрадированного лица до возможного принятия решения об изменении меры пресечения может составить с учетом выходных **до 19 дней**.

Трудно представить, что будет с больным, если он пропустит порядка 10 процедур гемодиализа подряд.

Теоретически можно предположить возможность сокращения этого срока за счет выполнения каких-то действий в течение не трех-пяти, как это установлено, а одного-двух рабочих дней. Однако с учетом того, что эти процедуры выполняются наряду с прочей текущей работой и включают в себя как собственно содержательное выполнение действий, так и передачу материалов из одного органа в другой с прохождением необходимых канцелярских процедур, на практике это маловероятно.

Более обоснованным является предположение о фактическом увеличении времени на решение об изменении меры пресечения экстрадированному за счет добавления как нормативно определенных периодов времени, которые не были включены в произведенные выше расчеты, так и периодов времени, которые объективно присутствуют, но нормативно не определены (время на конвоирование экстрадированного к месту содержания под стражей, время на оформление направления на медицинское освидетельствование, время на исполнение вынесенного следователем постановления об отмене или изменении меры пресечения через администрацию места содержания под стражей), а также влияния на продолжительность выполняемых процедур так называемого «человеческого фактора».

Следует учесть также повсеместно присутствующие на практике бюрократические приемы увеличения сроков на производство тех или иных действий.

Обозначенный выше период времени в 19 дней может увеличиться также на сроки, необходимые для обжалования действий или бездействия следователя, установленные гл. 16 УПК РФ. Срок обжалования таких действий следователя, например, как отказ в направлении обвиняемого на медицинское освидетельствование или бездействие при получении медицинского заключения о наличии заболевания, может составить в соответствии с ч. 1 ст. 124 УПК РФ от 3 до 10 суток.

Наконец, пятое обстоятельство, касающееся легального механизма выхода из этого замкнутого круга. Есть ли у органов прокуратуры, на которые возлагаются основные хлопоты по выдаче объявленного в международный розыск обвиняемого, других государственных органов Российской Федерации полномочия об изменении обвиняемому меры пресечения на этапе экстрадиции?

В ситуации объявления обвиняемого в международный розыск, наличия принятого в соответствии с ч. 5 ст. 108 УПК РФ решения об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в отсутствие обвиняемого органы прокуратуры непосредственно участвуют в вопросе выдачи лица для уголовного преследования. Так, в соответствии с ч. 3 ст. 460 УПК РФ при возникновении необходимости запроса о выдаче лица, находящегося на территории иностранного государства, и наличии для этого оснований и условий все необходимые материалы предоставляются в Генеральную прокуратуру Российской Федерации для решения вопроса о направлении в соответствующий компетентный орган иностранного государства запроса о выдаче лица, находящегося на территории данного государства.

В решении процессуальных вопросов по уголовному делу роль органов прокуратуры сводится лишь к полномочиям прокурора, предусмотренным ст. 37 УПК РФ во взаимосвязи со ст. 124 УПК РФ. Прокурор может признать незаконными действия или бездействие, процессуальные решения следователя и требовать от следственных органов устранения нарушений закона, однако действующее уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации не предусматривает их соподчинения или согласования следователями с органами прокуратуры процессуальных решений, а тем более – наличия у прокуратуры каких-то собственных полномочий в этой сфере. Ни у прокуратуры как государственного органа, ни у прокуроров как должностных лиц нет полномочий давать какие-бы то ни было обязательные к исполнению международные гарантии приня-

тия тех или иных процессуальных решений по конкретным уголовным делам.

В части изменения меры пресечения при наличии у экстрадируемого лица тяжелого заболевания органы прокуратуры могут гарантировать лишь то, что все должностные лица, причастные к процедуре выдачи обвиняемого и последующему производству по уголовному делу, будут действовать в соответствии с установленным законом порядком. Гарантиями, по сути, являются соответствующие положения законодательства, а не какие-то абстрактные слова или заклинания. На это обстоятельство обратил внимание Верховный Суд Российской Федерации в Постановлении Пленума от 14 июня 2012 г. № 11 (ред. от 03.03.2015) «О практике рассмотрения судами вопросов, связанных с выдачей лиц для уголовного преследования или исполнения приговора, а также передачей лиц для отбывания наказания» [17] (п. 11).

Сказанное находит подтверждение в представленной переписке правоохранительных органов Российской Федерации и ФРГ по поводу экстрадиции обвиняемого Х., в частности в письме заместителя Генерального прокурора РФ Федеральному министру юстиции и защиты прав потребителей ФРГ от 12 мая 2016 г. и в письме помощника Генерального прокурора РФ в Федеральное ведомство юстиции ФРГ от 26 сентября 2016 г.

Так, в письме заместителя Генерального прокурора РФ от 12 мая 2016 г. «гарантии» касаются только целей преследования, предоставления защиты и исключения пыток, жестокого, бесчеловечного, унижающего достоинство обращения или наказания. Что же касается изменения меры пресечения страдающему тяжелым заболеванием, в этой части в письме никаких гарантий не формулируется. В нем содержится только разъяснение действующего в России порядка. В частности, в упомянутом письме сказано: «Принимая во внимание, что в соответствии с российским законодательством заболевание, диагностированное у Х. германскими врачами, исключает содержание его под стражей в Российской Федерации, в случае выдачи его в Россию и подтверждения диагноза, органами предварительного следствия будет рассмотрен вопрос об изменении ему меры пресечения в виде заключения под стражу на иную, не связанную с содержанием лица в следственном изоляторе».

Приведенные в письме «гарантии» правильные и точные, в том числе, потому, что не содержат никаких гарантий изменения меры пресечения при экстрадиции.

В письме помощника Генерального прокурора РФ от 26 сентября 2016 г. ситуация несколько искажается: приведенное выше «разъяснение» порядка выдается за некую «гарантию», что, впрочем, не меняет сути вопроса. В данном письме прямо записано, что в случае выдачи Х. ожидает не изменение меры пресечения, а [в соответствии с установленным порядком] помещение в пенитенциарное учреждение (в данном случае – в следственный изолятор) с последующим прохождением всей описанной выше весьма продолжительной процедуры.

Другие государственные органы Российской Федерации, так или иначе причастные к осуществлению уголовного преследования либо к процедуре выдачи лица для уголовного преследования (экстрадиции), такие, например, как Министерство юстиции Российской Федерации, Министерство иностранных дел Российской Федерации, Следственный комитет Российской Федерации, Министерство внутренних дел Российской Федерации, так же как и Прокуратура Российской Федерации, не имеют полномочий давать какие бы то ни было обязательные к исполнению международные гарантии принятия тех или иных процессуальных решений по конкретным уголовным делам при экстрадиции, тем более если подобные гарантии не предусмотрены законом. Не наделены такими полномочиями ни Председатель Правительства, ни Президент Российской Федерации. В силу конституционного принципа разделения властей они вообще не вмешиваются в судебное производство по конкретным делам.

Уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации предусматривает возможность изменения меры пресечения при выявлении у обвиняемого заболевания, препятствующего содержанию его под стражей, – реализация этой возможности находится в компетенции органов предварительного следствия, однако ни органы прокуратуры, ни другие указанные государственные органы не имеют к процедуре изменения меры пресечения никакого отношения и соответственно не могут давать каких-либо обязательных к исполнению международных гарантий на этот счет.

Гарантии конкретного изменения меры пресечения исключены и со стороны органов предварительного следствия. Они могут гарантировать лишь рассмотрение данного вопроса в установленном порядке, тем более что выявленное германскими врачами у лица заболевание предварительно должно быть подтверждено в порядке, установленном российскими нормативными правовыми актами, в частности Правилами, утвержденными Постановлением Правительства РФ от 14 января 2011 г. № 3 «О медицинском освидетельствовании подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений».

Поэтому в случае экстрадиции обвиняемый будет помещен в следственный изолятор, а вопрос об изменении ему меры пресечения в связи с наличием тяжелого заболевания будет рассмотрен в порядке, описанном выше. Об этом прямо упоминается в письме помощника Генерального прокурора РФ в Федеральное ведомство юстиции ФРГ от 26 сентября 2016 г., в котором, в частности, говорится, что обвиняемый «до принятия решения об изменении меры пресечения… будет содержаться в пенитенциарном учреждении [т.е. в следственном изоляторе]».

Замечу, что тема изменения меры пресечения лицу, выданному по международному запросу (экстрадированному), в стране – инициаторе розыска вообще не фигурирует в юридическом обиходе. Самое близкое к этой теме, что удалось обнаружить в опубликованных исследованиях, – это изменение меры пресечения (освобождение из-под стражи) лицу, которое

задержано в результате международного розыска, в стране, где было произведено задержание, на период до принятия в отношении него решения о выдаче, а точнее – до начала исполнения такого решения [18? 19]. С началом исполнения решения об экстрадиции лицо берется под стражу с целью передачи спецконвою, направляемому запрашивающей стороной, и вся наука и практикующие специалисты по экстрадиции, по определению обслуживающие действующий порядок судопроизводства, на этом замолкают, потому что такого порядка не существует. Лицо препровождается в страну – инициатор розыска в арестованном состоянии и далее в отношении него действует обычный национальный порядок обращения с заключенными под стражу обвиняемыми в совершении преступления. Было бы наивным полагать, что этот порядок начинается с освобождения из-под стражи только что доставленного из-за границы «беглого» обвиняемого.

В связи с изложенным требования Верховного земельного суда в г. Мюнхене от 30 ноября 2016 г. о предоставлении дополнительных обязательных к исполнению международных гарантий об изменении меры пресечения как условия рассмотрения вопроса о допустимости экстрадиции являются с точки зрения действующего в Российской Федерации законодательства невыполнимыми.

Данное обстоятельство следует оценивать с учетом реальной ситуации, существующей в системе правосудия в Российской Федерации. Во-первых, возможность изменения экстрадированному лицу меры пресечения в виде заключения под стражу на более мягкую при выявлении у него тяжелого заболевания, препятствующего его содержанию под стражей, лишь в условиях нахождения его до этого момента под стражей. Во-вторых, относительная длительность сроков процедур, которые могут потребоваться для изменения меры пресечения в виде заключения под стражу на более мягкую при выявлении у обвиняемого в совершении преступления тяжелого заболевания, препятствующего его содержанию под стражей, после экстрадиции. В-третьих, отсутствие в российских пенитенциарных учреждениях необходимых условий для поддержания жизнедеятельности обвиняемого в совершении преступления, у которого выявлено тяжелое заболевание, на период процедур, связанных с решением вопроса об изменении ему содержания под стражей на более мягкую меру пресечения.

Эти обстоятельства в их взаимосвязи убеждают в том, что в результате экстрадиции обвиняемый Х., страдающий почечной недостаточностью, окажется в неблагоприятной ситуации, которая может повлечь необратимые осложнения состояния его здоровья.

В соответствии с п. «в» ст. 1 Федерального закона от 25 октября 1999 г. № 190-ФЗ «О ратификации Европейской конвенции о выдаче дополнительного Протокола и второго дополнительного Протокола к ней» [20, 21] Российская Федерация, принимая решение о ратификации указанной Конвенции, оставила за собой право отказать в выдаче, исходя из соображений гуманности, когда имеются основания полагать, что выдача лица может повлечь для него серьезные осложнения по причине его преклонного возраста или состояния здоровья.

В этой связи обоснованным будет утверждение, что, действуя на основе принципа взаимности, органы юстиции ФРГ, учитывая указанную возможность у органов прокуратуры РФ, принимая во внимание изложенные обстоятельства, могут по тем же основаниям отказать органам прокуратуры Российской Федерации в выдаче лица в связи с опасениями, что такая выдача может повлечь для него серьезные осложнения по причине состояния здоровья.

В противном случае на весь период экстрадиции обвиняемый может оказаться без квалифицированной медицинской помощи. Лечебные учреждения ФСИН России сами подтверждают отсутствие в российских пенитенциарных учреждениях необходимых условий для поддержания жизнедеятельности обвиняемого в совершении преступления при тяжелом заболевании, препятствующем его содержанию под стражей. Подобная ситуация для таких лиц является критической и отчасти служит одним из оснований скрываться от правосудия. Это же обстоятельство лежит и в основе решений зарубежных органов юстиции об отказе в выдаче задержанных обвиняемых, объявленных в России в международный розыск, в связи с опасениями, что такая выдача может повлечь для них серьезные осложнения по причине состояния здоровья.

В результате сложившийся порядок приводит к патовой ситуации: зарубежные органы юстиции обусловливают выдачу обвиняемого созданием условий, исключающих угрозу его здоровью, в частности изменением меры пресечения в виде заключения под стражу на более мягкую, а российские органы юстиции гарантируют решить этот вопрос лишь в порядке и сроки, которые с очевидностью чреваты летальным исходом.

Выход из этой ситуации видится в том, чтобы допустить возможность изменения меры пресечения в виде заключения под стражу на более мягкую в период экстрадиции. Однако пока обвиняемый не предстал реально перед российским правосудием, нормативные основания для этого отсутствуют. В таких условиях ни следователь, ни контролирующие и надзорные инстанции формально не вправе принимать решение об изменении меры пресечения. Решившийся на это без промедления попадает под пресс борьбы с коррупцией. Поэтому выход видится в нормативном дополнении оснований для изменения меры пресечения, которые создали бы достаточно четкий правовой механизм для разрешения этой ситуации, исключающий возможность злоупотребления следователем и судом своими дискреционными полномочиями [22–25].

Полагаю, что последующее исключение такому обвиняемому возможности вновь скрыться – в современных российских условиях в значительной мере вопрос техники и профессионализма.

P.S. Завершая исследование, я поинтересовался у адвоката, представлявшего на этапе экстрадиции интересы Х., почему следователь не идет на изменение меры пресечения на несвязанную с содержанием под стражей: какая разница, в каком виде он предстанет перед российским правосудием – в арестованном или

под домашним арестом. На тот момент отсутствие вразумительного ответа об изменении меры пресечения на несвязанную с содержанием под стражей оставалось единственным препятствием для принятия германской стороной решения о выдаче обвиняемого. С легким прищуром взглянув на меня, умудренный опытом адвокат, как всегда, не спеша ответил: «Вы же сами убедились, что формально это будет не по закону, а по такому резонансному делу легко попасть под каток борьбы с коррупцией». «А Вы уверены, – добавил он после некоторой паузы, – что его выдача сегодня кому-то нужна…»

Далее, как говорится, без комментариев. Что же касается шансов больного при существующей системе выжить при экстрадиции, остается только пожелать тому, кто в подобной ситуации будет утверждать их наличие, избежать возможности убедиться в своей правоте методом включенного наблюдения.

ЛИТЕРАТУРА

1. IRG=Gesetz über internationale Rechtshilfe in Strafsachen (Закон ФРГ о международной правовой помощи по уголовным делам от 23 декабря 1982 г., в редакции от 27 июня 1994 с последующими дополнениями // Официальное издание Gezetz uber die internationale Rechtshilfe in Strafsachen (IRG). BGBI, 1994. I.S. 1537. Ausgegeben zu Bonn am 22. Juni 1994.
2. Решение Верховного земельного суда в г. Мюнхене от 30.11.2016 г. по делу № 1 AR 143/16 (31 Ausl A 462/16 Генеральная прокуратура, г. Мюнхен) об экстрадиции из Федеративной Республики Германии в Российскую Федерацию для целей уголовного преследования [Х.], обвиняемого в мошенничестве [ксерокопия].
3. Бывший глава банка «Огни Москвы» умер в больнице. Суд отказывался переводить его из СИЗО под домашний арест. URL: https://meduza.io/feature/2017/06/05/byvshiy-glava-banka-ogni-moskvy-umer-v-bolnitse-sud-otkazyvalsya-perevodit-ego-iz-sizo-pod-domashniy-arest (дата обращения: 21.07.2017).
4. Федеральный закон от 29 декабря 2010 года № 434-ФЗ «О внесении изменений в статью 110 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и статью 24 Федерального закона “О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений”» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 1. Ст. 46.
5. Паспорт проекта Федерального закона № 527041-6 «О внесении изменений в статью 110 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с необходимостью установления предельного срока изменения меры пресечения в виде заключения под стражу на более мягкую при выявлении у подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления тяжелого заболевания, препятствующего его содержанию под стражей и удостоверенного медицинским заключением, вынесенным по результатам медицинского освидетельствования» // КонсультантПлюс (дата обращения: 21.07.2017).
6. Паспорт проекта Федерального закона № 30082-7 «О внесении изменения в статью 110 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» (в части установления предельного срока изменения меры пресечения в связи с тяжелым заболеванием) // КонсультантПлюс (дата обращения: 21.07.2017).
7. Федеральный закон от 1 июля 2017 года № 137-ФЗ «О внесении изменения в статью 110 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2017. № 27. Ст. 3934.
8. Инструкция по организации информационного обеспечения сотрудничества по линии Интерпола. Утверждена Приказом МВД РФ № 786, Минюста РФ № 310, ФСБ РФ № 470, ФСО РФ № 454, ФСКН РФ № 333, ФТС РФ № 971 от 06.10.2006 (ред. от 22.09.2009) «Об утверждении Инструкции по организации информационного обеспечения сотрудничества по линии Интерпола» (Зарегистрировано в Минюсте РФ 03.11.2006 № 8437) // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2006. № 47; 2009. № 44.
9. Дело об экстрадиции из Федеративной Республики Германии в Российскую Федерацию Х., находящееся с 2016 года в производстве Генеральной прокуратуры Мюнхена. В 2 частях на 351 листе [ксерокопия].
10. Постановление Правительства Российской Федерации от 28 декабря 2012 года № 1466 «Об утверждении Правил оказания лицам, заключенным под стражу или отбывающим наказание в виде лишения свободы, медицинской помощи в медицинских организациях государственной и муниципальной систем здравоохранения, а также приглашения для проведения консультаций врачей-специалистов указанных медицинских организаций при невозможности оказания медицинской помощи в учреждениях уголовно-исполнительной системы» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2013. № 1. Ст. 61.
11. Дело скончавшейся в СИЗО Веры Трифоновой возвращено в прокуратуру. URL: https://lenta.ru/news/2013/04/29/back1/ (дата обращения: 21.07.2017).
12. Экс-замминистра ЖКХ Подмосковья Гусев умер в СИЗО на прогулке. URL: http://www.mk.ru/social/2016/11/21/ekszamministra-zhkkh-podmoskovya-gusev-umer-v-sizo-na-progulke.html (дата обращения: 21.07.2017).
13. Почечная недостаточность. URL: http://da-med.ru/diseases/cat-77/d-346/page-2.html (дата обращения: 21.07.2017).
14. Гемодиализ: все, что нужно знать. URL: http://transplantology.net/patsientam/gemodializ-vse-chto-nuzhno-znat/ (дата обращения: 21.07.2017).
15. Постановление Правительства Российской Федерации от 14 января 2011 года № 3 (ред. 04.09.2012 № 882) «О медицинском освидетельствовании подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 4. Ст. 608; 2012. № 37. Ст. 5002.
16. Постановление Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 15 февраля 2017 года № 946-7 ГД «О проекте Федерального закона № 30082-7 «О внесении изменения в статью 110 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» (в части установления предельного срока изменения меры пресечения в связи с тяжелым заболеванием)» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2017. № 9. Ст. 1288.
17. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 14 июня 2012 года № 11 (ред. от 03.03.2015) «О практике рассмотрения судами вопросов, связанных с выдачей лиц для уголовного преследования или исполнения приговора, а также передачей лиц для отбывания наказания» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2012. № 8.
18. Задержание и мера пресечения в процессе экстрадиции из Испании. URL: http://stopextradition.com/zaderzhanie-i-mera-presechenia/ (дата обращения: 21.07.2017).
19. Изменение меры пресечения в процессе экстрадиции из Испании. URL: http://stopextradition.com/izmenenie-mery-presecheniya/ (дата обращения: 21.07.2017).
20. Европейская конвенция о выдаче (заключена в г. Париже 13 декабря 1957 года) (с изм. от 17.03.1978). Конвенция ратифицирована Федеральным законом от 25 октября 1999 года № 190-ФЗ с оговорками и заявлениями // Собрание законодательства Российской Федерации. 2000. № 23. Ст. 2348.
21. Федеральный закон от 25 октября 1999 года № 190-ФЗ «О ратификации Европейской конвенции о выдаче, дополнительного Протокола и второго дополнительного Протокола к ней» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1999. № 43. Ст. 5129.
22. Андреева О.И. Злоупотребление субъективным правом в уголовном процессе: проблемы правового регулирования // Вестник Самарского юридического института. 2015. № 2 (16). С. 9–13.
23. Григорьев В.Н., Победкин А.В., Яшин В.Н., Калинин В.Н. Прокурорский надзор : учеб. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Эксмо, 2009. 544 с.

24. Трубникова Т.В. Злоупотребление правом в уголовном процессе: критерии и пределы вмешательства со стороны государства // Вестник Томского государственного университета. Право. 2015. № 3 (17). С. 65–78.
25. Григорьев В.Н. Решение Европейского суда по правам человека в деле «Лялякин против Российской Федерации»: было ли злоупотребление полномочиями? // Уголовная юстиция. 2016. № 1 (7). С. 29–36.

Статья представлена научной редакцией «Право» 25 сентября 2017 г.

THE PATIENT'S CHANCES OF SURVIVING EXTRADITION (LACUNAE IN LEGISLATION AS A CONDITION OF ABUSE OF LAW)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 424, 216–225.
DOI: 10.17223/15617793/424/31

Viktor N. Grigoryev, All-Russian Advanced Training Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation (Domodedovo, Russian Federation); Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia (Moscow, Russian Federation). E-mail: grigorev.viktor@gmail.com

Keywords: extradition of the accused; international wanted list; serious illness impeding detention; changing measure of restraint; taking into custody; abuse of law; lacunae in law.

By scientifically analysing a concrete practical situation, the author considers the problem related to the need in the Russian penitentiary system for a normative legal mechanism to preserve the life of the accused during extradition if their serious illness that impedes detention has been detected. The research has led to the following results: 1) the current legislation of the Russian Federation does not provide for the opportunity to change the measure of restraint not related to the deprivation of liberty for a person during extradition; 2) medical institutions of the penitentiary system do not have the capacity to support the life of an accused detainee suffering from a serious illness that impedes detention; 3) the mechanism for providing medical assistance outside the remand centre exists formally, but does not really cope with emerging situations; 4) the statutory deadline for making a decision to change the measure of restraint for an accused suffering from a serious illness that impedes detention, after extradition, in the absence of a life support system in the remand prison, is more than sufficient to cause irreversible negative consequences for the patient's health; 5) the prosecution authorities and other state bodies of the Russian Federation can not give mandatory guarantees for changing the measure of restraint upon extradition, i.e. there is no legal mechanism for getting out of this closed circle. As a result, during extradition, the accused can be left without qualified medical assistance. Such a situation is critical for persons with serious illnesses and partly serves as one of the bases for escaping justice. The same circumstance underlies decisions of foreign judicial bodies on the refusal to extradite the detained accused persons put on the international wanted list in Russia. On the basis of normative legal acts and other sources, the judicial practice and theoretical provisions reflecting the law-governed processes in the sphere under consideration are generalised, the reasoned provisions and recommendations, proposals for improving the legal mechanism for the extradition of the accused are formulated. In particular, a means of overcoming the arisen barrier with extradition could be to change the measure of restraint to a milder one if there is a serious illness that prevents detention of the accused on the wanted list already at the stage of extradition. In order to meet the requirements of foreign justice bodies that allow to extradite the accused by creating conditions that preclude the threat to their health and to achieve the purpose of criminal proceedings, it is proposed to provide for the opportunity in the law of changing the measure of restraint to a milder one during extradition for health reasons.

REFERENCES

1. Gezetz uber die internationale Rechtshilfe in Strafsachen (IRG). (1994) IRG=Gesetz über internationale Rechtshilfe in Strafsachen [German Federal Law on International Legal Assistance in Criminal Matters of December 23, 1982, as amended on June 27, 1994, with subsequent amendments]. *Gezetz uber die internationale Rechtshilfe in Strafsachen (IRG)*. 1537. 22 June.
2. Supreme Land Court in Munich. (2016) *Reshenie Verkhovnogo zemel'nogo suda v g. Myunkhene ot 30.11.2016 g. po delu № 1 AR 143/16 (31 Ausl A 462/16 General'naya prokuratura, g. Myunkhen) ob ekstraditsii iz Federativnoy Respubliki Germanii v Rossiyskuyu Federatsiyu dlya tseley ugolovnogo presledovaniya [X.], obvinyaemogo v moshennichestve* [Decision of the Supreme Land Court in Munich on November 30, 2016 onn case No. 1 AR 143/16 (31 Ausl A 462/16 Prosecutor General's Office, Munich) on extradition from the Federal Republic of Germany to the Russian Federation for the purposes of criminal persecution of [X.], accused of fraud]. [A photocopy].
3. Meduza.io. (2017) *Byvshiy glava banka "Ogni Moskvy" umer v bol'nitse. Sud otkazyvalsya perevodit' ego iz SIZO pod domashniy arest* [The former head of the bank Ogni Moskvy died in the hospital. The court refused to transfer him from the detention facility under house arrest]. [Online] Available from: https://meduza.io/feature/2017/06/05/byvshiy-glava-banka-ogni-moskvy-umer-v-bolnitse-sud-otkazyvalsya-perevodit-ego-iz-sizo-pod-domashniy-arest. (Accessed: 21.07.2017).
4. Russian Federation. (2011) Federal'nyy zakon ot 29 dekabrya 2010 goda № 434-FZ "O vnesenii izmeneniy v stat'yu 110 Ugolovno-protsessual'nogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii i stat'yu 24 Federal'nogo zakona "O soderzhanii pod strazhey podozrevaemykh i obvinyaemykh v sovershenii prestupleniy" [Federal Law No. 434-FZ of 29 December 2010 "On Amending Article 110 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation and Article 24 of the Federal Law "On the Detention of Suspects and Accused of Committing Crimes"]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii.* 1. Art. 46.
5. Konsul'tantPlyus. (2017) *Pasport proekta Federal'nogo zakona № 527041-6 "O vnesenii izmeneniy v stat'yu 110 Ugolovno-protsessual'nogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii v svyazi s neobkhodimost'yu ustanovleniya predel'nogo sroka izmeneniya mery presecheniya v vide zaklyucheniya pod strazhu na bolee myagkuyu pri vyyavlenii u podozrevaemogo ili obvinyaemogo v sovershenii prestupleniya tyazhelogo zabolevaniya, prepyatstvuyushchego ego soderzhaniyu pod strazhey i udostoverennogo meditsinskim zaklyucheniem, vynesennym po rezul'tatam meditsinskogo osvidetel'stvovaniya"* [Passport of the draft Federal Law No. 527041-6 "On Amendments to Article 110 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation in connection with the need to establish a deadline for changing the measure of restraint in the form of arrest to a milder one if a suspect or accused has a serious illness that prevents their detention and is certified by a medical certificate issued on the basis of the results of a medical examination"]. Moscow: Konsul'tantPlyus.
6. Konsul'tantPlyus. (2017) *Pasport proekta Federal'nogo zakona № 30082-7 "O vnesenii izmeneniya v stat'yu 110 Ugolovno-protsessual'nogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii" (v chasti ustanovleniya predel'nogo sroka izmeneniya mery presecheniya v svyazi s tyazhelym zabolevaniem)* [Passport of the draft Federal Law No. 30082-7 "On Amending Article 110 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation" (regarding the setting of the deadline for changing the measure of restraint in connection with a serious illness)]. Moscow: Konsul'tantPlyus.
7. Russian Federation. (2017) Federal'nyy zakon ot 1 iyulya 2017 goda № 137-FZ "O vnesenii izmeneniya v stat'yu 110 Ugolovno-protsessual'nogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii" [Federal Law of 1 July 2017 No. 137-FZ "On Amending Article 110 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation"]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*. 27. Art. 3934.

8. Byulleten' normativnykh aktov federal'nykh organov ispolnitel'noy vlasti. (2006) Instruktsiya po organizatsii informatsionnogo obespecheniya sotrudnichestva po linii Interpola. Utverzhdena Prikazom MVD RF № 786, Minyusta RF № 310, FSB RF № 470, FSO RF № 454, FSKN RF № 333, FTS RF № 971 ot 06.10.2006 (red. ot 22.09.2009) "Ob utverzhdenii Instruktsii po organizatsii informatsionnogo obespecheniya sotrudnichestva po linii Interpola" (Zaregistrirovano v Minyuste RF 03.11.2006 № 8437) [Instruction on the organization of information support for cooperation through Interpol. Approved by the Order of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation No. 786, the Ministry of Justice of the Russian Federation No. 310, the Federal Security Service of the Russian Federation No. 470, the Federal Service of the Russian Federation No. 454, the Federal Drug Control Service of the Russian Federation No. 333, the Federal Customs Service of the Russian Federation No. 971 of 06.10.2006 (Edited on September 22, 2009) "On ensuring cooperation through Interpol" (Registered in the Ministry of Justice of the Russian Federation on 03.11.2006 No. 8437)]. *Byulleten' normativnykh aktov federal'nykh organov ispolnitel'noy vlasti.* 47.
9. Anon. (c. 2016) *Delo ob ekstraditsii iz Federativnoy Respubliki Germanii v Rossiyskuyu Federatsiyu X., nakhodyashcheesya s 2016 goda v proizvodstve General'noy prokuratury Myunkhena. V 2 chastyakh na 351 liste* [A case on extradition from the Federal Republic of Germany to the Russian Federation of X., in the proceedings of the General Prosecutor's Office of Munich since 2016. In 2 parts on 351 sheets]. [A photocopy].
10. Russian Federation. (2013) Postanovlenie Pravitel'stva Rossiyskoy Federatsii ot 28 dekabrya 2012 goda № 1466 "Ob utverzhdenii Pravil okazaniya litsam, zaklyuchennym pod strazhu ili otbyvayushchim nakazanie v vide lisheniya svobody, meditsinskoy pomoshchi v meditsinskikh organizatsiyakh gosudarstvennoy i munitsipal'noy sistem zdravookhraneniya, a takzhe priglasheniya dlya provedeniya konsul'tatsiy vracheyspetsialistov ukazannykh meditsinskikh organizatsiy pri nevozmozhnosti okazaniya meditsinskoy pomoshchi v uchrezhdeniyakh ugolovno-ispolnitel'noy sistemy" [Decree of the Government of the Russian Federation of December 28, 2012, No. 1466 "On the approval of the rules for the provision of medical assistance to persons arrested or serving sentences in prison in medical organizations of the state and municipal health care systems, invitation of specialists of the specified medical organizations for consultations in case of impossibility of rendering medical aid in establishments of the penal system"]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*. 1. Art. 61.
11. Meduza.io. (2017) *Byvshiy glava banka "Ogni Moskvy" umer pod arestom* [The former head of the bank Ogni Moskvy died under arrest]. [Online] Available from: https://meduza.io/news/2017/06/05/byvshiy-glava-banka-ogni-moskvy-umer-pod-arestom-ego-obvinyali-v-hischenii-7-5-milliarda-rubley. (Accessed: 21.07.2017).
12. Meduza.io. (2017) *Byvshiy glava banka "Ogni Moskvy" umer v bol'nitse. Sud otkazyvalsya perevodit' ego iz SIZO pod domashniy arest* [The former head of the bank Ogni Moskvy died in the hospital. The court refused to transfer him from the detention facility under house arrest]. [Online] Available from: https://meduza.io/feature/2017/06/05/byvshiy-glava-banka-ogni-moskvy-umer-v-bolnitse-sud-otkazyvalsya-perevodit-ego-iz-sizo-pod-domashniy-arest. (Accessed: 21.07.2017).
13. Lenta.ru. (2013) Delo skonchavsheysya v SIZO Very Trifonovoy vozvrashcheno v prokuraturu [The case of Vera Trifonova, who died in a detention facility, was returned to the prosecutor's office]. [Online] Available from: https://lenta.ru/news/2013/04/29/back1/. (Accessed: 21.07.2017).
14. Mk.ru. (2016) *Eks-zamministra ZhKKh Podmoskov'ya Gusev umer v SIZO na progulke* [Ex-Deputy Minister of Housing and Communal Services of Moscow Oblast Gusev died in a detention facility while being on a walk]. [Online] Available from: http://www.mk.ru/social/2016/11/21/ekszamministra-zhkkh-podmoskovya-gusev-umer-v-sizo-na-progulke.html. (Accessed: 21.07.2017).
15. Da-med.ru. (n.d.) *Pochechnaya nedostatochnost'* [Renal failure]. [Online] Available from: http://da-med.ru/diseases/cat-77/d-346/page-2.html. (Accessed: 21.07.2017).
16. Transplantology.net. (n.d.) *Gemodializ: vse, chto nuzhno znat'* [Hemodialysis: everything you need to know]. [Online] Available from: http://transplantology.net/patsientam/gemodializ-vse-chto-nuzhno-znat/. (Accessed: 21.07.2017).
17. Russian Federation. (2011) Postanovlenie Pravitel'stva Rossiyskoy Federatsii ot 14 yanvarya 2011 goda № 3 (red. 04.09.2012 № 882) "O meditsinskom osvidetel'stvovanii podozrevaemykh ili obvinyaemykh v sovershenii prestupleniy" [Decree of the Government of the Russian Federation No. 3 of January 14, 2011 (Edited on September 4, 2012, No. 882) "On Medical Examination of Suspects or Accused of Committing Crimes"]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*. 4. Art. 608.
18. Konsul'tantPlyus. (2017) *Pasport proekta Federal'nogo zakona № 30082-7 "O vnesenii izmeneniya v stat'yu 110 Ugolovno-protsessual'nogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii" (v chasti ustanovleniya predel'nogo sroka izmeneniya mery presecheniya v svyazi s tyazhelym zabolevaniem)* [Passport of the draft Federal Law No. 30082-7 "On Amending Article 110 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation" (regarding the setting of the deadline for changing the measure of restraint in connection with a serious illness)]. Moscow: Konsul'tantPlyus.
19. Russian Federation. (2017) Postanovlenie Gosudarstvennoy Dumy Federal'nogo Sobraniya Rossiyskoy Federatsii ot 15 fevralya 2017 goda № 946-7 GD "O proekte federal'nogo zakona № 30082-7 "O vnesenii izmeneniya v stat'yu 110 Ugolovno-protsessual'nogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii" (v chasti ustanovleniya predel'nogo sroka izmeneniya mery presecheniya v svyazi s tyazhelym zabolevaniem)" [Resolution of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation of February 15, 2017 No. 946-7 of the State Duma "On the Draft Federal Law No. 30082-7 "On Amending Article 110 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation" (regarding the setting of the deadline for changing the measure of restraint in connection with a serious illness)"]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*. 9. Art. 1288.
20. Supreme Court of the Russian Federation. (2012) Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda Rossiyskoy Federatsii ot 14 iyunya 2012 goda № 11 (red. ot 03.03.2015) "O praktike rassmotreniya sudami voprosov, svyazannykh s vydachey lits dlya ugolovnogo presledovaniya ili ispolneniya prigovora, a takzhe peredachey lits dlya otbyvaniya nakazaniya" [Decision of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of June 14, 2012 No. 11 (as amended on 03.03.2015) "On the practice of considering by courts the issues related to the extradition of persons for criminal prosecution or execution of sentences, as well as the transfer of persons to serve their sentences"]. *Byulleten' Verkhovnogo Suda Rossiyskoy Federatsii*. 8.
21. Stopextradition.com. (n.d.) *Zaderzhanie i mera presecheniya v protsesse ekstraditsii iz Ispanii* [Detention and preventive measure in the process of extradition from Spain]. [Online] Available from: http://stopextradition.com/zaderzhanie-i-mera-presechenia/. (Accessed: 21.07.2017).
22. Stopextradition.com. (n.d.) *Izmenenie mery presecheniya v protsesse ekstraditsii iz Ispanii* [Changing the measure of restraint in the process of extradition from Spain]. [Online] Available from: http://stopextradition.com/izmenenie-mery-presecheniya/. (Accessed: 21.07.2017).
23. Russian Federation. (2000) Evropeyskaya konventsiya o vydache (zaklyuchena v g. Parizhe 13 dekabrya 1957 goda) (s izm. ot 17.03.1978). Konventsiya ratifitsirovana Federal'nym zakonom ot 25 oktyabrya 1999 goda № 190-FZ s ogovorkami i zayavleniyami [European Convention on Extradition (concluded in Paris on 13 December 1957) (as amended on 17.03.1978). The Convention was ratified by Federal Law No. 190-FZ of October 25, 1999, with reservations and declarations]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii.* 23. Art. 2348.
24. Russian Federation. (1999) Federal'nyy zakon ot 25 oktyabrya 1999 goda № 190-FZ "O ratifikatsii Evropeyskoy konventsii o vydache, dopolnitel'nogo Protokola i vtorogo dopolnitel'nogo Protokola k ney" [Federal Law No. 190-FZ of October 25, 1999 "On Ratification of the European Convention on Extradition, Additional Protocol and its Second Additional Protocol"]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*. 43. Art. 5129.
25. Andreeva, O.I. (2015) Excessive use of subjective right in criminal proceeding: problems of legal regulation. *Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta.* 2 (16). pp. 9–13.
26. Grigor'ev, V.N., Pobedkin, A.V., Yashin, V.N. & Kalinin, V.N. (2009) *Prokurorskiy nadzor* [Prosecutor's supervision]. 2nd ed. Moscow: Eksmo.
27. Trubnikova, T.V. (2015) Abuse of right in criminal proceeding: criteria and state interference limits. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law.* 3 (17). pp. 65–78. (In Russian).
28. Grigor'ev, V.N. (2016) Decision of the European Court of Human Rights in the case "Lyalyakin v. Russia": Was there abuse of power? *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 1 (7). pp. 29–36. (In Russian). DOI: 10.17223/23088451/7/5

Received: 25 September 2017

УДК 340

О.Е. Зацепина

СООТНОШЕНИЕ ПРАВОВЫХ ПРЕЗУМПЦИЙ И ИНЫХ СРЕДСТВ ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕХНИКИ

Представлен сравнительный анализ правовых презумпций и иных средств юридической техники: фактических презумпций, преюдиций, правовых принципов, правовых аксиом и правовых фикций, позволяющий их разграничить, определить природу, а также функции и значение в праве для эффективного использования в процессе правового регулирования. Сделан вывод об их тесной взаимосвязи и наличии у каждого из них специфических свойств, при этом все они способствуют нормальному судопроизводству.

Ключевые слова: правовая презумпция; фактическая презумпция; преюдиция; правовой принцип; аксиома; правовая фикция.

В переводе с латыни «презумпция» (praesumptio) означает «предполагаю», «ожидаю».

Существует множество определений правовых презумпций.

Одним из самых известных является определение В.К. Бабаева, который полагает, что правовая презумпция – это «закрепленное в нормах права предположение о наличии или отсутствии юридических фактов, основанное на связи между ними и фактами наличными и подтвержденное предшествующим опытом» [1. С. 91].

Основными признаками правовых презумпций являются следующие:

1. Вероятность предположения, заключенного в презумпции и вытекающего из ее основания, т.е. из фактических данных. При этом степень вероятности может быть различной в зависимости от вида презумпции.

2. Нормативность (презумпция, как исходная логико-юридическая конструкция включается в «тело» правовой нормы, обязательность которой устанавливается законодателем [2. С. 218]).

3. Механизм реализации, который проявляется путем закрепления определенных юридических фактов, состояний, правоотношений без специальных доказательств.

4. Возможность опровержения (отменительный механизм). Предположение действует, пока не доказано иное.

5. Инструментальная ценность (регулирование общественных отношений).

6. Охрана различных интересов (целевая составляющая).

Перейдем к непосредственному предмету нашей статьи.

Начнем рассмотрение данного вопроса с соотношения правовых и фактических презумпций.

Под фактической презумпцией понимается презумпция, не закрепленная в нормах права [3. С. 95].

По мнению Ю.А. Серикова, с точки зрения определенности терминов фактическую презумпцию правильнее было бы именовать общим предположением в сфере права. Не имея нормативного закрепления в строгом смысле, она не может именоваться презумпцией. Однако в связи с тем, что термин «фактическая презумпция» имеет в науке давнюю традицию, он считает возможным использовать его, при этом замечая, что термины «фактическая презумпция» и «общее предположение» в сфере права равнозначны и не охватываются понятием правовой презумпции [4. С. 15].

Достоверность фактической презумпции подтверждается здравым смыслом и практическим опытом. Юридического значения такая презумпция не имеет и используется в качестве мотива либо основания закрепления правовой нормы, а также для логического обоснования правоприменительного акта [5. С. 160].

Например, суд, рассматривая спор о каком-либо юридическом действии, изначально исходит из фактического предположения о том, что действие совершено лицом в нормальном состоянии.

Однако не все авторы соглашаются с указанным значением фактических презумпций.

Так, М.С. Строгович [6. С. 185], Ю.М. Грошевой [7. С. 108], В.А. Ойгензихт [8. С. 18], О.В. Баулин [9. С. 215] и другие отрицают их существование, не признают за фактическими презумпциями какой-либо роли в праве.

Данная точка зрения представляется необоснованной, так как фактические презумпции, как и правовые, позволяют компенсировать недостаток фактической информации и являются средством правового регулирования.

Сторонники существования фактических презумпций классифицируют их по различным основаниям.

В зависимости от соответствия действительности Л.В. Васильев делит фактические презумпции на действительные и мнимые. Существование действительных презумпций, согласно его позиции, связано с использованием знаний, нашедших закрепление в общих и частных законах развития общества, природы и мышления. Мнимый характер презумпция может приобретать в случаях, когда те или иные суждения абсолютизируются, являются преждевременными или правдоподобными либо рассматриваются в отрыве от других доказательств (например, если человек волнуется во время допроса, это далеко не всегда свидетельствует о том, что он что-то скрывает; присутствие на месте преступления еще не доказывает, что человек его совершил, и т.д.) [3. С. 96].

А.В. Федотов делит фактические презумпции на поисковые и оценочные. Фактическая поисковая презумпция ориентирована на источник информации. Ее значение состоит в том, что от какого-то источника (человека или предмета) можно получить интересую-

щую информацию. Поисковые фактические презумпции в свою очередь делятся по степени вероятности на высоковероятные, средневероятные, маловероятные.

Оценочная фактическая презумпция, как следует из ее названия, ориентирована на оценку получаемой от источника информации [10. С. 48–49]. Оценочные презумпции также имеют свое внутреннее деление. В зависимости от источника, на основании которого формируются оценочные презумпции, они делятся на презумпции, выведенные на основании здравого смысла и жизненного опыта человека, и на презумпции, которые опираются на выводы научных исследований в области криминалистики, социальной и юридической психологии, психиатрии (например, презумпция наличия у акцентуированной личности истероидно-демонстративного типа психологической установки на ложь и утаивание информации).

По своей обоснованности оценочные презумпции делятся на обоснованные, необоснованные и на те, вопрос об обоснованности которых субъект доказывания самостоятельно решить не может [11. С. 87].

Чтобы определить соотношение фактических и правовых презумпций, рассмотрим их общие и отличительные черты.

Общими чертами данных презумпций являются:

1. Обобщение предшествующего опыта развития общественных отношений, позволяющее с определенной долей вероятности предположить, какие факты, обстоятельства, события будут иметь место в данном конкретном случае.

2. Одинаковая логическая структура (опровержимые презумпции строятся через частноутвердительное суждение, которое в общем виде без учета степени вероятности имеет вид «Только некоторое S есть P» [12. С. 70–71]).

3. Необходимость применения в правотворчестве и правореализации.

Рассматриваемые презумпции характеризуются следующими отличиями:

1. Правовая презумпция закреплена в правовой норме, а фактическая – не имеет нормативного закрепления и существует только в сознании законодателя или правоприменителя, в научных исследованиях и других неофициальных источниках.

2. Правовые презумпции опровергаются в установленном законом порядке в соответствии с процессуальной формой. Процесс опровержения или подтверждения фактических презумпций происходит «автоматически» в результате обнаружения новых фактов, выяснения той или иной достоверной информации. Часто этот процесс не выходит за рамки сознания правоприменителя.

3. Наряду с опровержимыми правовыми презумпциями существуют неопровержимые правовые презумпции, опровержение которых законом не допускается в целях охраны определенных интересов и сохранения общественного порядка, а все фактические презумпции могут быть опровергнуты при помощи новых фактов, соответствующих действительности.

4. Правовая презумпция непосредственно регулирует общественные отношения, так как имеет нормативное закрепление, а фактическая – опосредованно, так как не несет юридических последствий, а используется законодателям в качестве основания для принятия правовой нормы, а правоприменителем – в качестве логического приема мышления для формирования своего убеждения [5. С. 162–163].

Таким образом, фактические презумпции близки к правовым презумпциям по своей социальной и логической природе, а отличаются от них главным образом отсутствием юридической стороны.

Теперь рассмотрим соотношение правовых аксиом и правовых презумпций.

Правовые аксиомы – это идеальные явления, относящиеся к различным плоскостям правовой действительности: к праву, правосознанию и правовой науке, представляющие собой положения, концентрированно выражающие социально-правовой опыт, принимаемые как истины (абсолютные или относительные) в целях упрощения процесса правового регулирования и решения научных задач, обеспечивающие преемственность в праве и объективируемые в различных формах в зависимости от принадлежности их к определенным группам [13. С. 43].

Правовые аксиомы выполняют следующие функции [14. С. 125–126]:

– регулятивную (находят свое выражение в нормах права);

– ориентационную (устанавливают только самые общие правила);

– оценочную (так как аксиомы представляют собой результат практической деятельности, в ходе которой отдельные действия оценивались с точки зрения их полезности, целесообразности для решения жизненных ситуаций, они могут быть использованы как «мерила ценности», служить основанием для определения, содержание каких норм расходится с аксиомами, допустимо ли существующее расхождение, нуждается ли оно в устранении или, наоборот, обеспечивает дальнейшее развитие права);

– компенсационную (при отсутствии нормы, подлежащей применению в конкретном случае, позволяет решить вопрос по аналогии права);

– информационно-образовательную (играют большую роль в процессе усвоения людьми знаний о праве и особенностях правового регулирования);

– дидактическую (аксиомы выступают в качестве структурного элемента при анализе юридических текстов, построении особой логики восприятия событий и фактов, их описания и квалификации, их конкретного социального проявления, имеющего юридические последствия [15. С. 12–13], в них ярко проявляются особенности юридического языка: его лаконичность, ясность, недвусмысленность);

– стимулирования творческой деятельности (факт придания какому-либо положения статуса устоявшегося, очевидного и истинного служит мощным импульсом для проверки его на прочность, выдвижения новых идей и обоснования новых постулатов);

– теоретико-методологическую (выступают в качестве ступени философско-логического анализа права к самой науке о праве);

– технико-юридическую (используются в качестве приёма юридической техники, позволяющего рационализировать терминологию);

– интерпретационную (объясняют содержание правовых норм в соответствии с логикой права).

В функциях правовых аксиом проявляется и их ценность. Они несут в себе и ценность «в составе права» как его элемент, фрагмент; обладают эстетической ценностью, представляют историческую ценность и, несомненно, методологическую ценность. [16. С. 30].

Соотношение правовых презумпций и правовых аксиом характеризуется наличием у них общих и отличительных черт.

Общее у этих категорий то, что они:

1) складываются в результате накопления опыта, обобщения типичных повторяющихся общественных отношений и связей [5. С. 161];

2) обеспечивают не только эффективность, но и справедливость, целесообразность права, поддержание его нравственных основ [17. С. 11].

Правовые презумпции и правовые аксиомы отличаются друг от друга тем, что:

1. Аксиома – это истинное суждение (по крайней мере, истинность ее не подвергается сомнению в рамках господствующей правовой парадигмы), а презумпция считается истинной, пока не доказано иное.

2. Аксиома не требует доказательств, а для начала действия презумпции нужно представить доказательства, подтверждающие факт-основание данной презумпции.

3. Правовые аксиомы в силу своей очевидности существуют даже будучи не закрепленными в нормативно-правовом акте, а правовые презумпции существуют только тогда, когда имеют нормативное закрепление.

Существует мнение, что в силу тесной взаимосвязи презумпций и аксиом при определенных условиях возможно их взаимозамещение.

П.С. Баринов и А.А. Воротников приводят следующий пример.

В истории развития уголовного права весьма длительное время положение «нет преступления без наказания» носило аксиоматический характер. Затем последовали внедрение в практику условного осуждения и развитие института освобождения от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям, что постепенно ослабило связь преступления и наказания. В итоге произошедших изменений в сфере нормотворчества и правоприменения рассматриваемое положение утратило свою аксиоматичность и приобрело вероятностный характер презумпции [18. С. 16–17].

О возможности обратного процесса (т.е. о приобретении правовой презумпцией статуса правовой аксиомы) пишет М.Л. Давыдова. При этом, по ее мнению, с юридической точки зрения они не утрачивают свой предположительный характер, но их социальное обоснование становится общепризнанным, само собой разумеющимся. Подобными аксиоматичными презумпциями становятся лишь те из них, в которых наиболее явно выражено нравственное, гуманистическое содержание [5. С. 160].

Данную точку зрения разделяет А.В. Масленников. В числе презумпций, получивших статус правовых аксиом, называет три: презумпцию знания закона, презумпцию истинности вступившего в законную силу приговора суда и презумпцию невиновности [13. С. 23].

Перейдем к рассмотрению соотношения правовых презумпций и правовых принципов.

Правовые принципы – это выраженные в праве исходные нормативно-руководящие начала, характеризующие его содержание, основы, закрепленные в нем закономерности общественной жизни [19. Т. 1. С. 98].

К проблеме соотношения их с правовыми презумпциями существуют два подхода.

Согласно первому из них некоторые презумпции обладают свойствами принципов права.

По мнению О.А. Кузнецовой, такими свойствами являются:

– способность отражать сущность права в целом или отдельной отрасли;

– развитие содержания презумпции в нормах данной отрасли;

– использование презумпции в качестве ориентира в применении и толковании правовых норм [17. С. 11].

В.К. Бабаев выделяет общеправовые, межотраслевые и отраслевые презумпции и относит их к соответствующим принципам права (общеправовым, межотраслевым, отраслевым) и презумпции как средства юридической техники, еще не достигшим уровня презумпций-принципов [20. С. 328].

М.П. Пронина также считает, что нет препятствий тому, чтобы принцип права был сформулирован в виде презумптивной нормы. Важно, чтобы эта норма содержала признаки принципов права, распространяла свое содержание (дух) на другие нормы. В качестве примера она приводит презумпции невиновности, разумности, добросовестности и презумпцию вины в гражданском праве [21. С. 34].

Согласно второму подходу нельзя отождествлять и смешивать данные понятия, так как они разные. Презумпция отличается от принципа масштабностью охвата юридической системы и своим происхождением [22. С. 123–125].

Данную точку зрения разделяет А.Н. Бякова, рассматривая соотношение презумпции добросовестности и принципа добросовестности. Она пишет, что принцип и презумпция добросовестности неразрывно связаны – они являются социальными и правовыми регуляторами, имея при этом множество различий. Они имеют различное происхождение и охват применения. Принцип добросовестности обязывает участников гражданского оборота быть добросовестными при осуществлении прав и исполнении обязанностей, а презумпция предполагает их добросовестность, пока не доказано обратное. Принципы более фундаментальны, тогда как презумпции действуют лишь в отношении конкретных участников гражданского оборота. Ряд презумпций могут играть значительную роль в праве, что сближает их с принципами права. При этом презумпции сохраняют свое особенное значение в правовой системе [23. С. 21].

М.Л. Давыдова справедливо замечает, что использование понятия «принцип невиновности обвиняемого» не является целесообразным, так как оно может

быть интерпретировано как утверждение о невиновности обвиняемого. В то же время суть рассматриваемого правового средства состоит как раз в том, что обвиняемый не обязательно является, но считается предполагается невиновным [5. С. 159].

Исходя из этого, второй подход по данному вопросу представляется более убедительным, так как более точно отражает суть правовых презумпций и правовых принципов.

Рассмотрим их сходства и отличия.

Общее у правовых презумпций и правовых принципов следующее:

1. Они являются социальными и правовыми регуляторами.

2. Имеют схожий механизм действия.

Правовой принцип всегда представляет собой основополагающее правило, общую идею, выражающую суть правового регулирования определенной сферы общественных отношений. При этом достаточно часто действие принципа предполагает исключения.

Например, ст. 25 Конституции РФ гласит: «Жилище неприкосновенно. Никто не вправе проникать в жилище против воли проживающих в нем лиц иначе как в случаях, установленных федеральным законом, или на основании судебного решения» [24], согласно ч. 2 ст. 36 Конституции РФ «владение, пользование и распоряжение землей и другими природными ресурсами осуществляются их собственниками свободно, если это не наносит ущерба окружающей среде и не нарушает прав и законных интересов иных лиц», в соответствии с ч. 2 ст. 23 Конституции РФ «каждый имеет право на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений. Ограничение этого права допускается только на основании судебного решения», согласно п. 1 ст. 421 ГК РФ «граждане и юридические лица свободны в заключении договора. Понуждение к заключению договора не допускается, за исключением случаев, когда обязанность заключить договор предусмотрена Гражданским кодексом, законом или добровольно принятым обязательством» [25].

Эти исключения установлены законом, как и в случае опровержимой презумпции. Существуют принципы, из которых законом не допускается исключений (например, принцип независимости судей – ст. 120 Конституции РФ), как не допускается законом опровержение некоторых презумпций, называемых неопровержимыми.

Отличия правовых принципов от правовых презумпций:

1. Правовые принципы обеспечивают согласованность всех предписаний нормативного акта, его концептуальное единство [26. С. 118], а правовые презумпции призваны оформлять узкоспециальные, частные процессы и явления [27. С. 566–567].

2. Для начала действия правовой презумпции необходимо доказать факт-основание данной презумпции, а принцип действует без доказательств.

3. Правовые принципы служат непосредственным правовым основанием для разрешения дел в порядке применения аналогии права при регулировании отношений, прямо не предусмотренных законом, а правовые презумпции способствуют разрешению дела по существу, восполняя в конкретных отношениях недостающее юридически значимое явление его моделью [28. С. 75].

Теперь рассмотрим соотношение правовой презумпции и преюдиции.

Согласно пп. 2–5 ст. 61 ГПК РФ преюдициальные обстоятельства – это такие обстоятельства, которые установлены вступившими в законную силу постановлением или приговором суда, а также решением арбитражного суда по ранее рассмотренным делам либо подтвержденные нотариусом при совершении нотариального действия и не подлежащие повторному доказыванию [29].

Преюдициальность имеет свои субъективные и объективные критерии, которые должны быть в совокупности [30. С. 326].

Субъективный критерий проявляется в том, что факты, установленные по одному делу, не доказываются вновь и не подлежат оспариванию при рассмотрении другого дела, в котором участвуют те же лица.

Например, если лицу было отказано в признании его третьим лицом, заявляющим самостоятельные требования относительно предмета спора, и оно затем предъявило эти требования в отдельном судебном процессе, факты, установленные судебным решением по делу, в котором оно не участвовало, не будут преюдициальными и поэтому могут быть оспорены им.

Объективные пределы преюдициальности относятся к фактам, установленным вступившим в законную силу постановлением, решением или приговором суда, а также к условиям, при которых обстоятельства, подтвержденные нотариусом при совершении нотариальных действий, не подлежат доказыванию.

Для преюдициальности решений и приговоров суда, а также обстоятельств, подтвержденных нотариусом при совершении нотариальных действий, определены разные объективные пределы.

«Вступивший в законную силу приговор суда по уголовному делу обязателен для суда, рассматривающего дело о гражданско-правовых последствиях действий лица, в отношении которого состоялся приговор суда, только по вопросам, имело ли место это действие, совершено ли оно этим лицом» согласно п. 4 ст. 61 ГПК РФ. Размер же причиненного вреда конкретному истцу подлежит установлению в гражданском судопроизводстве, например при предъявлении гражданского иска из уголовного дела. При рассмотрении гражданского дела не подлежит вторичному установлению факт совершения преступления лицом, осужденным приговором суда. Однако истцы обязаны представить доказательства размера причиненного им вреда [Там же. С. 327].

«Факты, установленные вступившим в законную силу судебным постановлением или решением арбитражного суда по ранее рассмотренному делу, не доказываются вновь при разбирательстве других дел, в которых участвуют те же лица» согласно п. 2, 3 ст. 61 ГПК РФ.

Например, при рассмотрении регрессного иска суд не будет вновь доказывать обстоятельства, установленные при разрешении первоначального иска.

«Вступившее в законную силу решение суда общей юрисдикции по гражданскому делу обязательно для арбитражного суда, рассматривающего другое дело, по вопросам об обстоятельствах, установленных решением суда общей юрисдикции и имеющих отношение к лицам, участвующим в деле» [31] согласно п. 3 ст. 69 Арбитражного процессуального кодекса РФ.

«Обстоятельства, подтвержденные нотариусом при совершении нотариального действия, не требуют доказывания, если подлинность нотариально оформленного документа не опровергнута доказательствами его подложности или не установлено существенное нарушение порядка совершения нотариального действия» согласно п. 5 ст. 61 ГПК РФ.

Исходя из этого, рассмотрим общие и отличительные черты правовой презумпции и преюдиции.

Общим у них являются:

1. Необходимость определенных условий для начала действия.

Для правовой презумпции таковыми являются доказательства ее факта-основания, а для преюдиции – совокупность объективных и субъективных критериев, рассмотренных выше.

2. Возможность опровержения, так как преюдиция основывается на опровержимой презумпции истинности решения суда, вступившего в законную силу, которая может быть опровергнута путем его отмены или изменения в установленном законом порядке.

Отличия они имеют следующие:

1. Преюдициальные факты не входят в предмет доказывания, а одной из функций правовой презумпции является определение фактов предмета доказывания.

2. Выполняемые специфические функции.

Преюдиции позволяют избежать вынесения противоречащих друг другу судебных постановлений по одним и тем же вопросам, а правовые презумпции выполняют функцию охраны различных интересов лиц, поставленных в более трудные условия доказывания.

Дискуссионным является вопрос соотношения правовых презумпций и правовых фикций.

Правовая фикция – это применяемый в праве технико-юридический прием, которым несуществующее положение (отношение) объявляется существующим и приобретает обязательный характер в силу закрепления его в правовой норме [32. С. 28].

Основные признаки правовых фикций:

1. Объект регулирования – обстоятельства, находящиеся в состоянии невосполнимой неизвестности [33. С. 9] (например, день и момент смерти гражданина, объявленного умершим, – п. 3 ст. 45 ГК РФ) [25].

2. Замещение юридических фактов в случаях, когда динамика правовых отношений ожидает наличия факта, а реальная действительность допускает пробел [34. С. 17].

Вместе с тем указанные признаки присущи не всем правовым фикциям, так как многие фикции семейного, уголовного, гражданского права (некоторые из которых будут рассмотрены нами ниже) регулируют реально существующие и известные обстоятельства.

Исходя из этого, можно выделить следующий признак правовых фикций:

3. Намеренно деформирующий характер (искусственное уподобление или приравнивание понятий и обстоятельств, различных или даже противоположных в действительности; признание реальными несуществующих обстоятельств и отрицание существующих (например, запись усыновителей родителями ребенка); признание существующими обстоятельств и ситуаций до того, как они стали существовать на самом деле или возникли позже, чем это было в действительности (например, изменение даты рождения усыновленного ребенка) [Там же. С. 18].

4. В большинстве случаев императивны, хотя встречаются и диспозитивные фикции (например, диспозитивными являются фикция, закрепляющая возможность изменения даты и места рождения усыновленного ребенка (п. 1 ст. 135 СК РФ), и фикция, закрепляющая возможность записи усыновителей в качестве родителей усыновленного ребенка (п. 1 ст. 136 СК РФ [35])).

5. Неопровержимость.

Логическая формула фикций представляет собой общеотрицательное суждение «ни одно S не есть P» [4. С. 21].

Исходя из этого, представляется неубедительной позиция ученых (таких как М.А. Гурвич [36. С. 10], В.А. Федотов [10. С. 52], М.Л. Давыдова [5. С. 166] и др.), отождествляющих правовые фикции и неопровержимые презумпции, так как неопровержимые презумпции обладают степенью вероятности, в отличие от фикций, заведомо не соответствующих действительности.

Фикции можно разделить на два вида: теоретические и нормативные.

Теоретические фикции являются частью правовой доктрины и не выступают самостоятельными регуляторами. Независимо от факта закрепления в нормативно-правовом акте они не устанавливают правил, а предполагают наличие допущения в самом понятии, поэтому их условно можно назвать понятийными (например, «юридическое лицо»).

Нормативные фикции – это правовые положения, закрепленные в законе в виде отдельных регулятивных нормативных предписаний [37. С. 115], которые подразделяются на материально-правовые и процессуально-правовые фикции.

Целью материально-правовых фикций является обеспечение нормального развития общественных отношений, преодоление состояния неопределенности, невосполнимости тех или иных фактов либо информации о них [34. С. 20], а также защита различных интересов лиц, указанных в законе.

В качестве примеров можно привести гражданско-правовую фикцию, закрепленную в п. 2 ст. 1114 ГК РФ: «Граждане, умершие в один и тот же день, считаются в целях наследственного правопреемства умершими одновременно и не наследуют друг после друга, если момент смерти каждого из таких граждан установить невозможно» [38]; уголовно-правовую фикцию, закрепленную ч. 5 ст. 34 УК РФ: «В случае недоведения исполнителем преступления до конца по не зависящим от него обстоятельствам остальные соучастники несут уголовную ответственность за при-

готовление к преступлению или покушение на преступление. За приготовление к преступлению несет уголовную ответственность также лицо, которому по не зависящим от него обстоятельствам не удалось склонить других лиц к совершению преступления» [39]; семейно-правовую фикцию, закрепленную в п. 1 ст. 135 СК РФ: «Для обеспечения тайны усыновления по просьбе усыновителя могут быть изменены дата рождения усыновленного ребенка, но не более чем на три месяца, а также место его рождения» [35].

Процессуально-правовые фикции призваны преодолевать процессуальную недисциплинированность сторон, сокращать ход и объем производства по делу, экономить силы судей, смягчать процессуальные формальности. Без них правильное и справедливое рассмотрение и разрешение дела часто бывают невозможными [34. С. 21].

В качестве примеров можно привести гражданско-процессуальную фикцию, закрепленную в ст. 118 ГПК РФ: «При отсутствии сообщения от лица, участвующего деле, о перемене своего адреса судебная повестка или иное судебное извещение посылаются по последнему известному суду месту жительства или месту нахождения адресата и считаются доставленными, хотя бы адресат по этому адресу более не проживает или не находится»; арбитражно-процессуальную фикцию, закрепленную в пп. 1, пп. 2, пп. 3 п. 4 ст. 123 АПК РФ: «Лица, участвующие в деле, и иные участники арбитражного процесса также считаются извещенными надлежащим образом арбитражным судом, если: адресат отказался от получения копии судебного акта и этот отказ зафиксирован организацией почтовой связи или арбитражным судом; несмотря на почтовое извещение, адресат не явился за получением копии судебного акта, направленной арбитражным судом в установленном порядке, о чем организация почтовой связи уведомила арбитражный суд; копия судебного акта не вручена в связи с отсутствием адресата по указанному адресу, о чем организация почтовой связи уведомила арбитражный суд с указанием источника данной информации»; уголовно-процессуальную фикцию, закрепленную в п. 3 ч. 1 ст. 24 УПК РФ: «Уголовное дело не может быть возбуждено, а возбужденное уголовное дело подлежит прекращению в случае истечения сроков давности уголовного преследования» [40].

Представляется возможным также деление правовых фикций, исходя из способа их закрепления на прямые и косвенные.

Об этом же говорит в своей статье Н.Н. Ковтун [41. С. 231].

Приведем примеры.

Фикция «Граждане, умершие в один и тот же день, считаются в целях наследственного правопреемства умершими одновременно и не наследуют друг после друга, если момент смерти каждого из таких граждан установить невозможно» является прямой, а фикция «В случае недоведения исполнителем преступления до конца по не зависящим от него обстоятельствам остальные соучастники несут уголовную ответственность за приготовление к преступлению или покушение на преступление. За приготовление к преступлению несет уголовную ответственность также лицо, которому по не зависящим от него обстоятельствам не удалось склонить других лиц к совершению преступления» – косвенной, так как может быть выведена путем толкования правовой нормы.

В данном случае законодатель исходит из фиктивного положения о том, что действия организатора, подстрекателя и пособника при недоведении преступления до конца носят неоконченный характер. Фактически же они выполняют все действия, необходимые для завершения исполнителем преступления [42. С. 65].

Таким образом, общими чертами правовых фикций и правовых презумпций являются:

1. Необходимость наличия определенных условий, указанных в законе для начала действия.

2. Возможность проведения классификации по одинаковым основаниям.

Отличительными чертами являются:

1. Фикции неопровержимы, а презумпции опровергаются в случаях, установленных законом.

2. Фикции по своей природе ложны, а презумпции обладают степенью вероятности.

Таким образом, правовые презумпции находятся в тесной взаимосвязи с иными средствами юридической техники. Все они выполняют функцию процессуальной экономии и способствуют быстрому и правильному разрешению дела по существу, обладая при этом специфическими свойствами, обусловленными их природой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бабаев В.К. Теория современного советского права: фрагменты лекций и схемы. Н. Новгород, 1991. 156 с.
2. Каранина Н.С. Сущность правовой презумпции: определение понятия «презумпция» в современной теории права и российском законодательстве; признаки правовой презумпции // Юридическая техника. 2010. № 4. С. 213–220.
3. Васильев Л.М. Фактические презумпции в советском уголовном судопроизводстве // Правоведение. 1982. № 1. С. 95–99.
4. Сериков Ю.А. Презумпции в гражданском судопроизводстве / науч. ред. В.В. Ярков. М., 2008. 112 с.
5. Давыдова М.Л. Правовые презумпции в системе средств юридической техники // Юридическая техника. 2010. № 4. С. 159–170.
6. Строгович М.С. Учение о материальной истине в уголовном процессе. М., 1947. 276 с.
7. Грошевой Ю.М. Проблемы формирования судейского убеждения в уголовном процессе. Харьков, 1975. 144 с.
8. Ойгензихт В.А. Презумпции в советском гражданском праве. Душанбе, 1976. 190 с.
9. Баулин О.В. Бремя доказывания при разбирательстве гражданских дел. М., 2004. 272 с.
10. Федотов А.В. Понятие и классификация доказательственных презумпций // Журнал российского права. 2001. № 4. С. 45–55.
11. Федотов А.В. Использование оценочных презумпций в процессе доказывания // Журнал российского права. 2002. № 5. С. 87–96.
12. Кириллов В.И., Старченко А.А. Логика : учеб. для юрид. вузов. Изд-е 5-е, перераб. и доп. М. : Юристь, 1999. 256 с.
13. Масленников А.В. Правовые аксиомы : дис. … канд. юрид. наук. Владимир, 2006. 151 с.
14. Масленников А.В., Водяникова Е.В. Правовые аксиомы: ценность, функции // Вестник КРАГСИУ. Серия «Государство и право». 2014. № 17. С. 124–127.
15. Графский В.Г. Всеобщая история права и государства : учеб. для вузов. М., 2000. 744 с.

16. Ференс-Сороцкий А.А. Аксиомы в праве // Правоведение. 1988. № 5. С. 27–31.
17. Кузнецова О.А. Презумпции в гражданском праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2001. 217 с.
18. Воротников А.А., Баринов П.С. К вопросу о жизнеспособности правовых категорий и аксиом // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2015. № 6. С. 11–17.
19. Алексеев С.С. Общая теория права. М., 1981. Т. 1. 355 с.
20. Бабаев В.К. Презумпции в российском праве и юридической практике. Проблемы юридической техники : сб. ст. / под ред. В.М. Баранова. Н. Новгород, 2000. С. 328–329.
21. Пронина М.П. Презумпции и принципы в праве: вопросы соотношения // Юридический мир. 2010. № 5. С. 32–36.
22. Тарусина Н.Н. Семейное право : учеб. пособие. М., 2001. С. 144.
23. Бякова А.Н. Соотношение принципа и презумпции добросовестности // Вестник научных конференций. 2016. № 2–3 (6). С. 19–22.
24. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. (ред. от 21.07.2014.) // Собрание законодательства РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.
25. Гражданский кодекс РФ от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ (ГК РФ) (Часть первая) (ред. от 03.07.2016) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.
26. Иванов Р.Л. О понятии принципов права // Вестник Омского университета. 1996. № 2. С. 115–118.
27. Баранов В.М. «Юридическая техника»: актуальное теоретико-прикладное и дидактическое издание // Юридическая техника. 2009. № 3. С. 560–567.
28. Булаевский Б.А. Классификация правовых презумпций // Журнал российского права. 2010. № 11. С. 74–83.
29. Гражданский процессуальный кодекс РФ от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ГПК РФ) (ред. от 03.07.2016) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.
30. Гражданский процесс : учеб. / под ред. В.В. Яркова. 5-е изд. М. : Волтерс Клувер, 2004. 687 с.
31. Арбитражный процессуальный кодекс РФ от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ (АПК РФ) (ред. от 23.06.2016) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 30. Ст. 3012.
32. Бабаев В.К. Презумпции в советском праве. Горький, 1974. 124 с.
33. Панько К.К. Фикции в уголовном праве (в сфере законотворчества и правоприменении) : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Ярославль, 1998. 12 с.
34. Давыдова М.Л. Проблемы понятия и классификации правовых фикций // Вестник ВолГУ. 2009. № 11. С. 17–23.
35. Семейный кодекс РФ от 29.12.1995. № 223-ФЗ (СК РФ) (ред. от 30.12.2015) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 1. Ст. 16.
36. Гурвич М.А. Доказательственные презумпции в советском гражданском процессе // Советская юстиция. 1968. № 12. С. 8–10.
37. Данилова Е.С. К вопросу о понятии, классификации и значении юридических фикций // Юридическая наука. 2014. № 3. С. 112–118.
38. Гражданский кодекс РФ от 26.11.2001 № 146-ФЗ (ГК РФ) (Часть третья) (ред. от 03.07.2016) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 49. Ст. 4552.
39. Уголовный кодекс РФ от 13.06.1996 № 63-ФЗ (УК РФ) (ред. от 06.07.2016) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
40. Уголовно-процессуальный кодекс РФ от 18.12.2001. № 174-ФЗ (УПК РФ) (ред. от 06.07.2016) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.
41. Ковтун Н.Н. Презумпции и фикции уголовно-процессуального права России: технология осознанной лжи // Юридическая техника. 2010. № 4. С. 231–235.
42. Ситникова А.И. Фикции в уголовном праве // Ленинградский юридический журнал. 2008. № 1. С. 60–67.

Статья представлена научной редакцией «Право» 11 июля 2017 г.

THE RATIO OF LEGAL PRESUMPTIONS AND OTHER TOOLS OF THE LEGAL METHOD

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 424, 226–233.
DOI: 10.17223/15617793/424/32

Olesya E. Zatsepina, Altai State University (Barnaul, Russian Federation). E-mail: zatsepina.olesya@yandex.ru

Keywords: legal presumption; factual presumption; prejudice; legal principle; axiom; legal fiction.

The aim of the research is to identify common and distinctive features of legal presumptions and other tools of the legal method. The author uses logical and functional analysis, synthesis, formal-legal methods in the research. The subject of the research is tools of the legal method: legal presumptions, factual presumptions, prejudice, legal principles, legal axioms and legal fictions. The object of the research is properties of legal presumptions compared to other tools of the legal method. The theoretical basis of the research is works of Russian scholars in the field of legal theory (Yu.A. Serikov, M.L. Davydova and others). Legal presumption is a presumption, enshrined in the legal norms, of the presence or absence of legal facts based on the relations between them and real facts confirmed by previous experience. Factual presumption is a presumption not enshrined in the law. Factual presumptions are similar to legal presumptions in their social and logical nature but different mainly in the absence of the legal aspect. Similarities between legal presumptions and legal axioms are that (1) they are formed as a result of accumulation of experience; (2) they provide for the righteousness of the law. Differences between axioms and presumptions are that (1) their truthfulness is not in doubt; (2) they do not require proofs; (3) they can exist without being enshrined in the law. Similarities between legal principles and legal presumptions are that (1) they are social and legal regulators; (2) they have similar mechanisms of action. Differences between them are that (1) principles work without proofs; (2) they have different scopes of action. Prejudicial circumstances are circumstances established by the decision of the court or confirmed by a notary, they are not to be re-proved in cases provided by the law. Similarities between prejudicial circumstances and legal presumptions are that (1) they need certain conditions to start action; (2) they are refutable. Differences between them are (1) in their connection to the subject of proof; (2) in their functions. Similarities between fictions and presumptions are that (1) they need certain conditions provided by the law to start action; (2) they can be classified on the same bases. Differences between them are that (1) all fictions are irrefutable; (2) fictions are false by their nature, but presumptions have a degree of probability. Thus, legal presumptions are closely interrelated with other tools of the legal method but they all have different properties.

REFERENCES

1. Babaev, V.K. (1991) *Teoriya sovremennogo sovetskogo prava: fragmenty lektsiy i skhemy* [The theory of modern Soviet law: fragments of lectures and diagrams]. N. Novgorod: Izd-vo Nizhegor. VSh MVD RSFSR.
2. Karanina, N.S. (2010) Sushchnost' pravovoy prezumptsii: opredelenie ponyatiya "prezumptsiya" v sovremennoy teorii prava i rossiyskom zakonodatel'stve; priznaki pravovoy prezumptsii [The essence of the legal presumption: the definition of the concept "presumption" in modern legal theory and Russian law; signs of legal presumption]. *Yuridicheskaya tekhnika*. 4. pp. 213–220.

3. Vasil'ev, L.M. (1982) Fakticheskie prezumptsii v sovetskom ugolovnom sudoproizvodstve [Actual presumptions in Soviet criminal justice]. *Pravovedenie*. 1. pp. 95–99.
4. Serikov, Yu.A. (2008) *Prezumptsii v grazhdanskom sudoproizvodstve* [Presumptions in civil litigation]. Moscow: Volters Kluver.
5. Davydova, M.L. (2010) Pravovye prezumptsii v sisteme sredstv yuridicheskoy tekhniki [Legal presumptions in the system of means of legal method]. *Yuridicheskaya tekhnika*. 4. pp. 159–170.
6. Strogovich, M.S. (1947) *Uchenie o material'noy istine v ugolovnom protsesse* [The doctrine of material truth in the criminal procedure]. Moscow: USSR AS.
7. Groshevoy, Yu.M. (1975) *Problemy formirovaniya sudeyskogo ubezhdeniya v ugolovnom protsesse* [Problems of formation of judge's conviction in criminal procedure]. Kharkov: Vishcha shkola.
8. Oygenzikht, V.A. (1976) *Prezumptsii v sovetskom grazhdanskom prave* [Presumptions in Soviet civil law]. Dushanbe: Irfon.
9. Baulin, O.V. (2004) *Bremya dokazyvaniya pri razbiratel'stve grazhdanskikh del* [The burden of proof in civil cases]. Moscow: Gorodets.
10. Fedotov, A.V. (2001) Ponyatie i klassifikatsiya dokazatel'stvennykh prezumptsiy [The concept and classification of evidentiary presumptions]. *Zhurnal rossiyskogo prava – Journal of Russian Law*. 4. pp. 45–55.
11. Fedotov, A.V. (2002) Ispol'zovanie otsenochnykh prezumptsiy v protsesse dokazyvaniya [Use of evaluative presumptions in the process of proof]. *Zhurnal rossiyskogo prava – Journal of Russian Law*. 5. pp. 87–96.
12. Kirillov, V.I. & Starchenko, A.A. (1999) *Logika* [Logic]. 5th ed. Moscow: Yurist'.
13. Maslennikov, A.V. (2006) *Pravovye aksiomy* [Legal axioms]. Law Cand. Diss. Vladimir.
14. Maslennikov, A.V. & Vodyanikova, E.V. (2014) Pravovye aksiomy: tsennost', funktsii [Legal axioms: value, functions]. *Vestnik KRAGSIU. Seriya "Gosudarstvo i pravo"*. 17. pp. 124–127.
15. Grafskiy, V.G. (2000) *Vseobshchaya istoriya prava i gosudarstva* [General History of Law and State]. Moscow: Norma.
16. Ferens-Sorotskiy, A.A. (1988) Aksiomy v prave [Axioms in law]. *Pravovedenie*. 5. pp. 27–31.
17. Kuznetsova, O.A. (2001) *Prezumptsii v grazhdanskom prave* [Presumptions in civil law]. Abstract of Law Cand. Diss. Ekaterinburg.
18. Vorotnikov, A.A. & Barinov, P.S. (2015) To the question of the viability of legal categories and axioms. *Vestnik Saratovskoy gosudarstvennoy yuridicheskoy akademii*. 6. pp. 11–17.
19. Alekseev, S.S. (1981) *Obshchaya teoriya prava* [General theory of law]. Vol. 1. Moscow: Yuridicheskaya literatura.
20. Babaev, V.K. (2000) *Prezumptsii v rossiyskom prave i yuridicheskoy praktike. Problemy yuridicheskoy tekhniki* [Presumptions in Russian law and legal practice. Problems of legal technology]. N. Novgorod: NYuI MVD Rossii.
21. Pronina, M.P. (2010) Prezumptsii i printsipy v prave: voprosy sootnosheniya [Presumptions and principles in law: issues of correlation]. *Yuridicheskiy mir*. 5. pp. 32–36.
22. Tarusina, N.N. (2001) *Semeynoe pravo* [Family Law]. Moscow: Prospekt.
23. Byakova, A.N. (2016) Sootnoshenie printsipa i prezumptsii dobrosovestnosti [Correlation of principle and presumption of conscientiousness]. *Vestnik nauchnykh konferentsiy*. 2–3 (6). pp. 19–22.
24. Russian Federation. (2014) Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii: prinyata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993 g. (red. ot 21.07.2014.) [The Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote on 12.12.1993 (as amended on July 21, 2014)]. *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 31. Art. 4398.
25. Russian Federation. (1994) Grazhdanskiy kodeks RF ot 30.11.1994 g. № 51-FZ (GK RF) (Chast' pervaya) (red. ot 03.07.2016) [The Civil Code of the Russian Federation of 30.11.1994 No. 51-FZ (Part One) (as amended on 03.07.2016)]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*. 32. Art. 3301.
26. Ivanov, R.L. (1996) O ponyatii printsipov prava [On the notion of principles of law]. *Vestnik Omskogo universiteta*. 2. pp. 115–118.
27. Baranov, V.M. (2009) "Yuridicheskaya tekhnika": aktual'noe teoretiko-prikladnoe i didakticheskoe izdanie [Yuridicheskaya tekhnika: a topical applied-theoretical and didactic edition]. *Yuridicheskaya tekhnika*. 3. pp. 560–567.
28. Bulaevskiy, B.A. (2010) Klassifikatsiya pravovykh prezumptsiy [Classification of legal presumptions]. *Zhurnal rossiyskogo prava – Journal of Russian Law*. 11. pp. 74–83.
29. Russian Federation. (2002) Grazhdanskiy protsessual'nyy kodeks RF ot 14.11.2002 № 138-FZ (GPK RF) (red. ot 03.07.2016) [The Civil Procedure Code of the Russian Federation of 14.11.2002 No. 138-FZ (as amended on 03.07.2016)]. *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 46. Art. 4532.
30. Yarkov, V.V. (ed.) (2004) *Grazhdanskiy protsess* [Civil Procedure]. 5th ed. Moscow: Volters Kluver.
31. Russian Federation. (2002) Arbitrazhnyy protsessual'nyy kodeks RF ot 24 iyulya 2002 g. № 95-FZ (APK RF) (red. ot 23.06.2016) [The Arbitration Procedure Code of the Russian Federation of July 24, 2002, No. 95-FZ (as amended on June 23, 2016)]. *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 30. Art. 3012.
32. Babaev, V.K. (1974) *Prezumptsii v sovetskom prave* [Presumptions in Soviet law]. Gorkiy: Izd-vo GVSh MVD SSSR.
33. Pan'ko, K.K. (1998) *Fiktsii v ugolovnom prave (v sfere zakonotvorchestva i pravoprimenenii)* [Fictions in the criminal law (in the field of law-making and law enforcement)]. Abstract of Law Cand. Diss. Yaroslavl.
34. Davydova, M.L. (2009) Problemy ponyatiya i klassifikatsii pravovykh fiktsiy [Problems of the concept and classification of legal fictions]. *Vestnik VolGU*. 11. pp. 17–23.
35. Russian Federation. (1996) Semeynyy kodeks RF ot 29.12.1995. № 223-FZ (SK RF) (red. ot 30.12.2015) [The Family Code of the Russian Federation of 29.12.1995 No. 223-FZ (as amended on 30.12.2015)]. *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 1. Art. 16.
36. Gurvich, M.A. (1968) Dokazatel'stvennye prezumptsii v sovetskom grazhdanskom protsesse [Evidentiary presumptions in the Soviet civil procedure]. *Sovetskaya yustitsiya*. 12. pp. 8–10.
37. Danilova, E.S. (2014) K voprosu o ponyatii, klassifikatsii i znachenii yuridicheskikh fiktsiy [On the concept, classification and significance of legal fictions]. *Yuridicheskaya nauka*. 3. pp. 112–118.
38. Russian Federation. (2001) Grazhdanskiy kodeks RF ot 26.11.2001 № 146-FZ (GK RF) (Chast' tret'ya) (red. ot 03.07.2016) [The Civil Code of the Russian Federation of 26.11.2001 No. 146-FZ (Part Three) (as amended on 03.07.2016)]. *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 49. Art. 4552.
39. Russian Federation. (1996) Ugolovnyy kodeks RF ot 13.06.1996 № 63-FZ (UK RF) (red. ot 06.07.2016) [The Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 No. 63-FZ (as amended on 06.07.2016)]. *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 25. Art. 2954.
40. Russian Federation. (2001) Ugolovno-protsessual'nyy kodeks RF ot 18.12.2001. № 174-FZ (UPK RF) (red. ot 06.07.2016) [The Code of Criminal Procedure of the Russian Federation of December 18, 2001. No. 174-FZ (CCP RF) (as amended on 06.07.2016)]. *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 52 (Pt. I). Art. 4921.
41. Kovtun, N.N. (2010) Prezumptsii i fiktsii ugolovno-protsessual'nogo prava Rossii: tekhnologiya osoznannoy lzhi [Presumptions and fictions of the criminal procedure law of Russia: the technology of conscious lies]. *Yuridicheskaya tekhnika*. 4. pp. 231–235.
42. Sitnikova, A.I. (2008) Fiktsii v ugolovnom prave [Fictions in criminal law]. *Leningradskiy yuridicheskiy zhurnal*. 1. pp. 60–67.

Received: 11 July 2017

Вестник Томского государственного университета. 2017. № 424. С. 234–240. DOI: 10.17223/15617793/424/33

УДК 346.1

В.В. Кванина

ПОНЯТИЕ И ВИДЫ ПРАВОВЫХ РЕЖИМОВ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Предварительно исследуются общетеоретические вопросы о понятии и видах правовых режимов. На основе полученных результатов отмечается, что в предпринимательском законодательстве отсутствует единообразный подход к обозначению правовых режимов предпринимательской деятельности; выводятся сущностные признаки правовых режимов предпринимательской деятельности; указывается на необходимость введения нового обозначения видов правовых режимов предпринимательской деятельности.

Ключевые слова: правовой режим; правовой режим предпринимательской деятельности; специальный правовой режим предпринимательской деятельности; особый правовой режим предпринимательской деятельности.

Основным фактором экономического роста государств с рыночными формами хозяйствования является институт предпринимательства. Создание же благоприятных условий для осуществления предпринимательской деятельности – основа формирования стабильной экономики России. Благоприятные условия закладываются через соответствующий правовой режим – режим предпринимательской деятельности. Как отмечает С.С. Алексеев, правовой режим – это «основное комплексное составляющее звено правовой материи: из всех явлений правовой действительности он один снабжен всеми необходимыми элементами самостоятельного существования и эффективного функционирования» [1. С. 182].

Правовой режим предпринимательской деятельности производен от общего понятия – «правовой режим», которое имеет межотраслевой характер. В связи с этим предварительно необходимо определиться в вопросе, что из себя представляет данная категория.

По вопросам о понятии «правовой режим» и его видах высказаны полярные точки зрения, что свидетельствует об их дискуссионности и неоднозначности.

В Википедии, например, под категорией «правовой режим» понимается: 1) совокупность правил, регулирующих ту или иную сферу деятельности; 2) специальный закрепленный в нормативно-правовых актах различного уровня порядок регулирования общественных отношений, основанный на установленных и обеспеченных государством правовых средствах, направленный на формирование благоприятных условий для удовлетворения интересов субъектов права, выражающийся в специфике способов и гарантий его реализации, ответственности за нарушение его требований и основывается на действии общих принципов, приводящих все его элементы в единую упорядоченную систему.

В Словаре русского языка под режимом понимается установленный порядок чего-нибудь, условия деятельности, существования чего-нибудь [2. С. 620].

Несмотря на общую «узнаваемость» категории «правовой режим» в научной и учебной литературе, она представлена в разных ракурсах. Например, Д.Н. Бахрах под правовым режимом понимает «официально установленный особый порядок правового регулирования, отражающий совокупность юридических и организационных средств, используемых для закрепления социально-правового состояния объектов воздействия и направленный на обеспечение их устойчивого функционирования» [3. С. 478].

Н.И. Матузов и А.В. Малько правовой режим представляют также через особый порядок регулирования, выражающийся в определенном сочетании юридических средств и создающий желаемое социальное состояние и конкретную степень благоприятности либо неблагоприятности для удовлетворения интересов субъектов права [4. С. 17–18].

Наибольшее распространение получило определение, данное С.С. Алексеевым, который под правовым режимом рассматривает порядок регулирования общественных отношений, выраженный в комплексе правовых средств, характеризующих особое сочетание взаимодействующих между собой дозволений, запретов, а также позитивных обязываний и создающих особую направленность регулирования [5. С. 185].

Подход к правовому режиму как определенному порядку правового регулирования, определенной системе средств либо мер воздействия (запреты, обязывания, стимулы и др.) нашел свое закрепление и в действующем законодательстве. Например, согласно ч. 1 ст. 4 Федерального закона от 9 июля 1999 г. № 160-ФЗ «Об иностранных инвестициях в Российской Федерации» правовой режим деятельности иностранных инвесторов и использования полученной от инвестиций прибыли не может быть менее благоприятным, чем правовой режим деятельности и использования полученной от инвестиций прибыли, предоставленный российским инвесторам, за изъятиями, устанавливаемыми федеральными законами. Обращает на себя внимание и ч. 2 ст. 4 закона, в которой указываются изъятия ограничительного и стимулирующего характера.

Вышеизложенное позволяет обозначить характерные черты, присущие правовому режиму:

а) это особый порядок правового регулирования;

б) выражается в особом сочетании мер, способов и средств воздействия на общественные отношения;

в) он устанавливается законодателем и закрепляется в нормативных правовых актах;

г) его установление преследует определенную цель;

д) он имеет свою структуру (категория субъектов правоотношений, их правовой статус, объекты правоотношений, юридические факты, компетенция органов власти и др.);

е) он имеет устойчивый характер [6. С. 34].

Таким образом, под правовым режимом следует понимать закрепленный на нормативном уровне и обеспеченный государством особый порядок правового регулирования, направленный на конкретные виды общественных отношений и выражающийся в особом сочетании способов воздействия и юридических средств, конечным результатом применения которых является создание для субъектов права в различной степени благоприятных или неблагоприятных для них условий.

Правовые режимы подразделяются на различные виды, их классификационные основания разнообразны. Например, такие как: 1) исключительность ситуации (режим чрезвычайного, военного положения); 2) отдельная территория (режим заповедных территорий, территория РФ, субъектов РФ, муниципальных образований); 3) отдельные объекты (например, наркотические средства, оружие, недвижимое имущество); 4) субъекты (граждане РФ, иностранные граждане); 5) сфера деятельности (международно-правовая, внутригосударственная); 6) отрасли права (материальные, процессуальные, конституционное, административное, гражданское, таможенное, земельное и другие отрасли); 7) предмет регулирования; 8) тип регулирования (правовые режимы общедозволительного вида, построенные на диспозитивных началах, и правовые режимы разрешительного вида, построенные на императивных началах); 9) характер регулирования (льготные и поощрительные режимы стимулирования, режимы ограничений – обязывающие, запрещающие, наказывающие) и др.

Среди правовых режимов, выделяемых по отраслевому признаку, особая роль отводится правовому режиму предпринимательской деятельности. Основное предназначение данного режима – достижение эффективного функционирования внутренней экономики, а также повышение благосостояния государства и общества.

На сегодняшний день в юридической литературе отсутствует единообразие в понимании данной категории. Так, например, Г.Д. Отнюкова правовой режим предпринимательской деятельности определяет как совокупность правил, устанавливающих права и обязанности предпринимателя, осуществление которых способствует достижению конкретной, специфической цели правового регулирования [7. С. 71].

А.А. Мохов, в свою очередь, под правовым режимом осуществления предпринимательской деятельности понимает установленный порядок осуществления предпринимательской деятельности в определенной сфере (отрасли, секторе), характеризующийся особым сочетанием способов (средств и мер) воздействия, направленный на достижение целей и задач социально-экономического развития страны, обеспечение ее безопасности и целостности. Как отмечает автор, законодательно установленный правовой режим осуществления предпринимательской деятельности пронизывает буквально все предпринимательские отношения (имущественные, корпоративные и др.). Он оказывает решающее влияние на права и обязанности, а также ответственность предпринимателя [8. С. 65].

Данное понятие правового режима предпринимательской деятельности, как представляется, охватывает основные черты общего понятия «правовой режим».

В литературе по предпринимательскому праву отдельные авторы выделяют следующие правовые режимы предпринимательской деятельности: общий, специальный и особый. При этом ряд из них не приводит различий между ними [9. С. 39; 10. С. 135; 11. С. 122]. Иные, напротив, утверждают о существенной разнице между указанными видами правовых режимов [8. С. 66–67].

Данная классификация правовых режимов предпринимательской деятельности вызывает определенные сомнения. В частности, насколько правомерно выделять общий режим предпринимательской деятельности?

В юридической литературе совершенно справедливо было отмечено, что назначение режима – достижение определенной цели. При этом установлением правового режима может быть достигнут как конечный результат (в этом случае правовой режим заканчивает свое действие), так и создана правовая ситуация продолжительного действия (правовой режим «работает» до неопределенного времени [12. С. 27]); что он необходим тогда, когда подлежащие урегулированию отношения являются уникальными, не поддающимися общему регулированию, нуждающимися в особом законодательном закреплении и регламентации [13. С. 24].

Как представляется, когда речь идет о регулировании общественных отношений, которое не предполагает определенных изъятий, льгот, ограничений, рассчитано на неопределенный период времени, его установление не преследует определенную цель и т.д., то в этом случае с общетеоретической точки зрения необходимо говорить не о правовом режиме, а об общем правовом регулировании общественных отношений.

Правовой же режим, как выше было отмечено, применим в тех случаях, когда общего порядка регулирования становится недостаточно для достижения поставленных законодателем целей, когда для достижения намеченного социального состояния необходимо стимулировать субъектов правоотношений посредством введения дополнительных льгот либо сдерживать их посредством установления ограничений.

Общее правовое регулирование общественных отношений – это основа, которая применяется ко всей группе однородных общественных отношений. Здесь в полной мере проявляют себя принципы отрасли права, характер направленности законодательства (разрешительный или дозволительный), регулирование установлено без ограничения сроков, относится к большинству хозяйствующих субъектов – потенциальным участникам предпринимательских отношений.

С учетом изложенного, можно выделить следующие признаки, характеризующие общее регулирование предпринимательской деятельности:

1) общий порядок легитимации и прекращения существования хозяйствующего субъекта;

2) общий порядок начала и прекращения осуществления предпринимательской деятельности;

3) неограниченный круг хозяйствующих субъектов, на которых распространяется действие общего регулирования предпринимательской деятельности;

4) неограниченная территория воздействия;

5) неограниченное время действия;

6) отсутствие особых льгот, преимуществ, преференций, ограничений при осуществлении предпринимательской деятельности.

Что касается понятия специального режима предпринимательской деятельности, то в науке предпринимательского права также отсутствует единство взглядов по данному вопросу. Так, например, отдельные авторы полагают, что специальный правовой режим выступает вариацией общего правового режима с включением в него особых льгот и преимуществ, дополнительных прав либо особых ограничений, выражающихся в дополнительных запретах или позитивных обязываниях. Специальные режимы позволяют в определенных границах устанавливать отдельные особенности социальных связей, тех или иных объектов и субъектов; под их воздействие подпадает ограниченный круг субъектов; они распространяются на предпринимателей, реализующих свою хозяйственную деятельность в определенной отрасли экономики либо в определенной сфере, а иногда и на конкретных, индивидуально-определенных субъектов; к субъектам предпринимательства в рамках специального правового режима могут быть установлены дополнительные требования; специальные правовые режимы имеют временные ограничения и особую целевую установку [11. С. 121–124].

Другие же авторы полагают, что специальные режимы, в отличие от общего режима, распространяют свое действие на ограниченный круг субъектов (определенной отрасли, сферы деятельности либо даже индивидуально определенных), по иному, в сравнении с общим правилом, определяя их правовое положение (права, обязанности, ответственность). Объединяет специальные режимы с общим временной фактор (они также рассчитаны на длительный период действия) [14. С. 11].

В качестве примеров специального правового режима предпринимательской деятельности в литературе приводят федеральные законы, положения которых указывают на наличие данного режима:

– согласно ст. 17 Федерального закона от 28 сентября 2010 г. № 244-ФЗ «Об инновационном центре “Сколково” медицинская и образовательная деятельность на территории центра осуществляется медицинскими и образовательными организациями без получения ими лицензии на соответствующие виды деятельности. Такая деятельность осуществляется на основании разрешений, выданных управляющей компанией, реализующей проект;

– Федеральным законом от 29 декабря 2006 г. № 244-ФЗ «О государственном регулировании деятельности по организации и проведению азартных игр и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» в целях защиты нравственности, прав и законных интересов граждан установлены специальные требования к порядку осуществления деятельности по организации и проведению азартных игр, к организаторам азартных игр, игорным заведениям и их посетителям; определены территории, предназначенные для осуществления деятельности по организации и проведению азартных игр; предусмотрена выдача специальных разрешений или лицензий на осуществление деятельности по организации и проведению азартных игр; установлены требования к организаторам азартных игр в букмекерских конторах или тотализаторах о членстве в саморегулируемых организациях, ответственность за нарушение игорного законодательства и др. [15, 16].

Предложено рассматривать в качестве специального правового режима предпринимательской деятельности также законодательство о саморегулировании в отношении отдельных видов деятельности (в сфере финансового рынка, объединяющей юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, осуществляющих деятельность брокеров, дилеров, управляющих, депозитариев, регистраторов, акционерных инвестиционных фондов и др.), – Федеральный закон от 13 июля 2015 г. № 223-ФЗ «О саморегулируемых организациях в сфере финансового рынка» и федеральные законы, регулирующие соответствующие виды деятельности. На данную область отношений Федеральный закон от 1 декабря 2007 г. № 315-ФЗ «О саморегулируемых организациях» не распространяется (ч. 3 ст. 1).

К указанному виду режима отнесено и обязательное членство в саморегулируемых организациях [17]; специальные правовые режимы деятельности определенных категорий субъектов, в частности, субъектов малого и среднего предпринимательства. Характерными чертами данного режима являются, например, наличие специальных налоговых режимов, особенности осуществления государственного контроля (надзора) [18. С. 23].

Заметим, что в соответствующих законах ссылка на установление специального режима предпринимательской деятельности в указанных случаях отсутствует. Не находим этого и, например, в других нормативных правовых актах: Федеральном законе от 3 декабря 2011 г. № 392-ФЗ «О зонах территориального развития в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», Федеральном законе от 13 июля 2015 г. № 212-ФЗ «О свободном порте Владивосток». Хотя в них фактически речь идет, в том числе, об установлении специального режима предпринимательской деятельности.

В то же время указание на установление правовых режимов предпринимательской деятельности нашло свое отражение в других в нормативных правовых актах. Их анализ позволяет прийти к выводу об отсутствии в законодательстве единообразия в обозначении данного правового явления.

Например, Федеральным законом от 22 июля 2005 г. № 116-ФЗ «Об особых экономических зонах в Российской Федерации» легализован термин «особый режим осуществления предпринимательской деятельности». Так, в соответствии со ст. 2 закона особый режим устанавливается в особой экономической зоне, которая определяется Правительством Российской Федерации и на которой может применяться таможенная процедура свободной таможенной зоны.

Для данного режима характерно, например, следующее: предпринимательская деятельность должна осуществляться непосредственно в границах особой экономической зоны; резидент не вправе иметь филиалы и представительства вне особых экономических зон; резидент обязан осуществлять в особой экономической зоне только предусмотренную соглашением деятельность; резиденты промышленно-производственных и портовых особых экономических зон должны осуществлять инвестиции в установленном законом объеме; наличие налоговых и таможенных льгот; предоставление земельного участка и (или) государственного и (или) муниципального имущества в аренду по льготной ставке арендной платы [19].

Федеральным законом от 29 декабря 2014 г. № 473-ФЗ «О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации» на территории опережающего социально-экономического развития предусмотрен особый правовой режим осуществления предпринимательской деятельности. В соответствии со ст. 2 закона под территорией опережающего социально-экономического развития понимается часть территории субъекта Российской Федерации, включая закрытое административное образование, на которой в соответствии с решением Правительства Российской Федерации установлен особый правовой режим осуществления предпринимательской и иной деятельности в целях формирования благоприятных условий для привлечения инвестиций, обеспечения ускоренного социально-экономического развития и создания комфортных условий для обеспечения жизнедеятельности населения. Территория создается сроком на 70 лет.

В статье 17 закона закреплено, что особый правовой режим осуществления предпринимательской и иной деятельности на территории опережающего социально-экономического развития предоставляется в соответствии с данным законом и другими федеральными законами и включает в себя: особенности регулирования отдельных отношений, связанных с функционированием территории опережающего социально-экономического развития; установление резидентам территории опережающего социально-экономического развития льготных ставок арендной платы за пользование объектами недвижимого имущества; особенности налогообложения резидентов территории опережающего социально-экономического развития, установленные законодательством Российской Федерации о налогах и сборах; особенности осуществления государственного контроля (надзора), муниципального контроля на территории опережающего социально-экономического развития; приоритетное подключение к объектам инфраструктуры территории опережающего социально-экономического развития; предоставление государственных услуг на территории опережающего социально-экономического развития; применение таможенной процедуры свободной таможенной зоны; освобождение в соответствии с законодательством РФ о налогах и сборах, законодательством субъектов РФ, нормативными правовыми актами представительных органов муниципальных образований резидентов территории опережающего социально-экономического развития от уплаты налогов на имущество организаций и земельного налога; иные предусмотренные Федеральным законом и другими федеральными законами особые условия осуществления деятельности на территории опережающего социально-экономического развития [20].

В Федеральном законе от 29 ноября 2014 г. № 377 «О развитии Республики Крым и города федерального значения Севастополя и свободной экономической зоне на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя» речь идет об особом режиме осуществления предпринимательской и иной деятельности в свободной экономической зоне, который согласно ст. 15 закона предполагает особенности осуществления градостроительной деятельности и землепользования при размещении объектов, необходимых для реализации участниками свободной экономической зоны инвестиционных проектов; особый режим налогообложения в соответствии с законодательством о налогах и сборах; предоставление в порядке, установленном бюджетным законодательством Российской Федерации, субсидий на возмещение затрат участников свободной экономической зоны и др.

В Соглашении по вопросам свободных (специальных, особых) экономических зон на таможенной территории Таможенного союза и таможенной процедуры свободной таможенной зоны от 18 июня 2010 г. ст. 8 обозначена следующим образом: «Особый (специальный правовой) режим осуществления предпринимательской и иной деятельности на территории СЭЗ». Данный режим заключается в предоставлении резидентам особого режима налогообложения, определяемого законодательством государств – членов Таможенного союза, а также в создании иных, более благоприятных, чем общеустановленные на территории государства – члена Таможенного союза, условий для осуществления предпринимательской и иной деятельности на территории СЭЗ. Как видно, в данном случае вообще произошло смешение видов режимов.

Несмотря на отмеченные различия в обозначении режимов предпринимательской деятельности либо отсутствие их обозначений в правовых актах, речь в действительности в вышеперечисленных случаях идет о специальном режиме предпринимательской деятельности, для которого характерны:

1) специальный порядок легитимации предпринимателей;

2) ограниченный круг хозяйствующих субъектов, на которых распространяется действие специального режима предпринимательской деятельности;

3) специальные основания начала и прекращения предпринимательской деятельности;

4) наличие дополнительных прав и обязанностей у хозяйствующих субъектов;

5) ограниченная территория воздействия;

6) ограниченное время действия;

7) наличие особых льгот, преимуществ, преференций, ограничений при осуществлении предпринимательской деятельности.

С учетом данных признаков под специальным режимом предпринимательской деятельности следует понимать установленные специальным законодатель-

ством положения, предусматривающие особые цели регулирования, введенные на определенный срок и на определенной территории, применение к отдельной группе хозяйствующих субъектов особых льгот, преимуществ, преференций, ограничений при осуществлении предпринимательской деятельности.

В законодательстве и литературе в отношении данного режима распространено также обозначение «специальный режим осуществления предпринимательской деятельности». Следует согласиться с Е.А. Громовой о том, что данное обозначение является неудачным, так как осуществление деятельности есть ее исполнение, реализуемое самим субъектом. Исходя из указанного, категория «режим осуществления предпринимательской деятельности» подразумевает порядок осуществления предпринимательской деятельности ее субъектами. Применительно к предпринимательской деятельности на территории особой экономической зоны указывается, что порядок осуществления указанной деятельности не является особым и не отличается от порядка ее осуществления на территории России в целом, и резидент особой экономической зоны должен осуществлять деятельность в соответствии с общими правилами осуществления предпринимательской деятельности. Например, если он намерен осуществлять предпринимательскую деятельность, право на осуществление которой возникает при наличии лицензии или членства в саморегулируемой организации, он также должен будет отвечать указанным требованиям. В то же время регулирование предпринимательской деятельности на территории особой экономической зоны обладает рядом специфических черт (разрешительный тип регулирования, наделение резидента отдельными льготами) [21. С. 30–31].

Для выяснения сущности особого правового режима предпринимательской деятельности целесообразно обратиться к доктрине административного права, где в качестве признаков особого правового режима выделяют следующие:

1) специальные основания установления, причем как фактические, выраженные в наступлении чрезвычайной ситуации определенного вида, так и юридические, характеризующиеся наличием заранее принятого нормативного правового акта;

2) специальные основания введения – реальная угроза для безопасности личности, общества, государства;

3) временный характер: вводятся в период существования чрезвычайной ситуации и прекращают свое действие в момент ее окончания;

4) существенное изменение правового положения ряда субъектов, причем зачастую в сторону ограничения их права, установления дополнительных запретов и обязываний;

5) комплексный характер правового воздействия [22].

Специалисты по предпринимательскому праву к признакам особых правовых режимов предпринимательской деятельности относят: экстраординарный, чрезвычайный, срочный, временный характер, существенное изменение регулирующего воздействия на субъектов правоотношений, наличие серьезных ограничений прав и охраняемых законом интересов граждан и организаций [14. С. 12].

В качестве примера особого режима предпринимательской деятельности авторы ссылаются на ст. 13 Федерального конституционного закона от 30 мая 2001 г. № 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении», которая закрепляет возможность при установлении чрезвычайного режима вносить изменения в режим работы организаций вне зависимости от их организационно-правовой формы, позволяет отстранять от работы руководителей негосударственных организаций в связи с неисполнением или ненадлежащим исполнением ими обязанностей, а также временно назначать на их должности иных лиц.

Другой пример особого режима предпринимательской деятельности выводится из Федерального конституционного закона от 30 января 2002 г. № 1-ФКЗ «О военном положении», в соответствии с которым в период действия военного положения могут быть предусмотрены меры, связанные с введением временных ограничений на осуществление экономической и финансовой деятельности, оборот имущества, свободное перемещение товаров, услуг и финансовых средств, на поиск, получение, передачу, производство и распространение информации, временно изменены форма собственности организаций, порядок и условия процедур банкротства, режим трудовой деятельности и установлены особенности финансового, налогового, таможенного и банковского регулирования как на территории, на которой введено военное положение, так и на территориях, на которых военное положение не введено.

Вышеперечисленные примеры в действительности свидетельствуют об исключительности ситуаций и о необходимости введения особого режима предпринимательской деятельности в указанных случаях. Смущает только обозначение режима «особый».

Если обратиться к Словарю русского языка, то слово «особый» означает особенный (не такой, как все, не обыкновенный), отдельный, независимый от других [2. С. 415]; слово «специальный», в свою очередь, означает особый, исключительно для чего-н. предназначенный; относящийся к отдельной отрасли чего-н., присущий той или иной специальности [Там же. С. 698]. Таким образом, сказать, что лексическое значение слов «особый» и «специальный» тождественно, нельзя, но и не видеть их схожести также нет оснований.

Использование и дальше этих терминов для обозначения режимов предпринимательской деятельности может привести к путанице как в доктрине, так и в законодательстве, что не может не сказаться в целом на эффективности предпринимательского законодательства. Поэтому уже сегодня необходимо определиться, как, каким образом разграничить эти режимы предпринимательской деятельности, выявив отличительные их признаки, и привести действующее законодательство по данному вопросу к единообразию.

Выводы по данным вопросам могут служить основой для дальнейших исследований по проблематике предпринимательского права, в частности, его предмету, включающему в свой состав договорные обязательства со специальным режимом предпринимательской деятельности [23], которые до настоящего времени еще не осмыслены на теоретическом уровне.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев С.С. Структура советского права. М. : Юрид. лит., 1975. 319 с.
2. Ожегов С.И. Словарь русского языка / под общ. ред. С.П. Обнорского. М. : Гос. изд. иностр. и нац. словарей, 1952. 848 с.
3. Бахрах Д.Н., Россинский Б.В., Старилов Ю.Н. Административное право : учеб. для вузов. М. : НОРМА, 2008. 816 с.
4. Матузов Н.И., Малько А.В. Правовые режимы: вопросы теории и практики // Правоведение. 1996. № 1. С. 16–29.
5. Алексеев С.С. Общие дозволения и общие запреты в советском праве. М. : Юрид. лит., 1989. 288 с.
6. Барзилова И.С. Теоретико-отраслевые основания исследования понятия правового режима // Правовые режимы: общетеоретический и отраслевые аспекты / под ред. А.В. Малько, И.С. Барзиловой. М. : Юрлитинфрорм, 2012. С. 28–46.
7. Предпринимательское право: Правовое сопровождение бизнеса : учеб. для магистров / И.В. Ершова, Р.Н. Аганина, В.К. Андреев и и др. М. : Проспект, 2017. 848 с.
8. Мохов А.А. Правовые режимы осуществления предпринимательской деятельности // Сборник научно-практических статей II Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы предпринимательского и корпоративного права в России и за рубежом» (22 апреля 2015 года, г. Москва) / под общ. ред. С.Д. Могилевского, М.А. Егоровой. М. : Юстицинформ, 2015. С. 64–67.
9. Нилов К.Н. Особые (специальные) правовые режимы как средство дифференциации правового регулирования предпринимательства // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2015. № 9. С. 37–41.
10. Бандорин А.Е. Механизм правового регулирования предпринимательской деятельности в России: вопросы теории и практики : дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 2011. 220 с.
11. Малько А.В., Лиманская А.В. Специальный правовой режим как особое средство правового регулирования // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2013. № 6 (95). С. 120–124.
12. Родионов О.С. Механизм установления правовых режимов российским законодательством : дис. … канд. юрид. наук. М., 2003. 157 с.
13. Лиманская А.П. Специальные правовые режимы: общетеоретический анализ : дис. … канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2014. 186 с.
14. Мохов А.А. Правовые режимы осуществления экономической деятельности и саморегулирование предпринимательской или профессиональной деятельности // Законы России: опыт, анализ, практика. 2015 № 4. С. 9–14.
15. Казаков В.В., Варданян А.В. Криминалистический анализ субъектов преступлений, связанных с воспрепятствованием законной предпринимательской деятельности, как фактор повышения результативности расследования // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2015. Т. 9, № 4. С. 745–754.
16. Прозументов Л.М., Шеслер А.В. Отечественные научные концепции причин преступности // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2014. Вып. 1 (27). С. 49–58.
15. Ершова И.В. Саморегулирование предпринимательской и профессиональной деятельности: вопросы теории и практики // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 10. С. 2140–2150.
16. Ершова И.В. Специальный правовой режим деятельности субъектов малого и среднего предпринимательства: доктринальные и законодательные подходы // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2016. № 2. С. 22–26.
17. Громова Е.А. Особенности режима предпринимательской деятельности в особых экономических зонах // Защита субъективных прав и охраняемых интересов : материалы II Междунар. науч.-исслед. конф. (г. Кемерово, 24 февраля 2017 года). Кемерово : Кемеров. ин-т (филиал) РЭУ им. В.Г. Плеханова, 2017 С. 28–31.
18. Кванина В.В. Соглашение об осуществлении деятельности на территории опережающего социально-экономического развития: проблемы отраслевой и содержательной определимости // ЭПОС. 2016. Т. 1, № 65. С. 88–91.
19. Громова Е.А. Соглашение об осуществлении технико-внедренческой деятельности : дис. … канд. юрид. наук. Челябинск, 2014. 212 с.
20. Майдыков А.Ф., Мелехин А.В. Проблемы формирования законодательства об особых правовых режимах в Российской Федерации // Журнал российского права. 2005. № 10. С. 99–101.
21. Кванина В.В. О структуре предмета предпринимательского права // Предпринимательское право. 2016. № 1. С. 3–9.

Статья представлена научной редакцией «Право» 1 ноября 2017 г.

CONCEPT AND TYPES OF LEGAL REGIMES OF ENTREPRENEURSHIP

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 424, 234–240.
DOI: 10.17223/15617793/424/33

Valentina V. Kvanina, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation); South Ural State University (Chelyabinsk, Russian Federation). E-mail: vv.kvanina@mail.ru

Keywords: legal regime; legal regime of entrepreneurship; special legal regime of entrepreneurship; specific legal regime of entrepreneurship.

The aim of this article is to identify the types of legal regimes of entrepreneurship and their features. To achieve this aim, using the methods of research (system, abstraction, analysis and synthesis, formal legal, etc.), the author analyzes the concept, types and content of legal regimes, as well as legal regimes of entrepreneurial activities. The article presents opinions regarding the legal category “legal regime” expressed in professional legal literature on the topic. The author shares an opinion that suggests to understand legal regime as a procedure for regulating social relations that characterize a specific combination of interrelated permissions, prohibitions, positive obligations and create a special direction of regulation. The author outlines the characteristic features of legal regime. The article indicates the classification bases of types of legal regimes. Based on branches of law, legal regimes of entrepreneurial activities are determined: general, special and specific. The author expresses a critical attitude towards the general regime of entrepreneurial activities, since in essence it is the question of the general procedure for regulating public relations; features are identified that characterize the general regulation of entrepreneurial activities. Analysis of the legislation on the special legal regime of entrepreneurial activities made it possible to conclude that there is no uniformity in the designation of this regime; analysis of doctrinal points of view on this issue also led to a conclusion that there is no single approach to this regime. On the basis of the current entrepreneurial legislation and the essential features of the legal regime, the author states the characteristic features of the special legal regime of entrepreneurial activities. After examining the examples of the specific regime of entrepreneurial activities, and fixed in a special legislation, the author concluded that it can be reasonably identified along with other regimes. At the same time, the terms for naming regimes of entrepreneurial activities, special anf specific, are called into question for their lexical proximity. As a result, the author notes the findings on legal regimes of entrepreneurship can be a basis for further research on the issues of entrepreneurial law, in particular, its object that includes contractual obligations with the special regime of entrepreneurial activities not yet comprehended at the theoretical level.

REFERENCES

1. Alekseev, S.S. (1975) *Struktura sovetskogo prava* [The structure of Soviet law]. Moscow: Yurid. lit.
2. Ozhegov, S.I. (1952) *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian language]. Moscow: Gos. izd. inostr. i nats. slovarey.
3. Bakhrakh, D.N., Rossinskiy, B.V. & Starilov, Yu.N. (2008) *Administrativnoe pravo* [Administrative Law]. Moscow: NORMA.
4. Matuzov, N.I. & Mal'ko, A.V. (1996) Pravovye rezhimy: voprosy teorii i praktiki [Legal regimes: theory and practice]. *Pravovedenie*. 1. pp. 16–29.
5. Alekseev, S.S. (1989) *Obshchie dozvoleniya i obshchie zaprety v sovetskom prave* [General permissions and general prohibitions in Soviet law]. Moscow: Yurid. lit.
6. Barzilova, I.S. (2012) Teoretiko-otraslevye osnovaniya issledovaniya ponyatiya pravovogo rezhima [Theoretical and branch bases of research of the legal regime concept]. In: Mal'ko, A.V. & Barzilova, I.S. (eds) *Pravovye rezhimy: obshcheteoreticheskiy i otraslevye aspekty* [Legal regimes: general theoretical and branch aspects]. Moscow: Yurlitinfrorm.
7. Ershova, I.V. et al. (2017) *Predprinimatel'skoe pravo: Pravovoe soprovozhdenie biznesa* [Entrepreneurship: Legal support of business]. Moscow: Prospekt.
8. Mokhov, A.A. (2015) [Legal Regimes for the Implementation of Entrepreneurial Activity]. *Aktual'nye problemy predprinimatel'skogo i korporativnogo prava v Rossii i za rubezhom* [Topical Issues of Entrepreneurial and Corporate Law in Russia and Abroad]. Proceedings of the II international conference. Moscow. 22 April 2015. Moscow: Yustitsinform. pp. 64–67. (In Russian).
9. Nilov, K.N. (2015) Osobye (spetsial'nye) pravovye rezhimy kak sredstvo differentsiatsii pravovogo regulirovaniya predprinimatel'stva [Specific (special) legal regimes as a means of differentiating the legal regulation of entrepreneurship]. *Vestnik Baltiyskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta – IKBFU*. 9. pp. 37–41.
10. Bandorin, A.E. (2011) *Mekhanizm pravovogo regulirovaniya predprinimatel'skoy deyatel'nosti v Rossii: voprosy teorii i praktiki* [The mechanism of legal regulation of entrepreneurial activity in Russia: theory and practice]. Law Cand. Diss. Saratov.
11. Mal'ko, A.V. & Limanskaya, A.V. (2013) Special Legal Regime as a Specific Means of Legal Regulation. *Vestnik Saratovskoy gosudarstvennoy yuridicheskoy akademii*. 6 (95). pp. 120–124. (In Russian).
12. Rodionov, O.S. (2003) *Mekhanizm ustanovleniya pravovykh rezhimov rossiyskim zakonodatel'stvom* [The mechanism of establishing legal regimes by Russian legislation]. Law Cand. Diss. Moscow.
13. Limanskaya, A.P. (2014) *Spetsial'nye pravovye rezhimy: obshcheteoreticheskiy analiz* [Special legal regimes: general theoretical analysis]. Law Cand. Diss. Rostov-on-Don.
14. Mokhov, A.A. (2015) Pravovye rezhimy osushchestvleniya ekonomicheskoy deyatel'nosti i samoregulirovanie predprinimatel'skoy ili professional'noy deyatel'nosti [Legal regimes of economic activity and self-regulation of entrepreneurial or professional activity]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika*. 4. pp. 9–14.
15. Kazakov, V.V. & Vardanyan, A.V. (2015) Criminalistic analysis of individuals obstructing lawful entrepreneurial or other business activities as a factor of improving investigation efficiency. *Kriminologicheskiy zhurnal Baykal'skogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava*. 9 (4). pp. 745–754.
16. Prozumentov, L.M. & Shesler, A.V. (2014) Russian scientific concepts of crime reasons. *Kriminologicheskiy zhurnal Baykal'skogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava*. 1 (27). pp. 49–58.
15. Ershova, I.V. (2014) Self-regulation of business and professional activities: issues of theory and legislation. *Aktual'nye problemy rossiyskogo prava*. 10. pp. 2140–2150. (In Russian).
16. Ershova, I.V. (2016) The special legal regime of the activity of small and medium-sized businesses: doctrinal and legislative approaches. *Zhurnal predprinimatel'skogo i korporativnogo prava – Journal of entrepreneurship and corporate law*. 2. pp. 22–26. (In Russian).
17. Gromova, E.A. (2017) [Features of the regime of entrepreneurial activity in special economic zones]. *Zashchita sub"ektivnykh prav i okhranyaemykh interesov* [Protection of subjective rights and protected interests]. Proceedings of the II international conference. Kemerovo. 24 February 2017. Kemerovo: Kemerovo Institute (Branch) of Plekhanov Russian University of Economics. pp. 28–31. (In Russian).
18. Kvanina, V.V. (2016) agreement on the implementation of activities in the outpace socio-economic development: problems of branch classification and substantial definability. *EPOS – EEE*. 1 (65). pp. 88–91. (In Russian).
19. Gromova, E.A. (2014) *Soglashenie ob osushchestvlenii tekhniko-vnedrencheskoy deyatel'nosti* [Agreement on the implementation of technical and innovative activities]. Law Cand. Diss. Chelyabinsk.
20. Maydykov, A.F. & Melekhin, A.V. (2005) Problemy formirovaniya zakonodatel'stva ob osobykh pravovykh rezhimakh v Rossiyskoy Federatsii [Problems of the formation of legislation on specific legal regimes in the Russian Federation]. *Zhurnal rossiyskogo prava – Journal of Russian Law*. 10. pp. 99–101.
21. Kvanina, V.V. (2016) On the Entrepreneurial Law Subject Structure. *Predprinimatel'skoe pravo – Entrepreneurial Law*. 1. pp. 3–9. (In Russian).

Received: 01 November 2017

Вестник Томского государственного университета. 2017. № 424. С. 241–246. DOI: 10.17223/15617793/424/34

УДК 347.1

А.М. Рабец

СООТНОШЕНИЕ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОГО ПОЛОЖЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ И ИХ ЗАКОННЫХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ В ДОГОВОРНЫХ И ДЕЛИКТНЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВАХ (ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ)

Рассматриваются спорные вопросы теории и практики регламентации договорных и деликтных обязательств с участием несовершеннолетних и их законных представителей. Содержатся рекомендации по совершенствованию законодательства об ответственности законных представителей за вред, причиненный малолетними и несовершеннолетними лицами. Сделан вывод о целесообразности замены института субсидиарной ответственности законных представителей за вред, причиненный несовершеннолетними, институтом долевой ответственности.

Ключевые слова: несовершеннолетние; малолетние; законные представители; обязанности; сделки; вред; надзор; воспитание; ответственность.

Введение. В соответствии со ст. 64 Конституции РФ права и обязанности человека и гражданина в их совокупности составляют правовой статус личности в РФ [1]. Таким образом, неотъемлемой частью гражданско-правового статуса любого гражданина, проживающего в РФ, в том числе несовершеннолетних лиц, являются не только их права, в том числе гражданские, но также их гражданско-правовые обязанности. Это суждение основано на положении, содержащемся в ст. 60 Конституции РФ, согласно которому гражданин РФ самостоятельно осуществляет свои права и обязанности в полном объеме с 18 лет. Следовательно, частично он может осуществлять их ранее этого возраста.

Среди многих граждан современной России, как несовершеннолетних, так и взрослых, включая некоторых специалистов, в том числе в области права, достаточно широко распространен односторонний взгляд на правовой статус несовершеннолетних как на совокупность их прав при отсутствии обязанностей. Сторонники подобной позиции ссылаются на то, что в основном документе, в котором закрепляется правовое положение детей, т.е. в Конвенции ООН «О правах ребенка» [2. С. 164], говорится только о правах детей, но не об их обязанностях. Однако необходимо учитывать, что Конвенция специально посвящена именно правам ребенка, поскольку вопрос о правах несовершеннолетних во всем мировом сообществе все еще является наиболее актуальным. Тем не менее это вовсе не означает, что Конвенция в принципе отрицает наличие у несовершеннолетних каких-либо юридических обязанностей, которые могут быть установлены и фактически устанавливаются в каждом государстве.

Что касается гражданско-правового статуса личности несовершеннолетнего, то имеются все основания определять его как совокупность гражданских прав и обязанностей. Трудности в решении целого ряда теоретических и практических вопросов, касающихся осуществления гражданских прав и исполнения гражданско-правовых обязанностей самими несовершеннолетними, обусловлены их возрастом и отсутствием достаточной социальной и психологической зрелости, что вызывает необходимость участия в их реализации взрослых лиц, чаще всего законных представителей несовершеннолетних. В свою очередь, при оценке со стороны законодателя и правоприменителей как возможностей самих несовершеннолетних, так и необходимости участия их законных представителей в реализации их гражданских прав и обязанностей, возникает значительное число достаточно сложных и спорных вопросов теоретического и практического характера, что требует их постоянного изучения, анализа и своевременной реакции на всякого рода недостатки в регулировании гражданско-правовых отношений с участием несовершеннолетних. Все сказанное свидетельствует о высокой степени актуальности данной проблемы как в теоретическом, так и в практическом аспектах. В текущем десятилетии она особенно актуализировалась в связи с принятием в РФ целого ряда документов стратегического характера, направленных на развитие личности несовершеннолетних, защиту их прав и законных интересов, создание дружественного детям правосудия [3. С. 11], обеспечение правовой и финансовой грамотности выпускников организаций для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей [4. С. 12].

Настоящее исследование проведено с целью выявления пробелов и противоречий в законодательстве, устойчивых тенденций правоприменительной практики по проблемам договорной и деликтной ответственности несовершеннолетних и их законных представителей, выработки практических рекомендаций по совершенствованию действующего законодательства. В ходе исследования использованы методы системного и сравнительно-правового анализа; проведено сопоставление законов и подзаконных нормативных правовых актов, содержащихся в гражданском и семейном законодательстве.

Основываясь на достижениях в области теории гражданского права, в частности на учении о правоспособности и дееспособности граждан, с учетом действующего гражданского, семейного законодательства и правоприменительной практики, автор настоящей работы высказывает собственный, возможно, не во всем традиционный, взгляд на проблему соотношения правового положения несовершеннолетних и их законных представителей как участников договорных и деликтных обязательств, предлагает конкретные меры по совершенствованию действующего законодательства, многие из которых сформулированы впервые либо дополнительно аргументированы. Все это дает определенные основания для утверждения о

наличии в настоящей работе элементов научной новизны, о ее теоретической и практической значимости.

Основные положения. Упоминание о гражданско-правовых обязанностях граждан (физических лиц) в самом общем виде содержится в ст. 17, 18 и 21 ГК РФ, в которых сформулировано определение как гражданской правоспособности (обеспеченная гражданским законодательством способность иметь права и обязанности), так и гражданской дееспособности, которая понимается как способность самостоятельно, собственными действиями приобретать для себя и осуществлять права, а также принимать на себя и нести (исполнять) гражданско-правовые обязанности [5]. Общее понятие гражданской правосубъектности целиком и полностью распространяется и на несовершеннолетних. Следовательно, гражданское законодательство, в отличие от семейного, не дает никакого повода и никаких оснований полагать, что несовершеннолетние граждане в РФ вообще не несут никаких обязанностей. К ним относятся, в частности, всякого рода гражданско-правовые обязательства с участием несовершеннолетних. Речь идет, во-первых, об участии несовершеннолетних в обязательствах, возникающих из гражданско-правовых сделок, преимущественно из договоров, во-вторых, об их участии в обязательствах по возмещению вреда, причиненного ими здоровью или имуществу других лиц. Разумеется, можно говорить об обязанностях несовершеннолетних лиц как обладателей интеллектуальных, в том числе исключительных, прав на результаты творческой деятельности, об их обязанностях как наследников, однако в данной работе эти аспекты их гражданско-правового положения не рассматриваются.

Поскольку несовершеннолетние могут быть с точки зрения гражданского права обязанными лицами, то закономерно возникает достаточно интересный и более сложный в теоретическом и практическом отношениях, чем это может показаться на первый взгляд, вопрос: чьи обязанности выполняют законные представители малолетних и несовершеннолетних лиц при участии в сделках вместо несовершеннолетних или наряду с ними: собственные, т.е. родительские или опекунско-попечительские, или обязанности соответственно малолетних и несовершеннолетних? Рассмотрим эти вопросы более детально, насколько позволяют рамки настоящей статьи.

Как верно подметила М.А. Хватова, правоспособность всегда нуждается в дееспособности, так как лицо, принявшее на себя определенные обязанности, само же и будет их исполнять; в этом и заключается неразрывная связь гражданской правоспособности и дееспособности [6. С. 62]. Однако это вовсе не означает, что гражданско-правовые обязанности не могут возникнуть у недееспособного или у не полностью дееспособного гражданина. Исходя из универсального характера гражданской правоспособности физических лиц, мы с уверенностью констатируем такую возможность независимо от объема дееспособности субъекта. Но именно здесь и возникает проблема участия другого лица в гражданско-правовых обязательствах, в том числе при исполнении обязанностей. Чаще всего мы, не задумываясь, насколько это справедливо, констатируем, что такими субъектами, способными восполнить недостающую дееспособность, скажем, малолетнего, являются его родители, усыновители или опекуны как его законные представители. В то же время участие в том или ином гражданско-правовом обязательстве вместо малолетнего или наряду с несовершеннолетним также взрослого лица далеко не всегда свидетельствует о том, что взрослый субъект действует именно как законный представитель несовершеннолетнего, в самом узком значении этого слова, т.е. исключительно для восполнения недостающей дееспособности малолетнего или несовершеннолетнего. Для более глубокого уяснения данного вопроса рассмотрим ряд ситуаций.

1. Ребенку 10 лет нужна школьная форма, которую он покупает вместе с кем-либо из родителей. Предположим, что у него самого имеются карманные деньги, достаточные для ее приобретения. Спрашивается, чье право реализует родитель, участвуя в приобретении формы вместе с ребенком, на чьи деньги следует купить ее?

2. Ребенок, фигурирующий в нашем примере, получил от бабушки в наследство определенное имущество, частично обремененное долгом. Кто рассчитывается с кредиторами и за счет каких средств?

3. Участвуя в драке, ребенок причинил одному из своих сверстников серьезную травму. Вопросы все те же: в качестве кого выступают в данной ситуации родители, из каких средств будет возмещен вред?

Если исходить из цели института законного представительства, назначение которого состоит в защите прав и законных интересов малолетнего или несовершеннолетнего лица, то станет ясно, что родители малолетнего ребенка действовали в качестве законных представителей только в ситуации № 2, так как обязанность наследника выплатить долг наследодателя возлагается на малолетнего, недостающую дееспособность которого восполнили родители именно как его законные представители. В принципе можно утверждать, что в таком же качестве родитель, с которым пришел в магазин ребенок, выступал в сделке по приобретению формы также в качестве его законного представителя. В таком случае, доведя ситуацию до логического конца, придется согласиться с тем, что форма куплена на деньги самого малолетнего. Вряд ли такое решение заслужит одобрения у большинства родителей, так как более социально одобряемым является выполнение родителями своих семейных обязанностей, предусмотренных ст. 60 и 80 СК РФ [7].

Однако заметим, что если бы вместо родителей в данных ситуациях выступали опекуны, включая приемных родителей и патронатных воспитателей, то в обоих случаях они выступали бы исключительно как законные представители малолетнего подопечного и оплачивали бы покупку и долг за счет средств подопечного, поскольку, как следует из смысла ст. 15 ФЗ «Об опеке и попечительстве» от 24 апреля 2008 г. № 48-ФЗ [8], опекуны и попечители не обязаны содержать своих подопечных за счет собственных средств, в отличие от родителей.

Статья 28 ГК РФ содержит перечень имущественных сделок, которые малолетний вправе совершить

самостоятельно. С точки зрения оценки роли законных представителей малолетних в таких сделках можно обойти вниманием вопрос о мелких бытовых сделках, хотя по самому этому понятию в науке ведутся достаточно активные дискуссии. Однако пристального внимания заслуживают две оставшиеся категории сделок, в особенности безвозмездные сделки, совершаемые к выгоде малолетнего. Не исключена возможность использования таких сделок недобросовестными лицами для совращения малолетних либо для шантажа их родителей, для обвинения их во взятке, которая была передана якобы путем вручения их ребенку дорогого подарка и т.п. Возникает вопрос: может ли родитель или иной законный представитель малолетнего оспорить данную сделку по причине несоответствия ее интересам малолетнего, например, в связи с совершением ее с целью, противной основам нравственности и правопорядка? Представляется, что нельзя однозначно ответить на данный вопрос, поскольку закон прямо не предоставил родителям и заменяющим их лицам права признавать недействительными сделки, совершенные малолетними и несовершеннолетними лицами в границах соответственно ст. 26 и 28 ГК РФ. Думается, что это достаточно серьезное упущение со стороны законодателя, могущее привести к весьма неблагоприятным последствиям. Поэтому целесообразно прямо предусмотреть в ст. 26 и 28 соответствующее право для родителей и иных законных представителей несовершеннолетних.

Нет полной ясности также по вопросу о праве малолетнего свободно распоряжаться денежными средствами, предоставленными ему родителями либо с согласия последних – третьими лицами. Если денежная сумма, подаренная ребенку, достаточно большая, он имеет фактическую возможность израсходовать ее лишь на совершение целого ряда мелких бытовых сделок, так как самостоятельно приобрести сколько-нибудь значительную и дорогостоящую вещь он не сможет. Поэтому было бы весьма желательно получить соответствующее разъяснение применения данной нормы от Верховного Суда РФ.

Все сказанное выше об участии в договорных обязательствах как самих малолетних, так и их законных представителей касается также несовершеннолетних лиц в возрасте от 14 до 18 лет. Однако в отношении этих лиц и их законных представителей целесообразно остановиться на некоторых особенностях, характеризующих их правовое положение в договорных обязательствах. Как известно, несовершеннолетний является самостоятельным участником сделки, т.е. стороной в договоре. Предварительное или последующее согласие его законного представителя на совершение сделки направлено исключительно на защиту законных интересов подростка. Ни о какой субсидиарной ответственности законного представителя по таким сделкам речи быть не может. Однако судебная практика по данному вопросу не всегда однозначна. В свое время в п. 28 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 сентября 1994 г. № 7 «О практике рассмотрения судами дел о защите прав потребителей» [9. С. 16] содержалось явно ошибочное разъяснение о том, что законные представители несовершеннолетних, давшие согласие на совершение несовершеннолетними лицами сделок при отсутствии у них достаточных средств, могут нести ответственность за вред, причиненный несовершеннолетним [10. Ст. 1074]. Такая практика не соответствовала закону, так как в подобных случаях возникают не деликтные, а договорные обязательства. В настоящее время устойчивой является практика заключения с законным представителем несовершеннолетнего лица договора поручительства в целях обеспечения исполнения обязательства либо заключения между несовершеннолетним, его законным представителем и контрагентом трехстороннего договора, по которому несовершеннолетний обязуется принять товар, работу или услугу, а законный представитель – выплатить цену товара либо вознаграждение за работу или услугу. Такие договоры в настоящее время довольно широко распространены в сфере оказания образовательных услуг.

Недоразумения могут возникать не только между сторонами по сделкам с участием малолетних, несовершеннолетних и их законных представителей, но и между несовершеннолетним, которому предоставлено право совершать сделки самому от своего имени, хотя и с согласия законного представителя, и его законным представителем, который либо отказывается дать согласие на совершение сделки либо, напротив, совершает сделку от своего имени в интересах несовершеннолетнего, который возражает против ограничения его гражданских прав. Думается, что для разрешения спора по поводу согласия законного представителя на совершения сделки несовершеннолетний может обратиться в органы опеки или в суд, руководствуясь ст. 56 СК РФ, хотя, к сожалению, ни в СК РФ, ни в ГПК РФ нет надлежащего правового механизма, обеспечивающего реализацию права несовершеннолетнего на защиту от злоупотреблений со стороны родителей или заменяющих их лиц. Относительно судьбы сделки, совершенной законным представителем несовершеннолетнего без его согласия, закон, как представляется, дает возможность несовершеннолетнему потребовать признания ее недействительной в судебном порядке как противоречащую требованиям закона. Однако и в данном случае не вполне ясно, кто будет представлять в суде интересы несовершеннолетнего истца? Скорее всего, суд вправе привлекать к участию в таких делах органы опеки и попечительства.

Таким образом, в настоящее время нельзя сказать, что по проблемам соотношения участия в договорных обязательствах самих несовершеннолетних лиц и их законных представителей никаких сложностей не возникает. Нуждается в совершенствовании как законодательная, так и правоприменительная практика.

Что касается ситуации № 3, то в ней родители хотя и выступают в качестве законных представителей ребенка, причинившего сверстнику вред, но, что называется, «по минимуму», поскольку, защищая интересы ребенка, они защищают не в меньшей, если не в большей мере, собственные интересы. Во-первых, в силу недееспособности, а значит, неделиктоспособности ребенка на него не возлагается обязанность по возмещению причиненного вреда, за исключением особого случая, оговоренного законом [10. Ст. 1073].

Она возлагается на его родителей, но не как на законных представителей, а как на лиц, несущих самостоятельную гражданско-правовую деликтную ответственность за вред, причиненный малолетним [10. Ст. 1073]. В данном случае родители, как, впрочем, и усыновители и опекуны, совершили семейное правонарушение, повлекшее совершение их малолетним ребенком неправомерных вредоносных действий. Противоправными действиями родителей и иных воспитателей малолетних являются, в частности, безответственное отношение к его воспитанию, неосуществление за ними должного присмотра, поощрение озорства, попустительство или потворство хулиганских и иных противоправных действий, неправомерному или иному недостойному поведению, отсутствие должного внимания к малолетним и заботы о них (пп. «а» п. 16 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26 января 2010 г. № 1 «О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина») [11].

В подобных случаях, как представляется, суды должны устанавливать «двойной ряд» противоправных действий, результатом которых явился причиненный вред, «двойной ряд» причинных связей и вину родителей, усыновителей или опекунов малолетних, поскольку вина самих малолетних не устанавливается. Противоправные действия лиц, обязанных осуществлять воспитание малолетних и надзор за ними, образует самостоятельное семейное правонарушение, которое находится в причинной связи с противоправными действиями несовершеннолетних, приведшими к вредным последствиям [12. С. 112]. Стоит обратить внимание на то, что в данной ситуации опекуны и попечители полностью уравнены в правах и обязанностях по воспитанию детей с их родителями. Более того, они имеют преимущественное право на совместное проживание с ребенком, в том числе право требовать возврата ребенка от любых лиц, удерживающих его не на основании закона или не на основании судебного решения, в том числе от родителей. Поэтому в случае причинения вреда подопечным другим лицам обязанность по его возмещению возлагается прежде всего, на опекунов (попечителей) ребенка, даже если родители живы и не лишены родительских прав.

Вина родителей и других лиц, обязанных осуществлять надзор за малолетними и их воспитание, предполагается. В п. 11 указанного Постановления Пленума Верховного Суда РФ разъяснено, что истец не обязан доказывать вину ответчика, а лишь факт причинения вреда ответчиком или с его участием. Родители, усыновители или опекуны освобождаются от обязанности по возмещению вреда, если докажут, что вред причинен не по их вине (ст. 1073 ГК РФ, п. 16 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26.01.2010 г. № 1) [10. Ст. 1073], что, безусловно, свидетельствует о том, что речь идет именно об их ответственности за собственные действия, а не только за действия малолетнего причинителя вреда.

Рассмотрим особенности участия в деликтных обязательствах несовершеннолетних лиц в возрасте от 14 до 18 лет [13] и их законных представителей. В соответствии со ст. 1074 ГК РФ эти лица сами возмещают причиненный ими вред, поскольку являются деликтоспособными. В соответствии с ч. 2 данной статьи в случае отсутствия у них достаточного дохода или имущества вред полностью или в недостающей части (субсидиарно) возмещают их родители, усыновители или попечители, если не докажут, что вред возник не по их вине. Обязанность законных представителей несовершеннолетних по возмещению вреда прекращается по достижению причинителями вреда 18 лет или при появлении у них имущества или доходов, достаточных для возмещения вреда. Таким образом, так же, как и в отношении законных представителей малолетних причинителей вреда, их вина в неосуществлении надлежащего надзора за несовершеннолетними и (или) их надлежащего воспитания предполагается. Они освобождаются от субсидиарной ответственности при отсутствии вины либо непосредственного причинителя вреда либо их сам их.

Необходимо отметить, что указанное законодательное решение в отношении ответственности законных представителей несовершеннолетних причинителей вреда уже в течение ряда десятилетий является традиционным; практически не высказывается сомнений в правильности законодательного подхода к решению данного вопроса. В то же время такое решение представляется неоправданным прежде всего с нравственных позиций. Получается, что вина родителей, усыновителей или попечителей несовершеннолетних в создании условий для вредоносного поведения подростков путем их ненадлежащего воспитания остается без должного реагирования со стороны законодателя. Такие родители и заменяющие их лица имеют несомненные преимущества перед аналогичными воспитателями малолетних, хотя их вина может оказаться куда более тяжкой по сравнению с виной законных представителей малолетних, так как в самом опасном возрасте несовершеннолетние остались без должного внимания и заботы, без должного контроля со стороны воспитателей, что и привело к причинению ими вреда.

Более нравственно оправданным было бы применение в данном случае юридической конструкции, содержащейся в ч. 2 ст. 1079 ГК РФ. Безусловно справедливым является разложение ответственности за причиненный вред между непосредственным его причинителем и лицами, создавшими условия для его причинения.

Родители, проживающие отдельно от детей, также несут ответственность за вред, причиненный детьми, в соответствии со ст. 1073 и 1074 ГК РФ. При этом закон исходит из принципа равенства прав и обязанностей родителей по воспитанию детей, что предполагает и равную ответственность за действия ребенка. Однако нередко родитель, проживающий отдельно от ребенка, испытывает существенные затруднения в реализации своего права на общение с ним по вине другого родителя. В связи с этим возникают серьезные сомнения в справедливости возложения на него наравне с родителем, проживающим совместно с ребенком и в полной мере осуществляющим его воспитание, ответственности за вред, причиненный ребен-

ком. Во-первых, как справедливо отмечает А.М. Нечаева, в такой ситуации отдельно проживающий родитель при всем желании не может в полном объеме осуществлять свои родительские права и исполнять обязанности по воспитанию ребенка [14. С. 224–228]. Во-вторых, вред причинен ребенком именно потому, что родитель, проживающий с ним совместно, не осуществлял за ним должного надзора и не исполнял надлежащим образом обязанности по его воспитанию, вследствие чего ребенок получил одностороннее, чаще всего «женское» воспитание. Помимо того, нарушая права не только второго родителя, но и самого ребенка, родитель, проживающий вместе с ребенком, препятствовал общению ребенка с родителем, проживающим отдельно. Поэтому представляется совершенно справедливым разъяснение, данное Пленумом Верховного Суда РФ, согласно которому родитель может быть освобожден от ответственности, если по вине другого родителя он был лишен возможности принимать участие в воспитании ребенка либо в силу объективных причин не мог воспитывать ребенка (например, из-за длительной болезни).

Однако думается, что данное разъяснение по существу представляет собой новую норму, которая должна быть помещена в гл. 59 ГК РФ в виде новой статьи 1075.1. Кроме того, в силу особой важности данного положения для реализации каждым из родителей права на воспитание ребенка и для соблюдения Конвенции «О правах ребенка» целесообразно дополнить ст. 66 СК РФ положением, согласно которому родитель, проживающий отдельно от ребенка, в случае причинения ребенком вреда может быть освобожден от ответственности, если будет установлено, что проживающий вместе с ребенком родитель систематически препятствовал его общению с ребенком и тем самым лишил его возможности участвовать в его воспитании. Это было бы серьезным предупреждением тем родителям, которые злостно не подчиняются ни предписаниям органов опеки, ни решению суда и всячески препятствуют общению с ребенком второго родителя.

Заключение. Итак, выявление в процессе анализа законодательства и правоприменительной практики по проблемам участия несовершеннолетних и их законных представителей в договорных и деликтных обязательствах значительного числа сложных и спорных теоретических и практических вопросов свидетельствует, во-первых, об актуальности данной проблемы, несмотря на многочисленные исследования различных ее аспектов; во-вторых, о наличии острой необходимости и достаточно широких возможностей для дальнейшего совершенствования норм, устанавливающих гражданско-правовое положение несовершеннолетних в РФ, а также их максимально полной реализации в правоприменительной практике.

В рамках сравнительно небольшой статьи невозможно исследовать данную проблему более детально. В частности, за пределами исследования остались вопросы, касающиеся участия в договорных и деликтных обязательствах на стороне несовершеннолетних организаций, в которые они помещены под надзор и на воспитание, а также проблемы деликтной ответственности лиц, лишенных родительских прав, отстраненных от опеки или попечительства и бывших усыновителей. Это обстоятельство позволяет судить не только и не столько о недостатках проведенного исследования, сколько о его перспективности, возможностях и необходимости дальнейшей разработки данной проблемы в науке гражданского и семейного права.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года // Российская газета. 1993. 25 дек. № 243.
2. Конвенция о правах ребенка. Одобрена Генеральной ассамблеей ООН 20 ноября 1989 г. Вступила в силу для СССР 15 ноября 1990 г. // Сборник международных договоров СССР. М., 1993. Вып. V.
3. Национальная стратегия действий в интересах детей на 2012–2017 годы. Утверждена Указом Президента РФ от 1 июня 2012 года № 761 // Собрание законодательства РФ. 4 июня 2012 г. № 23. Ст. 2994.
4. Концепция государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года. Утверждена Распоряжением Правительства РФ от 25 августа 2014 года № 1618-Р // Собрание законодательства РФ. 29 августа 2014 г. № 35. Ст. 3811.
5. Гражданский кодекс Российской Федерации. Ч. I. От 30 ноября 1994 года № 51-ФЗ (в ред. от 29 июля 2017 года) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 51. Ст. 3301.
6. Хватова М.А. Гражданская правосубъектность физических лиц в Российской Федерации (проблемы теории и практики). М. : Юстицинформ, 2015. 339 с.
7. Семейный кодекс Российской Федерации. От 29 декабря 1995 года № 223-ФЗ (в ред. от 29 июля 2017 года) // Собрание законодательства РФ. 1 января 1996. № 1. Ст. 16.
8. Федеральный закон «Об опеке и попечительстве» от 24 апреля 2008 года № 48-ФЗ (в ред. от 29 июля 2017 года) // Собрание законодательства РФ за 28 апреля 2008 г. № 17. Ст. 1755.
9. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 сентября 1994 года № 7 «О практике рассмотрения судами дел о защите прав потребителей» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1994. № 11.
10. Гражданский кодекс Российской Федерации. Ч. 2. От 26 января 1996 года № 14-ФЗ (в ред. от 28 марта 2017 года) // Собрание законодательства РФ. 29 января 1996 г. № 5. Ст. 410.
11. Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26 января 2010 года № 1 «О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина» // Российская газета. 2010. 5 февр. № 24.
12. Рабец А.М. Обязательство по возмещению вреда, причиненного жизни и здоровью. М. : Федеральный фонд обязательного медицинского страхования, 1998. 309 с.
13. Прозументов Л.М., Сутурин М.А. Лишение свободы в отношении несовершеннолетних в ракурсе реализации концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2014. № 4 (30). С. 22–30.
14. Комментарий к Семейному кодексу Российской Федерации / отв. ред. А.М. Нечаева. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Изд-во Юрайт, 2010. 712 с.

Статья представлена научной редакцией «Право» 1 ноября 2017 г.

THE CORRELATION OF THE CIVIL STATUS OF MINORS AND OF THEIR LEGAL REPRESENTATIVES IN CONTRACTUAL AND TORT OBLIGATIONS (PROBLEMS OF THEORY AND PRACTICE)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 424, 241–246.
DOI: 10.17223/15617793/424/34

Anna M. Rabets, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: rabecjur@mail.ru

Keywords: minors; juveniles; legal representatives; duties; transactions; harm; supervision; parenting; responsibility.

The article is devoted to the topical problems of correlation of contractual and tort liability of minors, their legal representatives. The aim of the study is to identify gaps and contradictions in the legislation, sustainable trends in the law enforcement practice on the problems of the responsibility of minors and their legal representatives and to develop practical recommendations for improving the current legislation taking into account the stable trends in judicial practice. In the study methods of system and comparative legal analysis have been used; laws and by-laws of civil and family legislation have been compared. The article justifies the thesis that in contractual obligations parents, adoptive parents, guardians and trustees of minors perform the role of their legal representatives only when transactions are made at the expense of the property of minors, since only in these cases they compensate for the lack of legal capacity of the participants in the transaction. In other cases, they fulfill parental responsibilities for bringing up underage children. In tort obligations, the property liability of legal representatives of minors is due to the fact that, in fact and legally, adults are responsible for the proper upbringing of minors and supervision over them. Therefore, legal representatives are responsible for the harm inflicted by minors exclusively with their own property, even if minor harm-doers have the necessary funds. The subsidiary liability of legal representatives for harm caused by minors aged 14 to 18 follows the same logic. A judgment is made about the moral wrong of subsidiary liability of legal representatives. In the author's opinion, this liability must be shared, since if a juvenile has sufficient means to compensate for harm, parents and persons substituting them, guilty of improper supervision and upbringing of minors and creating conditions for their harmful behavior, are completely exempt from liability. The author proposes to fix in law a provision, developed by judicial practice, that provides for the possibility to release a separately living parent from compensating for harm caused by a minor or juvenile child, if the parent's inability to participate in upbringing is caused by the actions of the other parent or by other valid reasons. The explanation of the Supreme Court of the Russian Federation on this issue is essentially a new norm. The author comes to a conclusion about the need to improve civil legislation regulating the participation of legal representatives of minors in both contractual and tort obligations.

REFERENCES

1. Rossiyskaya gazeta. (1993) Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii. Prinyata vsenarodnym golosovaniem 12 dekabrya 1993 goda [The Constitution of the Russian Federation. Adopted by popular vote on December 12, 1993]. *Rossiyskaya gazeta*. 25 Dec. 243.
2. USSR. (1993) Konventsiya o pravakh rebenka. Odobrena General'noy assambleey OON 20 noyabrya 1989 g. Vstupila v silu dlya SSSR 15 noyabrya 1990 g. [Convention on the Rights of the Child. Approved by the UN General Assembly on November 20, 1989. Entered into force for the USSR on November 15, 1990]. *Sbornik mezhdunarodnykh dogovorov SSSR*. V.
3. Russian Federation. (2012) Natsional'naya strategiya deystviy v interesakh detey na 2012–2017 gody. Utverzhdena Ukazom Prezidenta RF ot 1 iyunya 2012 goda № 761 [National strategy for children for 2012–2017. Approved by Presidential Decree of June 1, 2012 no. 761]. *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 4 July. 23. Art. 2994.
4. Russian Federation. (2014) Kontseptsiya gosudarstvennoy semeynoy politiki v Rossiyskoy Federatsii na period do 2025 goda. Utverzhdena Rasporyazheniem Pravitel'stva RF ot 25 avgusta 2014 goda № 1618-R [The concept of state family policy in the Russian Federation for the period until 2025. Approved by the Order of the Government of the Russian Federation of August 25, 2014 No. 1618-P]. *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 29 August. 35. Art. 3811.
5. Russian Federation. (1994) Grazhdanskiy kodeks Rossiyskoy Federatsii. Ch. I. Ot 30 noyabrya 1994 goda № 51-FZ (v red. ot 29 iyulya 2017 goda) [The Civil Code of the Russian Federation. Part I. Of November 30, 1994, No. 51-FZ (as amended on July 29, 2017)]. *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 51. Art. 3301.
6. Khvatova, M.A. (2015) *Grazhdanskaya pravosub"ektnost' fizicheskikh lits v Rossiyskoy Federatsii (problemy teorii i praktiki)* [Civil legal personality of individuals in the Russian Federation (problems of theory and practice)]. Moscow: Yustitsinform.
7. Russian Federation. (1996) Semeynyy kodeks Rossiyskoy Federatsii. Ot 29 dekabrya 1995 goda № 223-FZ (v red. ot 29 iyulya 2017 goda) [The Family Code of the Russian Federation. Of December 29, 1995, No. 223-FZ (as amended on July 29, 2017)]. *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 01 January. 1. Art. 16.
8. Russian Federation. (2008) Federal'nyy zakon "Ob opeke i popechitel'stve" ot 24 aprelya 2008 goda № 48-FZ (v red. ot 29 iyulya 2017 goda) [Federal Law "On Guardianship and Custody" of April 24, 2008, No. 48-FZ (as amended on July 29, 2017)]. *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 28 April. 17. Art. 1755.
9. Supreme Court of the Russian Federation. (1994) Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 29 sentyabrya 1994 goda № 7 "O praktike rassmotreniya sudami del o zashchite prav potrebiteley" [Decree of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of September 29, 1994 No. 7 "On the practice of consideration by courts of cases on protection of consumers' rights"]. *Byulleten' Verkhovnogo Suda RF*. 11.
10. Russian Federation. (1996) Grazhdanskiy kodeks Rossiyskoy Federatsii. Ch. 2. Ot 26 yanvarya 1996 goda № 14-FZ (v red. ot 28 marta 2017 goda) [The Civil Code of the Russian Federation. Part 2. Of January 26, 1996, No. 14-FZ (as amended on March 28, 2017)]. *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 29 January. 5. Art. 410.
11. Rossiyskaya gazeta. (2010) Postanovleniya Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 26 yanvarya 2010 goda № 1 "O primenenii sudami grazhdanskogo zakonodatel'stva, reguliruyushchego otnosheniya po obyazatel'stvam vsledstvie prichineniya vreda zhizni ili zdorov'yu grazhdanina" [Decisions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of January 26, 2010, No. 1 "On the application by courts of civil legislation regulating relations for obligations as a result of causing harm to the life or health of a citizen"]. *Rossiyskaya gazeta*. 5 Feb. 24.
12. Rabets, A.M. (1998) *Obyazatel'stvo po vozmeshcheniyu vreda, prichinennogo zhizni i zdorov'yu* [Obligation to compensate for harm caused to life and health]. Moscow: Federal'nyy fond obyazatel'nogo meditsinskogo strakhovaniya.
13. Prozumentov, L.M. & Suturin, M.A. (2014) Freedom deprivation of juvenile delinquent according to the realization of the conception of the penal system in the Russian Federation up to 2020. *Kriminologicheskiy zhurnal Baykal'skogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava*. 4 (30). pp. 22–30. (In Russian).
14. Nechaeva, A.M. (ed.) (2010) *Kommentariy k Semeynomu kodeksu Rossiyskoy Federatsii* [Commentary on the Family Code of the Russian Federation]. 3rd ed. Moscow: Izd-vo Yurayt.

Received: 01 November 2017

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АНДРЕЕВА Ольга Ивановна – д-р юрид. наук, зав. кафедрой уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Томского государственного университета. E-mail: univer_tgu@rambler.ru

АНТОНОВ Александр Евгеньевич – аспирант кафедры всеобщей истории и социально-политических наук Кемеровского государственного университета. E-mail: derchef.kem@mail.ru

АХМЕДШИН Рамиль Линарович – д-р юрид. наук, профессор кафедры криминалистики Томского государственного университета. E-mail: raist@sibmail.com

АХМЕДШИНА Наталия Владимировна – канд. юрид. наук, доцент кафедры криминалистики Томского государственного университета. E-mail: raist@sibmail.com

БАРАНОВ Александр Михайлович – д-р юрид. наук, профессор кафедры уголовного процесса Омской академии МВД Российской Федерации. E-mail: baranowam@list.ru

БЕЛОГЛАЗОВА Светлана Борисовна – канд. ист. наук, ст. науч. сотр. отдела истории Дальнего Востока России Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук (г. Владивосток). E-mail: Beloglazov1@yandex.ru

БРЕДИХИНА Юлия Петровна – канд. мед. наук, доцент кафедры физической культуры Томского политехнического университета. E-mail: U2000@ya.ru

ГАЛКОВСКАЯ Наталья Георгиевна – канд. юрид. наук, доцент кафедры гражданского процесса Томского государственного университета. E-mail: ni13012003@mail.ru

ГАТАУЛЛИНА Камила Наилевна – преподаватель кафедры филологии Набережночелнинского института Казанского (Приволжского) федерального университета. E-mail: camilagataullina@gmail.com

ГОРБУНОВ Вадим Владимирович – д-р ист. наук, профессор кафедры археологии, этнографии и музеологии Алтайского государственного университета (г. Барнаул). E-mail: gorbunov@hist.asu.ru

ГРИБОВСКИЙ Михаил Викторович – канд. ист. наук, доцент кафедры современной отечественной истории Томского государственного университета. E-mail: mgrib@mail2000.ru

ГРИГОРЬЕВ Виктор Николаевич – д-р юрид. наук, профессор кафедры противодействия незаконному обороту наркотиков Всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации (г. Домодедово); вед. науч. сотр. Научно-исследовательского института Федеральной службы исполнения наказаний России (г. Москва). E-mail: grigorev.viktor@gmail.com

ГРУДЕВА Елена Валерьевна – д-р филол. наук, профессор кафедры отечественной филологии и прикладных коммуникаций Череповецкого государственного университета. E-mail: egrudeva@gmail.com

ДМИТРИЕВ Станислав Владимирович – д-р пед. наук, профессор кафедры теоретических основ физической культуры Нижегородского государственного педагогического университета им. К. Минина. E-mail: alexandra.zagrevskaya@yandex.ru

ЗАГРЕВСКАЯ Александра Ивановна – д-р пед. наук, зав. кафедрой гимнастики и спортивных игр Томского государственного университета. E-mail: alexandra.zagrevskaya@yandex.ru

ЗАЙЦЕВ Олег Александрович – д-р юрид. наук, гл. науч. сотр. отдела проблем уголовного судопроизводства Российского государственного университета правосудия (г. Москва). E-mail: oleg@mael.ru

ЗАЦЕПИНА Олеся Евгеньевна – соискатель кафедры теории и истории государства и права Алтайского государственного университета (г. Барнаул). E-mail: zatsepina.olesya@yandex.ru

КВАНИНА Валентина Вячеславовна – д-р юрид. наук, ст. науч. сотр. лаборатории социально-правовых исследований Томского государственного университета; зав. кафедрой предпринимательского, конкурентного и экологического права Южно-Уральского государственного университета (г. Челябинск). E-mail: vv.kvanina@mail.ru

КОНСТАНТИНОВА Анна Александровна – д-р филол. наук, профессор кафедры иностранных языков № 2 Кубанского государственного технологического университета (г. Краснодар). E-mail: constanna@mail.ru

КОМЛЕВА Евгения Владиславовна – канд. ист. наук, ст. науч. сотр. сектора истории второй половины XVI – начала XX в. Института истории Сибирского отделения Российской академии наук (г. Новосибирск). E-mail: feodal@history.nsc.ru

КУЛЕМЗИН Владислав Михайлович – д-р ист. наук, профессор кафедры археологии и исторического краеведения Томского государственного университета. E-mail: kholush45@gmail.com

МАЛИНОВСКИЙ Вадим Владимирович – соискатель кафедры востоковедения Алтайского государственного университета (г. Барнаул). E-mail: kielanovski@gmail.com

МАЦИЕВСКИЙ Герман Олегович – д-р ист. наук, доцент кафедры истории, культурологи и музееведения. Краснодарский государственный институт культуры. E-mail: matsievski2004@mail.ru

МЕДВЕДЕВА Елена Николаевна – аспирант кафедры физической культуры Томского политехнического университета. E-mail: medved@yandex.ru

МИКЛАШЕВСКИЙ Алексей Алексеевич – науч. сотр. лаборатории когнитивных исследований языка Томского государственного университета; науч. сотр. Потсдамской группы исследований воплощенного познания Потсдамского университета (Германия). E-mail: armanster31@gmail.com

МОРЕВ Владимир Алексеевич – канд. ист. наук, доцент кафедры истории и документоведения Томского государственного университета. E-mail: morevv@sibmail.com

НЕУПОКОЕВ Сергей Николаевич – ст. преподаватель кафедры физического воспитания Томского государственного университета. E-mail: repaov@mail.ru

НИКИТАШИНА Светлана Олеговна – директор библиотеки Санкт-Петербургского горного университета E-mail: svnikita65@mail.ru

НИКИТИНА Наталья Александровна – канд. филол. наук, ст. преподаватель департамента иностранных языков Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (г. Санкт-Петербург). E-mail: gromovanat@list.ru

НОВИЧКОВ Василий Сергеевич – аспирант кафедры востоковедения Томского государственного университета. E-mail: ritter_lohengrin@mail.ru

РАБЕЦ Анна Максимовна – д-р юрид. наук, ст. науч. сотр. лаборатории социально-правовых исследований Томского государственного университета. E-mail: rabecjur@mail.ru

РАДАЕВА Светлана Викторовна – канд. пед. наук, доцент кафедры физического воспитания Томского государственного университета. E-mail:svetlanaradaeva70@mail.ru

СЕРАЗЕТДИНОВ Борис Уразбекович – канд. ист. наук, вед. науч. сотр. Центра военной истории России Института российской истории Российской академии наук (г. Москва). E-mail: sbu54@bk.ru

СЕРЕГИН Николай Николаевич – канд. ист. наук, вед. науч. сотр. лаборатории междисциплинарного изучения археологии Западной Сибири и Алтая Алтайского государственного университета (г. Барнаул). E-mail: nikolay-seregin@mail.asu.ru

СОКОЛОВ Николай Николаевич – канд. ист. наук, доцент кафедры новой и новейшей истории и международных отношений Томского государственного университета. E-mail: sokolov.nsokolov@yandex.ru

СОЛОВЬЕВА Светлана Александровна – канд. филол. наук, доцент кафедры связей с общественностью, журналистики и рекламы Череповецкого государственного университета. E-mail: ssa_doc@mail.ru

СТЕПНОВ Алексей Олегович – лаборант лаборатории социально-антропологических исследований Томского государственного университета. E-mail: ASAOM@yandex.ru

СУМЦОВА Ольга Витальевна – ст. преподаватель кафедры иностранных языков Томского политехнического университета; аспирант кафедры общего литературоведения, издательского дела и редактирования Томского государственного университета. E-mail: olgasumtsova0205@mail.ru

ТИШКИН Алексей Алексеевич – д-р ист. наук, зав. кафедрой археологии, этнографии и музеологии Алтайского государственного университета (г. Барнаул). E-mail: tishkin210@mail.ru

ТУЛЯКОВА Наталья Александровна – канд. филол. наук, доцент департамента иностранных языков Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (г. Санкт-Петербург). E-mail: n_tuljakova@mail.ru

ФЕДОРОВ Алексей Николаевич – канд. ист. наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Челябинского государственного университета. E-mail: alex_boss@list.ru

ФЕДЯЕВА Влада Олеговна – магистрант кафедры всеобщей истории Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского. E-mail: lada2504@ gmail.com

ФОМИНЫХ Сергей Фёдорович – д-р ист. наук, зав. кафедрой современной отечественной истории Томского государственного университета. E-mail: sergei.fominyh1940@mail.ru

ХАРУСЬ Ольга Анатольевна – д-р ист. наук, профессор кафедры истории и документоведения Томского государственного университета. E-mail: kharus-olga@sibmail.com

ХОЛЮШКИН Юрий Павлович – д-р ист. наук, гл. науч. сотр. лаборатории электронных ресурсов Государственной публичной научно-технической библиотеки Сибирского отделения Российской академии наук (г. Новосибирск). E-mail: kholush45@gmail.com

ШЕБАЛКИНА Ирина Сергеевна – ст. преподаватель кафедры европейских языков Томского государственного университета. E-mail: she_ir@mail.ru

ЩЕТИНИНА Анна Сергеевна – канд. ист. наук, доцент кафедры документоведения, архивоведения и исторической информатики Алтайского государственного университета (г. Барнаул). E-mail: anyash83@mail.ru

ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Мультидисциплинарный научный журнал

2017. № 424. Ноябрь

Председатель научно-редакционного совета Э.В. Галажинский
Главный редактор В.П. Зиновьев
Ответственный секретарь Д.А. Катунин

Адрес издателя и редакции
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет. Журнал «Вестник ТГУ».
E-mail: vestnik@mail.tsu.ru

Подписано к печати 20 ноября 2017 г. Формат 60×84 $^{1}/_{8}$. Бумага белая писчая.
Гарнитура Times New Roman. Цифровая печать. Усл. печ. л. 29. Тираж 60 экз.
Заказ № 2885. Цена свободная.

Дата выхода в свет 4 декабря 2017 г.

Редакторы: Ю.П. Готфрид, К.В. Полькина
Корректор – Н.А. Афанасьева
Оригинал-макет А.И. Лелоюр
Дизайн обложки Л.Д. Кривцовой
Редактор-переводчик – В.В. Кашпур

Журнал отпечатан на полиграфическом оборудовании
Издательского Дома Томского государственного университета
634050, г. Томск, Ленина, 36
Телефон 8+(382-2)–52-98-49

Журнал «Вестник Томского государственного университета» является мультидисциплинарным периодическим изданием. **Учредитель – Томский государственный университет.** «Вестник Томского государственного университета» выходит ежемесячно, его подписной индекс 46740 в объединённом каталоге «Пресса России».

Полнотекстовые версии вышедших номеров выкладываются на сайте журнала: http://www.journals.tsu.ru/vestnik. Ознакомиться с вышедшими номерами и требованиями к оформлению материалов можно на сайте журнала.

Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательному рецензированию. Публикации в журнале (в том числе и авторов-аспирантов) осуществляются на некоммерческой основе.

Tomsk State University Journal is a multidisciplinary peer-reviewed research journal that welcomes submissions from across the world. Founder – Tomsk State University. Tomsk State University Journal is issued monthly, and can be subscribed to in the Russian Press Joint Catalogue (Subscription Index 46740).

Full-text versions of the issues are available on the website of the Journal: http://www.journals.tsu.ru/vestnik

The Journal does not charge paper submission, processing or publication fee from authors or authors' institutions.

The instruction for authors on paper submission is on the website of the Journal: http://www.journals.tsu.ru/vestnik

Издательство: Издательский Дом Томского государственного университета.
Адрес: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36.
Телефоны: 8(382-2)–52-98-49; 8(382-2)–53-15-28; 8(382-2)–52-96-75
Сайт: http://publish.tsu.ru
E-mail: rio.tsu@mail.ru

Publisher: Publishing House of Tomsk State University.
36 Lenin Avenue, Tomsk, Russia, 634050
Tel: 8(382-2)–52-98-49; 8(382-2)–53-15-28; 8(382-2)–52-96-75
Site: http://publish.tsu.ru
E-mail: rio.tsu@mail.ru